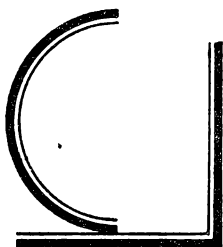

И. В. ГЕТЕ
Ф. ШИЛЛЕР

ПЕРЕПИСКА

ИСТОРИЯ
ЭСТЕТИКИ
В ПАМЯТНИКАХ
И ДОКУМЕНТАХ

И.-В. ГЕТЕ
Ф. ШИЛЛЕР

ПЕРЕПИСКА

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ II

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1988

Редакционная
коллегия

Председатель

М. Ф. Овсянников

А. А. Аникст

К. М. Долгов

А. Я. Зись

А. Ф. Лосев

А. В. Новиков

Г. М. Фридлендер

В. П. Шестаков

Перевод с немецкого
и комментарий
И. Е. Бабанова
Рецензент —
П. М. Карп

СОДЕРЖАНИЕ

1798 ГОД	6
1799 ГОД	184
1800 ГОД	282
1801 ГОД	332
1802 ГОД	362
1803 ГОД	406
1804 ГОД	439
1805 ГОД	460
КОММЕНТАРИЙ	476
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	562

399. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 января 1798 года

Добрѣм предзнаменованіем для меня должно оказаться то, что именно Вам я пишу, ставя впервые новую дату. Да будет счастье столь же благосклонно к Вам в этом году, как в двух предшествующих, — ничего лучшего пожелать Вам не могу. Хотел бы, чтобы и мне в этом году была дарована радость выразить в одном произведении то лучшее, что есть во *мне*: так, как это сумели сделать Вы.

Присущая Вам способность переходить от рефлексии к созиданию поистине достойна зависти и восхищения. Эти процессы у Вас полностью разграничены и именно поэтому протекают с такой ясностью. В самом деле, когда Вы работаете, Вы окружены мраком и свет сияет лишь в Вас самих; когда же Вы начинаете размышлять, этот внутренний свет выступает наружу и озаряет предметы как для Вас, так и для других. У меня же процессы эти смешиваются, что отнюдь не идет на пользу дела.

Недавно я прочитал в «Нюрнбергской газете» рецензию на «Германа и Доротею»¹, которая снова укрепила меня в убеждении, что немцам доступно только всеобщее, рациональное и нравственное. Отзыв исполнен благожелательности, однако в нем нет ровно ничего, что свидетельствовало бы о чувстве поэтического или обнаруживало бы взгляд на поэтическую композицию целого. Этот славный малый касается лишь отдельных мест, и преимущественно таких, которые ведут ко всеобщему и вширь и непосредственно наталкивают на те или иные выводы.

Быть может, Вам доводилось видеть удивительную книгу Ретифа «Coeur humain dévoilé» или слышать о ней²?

Я сейчас прочитал ее, поскольку она оказалась под рукой, и, хотя в ней многое отвратительно, пошло и возмутительно, получил изрядное удовольствие. Ибо мне еще не приходилось встречать натуры с такой бурной чувственностью, а многообразии персонажей, в особенности женских, с которыми нас сталкивают здесь, живость и естественность описаний, характеристика нравов и изображение французского характера в определенном классе народа не могут не вызвать интереса. Для меня, имеющего так мало возможностей черпать из внешнего мира и изучать людей в жизни, такая книга, к одной категории с которой я отношу и «Челлини», имеет необыкновенную ценность.

На этих днях я к великому своему удовольствию прочитал в листке объявлений «Литературной газеты» заявление младшего Шлегеля о том, что отныне он не хочет иметь ничего общего с издателем «Лицея»³. Вот так и сбылось наше предсказание, что этот союз долго не продержится!

Будьте здоровы, на сегодня прощаюсь с Вами. Завтра я жду лишь точного известия о времени Вашего приезда к нам. Моя жена шлет Вам сердечный поклон. Надеюсь все же, что Мейер проведет у нас хотя бы один день.

III.

400. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Меня также чрезвычайно воодушевляет то, что в новом году мы будем так близко друг от друга; я бы хотел только, чтобы мы поскорее увиделись и провели некоторое время в тесном общении. Надеюсь сообщить и доверить Вам многие вещи с тем, чтобы определенная эпоха моих размышлений и работ побыстрее достигла зрелости.

Меня очень радует возможность увидеть при этом что-либо из Вашего «Валленштейна», ибо это даст мне еще новую возможность соучастия в Вашем бытии. Я ничего бы так не хотел, как того, чтобы Вы смогли завершить его в этом году.

Я надеялся приехать к Вам уже в ближайшее воскресенье¹, но тут, по-видимому, возникнет новое препятствие; в субботу я смогу сказать Вам об этом поточнее. Тогда же Вы получите и копию одного старого диалога² между китайским ученым и иезуитом, причем первый вы-

казывает себя созидающим идеалистом, а второй — совершеннейшим рейнхольдианцем. Эта находка несказанно позабавила меня и позволила мне составить ясное представление о проницательности китайцев.

Книги Ретифа я еще не видел; постараюсь раздобыть ее³.

Поскольку у нас, поэтов, принято, как у фокусников, препятствовать тому, чтобы кто-нибудь подсмотрел, каким образом делается тот или иной трюк, то мы, естественно, можем рассчитывать на выигрыш в своей игре в той же мере, что и всякий другой, кого публика почитает до тех пор, пока он плывет в общем потоке и может поэтому надеяться на удачу. В «Германе и Доротее» я наконец-то угодил вкусам немцев в том, что касается материала, так что теперь они удовлетворены в высшей степени. Я размышляю теперь, нельзя ли таким же точно образом написать какое-нибудь драматическое произведение? Произведение, которое игралось бы на всех сценах и которое каждый находил бы превосходным, а сам автор мог бы не стыдиться его?

Это и многое другое следует, впрочем, отложить до нашего свидания. Как сильно я желал бы, чтобы в эти дни Вы находились у нас и могли наблюдать одно из величайших уродств органической природы, слона, и самый пленительный из образов искусства, флорентийскую мадонну Рафаэля: наблюдать в одни и те же часы и как бы в непосредственной близости⁴.

«Идеи к философии природы» Шеллинга⁵ я захвачу с собой; они дадут нам повод ко многим беседам.

Будьте здоровы и передайте мой сердечный поклон Вашей милой жене.

Фридрих Шлегель, воспользовавшись нехваткой рукописей и не уведомив Рейхардта, поместил в одном из номеров «Лицея» (журнал печатается в Берлине, где он теперь обитает) безумную статью⁶, в которой содержатся нападки и на Фосса; из-за нее-то и рассорились теперь эти благородные друзья.

Г.

Веймар, 3 января 1798 года.

401. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 января 1798 года

Мои домохозяева никак не могут нахвалиться дружеским приемом, который Вы им оказали¹, и прекрас-

ными вещами, которые при этом были им показаны. В самом деле, меня просто изумляет то воодушевление, с которым старик говорит об этих произведениях искусства, так что художник имеет все основания радоваться, видя воздействие своих работ на натуру подобного рода.

Меня очень огорчает, что Вашему приезду сюда препятствует столько помех, предвидеть которые я мог по одному из Ваших прежних писем, написанному еще до Рождества. Тем временем я еще немного продвинулся в работе и уже смогу показать Вам вчетверо больше того, что содержится в прологе², хотя третий акт даже не начат.

Теперь, когда моя работа, начисто переписанная чужой рукой, находится у меня перед глазами и кажется мне чужой, она и в самом деле доставляет мне радость. Я вижу воочию, насколько мне удалось здесь превзойти самого себя, и это — плод наших отношений. Ибо только частое и непрерывное общение со столь объективно противоположной мне натурой, мое горячее стремление к этому и наши общие усилия, сосредоточенные на созерцании и осмыслении, могли позволить мне так широко раздвинуть мои субъективные границы. Я нахожу, что та ясность и рассудительность, которые принесла с собой поздняя эпоха, нисколько не умалили пыла, присущего эпохе предшествующей. Но, впрочем, уместнее было бы, чтобы я слышал это из Ваших уст, нежели сообщал это Вам.

Должен сказать, что мне не следует избирать никаких других сюжетов, кроме исторических: свободный вымысел таит немало подводных камней для меня. Идеальное воплощение реального — совсем иная операция, нежели реальное воплощение идеального, а ведь последнее и представляет собой подлинный случай игры свободного воображения. Я в состоянии одухотворить, согреть и как бы насытить животворными соками некую данную, определенную и ограниченную, материю, между тем как объективная определенность подобного сюжета сковывает мою фантазию и оказывает сопротивление моей воле.

Я хотел бы когда-нибудь, если мне удастся с помощью нескольких пьес снискать подлинную благосклонность нашей публики, совершить одно поистине злодейское дело, осуществив старую мою идею относительно

Юлиана Отступника³. Здесь также речь идет о совершенно особом и определенном историческом мире, где мне не так-то легко будет напасть на поэтическую жилу; однако та устрашающая привлекательность, которая присуща сюжету, должна тем более усилить действенность поэтического воплощения. Если в веймарской библиотеке окажется «Misorogon» Юлиана⁴ или его письма (разумеется, в переводе), то Вы доставите мне большую радость, если привезете книгу с собой.

Шарлотте Кальб, как я слышал, действительно грозит опасность ослепнуть⁵; мне было бы очень ее жаль.

Будьте здоровы. Я прилагаю к сему те строки Кёрнера, которые посвящены Вашему «Павсию»⁶. Будьте так любезны вернуть мне письмо Гумбольдта⁷, которому я собираюсь ответить в понедельник.

Ш.

402. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поздравляю Вас с тем, что Вы испытываете удовлетворенность готовой частью Вашей работы. Ясность, с которой Вы рассматриваете требования, предъявляемые к самому себе, не оставляет у меня сомнений в полной справедливости Ваших слов. Счастливое совпадение наших натур уже во многом сказалось благотворно на нас обоих, и я надеюсь, что эта взаимосвязь будет и впредь оказывать то же действие. Если я служил для Вас представителем многих объектов, то Вы возвратили меня к самому себе от слишком пристального созерцания внешних явлений и их взаимоотношений. Вы научили меня быть более справедливым к противоречиям внутреннего мира; Вы даровали мне вторую молодость и снова сделали меня поэтом, которым я, в сущности, почти перестал быть.

Как ни странно, я все еще ощущаю последствия моего путешествия. Материал, собранный при этом, я ни для чего не могу использовать, да и вообще мне никак не удастся обрести настроение, которое позволило бы делать что-либо. Припоминаю, что и в прошлом со мною бывало подобное, и мне хорошо известно по многим случаям и обстоятельствам, что испытанные мною впечатления должны очень долго созреть в тиши, прежде чем они будут готовы для поэтического применения.

Так что я ещё и поэтому дал себе полную передышку и только жду, что принесет мне мое первое посещение Иены.

Кёрнерово восприятие «Павсия» весьма примечательно. Необходимо только как можно лучше и разнообразнее выполнять свои работы, чтобы каждый находил в них что-нибудь для себя и принимал в них участие на свой лад. Замечание Кёрнера справедливо до некоторой степени; группа в стихотворении так отчетлива, словно бы она написана живописцем, но только оживлена чувством и воспоминанием, благодаря чему соревнование поэта с живописцем еще сильнее бросается в глаза.

Впрочем, на примере стихотворений последнего «Альманаха Муз» я снова увидел со всей ясностью, что даже самое ценное участие ничему не может научить нас, а любое порицание ни в чем не может помочь нам. Покуда произведения искусства нет и в помине, никто не имеет понятия о возможности его создания; когда же оно появляется, хвала и хула неизменно оказываются всего лишь субъективными высказываниями, и даже тот, кому нельзя отказать во вкусе, предлагает лишь добавить или выбросить что-либо, от чего, быть может, разрушилась бы вся работа, так что собственно негативная ценность критики, которая и является во всех случаях наиболее существенной ее стороной, никогда не идет нам на пользу.

По очень многим соображениям я желаю, чтобы Ваш «Валленштейн» был закончен поскорее. И давайте же еще раз хорошенько обдумаем все драматургические требования как во время работы, так и по ее завершении! Если в будущем Вы [сможете со всей осторожностью приступить к выбору сюжета и] ¹ досконально уясните себе все в отношении плана и композиции, то неплохо было бы, если бы Вы, с Вашим изощренным талантом и внутренним богатством, стали бы писать по нескольку пьес ежегодно. Ибо, как мне кажется, для драматического поэта совершенно необходимо, чтобы он выступал как можно чаще, вновь и вновь освежая впечатление, производимое им, и, коль скоро у него есть талант, продолжал развивать его.

Наша бедная приятельница Кальб и в самом деле тяжело больна. Зрение ее значительно ослабло, и может случиться так, что она действительно полностью утратит его.

Об Юлиане я буду помнить.

Посылаю Вам при сем обещанный философский диалог². Китаец понравился бы мне еще больше, если бы он схватил жаровню и протянул ее своему оппоненту со словами: «Да, я ее *изобрел* — пользуйся ж ею, дружок!»³ Хотел бы я знать, что ответил бы на это иезуит.

По поводу книги Шеллинга у меня снова возникли некоторые мысли, о которых нам следует поговорить более обстоятельно. Я охотно допускаю, что речь должна идти не о природе как таковой, познаваемой нами, но лишь о том, как она воспринимается нами в соответствии с известными формами и способностями нашего духа. От вожделения ребенка, тянущегося к яблоку на дереве, и до падения этого яблока, пробудившего у Ньютона идею его теории, можно, разумеется, насчитать множество последовательных ступеней созерцания, и было бы весьма желательно, чтобы нам когда-нибудь совершенно отчетливо показали все эти ступени, а вместе с тем и растолковали, что здесь следует считать наивысшим пределом. Разумеется, трансцендентальный идеалист уверен в том, что именно он стоит на самом верху; однако мне не нравится в нем одна черта: он отвергает все другие способы представления, хотя, по сути дела, ни один из способов представления отвергать нельзя. Кто возьмется разубедить некоторых людей в целесообразности творений органической природы по отношению к внешнему миру, если непосредственный опыт ежедневно подтверждает, казалось бы, этот тезис, причем отделаться от объяснения этого сложнейшего феномена при помощи некоего мнимого объяснения не так-то легко. Вы знаете, как сильно я привержен понятию целесообразности творений органической природы по отношению к внутреннему миру, и все же нельзя отрицать и известной *обусловленности извне и отношения к внешнему миру*, из-за чего мы снова в той или иной степени приближаемся к первому способу представления, тем более что не сможем обойтись без него при словесном изложении. Равным образом, как бы ни оборонялся идеалист от *вещей в себе*, он и опомниться не успеет, как наткнется, однако, на *вещи вне его*, и, мне кажется, при первой же встрече они станут ему поперек дороги, как китайцу — жаровня. Мне всегда казалось, что если одна из тяжущихся сторон никогда не сможет добраться до духа извне, а другая едва ли до-

стигнет тела изнутри, то лучше всего оставаться в естественном философском состоянии (Шеллинговы «Идеи», стр. 16) ⁴ и наилучшим образом пользоваться своим нераздельным бытием до тех пор, пока философы наконец не договорятся о том, как можно было бы воссоединить то, что они когда-то разъединили.

Я снова подошел к некоторым пунктам, уяснить которые мне необходимо для будущих работ, и поэтому буду просить Вас изложить свое мнение о них при встрече. Будьте здоровы. Я предпочел отложить свой приезд еще на некоторое время, чтобы иметь зато возможность провести с Вами побольше отрядных и плодотворных дней.

Г.

Веймар, 6 января 1798 года.

403. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 января 1798 года

Прилагаемое к сему ¹ прислал мне для Вас Котта, который собирается делать это и дальше. Он постоянно будет вкладывать Ваш пакет в мой, потому что франкировка до Веймара не производится.

Сегодня я ограничусь лишь пожеланием Вам доброго вечера. Я не спал ночь и собираюсь сейчас улечься. Как Вы чувствуете себя при этой отвратительной погоде? Я ощущаю ее всеми нервами. Я даже рад за Вас оттого, что Вы сейчас не здесь.

Будьте здоровы.

Ш.

404. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Последние дни действительно были такого рода, что не хотелось глядеть на то, что происходит на небе и на земле, и я по большей части отсиживался в своей комнате. Тем не менее в эти бесцветные и безрадостные часы я снова взялся за свое «Учение о цвете» и, чтобы разобраться как следует в том, что я сделал до сих пор, навел порядок в своих бумагах. Ведь я с самого начала подбирал свои записи в специальных папках и поэтому сохранил наглядное свидетельство как о своих ошибках, так и о шагах в правильном направлении, а к тому же, что самое важное, заметки обо всех опытах, наблюдениях и случайных мыс-

лях. Теперь я всю эту массу рассортировал, велел изготовить специальные конверты, пометил их по определенной схеме и разместил в них бумаги,— так мне легче будет разобраться в набросках к каждой главе, поскольку я смогу при этом, уничтожив все бесполезное, выделить необходимое и подвести общий итог. Только сейчас я понимаю, каким безумным было это предприятие, и впредь остерегусь затевать что-либо подобное. Ибо даже теперь, когда я так далеко продвинулся в этой работе, потребуется еще много труда, чтобы изложить мой материал набело. Тем не менее все это чрезвычайно обогатило меня, ибо едва ли мне, в силу моей натуры, удалось бы познакомиться с подобными предметами, если бы не это своеобразное занятие. Я прилагаю к сему небольшую статью примерно четырех-пятилетней давности¹; Вам, очевидно, интересно будет узнать, как я тогда смотрел на вещи.

Прилагаю одновременно эстетические потуги господина Бутервека², которые попрошу бережно сохранить до моего приезда. Мне не так часто приходилось встречать нечто столь диковинное. В целом это произведение кажется мне состоящим из старого привычного товара, неопределенных воззрений самого автора и лоскутов новой философии. Забавно было бы раздобыть когда-нибудь запись лекций этого господина, и я попытаюсь это устроить.

Со стороны Котты весьма любезно, что он посылает нам свое «Новое мироведение»³, и я сам поблагодарю его. Его газета найдет большой круг читателей, хотя не буду отрицать, что этот стиль претит мне; он напоминает мне о шубартовской «Хронике»⁴ и не отличается ни вкусом, ни достоинством. Но какое это имеет значение, если наш друг Котта видит в том свою выгоду? Если я впоследствии смогу быть полезен ему какой-нибудь своей вещью⁵, то охотно сделаю это. Третий номер я получил вчера уже непосредственно здесь.

Желаю Вам чувствовать себя как можно лучше! Я собираюсь пробыть здесь весь январь, 30-го поставлю еще одну оперу⁶ и тогда уже поспешить к Вам в надежде застать «Валленштейна» успешно подвигающимся вперед. Я же тем временем смогу заниматься только чисткой и наведением порядка.

Г.

Веймар, 10 января 1798 года.

405. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 января 1790 года

Ваша статья дает превосходное представление и обобщающий отчет о Вашем естественноисторическом методе; в ней затрагиваются существеннейшие вопросы и требования всей рациональной эмпирии, стремящейся установить закон для определенного и ограниченного явления. Я еще раз тщательно прогляжу и обдумаю ее и тогда сообщу Вам мои замечания. Для меня совершенно очевидно, в частности, насколько опасной оказывается попытка вывести теоретическое положение непосредственно из опытов. Это соответствует, как мне кажется, и другому предостережению философского характера относительно того, что не следует обосновывать свои положения примерами, ибо ни одно положение не равнозначно примеру. Противоположный метод совершенно игнорирует существенное различие между миром природы и миром рассудка, он даже сбрасывает всю природу со счетов, поскольку призывает нас всего лишь находить свои представления в вещах, а не наоборот. Вообще же ни одно явление, ни один факт, которые по самой своей сути содержат в себе нечто *определенное* в широком плане, не могут быть адекватны правилу, которому присущ лишь *определяющий* характер. Мне хотелось бы, чтобы Вам пришла в голову идея развить основную суть этой статьи саму по себе, независимо от исследований и опытов, введением к которым статья служит. Вам пришлось бы в этом случае прибегнуть к аргументированному указанию на несколько более строгое и четкое разграничение между практическим опытом и теоретическим осмыслением, однако до этого нужно было бы убедиться в том, что наука только тогда может расширить свои границы, когда, с одной стороны, за феноменом следуют безо всяких притязаний на некое искусственное единство, изучая его во всей его широте, а с другой — и то при условии, что первое требование будет полностью удовлетворено, — когда соблюдается свобода силы представления, когда способность комбинирования прилагается к феномену ради удовольствия и с той оговоркой, что сила представления будет утверждать что-либо лишь в своем мире, но не в мире явлений. Ибо мне кажется, что до сих пор в естественных науках существовали два противоположных способа впадать в ошибку: во-первых, сужая границы природы посредством теории, во-вторых, излишне ограничивая воз-

возможности мышления границами объекта. Оба способа удовлетворительны постольку, поскольку возможна некая рациональная эмпирия; оба они могли бы оказаться удовлетворительными, если бы некая строгая критическая полиция разграничила их сферы. Как только условия начинают благоприятствовать свободе теоретических изысканий, то подобные ошибки устраняются, и опыт учит нас тому, что многообразие способов представления (при том, что они взаимно ограничивают, а порой и уничтожают друг друга) возмещает тот ущерб, который причиняет деспотия одного-единственного способа представления, и вынуждает вернуться к объекту даже при движении по теоретическому пути.

Метафизический диалог между патером и китайцем¹ чрезвычайно развлек меня; он производит особое впечатление еще и благодаря своему готическому языку. Мне только не совсем ясно, как и бывает порою в подобных случаях, кроется ли за доводами китайца нечто весьма мудрое или, напротив, нечто весьма банальное. Где Вы отыскали этот великолепный *monceau* *? Забавно было бы перепечатать его с деликатным намеком на наших современных философов.

Лавка эстетической рухляди Бутервека поистине поразительна. Я никогда еще не встречал подобной помеси пошлого пустомели с путаником и такого самонадеянного вторжения в науку с таким убогим рапсодическим скарбом.

То, что Вы откладываете свой приезд до февраля, поистине удлинняет для меня этот печальный январь, однако я попытаюсь извлечь из этого одиночества хотя бы то единственное преимущество, которым оно обладает, и буду усердно продвигать вперед «Валленштейна». Все же будет лучше, если я, прежде чем представлю Вам свою трагедию, доведу ее до такого накала действия, когда она начнет двигаться сама по себе, как бы скатываясь к развязке: ведь до сих пор, в первых двух актах, она лишь поднималась в гору.

Будьте здоровы и кланяйтесь Мейеру. Моя жена шлет Вам наилучшие пожелания.

Ш.

* отрывок (франц.).

406. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваше поучительное письмо застаёт меня как раз за наблюдениями над окраской прижатых друг к другу стеклянных пластин ¹ — явление, которое так сильно заинтересовало Вас самих и которое я собираюсь теперь проследить вплоть до его первичных основ, поскольку намереваюсь последовательно разрабатывать одну главу за другой. Напишите мне, пожалуйста, то, что Вы думаете по поводу моей статьи, ибо нам предстоит теперь сделать большой шаг вперед; я же должен снова заметить относительно книги Шеллинга, что от новейших философов ждать особой помощи не приходится. На этих днях, разбирая и приводя в порядок свои бумаги, я с удовлетворением заметил, что благодаря неуклонному продвижению вперед и терпеливым наблюдениям настолько отошел от косного реализма и заплесневелой объективности, что могу подписаться под Вашим сегодняшним письмом, как под своим собственным символом веры. Посмотрим, буду ли я в состоянии практически подтвердить своей работой это мое убеждение.

Когда я на этой неделе вновь просматривал различные сочинения по физике, мне явственно бросилось в глаза то, что для большинства исследователей явления природы служат лишь поводом к приложению своих индивидуальных способностей и к занятию своим ремеслом. Просто непостижимо, до чего некстати Ньютон выступает геометром в своей «Оптике»; это нисколько не лучше того, как если бы кто-нибудь вздумал перекладывать физические феномены на музыку или на стихи, будучи капельмейстером или поэтом. *Механик* представляет себе свет состоящим из сферических частиц, которые сталкиваются и отталкивают друг друга, а поскольку они отлетают под большими и меньшими углами, постольку и должны возникать различные цвета; с точки зрения *химика* решающее значение придается здесь теплороду, а в новейшие времена особенно кислороду. Такой тихий и на редкость скромный человек, как *Клюгель* ², высказывает сомнения и оставляет вопрос нерешенным; *Лихтенберг* ³ отпускает шутки и высмеивает чужие воззрения; *Вюниш* ⁴ выдвигает гипотезу, которая безумнее, чем какая-нибудь глава Апокалипсиса, и расточает свою энергию и изошренность на экспериментирование, а изобретательность — на сопоставление самых что ни на есть абсурдных идей; *Грен* ⁵ повторяет зады, подобно человеку, который твердит свой символ веры и заявляет,

что таковой является истинным. Словом, каждый здесь старается так или иначе приспособиться к ситуации и по мере возможности соблюсти приличия. Посмотрим теперь, как нам удастся уберечься от этих опасностей; помогите мне не проглядеть их.

Я собираюсь представить Вам в ближайшее время краткий обзор целого ⁶, чтобы дать полное представление о моем методе и о целях и смысле моей работы.

Сегодня же только — еще мои поздравления по поводу успешного продвижения «Валленштейна».

Безумный философский диалог взят из «Новоотшлифованного исторического, художественного и нравственного зеркала» Эразма Франциска, книги вздорной, однако содержащей немало пригодного для нас материала.

Будьте здоровы. Посыльная стоит у дверей.

Г.

Веймар, 13 января 1798 года.

407. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 15 января 1798 года

На сегодня — лишь дружеский привет. Завтра вечером я напишу с почтой. Я так углубился в одну из главных сцен, что не слышу призывов ночной стражи. Работа по-прежнему подвигается очень хорошо, и хотя поэт может оценивать свой первый черновой набросок с такой же уверенностью, с какой купец — свои товары, пока они еще плывут на корабле, я все же полагаю, что время не пропало даром.

Будьте здоровы.

Ш.

408. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Добрая весть о том, что Ваша работа успешно продвигается вперед, служит мне заменой обстоятельному письму, отсутствие которого в противном случае было бы для меня весьма ощутимо.

Вы получите при сем небольшую статью ¹ относительно отдельных пунктов, которые я гораздо охотнее устно обсудил бы с Вами в эти дни. Я полагаю, что если мы несколько раз как следует уясним себе предмет, дело пойдет на лад. Вчера я прочитал главу об электричестве в «Естествознании» Грена ² и нашел, что она написана настолько же разумно, насколько неразумно — глава о цвете; но ведь он застал эту сферу уже изученной и разработанной!

Насколько я могу теперь судить, учение о цвете имеет то преимущество в плане изложения перед учением о магнетизме и электричестве, что здесь мы имеем дело не с символами, а с соотношениями и проявлениями зримых естественных различий.

Вы получите также добавление нашего друга Гирта к его «Лаокоону»³.

Бёттигер, следуя своей излюбленной привычке, разгласил нашему другу содержание моей статьи об этом предмете⁴, вследствие чего тот, как свидетельствует его добавление, испытал сильнейшее возбуждение.

Примечательно то, что он в своих выводах основывается на барельефах, которые, будучи второстепенными произведениями искусства, позволяют в случае необходимости несколько выйти из обычных границ; в то же время он хранит молчание относительно семейства Ниобы, произведения высочайшего ранга, которое, разумеется, плохо согласуется с его гипотезой.

Хоть бы только эта группа благополучно добралась до Парижа и снова была выставлена,— в таком случае все наши пустомели, сплетничающие об этом, полностью обратятся во прах.

В Париже уже начинают сетовать на жалкое состояние доставленных произведений искусства. Да и наш Мейер уверяет, что, например, «Святая Цецилия» Рафаэля никоим образом не выдержит перевозки, поскольку меловая грунтовка там местами уже вспухла и, конечно, рассыплется при тряске. Как я завидую господину Поссельту⁵, который способен всеми своими потрохами радоваться успеху этого могучего и гордого народа!

Будьте здоровы; мне предстоит еще несколько недель улаживать некоторые дела, но когда день рождения⁶ останется позади, я приеду, чтобы принять участие в Ваших трудах. Кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 17 января 1798 года.

409. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 19 января 1798 года

Для Вас было бы любопытно и поучительно распределить по категориям мысли, высказанные Вами как в предыдущей, так и в нынешней статье¹. Ваш вывод найдет

при этом полное подтверждение, а в то же время Вы снова ощутите доверие к использованию философии как регламентирующего начала при эмпирическом познании. Я собираюсь остановиться здесь лишь на нескольких случаях ее применения, и при этом как раз в связи с Вашей нынешней статьей.

[а.] Представление об опыте как феномене тройкого рода окажется совершенно исчерпывающим, если Вы подвергнете его испытанию посредством категорий. Простой эмпиризм, не выходящий за пределы эмпирического явления, всегда имеет перед собой (по количеству) лишь единственный случай, единственный элемент опыта — и, следовательно, опыт как таковой здесь отсутствует; по качеству он всегда утверждает лишь одно определенное бытие, никоим образом не прибегая к тому, чтобы различать, обобщать, противопоставлять — одним словом, сравнивать; по отношению ему грозит опасность принять случайное за субстанциальное; по модальности он просто ограничен определенной реальностью, не подозревая о возможном и не доводя своих наблюдений до осознания необходимости. Согласно моим представлениям, простой эмпиризм никогда не впадает в заблуждение, ибо заблуждение возникает лишь в науке. То, что он замечает, он замечает действительно, а поскольку он не испытывает потребности выводить из своих наблюдений законы для объекта, то его наблюдения могут, не тая никаких опасностей, всегда носить единственный и случайный характер.

б. Только вместе с рационализмом возникает *научный феномен* и заблуждение. Именно на этой почве начинается игра сил мышления, и вместе со свободой этих сил, которые так охотно отождествляют себя с объектом, появляется и произвол.

По количеству рационализм всегда объединяет *несколько* случаев, и пока он довольствуется тем, что не выдает множественность за всеобщность, то есть не утверждает объективных законов, то остается безвредным и даже полезным, ибо является *путем* к истине, которую можно обрести только тогда, когда удастся оторваться от единичного. Однако стоит лишь злоупотребить им, как он, напротив, оказывается губительным для науки, потому что он, как Вы и показываете со всею очевидностью в Вашей статье², стремится использовать чудовищную способность человеческого духа к обобщению за счет

определенной республиканской свободы по отношению к фактам — одним словом, потому что он стремится подвести под свою идею единства простую множественность и, таким образом, выдает за всеобщность то, что не является ею.

По качеству рационализм справедливо противопоставляет друг другу отдельные явления, он различает их и сравнивает между собою; все это, в свою очередь, хорошо и похвально (как и вообще любой рационализм) и представляет собой единственный путь к науке. Однако упомянутый выше деспотизм сил мышления тотчас же обнаруживает себя и здесь в *односторонности*, в *непреложности* различий, а также, как и было уже сказано, в *произвольности* сочетаний. Ему грозит опасность резкого разграничения того, что в природе соединено, подобно тому, как прежде он соединял то, что природа разделяет. Он создает членения там, где их нет, и т. д.

По отношению рационализм вечно стремится к тому, чтобы уяснить причинность явлений и сочетать все как причину и следствие. Опять-таки это весьма похвально и даже необходимо для науки, однако тоже пагубно — из-за односторонности. Сошлюсь здесь на Вашу же статью, в которой превосходно показаны злоупотребления, обусловленные причинным подходом к явлениям. Здесь со всей очевидностью представлена ошибка рационализма, состоящая в том, что он, в силу своей ограниченности, исследует природу лишь в *длину*, но не в *ширину*.

По модальности рационализм покидает почву действительного, но не приближается к необходимому. *Возможное* — вот грандиозная сфера его действий; отсюда и безграничность его гипотез. И эта функция разума, думается мне, необходима, поскольку она представляет собой *conditio sine qua non** всякой науки, — *ибо*, на мой взгляд, только возможное и открывает путь от действительного к необходимому. Поэтому я по мере своих сил ратую за полноправную свободу теоретической мысли в сфере физики.

с. К феномену в чистом виде, который согласно моим представлениям тождествен объективным законам природы, может проникнуть лишь *рациональный эмпиризм*. Однако, повторю еще раз этот тезис, сам рациональный

* неперенное условие (латин.).

эмпиризм никогда не может начать непосредственно с эмпиризма, ибо здесь сначала непременно проявится рационализм. Третья категория всякий раз возникает из сочетания первой и второй, и мы, таким образом, обнаруживаем, что только полная активность свободных сил мышления в сочетании с чистейшей и широчайшей активностью чувственной восприимчивости ведет к научному познанию. Рациональный эмпиризм, следовательно, совершит и то и другое: он устранил произвол и обусловит свободу мысли (я имею в виду произвол, который допускает либо мысль человека по отношению к объекту, либо слепой случай в самом объекте, либо ограниченную индивидуальность единичного феномена по отношению к силам мышления). Одним словом, рациональный эмпиризм полностью восстановит объект в его правах и дарует человеческому духу всю его рациональную свободу, обезопасив при этом от произвола.

По количеству чистый феномен должен включать в себя всю совокупность случаев, ибо в каждом из них он проявляется как постоянная величина. Таким образом, он — полностью в духе этой категории — опять-таки являет собой единство во множественности.

По качеству рациональный эмпиризм всегда *ограничивает*; об этом свидетельствует опыт всех истинных естествоиспытателей, которые в равной степени воздерживаются от абсолютного утверждения или отрицания.

По отношению рациональный эмпиризм принимает во внимание как причинность связей, так и самостоятельность явлений; он видит всю природу в ее взаимообусловленной активности, когда все явления взаимосвязаны, и поэтому он воздерживается от того, чтобы оценивать причинность лишь как простую и жалкую *длину*, но всегда принимает во внимание и *ширину*.

По модальности рациональный эмпиризм всегда проникает вплоть до необходимого.

Хотя рациональный эмпиризм по самой своей сути никогда не приводит к злоупотреблениям, подобно двум вышеупомянутым способам представления, следует, однако, предостеречь от некоего ложного и мнимого рационального эмпиризма. Подобно тому как *мудрое ограничение* составляет, в сущности, самый дух рационального эмпиризма, *боязливое* и *малодушное ограничение* обуславливает, в свою очередь, появление ложного и

мнимого. Плодом первого является *чистый*, плодом второго — *пустой* и *выхолощенный* феномен. Я много раз замечал, что нерешительные, слабые умы из преувеличенного почтения к объектам и их многообразию и из преувеличенного страха перед душевными силами настолько ограничивают и, так сказать, выхолощают свои утверждения и пояснения, что результат оказывается равным нулю.

Как об этой материи, так и о Ваших тезисах нужно сказать еще столь многое, что я ожидаю Вашего прибытия сюда, чтобы еще раз как следует вникнуть в предмет, ибо, в сущности, только *беседа* способствует тому, что я быстро схватываю и прочно усваиваю мысли другого человека. Монологическая форма письма постоянно грозит мне тем, что я буду принимать во внимание лишь свою позицию. В особенности мне хотелось бы еще послушать о том, что Вы называете *косвенным* подчинением конкретных случаев правилам³.

Моя поэтическая работа не движется вот уже три дня, несмотря на то, что я был в отличном расположении духа. Воспаление горла, переходившее у нас дома от одного к другому, наконец передалось и мне, а так как болезнь застигла меня как раз в состоянии повышенной возбудимости, в котором я нахожусь из-за моей работы, то вчера у меня целый день был жар. Но сегодня голове моей уже много лучше, и я надеюсь через несколько дней избавиться от злого гостя.

Поздравляю с новым ксением⁴. Пока приобщим его ad acta*.

Нелепые выходки, которые господин Поссельт вытворяет перед публикой, по всей видимости, приносят доход Котте, ибо он пишет мне, что теперь уже почти полностью возместил свои издержки.

Здесь часто спрашивают, не собираетесь ли Вы поставить в Веймаре оперу Готтера «Остров духов»⁵.

Не хотите ли Вы теперь, поскольку господин Гирт в известной степени предворяет Вашу статью о Лаокооне, дать эту статью в «Оры»?

Будьте здоровы. Моя жена Вам кланяется.

Ш.

*. к делам (латин.).

410. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Чрезвычайно благодарен Вам за испытание моих статей категориями; я постоянно буду иметь это в виду в продолжение моей работы. По тому настроению, с каким я занимаюсь этими предметами, я вижу, что вскоре обрету здесь благородную свободу мысли. Я неустанно составляю схемы, просматриваю свои записи и отбираю из всей этой груды ненужного и ошибочного непреложнейшие феномены и чистейшие результаты. Как я буду рад, когда вся эта грудка подвергнется сожжению, а все дельное, извлеченное из нее, уместится на немногих листах. Работа, которая как-никак продолжается уже восемь лет, была несказанно тяжелой, поскольку я не располагал никакой системой истолкования предмета и вынужден был постоянно разрабатывать ее на опыте и для опыта. Но раз уж мы продвинулись так далеко, то не будем жалеть сил для завершения работы; помогите мне с теоретической стороны, и тогда, конечно, дело пойдет быстрее.

Прилагаю беглый набросок к истории учения о цвете ¹. Вы сможете сделать здесь прекрасные наблюдения над движением человеческого духа, который вращается в одном определенном кругу до тех пор, пока не исчерпывает его. Вся эта история, как Вы увидите, имеет осью вращения простую эмпирию, отражающую всего лишь один определенный феномен, и рационализм, доискивающийся до причин; попыток чистого сопоставления феноменов здесь немного. Таким образом, уже сама история подсказывает нам, что мы должны делать. Выполнение сулит нам нечто довольно интересное. Помогите мне при дальнейшем продвижении вперед.

Частые рецидивы Вашего нездоровья очень печалят меня и из-за тех страданий, которые они причиняют Вам, и из-за потерь времени. Мягкая погода пока не обещает нам на ближайшие дни ничего хорошего.

Котте можно позавидовать! Он, конечно, поздравляет себя с тем, что выпускает такой прекрасный журнал, коммерческий успех которого для него вдвойне желанен. В Веймаре я весьма способствовал его распространению.

Оперу Готтера мы пока еще не ставим. Мою статью о Лаокооне я собираюсь еще раз просмотреть при случае, и тогда мы решим, что с ней делать. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и примите еще раз благодарность за Ваше пространное и поощряющее письмо.

Веймар, 20 января 1798 года.

Г.

411. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 23 января 1798 года

Я все же не так легко отделался от болезни горла, как пытался уверить Вас в своем последнем письме. Она мучает меня еще и сегодня, а поскольку недуг захватывает и голову, то это раздражает меня сильнее, чем обычные мои спазмы. Сейчас мне это вдвойне тягостно, потому что работа спорилась, и я надеялся значительно продвинуться вперед до Вашего приезда.

Краткая схема истории оптики содержит немало важнейших черт всеобщей истории науки и человеческой мысли, и если бы Вы принялись осуществлять ее, то здесь пришлось бы прибегнуть ко многим замечаниям философского характера. При этом, однако, немецкий дух был бы представлен отнюдь не к его выгоде,— если только не предвосхищать ход развития. Показательно, однако, что живость французов иссякла так быстро из-за робости и утомления. Можно было бы сказать, что у французов стремление к противоречию обусловлено было скорее страстью, нежели любовью к делу, иначе они не отступились бы перед авторитетом. Немца очень долго подавляет авторитет и догматическое заблуждение, но в конце концов верх все же берет его природная объективность и его серьезное отношение к делу, так что обычно именно он и оказывается тем, кто пожинает жатву для науки.

Не может быть никаких сомнений в том, что Вы должны сделать все возможное для этого начинания и довести до вожделенного конца дело, которое уже так далеко продвинулось,— ведь я ни на миг не сомневаюсь, что под конец Вы проникнете в суть явлений. Думаю, однако, что Вы поступите правильно, если и теперь, после того как Вы тщетно ждали спутника и сотрудника, ни на кого не будете оглядываться и сами спокойно завершите Ваше начинание с тем, чтобы внезапно выступить с работой, законченной настолько, насколько это позволяет избранный Вами путь. Немцы, по-видимому, не одобряют того, что находится еще в становлении; если их догмы поколебать, но не сокрушить окончательно, они скорее испытывают раздражение и начинают упрямиться. Напротив, полностью завершенное целое и серьезная методическая атака преодолевают упрямство и склоняют немца с его естественной, прирожденной объективностью

на сторону противника. Так представляется мне дело, и если через три или четыре года Вы представите публике исчерпывающее и методическое изложение, это, вне всякого сомнения, принесет успех. Тем временем как-нибудь схлынет и этот химический потоп, уступив место новым интересам.

Бёттигер, как я слышал, собирается написать статью о вандализме французов, то есть о том, как они скверно перевозили произведения искусства¹. Мне бы хотелось, чтобы он сделал это и собрал все относящиеся сюда случаи грубости и легкомыслия. Пожалуйста, поощрите его в этом намерении и тотчас же предоставьте мне эту статью для «Ор». Пусть Котта, как всегда, одним и тем же печатным станком послужит и нашим и вашим².

Будьте здоровы. Через неделю я надеюсь увидеть Вас здесь.

Ш.

412. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Уже сегодня я мог бы послать Вам более удачную схему будущей истории учения о цвете, и при этом она постоянно будет улучшаться. Когда видишь перед собой с такой очевидностью ту череду духовных свершений, из которых, по сути дела, и состоит история наук, то затея написать подобную историю а priori уже не кажется смешной, ибо все развитие здесь обусловлено склонностью человеческого духа двигаться вперед и вспять, естественным стремлением к прогрессу и к ретардации.

Должен упомянуть одно частное обстоятельство. Вы помните об опыте со стеклянным кубом¹, посредством которого я так наглядно показываю, что вертикальные лучи изменяются подобно всем другим и что отражение поднимается вверх от плоскости. Снеллий, первым открывший закон преломления, уже упоминает об этом; однако Гюйгенс, который, в сущности, и обнародовал упомянутое открытие, проходит мимо этого феномена, поскольку он со своим математическим (хотя и совершенно правильным) подходом к предмету не может его использовать, — и с тех пор никто ничего и не выяснил на сей счет. Разумеется, перпендикулярный луч *не преломляется*, и здесь не могут быть применены вычисления, используемые при преломлении лучей, поскольку здесь неприменимо сопоставление угла и его синуса; однако

феномен, который не поддается вычислению, остается тем не менее феноменом,— и удивительно, что именно основной феномен (ибо я считаю его таковым), из которого проистекают все прочие, оставляют в стороне.

Только с тех пор как я твердо решил не обсуждать этот предмет ни с кем, кроме Вас и Мейера, именно с этого времени я испытываю радость и мужество, ибо столь часто обманываемая надежда найти участие и сотрудничество со стороны других постоянно задерживала меня. Теперь же я могу спокойно продвигаться вперед, когда это позволят время, обстоятельства и настроение.

Лишь бы прекрасная погода и положение барометра несколько способствовали улучшению Вашего здоровья; я же просто жажду вырваться к Вам из этого театрально-маскарадного мира. Бёттигеру я передам Вашу просьбу сам или через посредника; с некоторых пор он не показывается (со времени той коварной проделки²). Мейер усердно работает; он просит передать Вам наилучшие пожелания.

Г.

Веймар, 24 января 1798 года.

413. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 26 января 1798 года

Я только что подписал составленный по всей форме смертный приговор всем трем богиням — Евномии, Дике и Ирене¹. Почтите память этих благородных покойниц благочестивой христианской слезой; соболезнования, однако, здесь не нужны.

Котта и в прошлом году имел одни только издержки, и хотя он готов был по-прежнему нести их бремя и в нынешнем году², однако я действительно не усматриваю никакой, пусть даже и отдаленной во времени, возможности продолжать дело подобным образом; ведь у нас нет ни одного сотрудника, на которого можно было бы положиться, так что я, не получая, в сущности, никакой денежной прибыли и довольствуясь лишь вечными заботами и попечением о мельчайших делах этого издания, вынужден был освободиться от всего этого посредством такого решительного шага.

Нам, само собой разумеется, не нужны никакие объявления по случаю прекращения «Ор», а поскольку выход

12-го номера за 1797 год и так уже задержится до марта, то «Орь» самым естественным образом починут в бозе. Мы могли бы также поместить в этом номере какую-нибудь безумную политико-религиозную статью, которая повлекла бы за собой запрещение «Ор», и если у Вас есть таковая на примете, то место для нее еще найдется.

Хотя здоровье мое со вчерашнего дня снова пошло на поправку, однако настроение, необходимое для работы, еще не вернулось ко мне. Между тем я коротаю время за чтением описаний путешествий Нибура и Вольнея по Египту и Сирии³ и решительно советую это занятие всякому, кто утратил мужество при нынешних скверных политических обстоятельствах; ибо только тут и видишь, какое это все-таки благодеяние — родиться в Европе. И в самом деле, совершенно непостижимо то, что творческая сила рода человеческого проявляется лишь в столь малой части мира, а все те неисчислимые массы людей полностью исключены из процесса совершенствования человечества. Особенно же меня изумляет то, что у этих наций, да и вообще у всех неевропейцев, совершенно отсутствуют не только нравственные, но и эстетические задатки. Реализм проявляется у них в такой же мере, что и идеализм, однако оба этих начала никогда еще не находили выражения в человечески прекрасной форме. Я действительно считаю абсолютно невозможным обрести в этом людском скоплении какой-нибудь эпический или трагический сюжет, либо перенести его туда.

На сегодня прощаюсь с Вами. Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

414. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Веймар, 26 января 1798 года, вечер

Поскольку я не знаю, как буду чувствовать себя завтра утром, то и хочу продиктовать сегодня вечером страничку про запас.

С помощью прилагаемых стансов¹ Вы сможете представить себе фантастическую картину шествия, которое должно состояться сегодня вечером. Шесть наших красавиц изъявили согласие наряжаться как можно лучше, а мы, чтобы обойтись на сей раз без аллегорий, воплощенных в мраморе или, чего доброго, в живописи, изобра-

зили самым наглядным образом важнейшие символы при посредстве картона, золотой и всякой другой бумаги, легкой шелковой тафты, канители и тому подобных материалов.

Чтобы в какой-то мере помочь воображению Вашей милой жены, я прилагаю следующий перечень действующих лиц:

Мир — девица фон Вольфскель.

Согласие — госпожа фон Эглофштейн и девица фон Зекендорф.

Изобилие — госпожа фон Вертерн.

Искусство — девица фон Бейст.

Земледелие — девица фон Зеебах.

Присовокупив сюда еще шестерых детей, которые также будут тащить на себе немалое количество атрибутов, мы надеемся состряпать на пустом месте нечто такое грандиозное, что заставило бы хоть немного поразмышлять нашу рассеянную публику.

К этому прологу как нельзя лучше подходят сведения, которые я собираюсь сообщить Вам относительно знаменитой английской поэмы Дарвина «Ботанический сад»². Хотелось бы только, чтобы я сумел дать Вам наглядное представление об этом модном английском издании, лежащем передо мной в виде тома большого кварт-формата, переплетенного в сафьян. Он весит ровно $5\frac{1}{2}$ фунтов, в чем я сам убедился вчера. Поскольку наши альманахи весят примерно столько же лотов, то мы и тут вынуждены были бы оказаться в соотношении 1:32 к англичанам, если бы только не были в состоянии уравновесить 32 альманахами одного такого модного английского гиганта. Поэма великолепно отпечатана на глянцевой бумаге, украшена безумными аллегорическими гравюрами работы Фюссли, да вдобавок еще разбросанными там и сям ботаническими и антикварными любительскими рисуночками, снабжена вступлениями, оглавлениями, примечаниями подстрочными и примечаниями на полях, в которых даются самые исчерпывающие сведения из природоведения, химии, естественной истории, географии, ботаники, промышленного и торгового дела и, что особенно важно, приводятся имена знаменитых людей, живых и умерших, так что предусмотрено и схвачено решительно все — от приливов и отливов до симпатических чернил.

Но при всех этих диковинах наиболее диковинным, однако, кажется мне то, что в этом ботаническом произведении можно обнаружить что угодно, но только не упоминание о растениях. Во всяком случае, по отношению к первой части поэмы дело буквально обстоит почти что так. Вот Вам содержание второй песни:

Обращение к гномам. Земля порождена вулканическим извержением на Солнце; ее атмосфера и океан, ее движение в круге зодиака. Чередование дня и ночи, равно как и времен года. Первозданные блаженные острова, земной рай или «золотой век». Венера поднимается из моря. Первые великие землетрясения, из моря поднимаются материки; Луна возникает в результате извержения вулкана, она лишена атмосферы и холодна; суточное движение Земли замедлилось, ее ось наклоняется сильнее, и теперь Земля вместе с Луной вращается вокруг нового центра. Возникновение известняка из водных растворов. Известковый шпат, белый мрамор, античная статуя Геракла, отдыхающего после своих подвигов³; Антиной, Аполлон Бельведерский, Венера Медицейская, леди Элизабет Фостер и леди Мельбурн работы госпожи Деймер⁴. О болотах. Откуда взялась в земле соль? Соляные копи под Краковом. Добывание селитры. Марс и Венера пойманы Вулканом. Добывание железа. Усовершенствование искусственных магнитов по способу господина Митчела. Применение стали в земледелии, судостроении и военном деле. Происхождение кислот. Каким образом возникли кремни, морской песок, гипс, асбест, плавиковый шпат, оникс, агат, моховик, опал, сапфир, рубин, алмаз? Юпитер и Европа. Новый подземный огонь как следствие трения. Начало использования глины. Фарфоровые мануфактуры в Китае, Италии и Англии; «Этрурия», фабрика господина Веджвуда в Стаффордшире⁵. Камея с изображением черного раба в цепях, воплощающего Надежду. Разъяснение фигур на «Портлендской вазе», или «Вазе Барберини»⁶. Различные виды угля, серный колчедан. Нефть, обсидиан и амбра. Открытие доктора Франклина отнимает молнию у грозы. Свобода Америки, Ирландии, Франции. Древний огонь в центре Земли. Добывание олова, меди, цинка, свинца, ртути, платины, золота и серебра. Разрушение города Мехико. Рабство в Африке, гибель войска Камбиза, гномы в качестве звезд на одной модели небесной сферы. Наступлению моря положен предел, на скалах начинают возде-

лывать землю. Круговорот материи; удобрение для растений то же, что молоко для животных. На Земле возникают растения. Святой Петр освобожден из темницы. Превращения материи. Гибель и воскресение Адониса. Удаление гномов.

Итак, вот Вам план одной поэмы! Именно так должна выглядеть дидактическая поэма, цель которой не только наставлять, но и обучать. Теперь Вы можете представить, какие описания, аллегории и параболы затолканы в это творение и насколько весь этот материал не скреплен хоть каким-нибудь поэтическим чувством. Стихи, как мне кажется, неплохи, и некоторые пассажи риторически округлены, что следует отнести за счет стихотворного размера. Одним словом, детали эти напоминают о великом множестве английских поэтов, работавших в дидактическом и описательном жанрах. Ну как английской светской публике не быть довольной отдельными пассажами, когда ей преподносят бездну теоретических сведений, о которых она давно уже слышана, да притом еще в привычном стихотворном размере! Я получил книгу только вчера вечером и действительно был необычайно удивлен, потому что я, в сущности, благожелательно отношусь к Дарвину. Правда, уже его «Зоономия»...⁷

На этом я остановился вчера в тот миг, когда меня призвали к исполнению обязанностей хорега. Все сошло отлично, только и на этот раз, как водится в подобных случаях, под конец не хватило места, чтобы выполнить все надлежащим образом. Дамы были прекрасно наряжены, и двенадцать взрослых и детских фигур, стоящих полукругом, произвели бы благодаря разнообразию своих групп отличное впечатление в театре, где их было бы видно полностью. Однако в небольшом помещении все теснили друг друга, и так как каждому хотелось видеть получше, то почти никто ничего не видел. Впрочем, они и после, уже в отдельности, отличались изяществом своих нарядов и нравились себе и другим.

То, что Вы позволили тихо опочить нашим подругам, было для меня не так уж неожиданно. А что Вы скажете об идее выпускать ежемесячник с расчетом на год? В 98 году, например, подбирается материал, а в 99-м издаются двенадцать номеров, и так далее, если бы дело пошло, пусть даже и с постоянными паузами. Следовало бы взять за правило стремиться к большому разнообразию, помещать

интересные и не слишком длинные статьи и так составлять годовой комплект, чтобы под конец его можно было бы продавать как законченное произведение⁸.

Надо ли мне еще хлопотать о статье Бёттигера?⁹

Эйнзидель написал несколько сказок¹⁰, которые, должно быть, неплохи, и я бы хотел сохранить за собой и их.

Относительно альманаха у меня возникла идея, еще более безумная, чем ксении¹¹, — как Вам понравится такое самонадеянное заявление? Я сообщу ее, однако, лишь при известных условиях, причем сохраню за собой право на редакцию этого нового приложения, а Вам, как полагается, будет дано полное право окончательного выбора — принять или отвергнуть это предложение. Ни одна строчка отсюда не будет напечатана прежде, чем все в целом не будет одобрено подобно любому другому произведению. Сколько бы Вы ни думали над этим, вряд ли Вы догадаетесь, в чем тут дело, но зато придумаете, быть может, что-нибудь похожее для использования в будущем году.

Будьте здоровы; очень хотел бы привезти Вам с собой хорошую погоду. Я жду только письма из Штутгарта относительно того, скоро ли прибудет сюда Туре, которого мы выписали для украшения замка¹².

Будем же и впредь довольны тем, что живем в Европе, даже если кутерьма в этой части света еще более усилится.

Веймар, 27 января 1798 года.

Г.

415. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 30 января 1798 года

Мы очень благодарны Вам за превосходные новости и курьезы, о которых сообщается в Вашем последнем письме. Вы позволили нам участвовать во всем этом импозантном шествии, не пострадав при этом от толкотни и пыли.

Сочинение Дарвина, по-видимому, не будет иметь особого успеха в Германии. Немцы любят чувства, которые оказываются тем более желанными, чем они пошлее; но такая игра воображения на почве идей, такое царство аллегорий, такое холодное умствование, такая ученость, положенная на стихи, могут привлечь лишь англичан с их нынешней холодностью и безразличием. Тем не

менее сочинение это показывает, какую функцию можно придать поэзии в расчете на большую и респектабельную группу людей, и дарует филистерам новый блистательный триумф в их борьбе с поэтическими оппонентами.

Не думаю, впрочем, чтобы подобный материал был бы бесполезен сам по себе и совершенно неуместен в поэзии; неудачу я отношу целиком за счет поэта. Если с самого же начала отказаться от всей этой пресловутой дидактики и увлечь свое воображение лишь самой природой во всем ее обильном многообразии, движении и взаимосвязи, если изображать все творения природы с известной любовью и уважением, отдавая должное любому самостоятельному бытию и т. д., то тут можно было бы возбудить живой интерес. Однако из того меню, которое Вы прислали, приходится заключить, что автор, напротив, стремился обратить свои поэтические интересы лишь к гарниру, а не к самому предмету, и что здесь в итоге получилась прямая противоположность хорошей поэме.

Я и в самом деле не смог отгадать, каким именно козырем Вы собираетесь перекрыть ксении; быть может, чтобы додуматься хоть до чего-нибудь, мне нужно было бы знать по крайней мере, идет ли речь о деле, которое затрагивает отдельные личности, подобно ксениям, или же знаменует войну против целого. В последнем случае было бы трудно вызвать большее оживление, чем возбудили ксении.

Я весьма охотно подчиняюсь Вашим условиям, однако принять непосредственное участие в работе смогу не раньше конца июня, когда, надеюсь, будет закончен «Валленштейн». Впрочем, я догадываюсь по Вашему письму, что тут не предполагается совместное предприятие и что Вы, следовательно, собираетесь сами нести и все издержки исполнения.

Статья Бёттигера и рассказы Эйнзиделя были бы весьма нужны мне для последнего номера «Ор», только я должен получить обе эти вещи в течение трех недель; если же Эйнзидель смог бы тотчас прислать мне что-нибудь, то в предпоследнем номере нашлось бы еще место.

Ваша идея относительно подготовки ежемесячника на весь год неплоха, однако издатель не увидит здесь никакого расчета для себя, ибо никто не любит выкла-

дывать сразу столько денег. Но ведь главное затруднение с «Орами» всегда состояло в том, что мы не знали, где раздобыть статьи; поразительно, что нам не удалось даже с помощью неслыханно высоких гонораров отвести к нашему журналу такие ручки, которые в изобилии текут к другим журналам за половинную сумму.

Мне очень жаль, что срок Вашего приезда сюда еще не вполне определен. Быть может, Ваше завтрашнее письмо принесет мне известие об этом.

Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания. Будьте здоровы.

Ш.

На этих днях дал о себе знать новый поэт¹, показавшийся мне отнюдь не плохим; меня, разумеется, подкупил определенный отблеск Вашего духа, оказавшего здесь, по-видимому, сильное воздействие. Прилагаю к сему стихотворение; сообщите мне, пожалуйста, Ваше мнение о нем.

416. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Дела и хлопоты по-прежнему приносят мне свои обычные плоды, так что я почти уже решился было приехать к Вам всего на один-два дня, поскольку не вижу впереди спокойного периода времени.

Вчера мы слушали новую оперу¹. Чимароза проявил себя в этой композиции законченным мастером; либретто написано в итальянской манере, и я сделал по этому поводу следующее наблюдение: каким образом нечто вздорное и даже абсурдное может столь счастливо сочетаться с величайшим эстетическим благородством музыки? Подобное происходит лишь благодаря юмору, ибо он, даже не будучи поэтичным по характеру, все же представляет собой некую разновидность поэзии и возвышает нас в силу своей природы над объектом. Немец, напротив, потому так редко проявляет хороший вкус, что склонность к филистерству заставляет его уважать всякий вздор, обладающий видимостью чувства или здравого смысла.

Посылаю Вам при сем нечто особенное: извещение о том, что последний потомок старых нюрнбергских мейстерзингеров намерен издать сборник своих стихотворений². Я уже кое-что знаю о нем и очень сожалею, что

упустил случай увидаться с ним в Нюрнберге. Он делает вещи, исполненные юмора и естественности, которые легко перевести на более правильный немецкий язык и которых никто не мог бы устыдиться. Мы получим книгу через Кнебеля, когда она выйдет.

Этот наш друг теперь снова прибыл в Ильменау; его красавица приедет через несколько дней, чтобы возложить брачное ярмо на его старую крепкую шею³. Поскольку я сердечно расположен к нему, то и желаю ему всяческого счастья в этой затее.

Обо всем прочем сообщу Вам вскоре так или иначе при встрече. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 31 января 1798 года.

Не смогли бы Вы при случае узнать, получил ли советник юстиции Бойе мое новое собрание сочинений, которое я послал ему в знак благодарности за Челлини еще 6 июня?⁴ Я до сих пор не имею никаких вестей от него.

417. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 февраля 1798 года

Ваше наблюдение относительно оперы вновь пробудило во мне идеи, относительно которых я так много распространялся в своих «Эстетических письмах». Несомненно, что эстетическому началу, хотя оно и не терпит пустоты, фривольность противоречит куда меньше, чем серьезность, а поскольку немец по своей природе куда более склонен к серьезным занятиям и к определенности, нежели к свободе, то с ним всегда можно несколько приблизиться к эстетическому, если только освободить его от тяжести материала; ибо его природа уже сама всецело печется о том, чтобы свобода его не была совершенно лишена силы и содержания.

Потому-то такое игривое расположение духа нравится мне гораздо больше у людей деловых и филистеров, нежели у праздных светских людей, ибо у последних игра всегда лишена силы и содержания. Каждого человека всегда следовало бы угощать сообразно с его потребностями, так что я посылал бы одних людей в оперу, а других — на представления трагедий.

Голос Вашего нюрнбергского мейстерзингера прозвучал для меня словно из другого столетия и доставил мне истинное наслаждение. Когда вы будете писать Кнебелю, попросите его, пожалуйста, внести и меня в число подписчиков на экземпляр с гравюрами. Я и в самом деле считаю необходимым заранее объявить о своем намерении приобрести эту вещицу, иначе она ведь может и не выйти, — этот малый пережил свой век, и ему едва ли окажут тот прием, которого он заслуживает. Что если бы Вам откликнуться несколькими страницами в «Орах» на его явление перед публикой? Мне кажется, он действительно нуждается в этом в такой же мере, в какой заслуживает этого¹.

После всего того, что говорит беспристрастный свет, я весьма сочувствую нашему другу Кнебелю и боюсь, что ярмо не слишком-то нежно ляжет на его шею.

С Бойе я вступал в письменное общение один-единственный раз, да и то полтора года назад. Так что я не смогу узнать, как обстоит дело с посылкой; пожалуй, нет никаких сомнений в том, что он ее получил, и поэтому, думается мне, Вы окажете ему слишком много чести, если будете и дальше справляться об этом. При случае можно будет напомнить об этом ему самому.

Скорее бы только приехали Вы сюда! Стоит Вам только выбраться хотя бы на три-четыре дня, как в старом замке найдется муза, которая удержит Вас. Будьте здоровы.

Ш.

418. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я с некоторой безмятежностью покоряюсь обстоятельствам, удерживающим меня здесь, и делаю это лишь по той причине, что надеюсь провести несколько хороших дней в Иене только после того, как справлюсь с определенного рода делами: одни отложу в сторону, другие пушу в ход.

Посылаю работу Эйнзиделя, которую не успел прочитать из-за краткости срока; если она Вам понадобится, то располагайте ею для «Ор»¹. Как обычно водится в тех критических коллизиях, которые случай столь часто вплетает в ход событий, наиболее обстоятельные доклады появляются как раз под конец, так что статья Бёттигера об обращении новых франков с произведениями искус-

ства будет, вероятно, закончена только после блаженной кончины трех наших возлюбленных нимф².

Я использую остающиеся у меня свободные часы отчасти для более точной систематизации будущей статьи, посвященной учению о цвете, отчасти для сокращения и упрощения моих ранних работ, отчасти для изучения литературы, ибо я испытываю чрезвычайно сильный интерес к истории вопроса, да и вообще могу надеяться на то, что если затратю еще надлежащее время и усилия, то создам нечто хорошее и даже — благодаря ясности изложения — общедоступное. Вы совершенно справедливо заметили в одном из последних писем³, что поскольку я нахожусь наконец на верном пути, то и не нуждаюсь ни в каком внешнем участии и содействии. В подобных случаях похвалы заслуживает лишь законченная работа, которая сберегает усилия столь многих, вызывает благодарное отношение у публики и, разумеется, сохраняет его, если того заслуживает.

Тем временем я задумал примерно полдюжины сказок и историй, которые собираюсь обработать в качестве второй части бесед моих эмигрантов, чтобы придать целому некоторую законченность и тогда уже напечатать его в составе своих сочинений⁴.

Кроме того, я несколько серьезнее подумываю о моем «Фаусте» и надеюсь, что буду заниматься им весь этот год, хотя, разумеется, нам придется посвятить один месяц альманаху⁵.

Благодаря разнообразию этих планов мне удастся использовать должным образом всякий час.

Идиллия⁶ и в самом деле вновь ставит нас перед своеобразным явлением. Здесь мы имеем дело едва ли не с женским дарованием, с прелестными воззрениями юного существа на мир, с приветливым, спокойным и нравственным чувством. Если бы для немцев теперь существовала возможность совершенствования и подобная личность смогла бы научиться тому, чему следует научиться в отношении внутренней и внешней формы стихотворного произведения, то отсюда могло бы проистечь нечто вполне удачное, меж тем как сейчас все ограничивается несколько равнодушным изяществом. Meo voto *, мать должна была бы, к примеру, заметить отсутствие дочери, последовать

* По моему мнению (латин.).

за ней, узнавание и развязка должны были бы произойти в часовне, благодаря чему удалось бы избежать скучного описания обратного пути, а завершение обрело бы патетический и праздничный характер.

Нельзя не признать, что «Герман и Доротея» уже успели оказать воздействие на эту натуру; и в самом деле, поразительно, как наши молодые люди присваивают себе то, что можно умозрительно постигнуть в каком-либо стихотворном произведении, воссоздают это на свой лад и хотя при этом и создают порой нечто вполне сносное, однако, прилагая все свои душевные силы в стремлении возвыситься до стиля, они тем не менее низводят все до уровня манеры,— но именно потому, что они гораздо ближе к публике, произведения их зачастую имеют гораздо больший успех, нежели оригинал, от достоинств которого они сумели урвать лишь незначительную часть.

При этих размышлениях мне вспоминаются наши поэтические приятельницы. У Амалии⁷ возник новый план. Мейер опасается, что сюжет причинит ей немало затруднений. Просто поразительно, до чего эти славные люди не в состоянии понять, сколь многое зависит от того, насколько тема поддается разработке. На этих днях я прочитал еще вторую часть «Агнес фон Либиен»⁸. Очень жаль, что работа эта выполнена с такой поспешностью. Обобщающая манера, в которой изложена эта история, и словно бы скачущий ритм рефлексивных излиятий, которыми постоянно перемежается повествование, не дают читателю ни минуты покоя, и он быстро утрачивает интерес. Упрек следует отнести к исполнению, ибо сам замысел даровал множество превосходных ситуаций, которые, будь они выполнены с некоторой *sodezza* *, могли бы произвести несравненное впечатление. Что же касается впечатления естественности, которое вообще производит это произведение, то это вызывает тем большее изумление, что тут нельзя не заметить воздействия *Вашего* духа на замысел и *Вашего* пера на воплощение. Разумеется, разграничение с трудом дается нам, читателям; но я все же позволю себе сказать, что такая личность смогла бы создать нечто замечательное, если бы сумела глубже овладеть искусством. Мейер поражен, хотя поразить его не так-то легко. И, завершая эту страницу, шлю Вам наилучшие пожелания; надеюсь, что работа Ваша подвигается

* основательностью (*итал.*).

успешно, и жду Вашего «Валленштейна», точно груды сокровищ.

Г.

Веймар, 3 февраля 1798 года.

Позволю себе попросить у Вас адрес Гумбольдта, которому я хотел бы написать в самом ближайшем времени.

419. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 6 февраля 1798 года

Мне было приятно услышать и от Вас, что мое мнение об идиллии и ее создателе было не совсем ошибочным. В том, что это женщина, нет никаких сомнений, и это совершенно естественное и дилетантское происхождение объясняет и оправдывает неумелость исполнения.

Вы, как мне кажется, отводите гораздо большую роль моему влиянию на произведение моей свояченицы, чем я могу допустить по справедливости. Замысел и его осуществление возникли совершенно самостоятельно и обошлись без моего содействия. О первой части я вообще ничего не слышал; она была закончена еще до того, как я узнал о ее существовании. Эта часть обязана мне только тем, что я избавил ее от явных недостатков определенной манеры изложения, вычеркнул там, где было возможно, все то, что препятствовало взаимосвязи значимых элементов повествования и влекло за собой некоторую невыразительность, а также просто выбросил несколько пространственных и бессодержательных эпизодов.

Что же касается второй части, то тут оставалось лишь написать ее, и при этом я даже не пытался оказывать воздействие на язык повествования. Судя по тому, как написана вторая часть, моя свояченица может писать без посторонней помощи. Это и в самом деле немало — добиться таких успехов, каких она действительно добилась, почти не обладая необходимой и основательной культурой, добилась посредством почти болезненного *стремления к самосовершенствованию* и скорее иллюзорно-мечтательного, нежели рационально осмысленного существования.

В перечне работ, заданных Вами себе на этот год, я не нахожу новой эпопеи¹, тогда как надеялся, что хотя бы в конце года Вы займетесь ею всерьез; впрочем,

ведь Вы и сами не в состоянии предугадать, какими путями поведет Вас богиня.

Длительная отсрочка Вашего приезда увеличивает, разумеется, запас моего «Валленштейна», и, хотя я отложил ту сцену, которая более всего нуждается во внешнем благотворном воздействии, решив дождаться первой прогулки по моему саду, я все же смогу закончить третий акт² за несколько недель. Четвертый и пятый будут, вместе взятые, не больше первого и возникнут как бы сами собой.

Будьте здоровы. Я сейчас гошу в доме моей свояченицы, которая вместе с моей женой просит передать Вам свои наилучшие пожелания.

III.

Citoyen Humboldt, rue de Verneuil, Faubourg St. Germain vis à vis la rue St. Marie N. 824 *.

420. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

То, что Вы пишете о незначительности Вашего воздействия на возникновение «Агнес фон Лилиен», усиливает мое желание, чтобы ее создательница еще раз спокойно занялась этой работой, обогатив повествование деталями и придав большую основательность рефлексивным излияниям. Дело стоит труда тем более, что автор в силу своей природы едва ли найдет какой-либо другой сюжет, в котором сможет столь же счастливо выразить себя. Во втором томе есть несколько чрезвычайно удачных ситуаций, утрачивающих эффект из-за поспешности, с которой они проскальзывают мимо. Мне не так легко было бы найти какой-нибудь прием, посредством которого удалось бы еще сильнее напугать читателя возможностью брака с Юлиусом, но только этот пассаж следует воплотить с очень большой ретардацией.

Если Вы согласны с моим мнением, то постарайтесь повлиять на автора, тем более что время терпит и первое впечатление от произведения сохранится, конечно, еще в течение некоторого времени.

Поскольку я словно бы обрезал список своих работ, то и загнал себя в бесцельный круговорот всевозможных практических дел, хотя и без особой радости. Можно

* Гражданину Гумбольдту, улица Верней в предместье Сен-Жермен, напротив улицы Сен-Мари, № 824 (франц.).

было бы осуществить очень многие замыслы во всем их объеме, если бы только люди не использовали для оценки идей ту же мерку, которую они берегут для житейских обстоятельств; отсюда и возникает обычно величайшая пакотня, и при затрате множества усилий, хлопот, денег и трудов под конец получается нечто такое, что вовсе не имеет определенного облика. С тихой, но тем более прочувствованной тоской я жду часа, который вновь приведет меня к Вам.

Посылаю Вам второе послание Шлоссера¹. Мне было бы интересно обстоятельнее поговорить с Вами при встрече об этом человеке и его нынешних высказываниях. Мне кажется особенно поразительным, что Шлоссер не замечает, что и сам он, по сути дела, лишь постулирует своего бога; ведь что такое потребность, которую приходится удовлетворить лишь вполне определенным способом, как не требование?

Будьте здоровы. Уже поздно, и мне остается лишь еще послать Вам и Вашим дамам мои наилучшие пожелания.

Г.

Веймар, 7 февраля 1798 года.

421. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 февраля 1798 года

Господин Шлоссер поступил бы умнее, если бы молча стерпел те истины, которые высказал ему Кант, и те дерзости, которых наговорил ему Фридрих Шлегель¹. Своей авторитарной апологией он только ухудшает дело и срамит себя самым непростительным образом. Не стану скрывать, что сочинение это вызвало у меня отвращение: оно обнаруживает закосневший дух, неспособный воспринять какое-либо чистое убеждение, неисцелимую черствость души и по меньшей мере слепоту, если не умышленное ослепление. Вы, знающий этого человека лучше, сумеете, вероятно, правильное и естественное объяснить невольной ограниченностью то, что я, охотно считающий людей умнее, чем они есть на самом деле, могу объяснить себе лишь нравственным недугом. Вот почему сочинение это возмутило меня сильнее, чем оно того, пожалуй, заслуживает. За всеми этими высокомерными философскими словесами кроется, на мой

взгляд, самая пошлая болтовня, автор повсюду апеллирует лишь к простым и низменным потребностям человеческой природы, и я нигде не нахожу и следа подлинного интереса к истине как таковой.

Об отдельных деталях этого сочинения и сказать нечего, тем более что тот основной пункт, от которого здесь все зависит, — нападки на аргументы критицизма и аргументы в защиту нового догматизма — не заслуживает сколько-нибудь серьезного отношения. В самом деле, здесь нет ни одной философской мысли, которая могла бы повлечь за собой философский диспут. Ибо что тут можно сказать, когда после столь многих и отнюдь не безуспешных усилий современных философов изложить предмет спора в предельно ясных и значимых формулировках на сцене появляется человек, который оперирует аллегорией и вновь повергает во тьму то, что было тщательно подготовлено усилиями чистого разума, — так, как это делает господин Шлоссер в характеристике четырех философских сект.

И в самом деле непростительно, когда хоть сколько-нибудь дорожающий своей честью литератор, вступая на столь чистое поприще, каким стала философия благодаря Канту, начинает вести себя так нефилософски и нечистоплотно. Мы с Вами и все другие рассудительные люди тоже знаем, например, что человек, осуществляя свое наивысшее назначение, всегда действует как некое единое целое и что природа вообще действует повсюду синтетически. Однако нам никогда не придет в голову отвергать на основании этого те дефиниции и анализ в философии, на которых зиждется любое исследование, равно как и нападать на химика за то, что он искусственным образом разрушает то, что синтезировано природой. Но такие вот господа Шлоссеры пытаются пройти сквозь всю метафизику, полагаясь на свой нюх и осязание, они везде хотят познавать синтетически, но под этим мнимым богатством кроются в конечном счете ничтожная пустота и пошлость, и боюсь, что это аффектированное стремление подобных господ постоянно рассматривать человека в его целостности, одухотворять телесное и очеловечивать духовное представляет собой лишь жалкую попытку хоть как-то сохранить свое ничтожное Я в уютных потемках.

Мы еще не раз обсудим этот предмет, когда Вы придете, однако самому этому сочинению мы немногим

будем обязаны. Впрочем, Шлоссер не так уж и ошибся в своих намерениях: он усилит свою партию не-философов, а до философов ему и дела нет.

Будьте здоровы. Мерзкая погода не слишком благоприятствовала моим стараниям, поскольку вернула мне мои старые болезни — катар и насморк.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

422. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

После маскарада, который внес в мои чувства куда худший разлад, чем это могла бы сделать философия, Ваше милое письмо подействовало на меня чрезвычайно отраднo и освежающе. Для меня послание Шлоссера было лишь выражением натуры, которую я вот уже тридцать лет воспринимаю как полную противоположность своей, а поскольку именно сейчас мне приходится размышлять об ограниченности представлений, о косности, самообмане и недобросовестности в сфере науки, то это сочинение послужило мне в качестве замечательного примера. Ньютонианцы, очевидно, находятся в подобном же положении в том, что касается теории цвета; отец Кастель даже прямо обвиняет Ньютона в недобросовестности¹, и остается только удивляться тому, что в своей «Оптике» он прибегал к заимствованиям из «*Monumentis opticis*». Он явно видел слабые стороны системы Ньютона и говорил о его экспериментах как человек, который убежден в своей правоте, и в этом своем убеждении с величайшей прямоотой указывал на все уязвимые места; однако тут же он выдвигал сомнительные предположения, строил вымышленные гипотезы и замалчивал или только мельком затрагивал то, что противоречило его суждениям.

То, что в теории кажется нам таким поразительным, на практике мы видим повседневно. Как часто бывает принужден человек закрывать глаза на обстоятельства, которые ему противоречат, лишь бы хоть как-то утвердить свою ограниченную, беспомощную личность, и с каким упорством стоит он на своем, когда его воззрениям не верят! И все же корни всего этого уходят в более глубокую и лучшую сторону человеческой натуры, ибо практическому человеку всегда следует быть пролагателем новых путей и заботиться не о том, что могло бы произойти, а о том, что должно было бы происходить. Однако

последнее неизменно представляет собой некую идею, человек же конкретен в своем конкретном существовании; вот тут-то и начинается вечный самообман ради того, чтобы оказать конкретному честь, объявив его идеей, и т. д. В одном из предыдущих писем я уже коснулся этого момента, который так часто поражает нас в практической жизни и приводит в полное отчаяние в других случаях.

Тем большей ценностью обладает для меня по этой причине философия, ежедневно побуждающая меня отвлекаться от себя самого; ведь это для меня тем более возможно, что моя природа воссоединяется с такой же легкостью и быстротой, как разъединенные шарики ртути. Ваш метод оказывает мне при этом превосходную поддержку, и я надеюсь вскоре дать повод для наших новых бесед своей новой схемой учения о цвете.

На этих днях я читал работу Роберта Бойля о цвете²; ничего лучшего я не знаю во всей этой области. При своей решительной склонности к определенному способу истолкования (который, впрочем, еще приемлем в химической части его работы) он обнаруживает прекрасную широту взгляда, позволяющую ему видеть, что для других феноменов оказываются более пригодными другие способы представлений. Он очень ясно осознает несовершенство своей работы, и его изложение в этом смысле весьма добросовестно. Он не упускает случая исчерпывающим образом изложить и обосновать свое мнение, но всегда делает это как человек, который обращается к кому-то третьему, к какому-то юноше, побуждая его еще лучше исследовать и обдумать все изложенное. Он касается почти всех существенных вопросов и в большинстве случаев судит о них весьма здраво. По сути дела, лишь два первых раздела его сочинения разработаны полностью; в последнем же эксперименты сопоставлены менее методично. Он писал это произведение, когда уже очень сильно страдал от болезни глаз, составляя его из отдельных заметок и по памяти, чтобы не дать погибнуть своим мыслям и наблюдениям. С отрадной ясностью и искренностью он говорит о том, что ценно, а что нет в его трудах, и мне он до сих пор кажется единственным человеком в этой области, который следовал доброму совету Бэкона³. Его книга вышла за год до того, как Ньютон выдвинул свою гипотезу и установил свою антибэконов-

скую тиранию в этой области. Найдись у Бойля хотя бы два последователя, которые продолжили бы работу в духе его исследований, нам не о чем было бы заботиться, и я, вероятно, смог бы использовать свое время лучшим образом. Впрочем, во всех случаях хорошо тратить время на работу, которая ежедневно способствует нашему совершенствованию. Будьте здоровы. Желая всяческого успеха Вашим трудам.

Г.

Веймар, 10 февраля 1798 года.

423. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 13 февраля 1798 года

Я стремился возместить Ваше длительное отсутствие усердным трудом и надеждой положить перед Вами тем большую часть моей работы, однако время года и постоянные колебания погоды отнюдь не благоприятствуют мне и создают всяческие помехи продвижению вперед, несмотря на живое влечение и хорошее расположение духа. Голова моя вот уже с неделю как страдает от нового воспалительного приступа, да и старая болезнь тоже мучает меня. Чтобы сохранить бодрость, я стараюсь даже не думать о нынешней работе и занимаюсь размышлениями о той, которая предстоит мне в отдаленном будущем, и об отвлеченных идеях.

Поскольку за эту зиму я прочитал множество описаний путешествий, то и не смог удержаться от попытки уяснить себе, какое именно применение подобному материалу может найти поэт, и при этих изысканиях мне снова явственно открылось различие между эпической и драматической трактовкой.

Нет никакого сомнения в том, что какой-нибудь мореплаватель, подобно Куку открывший новые земли или совершивший кругосветное путешествие, мог бы непосредственно или косвенно послужить в качестве превосходного сюжета для эпической поэмы¹, ибо тут я нахожу все атрибуты эпической поэмы, относительно которых мы пришли к согласию; при этом удача особенно сопутствовала бы поэту в том случае, если бы средства воплощения обладали в его глазах теми же достоинствами и самостоятельной значимостью, что и сама цель, и даже если бы цель преследовалась, скорее, ради средств. Здесь

оказывается возможным черпать из определенной человеческой сферы то, что представляется мне существенно значимым для эпоса, и природное образует здесь в сочетании с нравственным некое прекрасное целое.

Когда же я думаю об этом материале применительно к драме, то сразу же осознаю большое различие между этими двумя поэтическими жанрами. Здесь чувственная широта настолько же сковывает меня, насколько привлекала там; природное выступает здесь лишь как средство для воплощения нравственного и обременяет свою значимостью и теми требованиями, которое оно предъявляет, — короче, весь этот обильный материал служит здесь лишь побудительным средством для воплощения определенных конфликтов, разыгрывающихся в человеческой душе.

Меня, однако, чрезвычайно удивляет то обстоятельство, что подобный материал ни разу еще не вводил Вас в искушение, ибо здесь Вы найдете в почти что законченном виде все то, что столь необходимо и вместе с тем столь сложно для воплощения, а именно сочетание духовной и физической деятельности естественного человека с тем определенным содержанием, которое может дать лишь искусство. Ле Вайян в своих африканских путешествиях² предстает перед нами как подлинно поэтический характер и поистине сильный человек, поскольку он сочетает со всеми проявлениями животной энергии и всеми почерпнутыми непосредственно из природы вспомогательными средствами те достоинства, которые дарует лишь культура.

Будьте здоровы; на сегодня довольно. Меня только что, в восемь вечера, позвали обедать. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

424. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я посылаю Вам то, чего Вы, вероятно, не ожидаете, — описание феноменов и предполагаемое изложение тезисов учения о цвете, распределенные по категориям¹. Как ни мало подходит мне подобный труд, Вам придется все же похвалить мое намерение пойти Вам навстречу в своей работе и еще больше заинтересовать Вас этим предметом, ибо теперь все зависит от предельной ясности изло-

жения целого. В Ваших руках этот листок сразу же приобретет иной облик.

Я предпослал этому троякому членению краткое пояснение терминов, присовокупив к нему несколько замечаний. Временно довольствуйтесь тем, что есть, пока я не приеду, а тогда уже мы быстро преодолеем несколько ступеней благодаря живой беседе. Теперь я стремлюсь добиться того, чтобы ни одно имя во всей истории литературы по этому предмету не осталось бы для меня просто именем, — ведь в этом случае нравственный элемент представляет собой неотъемлемую часть научного воздействия. Просто поразительно, до чего замедляется развитие науки вследствие того, что люди всегда исходят из отдельных практических потребностей и из их удовлетворения, подолгу задерживаются на отдельных пунктах в частных вопросах, а при обобщениях чрезмерно спешат с гипотезами и теориями. И все же нельзя не восхищаться тем, как человеческий разум, преодолевая все препятствия, добивается своих неотъемлемых прав и с силой устремляется к предельному согласованию идей и предметов. Надеюсь, что еще до окончания работы у меня исчезнет всякое раздражение, вызываемое противодействием, и надеюсь, что буду столь же свободен в чувствах, что и в мыслях.

Известие о повторном приступе Вашего недомогания очень меня огорчает. Это единственная неприятность, которая тревожит меня в нынешних моих обстоятельствах, и тем живее я ее ощущаю.

Мое затянувшееся пребывание здесь дает мне все же надежду на большую свободу в ближайшем будущем. И в этом смысле я еще сильнее радуюсь предстоящей поездке в Иену.

Я совершенно согласен с Вами в том, что в *путешествии*, причем особенно в путешествии такого рода, о котором Вы говорите, кроется множество прекрасных эпических мотивов, однако я никогда не решился бы взяться за обработку такого предмета, потому что мне недостает здесь непосредственного созерцания, и в этом жанре чувственное отождествление с предметом (которого никогда не удастся достичь с помощью чужих описаний) представляется мне совершенно необходимым.

Кроме того, здесь пришлось бы состязаться с «Одиссеей», в которой уже использованы самые интересные мо-

тивы. Волнение женской души при появлении чужестранца, этот прекраснейший мотив, немислимо даже и пытаться разрабатывать после эпизода с Навзикаей. Что говорить, если даже в древности Медея, Елена и Дидона намного уступали дочери Алкиноя уже по характеру своих отношений с героями. Нарина у Вайяна² и подобные ей персонажи всегда останутся лишь пародией на эти прекрасные образы. Но тут я возвращусь к своему первому тезису; непосредственный опыт, возможно, и дал бы нам повод к воплощению ситуаций, достаточно привлекательных; однако насколько необходимо здесь непосредственное созерцание, будет ясно из следующего.

Хотя нас, обитателей континентальных областей, и восхищает «Одиссея», однако, по сути дела, на нас оказывает воздействие лишь нравственная сторона поэмы; восприятию всей описательной стороны наше воображение оказывает лишь несовершенную и жалкую помощь. Однако в каком блеске предстала передо мной эта поэма, когда я читал ее песни в Неаполе и на Сицилии!³ Словно потускневшую картину покрыли лаком, отчего она тотчас же обрела отчетливость и гармонию. Признаюсь, что произведение это перестало быть для меня поэмой, оно показалось мне самой природой, а ведь подобное восприятие было присуще древним тем неизбежнее, что их произведения исполнялись перед лицом природы. Многие ли из наших поэм выдержали бы чтение вслух на площади или еще где-нибудь под открытым небом?

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене. Пользуйтесь каждым хорошим мгновением.

Г.

Веймар, 14 февраля 1798 года.

425. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 16 февраля 1798 года

Довольно рискованное предприятие — придавать столь разнородному эмпирическому материалу такую форму, которая соответствовала бы требованию исчерпывающей законченности. Поскольку двенадцать категорий исчерпывают все основные вопросы, которые могут быть отнесены к любому предмету, то при правильном распределении должно возникать чувство удовлетворения; однако

я испытываю отнюдь не это чувство, а нечто противоположное. Полагаю, впрочем, что дело скорее в самом предмете, нежели в Вашем исполнении, которому по этой причине все еще присущ несколько рапсодистический и, следовательно, произвольный характер. Однако в чем бы ни состояло дело, я все же испытываю сильные сомнения в том, что Вы сможете приблизить меня к себе на этом пути, ибо при столь строгой форме, какую неизбежно влечет за собой требование всеобщности, этот эмпирический предмет по-прежнему будет представлять передо мной некой необозримой массой; и именно потому, что здесь должен властвовать рассудок, я всегда буду ощущать свою эмпирическую несостоятельность.

Если испытание категориями вообще должно иметь здесь место и оказаться полезным, то его следует проводить, как мне представляется, применительно к самым общим и элементарным положениям учения о цвете, и притом прежде, чем речь пойдет об особых определениях, ибо последние могут привести лишь к путанице.

Далее, как мне кажется, некоторая путаница возникает из-за того, что Вы не всегда ограничиваетесь одним субъектом и при одной категории рассматриваете свет, при другой — цвет, тогда как смысл всей операции состоит в том, чтобы категории всегда давали бы лишь оценки, субъект же, подвергаемый оценке, всегда оставался одним и тем же.

Я отложу более детальный разбор дела до наших устных обсуждений, потому что беседа может гораздо быстрее продвинуть меня вперед. Предварительно же изложу здесь лишь несколько замечаний.

Говоря о моменте качества, следует, согласно моим представлениям, ответить на следующий важный вопрос: воздействует ли цвет как *позитивная имманентная энергия* или же только как *ограниченная световая энергия*, и в этом случае подлинным источником воздействия оказывается лишь свет, а само цветовое явление представляет собой лишь результат особо модифицированного отклонения света. (Без света, естественно, для глаза не существует никакого цвета, ибо свет есть условие всякого видения. Однако без света для глаза не существует также никакой формы, величины и т. д., и, таким образом, вопрос состоит в том, существует ли независимо от света *качество* цвета.)

Говоря об отношении, следует, таким образом, задать следующие вопросы:

1) Является ли цвет лишь *accidens* * света и, следовательно, моментом отнюдь не субстанциальным?

2) Является ли цвет лишь результатом *воздействия* света?

3) Является ли цвет результатом взаимодействия между светом и одним из подобных ему многочисленных субстанциальных *agens* **, равных *x*? (Поскольку при категории отношения все рассматривается лишь по отношению, то в этом вопросе свет отождествляется с некой субстанцией, так что вопрос, по сути дела, звучит просто: является ли цвет вообще лишь *accidens* по отношению к свету, или же он представляет собой нечто самостоятельное?)

Быть может, к достаточно плодотворным воззрениям привело бы исследование цвета в связях тройкого рода:

1) в связи со светом и тьмой,

2) в связи с глазом,

3) в связи с телом, на котором он появляется.

Ваше распределение цветов пока что не вполне конкретно для меня, так как мне не удалось уяснить с его помощью, верно ли то, что я подразумеваю, например, под *физическим* цветом. Насколько я понимаю, под этим подразумеваются цвета призматического спектра. Под химическими цветами я подразумеваю пигменты.

Сегодня я попытался снова начать работу, однако понадобится еще некоторое время, прежде чем ко мне придет нужное настроение.

Желаю всего хорошего Вам и Мейеру. Прошу при случае вернуть мне идилию о часовне в лесу ¹.

Моя жена шлет Вам сердечный поклон.

Ш.

426. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Чем сильнее я ощущал и ощущаю несовершенство этого первого опыта, тем большие надежды возлагаю, однако, на более удачное его воплощение, в чем Вы, конечно, окажете мне самую действенную помощь, как только мы встретимся снова.

Основная ошибка этой работы, на которую и Вы со-

* сопутствующим явлением (*латин.*).

** факторов (*латин.*).

вершенно справедливо обратить внимание, состоит в том, что я не всегда ограничивался собственно субъектом, и в том, что я рассматривал попеременно свет и цвет, общее и частности.

Но это ни о чем еще пока не говорит! Когда вместо одной таблицы будут подготовлены три, а число вариантов их описаний достигнет полдюжины, работа приобретет иной облик.

Хотя я полагаю, что вся эта эмпирическая масса с огромным количеством феноменов и необычайной их широтой едва ли обретет рациональное единство даже в том случае, если ее правильно расчлнить и обдуманно распределить по группам, тем не менее любая попытка хотя бы улучшить метод изложения стоит труда.

Распределение же, которого Вы желали, выглядит у меня таким образом:

1) в связи с глазом — *физиологическое*;

2) в связи со светом и тьмой — *физическое*,

которое существует лишь в определенных границах и пределах; цвета призматического спектра составляют здесь лишь одну подгруппу.

3) *химическое*, являющееся на телах.

Даже если это распределение и будет использовано впоследствии лишь в изложении, без него, однако, не обойтись, и я пока что не могу представить себе иного.

Меня, в сущности, привела к этой схеме по категориям и даже вынудила упорствовать в ее осуществлении сама история учения о цвете.

История эта делится на две части; первая — это история опытов, вторая — история мнений, которые и должны быть полностью подчинены категориям.

Здесь в высшей степени необходимо обособление, причем преимущественно по той причине, что иначе никак не удастся взять верх над современными последователями Аристотеля, которые перетасили все естествознание и особенно этот его раздел в метафизическую или, скорее, в диалектическую сферу. При этом, как мне кажется, они исчерпали все мыслимые способы представлений, так что любопытно было бы рассмотреть все эти способы, сопоставив их в определенном порядке. Ибо, поскольку природа по своей сути настолько неисчерпаема и неисповедима, что ей можно приписать любые противоречия, нисколько ее этим не потревожив, то исследо-

ватели с давних пор весьма добросовестно использовали это обстоятельство и выдвинули такое количество остроумных и противоречащих друг другу суждений, что в итоге возникла величайшая путаница, которую можно наглядно продемонстрировать лишь с помощью исчерпывающего обзора всех оценок.

Я убежден (и это можно будет доказать впоследствии), что ньютоновская система постепенно завоевала так много поборников по той причине, что подобная система *эманации*, или *эмиссии*, как можно ее назвать, неизменно представляет собой всего лишь своеобразный мистический мостик, обладающий тем преимуществом, что он ведет из области беспокойной диалектики в область веры и грез.

Таким образом, первоочередным *meo voto* * должно стать распределение по категориям учения о свете и о цвете в целом и о каждом в отдельности, причем здесь следует воздержаться от любых эмпирических частных.

Эмпирические частности теперь уже распределены по тем трем разделам, которые согласуются с Вашими требованиями. В ближайшее время Вы получите, вероятно, схему всего целого и будете удивлены этой необъятной массой, как только вникнете в детали.

Все будет здесь сведено в обозримую систему, и я остерегусь приниматься за разработку какой бы то ни было части до тех пор, пока в моей схеме еще найдется что улучшить, а тогда уже и сама работа будет почти что закончена. Я прошу у Вас доброжелательной поддержки в виде одобрений и возражений; последние никогда не были необходимы мне так, как теперь, когда я вступил в сферу философии, где вынужден двигаться ощупью.

На этой неделе я лишь бегло проглядел труды примерно дюжины авторов, работавших в моей области¹; при этом я надеялся обрести некоторые основные моменты истории предмета и питаю теперь надежду извлечь отсюда нечто полезное и удобочитаемое, ибо частности здесь привлекательны, а общее — по-человечески широко. Тем не менее я и боюсь, что нынешняя моя тяга к этому предмету вскоре оставит меня и уступит место поэтическому влечению, и хочу этого. Однако я могу

* здесь: моей задачей (латин.).

неизменно радоваться тому, что в нынешнем моем беспокойном положении еще испытываю какие-то интересы, которые помогают мне выдержать все.

Г.

[Веймар, 17 февраля 1798 года].

427. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Господин фон Бринкман, который едет в Иену, чтобы повидаться с Вами, хочет получить от меня несколько слов для Вас. Поскольку он уже рекомендован Вам музами¹, а его живая беседа несомненно доставит Вам удовольствие, то мне не нужно добавлять что-либо к этому.

Мое вчерашнее письмо я даже не смог завершить словами привета, в такой суете я живу. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене; я был бы очень рад услышать, что Ваша работа снова подвигается вперед.

Веймар, 18 февраля 1798 года.

Г.

428. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 20 февраля 1798 года

Поскольку в течение некоторого времени я был почти совсем лишен «звука человеческой речи»¹, то меня очень подбодрила и развлекла живость беседы нашего друга, который вчера передал мне Ваше письмо. Вообще весьма интересно видеть *читателя*, который возвращает вам либо ваши собственные, либо чужие идеи в несколько ином обличье. У этого, впрочем, явственно ощущается преимущество идей, ибо он был вовлечен в наш круг Гумбольдтом². Характерно, что при определенном состоянии литературы возникает подобное племя паразитов (если угодно, зовите их другим именем), которые основывают свое существование на том, что создано другими, и которые, нисколько не обогащая и не расширяя сферы искусства или науки, содействуют, однако, распространению того, что есть, переносят идеи из книг в жизнь и, подобно ветру или некоторым птицам, разбрасывают семена там и сям. Их действительно следует высоко ценить как посредников между писателями и публикой, хотя опасно было бы смешивать их с той же публикой. Впрочем, у этого нашего друга ясный ум, а к тому же при всей своей рассудительности он, по-

видимому, обладает тонкой восприимчивостью; притом ему присуща особая пластичность, позволяющая ему приспособливаться к чужому и даже присваивать его себе. Если сравнивать его с Гумбольдтом, то, как мне кажется, суждения его намного банальнее, а убеждения не так тверды, но чувства у него больше.

Применение категорий ко всей массе собранного Вами материала не может не быть для Вас плодотворным. Будучи, с одной стороны, превосходным средством для обобщения всего материала, операция эта вместе с тем окажет Вам ту же услугу, какую мог бы оказать друг, образ мышления которого был бы прямо противоположен Вашему. Как мне представляется, это приведет Вас к строгим определениям, разграничениям и даже к резким противопоставлениям, к чему Вы сами по себе не слишком склонны, ибо опасаетесь совершить насилие над природой; поскольку же эти строгость и резкость, какими бы опасными ни показались они в отдельных случаях, неизменно сглаживаются благодаря универсальности этой операции, то Вы неизменно будете с удовлетворением возвращаться к Вашему собственному способу представления. Подобную службу отлично сослужило бы Вам понятие взаимодействия и ограничения, однако и при использовании категорий *всеобщности* и *необходимости* Вы придете к тому же самому. А так как в самом произведении Вам не удастся избежать полемики, то испытание категориями дарует безусловное преимущество, и я прекрасно представляю себе, как оно поможет Вам при составлении обзора в исторической части.

Даже Вашу схему я жду теперь с большим нетерпением, чем когда-либо, и когда Вы приедете, мы со всею радостью и серьезностью обстоятельно обсудим ее; не говоря уже о самом предмете, углубиться в который мне было бы чрезвычайно интересно, меня особенно привлекает возможность предстать перед Вами в качестве хорошего читателя и проверить, насколько можно объединить в одной и той же ситуации двойной взгляд на предмет и на субъективные потребности читателя.

Моя работа слишком часто наталкивалась на препятствия, и поэтому конец так еще далек, что меня пугают запросы о «Валленштейне», которые начинают теперь поступать ко мне из внешнего мира. Шрёдер сам хочет сыграть главного героя и, кажется, не прочь даже

выступить в этой роли в веймарском театре³. И Унгер написал мне из Берлина в письме, прибывшем вчера, что берлинский театр готов заплатить мне любой гонорар, если я пришлю им пьесу до того, как она будет напечатана. Если бы я только смог закончить ее в скором времени! Работа теперь снова подвигается понемногу, хотя голова у меня еще побаливает.

Будьте здоровы. Моя жена поедет завтра слушать «Волшебную флейту», однако Вам едва ли удастся поговорить с ней, поскольку она той же ночью отправится обратно. Приезжайте же наконец, мы тоскуем по нашим милым вечерам. Множество поклонов Мейеру!

Ш.

429. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сегодня утром я напрасно ждал письма от Вас. Лишь бы его отсутствие не предвещало Вашего нездоровья!

Бринкман был очень рад тому, что провел несколько часов в доверительной беседе с Вами. Его живое участие к столь многим вещам и в самом деле заслуживает хорошего приема; вчера он обедал у меня, и я отвел ему место между двумя нашими милыми писательницами, где он чувствовал себя просто превосходно. По существу, однако, он кажется мне вполне подходящей фигурой для такой обширной сферы, как Берлин.

Напишите мне, пожалуйста, что Вы думаете о размере, которым написан шлегелевский «Прометей»². У меня возник один замысел, из-за которого меня привлекла форма стансов; поскольку же она слишком строга и циклически размеренна, то я подумал об упомянутом размере, однако при ближайшем рассмотрении он мне не понравился, так как здесь совершенно невозможна передышка, а из-за нарастания рифм стихотворение никак нельзя завершить³.

Кроме того, я не раз еще обдумывал, каким образом можно было бы удовлетворить Ваши требования к рациональной эмпирии, которые Вы изложили несколько недель назад, и притом — вполне сообразуясь с моим методом. Я должен согласовать все это прежде, чем вернусь к Бэкону, к которому я вновь обрел великое доверие. Я не пожалею никаких сил на этом пути и предвижу, что, после того как хорошо разработаю свою главу о цвете, я с большой

легкостью смогу продвинуться вперед и во многом другом. Подробнее — в ближайшие дни и, как я надеюсь, в устной беседе.

Г.

Веймар, 21 февраля 1798 года.

430. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 23 февраля 1798 года

Метод, который Вы применяете теперь в Ваших работах, неизменно сулит Вам прекрасный двойной выигрыш: *во-первых*, проникновение в предмет, а *во-вторых*, проникновение в самую суть движения духа, словно бы в философию этого процесса, причем последнее оказывается едва ли не более важным выигрышем, ибо постижение орудий, которыми оперирует дух, и отчетливое осознание метода уже даруют человеку известное господство над всеми предметами. Когда Вы приедете сюда, я буду очень рад многое узнать и обдумать как раз в связи с этой универсальностью подхода к эмпирии. Быть может, Вы решитесь даже обстоятельно обсудить это всеобщее в начале Вашего труда, тем самым придав Вашему труду (независимо от его специального содержания) некую абсолютную ценность в глазах всех тех, кто размышляет о явлениях природы. Бэкон по всей справедливости должен был бы побудить Вас к этому.

Что же касается Вашего вопроса о стихотворном размере, то здесь, естественно, многое зависит от сюжета, для которого Вы собираетесь использовать его. Вообще же этот размер не нравится и мне: он слишком однообразен и монотонен, и мне представляется, что с ним неразрывно связано торжественное настроение. По-видимому, однако, подобное настроение — не то, к чему Вы стремитесь. Так что я во всех случаях предпочитаю стансы, поскольку трудности здесь, конечно, те же самые, но стансам присуще несравненно большее изящество.

Я получил известие из Парижа (от Гумбольдта), что Шлегели покидают Иену и собираются обосноваться в Дрездене¹. Вероятно, Вы тоже слышали об этом?

Судя по тому, что рассказывала моя жена, Бринкман имел величайший успех в Веймаре, и в особенности при дворе вдовствующей герцогини. Он вообще человек занимательный в общении и достаточно ловкий для того, чтобы умело сочетать остроумие с тривиальностью.

Гумбольдт пишет мне также о суждении, которое высказал Фосс относительно Вашего «Германа»; он услышал его от Фивега, который сейчас находится в Париже. По словам Фосса, он боялся, что «Герман» повергнет в забвение его «Луизу». Хотя этого не случилось, однако в «Германе» есть отдельные места, за которые он отдал бы всю свою «Луизу». Нельзя-де винить Вас за то, что в гекзаметре Вы не можете сравниться с ним, ведь это, в сущности, его сфера, и все же он находит, что последние Ваши гекзаметры стали много совершеннее². Отсюда явствует, что у него нет и самого отдаленного представления об истинном духе Вашей поэмы, а следовательно, и о духе поэзии вообще; одним словом, он одарен не универсальным и свободным талантом, а всего лишь творческим инстинктом, подобно птице, выщел гнездо, или бобру, строящему домик.

Будьте здоровы. Моя жена тоже хочет написать Вам несколько слов в приложении к этому письму.

Ш.

Я никак не могу найти сейчас письмо Гумбольдта, так что пришлю его в другой раз.

431. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Еще в среду я продиктовал страничку письма к Вам¹, а сегодня попытался было продолжить его; однако мысли мои были так сбивчивы, что письмо придется еще редактировать. Я отправлю его завтра вечером с экстренной почтой.

О Шлегеле я знаю только то, что на Пасху он едет в Дрезден через Берлин, а зимой снова вернется в Иену².

Когда я приеду, то изыщу предлог для того, чтобы Вы повидались с ним разок-другой до его отъезда: на тот случай, если он вдруг вздумает в приступе дурного расположения духа лишить Ваш альманах своих стихотворений, без которых я все же не хотел бы обойтись.

Будьте здоровы и вспоминайте обо мне с любовью.

Г.

Веймар, 24 февраля 1798 года.

432. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я пытливо гляжу на каждого, кто в среду и в субботу входит утром в мою комнату,— не несет ли он мне

письмо от Вас; и поскольку сегодня утром я вынужден был лишиться этого вожаденного завтрака, тем большую радость доставил мне голубой *couvert*¹ вечером.

Я уговорил нашего шведа², которого Вы так превосходно охарактеризовали, остаться у нас до завтра. Ведь наши веймарские дамы очень нуждаются в подобных явлениях из внешнего мира, а поскольку у них обычно так мало развлечений, то я с удовольствием помог им. Разумеется, подобные личности весьма желательны, потому что принадлежат к позитивной сфере и к тому же всегда готовы предполагать таланты у других, когда их собственные таланты оцениваются должным образом.

Не могу выразить, как я жажду увидеть результаты Вашей работы и обсудить с Вами столь многое. Если бы штутгартцы своим молчанием не оставляли меня в неведении относительно приезда Туре³, то я мог бы приехать к Вам уже несколько дней тому назад.

Я уже едва вспоминаю, что написал Вам сегодня утром относительно рационального эмпиризма; мне представляется, однако, что и в наивысшей своей фазе подобный эмпиризм может быть только критическим. Он вынужден допустить параллельное существование нескольких определенных способов представления, не осмеливаясь при этом ни исключить какой-либо из них, ни расширить сферу действия одного из них за счет другого. Во всей истории учения о цвете ошибочным кажется мне то, что никто не пытался выполнить распределения по трем разделам, и то, что эмпирические выводы, соответствовавшие одному разделу опытов, стремились распространить и на другие разделы, а в итоге концы не сходились с концами.

Точно так же, на мой взгляд, обстоит дело с идеями, которые переносятся из сферы мышления в сферу опыта; они также соответствуют лишь *одной* группе феноменов, и я позволю себе сказать, что природа непознаваема по той причине, что *один* человек не может постичь ее, хотя все человечество, пожалуй, могло бы ее постичь. Поскольку же род человеческий никогда не собирается воедино, то природа, пряча свои карты от нашего взора, всегда оказывается в выигрыше.

В «Идеях» Шеллинга⁴ я снова вычитал кое-что, и мне по-прежнему было бы любопытно побеседовать с ним; однако при этом, я полагаю, обнаружится, что он

выдвинет возражения против тех способов представления, которые мог бы развить и сам, или даже промолчит из осторожности, но тогда какой мне толк от идеи, если она вынуждает меня сокращать мой запас феноменов.

С другой стороны, математики, которые благодаря своим необычайным преимуществам могли бы добраться до самой сути в природе, также довольно часто затушевывают самое интересное. Один старый дворцовый садовник говаривал: «Природа позволяет порой поторопить себя, но не принудить, и все то, что мы замыслиаем по отношению к ней в теории, носит отпечаток приближенности, так что скромность тут более чем уместна». На днях я с большим интересом проштудировал «Фотометрию» Ламберта⁵, которая действительно просто прелестна: автор объявляет свою цель недостижимой, а в то же время не щадит своих сил, чтобы достичь ее.

Все это теперь — и в особенности потому, что я смогу наконец предъявить Вам свою работу, — даст нам отличный повод для бесед.

На этом я остановился в среду. То, что я продиктовал вчера, совершенно бесформенно⁶. И все же пусть эта страница отправится сегодня вечером к Вам. Герцог уехал в Готу. Весь этот спокойный день я посвятил планам нового устройства библиотеки⁷, ничего пока еще не добившись (что, впрочем, совершенно естественно).

Будьте здоровы и снова порадуйте меня письмом в среду.

Г.

Веймар, 25 февраля 1798 года.

433. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 27 февраля 1798 года

Итак, февраль миновал, так и не даровав мне свидания с Вами; ожидая и надеясь, я дождал почти до конца зимы. Тем нетерпеливее я думаю о весне, прихода которой поистине жажду, исполненный пробудившихся желаний. Теперь мне доставляет порой удовольствие заниматься кое-какими нововведениями для благоустройства жизни в садовом доме и в саду. Одно из них особенно полезно и будет столь же приятно: чистенькая славная баня, которую я велел соорудить в одном из флигелей. Сам же дом будет надстроен на один этаж;

так что теперь оттуда откроется приятный вид на долину Лейтры. На противоположной, ламбрехтовской стороне уже в прошлом году вместо флигеля появилась кухня весьма основательной постройки. Таким образом, навестив нас в саду, Вы увидите ряд полезных нововведений. Только бы нам поскорее снова собраться там!

Что касается моей урочной работы, то я совершенно незаметно преодолеваю один отрезок пути за другим и нахожусь теперь в самом что ни на есть водовороте событий. В особенности меня радует то, что позади остался один эпизод¹, в котором нужно было выразить самое обыкновенное нравственное осуждение преступлению Валленштейна и притом обработать поэтично и оригинально такую, в сущности, тривиальную и непоэтичную материю, сохранив нравственный характер осуждения. Я доволен выполнением и надеюсь, что угожу нашей милой нравственной публике, хоть я и не прибег здесь к прямой проповеди. В этих обстоятельствах я в полной мере ощутил, однако, насколько бессодержательно собственно нравственное и какие усилия должен прилагать субъект, чтобы удержать объект на должной поэтической высоте.

В Вашем последнем письме меня поразила мысль о том, что природа может быть постигнута суммой всех индивидуумов, тогда как отдельной личности постичь ее не дано. Мне представляется, что каждого индивидуума действительно можно рассматривать как некое обособленное *чувство*, которое воспринимает природу в целом столь же своеобразно, что и отдельный орган чувств человека, и которое точно так же не может быть заменено другим, как, например, ухо глазом, и т. д. Если бы только каждый индивидуальный способ представления и ощущения обладал возможностью ясного и полного самовыражения! Ибо языку присуща тенденция, прямо противоположная индивидуальному, и природы, воспитанные лишь для выражения обыденного, утрачивают обычно многое в своей индивидуальности и, таким образом, весьма часто оказываются лишенными этого чувственного качества в восприятии явлений. Вообще же для меня соотнесенность общих понятий и созданного на их основе языка с предметами, конкретными случаями и ощущениями — такая бездна, в которую я не могу заглядывать, не испытывая головокружения. Реальная жизнь ежеминутно демонстрирует возможность подобного вы-

ражения особенного и исключительного с помощью некоего универсального посредника, а рассудок как таковой вынужден доказывать себе почти полную невозможность этого.

Будьте здоровы. Прилагаю последнее письмо Гумбольдта², которое прошу поскорее вернуть мне для ответа. Моя жена сердечно Вам кланяется. Множество поклонов Мейеру.

Ш.

434. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если бы наши штутгартские друзья вели себя поучтивее и известили меня о дне приезда Туре, то я уже, вероятно, мог быть теперь у Вас, поскольку за исключением этого дела все прочие улажены. Но коль скоро Ваш «Валленштейн» продвигается вперед большими шагами, я постараюсь перенести все свои прежние утраты, хотя когда лишаешься общения определенного рода (как это и произошло в случае с Гумбольдтом), явственно ощущаешь, насколько оно тебе необходимо.

Гумбольдт должен всячески избегать теоретических бесед с французами, если только он не хочет снова испытать чувство раздражения¹. Они не в состоянии постичь, что в человеке может быть нечто такое, что не попало к нему извне. Так, Мунье уверял меня недавно, что идеал есть нечто, составленное из отдельных прекрасных элементов. Когда же я спросил его: откуда в таком случае берется понятие прекрасных элементов? каким образом человек приходит к мысли о том, что следует добиваться прекрасного целого? и не является ли выражение «составлять» слишком уж примитивным по отношению к действиям гения, черпающего из эмпирических основ? — то на все эти вопросы он отвечал в переводе на свой язык, заверив меня при этом, что гению давно уже приписывают *une sorte de création* *.

И вот таковы все их прения! Они всегда самым решительным образом исходят из некоего рассудочного понятия, а когда вопрос переносится в более высокие сферы, то обнаруживается, что и для этой ситуации у них наготове слово и они нимало не тревожатся о том, противоречит ли оно их предыдущим утверждениям или нет.

Вероятно, Вы уже знаете от свояченицы, что Мунье

* особый род творческой силы (франц.).

тоже совершил подкоп под репутацию Канта и надеется в ближайшее время обратить ее в прах². Этот нравственный француз ужасно обиделся на то, что Кант объявил ложь безнравственной при любых обстоятельствах. Бёттигер послал в Париж свою статью, направленную против этого тезиса, откуда она вскоре вернется к нам в «*Décade philosophique*», и в ней, к утешению столь многих благородных натур, будет неопровержимо доказано, что лгать порою необходимо. Как возрадуется наш друг Ubique³, если этот тезис будет усвоен в этике. Вы легко сможете представить себе по тому, что с некоторых пор он настойчиво отрекается от книг, которые были ему одолжены, хотя ни для кого не составляет секрета, что они находятся у него дома и что он спокойно продолжает ими пользоваться.

Я теперь поддерживаю отношения с графом и графиней Фуке⁴ на почве естественноисторических предметов; это очень милые, учтивые и услужливые люди, которые к тому же придерживаются одного мнения со мной и, пожалуй, расположены ко мне, — и все же постоянно ощущается, что с ними дело обстоит так, как с Фоссом, который в конце концов остается, однако, в убеждении, что только он один может и должен создавать гексаметры.

Моя поэма, по-видимому, — насколько я могу судить по этому сообщению — воздействовала на Фосса не столь благотворно, сколь его поэма на меня. Я отлично помню тот чистый энтузиазм, с которым я встретил пастора из Грюнау, когда он впервые предстал перед нами в «*Меркурии*»⁵; я так часто перечитывал его, что до сих пор еще помню многое оттуда наизусть, и всякий раз испытывал при этом прекрасное чувство. Однако радость эта оказалась для меня еще и плодотворной, она привлекла меня к этому жанру, она породила «*Германа*», — и кто знает, что еще может проистечь отсюда? Фосс же, напротив, наслаждается моей поэмой лишь *se defendendo**, и это вызывает у меня сожаление к нему, ибо чего тогда стоит вся наша жалкая поэзия, коль скоро она не воодушевляет нас и не делает нас восприимчивыми ко всему, что создано — в целом и в частностях? Видит бог, я мог бы снова начать с самого начала и, отбросив все мои работы,

* настороженно (латин.).

словно стоптанные детские башмаки, создать нечто лучшее.

Теперь же меня ободряет мысль о том, что во время предстоящего визита в Иену я смогу выполнить небольшие работы в том роде, для которого мне необходимо благотворное влияние весны. Как радуется меня, что мы оба так же прочно привязаны к нашему делу, как и друг к другу!

Сегодня ночью у нас был дан экспромтом бал и ужин по случаю неожиданного прибытия наследной четы из Готы; все это длилось часов до двух, так что я проспал большую часть прекрасного утра. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и готовьтесь к отрадному летнему существованию в саду.

Веймар, 28 февраля 1798 года.

Г.

435. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Иена, 2 марта 1798 года

В эти прекрасные дни я снова попытался выбраться на свежий воздух и почувствовал себя просто превосходно. Действительно жаль, что Вы не можете приехать сюда именно в это время,— муза, конечно же, не замедлила бы посетить Вас здесь.

То, что Вы пишете о французах и их эмигрировавшем, но вполне достойном представителе Мунье, совершенно справедливо и, как это ни грустно само по себе, звучит отратно, ибо характеризует одну из непреходящих составных частей всего представления о сути этой личности, а ведь стоит только ясно постичь натуру, как тотчас же перед нами со всей ясностью предстает и система. И в самом деле, примечательно, что индифферентность по отношению к эстетическим явлениям всегда оказывается связанной с нравственной индифферентностью, между тем как строгое и чистое влечение к высшей красоте, сочетающееся с крайней терпимостью ко всему естественному, влечет за собой ригоризм в вопросах морали. В этом и состоит отчетливое разделение сфер разума и рассудка, и это разделение остается действенным на всех путях и направлениях, какие только может избрать человек.

Мунье кажется мне достойным pendant к Гарве, который тоже как-то раз опозорил себя выступлением против Канта!

Вчера я наконец и в самом деле получил диплом французского гражданина, о котором шла речь в газетах еще пять лет тому назад². Он был оформлен тогда же и подписан Роланом. Но поскольку имя было искажено, а в документе не были указаны ни город, ни страна, то он, разумеется, и не мог дойти до меня. Не знаю, каким образом он теперь снова был пущен в ход, но, короче, мне его прислали, и притом через Кампе из Брауншвейга, который по этому случаю наговорил мне немало самых лестных слов.

Думаю, что весьма недурно было бы известить об этом герцога, и я попрошу Вас оказать мне такую любезность, если это не затруднит Вас. Поэтому прилагаю к сему акта*. Надеюсь, и Вас развеселит то, что я предстаю здесь в качестве немецкого публициста *κατ'εξόχην***.

Будьте здоровы. У меня сегодня почтовый день, и мне еще многое предстоит написать. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

436. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

С декретом о гражданстве, присланном Вам из царства мертвых¹, я могу поздравить Вас лишь постольку, поскольку он еще застал Вас среди живых; повремените же, прошу Вас, с визитом к Вашим усопшим великим согражданам. Кажется, господин Кампе, подобно многим добрым немцам, все еще болен опаснейшим видом помещательства. К сожалению, тут ничего не поделаешь и не посоветуешь, как и при любом другом моровом поветрии.

Прекрасная погода каждый день зовет меня к Вам, и я стараюсь как можно лучше использовать мое пребывание здесь. Я снова занялся насекомыми, а также привел в порядок мою коллекцию минералов. Стоит только натаскать побольше материала и чуточку помедлить с его систематизацией, как уже и не знаешь, с какой стороны к нему подступиться.

Работы Мейера подвигаются вперед, и скоро из них составитя небольшой том.

* документ (латин.).

** по преимуществу (греч.).

Из-за последних событий в Италии и Швейцарии² я совершенно утешился в отношении нашего отступления, да делу и не повредит, если собранное нами выйдет в свет во фрагментарном виде. Публика всегда гораздо лучше воспринимает такие вот частности, а методический обзор тоже можно будет дать как-нибудь попутно. Введение к этому будет, вероятно, первой моей работой в Иене, где я постараюсь еще лучше разработать — как в теоретической, так и в эмпирической части — ту схему, набросок которой у меня уже готов³.

Мои размышления об органической природе, равно как и об учении о цвете, сопутствуют размышлениям об искусстве, а второе издание «Челлини»⁴ благодаря нескольким существенным замечкам примкнет к работам Мейера по истории искусства во Флоренции.

Так как я хотел бы написать введение в форме нескольких писем к Вам, драгоценнейший мой друг, то было бы просто превосходно, если бы и Вы в связи с этим адресовали нам несколько слов, обнадежив в том, что в будущих своих работах Вы также соединитесь с нами. Ибо поскольку эпоха готовит нам, по-видимому, еще немало внешних помех, тем необходимее для нас внутреннее единство и неуклонность в действиях.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 3 марта 1798 года.

437. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Иена, 6 марта 1798 года

Из Ваших проектов, впервые доверенных мне, я должен заключить, что Вы собираетесь еще значительное время не оставлять научное поприще,— и это вызывает у меня огорчение за поэзию, как бы ни признавал я полезность и необходимость Вашей работы. Ваши обширные и глубокие исследования и размышления, посвященные природе и искусству, а также тому идеальному третьему, которое в итоге сочетает воедино два первых, должны быть изложены, упорядочены и закреплены, иначе они окажутся лишь камнем, лежащим у Вас на пути. Однако начинание Ваше обширно, одна работа порождает другую. До сих пор у меня еще не было ясного представления о границах, которые Вы намечаете для Вашего труда с тем,

чтобы не причинить ущерба его притязанию на известную полноту и законченность, притязанию, какое заложено в самой Вашей природе и проявляется даже тогда, когда предмет не располагает к этому. Поэтому я жду Вашу схему с великим нетерпением. Помимо всего остального она укажет мне наконец место, где я смогу вступить со своими идеями в полную согласии со всем целым. Я с радостью приму здесь такое участие, какое Вы предназначаете мне, и поскольку это станет общим трудом, то будет, пожалуй, неплохо предоставить слово и третьему. Даже ригоризм, который должен главенствовать во всем этом, окажется более приемлемым для публики, если с ним соединится большее разнообразие воззрений и форм. А поскольку предприятие это неизменно будет находиться в определенной оппозиции к эпохе и о полюбовном соглашении тут нечего и мечтать, то спрашивается, не предпочтительнее было бы сразу решиться на объявление войны и придать всему этому делу бóльшую остроту благодаря непреклонности как самого закона, так и приговоров. Однако об этом подробнее в устной беседе, как только я поближе познакомлюсь с Вашим планом.

Что касается меня, то я надеюсь, что после моих нынешних довольно долгих поэтических штудий, namного увеличивших мой опыт, я смогу с успехом вернуться к рассудочной деятельности.

Моя жена надеется побеседовать сегодня с Вами¹, чему я весьма завидую, ибо могу сказать, что всей душой жажду вновь увидеть Вас воочию.

Рескрипт о моем утверждении в звании ординарного профессора прибыл наконец из Кобурга², так что за последнее время я оказался удостоенным многими отличиями; я хотел бы лишь, чтобы мне от них стало теплее.

Будьте здоровы, кланяйтесь Мейеру и поскорее напишите мне, что я могу уже ждать Вас.

Ш.

438. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Ваша милая жена посетила нас, хоть и на слишком уж краткое время; однако она смогла по крайней мере унести с собой прекрасное впечатление о работах Мейера, доставивших ей немалое наслаждение,— и как прекрасно

было бы, если бы Вы разделили его! Вообще же я должен сказать Вам по этому поводу, что, когда Ваш свояк мало-помалу обживется у нас, Вам также следует позаботиться о квартире себе здесь на зиму. Ибо если взять наш театр даже в нынешнем его виде, то слушать хорошую музыку едва ли не целую неделю подряд — это уже великое наслаждение, потому что опера у нас недурна и спектакли зачастую представляют собой удачное целое. Я смог бы запасти для Вас куда более приятное и удобное место, чем в *proscenio* *; недостатка в домашнем уединении — при известной веймарской традиции обособления — Вы бы не испытывали, а в то же время извлекли бы несомненную пользу из того, что не отказались бы совершенно от внешнего воздействия. Что же касается меня, то я, как Вы знаете, неизменно прикован к кругу моего зодиака, и каждый знак, в который я вступаю, приносит мне новые занятия и настроения. О том, что станется со мною в ближайшие дни, я, надеюсь, смогу сказать Вам в субботу.

Я снова принялся за «Челлини», вношу поправки в мою рукопись и готовлю план к заметкам¹. Благодаря этому у меня появится возможность время от времени писать небольшие статьи исторического содержания, которые здесь необходимы. Я собираюсь заключить ими книгу и распределить их по темам таким образом, чтобы при случае их можно было бы читать одну за другой как небольшой цельный труд. Работа Мейера по истории искусства во Флоренции также продвигается тем временем вперед, причем одно влечет за собой другое.

Время для оформления и подбора, равно как и для общего обзора всего того многообразного материала, которым мы займемся, я надеюсь вскоре обрести вблизи от Вас, — теперь это действительно произойдет в самые ближайшие дни, которые должны будут оказаться для нас плодотворными во многих отношениях.

Поздравляю Вас с прибывшим наконец кобургским рескриптом. По существу, отправки его добился тоже наш герцог. В Кобурге задержалось с дюжину рескриптов, и поскольку никакие ходатайства тайных советников не помогали, то наш герцог отправил наконец посланца для непосредственного исполнения дел с рекомендательным письмом к герцогу и герцогине, благодаря чему все бумаги

* боковой ложе (*итал.*).

в конце концов снялись с мели,— если бы при этом Вы получили еще нечто существенное!

Возвращаю Вам письмо Гумбольдта; мне очень понравился его отзыв о французском театре². Я бы хотел когда-нибудь увидеть воочию эти причудливые порождения искусства.

Г.

Веймар, 7 марта 1798 года.

439. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 марта 1798 года

Моя жена очень рада тому, что вновь увидела Вас в Вашем доме, и никак не может вдоволь нахвалиться прекрасными произведениями Мейера. Она снова пробудила во мне страстное желание познакомиться с ними, и если Вам не удастся приехать сюда в течение этой недели, то я, пожалуй, решусь на вылазку в Веймар.

Я тоже самым серьезным образом рассчитывал лучше использовать в будущем веймарский театр, как Вы и советуете мне. Лишь хлопоты по устройству жилья этой зимой помешали мне выполнить это намерение. Однако в будущем я, конечно, позабочусь об этом. Если бы речь шла только о музыке, то и тогда уже следовало бы это сделать,— нельзя же ведь все время волновать чувства лишь на один и тот же эстетический лад. Но и сам театр как таковой окажет на меня благоприятное воздействие. За эти последние месяцы я, разумеется, отложил все другие свои дела, чтобы сделать решающий шаг. Я добился этого. Теперь моя пьеса пришла в движение, и самое трудное уже позади. Три четверти всей работы закончено.

Довелось ли Вам уже увидеть любопытную новинку¹, английскую трагедию Уолпола «The mysterious mother» *? Ее восхваляют как совершенную трагедию в стиле и духе «Oedipus rex» **, с которым она, судя по прочитанному мной отрывку, состоит в известном сюжетном родстве. Быть может, именно это предметное сходство и обусловило отзыв в целом. Если дело обстоит таким образом, то не следует спускать английскому критику подобное легкомыслие; во всяком случае, недурно было бы, как

* «Таинственная мать» (англ.)

** «Эдип-царь» (латин.)

мне кажется, воспользоваться мимолетным интересом публики к этому произведению и, раз *пример* под рукой, сказать несколько слов о *законе* и о требованиях. Постараюсь раздобыть пьесу и посмотреть, не даст ли она повод для рассуждений о жанре.

Герцог, по словам моего свояка, желает, чтобы я презентовал библиотеке мой диплом о гражданстве, к чему я охотно выражаю готовность. Я хочу только заказать копию и получить официальное подтверждение библиотеки о том, что оригинал передан ей,— на тот случай, если кто-нибудь из моих детей вдруг обоснуется во Франции и пожелает обрести тамошнее гражданство.

Будьте здоровы. Быть может, посыльная завтра принесет мне желанное известие о скором Вашем прибытии. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

440. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Недоставало только включения в десятый дом моего гороскопа ¹ нескольких гуф земли, чтобы жизнь моя стала еще беспокойнее. И все же это произошло, я в конце концов приобрел поместье в Оберроссла ² после того, как прежние арендаторы, а также надворный советник Грунер в течение двух лет всячески препятствовали этой покупке. Пока что, однако, я вполне доволен как самим владением, так и ценой, потому что с земельными участками дело обстоит, как с сивиллиными книгами: все испытывают колебания из-за растущих цен, а тем временем цены растут ³.

Впрочем, покупку я совершил вслепую (что, по-видимому, случается не часто), ибо до сих пор не видел ни поместья, ни построек, и только завтра впервые осмотрю их. Все то, что нужно будет при этом обдумать и в случае необходимости предпринять, задержит меня не дольше, чем на неделю. Было бы просто превосходно, если бы Вы смогли посетить нас, только должен предупредить, что на будущей неделе опера ⁴ дается в четверг, а в субботу идет новая пьеса Коцебу ⁵, на которую я Вас не приглашаю. Если Вы удовольствуетесь зеленой комнаткой рядом с нашим другом Мейером, то добро пожаловать,— большего помещения на этот раз я не смогу предложить Вам.

Об английской трагедии я ничего не слышал; во всяком случае, неплохо было бы получить ее.

С Вашего диплома о гражданстве мы изготовим засвидетельствованную копию и присовокупим к ней удостоверение в том, что оригинал хранится в герцогской библиотеке. Весьма любезно с Вашей стороны, что Вы удовлетворяете желание герцога обладать этим документом. Один такой уже хранится у нас: составленное на нескольких языках обращение к народам всего мира по случаю замечательной Французской революции.

Приезжайте же, коль скоро это будет возможно! Мне бы очень хотелось, чтобы Вы увидели работы Мейера до того, как возобновится наша совместная жизнь.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Веймар, 10 марта 1798 года.

Г.

441. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Иена, 13 марта 1798 года

После того как я чувствовал себя довольно сносно в течение двух недель и мог даже решиться на некоторое напряжение сил, голова моя снова дала знать о себе, так что у меня нет ни сил, ни охоты к чему-либо. К тому же и погода снова стала очень уж суровой. И все-таки я надеюсь приехать к Вам еще на этой неделе, хотя бы только на один день. Моя цель будет достигнута, если я увижу Вас и работы Мейера и увезу с собой уверенность в Вашем приезде сюда.

От всей души поздравляю Вас с приобретением. Благодаря своему маленькому владению я знаю, сколько радостей себе и своим близким можно доставить клочком земли.

Я нашел для заведения Мунье славного человека¹, которому помогу этим как-то просуществовать, между тем как Мунье будет от него польза.

Здесь говорят, что французов побили под Муртенем. Меня это искренне обрадовало бы, потому что даже небольшой успех в самом начале, и как раз на том же самом месте², мог бы иметь очень хорошие последствия для швейцарцев.

На этих днях я перечитал старую немецкую рыцарскую пьесу — «Фуст фон Штрюмберг»³, которую Вы, вероятно, давно уже забыли. Разумеется, тут можно найти

очень много недостатков, однако при всем том я заметил, что поэт способен обрести поразительную власть над духом, если только он действительно вкладывает немало усилий и чувств в свой предмет. Хотя этот «Фуст фон Штрюмберг» и перегружен историческими деталями, а зачастую и несколько натянутыми намеками, так что эта ученость делает пьесу громоздкой и порою холодной, однако впечатление оказывается чрезвычайно определенным и стойким и поэт в самом деле создает именно то настроение, которого добивается. Нельзя отрицать, что подобные сочинения, даже если не ждать от них поэтического воздействия, обладают и другим, несомненно важным достоинством, ибо никакой исторический труд, пусть даже и хорошо написанный, не смог бы так живо и наглядно ввести читателя в ту эпоху, как делает эта пьеса.

Будьте здоровы. Голова у меня совершенно пустая. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

442. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Было бы просто прекрасно, если бы Вы смогли приехать еще на этой неделе; только я хотел бы знать точный день, чтобы немного подготовиться. Я почти уже покончил со всеми делами, а также составил себе вполне ясное представление о своем небольшом приобретении, так что в моем присутствии здесь больше нет необходимости. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что я приобрел довольно сносное владение, хотя прежние арендаторы склонны были несколько преувеличивать его ценность. Вероятно, поэтому-то Грунер и уклонился¹.

Но теперь я испытываю величайшую потребность в том, чтобы снова обрести душевную сосредоточенность, и надеюсь вскоре достичь этого.

Посылаю Вам несколько французских журналов, чтобы Вы увидели, какие непосредственные отношения связывают наш Веймар с Парижем². Мне глубоко претит подобная пошлая болтовня. Французский язык вполне пригоден и для того, чтобы выражать самую суть явлений, однако теперь во Франции литераторы столь же смиренны, сколь дерзки политики.

Швейцарцы, во всяком случае, добьются своего. Теперь я жду со дня на день известия о том, что они за-

няли Базель, ибо им уже не грозит никакая опасность извне.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 14 марта 1798 года.

Я едва припоминаю «Осаду Боксберга»; знаю только, что ее архаичное обличье весьма докучало мне³.

443. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 14 марта 1798 года

Поскольку сегодня почту отправляют еще раз, то сразу же посылаю Вам в приложении французские изделия.

Разбор «Германа и Доротеи» показался мне, однако, не таким уж и плохим, и если бы я знал, что он действительно принадлежит настоящему французу, то подобная восприимчивость по отношению к немецкому содержанию и Гомеровой форме могла бы обрадовать и тронуть меня.

Мунье, как я и ожидал от него, выступает в своем письме¹ столь безмятежно-ограниченным и естественным представителем здравого смысла, что с ним, по сути дела, невозможно спорить, поскольку он действительно не ведает зла и даже понятия не имеет, о чем вообще идет речь. Заключительная сентенция относительно того, что следовало бы почесть несчастьем, если бы какой-нибудь сельский судья познакомился с этикой Канта и действовал соответственно с нею, — вот в самом деле и все, что я мог бы, но только в противоположном смысле, высказать в качестве отповеди Мунье.

Будьте здоровы. Я рад был услышать, что Вы остались довольны знакомством с Вашим приобретением и что теперь у Вас развязаны руки для того, чтобы снова взяться за какую-нибудь собственную работу.

О дне моего приезда не могу объявить с достаточной определенностью по той причине, что тут все зависит от того, как я буду спать в предшествующую ночь. Будьте здоровы.

Ш.

444. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 16 марта 1798 года

Всего лишь несколько слов приветия. Сегодня почтовый день, и мысли мои заняты очень многим.

При всем моем желании я не могу еще отважиться на поездку в Веймар, потому что плохо себя чувствую, да и погода слишком сурова. Если мне не удастся осуществить свое намерение до Вашего приезда, то я, во всяком случае, сделаю это еще во время Вашего пребывания в Иене и смогу устроить все таким образом, чтобы вернуться домой до наступления вечера, ведь для меня очень важно было бы увидеть воочию работы Мейера именно в те дни, когда Вы еще будете тут.

Надеюсь, что Вы привезете с собой много рукописей, схем и проектов, ибо не могу даже выразить, как сильно жажду я живого общения, и в особенности — посвященного предметам, которые не имеют ничего общего с моими занятиями. Я хотел бы поскорее прочесть что-либо и из работ Мейера.

Будьте здоровы. Быть может, завтра я узнаю о том, когда Вы приедете.

Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

445. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Будущая неделя, полагаю, не успеет завершиться, как мы снова окажемся вблизи друг от друга; все те дела, где требовалось мое влияние, уже пущены в ход и пойдут отныне своим чередом, а я испытываю теперь величайшую потребность в том, чтобы упорядочить тысячи идей, причем способствовать этому могут лишь абсолютный покой Иены и Ваша близость.

Прилагаю несколько удивительных писем¹, в которых Вы обнаружите рассказ о приключении, довольно-таки диковинном для наших дней. Я знаю самих героев, а письма удостоверяют их правдивость.

Я теперь еще раз проглядел французскую статью о «Германе и Доротее», причем проглядел Вашими глазами, и тоже нашел, что она принадлежит тому роду, который можно счесть не совсем неудовлетворительным. Действительно, чудом было бы, если бы ее написал француз; однако, насколько я знаю, автор ее — немец². Впрочем, в будущем нас ждет некий диковинный сплав, так как очень многие французы и англичане учат немецкий язык, очень многое переводится, и наша литература в различных областях науки оказывает большее воздействие, чем английская и французская.

Итак, бедные бернцы потерпели прискорбное поражение. Мейер опасается, что теперь один кантон за другим подвергнутся уничтожению, ибо согласно представлениям его земляков они остаются все теми же древними швейцарцами, тогда как в действительности патриотизм и индивидуальная отвага отжили свой век в той же мере, что и поповщина и аристократизм. Кто может противостоять этой массе французов — массе подвижной, удачно организованной и управляемой разумно и серьезно? Наше счастье, что мы затиснуты в самую гущу инертной северной массы, разворошить которую не так-то легко.

Коль скоро Вы нуждаетесь в развлечении в виде всевозможных чужих планов, статей и мыслей, то я готов услужить Вам; то, что я привезу с собой, составит немногим менее полной стопы бумаги.

Итак, я уже не задаю вопросов относительно Вашего приезда сюда; поскольку Вы намереваетесь потратить на такую поездку всего лишь один день, то не страшно, если в это время я буду уже в Иене. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и работайте с таким усердием, какого только можно пожелать.

Г.

Веймар, 17 марта 1798 года.

446. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 21 марта 1798 года]

Поскольку я увижу Вас только вечером, то постараюсь тем временем продвинуть вперед четвертый акт. Сегодня утром я прочитал «Федру» Еврипида — правда, в чрезвычайно неумелом переводе Штейнбрюхеля¹, и все же для меня просто непостижимо, как можно было так легковесно и поверхностно обработать этот прекрасный сюжет.

Будьте здоровы.

Ш.

447. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я все-таки должен еще раз осведомиться у Вас относительно Шлегеля¹, которого упомянул уже в одном из писем. Если Вы твердо решились обречь его на изгнание и в будущем, то мы оставим все как есть, и я буду

вести себя соответствующим образом. Но если Вы могли бы, предположим, открыть ему ограниченный доступ, то именно теперь для этого представился бы удобный случай, так как Тишбейн мечтает нанести Вам визит, а поскольку Шлегель уезжает отсюда после Пасхи, то нам нечего опасаться каких-либо проявлений навязчивости с его стороны этим летом. Поскольку я вынужден видаться с этими людьми и не смогу уклониться от визита к Тишбейну, то и хотел бы знать Ваши намерения; ведь от меня непременно будут ждать своего рода посредничества. Впрочем, желаю Вам всяческих успехов.

Г.

[Иена, 4 апреля 1798 года.]

448. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 6 апреля 1798 года

Сегодня утром или, точнее, днем, когда я встал и уже осведомлялся о Вас, я обнаружил у нас дома несчастную Шарлотту¹, которую не видел больше года, и нашел, что состояние ее не слишком улучшилось. Она стала еще более приземленной, и ее напряженное, безотрадное, малоутешительное бытие не лучшим образом действовало на мое настроение.

Ваше пребывание здесь кажется мне теперь еще короче, чем оно было на самом деле. Оно миновало чересчур быстро и по сравнению со столь долгой разлукой действительно было слишком кратким.

Тем временем я снова пытаюсь ревностно углубиться в работу; только создав вначале некий мысленный образ, я могу затем яснее увидеть его. Я рад тому, что Вы, как позволено мне думать, в целом довольны моим «Валленштейном», а в особенности тем, что Вы не нашли здесь противоречия между *сюжетом* и тем *художественным родом*, к которому относится произведение: ибо я считаю, что могу уже не беспокоиться о театральных требованиях, если только будут удовлетворены требования трагедийно-драматические.

Будьте здоровы, на сегодня довольно. Моя жена сердечно Вам кланяется. Нам обоим очень недостает Вас.

Ш.

449. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если бы те мелкие домашние дела, которые непременно нужно выполнить теперь, не требовали моего присутствия, то я, конечно, не покинул бы Вас так скоро, тем более что с приходом хорошей погоды я почувствовал подлинное расположение к своей работе. Но сейчас я примирился со всем этим и надеюсь, что мало-помалу освобожу себе время для работы здесь, с тем чтобы в следующий раз иметь возможность остаться у Вас подольше.

У нас, разумеется, есть все причины радоваться нашим отношениям, ибо даже после столь долгой разлуки мы не только почувствовали себя еще более близкими друг другу, а противоположность наших натур делает еще более желанным то взаимовлияние, от которого мы можем ждать блага и в будущем.

То, что Вы пишете об усилившейся материальности нашей подруги, поражает меня и во многих других людях. Представляется, что многие натуры очень быстро растрачивают в ложных порывах небольшую порцию идеалистических ингредиентов, после чего природная тяжесть вновь обращает их к земле.

О Вашем «Валленштейне» я вспоминаю с радостью и возлагаю на него большие надежды. Замысел здесь такого рода, что, когда произведение обретет целостность, Вы достигнете восхитительной гармонии между идеальной трактовкой и совершенно ограничено-земным сюжетом.

Прилагаю к сему крепыша Амура работы Гуттенберга по рисунку Мейера¹. Мы вполне довольны им, хотя кое-где, например в лице, есть грубые промахи.

Мейер знает теперь, как работает Гуттенберг, и сможет руководствоваться этим в следующем рисунке. Если Вам понравится гравюра, то мы тотчас же подготовим нечто подобное для альманаха; это моя обычная печатка, а потому мы, вероятно, возьмем другой резной камень из моего собрания.

Будьте здоровы и вместе с Вашей женой примите мою благодарность за все заботы обо мне.

Книжечка — только для того, чтобы гравюра не пострадала во время пути туда и обратно.

Г.

Веймар, 7 апреля 1798 года.

450. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 10 апреля 1798 года

В Амуре, возвращаемом при сем, тотчас же узнаешь энергичное и добротное искусство нашего мастера, — разве что он покажется слишком строгим и серьезным для этой маленькой вещицы. Отлично было бы, если бы Вы выбрали для альманаха что-нибудь из Вашего собрания, а Мейер выполнил рисунок. Мне незачем говорить, что некая *поэтическая* идея того же рода, какая воплощена в этом Амуре, была бы наиболее целесообразной, а поскольку альманах из-за небольшого формата и развлекательного характера также допускает лишь небольшие размеры гравюры, то мне представляется наиболее подходящим такой сюжет, в котором все основывалось бы скорее на замысле, нежели на исполнении. Но это уже Ваше дело, Вы выберете наилучшее.

Прилагаю письмо и стихотворения некоего Якоби¹, который обратился ко мне за известиями о Вас. Стихотворения я проглядел лишь мельком и не нашел в них ничего особенного — ни хорошего, ни плохого. Тем не менее я не прочь был бы использовать одно из них в последнем номере «Ор», для которого мне как раз весьма недостает материала. Будьте так любезны вернуть мне эти стихотворения завтра с посылкой, если какое-нибудь из них покажется Вам пригодным: тогда я смогу отослать его еще в тот же вечер.

Если Вы замолвите слово за нашего Нитхаммера перед тайным советником Фойгтом, то сделаете доброе дело². У меня есть основания полагать, что Фойгт мало расположен к нему или, вернее, совсем не расположен — и, напротив, покровительствует его ничтожному сопернику. Если же у Вас найдется возможность снова привести в движение дело Шеллинга³, которое, по-видимому, застряло у Фойгта, то и это было бы хорошо для нас, иенских философов, да и Вам самим доставило бы некоторое удовольствие то, что иенский штат пополнился таким славным человеком.

Хотя здесь по-прежнему прекрасная погода, однако внезапные холода принесли мне опять жестокий катар и новый приступ моей старой болезни. Работа подвигается медленно, а я как раз приблизился к такому месту, где все должно решать настроение.

Здесь говорят, что Иффланд приедет в Веймар 24-го

числа сего месяца и будет играть в течение недели⁴. Поскольку Вы, по-видимому, ничего еще не знали об этом во время своего пребывания здесь, то я едва могу поверить подобному слуху. Но если это все же произойдет, то я весьма сомневаюсь, что ему окажут прежний прием, и наш почтенный Кот в сапогах⁵ может попасть в довольно затруднительное положение.

Будьте здоровы. Я услышал от моего свояка, который сегодня побывал здесь, что Туре приедет наконец в ближайшее время. И это тоже удачно для Вас в том отношении, что именно сейчас Вы в Веймаре и не будете делать перерыва в своей работе.

Моя жена сердечно Вам кланяется. Будьте здоровы.

Ш.

451. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Как ни неохотно я покидал Иену, тем не менее произошло это в самое подходящее время. Многое из того, что приостановилось здесь, снова пущено в ход, так что теперь как общие, так и частные дела быстрее продвигаются вперед.

Иффланд и в самом деле дает шесть представлений, начиная с 24-го. Если я не ошибаюсь, наплыв публики будет еще более оживленным, чем в первый раз. В городе гораздо больше приезжих, чем тогда, а тяга к театру усилилась как здесь, так и в близлежащих местностях.

Во избежание того, чтобы ближайшие четыре недели, которые я еще пробуду здесь, не пропали совершенно зря, я принялся сейчас за «Фауста»¹ и нахожу справедливым Ваше замечание о том, что весеннее настроение, будучи лирическим по характеру, окажется весьма благотворным для меня при работе над этой рапсодической драмой.

Якоби, написавший Вам, это — Якоби-сын, который учится в Иене; стихотворения его, возвращаемые при сем, я не смог прочитать: я весь во власти самых разных дел и настроений. Ближайшие две недели вообще будут снова довольно беспокойными. Я полагаю, что Вы приедете к нам в понедельник 23-го и примете участие в нашем театральном празднестве. Вы сможете отлично устроиться по соседству с Мейером. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 11 апреля 1798 года.

452. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 24 апреля 1798 года

Я снова могу наконец сам сообщить Вам о своем состоянии¹. Две недели я был решительно неспособен к чему-либо, потому что ревматические боли распространились на голову и мне нельзя еще надеяться на то, что в течение ближайшей недели я смогу заняться какой-нибудь работой. Жаль, право, что при этой неспособности к серьезным занятиям мне не удастся воспользоваться хотя бы театральными развлечениями,— но даже тогда, когда меня не донимает кашель, разносящийся по всему дому, я совершенно не испытываю склонности к каким-либо духовным радостям, да и вообще вынужден остерегаться даже напоминать себе об эстетических предметах.

Тем больше удовольствия желаю Вам извлечь из театральной гастрولي Иффланда. Мы здесь были удивлены выбором пьес², но меня в особенности изумил выбор «Пигмалиона». Ибо если тут действительно имеется в виду монодрама, музыку к которой, кажется, сочинил Бенда, то Вы с Мейером своими глазами увидите поразительный пример горестных последствий неудачно выбранного сюжета. Для меня совершенно непостижимо, как вообще актер (пусть даже обладающий самым обычным опытом) может пренебречь принципами своего искусства до такой степени, чтобы причинять себе мучения на глазах у публики столь холодным, бессодержательным и неестественным паясничаньем. Добавлю к этому, что Иффланд никогда в своей жизни не мог ни испытать, ни изобразить энтузиазм или какое-нибудь иное экзальтированное состояние души и всегда был отвратителен в роли первого любовника.

Однако Вы сами все увидите, и, может быть, речь идет о другом «Пигмалионе».

Поздравляю Вас с продолжением работы над «Фаустом». Эти театральные развлечения, полагаю, должны тут скорее способствовать, чем мешать Вам. Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

453. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я могу сказать только, что радуюсь при виде письма, снова написанного Вашей рукой. Лишь бы Ваше здоровье улучшалось побыстрее!

Иффланд превосходно сыграл своего «Укусника»; его естественность, подготовленность, обдуманность, давние и привычные навыки к этой роли, сдержанность, разнообразие, обаяние и сила были поразительны. В целом пьеса прошла не слишком гладко, потому что наши актеры лишь совсем недавно выучили ее и играли не так хорошо, как могли бы, так что многое пропало для них самих, а Иффланд время от времени вынужден был проявлять присутствие духа, вместо того чтобы свободно отдаваться игре, с чем, однако, он мастерски справился.

Сегодня — «Отец семейства»; что будут играть в пятницу, мы пока не знаем.

Речь и в самом деле идет о «Пигмалионе» Бенды; представление еще не состоялось, и я с величайшим интересом ожидаю его. Пьесу я знаю¹ и много раз видел ее; это весьма своеобразная затея, и все же Иффланд слишком умен для того, чтобы выбрать нечто такое, где у него не будет уверенности в известном успехе. В ближайшие дни Вы снова получите вести от меня.

Г.

Веймар, 25 апреля 1798 года.

454. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 27 апреля 1798 года

Посылаю Вам при сем ответ Котты на мой запрос относительно издания небольших статей и т. п.¹. Он, как видите, чрезвычайно заинтересован в возможности приобрести что-либо из Ваших произведений для издания и поэтому не высказывает своих пожеланий с полной откровенностью. Чувствуется, однако, что он опасается ограниченности круга читателей из-за преобладания статей об искусстве и хочет поэтому более широкого содержания. Я не могу вовсе отрицать его правоту как издателя; поскольку же, с другой стороны, план издания ни в чем не должен потерпеть ущерба, то я предложил бы пообещать Котте следующее Ваше поэтическое произведение, например «Фауста», или же, что еще лучше, сразу же условиться с ним об этом. Если мне позволено будет внести подобное предложение, то в таком случае я посоветовал бы Вам требовать за лист теоретических сочинений, напечатанных примерно так же, как «Вильгельм

Мейстер», *четыре* луидора, а за лист «Фауста» — *восемь* луидоров. Но если Вы полагаете, что Унгер или Фивег заплатят больше, то ведь и Котта может поступить так же; словом, я жду лишь, чтобы Вы распорядились, и тогда тотчас же уведомя Котту, который находится теперь в Лейпциге.

Как я слышал, Иффланд играет сегодня «Пигмалиона». Я никогда не сомневался в том, что он умело строит свой расчет на публику. И эта его роль окажется значительной и продуманной, однако я не могу изменить свое мнение лишь по одной этой причине, и успех Иффланда меня не переубедит.

Мое здоровье улучшается теперь с каждым днем, однако я все еще не могу обрести настроение, необходимое для работы. Зато я читаю сейчас Гомера, испытывая совершенно новое чувство удовольствия, чему немало способствуют замечания, которые Вы высказывали мне. Здесь поистине плывешь в каком-то поэтическом море, и это ощущение не покидает тебя ни на мгновение; здесь все идеально при том, что все чувственно-правдиво. Вообще же тому, кто внимательно прочитает несколько писем подряд, неизбежно покажется варварской мыслью о последовательном присоединении друг к другу произведений рапсодов и о разнородности их происхождения, ибо великолепная последовательность и взаимообусловленность целого и его частей принадлежат здесь к числу самых действенных красот.

Подчеркнутое место в письме Гумбольдта ², которое я возвращаю Вам, было, по-видимому, не слишком ясно для него самого, и поэтому целое кажется здесь выражением скорее некоего впечатления, нежели осознанного принципа. Он, как мне представляется, хочет сказать лишь то, что у французов общие и, следовательно, национальные черты, находящие выражение как в обыденных проявлениях, так и в достоинствах и заблуждениях, обусловлены действиями рассудка и сопутствующих ему способностей, то есть юмора, наблюдательности etc., без соотнесенного с этим участия мира идей, и что их волнует скорее физическое, нежели нравственное. Нет никакого сомнения в том, что для француза естественнее быть реалистом, нежели идеалистом, и я нахожу здесь неоспоримый довод в пользу того, что реализм не в состоянии породить ни одного поэта.

Будьте здоровы, на сегодня довольно. Желая Вам отлично чувствовать себя в той суতোлке, которая теперь часто возникает вокруг Вас.

Ш.

455. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

(черновик)

Светские и театральные развлечения идут своим чередом; однако наша переписка также не должна прерываться, и поэтому я хочу заранее подготовить несколько слов для завтрашнего письма.

С самого начала, с Вашего позволения, изложу некоторые наблюдения над моим собственным Я, которые нашли подтверждение в эти дни. В качестве созерцателя я, в сущности, закоренелый реалист, так что мне ничего не хочется менять в вещах, которые предстают перед моим взором, и я знаю лишь один критерий для различения объектов: интересуют ли они меня или нет. Напротив, в любом виде деятельности я, смею сказать, предельно идеалистичен: мне нет дела до предметов, но я требую того, чтобы все согласовалось с моими представлениями. После этой исповеди я могу изложить вкратце свое нынешнее положение.

Игра Иффланда приносит мне бесконечное наслаждение, потому что та ограниченность его таланта, которая смущает столь многих, для меня, во всяком случае, не создает никаких помех, и скорее даже...

[Веймар, 27 апреля 1798 года.]

456. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Говоря словами лейтенанта Валлена¹, я, так сказать, в отчаянии, что на этот раз Вы не можете принять участие в наших театральных приключениях,— как по той причине, что Вы лишаетесь высокого наслаждения, так и по той, что все интересующее нас в сфере драмы требует обсуждения, а ведь тут, по сути дела, беседовать можно только с тем, кто видел это своими глазами.

Так, вчерашнее представление было необыкновенно интересным. «Пигмалион» притязает на высшие театральные достоинства и совершенства, а то, как Иффланд трактует Валлена, делает из него воплощенное светское ничтожество, начиненное глупейшим юмором. То, что он

создал в обеих ролях, невозможно выразить словами; придется, очевидно, подождать, пока не выскажется наш приятель Бёттигер². Но обо всем этом легче объяснить-ся, пожалуй, в беседе при встрече.

В понедельник будет представлен «Бенёвский», в среду — «Глухой аптекарь»; что Иффланд даст в четверг в заключение гастролы, я еще не знаю³. Как только он уедет, я поспешу привести в порядок дела, связанные с моим домом, чтобы поскорее оказаться у Вас.

Благодарю Вас за разъяснения относительно Котты; полагаю, однако, что лучше было бы полностью подготовить один-два тома в рукописи⁴, прежде чем уточнять все условия. Что касается большего разнообразия содержания, то я и сам подумывал об этом; тут представился бы случай пристроить многое из того, с чем не знаешь, как поступить,— а ведь то, что выгодно издателю, выгодно во всех отношениях и автору: кому хорошо платят, того охотно читают, так что и то и другое сулит прекрасные перспективы.

Точно так же я хочу закончить и «Фауста», который благодаря своей северной природе должен привлечь неисчислимое множество северной публики. Надеюсь, что наш друг Мейер не сочтет за вымогательство просьбу о рисунках и к этому варварскому произведению. У нас возникла идея оттискивать контуры на темно-серой бумаге, а затем растушевывать их и придавать им рельефность с помощью кисти⁵ — операция, которую, пожалуй, нигде не удастся выполнить лучше и дешевле, чем тут. Вскоре должны появиться на свет некоторые образцы этого искусства.

Я собираюсь теперь ответить также нашему другу Гумбольдту и в особенности попросить его устроить некое просодическое совещание с Бринкманом относительно «Германа и Доротей»; думаю также представить им несколько подобных вопросов для общего обсуждения⁶.

Как только Вы упомянули «Илиаду», я снова испытал бесконечное влечение к той работе⁷, о которой мы уже так много говорили. Надеюсь, что мне удастся еще в этом году написать несколько песен; независимо от этого мы обязаны проклясть всех горизонтов⁸ проклятьем епископа Эрнульфа⁹ и, подобно французам, не на жизнь, а на смерть отстаивать и защищать с чистым сердцем единство и неделимость поэтического сокровища. Будьте здоровы. Я снова должен одеваться; потому что близится

время музыкального завтрака. Прекрасная утренняя погода благоприятствует подобным праздникам, поскольку общество может насладиться садом, ведь дом мой и не вместил бы, пожалуй, такого наплыва гостей.

Кланяйтесь Вашей милой жене и пошлите ее к нам хотя бы в понедельник.

Позволю себе, кстати, заметить с некоторым торжеством, что в качестве импресарио я правильно рассчитал все. Ибо, невзирая на повышенные цены, театр был еще более полон, чем в прошлый раз¹⁰, так что, если так пойдет дальше, мы выручим за семь представлений почти столько же, сколько за предыдущие четырнадцать. В случае приезда Шрёдера можно будет удвоить цены, а если в будущем Иффланд снова приедет к нам, я снова повышу их, ибо деньги все дешевеют. Еще раз будьте здоровы, наслаждайтесь прекрасными днями в тиши, между тем как мне предстоит еще вытерпеть целую неделю беспокойства. Тем временем и в долине Заале все зазеленеет, и мы начнем нашу прежнюю жизнь.

Г.

Веймар, 28 апреля 1798 года.

457. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 1 мая 1798 года

Поскольку мы теперь вступили в месяц восторгов¹, то я снова надеюсь на благосклонность муз и на то, что обрету в моем саду все, чего был лишен так долго. Я думаю перебраться туда в конце недели, если сохранится хорошая погода.

Разумеется, я очень сожалею, что на этот раз никак не смог воспользоваться спектаклями Иффланда, но поскольку я потерял этой зимой и весной столько времени и хочу все-таки закончить работу к определенному сроку, то должен замкнуться в себе самом и избегать как опасной помехи всего того, что чересчур сильно занимает меня во внешнем мире. Этим я утешаю себя при мысли об утраченном наслаждении, устоять перед которым, будучи здоровым, я бы не смог.

Для меня по-прежнему непостижимо то, что Иффланд стяжал такой успех в «Пигмалионе» вопреки всем моим ожиданиям и предсказаниям, и мне трудно поверить на слово даже Вам в том, что должно поколебать мою уве-

ренность в самых твердых моих принципах и убеждениях. Тем не менее сказать здесь нечего, ибо Вы можете противопоставить моим утверждениям а priori такой факт, который я не вправе оспаривать, поскольку не видел его своими глазами. Впрочем, я должен считаться здесь только с Вашим суждением, ибо мнение остальных ничего не доказывает: речь идет об объективных требованиях, тогда как публика довольна уже в том случае, когда испытывает простой интерес.

Мне хотелось бы знать, можно ли еще надеяться на приезд Шрёдера этой осенью², — тогда я смогу решить, следует ли мне готовить к тому времени «Валленштейна» для театра. Поэтому я попрошу Вас сообщить мне, сумели ли Вы предпринять что-либо в этом отношении. Ибо если этого не произошло, то я сомневаюсь, что он приедет этой осенью.

Котта, вероятно, в течение ближайших десяти дней приедет сюда. Быть может, случится так, что Вы в это время уже будете здесь, и хорошо было бы все же, если бы Вы по крайней мере выслушали Котту и позволили ему высказать свои предложения. У него добрые намерения, а в возможностях предпринять нечто значительное он отнюдь не испытывает недостатка.

На этих днях мне бросилось в глаза одно место из «Одиссеи»³, которое позволяет заключить о существовании пропавшей поэмы, по сюжету предшествовавшей «Илиаде». Оно находится в восьмой песне «Одиссеи», начиная с 72-го стиха. Быть может, Вы знаете об этом больше.

Если бы только Вы снова смогли вернуться в Ваш гомеровский мир! Нисколько не сомневаюсь в том, что этим летом и осенью Вам удастся написать еще несколько песен.

Будьте здоровы. Моя жена приедет в Веймар в четверг, чтобы еще под конец насладиться немного талантом Иффланда. Она шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

458. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Иффланд по-прежнему превосходно делает свое дело и выказывает себя истинным художником. Всяческой похвалы заслуживает, во-первых, его живое воображение, благодаря которому он способен раскрыть все, что со-

держится в его роли, далее — дар подражания, позволяющий ему изобразить найденное и как бы сотворенное, и, наконец — настроение, которое придает одушевленность всей его игре от начала до конца. Особая отделка каждой роли посредством костюмов, жестов, языка, отделка ситуаций и разработка их вплоть до мельчайших значимых деталей — превосходны. Обо всем прочем, что нам уже известно в частности, я сейчас умолчу.

И если он, как истинное порождение природы и искусства, живет перед глазами зрителей, то остальные, пусть даже и довольно искушенные в своем деле, кажутся всего лишь некими *референтами*, которые докладывают по бумагам о деле, для них постороннем: хотя и узнаешь о том, что произошло и происходит, однако особого участия не испытываешь.

Очень важно было для меня отметить, что он почти в совершенстве владеет выбором самого подлинного и подходящего настроения, а это, разумеется, возможно лишь при сочетании гения, искусства и ремесла.

Публика проявляет постоянное прилежание. Количество зрителей колебалось до сих пор от 380 до 430 человек, и можно предположить, что у нас и в дальнейшем не будет ни такого переполненного, ни такого пустого зала, как бывало в прошлый раз. Повышенные цены допускают лишь определенный круг зрителей. Мы можем быть довольны сборами, и я радуюсь, что одержал победу над недоверчивым придворным казначеем¹.

Впрочем, за исключением лишь довольно общих изъявлений неподдельного удовлетворения, я не услышал ничего утешительного в виде каких-нибудь оригинальных суждений. Сколь немногие способны отплатить художнику таким же плодотворным откликом! Зато мне довелось услышать и несколько нелепейших отрицательных отзывов. Завтра нам предстоит еще «Глухой аптекарь», а там уже я смогу радоваться наступившему покою, хотя не стану отрицать, что на этот раз испытывал большую потребность в игре Иффланда, чем в прошлый. Его воздействие на меня оказалось благотворным во всех отношениях, и я надеюсь, что май и июнь, время моего пребывания у Вас, принесут хорошие плоды.

Сегодня я не получил письма от Вас; хотелось бы только, чтобы причиной Вашего молчания послужила не болезнь.

Наш друг Бёттигер, по моим наблюдениям, замышляет некую дидаскалию к «Пигмалиону»². Надо полагать, что это снова будет славная вещица.

Не могу умолчать об одном из самых смешных событий нашей эпохи. Некое тайное демократическое судилище воспретило Виланду печатать в «Меркурии» продолжение его «Разговоров»³; ближайший номер журнала покажет, проявит ли послушание наш славный старик.

Бедный автор «Золотого зеркала» и «Агатона»⁴, который в свое время высказывал поразительнейшие истины королям и властителям, который так великолепно разобрался в конституциях, когда ни одной из них и в помине не было, этот благородный провозвестник нового царства вынужден теперь, в эпоху свободы,— когда господин Поссельт ежедневно выставляет в окно свою голую задницу, а господин Гентц с либеральнейшей беззастенчивостью требует у прусского короля полной свободы печати⁵,— утаивать любимое детище своей старости, плод своей серебряной свадьбы, точно безымянное дитя любви.

Примерно две недели назад он прибыл в Веймар, чтобы снискать себе похвалу за эти творения, над которыми трудился в тиши; он читал их во всех этажах нашего эстетического и светского общества и встретил умеренно равнодушный прием, так что вскоре, не стерпев этого, снова сбежал в деревню. Тем временем тут держали совет, и теперь, как я слышал, ему велено было втихомолку удавить этих метисов от брачного союза между аристократией и демократией и похоронить их у себя в погребе, потому что нельзя даже и подбросить их кому-нибудь.

Г.

Веймар, 2 мая 1798 года.

Все предыдущее было уже написано, когда я получил Ваше милое письмо. Лишь бы хорошая погода поскорее выманила Вас в сад и Вы вдоволь насладились бы свежим воздухом!

О «Пигмалионе» нам следует побеседовать обстоятельнее, ибо когда люди, испытывающие полное единодушие в общих принципах, вдруг расходятся в оценке какого-то явления, то объяснения по этому поводу неминуемо приводят к превосходным результатам.

Я полагаю, что мы быстро придем к согласию, ибо об этой монодраме можно говорить лишь при том условии,

что манера французского трагического театра и риторическая трактовка трагического или, как в данном случае, сентиментального сюжета будут вообще сочтены допустимыми; если совершенно отвергнуть это, то следует отвергнуть и «Пигмалиона»; если же принять это со всеми достоинствами и пороками, то речь может пойти и о хвале или порицании. Можно хвалить любого маньериста и разбирать его заслуги, но только при этом я не стал бы требовать от него естественности и стиля. Вот примерно все, из чего бы я исходил. Я расскажу Вам о том, что увидел за эти два спектакля, но больше всего я хотел бы, чтобы Вы услышали об этом от Мейера; впрочем, исследование наше не может считаться законченным до появления дидаскалии Бёттигера.

Относительно Шрёдера сказать мне Вам нечего. Он повел себя в этом деле как *кокетка*; по собственному почину сделал нам предложение, а когда мы собрались его принять, пошел на попятную. Я на него не в обиде, ибо в каждом ремесле свои приемы, однако предпринять теперь какие-либо шаги не смогу.

Вероятно, в течение ближайших десяти дней я окажусь у Вас; мне было бы приятно повидаться с Коттой.

Место в «Одиссее», очевидно, относится к одной из тех бесчисленных рапсодий, из которых впоследствии так удачно были составлены обе поэмы. Остальные, вероятно, не дошли до нас именно потому, что «Илиада» и «Одиссея» слились каждая в единое целое. Так утратились и бесчисленные эпиграммы, поскольку был составлен сборник эпиграмм, так погибли творения древних юристов, поскольку их переварили «Пандекты»⁶, и т. д. Простите мне высказывание словно бы в духе горизонтов, однако мне с каждым днем становится все понятнее, как можно было, обладая лишь заурядным талантом, а то даже и просто известным умом, составить из огромного запаса гениальных творений рапсодов те два произведения, которые сохранились до нашего времени. И в самом деле, что мешает нам допустить, что эти связность и цельность были уже в самом высоком смысле подготовлены требованиями поэтического духа самих рапсодий? Я даже готов допустить, что в «Илиаду» и «Одиссею» было включено не все, прямо относившееся сюда, так что речь здесь шла не о включении, а об исключении.

Хотя это — суждения о предмете, достоверные сведения о котором утрачены навеки, однако представления, которые я высказываю сейчас, благоприятствуют моей нынешней работе⁷: я должен растворить «Илиаду» и «Одиссею» в необъятном поэтическом море, чтобы затем черпать из него.

Еще одно слово относительно Шрёдера; по моему убеждению, между Вашим «Валленштейном» и его приездом сюда связь такова, что скорее следовало бы сказать: «напишите «Валленштейна», и он приедет сюда», нежели: «если он приедет, тогда заканчивайте «Валленштейна».

Заканчиваю на этом, будьте здоровы. Снова предстоит завтрак; последний из них состоится завтра у меня, и я приглашаю на него Вашу милую жену, если она приедет вовремя.

Английский перевод моей «Доротей», предпринятый господином Меллишем⁸, уже закончен, как он сообщил мне вчера. Он хочет показать мне первые четыре песни, которые привез с собой. Сам я тут судить не берусь и буду настаивать, чтобы перевод получил для просмотра Шлегель⁹, который лучше изучил соотношение обоих языков. На этом я заканчиваю, хотя многое остается невысказанным.

Г.

Веймар, 2 мая 1798 года.

459. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 4 мая 1798 года

Моя жена очень подробно и восторженно рассказывала мне о Вашем любезном приеме, о пестром и оживленном обществе, собравшемся у Вас, и о смешном аптекаре Иффланда. Именно в таких ролях потешных чудаков Иффланд и восхищал меня всегда, ибо здесь во многом решает дарование: все кажется лишь мгновенной импровизацией и вспышкой гения, а потому и непостижимым, и зритель испытывает одновременно радость и волнение. Напротив, в ролях благородных, серьезных и чувствительных меня поражают, скорее, его мастерство, рассудительность, точный расчет и осмотрительность. Тут он неизменно кажется мне *значительным*, последовательным и целеустремленным, он приковывает к себе мое внимание и заставляет меня размышлять, однако я не могу сказать, чтобы в подобных ролях он действительно восхищал или увлекал меня так, как это удавалось гораздо менее совер-

шенным актерам. Поэтому он едва ли смог бы сообщить мне поэтическое настроение, необходимое для трагедии.

Я не знаю, как быть со Шрёдером, и поэтому почти уже решился совершенно отказаться от мысли поставить «Валленштейна» на сцене. Подготовить весь спектакль полностью в такой срок, чтобы Шрёдер смог сыграть Валленштейна в сентябре или в начале октября, невозможно, потому что ему, как он сам сказал Бёттигеру, требуется несколько месяцев для заучивания подобной роли, и, следовательно, пьесу он должен был бы получить не позднее середины июля. Хотя к этому времени я мог бы, в случае необходимости, подготовить некий набросок целого, который оказался бы достаточным для театра, однако такая поспешная работа, преследующая только внешнюю цель, исказила бы чистое настроение, необходимое для спокойного завершения работы. Кроме того, даже и при участии Шрёдера несколько главных ролей могли бы получиться слишком уж неудачными, а этим я предпочитаю не рисковать. Как Вы сами пишете, хорошие актеры являются только (и то в лучшем случае) пассивными передатчиками или референтами текста, и это особенно огорчило бы меня в отношении моих обоих Пикколомини и графини Терцки. Поэтому я собираюсь спокойно продолжать свою работу без особой оглядки на театр, по возможности охраняя свое настроение. Когда «Валленштейн» будет наконец закончен и напечатан, он уже перестанет меня волновать, а тогда я смогу подумать и о делах подобного рода.

Меня очень радует то, что вскоре мы снова увидим Вас здесь. Пожалуй, неплохо было бы почитать Гомера вместе, во время Вашего ближайшего визита сюда. Не говоря уже о том, что это чтение даровало бы Вам прекрасное расположение духа, необходимое для Вашей работы, оно послужило бы нам отличным поводом для обмена мыслями, при котором мы неизбежно обсудили бы важнейшие моменты в поэзии. Тогда в будущем мы продолжили бы то же самое с трагиками и остальными.

Я все еще в городе, поскольку вынужден повременить с переездом из-за нынешней ненадежной погоды. Если Ваш барометр сможет предсказать мне что-либо определенное, я положусь на него.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

Будьте здоровы.

Ш.

460. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Иффланд закончил вчера гастроли ролью амтмана в «Приданом»; за время своих спектаклей он дал мне повод к очень многим размышлениям, которые в целом согласуются с Вашими высказываниями. Нам нужно будет о многом тут побеседовать.

Не знаю, что Вам посоветовать относительно «Валленштейна», хотя я и сам думаю, что, принимая во внимание Ваш метод работы, пьесу (в той мере, в какой она мне известна) и внешние обстоятельства, решение, о котором Вы сообщаете мне, является, пожалуй, наилучшим. Никто не может служить двум господам¹, а из всех господ я менее всего желал бы себе публику немецких театров. Нынешние обстоятельства позволили мне еще ближе познакомиться с нею.

Я только и думаю о том, чтобы тотчас же по приезде к Вам вступить в мир гомеровских поэм; наше совместное чтение послужит наилучшим введением к этому.

«Фауста» я значительно продвинул вперед. Давно уже припасенная и до крайности бессвязная рукопись переписана; отдельные части обособлены и распределены согласно пунктам подробной схемы², так что теперь я в любую минуту могу воспользоваться настроением для того, чтобы разрабатывать отдельные части и рано или поздно объединить их в единое целое.

При этом обнаружилась удивительная вещь: некоторые трагические сцены были написаны в прозе³, и теперь благодаря своей естественности и силе они кажутся совершенно непереносимыми по сравнению с другими. Поэтому я пытаюсь теперь переложить их на стихи, ибо тогда идея словно бы просвечивает сквозь некую дымку, а непосредственное воздействие могучего материала несколько приглушается.

Будьте здоровы. Наши славные барометры предсказывают погоду лишь на ближайшие дни; надо полагать, конечно, что теперь должна настать дождливая пора, но кто поручится за это?

Веймар, 5 мая 1798 года.

Фихте прислал мне вторую часть своего «Естественного права»⁴. Я прочитал кое-что из середины книги и нахожу, что дедукция здесь во многих случаях заслуживает одобрения, однако мне, практически настроенному скептику,

показалось, что в некоторых местах все еще сильно ощущается влияние эмпирии. Дело здесь обстоит так, как я и писал Вам недавно относительно «Наблюдений»⁵: лишь все человечество способно познать природу, лишь всему человечеству открыто все человеческое. И что там ни говори, а многие прославленные аксиомы кажутся мне лишь индивидуальными суждениями, и как раз то, что наиболее широко признано как истинное, обычно представляет собою лишь предубеждение массы, которая подчиняется велениям времени и которую поэтому тоже можно рассматривать как некую индивидуальность. Будьте здоровы и любите мою любящую Вас индивидуальность, несмотря на все мои ереси.

Г.

461. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 8 мая 1798 года

Вчера я, несмотря на ненадежную погоду, рискнул перебраться в сад, и все обошлось как нельзя лучше. Наконец-то я снова сижу здесь, в моем загородном владении, однако число неожиданных визитов оказалось так велико, что за эти два дня я испытал больше помех, чем за всю зиму. Одного из моих посетителей, некоего Йозефа фон Ретцера¹ из Вены, Вы, вероятно, тоже видели, потому что он ехал в Веймар. Жалкий субъект, который, однако, до некоторой степени примечателен благодаря тому, что напоминает об уже забытой эпохе. Господина профессора Моргенштерна² из Галле, недавно побывавшего здесь, Вы, по словам моей жены, принимали у себя. По своему характеру он напоминает Вольтманна, столь же кокетлив и изящен в своих суждениях, да и ходячей монетой критической философии снабжен отлично. И, наконец, некто Эшен³, ученик Фосса, рекомендовавшего мне его в прошлом году; теперь он совершенно изменил своему былому кумиру и учителю и готов порицать его за очень многое. Семейство Шлегелей взяло этого молодого человека в оборот и похитило его у Фосса⁴. Боюсь, что он не слишком-то выиграл от этой перемены вероисповедания. Фосс собирается дополнить свою «Луизу» новыми идиллиями; он, по-видимому, считает этот сюжет нитью, которую можно вить бесконечно, однако для этого нужно обладать и воображением, не имеющим пределов.

Поздравляю Вас с тем, что «Фауст» продвинулся вперед. Как только Вы будете знать со всей определенностью, что следует еще предпринять с этим сюжетом, то дело окажется почти что сделанным, ибо самым трудным здесь мне всегда казалась именно *безграничность*. Недавнее Ваше замечание о том, что трагические сцены, выполненные в прозе, получились необыкновенно захватывающими, подтверждает прежнее Ваше наблюдение относительно Марианны в «Мейстере», где точно такой же чистый реализм в патетической ситуации оказывает столь же сильное воздействие и привносит сюда отнюдь не поэтическую серьезность, ибо, согласно моим убеждениям, сущность поэзии состоит еще и в том, что в ней всегда сочетаются серьезность и игра.

Будьте здоровы. Меня очень радует Ваш приезд; надеюсь, мы сможем в эти дни многое обсудить и продвинуться еще дальше.

Моя жена шлет Вам сердечный поклон.

Ш.

462. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поздравляю Вас с переездом в садовое жилище; и само это время года, и погода необыкновенно хороши, и я надеюсь навестить Вас вскоре в Ваших собственных владениях.

Потерю всех предшествующих дней могли возместить мне лишь иффландовские вечера; впрочем, для нашего брата отношения с обществом всегда складываются печально: что-то узнаешь, но ничему не учишься, и то, что нам нужно более всего, что, пожалуй, вообще единственно нужно — *настроение* — скорее исчезает при этом, чем появляется.

Иффланд оставил мне после себя влечение к работе. Он узнал, что я работаю над второй частью «Волшебной флейты», и выразил желание приобрести пьесу для берлинского театра, причем не без некоторого воодушевления. Кроме того, сам замысел вновь показался мне привлекательным, я взялся за старые бумаги и кое-что там сделал. По сути дела, законченным оказалось столь многое, что глупо было бы бросать эту работу; даже если руководствоваться тут столь презренной целью, как выгода, то и это было бы извинительным — тем более что к работе над столь легкой композицией можно возвра-

щаться в любое время, и к тому же она предрасполагает к чему-то более значительному.

Господин Туре все еще заставляет себя ждать, хотя мы уже надеялись, что он прибудет сюда вместе с Коттой; я же мечтаю теперь как можно скорее приехать к Вам, ибо дни проходят без всякой пользы, и непонятно даже, на что я их трачу. Я мог бы прийти в отчаяние из-за той чепухи, которой мне приходится заниматься, если бы величайший порядок в моих бумагах не позволял мне использовать каждый час по назначению и пускать в ход одно дело за другим.

Мейер закончил свою статью о семействе Ниобы²; она заслуживает необыкновенной похвалы, и я привезу ее с собой. Мейер согласен, чтобы мы изменили его статью о выборе предметов³ в соответствии с нашими убеждениями, а также, быть может, перегруппировали аргументацию согласно нашему методу. Мы, вероятно, еще раз совместно прочтем эту статью, и тогда ее удастся еще чуточку улучшить. Мейер занят сейчас произведениями Рафаэля⁴ и будет постоянно продвигаться все дальше. Я уже вижу несколько небольших томиков в самом близком будущем. Когда я приеду, Вы узнаете, чем мы собираемся приправить эти серьезные и, по нашему убеждению, хорошие статьи в утешение издателям, чтобы они если и не вознаградили, то по крайней мере *простили* нас⁵. На сегодня довольно, будьте здоровы; я ожидаю господина фон Ретцера, мне интересно было бы знать, как будет выглядеть в Веймаре императорско-королевская цензура.

Желаю всего наилучшего Вам, Вашей милой жене и детям; пусть вам приносят радость эти прекрасные утренние и вечерние часы.

Г.

Веймар, 9 мая 1798 года.

463. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 11 мая 1798 года

У нас по-прежнему хорошая погода, и во мне мало-помалу возрождаются влечение и склонность к работе. Хотя весенние восторги не слишком соответствуют мрачной серьезности пятого акта трагедии, однако они пробуждают поэтический дух, а тот уже пригоден для всего.

Только бы опера не слишком отвлекала Вас от мыслей о главном! Хотя, разумеется, главное — это деньги; но такое толкование годно лишь для реалистов самого строгого устава. Вам же я должен настоятельно внушить следующее речение: «О горнем помышляйте, а все остальное приложится вам»¹.

Если Вы не сумеете найти достаточно искусного и популярного композитора для продолжения «Волшебной флейты», то Вам, боюсь, грозит опасность встретить неблагодарную публику, ибо во время спектакля никакой текст не спасает оперу, если музыка неудачна, — скорее, тут даже вину за неуспех возлагают на поэта.

Мне не терпится узнать, чем именно Вы собираетесь приправить статьи для публики.

Быть может, имеет смысл включить в это собрание те небольшие статьи об искусстве, которые Вы поместили в «Меркурии»² восемь лет назад? Они придадут собранию большее разнообразие, несколько увеличат его объем, и я помню, что они уже тогда, когда появились в «Меркурии», вызвали живой интерес у читателей.

На этой неделе и у нас состоялись различные представления, о которых я знал прежде лишь понаслышке. Вчера молодой Френцль, скрипач из Мангейма, дал концерт, а сегодня вечером господин Бьянки, о существовании которого Вам, вероятно, известно, собирается представить некое интермеццо. Крюгер, который когда-то имел ангажемент в Веймаре³, объединился с ним; они немилосердно трубили повсюду о своих успехах, но, кажется, и в самом деле имеют неплохие сборы. Труппу, которая находится сейчас в Эйзенахе, герцог, по слухам, пригласил приехать в Веймар, как только она отбудет оттуда. Меня же действительно очень интересуется балет, который так расхваливают.

Если Вы окажетесь здесь в воскресенье или в понедельник, то, полагаю, еще сможете встретиться с Коттой. Я ожидал, что он приедет завтра, но поскольку письма от него не было, то он, по-видимому, явится позднее.

Искренне желаю успеха «Острову духов»⁴. Господин Бьянки сказал мне, что главная сила там не в пении, а в аккомпанементе, — но это, разумеется, отнюдь не похвала.

Будьте здоровы. Моя жена ждет Вас так же, как и я, — с нетерпением.

Ш.

464. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваше письмо застало меня, как Вы и желали, за «Илиадой», к которой мне все приятнее возвращаться, ибо тут поднимаешься надо всем земным, точно на монгольфьере, и чувствуешь себя поистине в тех сферах, где парят боги. Я продолжаю систематизировать и исследовать — и полагаю, что снова овладел некоторыми основными подступами к моей будущей работе. Выполнение этого замысла окажется совершенно невыполнимым, если оно не пойдет само собой, ведь ни одного акра пшеницы посадить нельзя, а вот посеять ее можно прекрасно. Я выискиваю теперь наилучшие семена, да и за подготовкой почвы дело не станет; в остальном же положимся на погоду.

Самое важное в нынешних моих штудиях состоит в том, чтобы удалить все субъективное и патологическое из моего исследования. Чтобы мне удалась поэма, до некоторой степени примыкающая к «Илиаде», я должен следовать древним и в том, за что их порицали, и даже усвоить себе то, что мне самому не по вкусу; только тогда я буду хоть сколько-нибудь уверен, что не слишком погрешу против смысла и тона. С двумя важнейшими пунктами, а именно вмешательством богов и сравнениями, я, как мне кажется, уже справился; о последнем я, кажется, уже говорил кое-что. Мой план расширяется изнутри и становится все античнее по мере того, как растут мои знания. Я вынужден только все записывать, чтобы не упустить что-либо из-за внешних помех.

За время ближайшего же моего визита к Вам все это должно будет продвинуться дальше, и я собираюсь даже закончить некоторые места, относительно которых испытываю наибольшую уверенность.

Мне было небезынтересно посвятить несколько дней «Волшебной флейте» и снова проглядеть и перевероршить работу, начатую три года тому назад. Поскольку я могу размышлять лишь действуя, то при этом мне удалось сделать немало любопытных наблюдений как относительно моего собственного Я, так и относительно драмы вообще и в особенности оперы, а главным образом — самой этой пьесы. Было бы бесполезно завершить когда-нибудь эту вещь в дни среднего настроения.

Герцог еще не вернулся из Лейпцига. Туре не появился здесь, так что мой отъезд откладывается на не-

сколько дней; однако я не задержусь здесь надолго: поскольку мне нужно будет вернуться сюда к Иванову дню, а я хочу на этот раз побыть у Вас не меньше месяца, то и не стану медлить.

Крюгер — ужасный ветрогон! Его балет, должно быть, неплох; однако едва ли он получит разрешение выступить здесь, разве что на несколько спектаклей.

Благородный господин фон Ретцер оказался таким феноменом, который следует увидеть собственными глазами, чтобы поверить в него. Вам он ведь тоже показывал свое стихотворение к Глейму¹?

Унгер прислал мне прилагаемый пробный оттиск своего нового шрифта² и настоятельно попросил, чтобы я дал ему напечатать что-нибудь в этом малом кегле. Но я сейчас ничем не располагаю, а самой настоятельной потребностью по-прежнему остается альманах.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Если бы Вам удалось все-таки обрести настроение, необходимое для успешного продвижения Ваших работ! Тем временем и я постараюсь использовать как можно лучше дни, остающиеся до отъезда.

Г.

Веймар, 12 мая 1798 года.

465. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 15 мая 1798 года

Котта будет здесь к Вознесению¹, и если Вы тоже сможете оказаться здесь к этому времени, это было бы просто превосходно. Напишите мне, если не сможете приехать, что именно Вы хотели бы сказать ему относительно Вашего сочинения. Лучше всего было бы, если бы Вы назначили свою цену, и тогда выяснится, подходящий ли он человек для этого дела.

Унгеровский пробный оттиск кажется мне слишком уж резким. Так можно довольно быстро оставить читателей без глаз.

В последнем номере нитхаммеровского журнала Вы найдете статью Форберга относительно дедукции категорий², которую я рекомендую Вам прочесть. Она очень удачно задумана и выполнена.

Поскольку Вы, надеюсь, в ближайшие дни будете здесь, то я приберегу до той поры совершенно свежую и неожиданную новинку³, которая очень близко касается

Вас и, как я полагаю, доставит Вам большую радость. Возможно, что Вы уже догадались, о чем идет речь.

Вам, пожалуй, незачем умышленно подражать тому, что Вам не нравится в Гомере, но если этот элемент и примешается к Вашей работе, он послужит доказательством полноты проникновения в мир Гомера и подлинности Вашего настроения. Я не раз обращал внимание при чтении Софокла на своеобразную словесную игру в самых серьезных диалогах, непозволительную для автора нового времени. Но древним она к лицу; по крайней мере она отнюдь не портит настроения и даже в какой-то степени помогает духу обрести определенную *aisance* * и свободу в патетических сценах. И все же это кажется мне неким озорством, так что подражание тут неуместно.

Меня радует «Ниоба» Мейера, и мне не терпится сравнить ее с Вашей статьей о Лаокооне. Последнюю я возвращаю при сем, поскольку Вы недавно просили об этом.

Шлегель, как я слышал, надеется получить здесь кафедру ⁴? Я только что получил его «Атений» ⁵, но еще не успел проглядеть его.

Конечно же, господин фон Ретцер оставил и мне свои стихи, которые вполне могут прикончить читателя.

Визит Паулюса заставляет меня прерваться. Будьте здоровы.

Ш.

466. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваше письмо вновь застаёт меня за «Илиадой»! Эти штудии все время держат меня в круге восторгов, надежд, постижения и отчаяния.

Я теперь более, чем когда-либо, убежден в единстве и целостности поэмы; впрочем, ни сейчас, ни в будущем не найдется человека, который был бы в состоянии разрешить этот вопрос. Я по крайней мере постоянно ощущаю, что способен лишь на субъективную оценку. Так было с другими до нас — и так будет с другими после нас. Тем не менее мое первое *аргси* ** об «Ахиллеиде» было верным, и если я хочу сделать что-либо в этом роде, то должен придерживаться своего прежнего мнения.

Что бы там ни говорили на этот счет, «Илиада» кажется мне настолько целостной и законченной, что там ничего нельзя ни прибавить, ни изъять. Если браться за

* легкость (*франц.*).

** представление (*франц.*).

новую поэму, то ее точно так же следует делать изолированной, но с тем, чтобы по времени действия она непосредственно примкнула к «Илиаде»¹.

«Ахиллеида» — трагический сюжет, который, однако, благодаря определенной своей широте не исключает эпической обработки.

Он совершенно *сентиментален* и в этом двойном качестве прекрасно подходит для современного произведения; абсолютно реалистическая трактовка должна уравновесить оба этих внутренних качества. Далее, сюжету присущ лишь индивидуальный и частный интерес, тогда как «Илиада», напротив, обнимает интересы народов, частей света, земли и неба.

Все это, несомненно, окажется близким Вашему сердцу; и если Вы сочтете, что, исходя из двух упомянутых особенностей сюжета, следует приняться за поэму, требующую значительного объема и известного труда, то я могу начать работу в любое время, ибо по большей части решил уже, как именно выполню ее, — хотя согласно давнему обычаю буду держать это в секрете до тех пор, пока не смогу прочесть Вам законченные места.

Относительно неожиданной и приятной новинки у меня нет ни догадок, ни предположений, и, конечно же, я очень рад буду услышать о ней. Ни разу в моей жизни не случилось какого-нибудь непредвиденного и неподготовленного благого события. К сожалению, приехать к Вам до воскресенья я не смогу.

Передайте Котте мой сердечный поклон и поблагодарите его за все те услуги, которые он оказал мне с такой благожелательностью. За некоторые из них я все еще в долгу перед ним, но надеюсь, что вскоре мне представится возможность ответить ему тем же.

Что же касается наших теоретически-эмпирических статей, то тут я предполагаю руководствоваться теми соображениями, которые недавно изложил Вам; как только передо мной окажется примерный состав сборника, переписанный набело, легко будет договориться.

В будущем я хочу по возможности не обещать рукописей, пока они не будут вполне готовы для печати; здесь же особенно многое должно еще собраться.

Шлегель, по-видимому, получит кафедру, герцог благоволит к нему из-за перевода Шекспира², так что уже и в Готу направлен благоприятный отзыв.

Будьте здоровы. Я страстно жажду увидеть Вас и поработать над чем-нибудь значительным. Кланяйтесь Вашей милой жене и наслаждайтесь прекрасной погодой на свежем воздухе.

Г.

Веймар, 16 мая 1798 года.

467. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 мая 1798 года

Поскольку, пожалуй, есть свой резон в том, что после «Илиады» невозможна никакая другая «Илиада», даже если бы снова родился Гомер и снова возникла Греция, то мне, вероятно, не остается пожелать Вам ничего иного, как то, чтобы Вы соотносили ту «Ахиллеиду», которая существует сейчас в Вашем воображении, лишь с самим собой, а у Гомера искали лишь настроения, но не стремились бы сравнивать Ваше и его творения. Вы, вне всякого сомнения, постройте свой сюжет таким образом, чтобы он вполне соответствовал Вашей форме, но вместе с тем не преминете найти форму, подходящую для этого сюжета. Поручкой тому — Ваша собственная натура, а также Ваши представления и опыт. Благодаря своему субъективному поэтическому характеру Вы безошибочно уравновесите трагическое и сентиментальное в сюжете, а то, что сюжет этот соответствует требованиям нашего времени, безусловно составляет скорее его достоинство, нежели недостаток, ибо совершенно покинуть родную почву и действительно противопоставить себя своей эпохе — дело для поэта столь же немислимое, сколь и неблагодарное. Ваш прекрасный удел заключается в том, чтобы быть современником и гражданином обоих поэтических миров, и как раз во имя этого наивысшего преимущества Вам не следует примыкать лишь к одному из них.

Впрочем, вскоре у нас будет еще возможность довольно подробно обсудить этот предмет, ибо новинка, относительно которой я писал Вам и не хочу долго держать Вас в неведении, представляет собой произведение, посвященное Вашему «Герману» и принадлежащее перу Гумбольдта, который прислал мне его в рукописи. Я говорю «произведение», потому что оно составит объемистый том, а предмет рассматривается в нем с величайшей обстоятельностью и основательностью. Если Вы не возражаете, мы прочитаем его вместе; здесь речь идет обо всем, что можно

постичь или предугадать при рассуждениях о поэзии как роде и об ее видах. Вас должна будет порадовать та прекрасная справедливость, которую выказывают здесь по отношению к Вам мыслящий дух и чувствительное сердце; кроме того, подобное ясное и веское свидетельство должным образом повлияет на неопределенное суждение нашей немецкой публики и обеспечит решительную победу Вашей музыки над любыми противниками, в том числе и в сфере рассуждений.

Относительно того, о чем я говорил с Коттой¹, расскажу при встрече. Но что я особенно рад был услышать от него — это известие о неслыханном спросе на «Германа и Доротею». Вы были совершенно правы, ожидая, что этот сюжет особенно придется по душе немецкой публике, ибо он приводит в восторг немецкого читателя на его собственной почве, в кругу его дел и интересов, — и ведь он действительно приводит его в восторг, а это доказывает, что источник воздействия кроется здесь не в сюжете, а в поэтическом чувстве. Котта полагает, что Фивегу следует тотчас же напечатать дешевое, плохонькое издание, так как он вполне может быть уверен в том, что в одной только Швабии разойдется несколько тысяч экземпляров.

Но обо всем этом поговорим подробнее, когда Вы приедете. Надеюсь, что это произойдет послезавтра. Будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Шиллер

468. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Относительно первого листа Вашего милого письма я могу лишь сказать «аминь!», ибо в нем содержится квинт-эссенция того, что я уже говорил самому себе в знак утешения и ободрения. Сомнения охватили меня главным образом из-за страха перед сюжетом, воплощение которого казалось мне то вообще невозможным, то невозможным для меня, то невозможным на избранном мною пути. Но теперь мы должны отставить все эти заботы и мужественно начать работу в ближайшие дни.

Я и в самом деле не ждал сочинения Гумбольдта и очень рад ему. К тому же я особенно опасался, что его путешествие лишит нас — по крайней мере на некоторое время — его содействия в теоретической сфере. Немалую пользу принесло мне то, что хотя бы на послед-

нем отрезке моего поэтического поприща я пришел к согласию с критикой.

В это утро ничего больше не скажу Вам, поскольку у меня напоследок очень много забот.

Завтра вечером я буду у Вас и уже заранее надеюсь на плодотворное воздействие ближайших четырех недель. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 19 мая 1798 года.

469. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам небольшую статью¹, которую мы могли бы обсудить и после переписки отослать Котте; я пока что готовлюсь к первому номеру. Дело это по своему формальному ходу должно быть предварено вступлением, и только после этого я смогу думать о чем-либо другом.

Одновременно Вы получите диалог², о котором я говорил недавно; мне не терпится узнать, заслужит ли он Ваше одобрение и захотите ли и потребуете ли Вы обещанного там продолжения.

Днем я приглашен в гости по соседству с Вами³, а потом приду, чтобы продолжить вчерашнее чтение и беседу.

Будьте здоровы.

Г.

Иена, 24 мая 1798 года.

470. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Иена, 31 мая 1798 года]

На этот раз подлинно злой дух возобладали над нашими беседами и Вашей поэтической музой. Как я хотел бы, чтобы Вы смогли поскорее вернуться сюда свободным и спокойным! Август¹ послужит нам поистине ценным залогом Вашего скорого возвращения.

Будьте здоровы, счастливого пути. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Пожалуйста, оставьте мне сочинение Гумбольдта у Трабициуса, если это удобно.

Ш.

471. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прошу Вас прислать мне сочинение Гумбольдта и железный прут¹. Сегодня вечером я буду у Лодера,

однако до этого, вероятно, смогу прийти к Вам на несколько часов.

Сегодня утром во время прогулки я обдумал курсорный обзор моего учения о цвете и испытал сильнейшее желание и настроение выполнить его. Произведение Шеллинга² сослужит мне большую службу тем, что удержит меня именно в этой моей сфере.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене, если она уже приехала³.

Г.

[Иена,] 11 июня 1798 года.

472. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку я все-таки твердо решил, что должен уехать¹, то вынужден заниматься сборами и, следовательно, увидеться сегодня с Вами не смогу.

Посылаю при сем словарь Фишера², который, как мне кажется, вполне соответствует своему назначению.

Надворный советник Лодер посылает в понедельник пакет в Париж, и я хочу вложить туда мое письмо, а также, вероятно, копию «Евфросины»³. Было бы просто прекрасно, если бы и Вы подспели к тому времени с Вашим письмом⁴.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене. Меня очень интересует, что именно принесут мне эти несколько дней.

Иена, 21 июня 1798 года.

Г.

473. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Едва я покинул Иену, как тотчас же был притянут к иному полюсу, который теперь снова удержит меня в течение некоторого времени. У меня было несколько причин вернуться в Веймар; пока что я остаюсь здесь, чтобы дожидаться приезда герцога¹, привести в порядок и поправить разные дела, но думаю все-таки, что через неделю снова буду у Вас. Поскольку у меня ничего нет с собой (я оставил все в Иене), то я вынужден был обратиться к своим старым бумагам и нашел много всякой всячины, которая может пока послужить нам хотя бы в качестве материала.

Посылаю Вам французский романс². Хорошо, что у меня не было его под рукой, потому что такие вот искусные штучки помешали бы мне идти своим путем.

В другую рукопись³, которую прилагаю, я не пытался даже заглядывать; по-видимому, она может послужить примером неслыханного просчета в выборе сюжета и бог весть еще каким предостерегающим примером. Мне очень хотелось бы знать, какой гороскоп Вы составите для этого незадачливого создания.

Мои дела в Оберроссла завершились к полному моему удовлетворению⁴; мои помощники избавили меня от забот и раздумий, так что мне в конце концов оставалось лишь принять решение относительно таких вещей, которые целиком зависят от воли владельца.

Наш герцог вернется в среду или в четверг, однако пробудет здесь недолго.

Будьте здоровы и порадуите меня по приезде к Вам чем-нибудь лирическим, если это возможно.

По-видимому, я еще не получал двенадцатого номера «Ор»; прошу прислать его мне с посылкой. Я с самого начала собирал некоторые разрозненные номера; быть может, нам удастся совместно подобрать несколько комплектов, которые еще доставят кому-нибудь удовольствие и после блаженной кончины этих богинь.

Передайте мой сердечный поклон Вашей милой жене. Желаю Вам как можно лучше чувствовать себя в эти дни, которые хотя и не могут быть названы самыми прекрасными, однако растительности они чрезвычайно благоприятствуют.

Виланд в Оберроссла был очень оживлен⁵. Сельская жизнь по-прежнему доставляет ему много радостей, хотя он, по сути дела, еще не вполне приспособился к ней. Приготовления к сельской жизни напоминают мне курс лекций по антропологии, который не одного славного малого завлек в трудный мир медицины. Меня, бог даст, не поглотит эта пучина, даже если луга зазеленеют еще ярче, а поля дадут наилучший урожай.

Еще раз будьте здоровы. В среду я снова напишу Вам несколько слов.

Веймар, 24 июня 1798 года.

Г.

474. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 25 июня 1798 года

Я все еще не могу привыкнуть к Вашему длительному отсутствию и мечтаю только, чтобы оно продлилось не дольше, чем Вы предполагаете теперь.

Письма к Гумбольдту тогда, пожалуй, несколько задержатся — по крайней мере до тех пор, пока мы не сможем отправить их вместе. Поэтому я собираюсь написать в ближайший почтовый день, в среду, просто чтобы дать ему знать о себе, прибавив к этому несколько утешительных слов. Я не могу теперь вдаваться в подробности, а в особенности из-за того, что не располагаю его рукописью, находящейся на Вашем попечении.

Прилагаю требуемые стихотворения¹.

Возвращаю Вам и драму²; я тотчас прочитал ее и, право же, отнесся к ней благожелательнее, чем, по-видимому, относитесь Вы. Она напоминает о хорошей школе, хотя и представляет собой всего лишь дилетантское творение, к которому невозможно приложить мерки искусства. Она свидетельствует о нравственно совершенной душе, прекрасном и уравновешенном духе и следовании хорошим образцам. Если даже она и не написана женщиной, то хотя бы напоминает о некоторой женственности души — в той мере, в какой это возможно для мужчины. Если очистить драму от многих *longueurs** и отступлений, а также от некоторых вычурных оборотов речи (отчасти уже отмеченных в рукописи), и в особенности если улучшить последний монолог, в котором выражен неестественный порыв, то она, несомненно, будет читаться с интересом.

Если мне позволено будет узнать имя автора, то я бы очень хотел, чтобы Вы назвали его.

Посылаю при сем и «Оры». Поглядите, пожалуйста, хотя бы мельком помещенные там две идиллии³. Первую Вы уже читали в рукописи и предложили несколько исправлений. Эти исправления были внесены в текст, и Вашим советам последовали, насколько это удалось.

Будьте здоровы. Я отложил сегодня «Валленштейна», ибо хочу посмотреть, не снизойдет ли теперь на меня лирический дух.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

475. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

По случайности или, скорее, предполагая, что Вы и так знаете, что «Эльпенор» принадлежит мне, я не сказал об этом прямо в своем письме и теперь испытываю

* длиннот (франц.).

особое удовольствие, поскольку Вы воспринимали эту вещь совершенно непосредственно. Лет 16 назад я написал оба этих акта, однако вскоре почувствовал к ним отвращение и по крайней мере десять лет не заглядывал в них. Меня радуют ясность и справедливость Вашего суждения, проявившиеся в этом случае так же, как и в столь многих других. Вы на редкость достоверно описываете то состояние, в котором я тогда находился, и я теперь начинаю задумываться о причине, по которой это произведение опротивело мне.

Прилагаю два небольших стихотворения Шлегеля¹. Он дал мне понять, что на них нужно смотреть как на рукопись и что они, во всяком случае, достойны занять место в альманахе. Быть может, их стоит принять, раз уж мы собираемся включить сюда еще некоторые стихотворения, адресованные определенным лицам.

Что касается других стихотворений, также прилагаемых, то я пока подожду со своим отзывом: они, как мне кажется, балансируют между реальностью и пустотой, и я не знаю, куда они склоняются сильнее.

Зато письмо, которое Вы также получите при сем², бесспорно представляет собой великолепный образец сумасшествия вне стен сумасшедшего дома. Понять, почему такого человека не запирают на замок, довольно трудно. Быть может, единственное, что говорит в его пользу, — это полная его безвредность; однако стоит ему приблизиться к вам, как он утрачивает и это достоинство. Так что коль скоро я не могу захлопнуть дверь за ним, то по крайней мере сделаю это перед ним.

Сегодня прибывает наш герцог. Посмотрим, как долго он пробудет здесь. После его отъезда я тотчас же вернусь к Вам, предварительно проведя несколько дней в Оберроссла, где мне нужно еще отдать некоторые распоряжения.

Одно сочинение, которое мне одолжили вчера, пришлось весьма кстати. Это — «Попытка вывести законы магнетических явлений из принципов естественной метафизики, то есть а priori. Сочинение К. А. Эшенмайера. Тюбинген, у Якоба Фридриха Геербрандта, 1798». Я смог как следует заглянуть в мастерскую натурфилософов и естествоиспытателей — и снова утвердился в своем качестве созерцателя природы. Я привезу это сочинение с собой, и мы превосходно сможем использовать его при

классификации явлений, с первым наброском которой Вы уже познакомились³.

Будьте здоровы. Мечтаю о мгновении, когда снова увижу Вас.

Еще одно. Мейер, который посылает Вам сердечный привет, больше склоняется к названию «Пропилеи», чем к тому, что предложили Вы⁴. Он полагает, что тут должна иметь место некоторая неопределенность, поскольку публика любит это. Мы это еще обсудим.

Г.

[Веймар, 28 июня 1798 года.]

476. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 28 июня 1798 года

Сообщение, что «Эльпенор» — Ваше сочинение, просто поразило меня, и я не представляю себе, как могло случиться, что у меня даже мысли не возникло об этом. Но ведь именно потому, что я не смог остановиться ни на одном из известных и возможных имен, меня и заинтересовал так автор: ведь речь идет о таком произведении, в котором все ведет и направляет непосредственно к духу его создателя, независимо от самого предмета. Вообще же это весьма ценный документ, относящийся к истории Вашего духа и периодам его развития, так что Вы должны дорожить им.

Я очень рад возможности познакомиться с курсом магнетизма; как раз об этом предмете я не нашел ничего утешительного в фишеровском словаре¹, поскольку первый том его не захватывает эту сферу. Мы тогда смогли бы, если это не помешает Вам, побеседовать и об электричестве, гальванизме и химических явлениях и, если это возможно, поставить некоторые опыты. Я хотел бы только предварительно прочесть то, что Вы мне посоветуете и что удастся раздобыть.

Сегодня мое письмо отправится к Гумбольдту. Прилагаю копию той части, которая касается его труда. Поскольку у меня нет его под рукой, да и вообще этот род умственной деятельности сейчас несколько чужд мне, то я смог коснуться всего этого лишь *in generalibus**. Об остальном Вы еще успеете написать в своем письме к нему.

* в общих чертах (латин.).

Если Шлегель пожелает представить мне для альманаха что-нибудь значительное в придачу, то я нисколько не буду возражать против помещения его стихов на случай². Однако если они останутся его единственным вкладом, который он даже не соблаговолил прямо обозначить как таковой при посылке, то может создаться впечатление, будто мы хватаемся за все, что исходит от него, хотя в действительности подобной нужды не испытываем. Семейство это не слишком-то заботилось о приличиях в обхождении со мной, так что я и в самом деле вынужден следить за тем, чтобы не дать им повода для важничанья. Ибо наименьшее, чем я здесь рискую, состоит в том, что мадам Шлегель примется уверять всех и каждого, будто ее муж не сотрудничает в альманахе, а я ухватился за эти два стихотворения, только чтобы напечатать хоть что-нибудь из его вещей.

Впрочем, стихотворение, обращенное к Иффланду, весьма недурно, хотя меня и веселит, что Шлегель уже во второй раз посягает на образ Пигмалиона³, от которого он никак не может освободиться.

Предложенное Мейером название «Пропилеи» вполне приемлемо. Мои соображения Вам известны, но их можно не принимать во внимание, коль скоро такое название полезно для дела.

Будьте здоровы.

Ш.

477. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хотя Ваше письмо к Гумбольдту превосходно и справедливо, однако оно не слишком-то обрадует нашего друга, ибо со всей ясностью выражает ту мысль, что эта работа не очень соответствует нашим нынешним обстоятельствам. Вы затронули здесь один весьма важный пункт: трудность извлечения какой-либо пользы из теоретических рассуждений для практической деятельности. Я ведь и в самом деле полагаю, что между теорией и практикой, как только начинаешь рассматривать их отдельно, не существует ни одного *связующего звена* и что они связаны между собой лишь тогда, когда изначально связаны в едином процессе, как это происходит у гения в любой сфере.

Сейчас у меня тот самый случай с натурфилософами, которые желают идти сверху вниз, и с естествоиспытателями, которые желают идти снизу вверх.

телями, которые желают идти снизу вверх. Я вижу свое спасение лишь в созерцании, а оно находится посредине. За эти дни у меня появились некоторые новые мысли, о которых я хочу сообщить Вам в первой же беседе. Они, надеюсь, окажутся нам полезными особенно в качестве регламентирующего начала и дадут нам возможность быстро рассмотреть всю область физики на наш лад. Мы последовательно пройдем здесь один раздел за другим.

Мне очень хочется снова оказаться у Вас и заняться такими делами, которые не могут быть осуществлены без моего участия; до сих пор я занимался и распоряжался только тем, что превосходно устроилось бы и без меня.

Осторожность по отношению к Шлегелю я нахожу вполне уместной, так что подождем дальнейшего.

Пожалуй, самое лучшее из всего того, что удалось мне за последнее время,— это более точная мотивировка первой песни «Телля»¹, равно как и более ясная идея относительно того, каким образом можно будет совершенно обособить эту поэму по исполнению и тону от первой, и тут уже следует воздать хвалу нашему другу Гумбольдту, поскольку он, исчерпывающе раскрыв особенности первой поэмы, отчетливо указал мне тем самым широкое поприще, на котором я могу действовать со второй. Надеюсь, что Вы одобрите мои начинания.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене. Вероятно, в среду вечером я снова буду у Вас.

Г.

Веймар, 30 июня 1798 года.

Прилагаю самое старое из сохранившихся у меня стихотворений². Ему уже целых тридцать лет.

478. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 11 июля 1798 года

Присовокупляю к *Magnetica*¹, которую забирает с собой Гейст, несколько строк, чтобы передать Вам самые сердечные наши приветы и пожелания. Разумеется, все эти помехи очень неприятны, но если они и препятствуют сейчас появлению на свет Ваших поэтических творений, то, быть может, тем скорее повлекут за собой впоследствии более зрелые плоды, как это было в конце лета 96 года², которое я никогда не забуду.

Тем временем я пытаюсь пробудить и поддержать в себе лирическое настроение и надеюсь, что к Вашему приезду положу наконец почин своему собственному вкладу в альманах.

Грис только что прислал мне из Дрездена устрашающе большое стихотворение³, которое не доставило бы мне удовольствия, будь оно даже вполнине короче.

Сегодня, вероятно, состоится празднество по случаю окончания строительных работ в моем садовом домике, которое отнимет у меня всю вторую половину дня, быть может, но ведь для меня это совершенно новое впечатление, от которого я не могу отказаться.

Будьте здоровы и сократите по возможности срок нашей разлуки. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

479. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 13 июля 1798 года

Со вчерашнего дня я пребываю в полном бездействии из-за спазмов, которые возобновились снова и повлекли за собой бессонницу, так что на этот раз я ограничусь лишь словами приветия. Посылаю Вам зато стихотворение Гриса в надежде, что Вас, быть может, немного развлечет это произведение. Кроме того, на днях объявился еще один довольно славный малый¹, у которого я, во всяком случае, кое-что возьму.

Я страстно жажду Вашего возвращения. Мне и моей жене кажется совершенно непривычным то, что мы до сих пор не получили никаких вестей от Вас. Будьте здоровы. В скором времени напишу подробнее.

Ш.

480. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Таким образом, дни эти оказались, по-видимому, не самыми благоприятными для нас обоих, ибо не успел я уехать от Вас, как надолго попал в лапы к злему духу эмпирии. И все же я, в пику и в поношение ему, разработал схему¹, в которой сопоставил природные явления, обладающие, как мне кажется, двойственным характером, и притом — в следующем порядке:

магнетические,
электрические,

гальванические,
хроматические и
сонорные.

Я не забуду, в соответствии с Вашим пожеланием, о вкусе и обонянии. Итоги здесь могут быть какими угодно, однако сам метод в высшей степени удобен для того, чтобы выявлять вопросы, представляющие интерес для нас.

Литые железные тела также прибыли из Ильменау². Эксперименты, ради которых я велел отлить их, дали предполагаемые мной результаты; однако при этом обнаружилось несколько новых феноменов, которые я не смог предугадать и которые представляют большой интерес.

Возвращаю при сем стихотворение, являющее собой совершенно особый род ничтожества. Молодые люди учатся изготавливать стихи так, как делают бумажные фунтики; если бы при этом они вкладывали в них хоть какие-то пряности! Не знаю, подходит ли оно для альманаха. Как мне кажется, все зависит от того, найдется ли у Вас место, ведь публика, в особенности женская ее половина, любит такие полые сосуды, поскольку может вложить в них чуточку собственного сердца и ума.

План нового театра³ уже подготовлен и даже намечен на полу; на будущей неделе мы, пожалуй, начнем работы. Идея весьма остроумна и удачна, и когда она будет осуществлена полностью, все в целом, несомненно, выиграет. В зале поместится примерно на две сотни человек больше, чем прежде, а в то же время он не будет казаться пустым при менее многочисленных представлениях. Я полагаю также, что работы закончатся к намеченному сроку.

Я стремлюсь теперь по возможности привести все дела в порядок и как можно скорее вернуться к Вам, ибо просто жажду двигаться дальше совместно с Вами по тому пути, начало которому мы уже положили. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и не забывайте меня.

Веймар, 14 июля 1798 года.

Г.

481. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Несмотря на множество помех, я наконец отдал переписать мое письмо к нашему другу Гумбольдту,

а также элегию, но едва лишь собрался отправить пакет, как обнаружил, что у меня нет адреса. Будьте так добры поскорее сообщить его мне.

План украшения театрального зала уже уточнен, а завтра начнутся и сами работы. Когда все закончится, зал станет весьма привлекательным и удобным, однако мне это будет стоить немалых жертв, ибо из-за этого предприятия ближайшие три месяца если не пропадут совсем, то, во всяком случае, будут раздроблены.

Я собираюсь пока что отредактировать здесь первую партию новых произведений¹, предназначенных для Котты, а затем переправить их Вам, чтобы услышать Ваш отзыв. Поскольку все уже готово и необходимы лишь мелкие поправки, то я смогу далеко продвинуться за две недели.

Моя схема, о которой я писал Вам в субботу², чрезвычайно радует меня, так как с ее помощью мне удалось уже за короткое время наметить некоторые последующие шаги. В конце концов, вероятно, все опять сведется к старому: мы можем знать лишь немного, и вопрос состоит только в том, хорошо ли мы знаем это. Между тем я в таком настроении, что мог бы опасаться вечной разлуки с музами, если бы не знал по опыту, что эти добросердечные девы сами подкараулят часок для того, чтобы вновь выказать прежнюю любовь своим друзьям.

Будьте здоровы. Я надеюсь, что смогу теперь каждый день урывать время для работы, и хотя не закончу ее, но, быть может, выполню значительную ее часть. Кланяйтесь Вашей милой жене и напишите мне, взошла ли свекла³; мне хотелось бы услышать также, что постройка садового домика завершилась благополучно.

Г.

Веймар, 15 июля 1798 года.

482. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 16 июля 1798 года

Прилагаю адрес Гумбольдта. По особой прихоти случая Вам также пришлось заниматься этой критической работой при определенных помехах, после того как и я, в свою очередь, при всем желании не смог уделить ей должного внимания.

К несчастью, меня по-прежнему мучают спазмы, расстройство сна губит во мне всякое настроение к работе. Поскольку у меня на этих днях и без того было много помех, то потеря времени оказалась еще большей.

Меня очень интересуют Ваши новые открытия, сделанные с помощью больших железных тел и магнита. Если Вы и в самом деле вынуждены будете в течение трех ближайших месяцев так распылять свои силы, то, разумеется, поэзия потерпит ущерб, но зато Вы сможете тем дальше продвинуться вперед в этих вопросах физики, что тоже недурно.

Что же касается тех пяти разделов, по которым Вы распределили двойственные явления, то я присоединил бы сюда и химические явления,— или этот принцип не распространяется на них? При надлежащей осторожности и точных дефинициях подобный метод наилучшим образом позволит нам узнать, равноправны ли все эти составляющие или же одни из них подчинены другим.

Поздравляю Вас с началом улучшений в театре. Бог даст, мы сможем сочетать с этой внешней реформой еще и внутреннюю — в собственно драматической сфере. Мой свояк, который вчера побывал здесь, тоже очень хвалит весь замысел, однако он заметил, что опасаются, как бы сооружение не оказалось недостаточно надежным.

Мой домик достроен, однако только теперь становится ясно, сколько еще нужно сделать для того, чтобы в нем можно было жить. Нам обеспечен теперь просто очаровательный вид, в особенности на Мельничную долину.

Свекла всходит превосходно.

Будьте здоровы. Моя жена и моя теща шлют Вам свои наилучшие пожелания.

III.

Citoyen Humboldt, rue de Verneuil, Faubourg St. Germain vis à vis la rue St. Marie N. 824 *.

483. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сегодня я не получил письма от Вас; надеюсь все же, что это не свидетельствует о Вашем нездоровье.

Наше театральное строительство живо продвигается вперед; сооружение это будет, конечно, привлекательным

* Гражданину Гумбольдту, улица Верней в предместье Сен-Жермен, напротив улицы Сен-Мари, № 824 (франц.).

и притом прочным. Существует, по-видимому, некий непреложный естественный закон, согласно которому любая деятельность вызывает определенное отрицание. О лучшем устройстве мечтали уже так давно, а теперь, когда начались приготовления к этому, возникают и распространяются сомнения, способные внушить тревогу за свою голову тем людям, которые в будущем смогут по крайней мере удобно разместиться в зале. Но поскольку это — всего лишь старая сказка, которая вечно повторяется, то ею можно пренебречь.

Пришлите мне, пожалуйста, в следующую пятницу: две мои папки с путевыми материалами ¹, статью о магнитах ², старую статью об осторожности, необходимой для наблюдателя ³ (если Вы сможете найти ее).

Дела со статьями для журнала ⁴ обстоят вполне удачно и пойдут еще лучше, когда все сдвинется с места. Главная трудность редактирования изначально состоит в том, что здесь нужно постоянно иметь в виду общие цели и при всей фрагментарности помнить о целом.

Тем временем мы с Мейером обсудили чрезвычайно интересные вопросы, так что в будущем нам предстоит многие радости от отдельных, зачастую небольших статей, поскольку их можно будет тотчас же пускать в дело, не заботясь о тесной связи между ними.

Если бы Вы смогли еще до конца этого года внести сюда и свой вклад!

Эту неделю я собираюсь еще провести здесь, выполняя все, что удастся, но на той неделе, вероятно, смогу вновь перебраться к Вам, ибо здесь у меня едва хватает настроения на несколько сносных прозаических абзацев. Пока же будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и заботьтесь о том, чтобы славный садовый домик стал пригодным для жилья до моего приезда.

Г.

Веймар, 18 июля 1798 года.

484. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 20 июля 1798 года

С наступлением хорошей погоды я снова чувствую себя лучше и бодрее, и ко мне, по-видимому, мало-помалу возвращается также лирическое настроение. Я заметил, что настроение это менее всего повинуется воле, ибо

оно словно бы бесплотно и из-за отсутствия материальной опоры обусловлено лишь самим духом. На прошлой неделе я испытывал, скорее, нерасположенность к этому и несколько дней тому назад в дурном настроении вернулся к «Валленштейну», который, однако, теперь снова отложен в сторону.

Считаете ли Вы допустимым сочинить гимн в дистихах¹ — или по крайней мере назвать гимном стихотворение в дистихах, если в нем есть нечто от приподнятости гимна?

В деле со строительством театра Вас не должны смущать разносчики сомнений. Меня этот слух затронул только потому, что мне сказали, будто бы так высказался сам Туре.

Моя стройка продвигается не слишком быстро; из-за жатвы, частично уже начавшейся здесь, сейчас очень трудно найти рабочих, которые занялись бы соломенной крышей и опалубкой стен. Сегодня наконец я могу утешаться тем, что домик подведен под крышу. Работы эти чаще, чем нужно, отвлекали меня от дела.

Альманах уже сдан в типографию, и Вас по приезде будет приветствовать Ваша «Евфросина»², с достоинством открывающая собой всю череду. Надеюсь, что Гуттенберг не слишком затянет работу, поскольку печатание альманаха завершится в первую неделю сентября, и, следовательно, к этому времени мне уже понадобятся обложка и титульная гравюра.

На этих днях я читал новеллы мадам де Сталь³, которые дают чрезвычайно характерное представление об этой кипучей, мыслящей и притом совершенно непозитичной натуре — или, вернее, об этой рассудочной ненатуральности. Чтение это причиняет весьма ощутимые огорчения, и к тому же я столкнулся здесь с тем, от чего Вы страдаете обычно при чтении подобных сочинений, а именно с тем, что тут полностью проникаешься настроением писательницы и при этом чувствуешь себя как нельзя более дурно. Личность эта начисто лишена прекрасной женственности, между тем ошибки в этой книге — совершенно женские. Она покидает свой пол, несколько не возвысившись при этом. Тем не менее я обнаружил и в этом маленьком сборнике несколько очаровательных рассуждений, что всегда отличало мадам де Сталь, подтверждая проницательность ее взгляда на жизнь.

Будьте здоровы. Мне приходится прерваться из-за появления в доме двух прусских мундиров, носители которых, братья моего свояка⁴, собираются провести свой отпуск в Веймаре.

Мои жена и теща шлют Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

485. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

От всей души желаю Вам поскорее вновь обрести настроение, необходимое для поэтической работы. К сожалению, жизнь в саду столь же неблагоприятна для Вас с одной стороны, сколь благоприятна с другой, в особенности потому, что Вы вовлечены в строительство. Я, к сожалению, слишком хорошо знаю по прежним временам эти удивительные помехи и потратил на них невероятно много времени. Технические работы и возникновение нового предмета благодаря ремесленному труду приятно развлекают нас, а тем временем деятельность наша прекращается совершенно. Это почти как курение табака. В сущности, с нами, поэтами, следовало бы поступать так, как саксонские герцоги поступили с Лютером¹, — схватить нас на дороге и запереть в каком-нибудь горном замке. Я хотел бы, чтобы со мной тотчас же учинили подобную операцию, и тогда мой «Телль» был бы закончен к Михайлову дню.

Поскольку элегический дистих допускает всестороннее развитие, то я ничуть не сомневаюсь в успешности лирической трактовки. Припоминаю, что и сам я питал подобное намерение в прежние времена.

Из приложения Вы увидите, что наш первый анаглифический опыт удался довольно неплохо²; оттиск выполнен только вручную, и крестиком помечена наиболее удавшаяся часть, так что Вы сразу увидите, что эта работа может быть доведена до высочайшего совершенства. Затея эта доставляет мне большое удовольствие. Фациус именно тот человек, который способен выполнить нечто подобное, а наш Мейер, знающий, чего можно достичь в этой ограниченной сфере, поддержит это предприятие своими рисунками. Для альманаха мы позаботимся о такой же, только богаче украшенной обложке; ее затем нужно будет отпечатать на цветной бумаге и окрасить в созвучные тона. Все это обойдется не дороже, чем

медная доска с гравюрой и типографская печать. Я убежден в том, что стоит только начать дело, как его широко начнут использовать в декоре обложек, особенно теперь, когда выпускают так много книг без переплета.

Кроме того, я занимался сейчас редактированием статей — как моих собственных, так и Мейера. Через неделю мы отправим первую подборку³; пока я тружусь над нею, будет закончен и следующий выпуск, так что в этом отношении передо мной открывается широкое поле.

На этих днях я провел немало часов с господином ван Марумом⁴. Это очень своеобразный, хороший и разумный человек. Он много занимался электричеством; я хотел бы, чтобы он остался здесь подольше, ведь тогда этот раздел также был бы быстро доведен до конца; он рекомендовал мне третью часть своего сочинения, в которой изложены последние достижения в этой важной главе природоведения.

И все-таки я не могу умолчать о том, что редактирование работ Мейера делает меня несчастным. Эти ясные описания и изображения, эти точные и в то же время столь глубоко прочувствованные суждения настоятельно призывают читателя к созерцанию. Перечитывая на днях статью о семействе Ниобы, я едва удержался от того, чтобы распорядиться заложить экипаж и отправиться во Флоренцию.

Новеллы госпожи де Сталь я знаю; это причудливые, страстно задуманные произведения.

На этих днях у меня с Мейером возникло небольшое разногласие, которое мы не успели еще обсудить как следует; он утверждал, что даже *гениально-наивное* может быть в известном смысле привито школой, и он, пожалуй, прав, если только дополнить это положение следующим образом: при том условии, что внимание художника с ранних лет может и должно быть направлено на эту ценную сторону изобразительного искусства. Представляется странным, конечно, что в наше время даже сама эта идея совершенно утратилась, как явствует из недавнего предложения Даннекера⁵ относительно одного барельефа и из того, что так поразило нас снова в беседах с Туре, который оказывается выразителем мнения очень многих людей, поскольку он одновременно представляет тут и художников, и публику. Век свой не

переменишь, но можно противостоять ему и готовить счастливые перемены. Одна из моих следующих статей будет озаглавлена — «О препятствиях на пути современного художника от бесформенности к форме»⁶. Оставшееся место позволяет мне лишь пожелать Вам всего хорошего.

Г.

Веймар, 21 июля 1798 года.

486. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 23 июля 1798 года

Ваш первый анаглифический опыт позволяет ожидать много хорошего от этого предприятия. Меня вначале лишь несколько смутило одно: не приобретет ли целое столь же явственно выраженный сборный облик, каким отличаются напечатанные ноты. Возможно, впрочем, что я не вполне воспринял Вашу идею и здесь все может показаться сделанным как бы из одного куска.

Я должен был окрестить Ваше стихотворение о поэтах¹, поскольку печатание альманаха уже началось, и не нашел более подходящего названия, чем «Достоинство певца», которое прикрывает иронию, а в то же время сообщает посвященным о сатирическом характере стихотворения. Если Вы хотите другое название или уже нашли более удачное, то прошу Вас сообщить мне об этом завтра же, потому что я должен вскоре передать стихотворение в типографию.

Мне кажется, что в Вашем споре с Мейером последний совершенно прав. Хотя прекрасно-наивное не может быть выражено посредством какой-либо формулы, а следовательно, и передано по традиции в виде таковой, однако оно по самой своей сути естественно для человека, тогда как противоположное, сентиментальное чувство неестественно для него и представляет собой некое извращение. Поскольку же школа сдерживает или исправляет это извращение и заботится об естественном положении вещей (что очень легко себе представить), то она неизбежно должна питать и развивать дух наивного. Природа начинает порождать и питать в каждом индивидууме наивное хотя бы по форме, если не по содержанию, как только устраняется все то, что препятствует ей; однако, если сентиментальность уже присутствует, то школа может добиться немногого. Я твердо убежден в том, что дух наивного, который в определен-

ную эпоху выказывают все вообще произведения искусства древности, есть результат воздействия традиции, воплощенной в обучении и образцах, а следовательно, и доказательство действительности этой традиции.

Вопрос, однако, состоит теперь в том: чего можно было бы ожидать для искусства от какой-либо школы в такие времена, как наши? Те старые школы были воспитательными заведениями для своих питомцев; новые вынуждены быть исправительными домами для заключенных, а к тому же они — из-за скудости творческого гения — формируют скорее критическое, нежели продуктивное восприятие. Между тем нет никакого сомнения, что многое было бы достигнуто уже в том случае, если где-нибудь нашлось или образовалось устойчивое объединение единомышленников, которое установило бы, что именно может считаться каноничным, а что неприемлемым, и сформулировало бы в виде ясных и обоснованных тезисов для передачи потомству определенные истины, которыми должны были бы руководствоваться художники. Благодаря этому возникли бы определенные книги символов для нужд поэзии и искусства, пользующиеся признанием, и я не вижу препятствий к тому, чтобы сектантский дух, который сейчас порождает одно лишь дурное, послужил бы также добру. Во всяком случае, мне кажется, что это принесло бы пользу эстетическим воззрениям и общности в той же мере, в какой нанесло бы ущерб философским.

Я получил сегодня сочинение Риттера о гальванизме²; хотя там содержится немало полезного, однако тяжеловесный способ изложения разочаровал меня и только усилил мое желание побеседовать с Вами об этом предмете.

Что Вы скажете о новом «Атене» Шлегеля и особенно о «Фрагментах»³? Эта нескромная, категоричная, язвительная и односторонняя манера причиняет мне чисто физические страдания.

Будьте здоровы и поскорее возвращайтесь сюда. Мои жена и теща шлют Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

487. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я совершенно удовлетворен тем, как Вы рассудили нас с Мейером. Позвольте при случае, когда я подойду к этому предмету, скромно воспользоваться Вашими словами.

Сегодня наконец отправляется первая посылка к Котте¹. Я с удовольствием вновь послал бы Вам рукопись, однако мы с Мейером еще раз просмотрели ее — словно бы в Вашем присутствии. То немногое, что можно сказать о памятниках пластики и архитектуры этрусков², Вы получите, вероятно, в субботу. Весь первый номер будет вскоре подготовлен полностью, да и другие не заставят себя ждать, поскольку все сделанное оказывает плодотворное влияние на последующие работы.

У нас подготовлена значительная масса уже обработанного материала, но то, что еще подлежит обработке, бесконечно.

Название «Достоинство певца» превзошло все мои ожидания, настолько оно превосходно. Поскорее бы увидеть напечатанным Ваш благородный труд. Я ни с кем больше не говорил о нем.

Изложение Риттера и в самом деле неясно и не может удовлетворить человека, желающего познакомиться с этим предметом. Сам он находится сейчас в Бельведере у Шерера, и у меня теперь появилась двойная причина интересоваться всем кругом их опытов, поскольку мне нужно будет также пообстоятельнее осведомить Вас обо всем этом.

Мне кажется все-таки, что какова бы ни была личность Шлегеля, его долей участия в *olla potrida** немецкой журналистики нельзя пренебречь. Всеобщее ничтожество и партийное пристрастие к крайней посредственности, раболепие и низкопоклонство, пустота и убожество, в которой теряются немногие хорошие произведения, нашли грозного противника в том осинном гнезде, каким являются «Фрагменты». И наш друг Ubique, получивший первый номер, уже постарался обежать всех, чтобы опорочить целое посредством чтения вслух отдельных мест. При всем том, что совершенно справедливо вызывает Ваше недовольство, автору, однако, нельзя отказать в известной серьезности, в известной глубине, а с другой стороны, и в некоторой широте воззрений. Дюжина таких номеров покажет, насколько все это содержательно и перспективно.

Вильгельм³ прислал мне прилагаемое стихотворение для альманаха, которое я, однако, никоим образом не собираюсь ни рекомендовать, ни даже защищать. Из самой легенды можно извлечь лишь немногое, ибо в том, что некий султан дарит некую девушку, нет ничего особенного.

* *ragu* (собств., *olla potrida*, испанск.).

Кроме того, здесь не использованы даже те удачные мотивы, которые позволяет сюжет. Изложение не слишком прозрачно и ясно, и есть еще много другого, что говорит не в пользу этой работы. По сути дела, это все тот же «Пигмалион», причем здесь снова проявляется ошибочное стремление к поэтической обработке сюжетов изобразительного искусства. Я собираюсь высказать ему несколько дружеских возражений и посоветовать кое-что еще подправить, тогда по крайней мере можно будет выиграть время.

К сожалению, он напечатал также стихотворение по случаю присяги короля⁴; оно неудачно во всех отношениях, но дало вчера мне повод для одной шуточной беседы, в которой я защищал это стихотворение от той партии, которую оцарапал Кот в сапогах⁵.

Анаглифические опыты подвигаются весьма успешно. Сова на лире, которая должна украшать обратную сторону альманаха, будет нарисована нашим другом Мейером с натуры и тщательно воспроизведена — с тем, чтобы показать, чего можно ждать от новой манеры и в этой области.

Будьте здоровы и кланяйтесь от меня Вашим. Каждый день я поддаюсь было искушению вернуться к Вам, однако бурлящий поток наших маленьких начинаний всякий раз удерживает меня на месте. Через две недели внутренний остов нашего нового театрального сооружения будет, вероятно, готов полностью; каннелюрованные колонны придут, согласно договору, 7 августа, а с ними и все прочее. Туре и Гейделофф расписали занавес. Теперь дело только за тем, чтобы Вы представили нам «Валленштейна».

Еще раз всего наилучшего.

Г.

Веймар, 25 июля 1798 года.

488. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 27 июля 1798 года

Мое письмо необычайно быстро добралось до Гумбольдта, и то же самое произошло с его ответом, который я прилагаю¹. Как Вы сами увидите, он испытывает совершенное удовлетворение. Разумеется, то, чего он еще ждет от меня, а именно просмотра всей его работы, немного не ко времени, да и вообще исправление чужих трудов представляет труд столь же неблагодарный, сколь и тяжелый. Мне очень хотелось бы узнать, что скажет по

поводу этой книги Гумбольдта цех присяжных критиков — в особенности же клан Шлегелей.

Я не могу отказать обоим Шлегелям, и особенно младшему, в известной серьезности и глубоком проникновении в суть вещей. Однако к этим добродетелям примешивается столько эгоистических и неприятных черт, что они утрачивают очень многое в своей ценности и полезности. Признаюсь также, что нахожу в эстетических суждениях обоих братьев такую сухость, черствость и необоснованную суровость, что зачастую сомневаюсь даже, скрывается ли за этим какое-либо содержание. Собственные поэтические работы старшего брата подкрепляют мои подозрения, потому что для меня совершенно непостижимо, каким образом человек, который действительно воспринимает Ваш гений и действительно чувствует, например, Вашего «Германа», способен даже просто терпеть прямо противоположную природу своих собственных произведений, всю эту сухую и бессердечную холодность (не говоря уже о том, чтобы находить ее прекрасной). Если публика и сможет когда-нибудь обрести вкус к добру и справедливости благодаря поэзии, то образ действий обоих братьев скорее замедлит, чем ускорит наступление подобной эпохи, ибо манера эта не вызывает ни сочувствия, ни доверия, ни уважения, пусть даже она нагоняет страх на болтунов и критиканов, а те слабости, которые выказывают эти господа в своей односторонности и преувеличениях, придают доброму делу почти что смехотворное обличье.

Кант напечатал два послания к *Николаи* о литературном делечестве², в которых делает ему несколько резких замечаний и вообще обходится с ним весьма пренебрежительно. Вероятно, я уже сегодня смогу получить это сочиненьице и приложить его к письму.

Будьте здоровы, на сегодня довольно. У меня в гостях большое семейное общество из Веймара и Рудольштадта³. Моя жена шлет Вам свои сердечные пожелания.

Ш.

P. S. Будьте так добры вернуть мне с посылкой письмо Гумбольдта и сочинение Канта.

489. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Письмо Ваше я получил сегодня с опозданием. Внушите, пожалуйста, посылкой, чтобы она приносила письма

сама и тотчас же. Эти люди порой слишком беззаботно относятся к делу и поручают его маленьким мальчишкам, а те запаздывают с разноской.

Кантова отповедь этому пустомеле просто превосходна. Нравится мне в старике то, что он неустанно утверждает свои принципы и при каждом удобном случае бьет в одну и ту же точку. Молодой, практически мыслящий человек поступает правильно, если не обращает никакого внимания на своих противников; старому же теоретику не подобает спускать кому бы то ни было неуместные высказывания. Впредь и мы будем поступать так же.

Меня искренне радует то, что Гумбольдт столь дружески воспринял Ваше письмо. Его серьезность, талант, ревностность, добрая воля, склонность и дружелюбие заслуживают прямого и дружеского отношения. Вскоре он получит и мое письмо с «Евфросиной»¹. Должен, однако, чистосердечно признаться, что не вижу возможности отредактировать его работу так, как он это предлагает. Ибо если Вы приметесь за этот труд исходя из Ваших представлений, то здание затрещит по всем швам. Помочь тут, на мой взгляд, могут разве что свидание и беседа.

То, что еще можно было бы привести в пользу Шлегеля, побережем до разговора при встрече. Я нарочно хочу прочитать «Фрагменты» вместе с Вами, потому что они, несомненно, послужат отличным поводом для интересной беседы, пусть даже при этом возникнут разногласия. Как счастлив я был бы, если бы уже находился рядом с Вами!

Первая посылка к Котте уже отправлена; прилагаю то, что предназначено для второй, причем хотел бы получить это обратно в среду. Сообщите мне, пожалуйста, что Вы думаете о материале и об изложении.

Введение к первому номеру тоже не заставит себя ждать²; оно кажется мне чуточку торжественным, но таков уж, как говорит наш друг Гумбольдт, немецкий характер, да и само дело, если познакомиться с ним поближе, оказывается достаточно серьезным. Тем живее и непринужденнее следует держаться впоследствии — в тех случаях, когда это будет уместно.

В извещении о новой анаглифике³ я привожу пример того, каким образом даже мельчайшая техническая деталь неизменно должна будет включаться впредь в эту общность духовного искусства.

Я уже привожу в порядок и второй номер и надеюсь в скором времени подготовить третий и четвертый или по крайней мере располагать уже частью материала, переписанного набело. Меня особенно радует то, что я нашел как раз такую работу, которой могу с полным удобством заниматься в Веймаре.

Я хочу поскорее услышать, что Ваш вклад в альманах увеличивается. Быть может, и я пришлю еще что-нибудь. Пожалуйста, отправьте ко мне сразу же первые отпечатанные листы.

Г.

Веймар, 28 июля 1798 года.

490. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 31 июля 1798 года

Статья о пластическом искусстве этрусков¹ хотя и суховата из-за своей строгой и трезвой правдивости, однако это никоим образом не может быть поставлено в упрек самой работе. Автор, изображающий распространенный предрассудок во всей его наготе и указывающий воображению строгие фактические границы, неизменно покажется сухим. Меня эта статья порадовала, потому что я получил ясное и удовлетворительное представление о предмете, который всегда был скрыт для меня во мраке неизвестности. Некоторые тяжеловесные абзацы — в частности, первый — можно, пожалуй, еще улучшить.

Старый мастер поступил весьма разумно, столь изящным способом скрыв во втором письме скудость материала, вследствие чего это гораздо более бедное фактами письмо оказалось даже занимательнее первого, из которого можно почерпнуть очень многое. Оба они, причем каждое по-своему, представляют собой весьма ценный вклад в это собрание.

Торжественность, которая будет господствовать в Вашем введении, не внушает мне особых опасений, ибо то, что Вы называете торжественным и что действительно является таковым, немецкой публике в целом покажется, вероятно, скорее, серьезным и основательным. Введение это я жду с великим нетерпением.

За это время прибыло еще несколько приемлемых вещей для альманаха, однако собрать нужное количество материала пока не удастся — даже с учетом моей возможной доли в двадцать с лишним страниц. Вечера, правда, я

получил разом и от одного автора, некоего барона ², столько стихотворений, что ими можно было бы заполнить более половины альманаха, но (не говоря уже об их непригодности) с нелепым требованием автора напечатать всю серию, в которой к тому же стихотворения на случай занимают примерно 50 страниц.

Сам я в эти дни испытываю настроение, чрезвычайно располагающее к работе. Одно стихотворение уже закончено, а другое на пути к этому ³.

Ни один корректурный лист альманаха еще не прибыл.

Что касается *Шерера*, с которым я говорил вчера, то мне снова вспомнилось замечание о нем, высказанное Вами в прошлом году. Это совершенно бесчувственная натура и к тому же настолько обтекаемая, что здесь не за что уцепиться. Общаясь с подобными личностями, особенно явственно ощущаешь, что только духовное начало, по сути дела, и образует человеческое в человеке, ибо при мысли о подобных людях на память приходят одни факты, а для человеческого не найдется и уголка. Думаю, что Шеллинг все же не таков.

Будьте здоровы и разделяйтесь поскорее с Вашими делами в Веймаре. Рекомендую Вам то, что Вы так часто — и тщетно — советуете *мне*: проявить *волю* и быстро покончить со всем.

Моя жена передает Вам поклон. Вот уже несколько дней, как мы снова одни.

Ш.

491. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Иена, 21 августа 1798 года

Только непогода удержала меня от того, чтобы нанести Вам обещанный визит в пятницу и субботу, ведь я хотел также побродить по Вашим владениям, а в дождь это не слишком-то удобно. Я никак не могу привыкнуть к тому, что почти уже неделю не вижу Вас и не получаю от Вас никаких вестей; тем временем я сделал несколько дюжин строк той самой баллады ¹, содержание которой так беспокоило меня, и при этом не утрачиваю определенной пластической осмотрительности, которую вызвало у меня созерцание гравюр.

То, что я прочитал Вам два последних акта «Валленштейна» и смог убедиться в Вашем одобрении, оказалось

для меня истинным благодеянием и вселило в меня мужество, столь необходимое для завершения пьесы.

С другой стороны, однако, я должен был бы, скорее, печалиться из-за того, что *теперь* у меня уже нет ничего такого, из-за чего я мог бы испытывать подлинную радость во время работы; ибо мысль о том, что я прочитаю Вам законченное произведение и смогу убедиться в Вашем одобрении, была, в сущности, источником наивысшей радости для меня, — ведь в том, что касается публики, немногие радости омрачаются здесь множеством фальшивых нот.

Гумбольдту я ответил в прошлую пятницу и сообщил ему сведения о судьбе его сочинения, которые, надеюсь, полностью удовлетворят его².

Меня отвлекает визит проректора Паулюса. Завтра вечером напишу Вам подробнее.

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам наилучшие пожелания.

Ш.

492. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Музы и грации Оберроссла скорее желали Вашего приезда, чем надеялись на него; погода была слишком уж дурной, а когда дождь переставал, гулять можно было разве что по гусиному выгону. Но, быть может, вскоре нам снова представится случай встретиться там. Тем временем я много думал о «Валленштейне» и вновь вызывал в памяти первые акты. Когда я снова приеду к Вам, то, думается, мы начнем с самого начала, ибо теперь я знаю все в целом, — тем более что Вам не мешают беседы о Вашей работе. Я хочу как можно скорее составить о ней ясное представление, а еще сильнее — увидеть ее законченной. Она будет очень высоко оценена по завершении, и я желаю Вам хорошего настроения на конец лета.

Если бы Вам захотелось послушать стук молотка, шум пилы и рубанка и т. д., то Вы должны были бы проводить ежедневно по несколько часов в нашем театре; дело продвигается очень быстро, и результат обещает быть превосходным.

У меня возникли новые фантазии относительно трагического и эпического, которые я поведаю Вам при ближайшем свидании. Вероятно, еще до субботы станет известно, когда прибудет его светлость герцог. Если его возвращение задержится до сентября¹, я вскоре буду у Вас.

Первый лист «Лаокоона» уже прибыл, печать кажется очень ясной; введение я просмотрел еще раз и составил перечень содержания. Со следующим письмом к Котте я отошлю весь остаток; теперь, стало быть, и этот кораблик сойдет со стапелей.

Мейер шлет Вам самый сердечный поклон; он по-прежнему добивается всяческих успехов в работе. Меня радует пластическое воздействие оставленных картин, оно с каждым днем кажется мне все более необходимым. Будьте здоровы. Я всей душой стремлюсь к нашим привычным ежедневным беседам. Сердечный поклон Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 22 августа 1798 года.

493. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 24 августа 1798 года

Так как наш герцог возвратился, то Ваш приезд, по видимому, снова откладывается; за этот промежуток я постараюсь покончить со своими обязанностями и заботами, связанными с альманахом, с тем чтобы, когда Вы приедете и когда возобновятся наши беседы, сделать последний и самый трудный шаг к завершению «Валленштейна». Поскольку Вы выразили однажды желание вникнуть в структуру пьесы, то я при случае приведу в порядок заметки относительно плана, рассеянные в моих бумагах, с тем чтобы облегчить Вам обзор целого еще до того, как оно будет закончено.

Мне очень хочется услышать Ваши новые мысли об эпическом и трагическом. Работая над трагедией, особенно живо ощущаешь, как поразительно далеки друг от друга эти два рода. Я обнаружил это, к моему собственному удивлению, во время работы над пятым актом, совершенно отрешившей меня от всего безмятежно-человеческого, ибо тут надлежало фиксировать некое мгновение, которое неизбежно должно было быть преходящим. Столь резкий перелом в настроении, вызвавший отчуждение от всех более свободных состояний души, пробудил во мне чуть ли не страх перед тем, что я нахожусь на патологическом пути, ибо я приписал тут своей собственной личности то, что было обусловлено характером моей работы. Но, таким образом, это служит для меня еще одним доказательством

того, что трагедия рассматривает лишь некоторые исключительные и мимолетные состояния человеческой души, тогда как эпос, напротив,— ее устойчивую, спокойную и непреходящую целостность, почти не затрагивая упомянутого душевного состояния, почему он и воздействует на человека в любом расположении духа.

Я позволяю моим персонажам говорить много и объясняться довольно пространно; Вы ничего не сказали об этом и, кажется, не осудили меня. Да и Ваша собственная практика как в драме, так и в эпосе говорит в пользу этого. Можно было бы, разумеется, обойтись немногими словами, чтобы добиться завязки и развязки трагического действия; может показаться также, что это больше соответствует природе действующих лиц. Однако пример древних, которые придерживались того же правила и отнюдь не скупались на слова в выражении того, что Аристотель называет воззрениями и мнениями¹, указывает, по-видимому, на некий высший поэтический закон, именно здесь требующий отступления от действительности. Если вспомнить, что все поэтические персонажи являются существами символическими, что они, как поэтические образы, непременно должны воплощать и выражать нечто общечеловеческое, и, наконец, если подумать о том, что поэт (равно как и всякий художник) должен честно и откровенно отступать от действительности и помнить о том, что он это делает, то возразить против такого приема нечего. Кроме того, мне представляется, что более скупой и лаконичный способ выражения оказался бы не только чересчур бедным и сухим, но и слишком реалистическим, грубым и — в бурных ситуациях — невыносимым, тогда как более пространный и полный способ выражения всегда вызывает определенное спокойствие и безмятежность даже в самых напряженных положениях, воплощаемых автором.

Рихтер был здесь на этих днях², однако он велел доложить о себе в такое неудачное время, что я его не принял. Маттиссон, которому я несколько недель назад сказал несколько приятных слов относительно его стихотворений и их количества³, прислал мне еще одно, так что альманах постепенно увеличивается до нужных размеров. Грис также прислал кое-какие вещицы, которые можно использовать⁴. Гёпфердт пока еще не продвинулся далее второго листа.

Будьте здоровы. Быть может, на следующей неделе я приеду к Вам на один день и тогда, вероятно, погляжу и на строительство театра. Когда Вы вернетесь к нам, то увидите, что мой домик также приведен в порядок: завтра мы собираемся освящать его. Благодаря этому и для меня начинается более спокойная пора.

Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания. Она очень рада тому, что сможет снова увидеть Вас хотя бы ненадолго.

Ш.

494. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я только что посетил наше строительство, где все подвигается очень быстро. В середине будущей недели будет готово перекрытие, мы уберем леса и этот ужасный мусор, и тогда уже можно будет составить общее представление обо всем замысле. Надеюсь, все это окажется вполне удачным еще и потому, что зрители видят друг друга с определенных мест, да и публики теперь поместится гораздо больше.

Было бы просто превосходно, если бы Вы посетили нас в ближайшее время; мы смогли бы обсудить некоторые дела, да и строительство доставит Вам несколько приятных часов. Быть может, созерцание театра даст Вам новые драматические импульсы.

На сегодня ограничусь этим, потому что после вчерашнего свадебного торжества¹ у меня не слишком хорошее настроение. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 25 августа 1798 года.

495. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку наши подсчеты объема рукописи не совпали с потребностями наборщика, то я должен отослать еще несколько листов и поэтому прошу вернуть мне «Ниобу»¹. Однако, если мы проигрываем в типографском отношении, то зато выигрываем в силе заряда, который наконец выпустим в публику. Будьте так добры вручить рукопись «Ниобы» подателю сего, которого я спешно отправил к Вам за ней. Будьте здоровы и постарайтесь по возможности сдержать Ваше обещание посетить меня.

Г.

Веймар, 27 августа 1798 года.

496. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Пока я ждал Вашего посыльного, мне пришло в голову, что я мог бы еще немного укрепить Вас в намерении приехать сюда (если Вы сумеете в какой-то степени справиться с альманахом и хлопотами по его печатанию), а именно тем, что:

1. Скверную погоду, которая грозит продлиться еще некоторое время, легче переносить в многокомнатном доме, чем в саду.
2. Театральное строительство развлечет Вас.
3. В пятницу я отсылаю уже весь номер «Пропилей», которому требуется Ваше благословение.
4. Начались приготовления к следующему номеру, и тут Ваши советы были бы весьма желательны.
5. Всевозможные естественноисторические наблюдения продвинулись вперед, и Вас, несомненно, обрадуют их итоги и все то, чем я еще мог бы соблазнить Вас,— но, впрочем, думайте прежде всего о Ваших интересах и удобствах; если Вы приедете, то привезите с собой «Валленштейна», ибо мы должны сделать сразу многое. О том, как обстоят сейчас дела в театре, распространяться не буду. Будьте здоровы и решайтесь по возможности скорее. В течение двух недель дела могут обернуться таким образом, что я снова смогу приехать в Иену и остаться там до конца сентября. Будьте здоровы и делайте все возможное.

Г.

Веймар, 27 августа 1798 года.

497. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 27 августа 1798 года

Разумеется, два листа составляют значительную ошибку в расчетах, и это служит также тревожным предзнаменованием для будущих выпусков и влечет за собой необходимость большего запаса рукописей. Вообще-то для начала очень хорошо дать публике побольше. И все-таки лучше было бы, пожалуй, если бы Вы смогли восполнить пробел не «Ниобой», а чем-нибудь другим, ибо не говоря уже о том, что статьи на темы пластического искусства менее всего импонируют массе и более всего требуют подготовленного читателя, я опасаюсь, что в последующих номерах Вам не удастся соблюсти нужную

пропорцию. Не могла бы тут пригодиться Ваша статья о методе в естественных науках?¹

Таковы соображения, которые я могу изложить лишь наспех, поскольку должен отпустить посыльного.

Погода с позавчерашнего дня совершенно невыносима, так что мы в нашем продуваемом ветрами жилище вынуждены ограничиваться лишь одной отапливаемой комнатой. Тем не менее работа подвигалась вполне сносно, и я в скором времени смогу кое-что показать Вам.

Желаю всего наилучшего Вам и Мейеру. Не могли бы Вы одолжить нам «Mémoires» Клери²?

Ш.

498. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 28 августа 1798 года

Я хотел сам принести Вам сегодня свои поздравления по случаю дня рождения, но так как слишком поздно проснулся и к тому же плохо чувствовал себя, то мне пришлось отказаться от этого благого намерения. Но мы думали о Вас с сердечным участием и в особенности предавались воспоминаниям обо всем том добром, что возникло у нас благодаря Вам.

На этих днях меня просто поразили визит, которого я никак не мог ожидать. Меня посетил Фихте и вел себя при этом самым любезным образом¹. Поскольку он сделал первый шаг, то я, разумеется, не стану теперь разыгрывать чопорность и постараюсь сделать эти отношения, которые едва ли могут стать плодотворными и дружескими (ибо характеры наши плохо сочетаются), хотя бы теплыми и приятными.

Удовольствие, которое Вы испытываете обычно при обращении к греческим пословицам², я получил теперь от мифологического сборника Гигина³, только что прочитанного мною. Истинное наслаждение — следовать за этими сказочными персонажами, которым поэтический дух даровал жизнь; здесь ощущаешь родную почву под ногами и приходишь в волнение от всего этого величайшего духовного богатства. Я не стал бы поэтому менять что-либо в небрежной композиции книги; ее как раз и следует быстро просматривать всю подряд в том виде, в каком она дошла до нас, чтобы проникнуться всей прелестью и полнотой греческой фантазии. Для трагического поэта тут найдутся еще прекраснейшие сюжеты, среди

которых особенно выделяется «Медей», хотя эту историю следует использовать всю целиком и в виде цикла. Миф о Фиесте и Пелопии также может послужить превосходным сюжетом⁴. В походе аргонавтов я обнаружил, кстати, некоторые мотивы, не встречающиеся ни в «Одиссее», ни в «Илиаде», и мне представляется, что здесь, возможно, содержится зародыш некой эпической поэмы.

Поразительно, что весь этот мифологический цикл, который я проглядел сейчас, представляет собой всего лишь сплетение галантных приключений и, как с неизменной скромностью выражается Гигин, *compressibus* *, так что все великие и плодотворные мотивы исходят из этого и покоятся на этом.

Мне пришло в голову, что весьма похвально было бы снова обратиться к идее, которую Гигин выполнил вчерне и для нужд иной эпохи, и воплотить ее с одушевлением и в соответствии с тем, чего требует воображение нынешнего поколения, создав благодаря этому такой сборник греческих мифов, который мог бы будить поэтический дух и сообщать очень много полезных сведений как поэту, так и читателю.

Прилагаю к сему два пробных листа альманаха. Третий последует в скором времени.

Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания. Будьте здоровы.

Ш.

499. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сердечно благодарю Вас за память о моем дне рождения и за самую мысль посетить меня. День этот прошел беспокойно и бесплодно, но я надеюсь вскоре обрести сосредоточенность вблизи от Вас. Гигин доставляет радость и мне всякий раз, когда я его открываю, и мне было бы очень приятно проглядеть его как-нибудь вместе с Вами от начала и до конца. К походу аргонавтов я тоже испытывал всегда определенное доверие, а в соответствии с новым учением, которое уже не требует какого-либо единства от эпоса¹, сюжет этот по своей рапсодической природе мог бы оказаться чрезвычайно удобным. Там есть превосходные мотивы, а при разработке, несомненно, удастся обнаружить и другие.

* [любовных] объятий (латин.).

В пятницу я собираюсь наконец отослать последние тетради рукописи. Во введение я еще внес кое-какие поправки, которые, надеюсь, не повредят ему, и продолжал бы, вероятно, делать это и до сих пор, если бы не надо было отсылать его. Но теперь, по сути дела, речь идет о новом взгляде на вещи, ибо уже в пробных листах все имеет иной облик, нежели в рукописи. Надеюсь, что это не помешает нам создать своего рода гармоничную композицию из первых четырех номеров. Если бы только нам довелось еще вдобавок получить от Вас нечто такое, что расширило бы круг наших размышлений! Печать выглядит недурно; разумеется, мелкий шрифт требует тщательного набора и гладкой бумаги.

Меня радует, что господа Конц и Бюрде² стали чуть легкомысленнее и пленяются поэтому запретными любовными связями; если бы такое произошло и с Маттиссоном, это доставило бы мне еще большее удовольствие. Занятно наблюдать, как эти люди не могут уберечь себя от откликов и отзвуков. Вот так и звучит слабое эхо, порожденное древним волшебным жезлом чародея³.

Быть может, под конец Вы получите от меня еще что-нибудь.

Обложка готова; посмотрим теперь, как пойдет дело с нанесением красок и отделкой декора. В скором времени Вы получите образец. Будьте здоровы и деятельны; в свою очередь и я постараюсь покончить со здешними делами. Я бы очень хотел провести у Вас первую половину сентября.

Используйте вновь завязавшиеся отношения с Фихте с наибольшей пользой для себя и постарайтесь также оказать на него благотворное воздействие. О более тесной связи с ним нечего и думать, однако наблюдать его вблизи всегда чрезвычайно интересно.

Г.

Веймар, 29 августа 1798 года.

500. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 31 августа 1798 года

Если только я смогу освободиться и если здоровье мое это позволит, то, по всей видимости, на следующей неделе мне удастся приехать к Вам на несколько дней. Разумеется, я прежде должен буду покончить со своей долей участия в альманахе, но на это потребуется лишь

четыре дня. Ибо две баллады¹, которые в печатном виде займут 20 страниц, напечатаны; стихотворение, над которым я тружусь сейчас², также даст 10—12 страниц, так что с учетом еще одного и уже набранного стихотворения³ мой вклад в альманах составит от 36 до 40 страниц, а к этому, быть может, прибавится еще что-нибудь, что дарует мне случай в течение ближайших двух недель. Тогда я смогу побыть у Вас, не ведая особых забот, а также обрести свободу для мыслей о «Валленштейне».

Вы совершенно правы, говоря о том, что определенные настроения, выраженные Вами, вызвали отклик у господ Конца, Маттиссона и прочих. Однако эти нравственные души редко соблюдают меру; когда они становятся человечнее, из этого непременно получается нечто плоское.

Этот господин Конц в том небольшом стихотворении, которое Вы читали в печатном виде, подражает, в сущности, моей «Тайне», хотя о стихотворении этом — также, как и обо всех остальных, исключая «Ивика», — он ни словом не обмолвился в рецензии на альманах, помещенной в «Тюбингенских известиях»⁴.

Маттиссон прислал мне еще одно стихотворение. Меня радует то, что имя его часто встречается в печати, хотя вещи его, пожалуй, мало кому могут доставить наслаждение.

Поздравляю Вас с завершившейся ныне подготовкой первого номера «Пропилей». Мне просто не терпится увидеть его в печати, а впоследствии и поработать для журнала в спокойной обстановке. Вы можете твердо рассчитывать на мой вклад в четвертый номер, так как для окончания «Валленштейна» мне понадобится самое большее остаток года. Обработкой пьесы для театра, то есть делом, требующим участия одного лишь рассудка, я уже смогу заниматься одновременно с какой-нибудь другой теоретической работой.

Меня радует возможность поглядеть на строительство театра, и я тоже верю, что вид театральных подмостков пробудит во мне всевозможные чувства. Мне недавно вспомнилось прочитанное в каком-то журнале или в газете: о том, что гамбургская публика жалуется на однообразие иффландовских пьес и она, по-видимому, пресытилась ими. Если аналогичный вывод справедлив по отношению к другим городам, то мой «Валленштейн» появится в благоприятный момент. Нет ничего невероятного

в том, что зрители действительно больше не хотят смотреть на себе подобных, — они чувствуют, что находятся в слишком уж дурном обществе. Тяга к этим пьесам, как мне кажется, была обусловлена, или по крайней мере усугублена, пресыщением от рыцарских пьес; публике хотелось отдохнуть от этих ужимок. Однако длительное созерцание повседневной жизни тоже, разумеется, должно было в конце концов утомить ее.

Первые листы «Пропилей» и обложку для альманаха я, вероятно, посмотрю уже у Вас.

Могу ли я устроиться на несколько дней у Мейера, не стеснив его?

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

501. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мое сегодняшнее послание посвящено преимущественно обложке альманаха, два образца которой я прилагаю к сему.

Отпечаток на белой бумаге показывает, сколь аккуратно выполняется гравирование; несколько тысяч экземпляров можно оттиснуть подобным образом без каких-либо заметных следов того, что здесь все сделано с помощью грабштихеля. Экземпляр на раскрашенной бумаге выглядит, как мне кажется, особенно удачно; следует помнить, однако, что чуточку краски нужно добавлять потом, как это и видно на одной половине обложки.

Стопа писчей бумаги (образец прилагается) обойдется в 3 талера 12 грошей; бумага эта хорошо воспринимает краску, и стопа должна дать примерно две тысячи обложек.

Оттиск ста экземпляров с нагретой пластинки и очень тщательный набор обойдутся в 16 грошей, окраска дести бумаги — в 5 грошей.

Таким образом, чтобы получить один раскрашенный экземпляр, нужно заплатить по крайней мере 18 пфеннигов. Теперь все зависит от того, сколько примерно таких экземпляров Вы захотите. Я думаю, что за книгу в пестрой обложке многие охотно дадут несколько лишних грошей.

Верните мне раскрашенный экземпляр и образец бумаги и уточните Ваш заказ; как только это будет сделано,

работы пойдут одна за другой, и обложки окажутся готовыми к сроку.

Если Вы посетите нас, то прекрасно сможете устроиться рядом с Мейером. Только по возможности выполните Ваше обещание.

Г.

1 сентября 1798 года.

502. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 сентября 1798 года

Это письмо передаст Вам шведский купец господин Линдаль. Он весьма ревностно следит за немецкой литературой, обладает многими познаниями и, по-видимому, поддерживает широкие связи с самыми значительными учеными в Швеции. Таким образом, он встретит у Вас дружеский прием, как я надеюсь, ибо он этого заслуживает, и я надеюсь также, что он познакомится с Мейером.

Обложка выглядит очень изящно; мы можем заказать предварительно 170 экземпляров на веленовой бумаге с пестрой обложкой. Позднее будет достаточно времени, чтобы раскрасить еще некоторое количество. Выбранная Вами желто-серая бумага тоже кажется мне весьма подходящей, в особенности для раскрашенных экземпляров. Для последних я смогу, вероятно, прислать отсюда бумагу несколько лучшего качества, хотя бумага, образец которой Вы прислали мне, тоже вполне пригодна. Цены на все это Котта не сочтет слишком высокими.

Я отправлю обложки и бумагу завтра, так как не хочу вручать постороннему человеку слишком большой пакет.

Погода вновь переменилась к лучшему, так что мое решение отправиться в Веймар (примерно в четверг) окрепло весьма серьезно.

Будьте здоровы.

Ш.

503. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 4 сентября 1798 года

Должно быть, швед уже вручил Вам мое воскресное письмо. Теперь возвращаю образцы.

Кроме того, посылаю Вам пока одну из баллад¹; быть может, я еще успею приложить к этому письму и вторую.

Мне очень хотелось бы услышать, что я верно воспроизвел христианско-монашеско-рыцарский дух сюжета и сочетал несовместимые моменты в некоем гармоническом единстве. Хотя рассказ рыцаря получился длинноват, однако деталь эта была необходима, и расстаться с ней, по-видимому, невозможно.

Будьте так добры сообщить мне Ваши замечания, если Вы надеялись на нечто иное, и верните мне рукопись с посылной.

Второй историей снабдил меня Гигин². Мне очень хотелось бы знать, сумел ли я удачно раскрыть все те основные моменты, которые кроются в сюжете. Поразмыслите, не придет ли Вам на ум еще что-нибудь; это один из тех случаев, когда можно действовать с большой ясностью и строить замысел почти в полном соответствии со своими принципами.

Хотя я подхватил сильный насморк, но думаю, что приеду к Вам в четверг³, если ничто не помешает.

Будьте здоровы. Моя жена приглашает Вас на свеклу, которая сейчас превосходно пошла в рост.

[Ш.]

Жена просит Вас прислать ей обещанного «Штернвальда»⁴.

504. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В надежде увидеть Вас завтра пишу Вам лишь несколько слов. Баллады возвращаются при сем, они обе чрезвычайно удались; что касается христианского дракона, то у меня нет никаких замечаний, он очень хорош и вполне продуман. В «Поруке», как мне кажется, есть некоторое физиологическое несоответствие, состоящее в том, что человек, который в дождливый день едва не погиб в бурном потоке, изнемогает от жажды, хотя его одежда должна быть совсем еще мокрой. Но даже если исключить правдоподобие и не думать о впитывании влаги кожей, воображению и настроению читателя не легко согласиться с этой жаждой. Какой-нибудь другой уместный мотив, который естественно вытекал бы из состояния самого путника, мне, впрочем, не приходит в голову; два других внешних мотива, обусловленных природной стихией и человеческой злобой, найдены вполне удачно.

Будьте так добры переслать профессору Ленцу прилагаемую записку и привезти с собой книгу¹. Не отказывайтесь, пожалуйста, от этого благого намерения: поездка в Веймар несомненно пойдет Вам на пользу. Прилагаю восхитительного «Штернбальда»; просто невероятно, до чего же пуст этот искусно выполненный сосуд.

Г.

Веймар, 5 сентября 1798 года.

505. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 сентября 1798 года

У меня по-прежнему сильный насморк, так что мне лучше отложить поездку еще на день-другой. К тому же я смогу завтра разделаться еще с одной корректурой и, быть может, закончить стихотворение, которым занят сейчас¹, хотя насморк приносит с собой дурное настроение.

Если Вы сможете пожертвовать еще что-нибудь в альманахах, то сделайте это, пожалуйста, так как собрать нужную дань довольно трудно, хотя божественный Маттиссон сегодня опять прислал мне одно стихотворение, а наши поэтессы² осаждают меня.

Я бы очень хотел иметь стансы, которые Вы написали ко дню рождения герцогини³. Листок, присланный Вами, находится, по-видимому, среди моих бумаг в городе; здесь я ничего не могу найти, а Вы, быть может, найдете текст в Веймаре.

Прилагаю к сему маленькую песенку⁴. Если она Вам понравится, то мы сможем напечатать и ее. В моих бумагах я нахожу много начатых вещей, однако мне никак не удастся обрести нужное настроение, чтобы закончить их.

Будьте здоровы. Мне очень хочется услышать, что Вы остались довольны вчерашней посылкой⁵.

Ш.

506. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мы ждали Вас со страстным нетерпением; что же касается насморка, то согласно теории, испробованной нашим герцогом, Вы исцелились бы как раз на свежем воздухе.

Меня удерживает на месте строительство и оснащение театра, где каждый день приходится что-то предпринимать,— в противном случае я давно уже приехал бы к Вам.

Прилагаю стихотворение, обращенное к герцогине. Но постарайтесь теперь подыскать для него название!

Песенка, которую я возвращаю при сем, прелестна и совершенно соответствует тону жалобы.

В тех листах альманаха, которые находятся у меня, я обнаружил три немаловажные опечатки¹:

стр. 20, предпоследняя строка: gereecht вместо gereicht;

стр. 27, в стихотворении Маттиссона, второй пентаметр: singt вместо siegt.

Третью опечатку я не могу сейчас припомнить.

Что касается обложки, то нам лучше поговорить об этом при встрече. Только будьте добры как можно скорее прислать нам бумагу лучшего качества, чтобы мы смогли покрасить ее и приступить к печатанию и разрисовке экземпляров.

Обложка для «Пропилей» также готова, и Вы найдете пробный оттиск в приложении. Какие технические трудности пришлось преодолевать при этом и какие еще предстоят нам, невозможно даже представить. Тем не менее истинно немецкий дух нашего Фациуса одолел их со всей добросовестностью, и я еще надеюсь получить от этого немало удовольствия.

Я поразмыслил над своими бумагами и не нашел ничего, чем мог бы помочь Вам в альманахе. Еще к свадьбе Фойгта² я совсем было собрался написать стихотворение, которое, к сожалению, осталось незаконченным; оно могло бы успеть и в альманах. Но откуда взять *настроение*?!

Тут, кстати, наш друг Рихтер³ наставил меня недавно на путь истинный, заверив меня (хотя и скромно, разумеется, но с присущей ему выразительностью), что все эти разговоры о настроении — чепуха и ему достаточно лишь выпить кофе, чтобы со свежими силами приняться писать вещи, которые приведут в восторг весь божий мир.

Это и последующее его утверждение о том, что все *телесно*, мы должны теперь запечатлеть в своих сердцах, если хотим вдвое и втрое увеличить нашу продуктивность.

Между прочим, этот славный человек также собирается будущей зимой поселиться в Веймаре и уже снял кварти-

ру над нашей маленькой Матичек. Мне не терпится узнать, каким покажется ему этот театрально-домашний сплав.

Кроме того, есть и другие курьезы, которые я берегаю пока, так как надеюсь увидеть Вас здесь или там.

Г.

[Веймар,] 6 сентября 1798 года.

507. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 7 сентября 1798 года

Я уже твердо решил отправиться к Вам завтра. С вещами для альманаха я покончил, последнее стихотворение¹ привезу с собой. Теперь я должен торопиться, чтобы использовать для «Валленштейна» малый остаток хорошего времени года и пребывание в саду, ибо если я не привезу в город готовые любовные сцены, то зима не подарит мне нужного настроения, ведь я не настолько счастлив, чтобы обретать вдохновение в кофе.

Книгу, взятую у Ленца², и бумагу для обложки я привезу с собой. Надеюсь, что вскоре отправлюсь вслед за письмом. Будьте здоровы.

Ш.

508. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 сентября 1798 года

Меня очень огорчает, что я назначил свой приезд на субботу и снова не сдержал обещания; однако тут нет моей вины, потому что за последние четыре дня я совершенно не спал две ночи, и это сильно изнурило меня. Особое несчастье состоит в том, что это непременно должно было случиться именно теперь, тогда как все лето я был избавлен от этого. Поэтому я не отваживаюсь говорить что-либо определенное о моем приезде, но если я смогу заснуть этой ночью и почувствую себя немного лучше, то завтра все-таки приеду. Тем не менее посылаю Вам книгу Лионнэ, чтобы Ваши занятия не задерживались из-за меня. Будьте здоровы.

Ш.

509. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 сентября 1798 года

Сразу же по возвращении я взялся за пролог¹ и еще раз просмотрел его с той точки зрения, что он должен

быть совершенно самостоятельным. Отсюда следует теперь, что, для того чтобы искуснее приспособить его к этой цели, должны произойти две вещи:

1. Пролог — в качестве картины характеров и нравов — должен обрести еще большую полноту и разнообразие, чтобы определенное бытие действительно нашло бы здесь чувственное воплощение, а вместе с тем

2. достичь того, что из-за обилия фигур и отдельных характеристик зрителю не удастся выделить какую-либо нить и составить представление о том действии, которое кроется здесь.

Таким образом, я вынужден буду включить сюда еще несколько фигур и расширить роль некоторых из тех, что уже имеются; однако при этом мне постоянно нужно будет помнить о составе веймарской труппы. В субботу Вы, вероятно, получите пролог.

Котта пишет мне, что герцог даровал ему привилегию на издание новой газеты² и что благодаря переводу газетной конторы в Штутгарт он сбережет примерно 3500 флоринов. Он не пишет, будет ли Поссельт издателем и этой газеты, однако я в этом не сомневаюсь. Он, кажется, видит все свое спасение в этой фабрикации газет.

Прилагаю еще один лист³. Если Вы не возражаете, то Ваше стихотворение, обращенное к герцогине, я помещу просто под названием «Стансы»⁴.

Еще раз — моя искренняя благодарность за все то прекрасное и доброе, что Вы сделали для меня в Веймаре. Как только с прологом будет покончено, я буду думать только о том, чтобы прежде всего завершить пьесу в собственно театральном смысле, и постараюсь использовать при этом Ваши советы и замечания в той мере, в какой только смогу.

Сердечный поклон Мейеру. Заодно попрошу его отыскать один большой и два маленьких ключа, которые я оставил в моем комодe или еще где-то, и послать их мне с посылкой.

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

510. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В среду я был в Россла и нашел Ваше письмо вчера по возвращении. Мне хотелось бы, чтобы Вы ощущали во

время работы, какое прекрасное воздействие на нас Вы оказали. Памятник столь исключительной духовной деятельности, каким является Ваш «Валленштейн», должен пробуждать деятельное настроение в каждом, кто хоть сколько-нибудь на это способен. Соберите всю Вашу волю для того, чтобы сперва продвинуть это произведение на нашу сцену; Вы воспримете его там, несомненно, гораздо более наглядно и пластично, чем в рукописи, которая слишком уж долго находится перед Вашим взором. Вы уже так далеко продвинулись вперед, что подобная попытка, на мой взгляд, может принести только пользу.

То, что Вы намерены еще сделать в прологе, я могу только одобрить. Жду его с нетерпением, а затем мы обсудим дальнейшую тактику.

На сегодня довольно. Ключи посылаются при сем. Стихотворение, пожалуй, может довольствоваться отвлеченным названием «Стансы».

Будьте здоровы, мы шлем свои наилучшие пожелания Вам и Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 21 сентября 1798 года.

511. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Забыл сообщить Вам в письме, что нам нужна *хорошая швейцарская бумага* для оттисков титульной гравюры к альманаху. Здесь ее нет. *Гергель*, разумеется, знает, о какой бумаге идет речь. Просим прислать ее поскорей.

Г.

Веймар, 21 сентября 1798 года.

512. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 21 сентября 1798 года

Позавчера я не получил от Вас письма; надеюсь, что это ничего не означает. После того как я провел у Вас неделю, мне слишком уж непривычно так долго не получать вестей от Вас.

Бессонная ночь, которую я провел сегодня и которая испортила мне весь день, помешала мне отправить Вам пролог уже сегодня; кроме того, меня задерживает переписчик. Думаю, что в той форме, которую приобрел сейчас пролог, он прекрасно может существовать сам по себе в качестве живой картины некоего исторического

момента и определенного солдатского бытия. Я только не знаю, правда, насколько все то, что я должен был включить сюда для пользы целого, может быть представлено в театре. Так, к примеру, здесь появился капуцин, который проповедует кроатам, — мне не доставало как раз этой характерной приметы времени и места действия. Но я не огорчусь, если мой капуцин не выйдет на сцену.

Гумбольдт написал мне; он передает Вам поклон. Ваше письмо вместе со стихотворением¹ он получил и ответит Вам в скором времени. Он вполне доволен тем, как мы распорядились его трудом, но не имеет ясного представления о ценности последнего, и поскольку тут примешивается еще его природная робость, то он ожидает выхода своего труда в свет с известной опаской. Он и заказал-то Фивегу напечатать всего лишь пятьсот экземпляров, но тот, надеюсь, ослушается его, ибо я не сомневаюсь ни в том, что книгу раскупят, ни в том, что ее прочтут². Раскупят ее уже ради самой поэмы.

Он написал мне также несколько слов о Ретифе, с которым знаком, но не упомянул его сочинения. Он находит сходство в поведении и характере между ним и нашим Рихтером, за исключением того, что касается национальных особенностей; мне же они представляются весьма несхожими.

Возвращаясь снова к моему прологу, замечу, что мне бы очень хотелось, чтобы вместе с ним была поставлена какая-нибудь подходящая пьеса, но не опера, потому что я должен снабдить его обширным музыкальным сопровождением: пролог открывается одной песней и завершается другой, да и в середине есть маленькая песенка; таким образом, он уже сам по себе будет достаточно музыкален, и, по-видимому, спокойная нравственная драма наилучшим образом подойдет к нему, поскольку все его достоинство должно состоять лишь в живости.

Будьте здоровы. Я с нетерпением ожидаю вестей от Вас. Множество поклонов Мейеру.

Ш.

513. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, конец сентября 1798 года]

Два брата моего свояка¹ на обратном пути из Силезии заехали сюда и пробудут здесь вечер. Я пишу об этом

Вам потому, что общество это, вероятно, не слишком привлечет Вас. Если у Вас не окажется желания провести вечер подобным образом, то, быть может, я увижу Вас до этого?

Ш.

514. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

С этим посыльным я хотел бы получить Вашу «Историю Тридцатилетней войны»¹, чтобы воспользоваться ею для первой песни и для многих других вещей. Сегодня вечером я не приду, потому что хочу еще задержаться в лагере Валленштейна, пока не стемнеет, а затем поглядеть на новую и древнюю Пруссию и Саксонию в иенском театре². Я не могу устоять перед таким искушением.

Завтра днем, если позволите, я приду к Вам, чтобы обсудить некоторые вещи. Будьте здоровы.

Г.

[Иена,] 29 сентября 1798 года.

515. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 29 сентября 1798 года]

Мне жаль, что сегодня мы не увидим Вас. В пасмурную погоду беседа — единственное утешение. Я пытаюсь закончить начатое дополнение к прологу¹, чтобы представить его Вам завтра днем. «Историю Тридцатилетней войны» Вы получите в ближайшие полчаса.

Будьте здоровы. Развлекитесь драмой из истории Семилетней войны, насколько это удастся.

Ш.

516. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 октября 1798 года

Визит наших веймарских поэтесс Амалии Имхоф и моей свояченицы помешал мне передать посыльной стихотворение¹; для его окончания нужно еще несколько часов. Вы получите его с первой почтой. Я вполне доволен замыслом и думаю, что он соответствует нашим целям. Напишите мне со следующей посыльной, не возражаете ли Вы против того, чтобы я поспешил включить этот пролог в альманах. Я достигну этим нескольких целей

одновременно: альманах приобретет еще одно довольно значимое стихотворение, число моих вещей там увеличится, а пролог получит более широкое распространение, — ведь это нисколько не повредит Вашему намерению передать его Поссельту. Кроме того, пролог не попадет из-за этого к публике раньше, чем следует, потому что до конца следующей недели я не выдам никому ни одного экземпляра альманаха, да и тогда только, то есть по прошествии трех дней, будут распакованы лишь те экземпляры, которые предназначены для Лейпцига. Если Вы найдете нужным изменить что-либо в прологе, то пошлите ко мне нарочного, чтобы я успел воспользоваться Вашими замечаниями в корректуре. Вероятно, я и сам пришлю Вам пролог завтра с нарочным.

Прошу как можно скорее вернуть мне обложки и титульные листы альманаха.

Завтра напишу подробнее. Будьте здоровы.

Ш.

517. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вы совершенно спокойно можете включить пролог в альманах, а потом пусть он пойдет к Поссельту и еще куда-нибудь; мы ведь также должны раз за разом утверждать нашу вездесущность¹, нисколько не ограничивая себя.

Будьте добры прислать пролог, как только он будет закончен; замысел его превосходен, а исполнение ему не уступит.

Оттиски обложек и титульных гравюр я надеюсь получить еще до отправки этого письма.

На сегодня ограничусь этим, потому что суматоха вокруг слишком велика.

Г.

Веймар, 3 октября 1798 года.

Посылаю вместе с письмом все оттиски, которые успел получить, причем даже не пересчитав их; будьте так добры распорядиться сделать это и написать, в каком количестве еще Вы нуждаетесь, чтобы мы тотчас же принялись за дело, ведь для этого все уже подготовлено. Будьте здоровы.

518. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 4 октября 1798 года

Посылаю Вам пролог; хотелось бы, чтобы он удовлетворил Вас. Сообщите мне с этой же посылкой, если захотите изменить что-либо. Мне кажется, что при исполнении на сцене лучше было бы опустить текст, заключенный мною в скобки. Не все то, что хорошо воспринимается при чтении, годится для устной речи, а обстановка, в которой будет декламироваться пролог, и праздничное настроение, неизбежно связанное с этим, влекут за собой известные ограничения, определить которые, сидя в комнате, трудно. Поскольку пролог и без того уже довольно велик, то мы, думается, опустим еще последний абзац.

Будьте так добры прислать мне только поскорее все то, что еще готово из обложек и титульных гравюр. Среди последних я не нашел ни одной отпечатанной в коричневых тонах; если это не составит особого труда, то распорядитесь, пожалуйста, подготовить примерно пятьсот подобных оттисков.

Мне не терпится услышать, каких успехов добились Ваши актеры в прелюдии¹.

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам наилучшие пожелания.

III.

519. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Пролог удался так, как и был задуман; я очень рад ему и тысячу раз благодарю Вас. Пока что я лишь прочитал его несколько раз, чтобы как следует проникнуться целым, и не могу еще решить, нужно ли выпустить здесь что-либо и не придется ли мне выделить кое-что легкими штрихами ради театрального эффекта.

Завтра вечером Вы получите с посылкой мое издание; будет очень хорошо, если Вы сможете задержать оттиск до тех пор, пока мы не будем иметь одинаковый текст; в понедельник он уже должен быть отослан в Штутгарт.

Меня огорчает только, что я сам не могу произнести его со сцены, — но если Фос будет держаться здесь так же, как и все наши в прелюдии, то мы останемся довольны. Лейзринг, Вейраух и Хайде¹ декламируют рифмованные стихи так, словно они всю свою жизнь ничем иным не занимались; особенно Хайде к концу деклами-

ровал некоторые периоды так, как я никогда еще не слышал на немецкой сцене.

Вслед за этой хорошей новостью я должен, к сожалению, сообщить, что не имел возможности прибавить хотя бы одну строчку во исполнение нашего замысла, и поэтому посылаю Вам один из томов патера Абрахама², который, несомненно, тотчас же вдохновит Вас на сочинение проповеди капуцина. Так, к примеру, слово «падаль» в качестве заключительной формулы прозвучит в высшей степени назидательно в устах Генаста³, см. отмеченное место на странице 77. Вообще же это такое сокровище, которое способно породить самое удачное настроение.

Начальную песню я тоже не смог приготовить, однако у меня есть нечто подходящее взамен⁴; все это можно будет добавить при следующих представлениях, да и вообще пьеса требует постоянных новинок и изменений, чтобы при последующих представлениях никто не смог бы ориентироваться заранее. Будьте здоровы, вскоре Вы получите извещение о том дне, когда я буду ждать Вашего приезда; пока же здесь все очень неопределенно. Кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 5 октября 1798 года.

520. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 октября 1798 года

Известие о том, что Вы довольны прологом и что три этих господина столь удачно справляются с прелюдией, очень меня обрадовало; оттиск пролога я могу задержать у себя лишь до завтрашнего вечера, но не думаю, что небольшое несоответствие между произносимым со сцены и напечатанным стихотворением может иметь особое значение,— лишь бы экземпляр, который Вы пошлете Поссельту, оказался идентичным тому, что идет в альманахах.

Я принимаюсь, стало быть, за проповедь капуцина и возлагаю при этом большие надежды на достопочтенного Абрахама. Я еще не успел прочитать его, потому что Шеллинг провел у меня весь вечер. Должен также предупредить Вас, что в произведении будут еще некоторые изменения, список которых я надеюсь послать Вам в понедельник вечером вместе с проповедью капуцина; поскольку они касаются частных дел, то их превосходно можно будет разучить за полдня.

Вы также одобрите, например, то, что я заменил канонира более характерной драматической фигурой. Вместо него я ввел человека на деревянной ноге¹, и это позволяет мне создать удачный контраст рекрутам. Этот инвалид приносит газету, из которой и узнают о взятии Регенсбурга и о других попутных новостях. Тут представляется случай сделать несколько искусных комплиментов герцогу Бернгарду² и т. д. Надеюсь, что для роли инвалида найдутся какие-то возможности.

Если позволят время и настроение, то я еще успею сочинить песенку о Магдебурге³, и притом на старую мелодию, так что задержки тут не будет. Впрочем, утешаю себя тем, что рано или поздно настанет время, когда Вы замените ее чем-нибудь другим.

Если бы Вы смогли прислать с посылной мой экземпляр прелюдии, то оказали бы этим значительную услугу в задуманной работе. Мне достаточно было бы иметь в своем распоряжении лишь восемь или десять первых страниц, так как в конце и в середине ничего меняться не будет.

Шеллинг вернулся⁴, исполненный серьезности и энергии; он посетил меня в первый же час своего пребывания здесь и вообще выказал чрезвычайное дружелюбие. В последнее время, по его словам, он очень много читал об учении о цвете, чтобы преуспеть в разговоре с Вами, и собирается о многом спросить у Вас. После представления прелюдии он появится у Вас, — я сказал ему, что сейчас Вы слишком заняты. Было бы прекрасно, если бы Вы смогли показать ему Ваши эксперименты еще до его возвращения сюда.

На этих днях я познакомился здесь с поразительным оригиналом⁵ из числа нравственно-политических энтузиастов; Виланд и Гердер сейчас в спешном порядке командируют его к великой нации. Это здешний студент родом из Кемптена, человек, исполненный добрых намерений, обладающий многими способностями и бьющей через край духовной энергией. Благодаря этому знакомству я приобрел совершенно новый опыт.

Будьте здоровы. Думаю, что на этих днях мы приведем в движение еще несколько курьеров на пути между Иеной и Веймаром.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

Если Вы успели уже до получения этого письма закончить исправления в прологе и сможете тотчас же найти нарочного, то будьте так добры сразу же отправить мне экземпляр.

Р. S. Прилагаю и корректурный оттиск пролога — в том виде, в каком он должен появиться в альманахе; ибо когда я готовил для Вас копию по памяти, то кое-где прибегаю к импровизации, так что здесь имеются варианты, которые я пометил знаком NB. Если Вы сможете теперь прислать мне Ваши исправления с нарочным завтра, до двух часов пополудни, то я еще успею воспользоваться ими в печати. Если же это не получится, то будьте так добры отправить Поссельту не рукописный, а прилагаемый печатный экземпляр пролога, чтобы оба печатных текста были совершенно одинаковы.

521. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Пролог возвращается при сем. Исправления, сделанные Вами, порадовали меня, они весьма целесообразны; помимо этого я хотел бы, чтобы вместо подчеркнутых мною пассажей были внесены те, которые содержатся в приложенной рукописи. При этом в мои намерения входило:

- 1) чтобы о наших актерах было сказано побольше,
- 2) об Иффланде — поменьше и
- 3) чтобы какое-нибудь место могло быть воспринято как намек на Шрёдера¹.

Прошу Вас сделать так, чтобы я получил несколько отпечатанных экземпляров пролога в понедельник вовремя; тогда я тотчас же пошлю один из них Шрёдеру, присовокупив к нему несколько любезных слов, а другой — в Штутгарт.

В крайнем случае Вы могли бы вернуть мне с этим же нарочным корректурные листы, если они Вам больше не нужны, и только известить меня, включите ли Вы эти строки в текст; в этом случае я тотчас же велю переписать те два экземпляра, которые должны быть отправлены.

Прилагаю и часть прелюдии! Продолжайте же работать над ней и дальше, хоть я и не могу сейчас обещать Вам, что изменения можно будет внести уже к первому представлению. Сейчас уже размер и ритм настолько освоены, а реплики настолько разучены, что я не решусь менять что-либо из опасений перед возможными заминками. Будьте здоровы, сейчас здесь начинается такая су-

матуха, что меня может поддержать одна лишь надежда на то, что вскоре наступит вечер и все будет позади.

Г.

Веймар, 6 октября 1798 года.

522. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 6 октября 1798 года

Изменения в прологе я принимаю с радостью; против трёх упомянутых Вами доводов возразить нечего.

Я велю подготовить шесть отдельных оттисков пролога, чтобы избавить переписчиков от работы. Если Вы пришлете мне в понедельник утром приложения для Шрёдера и Котты, то они тотчас же будут отправлены по назначению вместе с отпечатанными экземплярами пролога. Но на всякий случай возвращаю пролог.

Мне жаль, разумеется, что небольшие изменения в прелюдии не могут быть использованы уже на первом представлении. Мотив с газетой вполне соответствовал бы более совершенной экспозиции момента и истории войны. Распорядитесь по крайней мере, чтобы в явлении пятом канонир вышел с газетой в руке, а вместо стиха:

Но прибыл гонец, а с ним известь —

поставьте:

Вот «Пражский вестник», а в нем известь¹.

Благодаря этому мы хотя бы упомянем газету, если вообще решим использовать ее и далее.

Но недавно Вы внушили мне сомнение относительно «парика». Тогда лучше было бы поставить вместо этого:
Явление 3

Вахмистр

Темные слухи, и слежка, и тайны,
Толпы курьеров, ей-ей, не случайны...

Трубач

Что-то за этим стоит, несомненно.

Вахмистр

В брыжах какой-то приехал из Вены *

etc².

Курьер спешит, и я на сегодня ограничусь этим. Быть может, Вы еще известите меня через посыльную о дне, на

* Пер. Л. Цывьяна.

который назначено представление, но я, естественно, хотел бы иметь в запасе несколько дней для проповеди капуцина.

Будьте здоровы.

Ш.

523. ГЕТЕ— ШИЛЛЕРУ

С сегодняшней вечерней почтой я хочу лишь в нескольких словах сообщить Вам о том, как примерно обстоят у нас дела.

Я распорядился сделать две копии пролога, тождественные отпечатанному Вами тексту. Измененный мною период, который Вы одобрили, будет вставлен.

Для произнесения здесь я приготовил другую редакцию и при этом устранил замечания о *мимах* и о *новой эре*¹, а о Валленштейне, напротив, упомянул несколько раз — с тем, чтобы зрители получили хоть какое-то представление о наших намерениях. Какое различие существует между тем, что создается для себя и для интимнейшего круга избранных друзей, и тем, что приходится выносить на суд чуждой толпы! Вам еще предстоит пережить и услышать в связи с этим самые удивительные вещи.

Впрочем, пока что все идет как нельзя лучше. Зал выглядит превосходно, а подавляющее большинство публики выражает радость и удовлетворение, так что отдельные хулители чувствуют себя посрамленными.

Прелюдия подвигается превосходно; сегодня была репетиция на сцене. Однако нам придется отказаться даже от самых незначительных изменений. Из-за того, что выполнение с честью столь новой и непривычной задачи дается с таким трудом, каждый так крепко цепляется за свою роль, как потерпевший кораблекрушение — за доску, и приходит в отчаяние от малейшего колебания.

Я прилагаю старания только к тому, чтобы все частности были выделены и сочетались в едином целом.

Прилагаю солдатскую песню, с которой должна начаться пьеса. Музыка будет готова завтра утром, и я надеюсь, что вскоре все будет в порядке².

Не хочу срывать Вас с места раньше, чем необходимо, ибо пока что маловероятно, чтобы мы играли в среду. Но как только пролог и прелюдия будут разучены так, что Вы сможете с удовольствием прослушать их, я пошлю к Вам курьера. Будьте наготове, чтобы тотчас же выехать.

Пришлите мне проповедь капуцина, как только она будет закончена. Обо всем остальном мы уже позаботились, а копии, о которых я сказал в начале письма, завтра вечером будут отправлены Шрёдеру и Поссельту.

Предварительный набросок отзыва о спектакле и о том впечатлении, которое производит пьеса, составлен и может быть закончен за несколько удачных часов. Раз уж я решился на это бесстыдство, то посмотрим, как к нему отнесутся³.

А пока что спокойно дожидайтесь моего курьера. Если завтра выяснится, что в среду мы не играем, то Вы узнаете об этом во вторник через курьера.

Вообще же могу Вас заверить, что основная цель будет достигнута; те немногие, которые прослушали пролог, полагают вместе с актерами, что теперь они довольно хорошо знают, как все это происходило в те времена.

Будьте здоровы и деятельны, насколько это возможно.

Что касается гравюр, то Мейер сделает свое дело; к сожалению, на этих вещах лежит какое-то заклятье, потому что с ними вечно приходится спешить. Кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 6 октября 1798 года.

524. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем еще один пакет оттисков; последующие обложки должны быть гораздо более красочными, и хотя они обойдутся несколько дороже, но зато и выглядеть будут весьма привлекательно.

Открытие театра состоится, по-видимому, только в пятницу. Поэтому прошу Вас появиться здесь в четверг еще до полудня, чтобы мы успели обсудить все и дожидаться генеральной репетиции вечером.

Основные актеры прекрасно делают свое дело и уже превосходно разучили свои роли; у прочих случаются порой заминки, но все это растворится в общей деятельной гармонии. Вообще же во всех углах и закоулках зала прекрасно воспринимается даже самое тихое слово, произнесенное на сцене.

Кстати, у меня не раз был случай повторить свой урок, который поместит теперь новая газета¹, и надеюсь, что вскоре мне вернут мои же собственные слова.

Будьте здоровы. У меня прекрасное настроение, потому что и в самом деле все пока идет превосходно.

Пришлите мне, пожалуйста, несколько оттисков пролога с посылной, а также проповедь капуцина — чем скорее, тем лучше.

Веймар, 7 октября 1798 года.

Г.

525. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 8 октября 1798 года]

Вы получите при сем проповедь капуцина, которую я сумел закончить, несмотря на всю суету последних дней, изобиловавших визитами. Поскольку она предназначена лишь для нескольких веймарских спектаклей и у меня найдется еще время для другой, которая действительно соответствовала бы своему назначению, то я во многих случаях просто переводил свой достопочтенный образец¹, а в некоторых — подражал ему. Мне кажется, что я в достаточной мере уловил его дух.

Но теперь — главная просьба. Когда Вы прочтете проповедь, то сами увидите, что она непременно должна быть вставлена после нескольких сцен, — с тем чтобы публика уже получила некоторое представление о солдатах благодаря двум егерям и другим фигурам. Если вставить проповедь раньше, то это ослабит впечатление от сцен, непосредственно следующих за нею, и нанесет ущерб градации. Хорошо было бы также, чтобы непосредственно за нею шла живая, энергичная сцена, и поэтому я предлагаю поместить проповедь непосредственно перед появлением рекрута или, что было бы для меня предпочтительнее, перед поимкой крестьянина и скоплением солдат в шатре. Благодаря этому композиция никак не будет нарушена, и тут придется изменить лишь одну реплику. Те несколько слов, которые нужно будет сказать при этом солдатам, можно разучить за несколько минут².

Мне пришлось ввести сюда еще шпильмана и танец³, чтобы сцена при появлении капуцина оказалась более пестрой и оживленной, и Вы сами увидите всю необходимость этого.

Благодарю Вас за начальную песню, она кажется мне вполне уместной; быть может, я успею еще добавить здесь несколько строф, так как она, вероятно, чуть-чуть коротка.

С завтрашнего дня я готов немедленно примчаться к Вам. Будьте здоровы.

Ш.

526. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 октября 1798 года

Благодарю Вас за присланные обложки и гравюры, в которых мы здесь весьма нуждались, а особенно за те добрые вести, которые Вы сообщаете мне относительно наших театральных дел. Отсрочка спектакля только радует меня; в четверг же я надеюсь прибыть вовремя. При таком оживленном ходе дел мне в голову приходят всевозможные вещи, которые могут оказаться полезными для «Валленштейна». Я надеюсь еще лучше использовать прелюдию в интересах целого и уже наметил немало значимых деталей, которые послужат к его выгоде. Работа моя растет, а в то же время ускоряется.

Если бы я мог рассчитывать на то, что проповедь капуцина не запоздает, если я пошлю ее завтра утром, она получилась бы еще лучше. Меня, в сущности, очень веселит возможность использовать еще кое-что из этих шутовских выходок, ибо этот патер Абрахам — великолепный оригинал, к которому проникаешься уважением, и сравниться с ним или даже превзойти его в этой смеси безумия и рассудительности — задача интересная, но отнюдь не легкая.

К солдатской песне я прибавил еще несколько стихов, которые прилагаю. Мне представляется, что хорошо было бы вначале дать время зрителям для того, чтобы увидеть группу в движении, а самим статистам — принять нужное положение. Вы могли бы, пожалуй, устроить так, чтобы отдельные голоса поделили между собой строфы, а хор постоянно повторял последние их строки.

Вы проявили большую любезность, внося изменения в мой текст. Причина некоторых из них мне не вполне ясна, однако мы еще поговорим об этом. Подобные мелочи зачастую приводят к самым полезным наблюдениям.

Будьте здоровы. Меня только радует, что при всей этой механической суете Вы не утратили доброго расположения духа.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

Если Вам нужно будет сообщить мне еще что-нибудь завтра с посылкой, то накажите ей передать письмо вовремя. Иначе я получу его только в четверг.

527. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Все уже продумано¹, пожалуй, а если еще принять во внимание нашу душевную и физическую усталость, то давайте останемся сегодня вечером дома и только пожелаем друг другу доброй и спокойной ночи.

Если можно будет прислать мне завтра утром Вашего переписчика, то это окажет мне существенную помощь.

Г.

[Иена,] 18 октября 1798 года.

528. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 18 октября 1798 года]

Разумеется, отдых — наилучшее из всего, чем можно завершить нынешний, столь прекрасно проведенный день. Я рад, что у нас все разрешилось так легко и удачно, а если говорить обо мне, то я прожил очень приятный день.

Надеюсь, что тем больше времени проведу с Вами завтра. За переписчиком я пошлю с самого утра.

Спокойной ночи.

Ш.

529. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Работа задержала меня дольше, чем я предполагал; времени на ее переписку не осталось, так что отошлем вечером этот аккуратный черновик¹. Для удобства наборщика я подчеркнул красным те стихи, которые нужно будет набрать другим шрифтом.

Прочитайте, пожалуйста, внимательно статью; быть может, там понадобится добавить или внести что-нибудь. Сегодня я приду рано, и мы отошлем пакет из сада. Будьте здоровы.

Г.

[Иена,] 19 октября 1798 года.

530. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 23 октября 1798 года

Жаль, что Вы не остались в Иене до конца этих прекрасных дней. Здесь у нас просто прекрасно, хотя работа моя подвигается не так быстро, как я рассчитывал. Перевод моего текста на размеренный, внятный и легко произносимый театральный язык — работа весьма

кропотливая, и при этом еще особенно скверно то, что из-за неизбежного и живого представления о реальных условиях, труппе и всех прочих обстоятельствах совершенно утрачиваешь поэтический дух. Да поможет мне бог покончить с этим *besogne**. Тем не менее нельзя отрицать, что эта конкретная театральная цель, к которой я сейчас стремлюсь, влечет за собой некоторые существенные дополнения и изменения, которые пойдут на пользу целому.

Со времени Вашего отъезда я не занимался ничем, кроме своей работы, и не видел никого, кроме членов моей семьи, так что ничего нового или утешительного сказать Вам сегодня не могу. Если у Вас есть какие-нибудь новости, то сообщите их мне, пожалуйста.

Будьте здоровы. Моя жена Вам кланяется. Наилучшие пожелания Мейеру.

Ш.

Прилагаемый экземпляр альманаха прошу передать Гердеру.

531. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 26 октября 1798 года

Визитер, просидевший у меня допоздна, не оставил мне возможности написать Вам более обстоятельно. Прошу Вас определить Ваши расходы по альманаху и как можно скорее прислать мне расчеты, чтобы я смог уладить это дело с Коттой. Кроме того, известите меня относительно тех 24 луидоров, которые мы остались должны Вам за альманах: выплатить ли их Вам здесь или же Котте следует учесть их при расчетах. Если Вы не приедете сюда в понедельник, то прошу Вас сообщить мне Ваш ответ до этого.

Мы шлем Вам сердечный поклон. Я вынужден закончить письмо формулой Котты — «с поспешностью».

Ш.

532. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вот наконец состоялся и первый маскарад — ко всеобщему удовлетворению; сейчас определено и помещение для этой цели¹. Я вынужден буду посвятить еще несколько дней различным делам, а во вторник поехать в Россла;

* трудом (франц.).

таким образом, я надеюсь оказаться у Вас в воскресенье 4 ноября и пробыть с Вами до конца этого месяца. Мне это совершенно необходимо во имя той внутренней деятельности, которой я, к сожалению, не наслаждался столь долго. Наши актеры смогут тем временем разучить и представить на сцене некоторые новинки, которые, откровенно говоря, просто ужасны. Прилагаю подсчет расходов; профессор Мейер подготовил его и ждет возмещения при случае.

Гонорар за «Альманах Муз», за который я заранее благодарю Вас, мне хотелось бы получить здесь, хотя, в сущности, все получится так на так, поскольку Котта рано или поздно переведет мне что-нибудь.

От Шрёдера я получил ответ², звучащий весьма дружелюбно и любезно (разумеется, для того, кто знаком с его необыкновенно сухой и старомодной манерой). Однако все сводится к тому, что этой зимой он не приедет, будущей, вероятно, тоже и т. д. Я рад только тому, что теперь на этот счет есть ясность (по крайней мере на первое время) и можно будет идти своим путем. Ждать и надеяться — отнюдь не мой удел.

Будьте здоровы и продолжайте деятельно свою работу. Кланяйтесь Вашей милой жене и наслаждайтесь прекрасными днями, в которых отказано мне.

Г.

Веймар, 27 октября 1798 года.

533. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 30 октября 1798 года

Мы все еще пребываем в саду, где по-прежнему от души радуемся небывало прекрасной погоде, забывая, что вскоре она надолго простится с нами. Однако я со страхом жду наступления ноября, когда мне придется выполнить столь многое и жить под столь недружелюбным небом. Тем временем работа подвигается, хотя и не так быстро, как Вы, вероятно, рассчитываете. И все же я надеюсь, что смогу предъявить Вам, как только Вы приедете, два первых акта, полностью законченных, а спустя несколько дней — и два последних.

Между тем я с великим удовольствием перечитывал «Пропилеи» и вновь пришел в восторг от ясных и определенных истин и прорицаний, высказанных там. Я испытал

такое чувство, словно никогда еще они не были так близки мне, — настолько ясно я воспринял их. Хотя они принесут пользу лишь немногим, хорошо уже то, что Вас побудили обнародовать их. Любопытно посмотреть, как попытаются приспособить эти высокие идеи к своим ничтожным понятиям те, кто полагают, будто придерживаются Ваших воззрений.

То, что Шрёдер столь неопределенно высказывается о своем приезде и откладывает его на столь долгий срок, все же удивляет меня. Мне очень хотелось бы взглянуть на его письмо, если Вы сочтете возможным показать его мне. Между тем обстоятельство это дает мне большую свободу в переговорах относительно продажи «Валленштейна»; возможно, впрочем, что я вообще буду избавлен от необходимости вести их непосредственно со Шрёдером, так как он, насколько мне известно, переуступил руководство театром четырем или пяти актерам.

От Иффланда ответа пока нет¹.

Подсчеты отправлены Котте. Он прислал мне и один хороший экземпляр «Пропилей», так что Вы можете не посылать его мне.

Будьте здоровы. Из-за моего дневного урока голова у меня не способна сегодня на лучшее.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

III.

534. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю письмо Шрёдера в доказательство того, что я не истолковал его превратно. У меня никогда не было особой надежды на его приезд, но, так или иначе, мы сделали, что могли.

Герцог нездоров, и поэтому я приеду чуть позже, — мне ведь еще нужно до этого побывать в Россла. Мне очень хочется увидеть, насколько Вы продвинулись, и я испытываю истинную потребность в том, чтобы разделаться наконец с учением о цвете. «Пропилеи» — подлинное благодеение для меня, поскольку они вынуждают меня изложить наконец те идеи и наблюдения, которые я так долго таскал с собой. Меня очень радует то, что первый номер оказался приятен и близок Вам. Будьте здоровы и наслаждайтесь прекрасными днями; я теперь думаю только о моей большой комнате в замке и моей новой печке и питаю только одно желание — развязаться с хроматикой.

Но кто может знать, что нам суждено? Кланяйтесь Вашей милой жене — и храните верность союзу истины и любви, ибо все прочее пусто и печально.

Веймар, 31 октября 1798 года.

Г.

535. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 ноября 1798 года

Возвращаю при сем письмо господина Шрёдера. Как я вижу, мы не разбудили его честолюбие, а лишь польстили его тщеславию, и все наши любезности послужат, кажется, лишь тому, чтобы придать еще некоторую пикантность кокетству Шрёдера перед гамбуржцами. До чего мелко и убого то, что в письме к Вам о столь чистом и свободном вопросе искусства он не может удержаться от колкостей в адрес таких людей, на которых в Веймаре просто не обращают внимания.

В. Настоятельно необходимо как можно скорее отпечатать еще 600 гравюр и обложек для альманаха. Будьте так добры попросить Мейера, чтобы он тотчас же позаботился об этом и чтобы я получил 400 из них не позднее, чем в среду вечером. Я собирался избавить Котту от бесполезных расходов на это дело, однако обычай посылать экземпляры на комиссию приводит к тому, что большое количество скорее рассылается, нежели действительно раскупается. Я посылаю Вам бумагу для титульных гравюр, бумагу же для обложек Мейер легко сможет найти в Веймаре, — светло-желтая, кажется, самая дешевая.

Об альманахе я слышал пока немного. От Кёрнера я жду, как обычно, обстоятельного письма на этот счет; предварительно он сообщил только, что ему понравилось больше всего ¹. Эта привычка, и притом дурная, — выискивать среди произведений определенного поэтического настроения *одно-единственное* и отдавать ему предпочтение, словно особенно вкусному яблоку, — всегда была мне неприятна, хотя нет никакого сомнения в том, что среди многих произведений непременно может оказаться — и оказывается — одно наилучшее. Однако чувству следовало бы воздавать должное особому настроению каждого произведения, так что обычно за подобными отзывами скрывается всего лишь воробыная критика.

Я был бы совсем не прочь (если только у меня окажется спокойное время перед «Валленштейном») подго-

товить некую параллель к тем частям Вашего введения в «Пропилеи» и диалога², где речь идет о неэстетичном требовании естественно-правдивого, и напасть на противоположное, но обычно соединяемое с ним требование нравственного и естественно-допустимого или, точнее, — рационально-допустимого; ибо если подойти еще и с этой стороны, то противник будет полностью окружен. Вы, вероятно, не смогли коснуться этого, поскольку подобная порча затронула не только произведения пластического искусства и суждения о них, но и поэтические произведения и посвященную им критику.

Будьте здоровы, на сегодня довольно. Меня огорчает, что Ваш приезд откладывается. Здесь поговаривают, будто «Лагерь Валленштейна» снова будет представлен завтра, но я в этом сомневаюсь³.

Будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Еще раз прошу позаботиться о 600 гравюрах и обложках.

Шиллер

536. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 6 ноября 1798 года

Пишу Вам из моей городской резиденции, куда мы переехали сегодня, и я измучен настолько, что могу лишь пожелать Вам доброго вечера. Мы давно уже не получали вестей от Вас, и для меня это — нечто совершенно непривычное, к чему я и не хотел бы привыкать.

Работа между тем подвигается, и Вы увидите кое-что уже вполне законченным, когда приедете.

Напоминаю еще раз об обложках и гравюрах, я очень озабочен этим.

Будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

537. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Письмо Ваше, драгоценный мой друг, дошло до меня, к сожалению, только вчера вечером, когда я вернулся из Россла¹. Профессор Мейер сделает все возможное, чтобы поскорее доставить Вам оттиски.

Поздравляю Вас с переездом в город. Все-таки жизнь по соседству, особенно зимой, сулит более удобное и оживленное сообщение.

По-видимому, ответ Шрёдера² удивил Вас больше, чем меня. При моем решительном неверии в людей все это показалось мне лишь вполне естественным.

То же самое я мог бы сказать и об откликах на альманах: кто не способен подобно неразумному сеятелю из евангелия разбрасывать повсюду семя³, не спрашивая, что и где взойдет, тот не должен иметь дела с публикой.

Желаю Вам удачного продолжения поэмы о Валленштейне. Что касается меня, то на этот раз я приеду к Вам с твердым намерением во что бы то ни стало сбросить с плеч бремя учения о цвете. В последние дни я снова продумал его в целом, и изложение моих взглядов представляется мне все более возможным.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене; теперь я недолго пробуду вдали от Вас.

Г.

Веймар, 7 ноября 1798 года.

538. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 ноября 1798 года

Со вчерашнего дня я приступил наконец к той наиболее поэтически-значимой, постоянно откладывавшейся части «Валленштейна», которая посвящена любви¹ и которая в силу своей чисто человеческой сути полностью отделена от всего прочего с его политикой и даже противопоставлена ему по своему духу. Только теперь, когда я придал этому последнему возможный для меня облик, я могу выбросить его из головы и пробудить в себе совершенно иное настроение, хотя мне потребуется еще некоторое время, чтобы действительно забыть его. Однако теперь я особенно опасаясь того, что преобладающая человеческая привлекательность этого большого эпизода с легкостью оттеснит на задний план уже устоявшееся, воплощенное действие, — ведь именно ему, в соответствии с его характером, и подобает главенствовать, и чем большего успеха я достигну в его воплощении, тем больший урон понесет прочее действие. Ибо гораздо труднее избежать привлекательности для чувства, чем для рассудка.

Теперь в первую очередь мне предстоит овладеть всеми мотивами, которые соотносятся с этим эпизодом и заключены как в нем самом, так и во всем круге моей пьесы, и если это тоже пойдет медленно, то мне придется дать

созреть в себе нужному настроению. Я полагаю, что уже нахожусь на верном пути, и поэтому надеюсь не допустить никаких лишних frais*.

Пока что я должен сказать, что «Пикколомини» перейдет из моих рук в руки актеров не раньше, чем действительно будет завершена полностью и третья пьеса, причем уже в окончательной редакции. Лишь бы Аполлон был настолько милостив ко мне, чтобы я смог продолжать свой путь в течение ближайших шести недель.

Чтобы совершенно отрешиться от прежней моей работы, я пришлю ее Вам прямо сейчас. По сути дела, там пока что лишь два небольших пробела; один связан с тайной мистической историей между Октавио и Валленштейном, а другой — с предложением, которое Квестенберг делает генералам; в обоих эпизодах есть еще некоторая натянутость, но я пока не могу найти нужный поворот². Два первых и два последних действия в остальном завершены, как видите, и начало третьего уже переписано.

Быть может, впрочем, мне следовало бы остеречься посылать Вам рукопись в Веймар, так как, судя по Вашему последнему письму, приезда Вашего можно ждать со дня на день.

Искренне желаю Вам удачи в исследованиях цвета, ибо выигрыш будет очень велик, если у Вас свалится с сердца этот камень, а так как зима не очень располагает Вас к продуктивному труду, то Вам, пожалуй, лучше всего использовать ее для этой работы наряду с заботами о «ПроPILEях».

Прошу Вас прислать мне с посылной все, что готово из обложек и гравюр. Что касается гравюр, то мне нужно на сто пятнадцать штук меньше, чем было заказано, так как именно столько неожиданно нашлось. Прошу Мейера отменить этот заказ, если еще не поздно.

То, что Иффланд еще не ответил мне³, тревожит меня, потому что он сам так сильно торопил меня, да и в его же интересах поскорее получить пьесу, если только он всерьез хочет ее.

Будьте здоровы. Пребывание в городе пока что идет мне на пользу. Моя жена Вам кланяется.

Ш.

* издержек (франц.).

539. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем оттиски — все, какие только были изготовлены; я и сам не знаю, сколько их тут.

Завтра к вечеру я буду у Вас и надеюсь, что смогу остаться на некоторое время. Только бы надежды эти не оказались напрасными.

Благодарю Вас за «Валленштейна», вчера утром я с великим удовольствием прочитал два первых акта. Первый акт, который я знаю теперь так основательно, представляется мне полностью подходящим для театра. Семейные сцены чрезвычайно удачны и принадлежат к тому роду, который трогает *меня*. В сцене аудиенции хорошо было бы яснее выразить некоторые исторические моменты, которых я дважды коснулся в моем издании пролога к «Валленштейну». Просто непостижимо, до чего все приходится обосновывать. Но мы вскоре обсудим это при встрече, чему я весьма рад. Будьте здоровы, я закончу на этом.

Г.

Веймар, 10 ноября 1798 года.

540. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылая Вам схему физиологических цветов, рекомендую ее Вашему вниманию в качестве основы для наших исследований и прений.

Кнебель кланяется и посылает экземпляр Проперция¹.

Могу ли я попросить у Вас словарь Зульцера²? Теперь настало время познакомиться с расхожими представлениями. Вообще же я предпочел бы спокойно уснуть.
[Иена,] 16 ноября 1798 года.

Г.

Одновременно прилагаю к сему еще один экземпляр «Пропилей».

541. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 21 ноября 1798 года

Прошу вернуть мне «Пикколомини». Иффланд, от которого я получил сегодня письмо¹ и который утвердил мой контракт, торопит меня с присылкой пьесы, так что мне придется поэтому использовать время еще и на то, чтобы придать пьесе окончательный облик. Кроме того,

если Вы не возражаете, мы постараемся на этих днях договориться относительно театральных требований к пьесе.

Ш.

542. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Этот обильный снег не слишком мне по душе, пусть даже барометр и поднимается, и поэтому я останусь дома до той поры, пока лодеровский экипаж не доставит меня в волшебный дворец литературы¹.

Мой семейный портрет поклонников искусства и коллекционеров² превосходно продвигается вперед. Во вторник вечером мы заложили основу, и было бы довольно забавно, если бы в следующий вторник я смог преподнести Вам законченную вещь.

Как обстоят дела с Вашей работой? Мне бы очень хотелось, чтобы Вам сопутствовал успех.

Не могли бы Вы прислать мне историю географических атласов³? Чтение подобных гипотез после обеда вреда не принесет. Будьте здоровы и счастливо завершите эту неделю.

Г.

[Иена, 24 ноября 1798 года.]

543. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 24 ноября 1798 года

Итак, я желаю Вам — поскольку не увижу Вас сегодня — собрать обильный трофей на сегодняшней выставке типажей¹. Я же проведу вечер в тихой философской беседе с Шеллингом.

Нынешний зимний день с его колокольчиками саней был не так уж неприятен мне, и, хотя теперешняя моя работа не того рода, чтобы успехи в ней были явно заметны, все же я достаточно потрудился.

Прилагаю «Атласы», которые, быть может, развлекут Вас, поскольку этот лихой ораторский тон в какой-то мере напоминает рассуждения Дидро об искусстве², если, конечно, полностью исключить его остроумие.

Будьте здоровы. Надеюсь, что многое услышу от Вас завтра.

Ш.

544. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 30 ноября 1798 года

Я так привык за эти дни, что Вы приходите вечером и заводите и ставите часы моих мыслей, что мне совершенно непривычно видеть себя предоставленного самому себе после всей проделанной работы. В особенности я сожалею, что идея начать курс хроматики пришла нам в голову в самый последний день, ибо как раз такое чисто предметное занятие и сулит мне целительную перемену и передышку в моей нынешней поэтической работе, и я мог бы попытаться продолжить его на свой собственный лад в Ваше отсутствие. Насколько я успел заметить за это время, один из основных принципов метода должен состоять в том, что чисто фактическую, равно как и полемическую, часть следует строжайшим образом отделить от гипотетической таким образом, чтобы очевидность ситуации, а соответственно и фальсификаций Ньютона не была смешана с проблемой самого истолкования и чтобы не казалось, будто первое, равно как и второе, приводят к постулатам определенного учения. Хотя Вашей натуре исконно присуще умение различать предмет и представление о нем, однако, несмотря на это, здесь чрезвычайно трудно будет избежать того, чтобы используемый способ представления не подменял порой сами предметы и не превращался из простого инструмента мышления в фактическую основу.

Ваша длительная работа с цветом и та серьезность, с которой Вы относитесь к ней, должны увенчаться отнюдь не банальным успехом. Вы должны, поскольку это в Ваших силах, создать образец физического исследования, и произведение Ваше должно быть поучительным по своей методике в той же мере, что и по своим научным результатам.

Если вспомнить, что судьба поэтических произведений связана с судьбою языка, который едва ли остановится на нынешней своей стадии развития, то бессмертное имя в науке покажется чем-то весьма достойным.

Сегодня наконец я впервые выпускаю «Валленштейна» в свет, посылая его Иффланду¹. Будьте так добры распорядиться о скорейшей посылке ему костюмов², потому что они вскоре ему понадобятся. Я уже известил его об этом.

Пусть Мейер, которому я шлю сердечный поклон, вернет мне подписанный счет.

Желаю Вам всего наилучшего в нынешних Ваших хлопотах. Как я хотел бы, чтобы Вы ссудили меня для нынешней моей работы Вашей музой, в которой Вы именно теперь не испытываете нужды.

Моя жена сердечно Вам кланяется. Будьте здоровы.

Ш.

545. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Как сильно разнится отзвук наших тихих рассуждений, который я ощущаю в Вашем письме, от шума, успешшего вновь объять меня за несколько дней пребывания здесь. И все же оно началось не без пользы для меня, поскольку граф Фриз¹ привез с собой, среди всего прочего, дюжину старых гравюр Мартина Шёна², благодаря которым я впервые смог составить себе общее представление о достоинствах и недостатках этого художника; нам представляется в высшей степени вероятным (хотя наш друг Лерзе и придерживается противоположной гипотезы), что немцы завязали связи с Италией гораздо раньше.

Мартин Шён прожил еще сорок лет после смерти Мазаччо; неужели за это время из-за Альп не донеслось сюда ни малейшего дуновения? Я никогда не задумывался над этим предметом и мог бы оставить его без внимания, но в расчете на будущее он стал мне более интересен.

Методика, которую Вы рекомендуете для работ по хроматике, составляет, разумеется, величайшее мое желание, — боюсь только, что она, как и любой другой идеал, окажется недостижимой; однако все возможное будет сделано благодаря Вашему участию. Каждому человеку с большим трудом дается отделение гипотезы от факта, причем на деле это оказывается гораздо труднее, чем принято думать, ибо любое изложение, любой метод уже сами по себе гипотетичны.

Поскольку отныне Вы в качестве третьей стороны постепенно выслушиваете мое изложение, то и сможете отделить гипотетическое от фактического лучше, чем это удалось бы мне когда-либо, так как определенные способы представления уже укоренились во мне и словно бы отождествились с фактами. Кроме того, Вас еще интересуют вещи, думать над которыми я уже устал до изнеможения, и Вы скорее обнаружите основные пункты, от ко-

торых зависит очень многое. Однако говорить сейчас об этом нет времени, я жду друзей к завтраку³, а там часы до «Волшебной флейты» пролетят если не сказочно быстро, то довольно живо и беспокойно. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и вспоминайте меня, когда будете есть жаркое, которое я посылаю при сем.

Г.

Веймар, 1 декабря 1798 года.

546. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 4 декабря 1798 года

Я вынужден беспокоить Вас сегодня в связи с одним астрологическим вопросом и попросить вынести эстетико-критический приговор в одном запутанном деле.

Вследствие значительного расширения объема «Пикколомини» я должен решиться теперь на выбор астрологического мотива, который знаменовал бы начало отпадения Валленштейна и пробудил бы в последнем отважную веру в успех своего предприятия. Согласно первому наброску это должно было произойти из-за удачного сочетания светил, причем *speculum astrologicum** создавалось на глазах у зрителя в нарочно введенной для этого астрологической комнате¹. Однако подобный эпизод лишен драматической привлекательности, он сух, бессодержателен и к тому же темен для зрителя из-за специфического характера терминов. Он никак не воздействует на воображение и обречен остаться лишь смешной нелепицей. Поэтому я решил воплотить его иначе и уже начал делать это, как Вы усмотрите из приложения.

Сцена эта открывает четвертый акт «Пикколомини» (согласно новому членению) и непосредственно предшествует тому явлению, когда Валленштейн узнает о взятии в плен Сезина, что влечет за собой большой монолог,— и тут возникает вопрос, не следует ли вообще обойтись без астрологической комнаты, поскольку она не нужна для каких-либо других эпизодов.

Теперь я хотел бы знать, считаете ли Вы, что мне действительно удалось достичь на избранном пути той цели, которой я добивался, а именно того, чтобы Валленштейн получил мгновенный импульс благодаря чудесному, и что, следовательно, нелепица, которую я использую

* астрологическое зеркало, гороскоп (латин.).

здесь, обладает определенным трагическим содержанием и не кажется просто смешной. Это очень трудный случай, с какой стороны ни взглянуть на него, ибо смесь глупого и пошлого с серьезным и разумным всегда остается отталкивающей. С другой стороны, я не мог отказаться от астрологии и должен был придерживаться духа эпохи, которому весьма соответствует избранный мотив.

Вероятно, я еще шире разовью те размышления, которым предается здесь Валленштейн, и если только сам эпизод не противоречит трагическому началу и совместим с серьезностью момента, то я надеюсь, что смогу придать ему более возвышенный характер посредством этих размышлений.

Будьте так добры высказать Ваше мнение по этому поводу.

Нынешняя отвратительная погода сильно докучает мне, и я снова потерял несколько дней из-за спазмов и бессонницы.

Моя жена шлет Вам наилучшие пожелания. Мы благодарим Вас за жаркое, оно пришлось весьма кстати.

Будьте здоровы. Я был рад услышать, что Вы смогли несколько продвинуться вперед в Вашей схеме.

Ш.

547. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваше письмо застало меня в разгар великой суеты и таких занятий, которые ничего общего не имеют с эстетическими суждениями относительно драматических мотивов. Я должен поэтому просить об отсрочке до той поры, когда мне удастся сосредоточиться на Вашем запросе. На первый взгляд идея кажется мне чрезвычайно удачной, и я должен думать, что она сулит некоторый выигрыш. И все же, как Вы и сами замечаете, тут непременно останется некий непреодолимый разрыв между этой нелепицей и трагической значимостью, так что вопрос, вероятно, состоит только в том, может ли упомянутая нелепица породить нечто значимое, а это кажется мне вполне достижимым.

Однако сам политический материал тут не намного лучше астрологического, и мне представляется, что астрологический мотив, если уж говорить о нем всерьез, не следует непосредственно связывать с трагическим началом; астрология как часть историко-политически-варвар-

ских примет времени вместе со всей прочей массой должна быть противопоставлена трагическому и сочетаться с ним.

Хотя пятикратно повторяемая буква ¹ и нравится мне сейчас, однако я еще не уверен в том, что она сможет возместить утрату астрологической комнаты; и в том, и в другом варианте есть, по-видимому, нечто плодотворное. Но я должен теперь кончить тем, с чего начал: сегодня я не в состоянии ни воспринимать, ни думать должным образом.

Поэтому примите еще на прощание лишь слова приветия и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 5 декабря 1798 года.

548. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 7 декабря 1798 года

Мы теперь снова живем в совершенно различных условиях: Вы — среди шумной суеты, которая не позволяет Вашему духу обрести сосредоточенность, я — в однообразном уединении, которое заставляет меня томиться по суете, могущей вновь освежить мой дух. Тем не менее я отнюдь не без пользы провел эти пасмурные дни, которые только сегодня прояснились вновь, и заполнил некоторые значимые пробелы в моем действии, благодаря чему оно стало более законченным и последовательным. При этом возникло несколько совершенно новых сцен, весьма полезных для всего в целом. И я надеюсь несколько уменьшить тот не вполне преодолимый разрыв, о котором Вы пишете, то есть разрыв между безумным и рациональным, добиваясь общей обусловленности того, чтобы это странное сочетание разнородных элементов обрело устойчивый характер, исходящий из совокупности человеческой природы и проявляющийся во всем. Ибо если сочетание это удастся воплотить как чисто индивидуальное, то оно окажется правдивым, поскольку индивидуальное воздействует на воображение, и тут, следовательно, речь пойдет не о сухой рассудочности.

Если Вы находите, что нам не следует терять астрологической комнаты, то ей всегда можно будет найти еще применение, особенно в том случае, если мы сохраним и другие нелепицы. *Обилие* здесь нисколько не повредит, и одно поможет другому. Мне, в сущности, очень важно

лишь узнать от Вас, приемлема ли в целом недавно посланная сцена, ибо вовсе не нужно, чтобы из-за нее было исключено нечто другое.

Мне не удастся сегодня сообщить Вам ничего из того, что могло бы заинтересовать Вас, потому что я полностью сосредоточился на своей работе и к тому же не получал никаких известий из внешнего мира.

Не смогли бы Вы одолжить мне книгу о Кавказе¹, о которой часто говорили мне? Я теперь как раз нуждаюсь в развлекательном чтении.

Будьте здоровы, множество приветов Мейеру. Моя жена Вам кланяется.

Ш.

549. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Как я хотел бы посвятить один вечер беседе с Вами исключительно об этом предмете, ибо он ведь гораздо важнее вопроса о том, в каком порядке должны появляться на сцене доспехи. Я ограничусь лишь кратким резюме и оставлю в стороне все то, в чем мы согласны.

После всесторонних размышлений я нахожу астрологический мотив более удачным, чем новый.

Астрологическое суеверие покоится на смутном ощущении некой целостности грандиозного мироздания. Опыт показывает, что ближайшие к нам светила оказывают определенное воздействие на погоду, растительность и т. д., и стоит только начать постепенно подниматься все выше и выше, как уже невозможно будет сказать, где кончается это воздействие. Обнаруживает же астроном возмущения одних светил, вызываемые другими; философ склонен и даже вынужден бывает признать возможность воздействия на отдаленнейшие объекты. Так и человек волен неизменно заходить чуть дальше в своих предчувствиях и распространять эту закономерность на сферу нравственного, на счастье и несчастье. Эти и подобные им иллюзии мне даже не хотелось бы называть суевериями, ведь они настолько присущи нашей природе и настолько допустимы и извинительны, как любая вера.

Не только в определенные столетия, но и в определенные эпохи жизни и даже у определенных натур они проявляются гораздо чаще, чем можно было бы думать. Разве не возлагал покойный прусский король¹ особых

надежд на «Валленштейна» только потому, что ожидал найти там серьезное истолкование сущности этого предмета?

Современная вера в оракулы также обладает многими поэтическими достоинствами, но вот как раз та ее разновидность, которую избрали Вы, представляется мне не самой удачной; она относится к разряду анаграмм, хронодистихов, стихотворных заклятий, которые можно читать как с начала, так и с конца, и принадлежит, следовательно, к тому педантическому и пошлomu семейству, которое памятно своей безнадежной сухостью. Правда, Ваш способ трактовки этой сцены вначале настолько подкупил меня, что я не заметил этих особенностей и дошел до них только благодаря размышлениям. К тому же, несмотря на мой театральный опыт, я при всем желании никак не мог придумать, как сделать наглядной эту игру с буквами². Литеры следовало бы написать вязью, как «М» Матфея. Все «Ф» следовало поместить в центре окружности, и все же различить их не удастся, какой бы величины они ни были.

Таковы мои сомнения, к которым я ничего больше не прибавлю. Я советовался с Мейером, и он придерживается того же мнения. Извлеките из всего этого наилучшее. Мое страстное желание — чтобы Ваша работа продвигалась.

Я хочу как можно лучше использовать до Нового года мое растерзанное на куски время. Второй номер «Пропилей» уже закончен полностью. Рукопись к третьему припасена, однако примерно половину ее следует еще отредактировать; я сделаю все возможное, чтобы за три недели покончить и с нею.

Относительно четвертого номера у меня возникла одна идея, которую я хочу сообщить Вам; вообще же я надеюсь устроить свои дела так, чтобы весна у меня осталась свободной для более значительной работы. Схемы к хроматике я также надеюсь вскоре продвинуть вперед с Вашей помощью.

Вот так и идет по-прежнему эта глупая и утомительная жизнь, подобно сказкам из «Тысячи и одной ночи», где одна история неизменно вплетается в другую.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Веймар, 8 декабря 1798 года.

Г.

550. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 11 декабря 1798 года

Мудрый и заботливый друг — вот поистине дар небес, и мне снова представился случай почувствовать это. Ваши замечания совершенно справедливы, а доводы убедительны. Не знаю, какой злой дух владел мною, когда я без должной серьезности принялся за астрологический мотив в «Валленштейне», — ведь моей натуре, по сути дела, присуще скорее серьезное, нежели легкомысленное восприятие вещей. Особенности материала должны были с самого начала отпугнуть меня. Но теперь я отчетливо сознаю, что должен сделать еще нечто значимое для этого предмета, и это тоже будет выполнено, хотя работа моя снова затягивается.

К сожалению, период безотлагательно необходимого завершения пьесы приходится на время, весьма неблагоприятное для меня: я теперь не сплю каждую вторую ночь и вынужден тратить много сил на то, чтобы сохранить нужную ясность духа. Если бы я не мог добиваться благодаря своей воле несколько большего, чем могут другие в подобных случаях, то должен был бы дать себе на время полный отдых.

Так или иначе я надеюсь все же успеть еще прислать Вам «Пикколомини» в качестве рождественского подарка.

Лишь бы только и Вы безмятежно и радостно прожили несколько ближайших скверных недель и вернулись бы бодрым к нам и к Вашим здешним занятиям.

Мне не терпится узнать, что именно Вы задумали для четвертого номера «Пропилей».

Будьте здоровы. Из-за вечернего визита моего домохозяина мне приходится ограничиться этим.

Жена сердечно Вам кланяется.

Множество поклонов Мейеру.

Ш.

551. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Меня радует, что я снова могу хоть немного отплатить Вам именно в том, в чем я обязан Вам столь многим. Хотелось бы только, чтобы мой добрый совет пришелся на более благоприятное время года, ведь тогда бы Вы быстрее смогли продвинуться вперед; и в самом деле, я должен посочувствовать Вам, тем более что период

завершения пьесы совпал со временем, когда здесь нет наших друзей.

К счастью, я обнаружил, что в эти часы меня привлекает нечто совершенно новое, то есть нечто такое, о чем я никогда не задумывался, и это до некоторой степени влияет на мою продуктивность.

Посылаю Вам при сем стихотворения Грюбеля¹, о которых уже говорил Вам однажды; они доставят Вам удовольствие. Котте я послал рецензию на них, предназначенную для новой газеты; копию ее я пошлю Вам. Я воспользовался здесь возможностью сказать кое-что об этих светлых картинах, к которым нигде прямо не прицеплен жалкий хвост практических нравоучений.

Тем временем я занимаюсь то одним, то другим, чтобы дни эти не были совершенно бесплодными, и постараюсь таким образом заполнить оставшиеся две недели.

В зависимости от того, будет ли закончена Ваша пьеса к Рождеству или нет, определятся мои планы на январь; в одном случае я надеюсь увидеться с Вами здесь, в другом предполагаю навестить Вас. На сегодня достаточно.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 12 декабря 1798 года.

552. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 14 декабря 1798 года

Сегодня я посылаю Вам лишь дружеский привет, так как из-за насморка у меня голова такая тяжелая, что я поднимаюсь от работы совершенно отупевшим. Хоть бы эти суровые три недели остались уже позади и для Вас, и для меня!

Благодарю за нюрнбергского поэта; пока что я смог прочитать лишь немного. Неплохо, что Вы сказали несколько слов в его пользу, ибо это как раз тот случай, когда никто не решится проявить отзывчивость из опасения быть обвиненным в похвальбе собственному вкусу, поскольку тут невозможно опереться на модные формулы.

Раз уж Ваше прибытие сюда связано с «Пикколомини», то я предпочел бы увидеться с Вами вначале в Веймаре: поскольку пьеса предназначена для театра, то я не хотел бы тянуть с нею вплоть до начала нового года и надеюсь

сделать все необходимое еще в эти дни. Как только новые сцены будут несколько приведены в порядок и переписаны, я пришлю их Вам.

На сегодня довольно, будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

553. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Работа у меня движется кое-как, хотя я занимаюсь всякой всячиной и могу выбирать отсюда то, что соответствует времени и настроению. Если Вы пришлете мне «Пикколомини», это будет для меня настоящим рождественским подарком.

Посылаю Вам то, что у меня получилось по поводу Грюбеля¹.

Статья рассчитана на то, чтобы позлить определенную партию. К теме этой следует вернуться в «Пропилеях», обновив ее во всех формах, в связи с чем у меня уже возникло несколько совершенно безумных идей.

Прилагаю и требование Гедике относительно печатания «Пропилей»². Вы ведь искушены в подобных делах настолько, чтобы сделать приблизительный расчет того, во что обойдется при этом один номер.

За пределами этого круга дел я могу заниматься лишь подготовкой третьего номера, причем стремлюсь по возможности к тому, чтобы совершенно освободиться к началу нового года. Так вот и будут использованы эти скверные и гнетущие дни. Будьте здоровы и постарайтесь также извлечь наибольшую пользу из последних дней года. Кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 15 декабря 1798 года.

554. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 декабря 1798 года

Хоть я нимало не усомнился бы согласиться как в целом, так и в частностях со всем тем хорошим, что Вы говорите о нашем народном поэте, однако мне всегда представлялось некоторой неловкостью привлекать к нему взоры в таком публичном органе, как «Всеобщая газета»; понимания достоинств формы ждать здесь не приходится, так что мелкое и низменное в сюжетах шо-

кирует щепетильных дам и господ и послужит мишенью для острословов. Таким по крайней мере было мое ощущение, когда я, читая Вашу статью, одновременно представлял себе читателей, в руки которых она попадет; мне кажется вполне приемлемым то правило благоразумия, согласно которому там, где нет основательных причин рассчитывать на победу разума, не следует оскорблять чувства. Совсем по-иному обстояло бы дело, если бы эта статья появилась в какой-нибудь литературной газете: читатель здесь правомочен и обязан отдавать должное достоинствам и входить в детали. В политической же газете место может быть уделено лишь тому, что предположительно привлечет к себе общий интерес: не тому, что *должно* нравиться, а тому, что нравится, как говорит Буффлер¹.

Я прочитал этого Буффлера с большим удовольствием; его книга прекрасно написана и содержит немало прелестных замечаний, удачных и по мысли, и по стилю. Разумеется, тут есть и определенная ограниченность и скудость. Когда он рассуждает порой и о немцах в связи с *hospitalité* *, то получается совсем смешно, и кажется, что речь здесь идет всего лишь о чаевых и что он не слишком-то задумывался над своими словами.

Вот и Гарве, как я слышал, умер на этих днях². Еще одним человеком «золотого века» литературы стало меньше, скажет нам Виланд.

В курфюршестве саксонском запрещен журнал Нитхаммера³.

Смету издателя Гедике я нахожу весьма умеренной и могу полагать, что Котта не сможет выполнить эту работу у себя с меньшими расходами.

Теперь я был бы очень рад, если бы Вы поскорее распорядились известить франкфуртцев, что они смогут получить три пьесы о Валленштейне за 60 дукатов. Кроме того, мне бы хотелось поскорее узнать, требуется ли издание для империи или нет, поскольку Коцебу так и не ответил мне⁴,— он, по-видимому, все еще находится под арестом. «Валленштейн» не будет напечатан в течение всего 1799 года, и это тоже можно будет сообщить франкфуртцам.

Нет ли еще у Вас твердой уверенности в том, что

* гостеприимством (франц.).

Вы получите Вашу театральную матушку из Регенсбурга⁵ уже в следующем месяце?

Работа моя в последние дни подвигается плохо. Не-настье, которое обычно не так уж скверно отражается на моем здоровье, на этот раз очень изнурило меня, а печальное зрелище неба и земли угнетает душу.

Будьте здоровы — настолько, насколько это возможно сейчас. Мы оба шлем Вам сердечный привет.

Ш.

555. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мне могло представиться нечто вроде Вашего суждения в то время, когда я, прежде чем отослать эту небольшую статью, советовался с самим собой, не следует ли мне отдать ее *mutatis mutandis** в «Литературную газету» или же приберечь эту тему для «Пропилей». И все же пусть статья отправится на этот пикник, хотя она вовсе не вяжется с тамошним меню.

Книга Буффлера мне тоже очень понравилась — так же, как и Вам, и по тем же причинам; напротив, французы и аристократы, насколько я мог здесь слышать, отзываются о ней не слишком-то лестно, хотя она, в сущности, для них и написана. Но на какую же публику должен вообще полагаться и рассчитывать писатель?

«Антропология» Канта¹ оказалась для меня очень ценной книгой и останется таковой еще в большей степени и впредь, если я буду в дальнейшем наслаждаться ею в небольших дозах, ибо в целом она безотрадна. С этой точки зрения человек всегда находится в патологическом состоянии, а поскольку, по заверению самого старика, человек может стать разумным лишь по достижении шестидесятилетнего возраста², то некой скверной шуткой выглядит провозглашение себя самого глупцом в прочие предшествующие годы жизни. И все же, если читать по несколько страниц в хорошие часы, остроумное изложение всегда сохранит свою привлекательность. Мне, впрочем, ненавистно все то, что лишь поучает меня, не способствуя моей деятельности или не вдохновляя меня самым непосредственным образом.

Своим самочувствием в эти дни не могу похвалиться и я. В такое время следовало бы, в сущности, жить в

* с необходимыми изменениями (латин.).

каком-нибудь большом городе, где есть внешние приманки и где можно забыться.

Механические работы не подвигаются, а одухотворенные не удаются. Уже по этому письму я замечаю, что не могу обрести обычную сосредоточенность.

Запрос франкфуртцам относительно «Валленштейна» будет послан.

Наша театральная матушка ожидается в Веймаре в первой половине будущего месяца. Будьте здоровы до лучших дней; я постараюсь еще освободиться от многих мелочей с тем, чтобы иметь возможность взяться после Нового года за что-нибудь цельное.

Г.

Веймар, 19 декабря 1798 года.

556. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 22 [21] декабря 1798 года

Мне очень хочется прочесть «Антропологию» Канта. Патологическая сторона, которую он всегда выставляет напоказ в человеке и которая, быть может, вполне уместна в антропологии как таковой, преследует читателя почти во всем, что пишет Кант, и она-то как раз и придает столь мрачный характер его практической философии. Достоинство удивления и сожаления то, что этот светлый и жизне-радостный дух не смог полностью высвободить свои крылья из грязи бытия и даже не смог полностью преодолеть некоторые тяжкие впечатления юности и т. п. В нем все еще есть нечто такое, что напоминает, как и в случае с Лютером, монаха, который хотя и вырвался из монастыря, но не может окончательно вытравить его отпечаток.

Охотно верю, что аристократия не слишком-то хорошо высказывается о сочинении такого рода, как книга Буффлера. Они стерпели бы гораздо больше истин, вышедших из уст или из-под пера какого-нибудь писателя-мещанина. Но так было всегда, — ведь и для церкви ересь любого христианина всегда была ненавистнее неверия любого атеиста или язычника.

Удалось ли Вам за эти дни сделать что-либо в схеме цветов? Меня и в этом отношении радует предстоящий приезд к Вам, так как мы сможем несколько продвинуться вперед в этом предмете. С Шеллингом я вижу лишь раз в неделю, но по большей части для того, чтобы — к стыду для философии — сыграть с ним в ломбер.

Для меня это развлечение, поскольку я лишен каких-либо других, стало едва ли не необходимостью, хотя и дурно, разумеется, что мы оба неспособны на что-либо более разумное. Впрочем, как только я хоть немного приду в себя, то займусь с ним чем-нибудь более дельным. Он все так же необщителен и загадочен.

Что касается отсутствующих друзей, то у меня опять давно уже нет никаких известий от них. Надеюсь, что Гумбольдт не оказался в числе тех иностранцев, которых арестовали в Париже.

Я хотел попросить Вас выхлопотать для меня у герцога квартиру, в которой жил Туре¹, на те три-четыре недели, что я проведу в Веймаре. Моя свояченица не сможет теперь достаточно удобно разместить у себя мою жену с детьми, а мне не хотелось бы ни расставаться с семьей, ни обременять Вас на столь долгий срок. Разумеется, это несколько затруднит связь между нами, но ведь стоит только устроиться, а там уж все пойдет на лад. Что бы Вы посоветовали на этот счет? Я рассчитываю приехать недели через две.

Все-таки работа моя лишь ненамного продвинулась вперед, ибо, приспособлявая последний акт для театральных нужд, я столкнулся с гораздо большими сложностями, чем ожидал, и эта работа отнимает необычайно много времени и усилий.

Поздравляю Вас, кстати, с миновавшим уже самым кратким днем в году, поскольку это событие составляет обычно определенную эпоху в Вашей жизни.

Будьте здоровы. Мы оба шлем Вам сердечный привет.

Ш.

557. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Известие о скором Вашем приезде очень меня радует и знаменует собой ту прекраснейшую надежду, которую приносит вновь вернувшееся солнце. У меня не было и минуты на размышления об учении о цвете; в ближайшие дни я собираюсь еще привести в порядок некоторые дела, чтобы оказаться совершенно свободным в начале следующего года, когда Вы приедете.

Случаи, когда люди формируют друг друга в тесном общении, столь бесконечно редки, что у меня уже не вызывает удивления, если подобные надежды не сбыва-

ются, — так, как это и происходит при более близких отношениях с Шеллингом. И все-таки мы можем только радоваться тому, что он так сблизился с нами, поскольку нам всегда удастся до некоторой степени *увидеть* то, что он создает, а прочее, быть может, придет со временем.

Желаю Вам удачи в ломбере! Даже в «Антропологии» Вы сможете найти апологию игры, и хотя сам я не имею никакого представления о том, чему именно здесь следует радоваться или огорчаться, однако могу судить об этом по опыту наблюдений над столь многими. Меня в эти минуты выручают разные научные игры — минералогия и т. п. Но, конечно, вечера теперь очень долгие и бесплодные.

Квартира Туре, как я слышал, совершенно свободна, убрана и нуждается только в мебели, но об этом я позабочусь. Там две отапливаемые комнаты и несколько каморок.

Охотнее всего я не отпускал бы Вас от себя, но, конечно, квартира, которую я могу предоставить Вам, неудобна, в особенности зимой. Нам следует только наладить связь, иначе мы потеряем и время, и случай.

О квартире Туре я извещу Вас подробнее в среду.

Если Вы сможете прислать мне сейчас роль супруги Валленштейна, то я отправлю ее нашей новой актрисе в Регенсбург. Она сможет выучить ее дорогой и, поскольку должна прибыть 14-го, то успеет как раз к нужному сроку, с тем, чтобы пьесу можно было бы дать 30-го.

Будьте здоровы. В надежде вскоре увидеть Вас снова я постараюсь устранить теперь все, что могло бы создать нам препятствия или помехи.

Г.

Веймар, 22 декабря 1798 года.

558. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 24 декабря 1798 года

Я сажусь писать Вам с необычайно легким сердцем, так как оба Пикколомини¹ только что отправились к Ифланду. Он в своих письмах так осаждал и мучил меня просьбами поторопиться, что я сегодня собрал всю свою силу воли, усадил за работу разом трех переписчиков и действительно закончил всю вещь (за исключением единственной сцены в астрологической комнате, которую я пошлю ему позже). Мне помогло весьма удачное на-

строение и совершенно спокойно проведенная ночь, так что я, надеюсь, могу сказать, что эта спешка не повредила делу. Но едва ли кто-нибудь на тридцать миль в округе проведет подобным образом рождественскую ночь, так истерзал и измучил меня страх не успеть вовремя. Иффланд изобразил мне беды, которые постигнут его, если в ближайшие два месяца, то есть в самый разгар сезона, у него не будет ничего такого, чем можно было бы компенсировать оперы, даваемые бесплатно,— ведь он, рассчитывая на мою пьесу, ни о чем другом не позаботился и может, по его словам, потерять из-за упущенного времени четыре тысячи талеров.

Теперь же я использую эту неделю для того, чтобы привести в порядок экземпляр пьесы, предназначенный для нашего веймарского театра, и обдумать астрологическую сцену, а затем, если погода и мое самочувствие позволят это, приеду к Вам на следующей неделе, примерно 2 января.

Так как я не знаю, придет ли к нужному сроку ожидаемая мною сумма денег, то и не стану ждать их, и — в надежде на то, что в крайнем случае смогу взять у Вас займы, если позволите,— начну укладывать вещи.

Сердечно благодарю Вас за заботы о квартире для меня. Мой свояк сможет помочь мне с деревянной мебелью, без которой легко обойдется, но не с постелями, так что если Вы ссудите меня чем-либо из этого, тем меньше мне придется брать с собой.

Что касается сообщения между нами, то многое уладится уже благодаря одному экипажу.

А теперь прощайте на сегодня. Я должен был облегчить мое сердце и сообщить Вам об этом последнем *événement* * в моем доме. Моя жена шлет Вам сердечный поклон.

Ш.

559. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Горячо поздравляю Вас с вынужденным завершением работы, ибо не хочу скрывать от Вас, что за последнее время у меня уже начала исчезать всякая надежда. Тот метод, который Вы использовали в этом году при обработке «Валленштейна», не давал никаких серьезных ос-

* события (франц.).

нований думать, что он будет когда-нибудь закончен,— подобно тому как воск не может застыть, пока он стоит на огне. Вы сами только теперь, когда дело это уже позади, увидите, чего Вы достигли. На мой взгляд — бесконечно многого.

О Вашей квартире в замке позаботятся наилучшим образом, и я думаю, что недостатка ни в чем не будет; решительно все, в чем Вы нуждаетесь обычно, тоже будет наготове. Не задерживайтесь, пожалуйста, а решайтесь поскорее и приезжайте 2-го, ведь у нас непомерно много дел, поскольку мы должны успеть к 30-му, и самое скверное то, что срок этот нельзя отодвинуть. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене, а я заранее сердечно приветствую Вас словами «добро пожаловать».

Г.

Веймар, 25 декабря 1798 года.

560. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если бы Вы, дорогой друг, обратились бы к нам за советом при выборе декораций к Вашей пьесе, то мы бы, естественно, оказались в некотором затруднении. Ибо замена символов предметами — задача, конечно, сложная, хотя все, что может послужить возвеличению театрального действия, должно стать предметом приятных забот. Наш друг Мейер сам подготовит картоны и уже начал работу над небольшим эскизом.

Однако Вы, надеюсь, извините меня, если и я, подобно Иффланду, начну играть роль директора, на которого под конец сваливаются все заботы о постановке.

Завтра утром к Вам прибудет посыльный, и я надеюсь, что он доставит мне к вечеру часть пьесы и, уж во всяком случае,— роль герцогини.

Пожалуйста, не теряйте терпения! Ибо если Вы не приедете в ближайшее время, то посыльные будут появляться у Вас еще чаще. Январь и без того окажется для нас нелегким, поскольку публика ждет в конце месяца подобную пьесу, однако не желает отказываться до этого от других увеселений. В понедельник Иффланду будут отправлены четыре самых важных солдатских костюма¹. Желаю Вам отправиться в путь в такой день, как нынешний, и шлю сердечный привет Вам и Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 29 декабря 1798 года.

561. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Податель¹ сего изображает отряд гусар, имеющих приказ во что бы то ни стало взять в плен обоих Пикколомини, отца и сына, причем если их не удастся захватить разом, то по крайней мере доставить их порознь. Просим Вашу милость оказать всевозможное содействие этому похвальному намерению. Готовые ко всяческим взаимным услугам по случаю бунта Валленштейна высочайше утвержденной комиссии Мельпомены члены Г. и К.

[Незадолго до конца 1798 года].

562. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 31 декабря 1798 года

Роль герцогини я послал Вам вчера с Вольцогеном. Сегодня Вы получите всего «Пикколомини», хотя и страшно исчерканного, как сами увидите. Я полагал, что достаточно уже выбросил оттуда, но когда принялся позавчера читать вслух всю пьесу от начала до конца в сокращенной редакции и при этом с окончанием третьего акта истек третий час, то я испытал такой страх, что вчера снова уселся за работу и вычеркнул еще примерно четырех стихов из всей пьесы. Она и теперь потребует очень много времени, но уж, во всяком случае, не больше четырех часов, так что если начать спектакль ровно в половине шестого, то зрители вернутся домой еще до того, как пробьет десять.

Будьте так добры распорядиться, чтобы Вам прочитали на два голоса второй акт, который я посылаю Вам в двух экземплярах. Там появились новые сцены с Тэклой, и если при чтении этих сцен, с которыми Вы познакомитесь впервые, взгляд Ваш тоже начнет постоянно наткаться на исправления и вынужден будет напряженно отыскивать текст на бумаге, то это помешает Вам.

Иффланду я посылаю с сегодняшней почтой эти последние сокращения, так как значительная величина пьесы причинит ему немалые затруднения.

Важное высказывание Валленштейна о Бутлере (четвертый акт, третья сцена), которое здесь выброшено, окажется более уместным в третьей пьесе¹.

Что касается распределения ролей, то я рассчитывал на то, что Тэклу будет играть Ягеман, и поэтому дал ей немного попеть². Таким образом, Сланцовски остается

роль графини ³, если только Вы не сочтете более подходящей ожидаемую на днях матушку; разумеется, от графини зависит многое, и в новых сценах второго акта, как Вы сами увидите, она тоже говорит важные вещи. Поскольку она должна казаться еще старше, чем даже герцогиня (ведь за шестнадцать лет до этого она смогла помочь королю Богемии ⁴), то у остальных не будет повода для жалоб.

В роли Врангеля я рассчитывал видеть Гунниуса.

Итак, я передаю пьесу в Ваши руки. Мне сейчас просто невозможно судить о ней, а порой я даже сомневаюсь в ее пригодности для театра. Хоть бы она оказала на Вас такое воздействие, чтобы Вы смогли внушить мне мужество и надежду, ибо я нуждаюсь в этом.

Будьте здоровы. Посыльный отправляется в три часа.

Ш.

563. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 1 января 1799 года

Прилагаю для развлечения несколько страниц Кёрнера, посвященных альманаху ¹.

Мой труд ² теперь в Ваших руках, так что Вы уже составили его гороскоп к тому моменту, когда я пишу это письмо. Между тем я успел уже устремить свои мысли к третьей пьесе ³, чтобы приступить к ней тотчас же по прибытии в Веймар. Хотя там осталось сделать еще многое, однако это пойдет быстрее, поскольку действие определилось и в нем преобладают пылкие страсти.

Мне еще должны завтра пустить кровь: я постоянно слежу за этим со времени двух сильных приступов грудной лихорадки в 1791 и 1792 годах. Из-за этой операции я задержусь здесь еще на день, если даже не на два. Вообще-то я чувствую себя довольно неплохо, однако чтобы не остаться совсем уж без забот, я уколол себе палец под ногтем, и это причиняет сильную боль, а так как это средний палец правой руки, то писать мне трудно.

Вы были столь любезны, что затребовали у меня через казначея список вещей, необходимых мне в Веймаре. Я передал его моему свояку и включил туда все, в чем я буду нуждаться, полагая, что именно это Вы имели в виду.

Завтра я еще надеюсь узнать от Вас, могу ли я приехать послезавтра.

Будьте здоровы. Мы оба очень рады тому, что снова увидим Вас.

Ш.

564. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку с основным моментом ¹ все в порядке, а к тому же я убежден в том, что Вы и не могли бы закончить раньше, то все прочее уладится.

Чувствительные сцены получились очень хорошо, а астрология в качестве вступления к ним чрезвычайно удачна².

Обо всем прочем говорить не буду, так как время не терпит и так как я надеюсь вскоре увидеть Вас. Не медлите, ибо нам нужно обсудить еще сотню вещей. Надеюсь, что вся обстановка в квартире покажется Вам сносной. Кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 2 января 1799 года.

565. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

С великой радостью узнал я, что Вы прибыли, и хотел бы осведомиться, как Вы намереваетесь провести нынешний день. Если Вы сможете отобедать у меня¹, то будете самым желанным гостем.

Я чувствую себя не вполне хорошо, так что не хочу выходить из дома, поскольку на этих днях нам нужно доброе здравие и настроение.

Кланяйтесь Вашей милой жене. Я очень рад тому, что скоро увижу Вас снова.

Г.

Веймар, 5 января 1799 года.

566. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 5 января 1799 года]

Я получил Вашу записку к великому моему удовольствию и готов, если позволите, засвидетельствовать Вам свое почтение примерно в час дня; при этом я могу оставаться в полном Вашем распоряжении до пяти часов.

Мы прекрасно выпались в славной и удобной квартире, которую Вы приготовили и обставили для нас.

Обо всем прочем — при встрече. Моя жена шлет Вам сердечный привет.

Ш.

567. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 10 января 1799 года

Хочу и надеюсь услышать, что Вы выпались этой ночью и сегодня снова почувствовали себя лучше. Вчера я мог только поражаться тому, как Вам удавалось сохранить всю свою бодрость после дурно проведенной ночи и в клубах табачного дыма.

Сегодня я появлюсь у Вас в четыре часа. По окончании репетиции мы, по-видимому, отправимся к тайному советнику Фойгту.

Моя работа¹ понемногу продвигается вперед. *Nulla dies sine linea* *.

Не могли бы Вы одолжить мне «Всеобщую газету» хотя бы за последнюю неделю? Мой экземпляр остался в Иене.

Ш.

568. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку я не знаю, увижу ли Вас сегодня за обедом, а герцог приглашает меня в свои покои, куда я по многим причинам должен отправиться не мешкая, то я отвечу там согласием, а Вас, драгоценнейший друг мой, буду ждать вечером в четыре часа, когда у меня снова соберется весь театральный мир.

Второй номер «Пропилей» прибыл, однако то удовлетворение, которое можно было бы испытывать при виде еще одной доли выполненной работы, омрачается ужасающими опечатками, обнаружившимися на этот раз в последнем листе. Нам придется теперь возложить надежды на третий номер и самим поправить дело.

Я не могу, кстати, просматривать этот номер, не испытывая желания поскорее увидеть какую-либо из Ваших работ в этом собрании.

Но вот о чем я настоятельно прошу Вас в эти минуты полнейшего упадка сил: снабдите меня каким-либо аргесци ** относительно «Пикколомини», которое я смог бы незамедлительно воспроизвести в новой газете¹. Нам тем более следует поторопиться, что берлинцы, несомненно, обрушат на нас целый поток суждений, как только пьеса будет сыграна. Будьте здоровы.

Веймар, 17 января 1799 года.

Г.

569: ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 19 января 1799 года]

Прилагаю две весьма разнородные новинки¹. Благоклонно примите их на десерт.

Энтузиазм Иффланда по поводу пьесы позволяет мне прорицать ее удачную судьбу.

* ни дня без строчки (латин.).

** суждением (франц.).

Поскольку он еще считает возможным дожидаться моего совета в том, какую роль ему выбрать², то они там, по-видимому, не очень-то торопятся со спектаклем и берлинские критики, стало быть, тоже не намного опережат нас.

Будьте здоровы. Надеюсь увидеть Вас в опере³.

Ш.

570. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сообщите мне хотя бы в нескольких словах, драгоценнейший друг мой, как Вы спали этой ночью и как Вы себя чувствуете? Вероятно, Вы еще не можете сказать с уверенностью, придете ли на репетицию; на всякий случай, если Вы опасаетесь усиления недуга, то не выходите из дому сегодня и завтра, — я тем временем заменю Вас, насколько это будет возможно, и доложу Вам завтра, как идут дела.

Мадам Теллер читала вчера уже настолько хорошо¹, что нигде не ошиблась, но читала невыразительно и так, словно бы дело происходило во время читки. Она уверяет, что на сцене все будет совершенно по-иному. Поскольку такие капризы позволяют себе почти все актеры, то я особенно и не виню ее, хотя это дурачество оказывается главной причиной того, что ни одна серьезная роль не выучивается как следует и что слишком многое зависит затем от случая. Мне хотелось бы получить от Вас самые хорошие вести.

Г.

[Веймар,] 25 января 1799 года.

571. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если Вы более или менее сносно провели нынешний день и смогли поразмыслить немного о нашей ближайшей цели, то я поздравляю Вас и рассчитываю заблаговременно сообщить Вам завтра утром, что именно сочли наиболее желательным наши сменные режиссеры¹. При всем желании отнюдь не всегда удастся соотнестись со способом представления актеров, и порой, стремясь к удобству для них, лишь создаешь им трудности.

Нынешний день прошел не совсем бесполезно для меня, а при том положении, в котором я нахожусь сейчас, это можно уже счесть некой похвалой ему.

Будьте здоровы. Надеюсь, что завтра к этому времени мы управимся с доброй частью работы.

Г.

Веймар, 27 января 1799 года.

572. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сегодня в десять часов утра состоится предварительная репетиция сцен аудиенции и ужина.

В пять часов пополудни мы снова встретимся и начнем пьесу с начала. Если мы прорепетируем только три акта, у нас окажется достаточно времени для того, чтобы повторить все необходимое.

Я хотел бы пригласить Вас сегодня к обеду еще и с тем, чтобы снова почувствовать, насколько близко мы живем друг от друга. Ответьте мне на это хотя бы одним словом.

Г.

[Веймар,] 28 января 1799 года.

573. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Итак, наконец настал великий день, вечера которого я жду с любопытством и некоторым нетерпением. Приведу здесь еще несколько заметок:

1. Не позволите ли Вы надеть на Фоса¹ кирасу в первых сценах? В колете он выглядит слишком буднично.

2. Не забыть бы о берете для Валленштейна, в гардеробе должно найтись что-нибудь вроде перьев цапли.

3. Не позволите ли Вы дать Валленштейну и красный плащ, поскольку из задних рядов его чересчур легко можно спутать с остальными.

В полдень я надеюсь видеть Вас у себя.

Г.

Веймар, 30 января 1799 года.

574. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мне было очень приятно услышать, что вчерашнее представление¹ прошло намного удачнее, чем первое; теперь следует поразмыслить над тем, что нужно сделать, чтобы после некоторого промежутка добиться еще большего успеха в третьем представлении.

Доставьте мне сегодня удовольствие, отобедав у меня; на завтра Вы приглашены к его светлости герцогу в его покои.

Желаю Вам всего наилучшего.

Г.

Веймар, 3 февраля 1799 года.

575. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

[Иена, 16 февраля 1799 года]

Могу ли я попросить у Вас экземпляр «Пикколомини» на короткое время? С наилучшими пожеланиями.

Г.

576. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем первую тетрадь¹ с просьбой изложить покороче политические перспективы Валленштейна сделаться королем Богемии. И это, и все то, что еще необходимо добавить, можно написать на отдельных листах и приложить сюда, избежав таким образом необходимости снова переписывать все. Надеюсь, что успею до часа дня несколько продвинуться вперед, а затем снова увижу Вас у себя, так как письмо Иффланда наводит на многие размышления².

Г.

Иена, 17 февраля 1799 года.

577. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 1 марта 1799 года

Итак, после восьминедельного затишья снова начинаются сношения через посыльную. Однако мне кажется, что с тех пор прошло гораздо больше времени, чем на самом деле. Театральная суета, более широкие связи с окружающим миром и наше длительное непосредственное общение изменили многое в моем бытии, и как только я покончу с Валленштейновой громадой, то почувствую себя совершенно иным человеком.

Кёрнер написал мне, и я прилагаю его письмо¹. Работа Гумбольдта, по-видимому, не имела успеха и у него; необходимо, в самом деле, поместить где-либо подходящий отрывок оттуда, чтобы публика получила представление о ценности и привлекательности его идей. Как хорошо, впрочем, что Вы не рассчитывали на участие Гумбольдта

в «Прописях», ибо совершенно очевидно, что при всей остроте и глубине своего ума он не в состоянии увлечь читателя. Все-таки это поразительное явление — то, что он, стремясь избежать пошлости и дилетантской легковесности, которая присуща обычно *autores nobilis* *, впадает в столь сухую манеру.

Сегодня я получил от госпожи Шиммельман письмо, которое дает мне весьма уместный повод прибегнуть к иску в известном Вам деле ². Кроме того, я узнал оттуда к немалому своему удивлению, что в Копенгагене находится экземпляр «Лагеря Валленштейна», ибо его читали у Шиммельманов, а добрые друзья даже сыграли его в день рождения хозяина дома. Я не могу предположить здесь никакого другого источника, кроме Веймара, и боюсь, что и тут приложил свою руку наш Ubique ³. Будьте так добры расследовать это дело, и в особенности прошу Вас забрать к себе домой «Пикколомини», ведь было бы весьма скверной шуткой, если бы обе пьесы пустились гулять по свету. На Иффланда у меня нет никаких подозрений. Ubique недавно посредничал в каком-то деле в Копенгагене, а при его нескромности от него можно всего ожидать.

Сегодня я ничего больше не скажу Вам, почта не ждет, а мне еще нужно разделаться с Ubique ⁴. Будьте здоровы, множество поклонов Мейеру. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания; вчера она побывала на комедии Лодера и осталась очень довольна.

Ш.

578. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваше письмо пришло вчера ко мне слишком поздно, и я отвечаю сегодня, чтобы вновь упорядочить эту связь.

Меня радует, что зима оказалась в общем-то благоприятной для Вас, меж тем как ко мне она проявила суровость. Однако совершенно очевидно, что мы во многих отношениях продвинулись вперед, и я надеюсь, что лучшее время года принесет нам настроение, которое позволит показать это на практике.

Письмо Кёрнера показалось мне удивительным в той мере, в какой удивительным является вообще все индивидуальное. Ни один человек не в состоянии найти это

* знатым авторам (латин.).

ни в себе, ни в других, и поэтому-то он должен соткать свою паутину, из середины которой он действует. Все это еще сильнее возвращает меня к моей поэтической природе. Наибольшее удовлетворение испытываешь от своих поэтических работ ты сам, а при этом еще обретаешь более глубокую взаимосвязь с другими.

По поводу «Лагеря Валленштейна» я произведу строгое расследование. Однако Ваше предположение кажется мне чрезвычайно обоснованным. В эти славные времена, когда разум простиер свое благородное владычество, постоянно ждешь от самых достойных людей бесчестных или абсурдных поступков.

Я теперь занимаюсь своими здешними делами и обстоятельствами, чтобы освободиться в ближайшее время. Между тем настроение у меня самое скверное, и улучшится оно, пожалуй, лишь тогда, когда я примусь за какую-нибудь значительную работу.

Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и усердно трудитесь; что же касается меня, то я предвижу, что у меня не будет ни одного спокойного часа, пока я не окажусь вблизи от Вас и не получу возможность трудиться так, как этого хочется. Так или иначе, я должен что-то придумать для себя на лето, чтобы вернуть себе известную ясность духа, совершенно утраченную в это скверное время года.

Г.

Веймар, 3 марта 1799 года.

579. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 марта 1799 года

Меня часто огорчало в эту зиму, что Вы не столь бодры и решительны, как обычно, и именно поэтому я мечтал о чуть большей душевной свободе для себя, чтобы больше содействовать Вам. Природа раз и навсегда предназначила Вас для продуктивной деятельности; любое другое состояние, если оно длится какое-то время, вступает в противоречие с Вашей натурой. Вам не следует больше допускать столь длительной паузы в поэтических опытах, — Вы должны твердо предписать себе это и выполнять со всей серьезностью. Уже по одной этой причине меня чрезвычайно привлекает Ваша идея дидактической поэмы¹; подобное занятие обусловит сочетание

научных работ с поэтическими силами и облегчит Вам тот переход, который, по-видимому, и составляет сейчас единственное затруднение.

Между тем когда я представляю себе всю ту массу идей и образов, которую Вам предстоит переработать в будущих строфах и которая настолько живо присутствует в Вашем воображении, что один-единственный разговор способен привести ее в движение, то никак не могу постигнуть, каким образом Ваша деятельность могла бы остановиться хоть на мгновение. Уже разработка этого плана составила бы труд половины жизни любого другого человека. Однако Ваш реализм проявляется и тут, — в то время как мы, все прочие, носимся с идеями и уже в этом находим для себя деятельность, Вы испытываете удовлетворение лишь тогда, когда Ваши идеи обретают воплощение.

Весна и лето прекрасно уладят все, и после длительной паузы Вы окажетесь в гавани с куда более обильным грузом, в особенности если приметесь за песнь из «Ахиллеиды», ибо это пробудит к жизни целый мир. Я никак не могу забыть той краткой беседы, когда Вы рассказали мне содержание этой первой песни², как не могу забыть и того выражения пылкого огня и животворной энергии, которое проявилось тогда во всем Вашем облике.

Прилагаю к сему еще одно письмо *Ubique*³. Человек этот просто не может не вмешиваться в чужие дела. И это его невыносимое пустословие о Валленштейне и женских образах в пьесе! Я не дам своей пьесы для того, чтобы Шрёдер с ее помощью выместил свою злобу на гамбургских актерах.

Опитц хочет приобрести обе пьесы для лейпцигской сцены⁴. Будьте так добры прислать мне с посылкой «Пикколомини», ведь театру пьеса сейчас не нужна. Я должен отдать ее в переписку.

От Иффланда пока еще нет никаких известий, однако из другого источника я узнал, что Иффланд дал *первое* представление «Пикколомини» по несокращенному экземпляру⁵, что оно затянулось до половины одиннадцатого и что во второй раз ему пришлось взять сокращенный вариант и даже известить об этом в театральной афише. Меня это очень огорчило, а поскольку он на репетициях вполне мог догадаться, что пьеса длинна, то это с его стороны большая оплошность. Если верить Бёттигеру, он

играл Октавио, а Тэклу — мадам Флек. О том, каков успех спектакля, я еще ничего не слышал; по-видимому, новости эти, которые сообщил мне Грис, исходят от Шлегелей.

В пятницу я пришлю Вам два первых акта «Валленштейна». Иффланду я ничего не пошлю до тех пор, пока он мне не напишет.

Будьте здоровы и бодры, несмотря на вернувшуюся зиму, из-за которой здесь все так печально. Сердечный поклон от нас обоих.

Ш.

580. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я вынужден теперь, согласно Вашему совету, относиться к себе лишь как к луковице, которая лежит в земле под снегом и мечтает о листьях и цветах будущих недель.

«Пропилеи» печатаются, а я, по своему обыкновению, стараюсь разделаться со многими другими делами, чтобы поскорее обеспечить себе хотя бы несколько свободных недель, рассчитывая найти для них более удачное применение. Весьма странно то, что мое положение, которое в общем и целом не может ведь быть более благоприятным, находится в таком противоречии с моей натурой. Посмотрим, как далеко может завести нас наша воля.

Вы получите при сем «Пикколомини» и письмо¹. Действительно, в деле о злоупотреблении с «Лагерем Валленштейна» Вы обнаружите руку нашего вездесущего приятеля. Все его существование основывается на маклерстве, и Вы правильно поступите, если станете держать его в отдалении. Кто месит смолу, тот склеивает собственные руки. Ничто не парализует так, как любые отношения с подобным мошенником, который посмел еще назвать Октавио негодяем².

В эти зимние дни, вновь вернувшиеся к нам, «Пальмира»³ оказалась весьма желанным подарком. Я едва могу дождаться нового представления оперы, и то же самое происходит со многими.

Будьте здоровы и простите мне и на этот раз скудость письма, которую я пытаюсь искупить посылкой малой толики репы.

Кланяйтесь Вашей милой жене и продолжайте поддерживать меня в добрые и дурные часы силою Вашего сердца и разума.

Г

Веймар, 6 марта 1799 года.

581. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 7 марта 1799 года

Посылаю Вам согласно обещанию два первых акта «Валленштейна» и желаю им доброго приема. Если это возможно, напишите мне завтра же хоть словечко об этом и верните мне рукопись с воскресной вечерней почтой, так как у меня нет ее разборчивой копии, а к тому же я не могу оставить моего переписчика без работы.

Одновременно прилагаю письмо Иффланда о представлении «Пикколомини» вместе с афишей. Все прошло именно так, как я предполагал, и для начала можно быть довольным. Надеюсь, что и третья пьеса проложит себе путь на сцену.

К счастью, мне удалось наконец упорядочить ее таким образом, что в ней также окажется пять актов, а приготовления к убийству Валленштейна будут изложены гораздо обстоятельнее и обретут большую театральную значимость. Два решительных военачальника, совершающих это деяние, заявляют здесь о себе как речами, так и делами; благодаря этому выразительнее становится и роль Буттлера, а приготовления к сцене убийства производят более жуткое впечатление. Разумеется, из-за этого и у меня несколько прибавится работы.

Будьте здоровы, на сегодня довольно. Моя жена, которая была нездорова, но теперь снова чувствует себя лучше, сердечно Вам кланяется. Мы весьма признательны Вам за репу.

Ш.

582. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Два акта «Валленштейна» превосходны и столь живо воздействовали на меня при первом чтении, что не оставили решительно никаких сомнений.

Если в «Пикколомини» зритель, не разобравшись сразу в несколько искусственном и порою кажущемся произвольным сплетении событий, не может прийти к единому мнению с самим собой и с другими, то эти новые акты развиваются словно бы с естественной необходимостью. Здесь дан мир, в котором все это происходит, здесь установлены законы, в соответствии с которыми выносятся суждения, а поток интересов и страстей находит для себя уже прорытое русло, по которому и может устремиться. Теперь я с великим нетерпением жду окон-

чания, которое, судя по Вашему новому плану, покажется мне совершенно новым.

После того как я прочитал сегодня утром оба Ваших акта с истинным сочувствием и душевным волнением, прибыл третий номер «Атенея»¹, которым я тут же и занялся, так что время прошло быстро. Близится час посылной, и я сообщу Вам еще лишь одну хорошую новость: ободренный Вашим призывом, я решительно устремил свои мысли к полям Трои². Значительная часть поэмы, которой недоставало еще внутреннего облика, сложилась теперь вплоть до мельчайших ответвлений, а так как меня может привлечь лишь законченная бесконечность, то я предполагаю, что, приложив все свои силы, смогу завершить работу к концу сентября. Я хочу как можно дольше не расставаться с этой мечтой.

«Валленштейна» я отправлю Вам завтра утром.

Кланяйтесь Вашей милой жене, которой я желаю доброго здоровья и благополучно продвигайтесь к концу трагедии.

Г.

Веймар, 9 марта 1799 года.

583. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Лишь парой слов и сердечным приветом от Мейера я сопровожу эту посылку¹. С Мейером произошло то же, что и со мной: он не в силах был оторваться от чтения. В театральном успехе можно не сомневаться. Вот уже несколько дней все мое внимание сосредоточено на равнине Трои. Если мои приготовления окажутся удачными, то хорошее время года принесет мне многое. Простите мне поэтому, если я замолчу на некоторое время, — до тех пор, пока не смогу кое-что предъявить Вам. Будьте здоровы и благополучно завершайте Ваш труд.

Г.

Веймар, 10 марта 1799 года.

584. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 марта 1799 года

Меня очень радует, что два первых акта встретили столь добрый прием; три последних, даже если у меня и не хватит времени столь же тщательно отделать их, должны будут — по крайней мере в целом — произвести не меньшее впечатление. Работа подвигается теперь все быстрее, и если я смогу использовать каждый день так,

как эти последние, то не исключено, что я пошлю Вам весь остаток «Валленштейна» в будущий понедельник с курьером, чтобы в том случае, если никаких замечаний не будет, отправить рукопись Иффланду в тот же понедельник с вечерней почтой.

Поэтому не ждите от меня особых известий на этой неделе.

С неподдельной радостью услышал я, что троянская равнина начала расстилаться вокруг Вас. Сохраняйте это счастливое настроение — и да поможет Вам в этом ясная погода!

Будьте здоровы. Моя жена, которая уже поправилась, шлет Вам сердечный поклон. Крупа прибыла из Дрездена, это — тяжелый ящик, и если он не потребуется Вам тотчас же, мы пришлем его с оказией. Содержимого всего на три талера и несколько грошей; большего запаса там не оказалось, а мельница из-за морозов не работала.

Будьте здоровы.

Ш.

585. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Весьма отрадно, что в то время, когда Вы заканчиваете «Валленштейна», я чувствую в себе отвагу, необходимую для того, чтобы взяться за новый труд. Хотелось бы, чтобы понедельник принес мне три последних акта. Оба первых до сих пор владеют моим воображением, и я по-прежнему нахожу, что они удачно воплощены. Если «Пикколомини» созерцаешь и проникаешься сочувствием, то здесь действие неодолимо увлекает тебя.

Если мне удастся, то праздники я проведу у Вас, в особенности если сохранится хорошая погода. Оставьте ящик с крупой у себя до тех пор, пока я не заберу его сам или пришлю кого-нибудь — или же пока у Вас не случится оказии.

Будьте так добры прислать мне счет за медали для герцога, и я тотчас же оплачу все.

Будьте здоровы. Ничего не скажу более, потому что мне пришлось бы повести речь о моих богах и героях, а я не должен забегать вперед. Кланяйтесь Вашей милой жене и напишите мне в субботу хотя бы одно слово о том, как идет Ваша работа.

Г.

Веймар, 13 марта 1799 года.

586. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Пишу всего лишь несколько строк, чтобы подтвердить свое недавнее обещание. В понедельник Вы получите всего «Валленштейна»¹. Мертв он уже и даже оплакан. Мне осталось лишь кое-что подправить и отшлифовать.

Приезжайте, прошу Вас, на праздник. После столь тяжкой недели для меня это будет истинной отрадой.

Поклон от моей жены. Всего Вам хорошего.

Ш.

Иена, 15 марта 1799 года.

587. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

От всего сердца поздравляю Вас со смертью театрального героя! Если бы и я смог прикончить своего эпического героя до наступления осени! С нетерпением ожидаю я понедельничной посылки и стараюсь устроить свои дела так, чтобы приехать к Вам в Страстной четверг. Если мы проведем вместе хотя бы неделю, то значительно продвинемся вперед. В апреле нам следует рассчитывать на представление «Валленштейна» и на присутствие мадам Унцельман¹. Хорошо было бы поэтому, если бы мы по возможности поторопились с «Валленштейном», чтобы с помощью как этой трагедии, так и этой очаровательной маленькой женщины сумели показать ряд интересных спектаклей и привлечь внимание иностранцев, которые могли бы здесь оказаться. Будьте здоровы. В «Ахиллеиде» уже обоснованы пять песен, а из первой написано 180 гекзаметров. Я добился этого благодаря совершенно особой решимости и диететике, а поскольку начало удалось, то за продолжение можно не опасаться. Если только Вы поможете нам с «Пропилеями», то нынешний год обещает немало хорошего.

Г.

Веймар, 16 марта 1799 года.

588. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 17 марта 1799 года

При сем следует наконец работа — в том виде, какой удалось ей придать при нынешних обстоятельствах. Быть может, отдельным ее частям недостает известной законченности, однако для театрально-трагедийных целей она,

как мне кажется, завершена в достаточной мере. Если Вы найдете, что теперь это действительно трагедия, что главные требования чувства соблюдены, что главные запреты разума и любопытства удовлетворены, судьбы разрешены, а единство основного впечатления достигнуто, то я буду чрезвычайно рад.

Оставляю на Ваше усмотрение вопрос о том, следует ли заканчивать четвертый акт монологом Тэклы (что было бы для меня желательнее) или же двумя небольшими сценами, которые следуют за ним и, возможно, необходимы для полного разрешения этого эпизода¹. Будьте так добры отправить рукопись обратно с тем расчетом, чтобы она снова оказалась у меня *не позднее* завтрашнего дня, то есть в понедельник, в семь часов вечера, и распорядитесь написать на пакете, когда был отправлен посыльный.

Все остальное — при встрече. Сердечно поздравляю Вас с успехами в работе над «Ахиллеидой», желанными вдвойне, ибо тут Вы убедились вдобавок на опыте, насколько Ваш замысел влияет на Ваше настроение.

Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания. Мы с великим нетерпением ждем Вас на праздники.

Ш.

Воскресенье, вечер.

589 ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

От всего сердца поздравляю Вас с завершением труда; он показался мне вполне законченным, хотя я смог лишь бегло просмотреть его в скверное и суматошное утро. Пьеса в достаточной мере обеспечена тем, что необходимо для театрального успеха; новые мотивы, которых я еще не знал, очень хороши и целесообразны.

Если Вы сможете впоследствии несколько сократить «Пикколомини», то обе пьесы окажутся бесценным подарком для немецкой сцены, и их будут играть в течение многих лет. Разумеется, последняя пьеса обладает тем великим преимуществом, что здесь все перестает быть политическим и становится просто человеческим и даже историческое оказывается лишь легкой дымкой, сквозь которую проглядывает чисто человеческое. Ничто здесь не служит помехой или препятствием для воздействия на дух.

В любом случае я бы завершил четвертый акт монологом принцессы. То, как она уедет, всегда можно будет предоставить воображению зрителей. Вероятно, хорошо было бы впоследствии вывести шталмейстера уже в первой пьесе.

Завершение целого посредством оглашения адреса на пакете¹ действительно производит ужасающее впечатление, в особенности из-за той чувствительности, которая до этого овладевает зрителем. Это, пожалуй, единственный случай, когда можно закончить ужасающим моментом после того, как исчерпано все, что может возбудить страх и сострадание.

Я ничего не скажу более — кроме того, что радуюсь возможности совместного наслаждения этим произведением. Я все еще надеюсь выехать в четверг. В среду вечером Вы будете знать об этом со всей определенностью; мы прочтем пьесу вместе, и я смогу тогда порадоваться ей в должной обстановке.

Будьте здоровы, отдохайте теперь, и пусть для нас обоих начнется после праздников новая жизнь. Кланяйтесь Вашей милой жене и не забывайте меня.

Что же касается работы, к которой меня принудили музы, то мне здесь рано еще торжествовать, и вообще весьма сомнительно, годится ли она на что-нибудь; однако в любом случае ее можно будет счесть хотя бы подготовительным наброском.

Г.

[Веймар, 18 марта 1799 года.]

590. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 19 марта 1799 года

Я давно уже страшился того мгновения, когда расстанусь со своей работой, хотя и страстно мечтал о нем; в самом деле, я переносу нынешнюю свободу куда хуже, чем прежнее рабство. Вся эта громада, которая до сих пор притягивала и прочно удерживала меня, теперь разом исчезла, и мне чудится, будто я бесцельно парю в безвоздушном пространстве. А в то же время у меня возникает ощущение полной невозможности опять создать что-либо в будущем, так что я не успокоюсь до тех пор, пока с надеждой и пристрастием вновь не устремлю свои мысли к определенному предмету. Как только у меня опять появится цель, я освобожусь от того смяте-

ния, которое не позволяет мне взяться теперь за менее значительные работы. Когда Вы будете здесь, я предложу на Ваше рассмотрение несколько трагических сюжетов, которые являются плодом свободного воображения,— с тем чтобы не совершить промах с самого начала, при выборе предмета. Пристрастие и необходимость влекут меня к вымышленному, а не историческому, и к чисто человеческому, исполненному страстей сюжету; солдатами, героями и властителями я сыт теперь по горло.

Как завидую я нынешней Вашей непосредственной деятельности! Вы стоите на самой чистой и самой возвышенной поэтической почве, в том прекраснейшем мире сложившихся образов, где все уже создано и где все нужно создавать заново. Вы словно бы обитаете в доме самой поэзии, где Вам прислуживают боги. Недавно я снова взялся за Гомера и с бесконечным наслаждением прочитал сцену, когда Фетида посещает Вулкана¹. В прелестной картине самого обыденного визита, в описании мастерской ремесленника есть что-то вечное в сюжете и в форме, а наивность придает всему содержанию отпечаток божественного.

То, что Вы надеетесь или по крайней мере считаете возможным закончить «Ахиллеиду» уже этой осенью, представляется мне чем-то непостижимым (хоть я и успел уже убедиться, как быстро Вы работаете), в особенности же по той причине, что в апреле Вы вообще не собираетесь притрагиваться к работе. В самом деле, мне очень жаль, что Вам придется потерять этот месяц, но, быть может, Вы сохраните свое эпическое настроение и тогда уж не позволяйте театральным заботам отвлекать Вас. Что касается «Валленштейна», то тут я, разумеется, с радостью облегчу Вам бремя в той мере, в какой это окажется возможным.

На днях Имхоф прислала мне две последние песни своей поэмы², доставившие мне очень большую радость. Здесь все развивается изящно и естественно, при помощи простых средств и с необычайной привлекательностью. Когда Вы приедете, мы обсудим их.

Возвращаю Вам «Пикколомини» и прошу прислать мне взамен «Лагерь Валленштейна», который я тоже должен отдать в переписку, чтобы послать наконец Кёрнеру все три пьесы вместе.

Ящик с крупой был затребован неким господином Мейером от Вашего имени и передан ему. Вы уже получили его?

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания. Завтра я надеюсь получить известие о том, что в четверг нам удастся увидеть Вас.

Ш.

591. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

На этих днях мы по-прежнему много занимались «Валленштейном». Профессор Мейер также прочитал его и испытал при этом великое наслаждение.

Я не могу порицать то, что Вы, берясь за новую работу, испытываете склонность к самостоятельно придуманному сюжету; более того, опыт подсказывает, что Вы несравненно лучше чувствуете себя при более свободной работе. Мне не терпится услышать, куда именно устремлены теперь Ваши мысли.

Мейер наговорил мне много хорошего о поэме Имхоф. Я должен только радоваться, что наши дамы, обладающие столь милыми талантами, действительно могут еще и совершенствоваться.

Завтра я выеду рано поутру и буду у Вас уже в полдень; мне придется использовать все мое искусство в вопросах диететики, чтобы создать что-либо на этот раз. Если Вы также решитесь теперь взяться за какую-нибудь новую работу, которая будет полностью исходить от Вас и соответствовать как Вашим наклонностям, так и Вашему таланту, то на лето мы обеспечены.

Ящикек благополучно прибыл. Кланяйтесь Вашей милой жене. На этот раз я испытываю какую-то совершенно особую радость при мысли о том, что вскоре снова буду вместе с Вами смотреть на текущие мимо воды Мельничного ручья.

Г.

Веймар, 20 марта 1799 года.

592. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сегодня утром я добрался до речи Минервы¹, а поскольку она, по сути дела, открывает собой следующий раздел, то я хотел бы предъявить Вам сегодня всю сделанную работу. Я приду к Вам в половине первого,

прочитаю все до обеда, а после обеда откланяюсь ввиду необходимости снарядить нарочного, — вопрос в том, угоден ли Вам такой распорядок.

Будьте здоровы. До встречи на берегу Геллеспонта.

Г.

[Иена,] 26 марта 1799 года.

593. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам первую песнь¹, поскольку собираюсь сделать небольшой перерыв с тем, чтобы особо обдумать мотивы, которые предстоит теперь разработать; посылаю Вам рукопись, чтобы Вы сами прочитали ее и отчетливее восприняли все это. Я весьма воодушевлен этой работой и прошу Вас о продолжительной поддержке.

Г.

Иена, 2 апреля 1799 года.

Я хотел бы послать сегодня «Лагерь Валленштейна» в Веймар.

594. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 2 апреля 1799 года]

Ваша посылка приятно поразила меня; песнь я прочитаю и изучу со всей внимательностью.

«Лагерь Валленштейна» будет вручен сегодня вечером. Надеюсь вскоре увидеть Вас и поделиться с Вами впечатлениями от прочитанного.

Ш.

595. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 26 апреля 1799 года

Волнения, которые я испытал в Веймаре, и по сей день живы во мне, так что я никак не могу обрести покой. Тем временем я занялся историей правления королевы Елизаветы и начал изучать процесс Марии Стюарт¹. Здесь тотчас же обнаружилось несколько трагических мотивов, внушивших мне значительное доверие к этому сюжету, в котором, бесспорно, есть очень много благодарных моментов. Он кажется особенно подходящим для еврипидовского метода, состоящего в самом полном изображении душевного состояния, ибо я усматриваю здесь возможность опустить весь ход процесса со

всей политикой и начать трагедию с приговора. Но об этом при встрече и после того, как мои мысли обретут большую определенность.

Здесь мы застали весну не в большем расцвете, чем в Веймаре, и только изгороди из кустов крыжовника в Мельничной долине встретили нас зеленью.

Будьте так добры взять для меня в библиотеке книги² согласно прилагаемым распискам и отправить их с посылкой. Кэмдена я уже взял, но забыл оставить расписку. Я был бы очень рад, если бы Вы сумели раздобыть для меня «Исторический календарь» Гентца (он имеется, в частности, в собрании герцога), в котором есть жизнеописание Марии Стюарт.

Простите, что причиняю Вам эти хлопоты.

Еще раз сердечное спасибо за все то хорошее, что я испытал в Веймаре у Вас и благодаря Вам. Не задерживайтесь, пожалуйста, и приезжайте к нам 1 мая, я уже написал об этом Котте.

Моя жена шлет Вам сердечнейший поклон. Будьте здоровы. Множество поклонов Мейеру.

Ш.

596. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сейчас я стараюсь лишь освободиться от дел, чтобы иметь возможность уехать в среду.

Следующий номер «Пропилей» уже печатается, и я посылаю в типографию первую половину «Коллекционера»¹, хотя вторая находится еще *in limbo patrum* *. Надеюсь, впрочем, что стоит нам только вновь оказаться вместе, как я быстро произведу на свет и ее. Я придумал легкий и надежный способ выйти из затруднений. Меня радует, что Вы с доверием относитесь к Марии Стюарт. Уже при самом общем знакомстве сюжет этот кажется содержащим многое из того, что спсобно оказать трагическое воздействие. Прилагаю книги²; мне не терпится узнать о последующем детальном развитии Ваших идей.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене; я радуюсь мысли о нашем близком свидании — в ту пору, когда весна вступит наконец в свои права.

Г.

Веймар, 27 апреля 1799 года.

* в родительском лоне (латин.).

597. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поздравляю Вас с прекрасным днем после переезда при сырой погоде; я повторю свои поздравления сегодня вечером при встрече.

Шестое письмо¹, прилагаемое к сему, я посылаю таким, каким оно получилось. В этом виде оно может сойти лишь за эскиз; чтобы сделать его более достойным, нужно приложить усилия, на которые я сейчас неспособен. Поэтому взгляните на него вот с какой стороны: не содержит ли оно чего-нибудь, противоречащего своему назначению, пусть даже оно и не может полностью соответствовать этому назначению.

Г.

[Иена,] 11 мая 1799 года.

598. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 11 мая 1799 года

Ваша рукопись дарует мне приятное и желанное занятие, которому я посвящу сегодня после полудня первые спокойные часы после суматохи переезда. Вчерашняя погода, разумеется, не была к нам благосклонной, да и сегодняшняя не слишком отрадна, и все же я рад тому, что теперь мы можем наслаждаться на открытом воздухе первыми же теплыми днями.

Приходите сегодня вечером чуть пораньше, если только Вам не захочется дожидаться прихода наших философов¹.

Ш.

599. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Господин Лейзринг забрал с собой роль первого егеря¹; пришлите мне, пожалуйста, рукопись, чтобы я смог восполнить убыль.

Сегодняшний праздник² все же оказал на меня некоторое духовное воздействие; восьмое письмо закончено, так что забота эта уже позади.

Сообщите мне, как обстоят сейчас дела у Вас и у Вашей милой жены и смогу ли я встретиться с Вами сегодня вечером.

Г.

[Иена,] 12 мая 1799 года.

600. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 12 мая 1799 года]

Поздравляю Вас с духовным приобретением. Много достигнуто благодаря тому, что теперь и это уже позади. Сегодня дух еще не пожелал снизойти на меня, хотя я искал его на всех тропинках моего сада и проявил при этом немало изобретательности.

Моя жена чувствует себя сегодня довольно сносно; она сердечно Вам кланяется. Мы сегодня совершенно свободны и ждем Вас. Прилагаю к сему нечто философское¹ в качестве десерта.

Ш.

601. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 29 мая 1799 года

За те два дня, что прошли со времени Вашего отъезда, я продолжал прилежно заниматься начатым делом и надеюсь, что установившаяся погода также будет способствовать моим усилиям. Когда я подвожу итоги нашего последнего свидания, то нахожу, что размышления наши вновь были полезными, хотя и не непосредственно продуктивными; в особенности идея о необходимости разграничения природы и искусства представлялась мне все более значимой и плодотворной всякий раз, когда мы возвращались к этому предмету, и я советую Вам самым основательным образом исходить и из нее в статье о дилетантизме¹.

Теперь я ожидаю скорого возвращения плана этой статьи, переписанного набело и обогащенного новыми наблюдениями, и надеюсь, что близость Авроры и Геспера² позволит Вам пролить очень много света на эту материю.

Вчера я случайно наткнулся на жизнеописание Христиана Томазиуса³, которое очень развлекло меня. Здесь перед нами предстает любопытное высвобождение человека с умом и энергией из пут педантизма своей эпохи, и хотя его образ действий сам еще довольно педантичен, однако его можно назвать — в противовес его современникам — философски и даже эстетически мыслящим человеком. Он использовал то средство, которое и Вы считаете самым действенным: он постоянно беспокоил своих противников одним быстрым ударом за другим; он был автором первого журнала, носившего назва-

ние «Ежемесячные беседы», в котором отважно нападал на каждое произведение своих противников, теологов и философов-аристотеликов, — в сатирическом духе и с сатирическими гравюрами перед каждой статьей. Он первым решился писать научные сочинения и на немецком языке; одно из них, об изящных манерах и о том, что именно следует перенять немцам у французов, мне любопытно было бы прочитать, и я уже начал наводить справки о нем.

Вероятно, Вы уже разузнали что-либо относительно фрейлейн Имхоф и ее сочинения⁴ и попробуете внушить ей то, о чем Вы недавно говорили?

Моя жена шлет Вам сердечный поклон. Нам очень недостает Вас, и я никак не могу привыкнуть к тому, что вечера мои проходят без бесед. Множество поклонов Мейеру.

Будьте здоровы.

Ш.

602. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Разлука наша, которую я тоже ощущаю всегда очень чувствительно, на этот раз дает мне повод завидовать Вам, ибо Вы остались в своем кругу и на своем пути — и, следовательно, можете с уверенностью двигаться дальше, тогда как при нынешнем моем положении какое-либо продвижение вперед — дело весьма сомнительное. Хотя вечерами я превосходно сознаю, что нечто совершено, однако совершиться это могло и без моего участия и, вероятно, целиком и полностью по-иному.

Я теперь стремлюсь только наилучшим образом выполнять мой долг во всем, а также позаботиться о том, чтобы мое пребывание здесь оказалось в какой-то мере полезным для наших особых целей.

Я получил от нашей приятельницы первую песню поэмы, однако, к сожалению, все те *gravamina* *, о которых я Вам уже говорил, сохраняют здесь полную силу. Здесь совершенно отсутствует ретардация, из-за чего все теснится и давит друг на друга, и в поэме вообще нет покоя и ясности, что и ощущается при чтении. Во всей песне не обозначено ни одного раздела, однако их и в самом деле трудно наметить; очень длинные периоды

* претензии (итал.).

скорее запутывают изложение, чем придают ему изящество посредством определенной завершенности. Здесь встречается немало сомнительных парентез и связок, слова зачастую переставляются вне зависимости от нужд эпоса, использование причастий не всегда удачно. Я постараюсь сделать все возможное, тем более что не слишком высоко ценю свои здешние часы.

Вообще же, однако, наши исследования в области дилетантизма поставят нас, как я предвижу, в совершенно особое положение, ибо невозможно отчетливо рассмотреть его проявления, не проникнувшись нетерпимостью и неприязнью к ним. Пока что весьма сомнительно, смогу ли я прислать или вручить Вам значительно расширенный план этой статьи.

То, что я узнавал о Христиане Томазиусе, всегда меня привлекало. Его светлая и глубокая натура очень располагает к себе. Я наведу справки о том сочинении, о котором Вы пишете.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Прилагаю несколько строк от Мейера.

Г.

Веймар, 29 мая 1799 года.

603. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 31 мая 1799 года

Я вполне понимаю то, что поэма нашей дилетантки доставляет Вам тем меньше радости, чем детальнее Вы ее рассматриваете. Ибо дилетантизм особенно проявляется еще и в том, что поскольку он исходит из ложного принципа, то и не может создать ничего такого, что не было бы ложно в целом, а поэтому здесь нельзя оказать и какой-либо существенной помощи. Меня утешает то, что мы ведь можем сослаться на дилетантское происхождение этого произведения и что проявляемая нами терпимость служит лишь свидетельством нашей гуманности и нисколько не компрометирует наш отзыв. Самое скверное здесь состоит в том, что это причиняет Вам хлопоты и неудовольствие; между тем Вы должны рассматривать подобную работу как *sectionem cadavris** для надобностей науки; поскольку этот практический случай окажется не совсем лишним при нынешней теоретической работе.

* рассечение трупа (латин.).

Мне же на этих днях доставили не так уж много радости произведения совершенно иного рода, принадлежащие мастеру в искусстве, хотя, разумеется, никакого беспокойства я не испытывал, поскольку мне за них не отвечать. Я прочитал корнелевские «Родогуну», «Помпея» и «Полиевкта» — и поразился поистине огромным недостатком этих произведений, похвалу которым я слышу вот уже двадцать лет. Интрига, композиция, характеры, нравы, язык — все здесь (и даже сами стихи) чрезвычайно уязвимо, и оправдать это варварским состоянием только что начавшего зарождаться искусства никак нельзя. Ибо здесь неприятен не только ложный вкус, который так часто встречается и в самых глубоких произведениях, если они были созданы в грубую эпоху. Речь идет о скудости замысла, односторонности и сухости в трактовке характеров, холодности в воплощении страстей, неубедительности и натянутости в развитии действия и недостатке интереса почти на всем протяжении пьесы. Женские характеры — жалкие карикатуры, и только героические моменты разработаны, на мой взгляд, удачно, хотя и этот, сам по себе не слишком богатый ингредиент, использован здесь однообразно.

Расин несравненно ближе к совершенству, хотя ему присущи все дурные черты французской манеры и в целом он несколько легковесен. Теперь я испытываю подлинный и очень сильный интерес к трагедиям Вольтера, ибо, судя по его критике Корнеля, он очень ясно осознавал недостатки последнего.

Разумеется, порицать легче, чем создавать. Я тут же вспоминаю мою собственную работу¹, все еще слишком бесформенную. Знали бы только глубокомысленные критики и легкомысленные дилетанты, каких трудов стоит создать порядочное произведение!

Будьте так добры прислать мне с посылкой «Пикколомини» и «Валленштейна». Коцебу² попросил их у меня, и я обещал, потому что мне легче оказать ему эту любезность, чем прийти к нему с визитом или на ужин.

Множество поклонов Мейеру. Его письмо я отослал Бёттигеру.

Будьте здоровы и радуйтесь теперешним живительным дождям.

604. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

С поэмой дело идет уже лучше — с тех пор, как я серьезно поработал над первой песней и обдумал в деталях, чем тут можно помочь. Кроме того, вчера вечером состоялось совещание об этом у госпожи фон Вольцоген, и наши подруги, кажется, не слишком ужаснулись моим ригористическим требованиям, так что я могу надеяться на завершение дела согласно нашим желаниям.

Герцог отбыл вчера в Эйзенах и Кассель, и мне почти удастся теперь ограничиваться пределами своего тихого жилища. Я жду, что дарует мне следующая неделя, и рад буду уже тому, если смогу закончить хотя бы некоторые подготовительные работы. Да проистечет нечто для Вашего творения из неких глубинных источников!

Вы получите при сем всех трех Валленштейнов. О себе же могу сказать только то, что я должен теперь приводить дела в порядок, наверстывать упущенное, давать поручения и исправлять ошибки. Впрочем, все идет пока вполне сносно, а если не принимать дело слишком всерьез, то и разумно. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 1 июня 1799 года.

605. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 4 июня 1799 года

Прилагаю к сему статью Кёрнера о «Валленштейне»¹. Однако в нынешнем своем виде она не может быть использована, поскольку он предпочел не утруждать себя и предоставил слово поэту, вместо того чтобы говорить самому, то есть предложил публике согласно этому методу разодранное на клочки произведение. Такое еще сошло бы, будь пьеса уже напечатана, но сейчас это нарушит мои планы. По счастью, с отправкой статьи можно несколько повременить, и, думаю, Вы согласитесь со мной, что раз уж статью ждали так долго, то отправить ее можно после четвертого представления «Валленштейна»². До тех пор я успею заняться работой Кёрнера, усилю в ней повествовательный элемент за счет драматического и вставлю еще несколько пояснений, касающихся всего в целом.

Поскольку план первых актов «Марии» уже приведен в порядок, а в последних осталось уточнить лишь один-

единственный пункт, то я не смог удержаться и тотчас же приступил к работе, чтобы не терять времени. Еще до того, как я займусь вторым актом, в последних актах все должно стать для меня ясным. Таким образом, сегодня, 4 июня, я с радостью и удовольствием приступил к этому труду и надеюсь еще до конца этого месяца одолеть значительную часть экспозиции.

То, что Вы написали мне относительно «Сестер с Лесбоса», чрезвычайно меня утешило. Моя свояченица тоже написала мне об этой встрече и никак не могла нахвалиться тем, как многому она научилась при этом.

В те часы, которые мы обычно проводили вместе, я читаю теперь Лессингову «Драматургию»³, которая и в самом деле чрезвычайно обогащает и занимает меня. Нет никакого сомнения в том, что Лессинг лучше всех своих немецких современников разбирался в искусстве, необычайно глубоко, а в то же время необычайно свободно размышлял о нем и чрезвычайно твердо осознавал, что здесь самое существенное. Если читать только его, то действительно можно было бы поверить, что лучшая пора художественного вкуса в Германии уже позади, ибо лишь немногие из нынешних суждений об искусстве могут быть поставлены в один ряд с суждениями Лессинга.

Правда ли, будто прусская королева не пожелала посмотреть «Валленштейна» в Берлине, чтобы сперва познакомиться с ним в Веймаре?

Сообщите нам, пожалуйста, добралась ли госпожа Ля Рош до Османштедта⁴. Мою жену тоже интересует это.

Прошу Вас также распорядиться вернуть мне через Вульпиуса перечень посылаемых мною книг⁵ вместе с каталогом распродажи, если экземпляр его еще можно раздобыть.

Будьте здоровы и наслаждайтесь нынешними приятными днями.

Ш.

606. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поздравляю Вас с началом работы над новой пьесой. Коль скоро план ее продуман надлежащим образом, то исполнение, сочетающееся с развитием замысла, сулит столь великие преимущества, что пренебрегать ими не следует.

Кёрнер действительно слишком упростил себе задачу: вместо докладной записки он прислал краткое изложение дела. Вероятно, Вы успели уже немного поразмыслить над статьей; после четвертого представления «Валленштейна» она может быть отправлена.

Король и королева¹ не посмотрели «Валленштейна» в Берлине, чтобы и в самом деле, как передают, выказать любезность по отношению к герцогу, которого они запросили о выборе пьесы, и получили его согласие на эту трагедию.

Что же касается меня, то я могу спасти себя от уныния лишь благодаря полнейшему безразличию, поскольку о возможности непосредственной работы сейчас нечего и думать. Время проходит бесцельно из-за множества дел, и я рассчитываю на лучшие дни только в июле.

Тем временем «Сестры с Лесбоса» несколько продвинулись вперед. Меня очень радует, что первое совещание закончилось к обоюдному удовлетворению; это полезно не только для данного случая, но и для следующих.

Госпожа де Ля Рош еще не прибыла; по слухам, она отложила свою поездку. Быть может, гроза рассеется, и нам не придется прибегнуть к громоотводу из Лобеда² ради собственного спасения.

Из последнего номера «Меркурия» Вы с изумлением и не без досады узнаете, в каком невыносимом ослеплении присоединяется старый Виланд к преждевременному триумфу «Метакритики»³. Утверждают же христиане, что в ту ночь, когда родился Христос, онемели все древние оракулы; точно так же апостолы и адепты нового философского евангелия уверяют теперь, что в час рождения метакритики кенигсбергский старец не просто оцепенел на своем треножнике, но даже пал ниц, подобно Дагону⁴. Ни один из идолов, воздвигнутых в его честь, не устоял, и недалеко уже то время, когда будет сочтено необходимым и естественным истребить всех друзей Канта, как тех упрямых служителей Ваала.

Что же касается самой сути дела, то я не вижу доброго предзнаменования в том, что люди верят в необходимость таких горячих и тем не менее ничуть не обоснованных рекомендаций.

Возвращаю Вам и письмо Гумбольдта⁵.

Можете ли Вы удовлетворить ходатайство господи-

на фон Фрича⁶, которое он излагает в прилагаемой записке?

Посылаю печатный экземпляр каталога. Раздел с Вашими книгами выделен двумя красными чертами.

Прошу Вас позаботиться о пересылке пакета Гуффеланду.

Сегодня вечером мне захотелось, чтобы Вы смогли посмотреть представление «Театральных приключений»⁷; спектакль, разумеется, будет просто превосходным, поскольку он должен служить генеральной репетицией к представлению, которое дадут для короля. Вчера и позавчера я с удовольствием побывал на репетициях и при этом снова сделал следующее наблюдение: насколько же нужно поддерживать связь, практику и навыки в каком-либо виде искусства, чтобы мало-мальски наслаждаться его творениями и тем более хоть как-то судить о них. Я уже часто замечал, что после долгого перерыва должен снова привыкать к музыке и к изобразительному искусству, чтобы обрести способность с первого же мгновения воспринимать в них что-либо.

Будьте здоровы и готовьте мне прекрасную встречу своим усердным трудом.

Г.

Веймар, 5 июня 1799 года.

607. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 7 июня 1799 года

На сегодня — лишь два слова, поскольку я надеюсь увидеть Вас завтра. Если ничто не помешает, я, как и обещал Лодеру, присоединюсь к обществу, которое он пригласил в Бельведер.

Доом оставил нам копию своего сообщения относительно раштаттской истории¹, которое дало мне повод к различным размышлениям. Между прочим, заметили ли Вы поразительное противоречие там, где в отчете о смерти Роберго две совершенно противоположные версии основываются на показаниях одного и того же камердинера? При столь торжественно возглашаемой точности подобное упущение выглядит довольно странно, и я никак не могу объяснить себе это.

За прошедшие два дня я нисколько не продвинулся в своей работе: вчера у меня весь день были визитеры, а сегодня я должен отправить множество писем.

Боюсь, что шум, поднятый Виландом по поводу книги Гердера, окажет совершенно иное действие, чем то, на которое он рассчитывает. Мы можем с полным спокойствием ждать начала этой комедии, которая обещает быть довольно пестрой и шумной, и занять свои места в качестве невозмутимых зрителей. Развлечение она доставит, конечно. Мне хотелось бы, чтобы Котта опубликовал во «Всеобщей газете» или Бёттигер послал туда все то, что Виланд еще может сказать по этому поводу, иначе это не получит достаточно широкого распространения.

Пусть господин фон Фрич перепишет из роли Граффа² то место, которое ему нужно (вероятно, для какого-то альбома). Я ничего не имею против.

Будьте здоровы. Меня радует возможность видеть Вас в течение нескольких часов.

Ш.

608. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 11 июня 1799 года

Мы вполне благополучно добрались тогда домой, однако я убедился при этом на опыте, что восьмичасовая тряска в экипаже и беспокойство, проистекающее от постоянного пребывания на людях в течение трех четвертей дня, представляют собой слишком сильное испытание для меня, поскольку мне понадобилось два дня, чтобы полностью восстановить свои силы.

Вообще же я вот уже несколько дней наслаждаюсь при этой прекрасной погоде в моем садовом павильончике столь удачным и благоприятным настроением, что от всего сердца разделил бы его с Вами. Хотя работа и движется очень медленно, поскольку я сейчас закладываю основу для всего в целом, а в самом начале чрезвычайно важно ничего не испортить, тем не менее я твердо надеюсь, что нахожусь на верном пути.

Если бы я не потерял слишком много времени, я бы, пожалуй, попытался посмотреть пьесу, которую будут давать завтра в Веймаре¹. При моих нынешних занятиях (как, впрочем, и при обычных обстоятельствах, вероятно), посещение спектакля, когда идет новая историческая пьеса, могло бы оказать на меня полезное воздействие. Мысль написать драму на этот сюжет кажется мне недурной. Здесь есть уже то значительное преимущество, что действие

сконцентрировано в некоем решающем моменте и должно стремительно двигаться к развязке в колебаниях между страхом и надеждой. Кроме того, сама история уже предлагает здесь великолепные драматические характеры. Пьеса же, по-видимому, не обладает особыми достоинствами, поскольку Вы ничего мне о ней не говорили.

Меллиш вместе со всеми своими приглашен к нам завтра на обед, и это даст нам повод постоянно думать о Вас. Постарайтесь же поскорее приехать сюда хотя бы на день!

Будьте здоровы, на сегодня довольно. Мне не о чем больше писать, потому что за эти дни я не испытал ничего нового и был занят только своей работой.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

609. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 14 июня 1799 года

Вы, как я слышал, провели несколько дней в Россла и уже вернулись в Веймар, в чем, вероятно, не раскаивались из-за вчерашней дурной погоды. Меллиша мы приняли как раз вовремя и насладились вместе с ним очень приятным днем в Иене. Он привез с собой иностранца из кантона Валлис¹, который показался мне довольно осведомленным в немецких делах и который даже рассуждал довольно разумно о новейшей философии (насколько о ней вообще можно говорить по-французски). Между прочим, с ним, по-видимому, связаны какие-то таинственные обстоятельства.

Я слышал на этих днях, что Фихте потребовал от князя Рудольштадтского предоставить ему квартиру в одном из княжеских домов в Рудольштадте, но получил учтивый отказ. Просто непостижимо, каким образом у этого нашего приятеля одна глупость сменяет другую и как неисправим он в своих сумасбродствах. Требовать от князя Рудольштадтского, которому и дела нет до этого бедняги, чтобы он открыто оказал ему покровительство, предоставив квартиру, и тем самым совершенно напрасно скомпрометировал бы себя в глазах всех мыслящих дворов! И что за убогая затея добиваться льготы в виде бесплатного жилища там, где он вообще чувствовал бы себя не на месте!

Хотелось бы, чтобы Вы оказались прилежнее, чем это удалось мне в последние дни. В среду у нас был Меллиш,

в четверг госпожа фон Кальб, так что за эти два дня мало что изменилось. Я все еще сижу над тремя первыми сценами экспозиции и стараюсь заложить твердую основу для дальнейшего.

И в самом деле кажется, что я смогу добиться чего-то в Англии своими пьесами. На протяжении этой недели я получил из Лондона два предложения прислать пьесы в рукописи, и хотя они исходят лишь от книготорговца и переводчика² и пока не сопровождаются какими-либо денежными условиями, однако запросы эти так настоятельны, что я могу рассчитывать здесь на определенные перспективы.

Будьте так добры прислать мне Эсхила: я снова испытываю потребность заняться чем-нибудь греческо-трагедийным.

Будьте здоровы и постарайтесь поскорее приехать сюда хотя бы на день.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

610. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Второе Ваше милое письмо¹ я также получил в Россла, где вынужден задержаться еще на несколько дней из-за различных дел. Я охотнее бы занимался ими, если бы мог разом покончить со всем, а затем в течение длительного времени не думать об этом. Мне нравится вникать в деревенские и полевые заботы и вспоминать о давнем, тогда как новое само настигает меня.

Мне хочется поскорее увидеть Вас. В среду я надеюсь написать Вам подробнее из Веймара. Я конспектировал многое из того, что за это время приходило мне в голову.

Если бы мой Spiritus не был занят перепиской реестров, то я бы наскоро продиктовал кое-что; для моего же пера даже начало слишком обширно, поскольку я должен повести речь издали. Кроме того, тут есть вещи не для письма. Будьте здоровы в Вашем полуночье, постепенно продвигайтесь вперед в работе и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Россла, 15 июня 1799 года.

Мы сегодня топили печи!

611. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 июня 1799 года

Мне было очень приятно увидеть вновь после необыкновенно долгого перерыва строчки, написанные Вашей рукой. Нам сказали здесь, будто Вы вернулись в Веймар, чтобы составить компанию министру Гаугвицу, которого привез с собой герцог. Тем лучше для Вас, что Вы смогли провести это время с большей пользой. Разумеется, я пожелал бы Вам лучшей погоды, ибо и здесь было так холодно, что нам пришлось вернуться к теплой печке.

Этим летом словно бы все оказалось в заговоре против моих трудов. Примерно через неделю я жду приезда из Мейнингена моей сестры с зятем, библиотекарем Рейнвальдом; я с удовольствием доставлю сестре это развлечение, но что мне делать с зятем, ума не приложу, и он, вероятно, окажется для меня тяжелой обузой в течение целой недели.

При таких обстоятельствах я, разумеется, не смогу закончить первый акт до Вашего приезда сюда, как предполагал ранее. Пока что, впрочем, дело постоянно двигалось вперед, и *nulla dies sine linea* *. Уже сейчас, при исполнении своего замысла, я все больше и больше убеждаюсь в подлинно *трагических* свойствах этого сюжета; особенно важно здесь то, что катастрофа ощущается с первых же сцен, и хотя действие пьесы отклоняется в сторону, в действительности же оно все ближе и ближе подводится к развязке. Таким образом, в страхе Аристотеля здесь не будет недостатка, и для сострадания также найдется место¹.

Моя Мария не должна возбуждать жалости к себе, это не входит в мои намерения; я собираюсь постоянно показывать ее земную суть, патетическое же выразится здесь скорее в общем глубоком волнении, нежели в личном и индивидуальном сочувствии. Мария не испытывает ни к кому нежных чувств и не вызывает их, ее судьба — переживать и воспламенять лишь сильные страсти. Только кормилица чувствует к ней нежность.

Но мне лучше работать и выполнять свой замысел, чем пространно рассказывать Вам заранее, что именно я собираюсь делать.

Здесь говорят, будто Фос получил приглашение в Петербург, которое он хочет принять². Было бы очень жаль потерять его, хотя его здоровье не позволяет особенно на

* ни дня без строчки (*латин.*).

него рассчитывать. Трудно будет тотчас же найти ему замену.

Будьте здоровы и сообщите мне завтра, что Вы снова в Веймаре. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Передайте, пожалуйста, Мейеру мой дружеский поклон и скажите, что в субботу я отвечу ему и верну рисунки³.

Будьте здоровы.

Ш.

612. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Охотно признаюсь Вам, что любая потеря времени все сильнее и сильнее тревожит меня, и я ношусь с самыми причудливыми проектами спасения хотя бы нескольких месяцев этого года для поэзии, хотя из этого едва ли что выйдет. Внешние обстоятельства определяют наше бытие и в то же время губят его; будем надеяться, однако, что выход найдется, ибо совершенно изолировать себя так, как это сделал Виланд, тоже нецелесообразно.

Мне очень хотелось бы, чтобы Вы по возможности продвигали работу вперед. В первое время, когда сама идея еще обладает для нас новизной, дело всегда идет живее и быстрее.

Приеду ли я в конце этого месяца или нет, сказать пока не могу. Принц¹ перебрался в мой дом, да и все вокруг выглядит довольно спокойно — так, словно бы мы здесь готовимся ко всевозможным испытаниям, а не к приему короля.

Чтобы не проводить время в совершенной праздности, я навел порядок в моем темном чулане и собираюсь сделать некоторые опыты, повторить кое-какие из прежних, а в особенности посмотреть, смогу ли я добиться чего-нибудь с так называемой дифракцией света. Вчера я в обществе Мейера сделал занятное открытие. Вам известны, вероятно, рассказы о том, что определенные цветы летом в вечернюю пору словно бы поблескивают или излучают мгновенный свет. Я никогда прежде не наблюдал подобный феномен; вчера же вечером мы весьма отчетливо видели его благодаря цветам восточного мака, выделяющегося среди всех других своим ярко-красным цветом. При тщательном исследовании обнаружилось, что это — физиологический феномен и что мнимое поблескивание представляет собой образ цветка в дополнительном интенсивном светло-зеленом цвете. Ни один цветок, если прямо смотреть на

него, не обнаруживает это явление; если же смотреть искоса, подобное мгновенное двойное явление возникает тотчас же. Нужны сумерки, чтобы глаз вполне отдохнул и был восприимчив, но не слишком глубокие, чтобы красный цвет сохранил всю свою интенсивность. Я надеюсь, что опыт можно будет с полным успехом повторить при помощи цветной бумаги, и хочу тщательно зафиксировать все его предпосылки; впрочем, феномен и в самом деле весьма обманчив².

Прилагаю «Коллекционера»³; хотелось бы, чтобы эта шутка, которая теперь полностью закончена, снова развлекла Вас. Вспоминайте при этом те благие часы, когда мы задумывали ее.

Это правда, что Фос собирается уйти, однако я сошлюсь на контракт, который сохраняет силу еще в течение двух лет.

Будьте здоровы и используйте как можно лучше те две недели, которые остались до нашей новой встречи. Буду рад, если смогу привезти с собой хоть что-нибудь. Тем временем я начал пить пирмонтскую воду. Кланяйтесь Вашей милой жене и отрекомендуйте ей мою Юлию⁴.

Г.

Веймар, 19 июня 1799 года.

613. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 20 июня 1799 года

Француз¹, который недавно побывал у нас вместе с Меллишем и который сегодня вновь нанес мне визит, лишил меня времени и настроения, необходимых для того, чтобы высказать Вам сегодня в связи с номером «Пропилей»² все то, что мне хотелось бы.

В нынешнем своем виде он показался мне еще более изобильным и одухотворенным, чем прежде при чтении по частям; в качестве живого и естественного итога длительных исследований и раздумий он должен оказать удивительное воздействие на любого сколько-нибудь восприимчивого человека. Содержание здесь необозримо прежде всего потому, что очень многие значительные моменты затронуты лишь слегка, лишь мимоходом.

Изображение персонажей и представителей искусства чрезвычайно удалось еще и потому, что среди комических посетителей ни один не подходит под ту условную схему,

которая приведена в конце. Нечего и упоминать о том, что благодаря этому маленький роман выигрывает в поэтическом отношении в том, что касается изобилия и истинности, а в философском отношении благодаря этому еще и исчерпывается весь круг, который содержится в трех классах ложного, несовершенного и совершенного.

Последние высказывания, которых я еще не знал, чрезвычайно удачны и вплоть до самого конца сохраняют дух живого остроумия.

Притом я не сомневаюсь, что этот номер «Пропилей» наделает много шума и снова напомнит о ксениях.

Моя жена, которая сердечно Вам кланяется, наслаждалась жизнерадостностью, царящей здесь; особенно ей понравился визит иностранца.

Будьте здоровы, на сегодня довольно. Радуйтесь хорошей погоде, которой я тоже обязан удачным и плодотворным настроением.

Ш.

614. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Меня радует то, что Вы нашли возможным сказать столько хорошего о «Коллекционере». Насколько велико было Ваше участие в том, что касается его содержания и формы, Вы сами знаете; однако я не располагал должным временем и настроением для работы, отчего и опасался, что все в целом не будет достаточно привлекательным. При большем досуге можно было бы также чуть подсластить острые моменты. Быть может, впрочем, целое только выигрывает от этой эскизной манеры. Но мы и сами здесь выиграли многое: мы кое-чему научились, мы позабавились, мы наделали шума, а нынешний номер «Пропилей» привлечет к себе, конечно, вдвое больше читателей, чем предыдущие. Но истинная польза, по сути, обнаружится только в будущем. Основание заложено хорошее, и я прошу Вас очень серьезно обдумать все это. Мейеру идея пришла по душе, и тут следует ожидать весьма значительных результатов. Предварительно же могу сказать Вам лишь вот что.

Все художники нового времени¹ принадлежат к классу *несовершенных* и, следовательно, в той или иной мере подпадают под отдельные рубрики. Не далее как вчера, например, Мейер к величайшему своему удовольствию обнаружил, что Джулио Романо принадлежит к *эскизникам*. Мейер никак не мог вполне уяснить себе характер этого

художника, сколько ни изучал его, однако теперь он полагает, что благодаря такому определению разрешится вся загадка; если теперь отнести Микеланджело к *фантомистам*, Корреджо — к *ундулистам*, Рафаэля — к *характерникам*, то подобные рубрики обретут необыкновенную глубину, ибо они позволят увидеть этих исключительных людей в их ограниченности, а в то же время воздать им должное как королям или высшим представителям указанных разрядов. *Подражателями*, пожалуй, останутся немцы, *небулистов* же в древнем искусстве нет вообще, зато характерным примером тут может послужить Эзер. Кто помешает нам разработать продолжение «Коллекционера», если мы как следует обдумаем еще этот предмет? Эта работа всегда будет привлекать нас, ибо в ней самой весьма основательно сочетаются художественные требования серьезности и игры.

Но каков бы ни был «Коллекционер» и какое бы воздействие он ни оказал, все же работа о *дилетантизме* должна обрести гораздо большую широту. Она чрезвычайно важна, и от обстоятельств и случая будет зависеть, в каком виде она в конце концов воплотится. Я очень хотел бы придать и ей поэтическую форму, чтобы воздействие ее имело отчасти более универсальный, отчасти более доступный характер. Ибо только теперь, когда мы столь серьезно обдумали явление и нашли для него имя, я с ужасом вижу, насколько погрязли в дилетантизме художники, предприниматели, перекупщики, покупатели и любители во всех видах искусства. Нам следует еще раз со всею тщательностью изучить нашу схему, чтобы быть уверенными во всем содержании, а затем подождать, не укажет ли нам счастливый случай ту форму, к которой мы прибегнем. Если мы когда-нибудь откроем наши шлюзы, то начнется бешеная распря, потому что мы целиком затопим ту самую прелестную долину, в которой так уютно обосновались пачкуны. Поскольку же основной чертой пачкунов является *неисправимость*, а в наше время — еще и одержимость каким-то совершенно скотским чванством, то они начнут вопить, что у них губят все сооружения, а когда вода схлынет, примутся, подобно муравьям после ливня, восстанавливать все в прежнем виде. Но это им не поможет, суд над ними должен свершиться. Нам остается только хорошенько заполнить водой наши запруды, а затем разом прорвать плотины. Великий же это будет потоп!

Вчера мы видели новые гравюры халкографического общества². Уму непостижимо, какой пачкотней они начинают заниматься, а уж чванство учредителей просто абсурдно. Неудачен уже сам выбор произведений, по которым изготавливаются гравюры, и способ гравирования выбран неправильный. Ни того, ни другого они, разумеется, не понимают, а когда уже не могут утаить от себя своих промахов, то радуются тому, что проявили бережливость,— ведь дурные оригиналы ничего не стоят.

Вот так и я принимал на днях одного поэта-дилетанта³, который довел бы меня до отчаяния, если бы я не нашел в себе сил взглянуть на него с естественноисторической точки зрения, чтобы составить себе вполне наглядное представление об этой породе.

Но довольно на сегодня. Теперь нам не остается ничего другого, как по-прежнему идти по раз навсегда избранному пути и не сбиваться с него. Я использую свои дни как только могу и продвигаю вперед на доске хотя бы отдельные камешки. Занимайтесь и Вы тем же до нашего радостного свидания. Кланяйтесь Вашей милой жене и поблагодарите ее за участие, которое она проявляет к нашей последней работе. Я же иду навстречу тому, что сулит мне остаток дня.

Г.

Веймар, 22 июня 1799 года.

615. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 25 июня 1799 года

Боюсь, что из этих нескольких строк Вы узнаете лишь, как тяжело мне сейчас приходится. Зять с сестрой¹ уже здесь; он трудолюбивый и довольно дельный филистер лет шестидесяти из провинциального городка, подавленный и ограниченный в силу определенных житейских обстоятельств, и к тому же угнетенный ипохондрией, однако достаточно сведущий по части новых языков и немецкой лингвистики, а также некоторых областей литературы. Вы можете себе представить, как мало у нас общих тем для разговора и в каком скверном настроении нахожусь я во время тех немногих разговоров, которые мы ведем. Самое худшее то, что я нашел в нем представителя отнюдь не малочисленного и не столь уж презренного класса читателей и ценителей,— ведь у себя в Мейнингене, где он служит библиотекарем, он, должно быть, еще один из лучших. Этот

закостенелый и ограниченный способ представления может привести в отчаяние, если ждать от него чего-либо.

Между тем этот визит, который продлится до воскресенья, отнимает у меня большую часть времени и все мои надежды на ближайшие дни, так что мне придется просто вычеркнуть эту неделю из жизни.

Меня и в самом деле интересует, какое воздействие окажет «Коллекционер». Если надежд строить и насаждать остается не так уж много, то и в возможности только топить и разрушать есть все-таки некоторый смысл. Единственный вид отношения к публике, о котором никому не придется сожалеть, представляет собой состояние войны, и я всецело стою за то, чтобы и с дилетантизмом боролась всякого рода оружием. Эстетическое обличье (примерно такое, как у «Коллекционера») обеспечило бы, разумеется, статье более радушный прием у мыслящих читателей, однако немцам нужно говорить правду без всяких прикрас, почему я полагаю, что серьезность должна преобладать здесь даже и во внешнем обличье. Быть может, в сатирах Свифта найдутся образцы формы, пригодной для этого случая, либо же тут нужно будет пойти по стопам Гердера² и призвать дух Пантагрюэля.

Вероятно, я сам доведу своих гостей в воскресенье до следующей за Веймаром станции и останусь там дня на два, причем надеюсь, что смогу все же, несмотря на суматоху³, повидаться с Вами хотя бы несколько часов. Меня тоже сердечно радует предстоящее нам здесь свидание.

Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания. Пока что будьте здоровы.

Ш.

616. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я не получил сегодня письма от Вас и поэтому едва смог уверить себя в том, что нынешний день — среда. Лишь бы задержка эта не была вызвана какими-либо неприятными причинами! Что касается меня, то я хотя бы шевелюсь, раз уж не могу двигаться.

Я велел собрать воедино свои небольшие стихотворения, благодаря чему должен возникнуть занятный сборник¹.

По этому случаю я перечитал Вашего «Ныряльщика», который вновь доставил мне необыкновенное удовольствие, и даже, кажется, еще большее, чем прежде.

Явления упомянутой дифракции наблюдались и сегодня, при ясном солнечном свете.

Легко сказать: наблюдения должны быть тщательными! Я не в силах упрекнуть человека, если он, найдя какое-либо гипотетическое объяснение, оставит в стороне ряд явлений. В данном случае я хочу собрать воедино и использовать все, что только у меня есть, да это и необходимо. Но я уже ясно вижу, что речь идет, пожалуй, о последних узлах, еще связывающих меня, и когда я распутаю их, то обрету, вероятно, блаженнейшую свободу овладения целым.

Будьте здоровы и деятельны.

Г.

Веймар, 26 июня 1799 года.

617. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 26 июня 1799 года

Беспечность посыльной, не забравшей вчера мое письмо, послужила причиной того, что сегодня Вы ничего не получили. Не успел я получить Ваше письмо, как мне вернули мое.

Сегодня прибыло письмо от Унгера, в котором, однако, нет ни слова в ответ на мой намек относительно собрания Ваших стихотворений. Вероятно, он написал непосредственно Вам. Что же касается моего предложения издавать собрание немецких пьес¹ так, чтобы ежегодно выпускалось десять пьес со статьями о них, то он воспринял его с удовольствием и собирается выплачивать гонорар в сто каролинов за эти десять пьес и отзывы о них, если такое собрание будет издаваться нами. Мы очень легко смогли бы заслужить этот гонорар, обсудив при встрече весь критический раздел, выполнив его за 10—15 вечеров и заработав за каждый отзыв триста талеров.

После долгого ожидания я получил наконец из Берлина известия о «Валленштейне». Его сыграли там в первый раз 17 мая, то есть четырьмя неделями позже, чем в Веймаре. Унгер очень хвалит и спектакль и тот прием, который публика оказала пьесе. Кроме того, один берлинский писака² уже успел пространно высказаться на этот счет в «Анналах прусского королевства» и хотя очень высоко оценил пьесу, но в то же время надергал из нее цитат совершенно à la Бёттигер и нашпиговал ими свою статью.

Будьте здоровы. Нам предстоит завтра визит к Меллишу; жаль, что Вы не сможете тоже побывать у него. Желаю успеха в занятиях оптикой. Пока Вам удастся еще делать что-то в этой области, время, проведенное в Веймаре, будет приносить пользу.

Ш.

618. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 28 июня 1799 года

Сегодня я ограничусь лишь словами привета, — вечером я жду гостей, а в воскресенье, вероятно, увижусь с Вами. Неделя эта прошла почти без событий, хотя она была не совсем бесплодной. Тем серьезнее нужно будет использовать ближайшие три месяца, которые, надеюсь, окажутся полезными и для Вас. Как только Вы снова покинете Веймар, добрый дух сойдет на Вас, даже если Вы уединитесь где-нибудь в глуши Тюрингенского леса или в каком-либо замке.

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

619. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Так как я надеюсь увидеть Вас завтра, то этот листок тоже послужит лишь для слов привета. Если Вы решитесь остаться у нас, то можно было бы быстро подготовить постель, с тем чтобы Вы остановились у меня и перетерпели бы вместе с нами оба дня королевского визита. Я мечтаю о том, чтобы июль оказался более благоприятным для наших желаний и целей, чем завершающийся месяц, и просто жажду побеседовать с Вами о некоторых предметах.

Будьте и Вы здоровы.

Г.

Веймар, 29 июня 1799 года.

620. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 июля 1799 года

По возвращении в Иену я обнаружил письмо от Котты, в котором он выражает беспокойство по поводу письма к Вам относительно «Пропилей»¹. То, что он пишет о сбыте журнала, просто поразительно и показывает ту

часть немецкой публики, которая занимается и интересуется искусством, с еще более жалкой стороны, чем можно было бы предполагать при самых худших ожиданиях. Поскольку нет никаких оснований сомневаться в порядочности Котты, то, разумеется, о продолжении издания нечего и думать, потому что сбыт должен быть в три раза выше, чем теперь, чтобы Котта не терпел убытка. И хотя можно ожидать, что последний номер привлечет большее число покупателей, однако холодность публики по отношению к предыдущему номеру и то совершенно невообразимое скудоумие, которое она проявила по этому случаю, не позволяют надеяться, что даже этот номер спасет положение, на что вообще можно было бы рассчитывать. Я просто не могу думать обо всем этом, чтобы кровь не бросилась мне в голову, потому что никогда еще у меня не возникало столь низкого представления о немецкой публике. Но теперь уже ничему удивляться не приходится, и если спокойно поразмыслить и сравнить, то, к сожалению, все очень легко объяснимо.

Не могу и не хочу писать сегодня о чем-либо еще, да и сообщить мне Вам почти нечего. Жара сегодня просто невыносима, она досаждаст мне так, что я ощущаю полную свою неспособность к какой-либо удачной мысли, а к тому же я не спал две ночи.

Я забыл спросить Вас в прошлый раз, кому я должен был послать записку относительно цены книг, предназначенных для аукциона², и поэтому попрошу Вас передать ее в соответствующую инстанцию вместе с двумя забытыми томами Монтеские. Указанные в записке цены — самые низкие, ниже которых я книг не уступлю; однако в том случае, если аукционер оценит какую-либо книгу выше, чем я назначил, то следующую он может продать дешевле, лишь бы общая сумма сошлась.

Завтра я надеюсь узнать, когда мы можем ждать Вас. Я просто тоскую по более длительному общению. Множество приветов Мейеру. Моя жена сердечно Вам кланяется. Будьте здоровы и деятельны.

Ш.

621. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хотя сегодня я не могу еще сказать, когда приеду, однако я почти уже покончил со всеми делами и надеюсь, что задержусь здесь ненадолго.

Я не хотел отравлять краткие мгновения нашего последнего свидания той историей, которая теперь произвела и на Вас неприятное впечатление¹. Между тем дело обстоит столь естественно, что удивляться тут нечему. Ибо неизвестное целое приходится оценивать по известным его составным частям. При встрече мы подробно обсудим, что следует предпринять.

О книгах и списке позаботятся. Пришлите, пожалуйста, Кирмсу «Лагерь Валленштейна» и «Пикколомини» как можно скорее. «Валленштейна» принц мне вернул. Мы очень хотим сыграть эти пьесы несколько раз в Лаухштедте². Суфлер поручился *ad protocollum* *, что будет всеми силами охранять пьесы.

В это жаркое время года Ваш садовый домик, конечно, очень плохо защищен от солнечных лучей и горячего воздуха; я мечтаю о скорейшем наступлении дождей и приятной прохлады, но более всего о том, чтобы поскорее оказаться вблизи от Вас. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 5 июля 1799 года.

622. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 июля 1799 года

Очевидно, придворный казначей уже поведал Вам свои горести и изложил те условия, на которых я могу разрешить ему сыграть мои пьесы в Лаухштедте. Едва ли все это доставило бы ему большое удовольствие, однако я вынужден был настоять на этом возмещении, чтобы ради удобства жителей Галле и Лейпцига, которые смогут увидеть мои пьесы в Лаухштедте, не потерпеть ущерба при соглашении с Опитцом. Любопытство публики — вот единственное, на что еще можно надеяться, а когда оно иссякает, рассчитывать больше не на что. Впрочем, я настаиваю непременно на участии в доходах от спектаклей, меня удовлетворит любой вариант, который будет одинаково удобен для театра и для меня. Кроме того, я высказал пожелание относительно замещения роли Тэк-лы¹, которое, несомненно, встретит Ваше одобрение, и надеюсь таким образом отклонить возможные притязания со стороны другой актрисы.

* записью в протоколе (латин.).

Вообще же я не слишком продвинулся вперед со дня возвращения из Веймара: сильная жара скверно действует и на мое настроение, и на мое здоровье, и хотя небо уже много раз предвещало непогоду, однако дождь пока еще не освежил нас, и трава в моем саду вся словно выжжена.

Мне очень хочется узнать, что Вы решите относительно «Пропилей». Тщательно обдумав все и приняв во внимание денежные потери Котты, я считаю наилучшим выходом попытку немного ускорить работу над статьей с тем, чтобы не задерживать первые номера. При надлежащей заботе о том, чего по преимуществу жаждет и ищет публика, это, думается мне, не обернется промахом. Вы могли бы, вероятно, поначалу сократить тираж, чтобы уменьшить издержки, снизить гонорары и попытаться добиться для журнала большей известности с помощью газет и других листков. Я слишком быстро утратил надежду при первых размышлениях, а ведь уступать поле боя столь поспешно не годится. Если Вы смогли бы включить сюда что-нибудь из «Фауста», то это привело бы ко многим хорошим последствиям. Пятый номер выйдет не раньше конца года, и я смогу, вероятно, дать в него что-нибудь из «Марии», благодаря чему литературная часть, которая всегда находит наибольшее число любителей, получит некоторый перевес. Нам следует совместно обсудить все это хорошенько, непоколебимое упорство позволит нам, вероятно, выиграть в конце концов эту тяжбу. Будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

623. ГЕТЕ ШИЛЛЕРУ

К сожалению, мне приходится сообщить Вам в этой записке, что я пока не могу приехать. Его светлость герцог убежден в том, что мое присутствие окажется полезным для дворцового строительства, и я должен чтить это убеждение, внутренне не разделяя его. К тому же здесь найдется, конечно, немало дел, требующих труда и забот, так что время это я смогу если не использовать, то хотя бы провести. Я выпиваю свою порцию пирмонтской воды и вообще делаю все, что мне предписано. Да будут благосклонны к Вам музы, чтобы, когда я в конце концов приеду к Вам, застать Вашу работу сильно продвинувшейся вперед. Поскорее дайте мне знать о себе, чтобы обод-

рить меня возможностью хотя бы письменного общения с Вами, на что сегодня у меня нет ни настроения, ни темы. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 9 июля 1799 года.

624. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вы очень хорошо сделали, что в создавшихся условиях предъявили некоторые требования¹, которые с радостью будут выполнены как нашим общим, обычно столь экономным другом, так и мной. Люди настолько привыкли принимать подарки муз в качестве дара небес, что полагают, будто поэт должен относиться к публике так, как боги относятся к нему. Вообще же у меня есть основания полагать, что здесь Вас ждут некоторые радости и в другом отношении.

Что же касается «Пропилей», то я полностью согласен с Вашим мнением. Автор, составитель и издатель кажутся мне равно заинтересованными в том, чтобы издание *не прекращалось*. Сокращение тиража, уменьшение гонорара, скорейший выпуск следующих номеров — вот, по-видимому, первое, на что нужно решиться. А затем следует обдумать и предпринять дальнейшие шаги. Это как случай с потерянной стрелой, вслед за которой посылают другую; но нельзя, разумеется, требовать от издателя, чтобы риск приходился лишь на его долю.

Но теперь уже я надеюсь очень скоро оказаться у Вас, равно как надеюсь на дождь в наших краях: чтобы все ожило как во мне, так и вне меня.

Пока будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 10 июля 1799 года.

625. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 июля 1799 года

Привилегии, которые Вы столь дружески предоставили мне¹, действуют на мое маленькое домашнее хозяйство так же отраднo и благотворно, как освежающе и живительно подействовал на нашу долину дождь, начавшийся позавчера. Меня радует и сговорчивость придворного казначея, поскольку она служит свидетельством того, что он не без приязни относится к моему театральному даро-

ванию. Мы знаем уже и о том, что нас ждет прекрасное изделие из серебра в качестве подарка от правящей герцогини². Поэтов всегда следовало бы лишь награждать подарками, а не оплачивать; существует некое родство между удачными мыслями и дарами удачи: и те и другие падают с неба.

Я внимательно прочитал сейчас статьи об академиях и школах живописи³ и получил большое удовольствие; я даже не смог оторваться от них до тех пор, пока не дочитал до конца. Они не только задуманы очень верно и практически очень убедительно, но и написаны необыкновенно привлекательно и уже сами по себе непременно обеспечили бы успех «Пропилям», если бы публика не была столь неподатлива. Теперь же мы должны думать в первую очередь о наибольшем распространении и популярности «Пропилей», и во имя этой цели неплохо было бы разослать в нужные места несколько дюжин экземпляров в подарок. Кроме того, когда Вы приедете сюда, мы составим полдюжины объявлений о журнале для газет; Котта найдет, куда их пристроить.

Что же касается моей работы, то хотя она подвигается не слишком быстро, но зато с некоторых пор безостановочно. Необходимая экспозиция процесса и судебной процедуры пока еще обнаруживает тенденцию к сухости (не говоря уже о том, что такие вещи мне незнакомы), однако я надеюсь преодолеть ее, не затратив много времени, а обойтись без всего этого нельзя. «История Англии» Рапэн-Тойра⁴, которую я читаю для этой работы, очень хорошо влияет на меня, поскольку помогает живо удерживать в воображении особенности английского быта и характера.

Хоть бы и Вы теперь поскорее оказались здесь! Даже мой сад, в котором цветут розы и лилии, порадовал бы Вас.

Будьте здоровы и кланяйтесь Мейеру. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

626. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сегодня лишь несколько слов! Эти дни снова заполнены одними хлопотами. Из-за тех обстоятельств, которые возникли у нас теперь, необходимо ускорить дворцовое строительство. Чтобы дать первый импульс и привести все

в соответствие с новым, более коротким сроком, мне потребуется еще одна-две недели, так что я не увижу Вас, вероятно, до начала августа. И сегодня я посылаю Вам мимолетные слова приветия только как приложение к пакету ¹.

Г.

Веймар, 13 июля 1799 года.

627. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 15 июля 1799 года

Какой-то злой дух торжествует надо всеми Вашими наилучшими намерениями и надеждами в это лето, начавшееся так удачно, в особенности после счастливого избавления от «Альманаха Муз», — а к тому же некоторые люди даже не в состоянии осознать, какова та жертва, которую Вы приносите. Но если только Вы действительно отделаетесь от всего за две недели и освободитесь на длительное время, то еще есть надежда, что свершится нечто значительное.

Ваше долгое отсутствие приводит к тому, что и я не получаю никаких импульсов извне и занимаюсь одной лишь своей работой. С философами, как Вы знаете, в наши дни можно только играть в карты, а с поэтами, как я слышал, только в *кегли* ¹. Ибо говорят, что Коцебу, который уже отбыл отсюда, наслаждался здесь лишь этим видом светских развлечений.

Пошлите, пожалуйста, как можно скорее один экземпляр «Пропилей» в *Берлин*, чтобы наделать там шуму еще до того, как журнал доберется до тамошних книжных лавок. В самом деле, необходимо провоцировать возражения в печати, если они не появляются сами по себе, ибо самый надежный путь — играть на людском злорадстве. По той же причине неплохо было бы, чтобы уже и в той статье, которая делается для Поссельта ², сочинение о коллекционере изображалось как нечто полемическое.

Удалось ли Вам за это время продолжить свои размышления о дилетантизме ³? Я испытываю тоску по импульсу такого рода и охотно внес бы сюда свою долю мыслей, если бы располагал всей совокупностью собранного материала. Если заметки переписаны, а Вы в них не нуждаетесь, пришлите их, пожалуйста, мне.

Вы, вероятно, знаете, что здешний почтмейстер Беккер собирается положить конец почтовой деятельности по-

сылных, которые смогут теперь принимать лишь письма (что легко делать втайне), но не пакеты. Ах, если бы можно было воскресить их давний промысел! Этот Беккер — жалкий субъект, и дело тут не только в его кознях в качестве почтмейстера, но и в том, что он — злобствующий представитель местного низшего сословия, поскольку он вынашивает планы всяческих бесчинств и беспутных выходов.

Будьте здоровы и постарайтесь за обе оставшиеся недели июля по возможности упорядочить еще некоторые заметки о дилетантизме.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

628. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В тех обстоятельствах, в которых я нахожусь теперь, самое лучшее — быть убежденным в том, что мое присутствие способствует всему происходящему, и даже если мысль о том, что я необходим здесь, является всего лишь иллюзией, она все же приносит некоторую пользу. Обо всем прочем, будь то поэзия или литература, естественная история или философия, нечего и думать, и мои надежды обращены к началу августа, когда я рассчитываю вновь увидеться с Вами. До этого, надеюсь, будут приведены в порядок и дела с моим владением в Россла, где мне еще осталось получить ленные права и все, что с этим связано¹.

Мадам Ля Рош действительно прибыла в Османштедт, а поскольку я нахожусь сейчас в подавленном состоянии, то и не нуждаюсь в содействии бедоносной бургомистерши², чтобы обставить ее визит надлежащим образом.

Вообще же, как уже было сказано, за это время не произошло ничего нового, отрадного и утешительного, так что я вынужден закончить и это письмо, не вложив в него хоть какое-то содержание.

Будьте здоровы, не отступайте от своей работы и готовьте мне тем самым прекрасную встречу. Множество поклонов Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 17 июля 1799 года.

629. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 19 июля 1799 года

Несколько часов тому назад у меня просто голова пошла кругом из-за шлегелевской «Люцинды»¹, и я до сих

пор не могу прийти в себя. Вам нужно познакомиться с этим изделием хотя бы любопытства ради. Как всякое повествование, оно характеризует своего создателя (причем лучше, чем все сотворенное им прежде), но только обрисовывает его, скорее, в карикатурном виде. Все та же вечная бесформенность и фрагментарность — и настолько причудливое сочетание *небулистского* с *характерным*, что Вы никогда не смогли бы представить себе нечто подобное. Поскольку Шлегель чувствует, как плохо преуспевает он в поэтической сфере, то и составляет себе идеал из *любви* и *остроумия*. Он воображает, будто может соединить способность к пылкой беспредельной любви с необыкновенным остроумием и, утвердившись на этой стезе, позволяет себе все, и даже объявляет дерзость своим кумиром².

Разумеется, прочитать это творение целиком невозможно: слишком уж отвращает пустая болтовня. После греческих родомонтад Шлегеля³ и после того, как он потратил столько времени на изучение античности, я надеялся, что хоть какая-нибудь малость здесь вызовет в памяти простоту и наивность древних, однако сочинение это является апогеем современной аморфности и неестественности, и кажется, словно читаешь какую-то мешанину из «Вольдемара»⁴, «Штернбальда»⁵ и непристойного французского романа.

Вчера, как я слышал, веймарские дамы и господа преподнесли нам новый материал для статьи о дилетантизме, поскольку там открылся любительский театр. Друзей среди них мы найдем, естественно, немного, однако иенцы смогут утешиться тем, что приговор и здесь будет беспристрастным.

Вы найдете законченным всего лишь один акт «Марии Стюарт»; этот акт стоил мне немало времени и потребует еще неделю по той причине, что я должен был выстоять в поэтическом состязании с историческим материалом и приложить все усилия к тому, чтобы воображение обрело свободу и возвысилось над историей, из которой я старался вместе с тем извлечь все, что представлялось мне пригодным. Следующие акты должны, как я надеюсь, пойти скорее, а к тому же они гораздо короче.

Вы, значит, не нуждаетесь в бедствии из Лобеда? Тем хуже, чуть было не сказал я. Такое общение с приятельницей преклонного возраста дурно отражается на моем

настроении, ибо теперь я особенно чувствителен ко всему, что подавляет и ограничивает.

Прошу Вас передать прилагаемую книгу Вульпиусу. Будьте здоровы.

Моя жена Вам кланяется. Август вчера побывал у нас ⁶.

Ш.

630. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Благодарю Вас за то, что Вы помогли мне составить более точное представление о диковинном создании Шлегеля; я уже слышал немало толков о нем. Все читают его, все бранятся, однако уяснить, в чем же, собственно, состоит дело, невозможно. Если эта книга попадется мне когда-нибудь, я тоже перелистаю ее.

Мы вновь пережили на этих днях ужасы дилетантизма, которые тем отвратительнее, что люди порой довольно мило валяют дурака, как только осознают, что это не возбраняется. Просто невероятно, однако, как из-за одной такой попытки все светские развлечения, которые вообще мало чего стоят, приобретают пустой, плоский и эгоистический характер, а всякий подлинный интерес к произведениям искусства уничтожается из-за этих легкомысленных имитаций.

Впрочем, этот опыт, подобно некоторым другим в иных сферах, подтверждает мое убеждение: нам не остается ничего иного, как сосредоточиться в самих себе, чтобы создавать одно приемлемое произведение за другим. Все прочее — от лукавого.

Поэтому поздравляю Вас с первым актом, надеюсь поскорее прибыть к Вам снова и не могу расстаться с надеждой, что остаток лета еще окажется плодотворным и для меня. Будьте здоровы. Август был очень рад возможности снова увидеться с Карлом, а также с Эрнстом, о котором он много рассказывает.

Г.

Веймар, 20 июля 1799 года.

631. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 24 июля 1799 года

Я слышал, что Вы находитесь в Россла¹, из чего к великой своей радости заключаю, что близится Ваш

приезд сюда. Когда мы оказываемся вместе, мое бытие также приобретает совершенно иной масштаб, ибо Вам всегда удастся вывести меня во внешний мир и на простор; когда же я остаюсь в одиночестве, то замыкаюсь в себе.

Тик из Берлина посетил Вас², и мне очень хочется узнать, как он понравился Вам теперь, когда Вы побеседовали с ним подольше. Мне он показался довольно приятным человеком; хотя речи его лишены особой силы, однако они тонки, разумны и значительны, а к тому же в них нет ни кокетства, ни нескромности. Я весьма рекомендовал ему испанскую литературу, раз уж он связался с «Дон Кихотом»³, поскольку она даст ему обильный материал и при его склонности к фантастическому и романтическому должна прийти к нему по душе. Там он будет в своей сфере, и его привлекательное дарование окажет более плодотворное и широкое воздействие.

Меллиш прислал мне из своей крепости⁴ «Всеобщую газету» с несколькими фрагментами из «Пикколомини», переведенными в ямбах, которые — если только они вполне в духе английского языка — хорошо передают мысли и особенности стиля. Он хочет перевести все, если это принесет и ему и мне надлежащую прибыль, и поэтому написал уже Шеридану⁵.

К концу этой недели я рассчитываю полностью справиться с первым актом «Марии». Разумеется, я уже должен был бы продвинуться гораздо дальше, однако нынешний месяц оказался для меня менее благоприятным, нежели предыдущий. Буду рад, если мне удастся привезти в город третий акт.

Гроза из Османштедта, по-видимому, не разразится. По крайней мере я слышал, что родственников Ля Рош, которые живут здесь, пригласили туда повидаться с нею.

Когда Вы вернетесь в Веймар, передайте, пожалуйста, Гедике всю законченную часть поэмы Имхоф и укажите ему в качестве образца альманах на 1797 и 1798 годы — с той лишь разницей, что на каждой странице следует печатать только девять гекзаметров, а перед каждой песней оставлять пустым один лист, на котором должно быть обозначено, какая это песнь по счету. Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Ш.

632. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Теперь я могу надеяться на то, что скоро приеду к Вам; уехать отсюда мне удастся, вероятно, в субботу или в воскресенье. С госпожой де Ля Рош я виделся дважды, сначала в Тифурте, потом в Османштедте, и нашел ее точно такой же, какой она была двадцать лет назад. Она принадлежит к числу натур, готовых нивелировать все: она возвышает низменное и принижает выдающееся, а затем приправляет целое своим соусом по вкусу; можно, впрочем, сказать, что в ее разговоре встречаются интересные пассажи.

Тик обедал у меня со Шлегелем¹ и Гарденбергом²; на первый взгляд он представляется вполне приемлемой личностью. Он говорил мало, но хорошо и вообще произвел здесь на всех очень приятное впечатление.

Завтра я даю большой обед, а затем начинаю готовиться к отъезду.

Гедике должен получить две первые песни до того, как я уеду. Я прошелся по ним еще раз, работа эта была и остается мучительной. Произведение это напоминает бронзовую статую, которую удачно задумали и хорошо вылепили, однако с отливкой не справились. Чем ближе знакомишься с исполнением, тем больше находится работы. Разумеется, помочь здесь больше нечем, и сделать нужно только то, что доступно. Будьте здоровы. Я надеюсь, что теперь мне не придется уже писать Вам, и радуюсь всем сердцем возможности увидеть вскоре Вас и Вашу милую жену.

Г.

Веймар, 24 июля 1799 года.

633. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я не получил сегодня письма от Вас — по той причине, вероятно, что Вы надеялись на мой приезд; однако я снова вынужден затянуть свою обычную литанию и сообщить Вам, что пока не могу вырваться отсюда. Дела подобны полипам: их можно разрезать на сотню кусков, каждый из которых, однако, снова оживает. Пока что я внутренне смирился с обстоятельствами и пытаюсь использовать остающееся время настолько удачно, насколько это возможно. Однако каждое наблюдение укрепляет меня теперь в намерении устремить свой взор к созданию произведений любого рода и отказаться от всякого теоретизи-

рования. Опыт последних дней вновь убедил меня в том, что вместо подлинных теоретических изысканий любого рода люди прибегают всего лишь к словесным оборотам, чтобы хоть как-то выразить суть того, чем они занимаются. Несколько приезжих, посетивших наше общество, присутствие нашей старой приятельницы и в особенности недавнее основание любительского театра снабдили меня устрашающими примерами всего этого, так что стена, которой я оградил мое бытие, должна теперь вырасти еще на несколько футов.

Внутри же, напротив, дела обстоят отнюдь не плохо. Я еще немного продвинулся вперед во всех своих штуках и замыслах, благодаря чему сумел по крайней мере поддержать активную внутреннюю жизнь, так что Вы найдете меня в хорошем расположении духа и в деятельном настроении.

Я подумывал было о том, чтобы приехать к Вам хотя бы на день, однако нам это не поможет: ведь нам необходимо теперь некоторое время, чтобы высказаться и чего-то достичь.

Сегодня, как я слышал, Вам угрожает визит отпрысков госпожи Ля Рош? ¹ Мне очень хотелось бы узнать, как все это произойдет. Что же касается меня, то я чинно пребывал в своей среде; позабавьтесь же тем беспредельным огорчением, которое в этих обстоятельствах испытывал Мейер, поскольку такие диковинные и, позволю себе сказать, неестественные явления весьма свежо и обновляюще действуют на его чистый дух.

Чтобы и на этот раз не оказаться с пустыми руками, прилагаю к сему два своеобразных творения ²; одно из них, вероятно, сильнее развлечет Вас.

Будьте здоровы, не забывайте обо мне и сообщайте мне о своем здоровье и трудах.

Г.

Веймар, 27 июля 1799 года.

634. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 30 июля 1799 года

В субботу я был твердо уверен в Вашем приезде и поэтому отменил даже философский клуб ¹, чтобы без помех провести с Вами первый вечер. Тем сильнее огор-

чился я, когда Ваше письмо разбило мои надежды и снова отодвинуло их осуществление на самый неопределенный срок.

Мне теперь не остается ничего иного, как углубиться в работу на все это время, раз уж я лишен общения с Вами. Я уже всерьез занят вторым актом моей царственной лицедейки. Первый переписан и ждет Вашего приезда.

Вы совершенно правы в том, что лучше показывать людей, воздерживаясь при этом от теоретических рассуждений. Теоретическое служит предпосылкой практическому и тем самым уже является высшим звеном в цепи. Представляется также, что здесь требуется бóльшая самостоятельность воображения, чем для восприятия подлинных достоинств произведения искусства, в котором поэт и художник приходят на помощь ленивой или неразвитой фантазии слушателя и зрителя, создавая чувственные образы.

Нельзя также отрицать, что большинство людей ощущает правильное, чем рассуждает. Ошибки начинаются только вместе с размышлением. Я даже припоминаю довольно многих наших друзей, одобрения которых по поводу моих работ я не стыдился, но в то же время тщательно остерегался требовать у них отчета в их чувствах.

Будь это не так, кто смог бы выступить с произведением, которым он удовлетворен? И все же художнику и поэту не удастся совладать с подобным стремлением.

Обе дамы действительно нанесли мне на днях визит², и для них я оказался дома. Младшая весьма недурна собой, ее не портит даже то, что она косит. Они утешили меня, сообщив, что страх перед «Улиткой»³ удержит, вероятно, бабушку от приезда сюда. Они много рассказывали об изысканном обеде у Вас. Я с нетерпением жду отчета Мейера обо всех этих явлениях.

Моя жена сердечно Вам кланяется. Она тоже переживает кризис⁴, только на свой лад, и опередит меня на несколько месяцев. Будьте здоровы, и да соединит поскорее нас какой-нибудь добрый дух.

Я забыл написать Вам о недавно присланных вещах. Произведение Якоби я еще не посмотрел как следует, поэма же довольно забавна, и в ней есть очаровательные пассажи.

635. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Просто превосходно, что в то время, как сам я способен лишь восхвалять и рекомендовать продуктивность, Вам я могу принести двойные поздравления. И да сопутствует обоим кризисам полная удача!

Я мог предположить, что *Парни* доставит Вам удовольствие. Он находит в сюжете множество весьма удачных и остроумных мотивов и воплощает их довольно живо и привлекательно. Он только, как мне представляется, не преуспел в расположении и градации мотивов, отчего целому недостает единства. И мне кажется, что внешняя цель, то есть стремление втоптать в грязь христианско-католическую религию, выражается здесь более откровенно, чем это приличествует поэту. Возникает даже такое чувство, словно книжечка эта была спешно заказана ревнителями веры.

Разумеется, эти и подобные материи годятся скорее для комической, нежели для серьезной эпопеи. «Потерянный рай», который случайно попался мне на днях, послужил поводом для поразительных наблюдений. И в этой поэме, как во всех произведениях искусства нового времени, речь идет, по сути дела, об индивидууме, который утверждает себя благодаря тому, что вызывает интерес. Сам предмет здесь отвратителен — внешне он приемлем, внутри же источен червями и пуст. За исключением немногих естественных и энергичных мотивов вся эта часть оставляет ощущение вялости и фальши, что довольно прискорбно. Но, разумеется, человек, который ведет это повествование, интересен сам по себе; ему нельзя отказать в характере, чувстве, разуме, познаниях, поэтическом и ораторском дарованиях, а также во многих других достоинствах. Даже та особенность, что автор, будучи неудачливым революционером, лучше чувствует себя в роли дьявола, нежели ангела, оказывает большое воздействие на план и композицию поэмы, а то обстоятельство, что он слеп — на ее стиль и колорит. Произведение это навсегда останется единственным в своем роде, и, как уже было сказано, насколько в нем недостает искусства, настолько же в нем торжествует природа.

Среди прочих размышлений об этом предмете я вынужден был также задуматься о *свободе воли*, что обычно не так-то часто занимает мои мысли; в поэме она — так же, как и в христианской религии, — играет скверную

роль. Ибо если считать человека добрым по природе, то свобода воли оборачивается неумной возможностью уклониться от выбора добра и тем самым превратить себя в *грешника*; если же считать, что человек естественно зол или, точнее говоря, что он в силу своей животной природы неизбежно следует своим наклонностям, то тогда, разумеется, свобода воли выступает как некий благородный персонаж, который в силу *своей* природы берет на себя смелость бороться с природой. Отсюда ясно следует также, почему Кант непременно должен был додуматься до некоего радикального зла и почему те философы, которые находят человека столь очаровательным по природе, так плохо справляются с понятием свободы и так ожесточенно сопротивляются, когда при них не слишком высоко оценивают благие поступки, совершаемые по внутренней склонности. Но все это, впрочем, следует отложить до устной беседы — так же, как изъяснения Рейнхольда относительно атеизма Фихте¹.

Я уже начал читать «Письмо к Лафатеру», посвященное этому. Изложение Рейнхольда вообще представляется мне психологически весьма поучительным и, как кажется, сводится в конце концов к древнему тезису о том, что каждый творит себе собственного бога, которого никто не может и не должен отнимать у него.

Чтобы избежать шумного соседства, я решил перебраться в сад и дожидаться там приезда герцога² и тайного советника Фойгта, когда надеюсь, я буду избавлен от нынешних своих обязанностей.

Сильно ли способствует одиночество в долине Ильма тому единственному, что необходимо, покажет время.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене. Наша будущая встреча окажется тем радостнее, чем дольше мешали ей всевозможные препятствия, ибо за это время каждый из нас пережил много такого, о чем интересно было бы поведать друг другу.

Г.

Веймар, 31 июля 1799 года.

636. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 2 августа 1799 года

Поздравляю Вас с переездом в сад, поскольку жду от этого добрых последствий для продуктивной деятельности. После длительной паузы Вы нуждаетесь лишь

в одиночестве и спокойной сосредоточенности для того, чтобы дух Ваш обрел свободу.

В те дни, когда Вы взялись за поэму Мильтона, я постоянно занимался эпохой, в которую она возникла и которая, собственно, ее породила. Как ни ужасно было это время, а все же оно пробуждало поэтический гений, ибо летописец не преминул вывести в качестве действующих лиц многих прославленных поэтов. В этом отношении та революционная эпоха оказалась плодотворнее французской, которую она во многом напоминает. Пуритане играют примерно ту же роль, что и якобинцы, средства зачастую те же самые, и таков же точно исход борьбы. Такие эпохи словно бы нарочно созданы на пагубу поэзии и искусству, ибо они возбуждают и воспаляют дух, не предоставляя ему объекта. Дух черпает поэтому объекты в себе самом, и убудочным порождением этого оказываются аллегорические, изощренные и мистические картины.

Я уже не помню, как именно выпутывается Мильтон в вопросе о свободе воли, однако кантовское толкование представляется мне чересчур уж монашеским, я никогда не мог с ним примириться. Решающий его довод основывается на том, что человек обладает неким *позитивным влечением* к добру, равно как к чувственному благополучию; таким образом, когда он выбирает зло, то нуждается в некоем *позитивном внутреннем побуждении* ко злу, ибо позитивное не может быть просто вытеснено чем-то негативным. Здесь же два бесконечно разнородных объекта, то есть влечение к добру и влечение к чувственному благополучию, трактуются как тождественные потенции и количества, ибо свободная личность в совершенно одинаковой степени *противопоставляется* обоим этим влечениям и помещается *между* ними.

Слава богу, что мы не призваны разрешать этот вопрос для успокоения рода человеческого и можем неизменно оставаться в сфере явлений. Вообще же эти неясные моменты в природе человека отнюдь не маловажны для поэта (в особенности для трагического поэта), а тем более для оратора, и в изображении страстей они играют довольно существенную роль.

Сообщите мне, пожалуйста, в следующем письме, когда примерно можно ожидать возвращения герцога в Веймар и, следовательно, Вашего приезда сюда. Мне хотелось бы

знать это по той причине, что от этого зависит небольшое путешествие¹, которое мы с женой собираемся предпринять в течение нескольких дней, однако из-за него я не хотел бы терять хотя бы один день Вашего пребывания в Иене.

Жена сердечно благодарит Вас за участие.

Будьте здоровы и поскорее порадуите меня известием о том, что поэтический час пробил.

Ш.

637. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я использую свое уединение в саду главным образом для того, чтобы еще точнее сгруппировать и переписать набело мои небольшие стихотворения, поскольку Унгер просит их теперь для седьмого тома¹. Для такой работы необходимы сосредоточенность, спокойствие и определенное общее настроение. Если мне удастся при этом закончить дюжины две новых стихотворений, чтобы заполнить определенные пробелы и расширить некоторые разделы, которые получаются сейчас слишком скудными, то тут может образоваться довольно привлекательное целое. Однако, когда у меня не находится времени для того, чтобы подумать о публике, я начинаю по меньшей мере столь добросовестно бороться с самим собой, что убеждаюсь хотя бы в том, что должен делать то, чего именно сейчас сделать я не в состоянии. На будущее это должно послужить путеводным знаком.

«Потерянный рай» Мильтона, который я читаю по вечерам, дает мне материал для многих наблюдений, и я надеюсь вскоре изложить их Вам. Основная ошибка Мильтона (не говоря уже о самом выборе сюжета) состоит в том, что он вводит в действие всех своих персонажей — бога, ангела, дьявола, людей — в качестве фигур до некоторой степени безусловных, а затем, чтобы позволить им действовать, вынужден время от времени, в отдельных случаях, придавать им условность, хотя при этом он старается найти для себя оправдание, прибегая к искусным, однако зачастую лишь внешне остроумным средствам. Вообще же здесь все время чувствуется, что поэт — замечательный и во всех отношениях любопытный человек, дух которого способен к возвышенным чувствам, и можно заметить, что при таком положении дела безвкусный сюжет зачастую скорее способствует, нежели пре-

пятствует ему,— для тех же читателей, которые слепо принимают на веру всю эту материю, сюжет должен послужить великим преимуществом поэмы.

Обо всем прочем я пока умолчу, потому что письмо уже должно быть в городе. О том, когда я смогу приехать, мне лучше не говорить, ибо я все еще не могу точно назначить срок. Не отказывайтесь поэтому от Вашего небольшого путешествия. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 3 августа 1799 года.

638: ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 6 августа 1799 года

Я сегодня задержался с моей работой и располагаю теперь временем лишь для того, чтобы послать Вам дружеский привет. Рад был услышать, что Вы приняли за свои стихотворения и что собрание это будет напечатано. Насколько я знаю, раздел посланий и баллад — единственный, в котором у Вас еще нет должного объема, если только Вы не намерены умножить число идиллий. Зато тем обильнее тут будут представлены элегии, эпиграммы и песни. Надеюсь, что Вы не откажетесь от замысла включить в собрание все те песни, которые появились в составе крупных произведений. Это будет обильное и прекрасное собрание, даже если оно и не удовлетворит наивысшие Ваши требования; то, что не произошло сейчас, может произойти в следующий раз, а ведь подобное издание разойдется за три-четыре года.

Я охотно пополнил бы новые альманахи еще некоторыми мелочами, однако у меня совершенно нет соответствующего настроения, ибо работа над драмой исключает любую другую. Что же касается этой работы, то здесь все пока идет своим чередом, и если небольшое путешествие в Рудольштадт, которое я задумал, не слишком сильно отвлечет меня, то я закончу второй акт еще в этом месяце.

Будьте здоровы и благоденствуйте в Вашем уединении. Позавчера Август своим посещением очень порадовал моего малыша. Жена шлет Вам сердечный привет. Возвращаю при сем Парни с глубокой благодарностью.

Ш.

639. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В моем уединении в саду я весьма ревностно продолжаю свою работу¹, и беловая рукопись постепенно увеличивается. Пока что я и сам не могу сказать, каким будет это собрание, тут одно вызывает другое. Мое нынешнее жилище напоминает мне о более простых и темных временах, а сами стихотворения — о различных обстоятельствах и настроениях. Я хочу лишь одного: неспешно выполнять очередное дело и представлять одному следовать за другим.

Наиболее неряшливо в метрическом отношении выполнены эпиграммы², но, по счастью, они легче всего поддаются исправлениям и при этом часто выигрывают в выразительности и смысле. В «Римских элегиях» я устранил много просодических ошибок — и, как надеюсь, удачно. В работах, где присутствует страсть (например, в «Алексисе и Доре»), сделать это уже труднее, и все же следует посмотреть, насколько далеко тут можно будет зайти, а Вы, мой друг, вынесете окончательное решение. Когда осуществляешь хотя бы частичные улучшения, то выказываешь некоторую способность к совершенствованию, равно как и уважение к успехам в просодии, в которых нельзя отказать Фоссу и его школе.

Вообще же это собрание, если оно удастся, окажется для меня во многих отношениях шагом вперед.

Мейер собирается подготовить к нему с полдюжины рисунков, причем разве что два из них окажутся непосредственно относящимися к тексту или, если так можно сказать, с историческим содержанием, например сцена развязки в «Коринфской невесте». Остальные должны иметь более отдаленное символическое содержание.

Меж тем как я занимаюсь подобной переделкой старого в новое, меня особенно радует надежда найти у Вас нечто совершенно новое, о чем я не имею никакого представления. Трудитесь усердно, насколько это позволят обстоятельства, и да сопутствует Вам удача в поездке в Рудольштадт. Разрешите Августу иногда навещать Вас; поскольку я не могу укрыться в Иене, то пусть уж туда скрываются мои домашние, ибо одно несомненно: без абсолютного уединения мне решительно ничего не создать. Потому-то тишина сада для меня особенно драгоценна.

Еще раз привет Вам и поклон Вашей милой жене.

Веймар, 7 августа 1799 года.

Г.

640. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 9 августа 1799 года

Поздравляю Вас с улучшением просодии в стихотворениях. К последнему пункту нашей схемы, к совершенству, принадлежит, бесспорно, и эта добродетель, и художник должен поучиться здесь кое-чему у пунктирщика¹. На мой взгляд, чистота в просодии обладает тем особым свойством, что она служит чувственному выражению внутренней необходимости мысли, тогда как некоторая вольность в просодии создает, напротив, явственное ощущение некоторой нарочитости. С этой точки зрения просодия — фактор необычайной важности, связанный с самыми глубинными законами искусства.

Принимая же во внимание нынешний момент, каждый, кому дорог хороший вкус, должен радоваться тому, что к стихотворениям, обладающим несомненной художественной ценностью, прикладывается еще и эта мерка. Таким способом лучше всего бороться с посредственностью, ибо это заставит замолчать и тех, кто способен лишь на писание правильных стихов и потому работает для слуха, и тех, кто считает себя слишком самобытным для того, чтобы с должным усердием заниматься метрикой.

Но поскольку законы просодии еще не вполне ясны, то даже при самых добрых намерениях в произведении непременно останутся спорные пункты, и так как Вы уже столько размышляли об этом предмете, то неплохо было бы, пожалуй, если бы Вы изложили свои принципы в предисловии (или там, где сочтете уместным), чтобы никто не счел простой вольностью или нарушением то, что делалось из принципиальных соображений.

Мысль о том, чтобы снабдить издание несколькими гравюрами, весьма удачна. Они могут быть хорошо оплачены, а потому и хорошо выполнены; однако я стоял бы за то, чтобы Вы сделали уступку общей тенденции и избрали лишь индивидуальные изображения. Развязка «Невесты» очень подходит для этого, а из «Алексиса и Доры» и из «Римских элегий» и «Венецианских эпиграмм» тоже можно подобрать сюжеты, для которых просто создан наш друг Мейер.

Мне просто не терпится узнать, как далеко Вы продвинетесь вперед в этих редакторских делах к тому времени, когда приедете сюда. Некоторые спорные вопросы метрики

послужат приятной и поучительной темой наших бесед.

Ничуть не меньше хочется мне также показать Вам готовые акты, о которых сам я еще не могу судить с должной определенностью². Однако я с каждым днем все живее ощущаю потребность в театральных впечатлениях и непременно должен буду решиться проводить зимние месяцы в Веймаре. Прежде всего я займусь изысканием материальных средств, необходимых для осуществления этого.

Желаю Вам всего наилучшего в Вашем нынешнем уединении. Предприму ли я небольшое путешествие и когда именно, сказать пока не могу. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

641. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

После того как я недурно провел эту неделю в уединении моего сада, мне снова пришлось отправиться на день в город и прежде всего посетить дворец, где дела идут весьма оживленно. Там занято 160 рабочих, и я хотел бы, чтобы Вы взглянули как-нибудь на то, как самые различные ремесленники трудятся друг подле друга на столь небольшом пространстве. Если понаблюдать за всем этим не бездумно, то весьма интересно видеть в действии разнообразнейшие ремесла — от самых грубых до самых тонких. Каждый делает свое дело сообразно усвоенным принципам и навыкам. Лишь бы общий замысел был наилучшим, ибо тут, к сожалению, с одинаковой легкостью может возникнуть и творение, исполненное вкуса, и варварская причуда.

Что касается стихотворений, то работа и переписка все так же понемногу продвигаются вперед.

Благодаря штейновскому зеркальному телескопу¹ я побывал на Луне. Отчетливость, с которой видны детали, просто невероятна; наблюдать следует в разных фазах, и тогда получаешь ясное представление обо всем рельефе. Кроме того, я многое прочитал и многим занимался. Ибо только в абсолютном уединении, когда тебя ничто не отвлекает и ты предоставлен лишь самому себе, по-настоящему ощущаешь и постигаешь, как велик день.

Нет никакого сомнения в том, что Вы бесконечно выиграли бы, если бы смогли проводить некоторое время в непосредственной близости от театра. В уединении цель

эту далеко отодвигаешь от себя. Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы облегчить этот замысел. Самая большая трудность связана здесь с квартирой. Поскольку Туре приедет, вероятно, только в конце сентября, то его и задержат здесь на всю зиму. Дом графа Вертерна, пользующийся дурной славой из-за привидений, довольно удобен по своему местонахождению для того, кто часто посещает театр, и, насколько мне известно, сдается внаем; право, стоило бы потрудиться, чтобы расколдовать это здание.

Но мы еще обсудим это дело. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 10 августа 1799 года.

642. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 12 августа 1799 года

Своим живым описанием стройки Вы едва не соблазнили меня выбраться в Веймар хотя бы на день и нарушить наконец однообразие нынешнего моего существования чем-то совершенно неожиданным. Как ни полезно было бы, пожалуй, для меня какое-нибудь развлечение, однако я сейчас слишком прочно прикован к своей работе и должен приложить вдвое больше усилий, чтобы продвинуться вперед, так как не знаю, сколько времени и настроения отнимет у меня осенью семейное *événement**¹. Поездка в Рудольштадт, которую я собирался предпринять, чтобы развлечь жену и развлечься самому, тоже отодвинулась на несколько недель: как раз сейчас там начинается праздник стрелков, и теща до сих пор в отъезде вместе со двором. Так что если Вы можете и хотите приехать сейчас, то мы готовы принять Вас. Нам здесь вполне удалось насладиться и воспользоваться хорошей погодой.

То, что я буду теперь проводить зимние месяцы в Веймаре, дело решенное; непосредственная близость театра должна избавить меня от *faux frais***², покамест неизбежных, поскольку у меня нет представления о живой толпе, да и приток материалов окажется тогда более обильным. Этой зимой, правда, из-за жены и младенца я смогу приехать довольно поздно — вероятно, только к

* событие (франц.).

** лишних издержек (франц.).

концу января. Пока что я надеюсь договориться о квартире с Шарлоттой²; но хочу все же навести справки и о доме Вертерна, удобном в отношении театра. Больше всего мне хотелось бы жить на Рыночной площади, откуда мне было бы близко и к Вам, и к свояку.

Этой весной герцог выразил пожелание, чтобы я чаще приезжал в Веймар и оставался там подольше. Поскольку теперь я без труда могу объяснить ему, как это полезно и мне самому, то хочу обратиться к нему со всею доверительностью и попросить о некоторой прибавке, так как расходы мои в этом случае возрастут. Пять лет назад я и без того уже получил обещание относительно прибавки, да и герцог всегда был благосклонен ко мне. Впрочем, если бы мое пребывание в Веймаре могло принести пользу театру, к чему я стремлюсь всем сердцем, то дело обстояло бы еще проще.

Я хотел бы услышать хоть несколько слов о том, как идет печатание альманаха, ведь до Михайлова дня осталось совсем уже мало времени. И еще: если бы Мейер был так добр и распорядился сосчитать число строк во всей поэме³, чтобы я мог точно знать, сколько тут будет листов. Кое-что мне придется все-таки дать в альманах, чтобы сдержать слово, данное Котте, — быть может, даже «Колокол»⁴.

Будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется и жаждет Вашего приезда так же, как и я.

Ш.

643. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Первый лист альманаха уже печатается, оттиски выглядят очень славно. Третья песнь¹ сейчас у меня, и я собираюсь сделать там все, что в моих силах. Разумеется, поскольку сам я занят теперь строгой ревизией своих собственных работ, то эти дамские упражнения нашей милой маленькой приятельницы показались мне еще более слабыми и поверхностными, чем прежде, и нам следует подумать, как тут выйти из затруднительного положения. Нужно определить весь объем, и тогда ясно обнаружится, что нам в любом случае придется еще что-то добавить. При необходимости пожертвуйте «Колокол», а я тоже приложу все свои силы, чтобы внести свой вклад, хотя понятия еще не имею, что и как удастся мне здесь сделать.

Поскольку при данных обстоятельствах Ваше зимнее пребывание в Веймаре на этот раз оказывается весьма проблематичным, — по крайней мере на первых порах об этом нечего и думать, — то тут, разумеется, лучше всего было бы подождать, пока все не уладится естественным образом; ибо если можно было бы рассчитывать на Ваш приезд сюда уже в октябре, то недостатка в *тоуэпс* *, необходимых для того, чтобы облегчить Ваше здешнее существование, никоим образом бы не встретилось.

Свое пребывание в саду я использовал как можно более целесообразно во всех отношениях и, к собственному своему удовольствию, во многом продвинулся вперед, так что возможность рассказать Вам об этом при встрече сердечно радуется меня.

Не отвлекайтесь, пожалуйста, от начатой работы. По сути дела, нет ничего привлекательнее формирования какой-либо значительной массы.

Поскольку я должен сейчас идти во дворец и не знаю, вернусь ли домой вовремя, то и закончу письмо на этом и в свою очередь пожелаю Вам всех благ.

Г.

Веймар, 14 августа 1799 года.

644. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 16 августа 1799 года

Шлегели, как я обнаружил сегодня, добавили еще порцию шипов в свой «Атеней»¹ и пробуют с помощью этого средства, вообще-то недурного, удержать свое судно на плаву. «Ксении» оказались популярным образцом. В этом «Литературном имперском вестнике» есть удачные мысли, — но, разумеется, вперемежку со многим таким, что оборачивается всего лишь дерзкими выходками. В статье о Бёттигере горькие истины, как видно, не позволили проявиться юмору. Выпад против Гумбольдта свидетельствует о неучтивости и неблагодарности, ведь Гумбольдт всегда был в хороших отношениях со Шлегелями, и это вновь доказывает, что они, в сущности, немногого стоят.

Впрочем, адресованная Вам элегия², несмотря на чрезмерную ее величину, хороша; в ней есть много прекрасных мест. Мне показалось даже, что в ней больше тепло-

* средствах (франц.).

ты, чем бывает обычно в произведениях Шлегелей, и некоторые вещи выражены просто превосходно. Всего остального в этом номере я еще не читал. Не сомневаюсь, что на ныне избранном пути можно найти довольно много читателей, однако друзей себе эти издатели никоим образом не завоюют; боюсь даже, что вскоре иссякнет и материал, как это уже случилось с афоризмами³, где они разом выложили весь свой наличный капитал.

Хорошо бы, если бы Вы смогли пожертвовать еще что-нибудь в альманах, да и мне удалось бы сделать свой вклад; я взял бы еще произведения Маттиссона, Штейгентеша и некоторых других авторов, так что альманах обрел бы свой обычный облик. Ради самого Котты не хотелось бы, чтобы он потерпел неудачу и тут; впрочем, особые свои надежды я возлагаю на гравюры.

Что же касается собрания Ваших стихотворений, то мне пришло в голову, что Вы могли бы еще обогатить раздел дидактических произведений, к которому принадлежит «Метаморфоз растений»⁴; возможно, что настроение для подобных стихотворений отыскивается легче всего, ибо оно исходит от рассудка. Если бы Вы приехали сюда и мы побеседовали бы об этом, то, быть может, что-нибудь и возникнет так же быстро, как возник здесь «Метаморфоз». Одновременно это было бы Вашим вкладом в альманах.

Моя работа над пьесой по-прежнему спорится, и если ничто не помешает, то к концу августа я закончу второй акт. Вчерне он уже готов. Надеюсь, что в этой трагедии все будет театрально, хотя уже сейчас я несколько сокращаю ее в интересах спектакля. Поскольку сюжет этот богат с *исторической* точки зрения, то я и трактовал его в историческом отношении несколько богаче и использовал мотивы, которые хотя и порадуют мыслящего и подготовленного читателя, однако на сцене, где предмет и так уже находит чувственное воплощение, окажутся ненужными, а к тому же неинтересными для широкой публики из-за ее неосведомленности в истории. Впрочем, в этой работе уже заранее было определено все то, что следует выпустить при постановке, и тут отнюдь не потребуются особых усилий, как в случае с «Валленштейном».

Будьте здоровы и порадуйте нас надеждой поскорее увидеть Вас здесь. Моя жена Вам кланяется; она надеется, что наше переселение в Веймар задержится не далее,

чем до середины января. Что касается меня, то я, вероятно, смогу приехать раньше. Будьте здоровы. Множество поклонов Мейеру.

III.

645. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если я соберусь в будущем написать Вам более обстоятельное письмо, то мне придется готовить его заранее, ибо если я снова вынужден буду отправиться утром в город, как это и случилось сегодня, то потом не скоро смогу прийти в себя.

Я должен попросить Вас щедрее одарить альманах; сам я сделаю все, что в моих силах, и обещаю это настолько твердо, насколько это вообще возможно. Возьмите, пожалуйста, то, что можно, и у Штейгентеша и Маттиссона, чтобы альманах приблизился к своей обычной форме. Что касается поэмы, то чем больше к ней присматриваешься, тем сильнее опасешься, что она не будет иметь успеха у широкой публики, — настолько она привлекательна для людей, достигших определенной ступени культуры. Варварские нравы как материал, утонченные чувства как сюжет и ундулистский метод как основа разработки придают целому своеобразный характер и ту особую прелесть, которую нужно уметь воспринимать или же учиться этому теперь. Самое скверное тут вот что: я опасаюсь за гравюры. Человек этот¹ всего лишь пунктирщик, а из скопления точек форма не возникает. Вскоре Вы узнаете, каков объем всей поэмы; две первые песни составляют три листа.

Я совершенно разделяю Ваше мнение относительно Шлегелевой эскапады. Элегию же ему следовало разделить на несколько частей, чтобы облегчить ее чтение и восприятие.

Все прочие штучки здесь привлекут достаточное число читателей, и успех тоже не заставит себя ждать. К сожалению, братьям недостает определенной внутренней стойкости, которая позволила бы им держаться и сдерживать себя. Некоторые юношеские ошибки лишаются обаяния, когда не дают оснований надеяться на то, что они не превратятся в ошибки зрелого возраста. Жаль, действительно, что страница, посвященная нашему другу Бёттигеру, не слишком остроумна. Некоторые выпады в других раз-

делах и в самом деле очень удачны. Вообще же и при наличии некоторых отношений с ними никак нельзя рассчитывать на то, что при случае они отпустят тебя целым и невредимым. И все же я склонен был бы простить им это, если бы они усвоили хоть что-то помимо гнусной манеры современной журналистики. Бёттигер дважды позволил себе подлые выходки по адресу «Пропилей» под прикрытием голубой обложки «Меркурия» и поэтому заслужил, чтобы эти братья спустили с него шкуру; кажется даже, что они готовы все повторить, если она у него снова нарастет.

Им следовало бы отказаться от неуважительного отношения к Виланду. Но что ни говори, с ними тоже дурно поступали под его вывеской².

Будьте здоровы. Я рассеян и не в настроении. Кланяйтесь Вашей милой жене. Я желаю нам поскорее соединиться каким-либо образом на более длительный срок, а также, говоря словами мадам Ля Рош, призываю всяческое благословение на Ваш труд.

Г.

Веймар, 17 августа 1799 года.

646. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 20 августа 1799 года

На днях я попал на след еще одной приемлемой трагедии; правда, ее еще нужно придумать от начала и до конца, однако, как мне представляется, сюжет вполне позволяет это. В правление Генриха VII в Англии объявился самозванец, некто Уорбек¹, который выдал себя за одного из сыновей Эдуарда V, убитых в Тауэре по приказу Ричарда III. Он сумел привести внешне убедительные доказательства своего спасения и нашел приверженцев, которые признали его и готовы были возвести на престол. Одна принцесса, принадлежавшая к тому же дому Йорков, что и Эдуард, и искавшая повод для возмущения против Генриха VII, знала, что это обман, и поддерживала его; она-то главным образом и вывела Уорбека на сцену. Некоторое время он прожил при ее дворе в Бургундии в качестве владетельной особы, но потом затея эта потерпела неудачу, Уорбек был побежден, разоблачен и казнен.

Хотя из самой этой истории извлечь почти что нечего, однако вся ситуация весьма плодотворна, а обе фигуры —

самозванец и герцогиня Йоркская — могут послужить развитию трагической коллизии, которую следует измыслить с полнейшей свободой. Я вообще полагаю, что из истории хорошо было бы брать лишь общую ситуацию, эпоху и персонажей, а все прочее предоставить свободному поэтическому воображению; благодаря этому возник бы некий смешанный род сюжетов, сочетающих в себе преимущества как исторической, так и поэтической драмы.

Что же касается разработки этого сюжета, то здесь, мне кажется, следует придерживаться прямо противоположного тому, что извлек бы отсюда комедиограф. Последний постарался бы достичь комического эффекта, показывая несоответствие самозванца его великой роли, его неподготовленность к ней. В трагедии же самозванец должен предстать как бы рожденным для этой роли и настолько сжиться с ней, что отсюда может возникнуть любопытный конфликт между ним и теми, кто использует его как свое орудие и смотрит на него, как на свое создание. Все должно выглядеть так, словно обман лишь предоставил ему то место, к которому предназначила его сама природа. К катастрофе его должны привести не враги, но приверженцы и покровители, а также любовные интриги, ревность и т. п.

Если Вы найдете, что сюжет этот в целом обладает достаточной привлекательностью и может послужить основой для трагической фабулы, то я понемногу начну заниматься им, ибо когда я уже значительно углубляюсь в работу над какой-либо пьесой, мне в определенные часы нужно уже думать о следующей.

Ничего утешительного об альманахе Вы мне не сообщаете. Что касается гравюр, то я не возлагал особых надежд на их достоинства, но поскольку мы в этом отношении отнюдь не избалованы, а манера эта в общем-то нравится публике, да и рисунки выполнены умело, то мы можем показаться со всем этим на людях. Ваше замечание о самой поэме заставляет меня тревожиться тем сильнее, что и мне мерещилось нечто подобное. Я еще не знаю, как помочь делу, потому что мои мысли никак не хотят обратиться теперь к чему-либо лирическому. Есть и еще одно скверное обстоятельство: мы оставили очень мало места для небольших стихотворений, и поэтому его следует заполнить только значительными произведения-

ми. Как только я закончу второй акт, то серьезно подумаю об этом.

Будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

647. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Моя тихая жизнь в саду постоянно приносит если не обильные, то хотя бы хорошие плоды.

За это время я прилежно изучал жизнь и сочинения Винкельмана¹. Я должен отчетливо уяснить себе заслуги и значение этого замечательного человека во всех подробностях.

Я продолжал подбирать и исправлять мои небольшие стихотворения. Здесь тоже убеждаешься, что все зависит от принципа, из которого исходишь. Теперь, когда я принимаю за основу более строгие требования к метрике, это скорее помогает мне, чем мешает. Разумеется, тут по-прежнему остаются некоторые пункты, в которых следует разобраться. Фосс еще десять лет назад сослужил бы нам большую службу, если бы в своем введении к «Георгикам»² изложил этот вопрос не столь туманно.

На этой неделе я вопреки обыкновению не ложился спать до полуночи, чтобы дожидаться луны, которую с великим интересом рассматривал в телескоп Ауха³. Чрезвычайно приятное ощущение — знакомиться со столь значительным объектом, о котором еще совсем недавно ничего не знал, да еще с такой обстоятельностью и точностью. Прекрасный труд Шрётера «Селенотопография»⁴ является, вне всякого сомнения, руководством, значительно сокращающим путь. Глубокая ночная тишина на открытом воздухе в саду тоже обладает немалым очарованием, тем более что по утрам никакой шум не будит тебя, так что стоит лишь еще немного поддаться этой привычке, и я вполне заслужу право быть принятым в общество почтенных светоненавистников.

Только что мне принесли Ваше письмо. Новый трагический сюжет, о котором Вы пишете, на первый взгляд заключает в себе много хорошего, и я еще подумаю над ним. Нет никакого сомнения в том, что когда история дает лишь простой факт, лишь голый сюжет, а поэт — содержание и истолкование, то тут чувствуешь себя лучше и спокойнее, чем в том случае, когда приходится ис-

пользовать мельчайшие подробности, ибо если ты вынужден постоянно сообразовываться с частностями ситуации, то отходишь от чисто человеческого и поэзия оказывается в стесненном положении.

Из рисунков, присланных на конкурс ⁵, только один заслуживает рассмотрения и обладает определенными достоинствами; некоторые ниже всякой критики, и тут сразу же представляешь себе немецкую чернь, взбудораженную загадкой.

Что же касается альманаха, то нам придется изо дня в день заниматься им и делать все возможное. Третья песнь, которую я просмотрел вместе с дамами, теперь уже в типографии; мы сейчас собираемся подправить четвертую. Нет никакого сомнения в том, что поэма хороша по замыслу и обладает многими достоинствами, и только в исполнении она далеко отстает от того, чем должна была бы стать, хотя за то время, что Вы ее не видели, там появилось много нового.

Госпожа фон Кальб действительно распорядилась вывезти свои вещи, так что квартира освободилась. Разумеется, она может быть предоставлена только тому, кто снимет ее на весь год. Тем временем следовало бы принять какое-то решение, а у нас, исходя из интересов театра, были бы все причины облегчить Вам этот переезд.

Горный советник Шерер, который собирается жениться, рассчитывает, по слухам, на эту квартиру. Однако, если такая перемена и произойдет, то у Вольцогенов освобождается верхний этаж, где может поселиться Ваша семья, а Вам мы предоставили бы квартиру Туре. В случае, если Вы встретитесь здесь с ним, мы уж как-нибудь сумеем подыскать для него другое помещение. Все это нужно как следует обдумать и обсудить, прежде чем принять решение. На сегодня довольно. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 21 августа 1799 года.

648. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 24 августа 1799 года

Принимая во внимание все обстоятельства, я прихожу теперь к выводу, что до наступления осени мы едва ли можем надеяться на Ваш приезд сюда. Таким образом, это

лето проходит совсем иначе, чем я предполагал, и хотя я по-прежнему серьезно занят своей работой и продвигаюсь вперед, однако чувствую всем своим существом, чего я лишен, и это только усиливает мое желание провести зиму в Веймаре. Хотя я и не закрываю глаза на то, что влияние тамошнего общества вряд ли принесет мне какую-либо пользу, однако общение с Вами, некоторая близость с Мейером, театр и та определенная реальная жизнь, в которой мне откроется остальная масса людей, должны благотворно сказаться на мне и на моих занятиях. Здесь я живу в полнейшем одиночестве, и это уже начинает тяготить меня.

Я со дня на день жду ответа от госпожи фон Кальб относительно квартиры; если это окажется возможным, то я тотчас же сниму ее на год, считая с Михайлова дня. Я предпочел бы, если удастся, удобно устроиться вместе с семьей; если же нет, то предложение относительно квартиры Туре мне вполне по душе. Если с родами моей жены все обойдется благополучно, то я хотел бы переехать в конце ноября, сначала один, а затем и всей семьей. Для меня это важно еще и потому, что тогда я смог бы работать над двумя последними актами моей трагедии под влиянием театральных впечатлений.

Если в течение ближайших десяти дней Вы не сможете приехать сюда хоть ненадолго, то я с великой радостью приехал бы к Вам на день и привез с собой два первых акта. Ибо теперь мне очень хотелось бы услышать Ваше суждение, чтобы удостовериться, на правильном ли я пути.

Я хотел бы также принять участие в Ваших наблюдениях Луны. Этот предмет всегда внушал мне известное почтение и настраивал на очень серьезный лад. Благодаря хорошему телескопу оказывается вполне очевидной *материальность* Луны, и для меня всегда было нечто пугающее в том, что я словно бы могу воспринимать эту далекую незнакомку не только с помощью зрения, но и каким-то другим образом. У меня уже возникло несколько дистихов об этом¹, и они, вероятно, созреют под воздействием той нужды, которую терпит альманах.

При случае мне хотелось бы узнать, много ли книг, посланных мною на аукцион, осталось непроданными²; недавно кто-то в Веймаре сказал, что я приобретаю слишком много книг и это, мол, дурная привычка.

Будьте здоровы в Вашем деятельном уединении. Ваша строгость в вопросах метрики доставит немалую радость Гумбольдту и Бринкману.

Моя жена шлет Вам дружеский привет и тоже выражает сильнейшее желание вновь увидеть Вас.

Множество поклонов Мейеру.

Ш.

649. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Раз уж нам не удалось осуществить наши летние планы, то будем надеяться, что зима принесет нечто лучшее. Как только Вы договоритесь относительно квартиры, мы позаботимся о дровах: предмет, о котором следует думать заблаговременно.

Ни один день теперь у меня не проходит без пользы, пусть даже и небольшой, и так вот все идет одно за другим, а в конце концов из этого что-нибудь да выйдет, как и должно быть, когда занимаешься только достойными вещами.

Давайте подождем еще неделю, и тогда уже выяснится, смогу ли я приехать и как скоро.

К сожалению, многие из тех книг, которые Вы послали на аукцион, остались непроданными. В целом доход Ваш оказался невелик, хотя некоторые издания и были проданы за довольно высокую цену. Сейчас составляются перечни и собираются деньги.

Время от времени у нас происходят заседания с обсуждением «Сестер с Лесбоса», которые, как обычно водится в таких случаях, то умаляют наши надежды, то воскрешают их.

Меня радует мысль о Вашей работе и о нескольких спокойных неделях вблизи от Вас. Сегодня я, однако, ограничусь лишь этим, так как утренний визит во дворец вывел меня из равновесия, и я не в состоянии сосредоточиться на каком-либо предмете.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене.

Г.

Веймар, 24 августа 1799 года.

650. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поразмыслив и взвесив все обстоятельства, я вынужден сказать Вам, что в ближайшее время не смогу при-

ехать, однако тем сильнее хотел бы видеть Вас здесь, в особенности из-за квартиры.

Дело обстоит следующим образом: госпожа фон Кальб договорилась, по-видимому, с горным советником Шерером, что он снимает ее квартиру. Так по крайней мере позволяют предположить обстоятельства. Однако владелец дома, парикмахер Мюллер, которому такая субаренда не по вкусу, готов, согласно моему совету, отдать квартиру Вам, но только хочет, чтобы Вы сняли ее на несколько лет (что вполне можно было бы сделать, так как здесь всегда найдется кто-нибудь, кто снимет ее у Вас). Главное теперь в том, чтобы Вы посмотрели квартиру, посоветовались и приняли решение; Вы могли бы захватить с собой Вашу пьесу, а я, со своей стороны, тоже показал бы Вам кое-что. Я по-прежнему живу в саду, и Вы могли бы приехать прямо ко мне, а Мейер позаботится о Вашем ночлеге. Все необходимое уже приготовлено, а остальное найдется.

Посылаю это письмо с почтой и на сегодня ограничусь этим. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 27 августа 1799 года.

651. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 27 августа 1799 года

Проснувшись сегодня утром, я был приятно поражен тяжелым пакетом¹, присланным господином придворным казначеем, и вновь хочу выразить Вам искреннюю благодарность за то, что Вы направили этот денежный поток в мои владения. Дух старого полководца ведет себя так, как подобает достойному привидению: он помогает добывать клады. И в Рудольштадте, как мне пишут, «Валленштейн» пользовался большим успехом. Мне хотелось бы знать, как справилась с ролью милейшая Фос².

Вчера я закончил второй акт и после добросовестных, но бесплодных стараний обрести лирическое настроение, необходимое для альманаха, приступил сегодня к третьему. Единственное средство, которое может теперь отвлечь меня от «Марии» и привести к какой-либо лирической работе, состоит в том, чтобы позволить себе внешнее развлечение. Для этого вполне подходит недельная

поездка в Рудольштадт. Как только я точно буду знать, увижу ли я Вас здесь или в Веймаре и когда, то составлю план действий. Но до 8 сентября я туда не отправлюсь, потому что раньше гости не разъедутся.

После долгих размышлений о том, какие новые формы можно было бы использовать в альманахе, мне пришла в голову идея относительно ксений нового рода, посвященных друзьям и достойным современникам. Смена столетий дает довольно подходящий повод для того, чтобы воздвигнуть памятник всем тем, с кем шел по жизненному пути и совершенствовался, равно как и тем, кого не встречал ни разу, однако благотворное их влияние ощутил на себе. Разумеется, *vestigia terrent**³. Порицание всегда более благодарный материал, чем похвала; «Возвращенный Рай» менее удачен, чем «Потерянный Рай», а небеса Данте куда скучнее его ада. Кроме того, времени для осуществления столь похвального замысла осталось очень уж мало.

Будьте здоровы, на сегодня довольно. Я засиделся за своей работой. Моя жена сердечно Вам кланяется. Все Вас ждут, даже дети.

Ш.

652. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вчерашнее мое письмо убедило Вас, надеюсь, в необходимости приехать сюда на несколько дней, и я диктую эти строки лишь для того, чтобы укрепить Вас в этом решении. Вы должны узнать всевозможные вещи о представлениях «Валленштейна» и обо всем том, что с этим связано.

Вы должны будете также взглянуть на рисунки, присланные на конкурс¹, и испытать изумление при виде Елены в стольких обличьях. У нас уже набралось девять таких произведений.

Относительно альманаха и многих других вещей более обстоятельно при встрече. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене, которую Вы, вероятно, привезете с собой.

Г.

Веймар, 28 августа 1799 года.

* следы пугают (латин.).

653. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 28 августа 1799 года

Шарлотта Кальб тоже написала мне теперь и объявила, что квартира в нашем распоряжении, если мы присоединимся к ее контракту. Шереру она ничего еще не обещала.

К сожалению, я не могу тотчас же выехать из-за зубной боли и флюса; однако в деле с квартирой это ничему не помешает. Моя жена как-то раз осмотрела всю квартиру, да и я знаю две первые комнаты на мужской и женской половине. Планировка совершенно отвечает нашим потребностям, и я сразу же отвечу согласием. Итак, будьте добры сообщить Мюллеру, чтобы он подготовил контракт. Если он ограничится лишь двумя годами, то это, разумеется, будет для меня гораздо удобнее, чем более длительный срок; однако годом больше или меньше — это все равно, потому что на квартиру всегда найдется претендент. Кстати, я полагаю, что арендная плата будет такой же, как и у госпожи фон Кальб: 122 талера (из расчета 1 талер 14 грошей за лаубталер).

Позвольте мне, когда я приеду, высказать Вам мои пожелания и показать расчеты, связанные с этим новым устройством.

Зубная боль не помешала бы мне приехать к Вам уже завтра, если бы, к несчастью, она не усиливалась при разговоре и чтении, — в остальном же она вполне переносима.

Мне не терпится увидеть и услышать то, что Вы приготовили для меня, и я всей душой жажду общения, которого так долго был лишен.

Моя жена не сможет удержаться от соблазна приехать вместе со мной. Я с великим удовольствием принимаю приглашение остановиться у Вас и, если удастся, приеду в субботу.

Будьте здоровы.

Ш.

654 ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 3 сентября 1799 года

Я не получал от Вас больше никаких известий о квартире и вполне уверен теперь, что она сдана мне. Обстоятельства вынуждают меня ускорить на неделю

поездку в Рудольштадт, мы отправляемся завтра, и я надеюсь во вторник или в среду быть в Веймаре. Таким образом, Ваше письмо уже не застало бы меня здесь. Так что в ближайшую неделю я, к сожалению, ничего не услышу от Вас, если только театральные депеши из Веймара не принесут мне несколько строк.

Я теперь вынужден буду сделать некоторый перерыв в работе над пьесой, поскольку нужно подумать об альманахе. И момент вполне удобен: я довел действие до той сцены, где встречаются две королевы¹. Ситуация сама по себе нравственно невозможная, и мне не терпится узнать, удалось ли мне сделать ее возможной. Вопрос этот в то же время касается вообще всей поэзии, и поэтому мне вдвойне любопытно было бы обсудить его с Вами.

Я начал применять в «Марии Стюарт» более свободные или, скорее, более разнообразные размеры в тех случаях, где это оправданно. Ведь такое же чередование есть и в греческих пьесах, а публику нужно приучать ко всему.

Меня очень радует возможность снова приблизиться к Вам, пусть даже и весьма окольным путем, — ведь из Рудольштадта я прямо отправлюсь в Веймар.

Всего Вам хорошего в эту неделю.

Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

655. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку мы сию минуту отправляем театральную депешу в Рудольштадт¹, то я не хочу отпускать курьера, не написав Вам несколько слов.

Что касается квартиры, то я заключил с Мюллером договор; Шарлотта оставляет в доме некоторые вещи, на чем она дружески настояла.

Добро пожаловать к нам! На этот раз поездка в Рудольштадт оказалась для веймарцев неблагоприятной.

Возможность поговорить с Вами о Вашей «Марии» доставит мне радость. Если не ошибаюсь, ситуация здесь принадлежит к числу романтических. Поскольку мы, писатели нового времени, не можем теперь укрыться от этого духа, то вынуждены допускать его, стараясь только по возможности спасти правдоподобие. Но Вы, разумеет-

ся, сделали большее. Меня чрезвычайно интересует Ваша трактовка сюжета.

Конкурсные рисунки уже выставлены; зал еще не открыт, так что их видели лишь немногие. Мне кажется только, что весь круг суждений уже исчерпан.

О *нелепице* кричит каждый, радуясь при этом своей пронизательности. О *посредственности* говорят со снисходительностью. *Фикцию* хвалят без оговорок и сомнений, ибо она, по сути дела, пользуется общим признанием в повседневной эмпирии. *Достоинство*, еще не достигшее совершенства, обходят молчанием, ибо то подлинное, которое замечают в нем, требует внимания, несовершенство же, которое также ощущается при этом, возбуждает сомнения, и тот, кто не в состоянии побороть их, старается не скомпрометировать себя и поэтому игнорирует все в целом. *Совершенство*, если оно бесспорно, приносит глубокое удовлетворение, тогда как фикция — поверхностное, так что в обоих случаях возникают схожие чувства.

Посмотрим, проявит ли публика несколько большее разнообразие суждений. Постарайтесь, пожалуйста, проследить во время Вашей поездки, не удастся ли Вам пополнить схему. Было бы очень славно довести дело до того, чтобы люди знали, как именно следует выносить суждения.

Будьте здоровы и благополучны, кланяйтесь Вашей милой жене и приезжайте поскорее; мне потому так сильно хочется вновь увидеть Вас, что при нынешнем положении вещей я должен мечтать о новом периоде моей жизни,— пока же в моих делах некоторое затишье.

Веймар, 4 сентября 1799 года.

Г.

656: ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 21 сентября 1799 года]

Пакет¹ немало изумил меня, хотя он пробудил во мне прежние колебания (ибо я сегодня твердо решил уже отказаться от мысли дать что-нибудь в альманах и поэтому снова принялся за «Марию»), но зато и придал мне бодрости,— надеюсь, что такое же воздействие он оказал на Вас. Будьте здоровы, я надеюсь сегодня вскоре увидеться с Вами, даже если погода расстроит задуманный пикник в саду.

Ш.

657. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 15 октября 1799 года

Нашу маленькую Каролину¹ окрестили сегодня утром, и я снова обретаю покой. Жена чувствует себя вполне сносно, принимая во внимание все обстоятельства, да и с ребенком эти два дня все обстояло благополучно.

Я приступил наконец к изучению «Магомета»² и делаю при этом некоторые заметки, которые пришлю Вам в пятницу. Несомненно одно: если уж обращаться ради опыта к французской пьесе, и особенно к вольтеровской, то наиболее подходящее для этого произведение — «Магомет». Уже самый сюжет спасает пьесу от равнодушия публики, а французская манера ощущается здесь в трактовке намного меньше, нежели в других пьесах, приходящих мне на память. Вы и сами уже очень многое сделали для этого и без особого труда сможете сделать еще некоторые значительные вещи. Поэтому я не сомневаюсь, что успех оправдает усилия, затраченные на этот эксперимент. Но вместе с тем я не решился бы предпринимать подобные опыты с другими французскими пьесами, потому что едва ли найдется еще одна, пригодная для этого. Если при переводе избавляться от этой манеры, то тут мало что останется поэтически-человеческого; если же сохранять манеру, стараясь при этом показать в переводе ее достоинства, то можно отпугнуть публику.

Свойство александрийского стиха делиться на две равные половины и та отличительная особенность рифмовки, благодаря которой два александрийских стиха составляют строфу, определяет не только язык, но и весь дух этих пьес, а также характеры, чувства и поступки персонажей. Здесь все подчинено закону противопоставления, и подобно тому, как скрипка музыканта управляет движениями танцоров, так и двучленная структура александрийского стиха управляет настроениями и мыслями действующих лиц. Тут непрерывно приходится апеллировать к рассудку, и любое чувство, любая мысль должны быть втиснуты в эту форму, как в прокрустово ложе.

Но если отказаться при переводе от александрийского стиха, то тут будет разрушен весь фундамент, на котором зиждутся эти пьесы, и тогда останутся лишь руины.

А когда изымаются предпосылки, то постичь следствия невозможно.

Боюсь, следовательно, что из этого источника мы сможем почерпнуть не слишком много нового для нашей немецкой сцены, — разве что просто сюжеты.

За эти два дня, что прошли со времени Вашего отъезда, я еще не приступал к работе, но надеюсь вернуться к ней завтра.

Будьте так добры прислать мне с посылкой все листы альманаха или же, если это уже возможно, сброшюрованный экземпляр.

Множество поклонов Мейеру. Будьте здоровы.

Ш.

658. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сердечно рад тому, что роженица и малютка чувствуют себя хорошо. Пусть так все и продолжается.

Я снова вовлечен в хлопоты веймарской жизни, так что в моей голове не осталось и следа ямбов. Вчера я хотел хоть немного пройтись по первой сцене, но даже не смог прочитать ее. Будьте так добры, скажите мне поскорее что-нибудь о пьесе и пришлите мне мой перевод, чтобы я смог по крайней мере подумать об этом и как можно скорее приняться за работу, хотя для этого, пожалуй, мне снова придется уехать в Иену.

Посылаю при сем склянку eau de cologne для прохладения дорогой роженицы; для обертки я использовал листы альманаха, которых у Вас нет.

Будьте здоровы. Со следующей посылкой будут отправлены экземпляры альманаха, и пусть все так и идет одно за другим в эту зиму.

Г.

Веймар, 16 октября 1799 года.

659. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 18 октября 1799 года

Моя жена начинает теперь постепенно оправляться от сильной слабости и, принимая во внимание все обстоятельства, чувствует себя вполне сносно; малютка совершенно здорова. Жена благодарит Вас за внимание и за то укрепляющее средство, которое Вы ей прислали.

При сем следует «Магомет» вместе с некоторыми заметками, которые я делал при чтении. Они по большей части относятся к оригиналу, а не к переводу, но я полагаю, что тут необходимо улучшать именно оригинал.

Что касается композиции пьесы, то мне кажется совершенно необходимым ввести Аммона в качестве действующего лица и постоянно поддерживать зрителей в напряженном ожидании того, что он откроет тайну, связанную с детьми Зопира¹. Он должен несколько раз пытаться прийти к последнему, должен прибегать к легким намекам и т. п., с тем чтобы это дело ни на минуту не ускользало из памяти зрителей и питало тот *страх*, на котором здесь держится все. Тут просто необходимо искусственно втянуть Аммона в действие, возложить все надежды на его своевременное появление и т. д.

Сцена, в которой Зеид открывает Аммону план готовящегося убийства и о которой в пьесе просто рассказывается, в театре должна быть показана воочию. Она чрезвычайно важна для всей пьесы и к тому же способна произвести значительный театральный эффект. При этом Аммону вовсе не следует тотчас же делиться с Зеидом своей тайной, у него есть другое средство предотвратить злодеяние, не подвергая себя опасности. Магомет просто мог бы узнать от Омара, что он застал Зеида за бурным объяснением с Аммоном, причем последний показался ему потрясенным. Он мог бы также узнать о попытке Аммона тайно побеседовать с Зопиром. Это побудило бы его устранить Аммона, тот открыл бы все Фанору перед смертью, а далее события развивались бы так, как они и изложены в пьесе.

Идея моя состоит примерно в следующем. Когда Магомет откроет Омару свою любовь к Пальмире (действие 2, явление 4), на сцене появится Аммон; Омара удалят под приличным предлогом, и тут Аммон выскажет пожелание о том, чтобы Магомет вернул наконец детей их отцу и благодаря этому смог заключить мир с Зопиром и с Меккой. Открывшаяся ему любовь детей друг к другу и страх перед возможным кровосмешением могли бы служить для него новым импульсом. Магомет не должен прямо отказывать ему, он только потребует от него строжайшего молчания.

Во второй раз я вывел бы Аммона на сцену в начале третьего акта вместе с детьми. Они должны были бы обна-

ружить перед ним свою любовь друг к другу, а он выказал бы при этом свой ужас. Кроме того, Зеид успел бы здесь открыть ему, что Магомет предназначает его для совершения кровавого злодеяния. Аммон исполнен ужаса, появление Магомета вынуждает его удалиться.

В третий раз я свел бы Аммона с отцом и сыном, однако прежде чем он сможет объясниться, на сцене появится Омар и отошлет Зеида. Аммон остается с Зопиром и частично раскрывает ему тайну, чему способствует теперь письмо арабов: Зопир узнает, что его дети живы, однако он еще не знает, кто они, ибо Аммону мешают открыть тайну до конца. У Аммона хватает времени лишь на то, чтобы предложить Зопиру встретиться ночью.

Тем временем Магомет начинает подозревать неверность Аммона, и далее все развивается так, как в пьесе.

Я должен закончить на этом, меня отвлекают. Будьте здоровы; мне очень хотелось бы, чтобы в ближайшую неделю Вы приняли бы окончательное решение относительно тех изменений, которые необходимо внести в пьесу, и тотчас же приступили к исполнению.

В «Сестрах с Лесбоса» у меня недостает шестого и седьмого листа. Вы, вероятно, забыли прислать их.

Будьте здоровы.

Ш.

660. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сердечно благодарю Вас за Ваши заметки относительно моего перевода. Они постоянно будут у меня перед глазами при изучении пьесы, которое я теперь вменил себе в обязанность. Мысль о том, чтобы трижды вывести Аммона на сцену, чрезвычайно удачна, и я постараюсь найти для него более или менее значимую маску. Вообще же, поскольку дело продвинулось уже так далеко, поддержать интерес до самого конца пьесы будет не трудно.

Эта неделя пройдет у меня во всевозможных делах, но затем я, вероятно, решусь еще раз посетить Вас.

Герцог прислал мне жизнеописание Мартинуцци¹, и я прилагаю к сему его записку, из которой Вы увидите, что он сам отказался от этой идеи и хочет поскорее познакомиться с планом Ваших «Мальтийцев»². Подготовьте его, пожалуйста, при случае.

Я посылаю Вам фоссовский альманах³, — быть может, Вы еще не видели его. Мейер говорит, что альманах

производит такое впечатление, словно до этого на свете вообще не было поэзии.

Одновременно посылаю также восемь хороших и шесть обычных экземпляров альманаха.

Будьте здоровы и кланяйтесь Вашей милой жене. Меня радует надежда на то, что так или иначе я вскоре снова увижусь с Вами.

Г.

Веймар, 19 октября 1799 года.

661. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 22 октября 1799 года

Дела с выздоровлением маленькой женщины поднимаются довольно медленно, хотя она уже избавилась от болезненных приступов; малютка постоянно прибавляет в весе и выказывает себя тихим и кротким обитателем дома. Тем не менее я все еще не могу обрести должную сосредоточенность, так как не могу уединиться, да и к тому же меня часто отвлекают.

Чтобы хоть что-то делать, я принялся размышлять над планом трагедии о мальтийцах, ибо хочу тотчас же по приезде представить герцогу нечто значимое. С этим сюжетом все обстоит благополучно, *punctum saliens** найден, события легко упорядочить так, чтобы получить простое, великое и волнующее действие. Не сюжет будет виною, если тут не получится удачная трагедия, и притом именно такая, какую Вы хотели бы. Хотя я не обойдусь столь немногими персонажами, как Вам хочется, поскольку сюжет не допускает этого, однако многообразие не рассеет внимания и не нанесет ущерба простоте целого.

История Мартинуцци, предложенная герцогом ранее, не содержит ничего пригодного для трагедии. Там имеются только события, однако никакого действия нет, и все слишком связано с политикой. Я очень рад, что герцог сам отказался от нее.

Альманах Фосса и в самом деле указывает на полный упадок его поэтического дарования. Он и его компаньоны оказываются на одной и той же ступени пошлости, а за неимением поэзии тут повсюду царит страх божий.

Мне хотелось бы услышать от Вас завтра, что за это время Вы кое-чего добились в «Магомете».

* важнейший пункт (латин.).

В «Эрлангенской газете» появилась, кажется, очень грубая рецензия на Гердера ¹.

Наш альманах выглядит вполне недурно и производит благородное впечатление рядом с его товарищами.

Я проглядел новый том шлегелевского Шекспира ², и мне представляется, что при чтении он кажется гораздо более сухим и жестким, чем первые тома. Если Вы обнаружите то же самое, то неплохо было бы посоветовать Шлегелю прилагать чуть больше старания.

Моя жена шлет Вам дружеский поклон.

Будьте здоровы.

Ш.

662. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поздравляю Вас с теми добрыми надеждами, которые по-прежнему витают над комнатой роженицы; быть может, я еще успею нанести туда визит. Мое здешнее существование сейчас столь же прозаично, что и фоссовский альманах, и к тому же я не вижу никакой возможности заниматься при здешних моих обстоятельствах какой-либо работой, которая действительно потребовала бы безмятежного настроения. Но как раз то, что остается теперь сделать в «Магомете», можно по крайней мере выполнить благодаря одному лишь рассудку.

С тех пор как письмо Гумбольдта и обработка «Магомета» представили мне французский театр в новом свете, я с большим удовольствием читаю их пьесы и принялся сейчас за Кребийона. Автор этот замечателен на совершенно особый лад. Он обращается со страстями, как с игральными картами, которые можно тасовать и сдавать, а затем снова тасовать и сдавать, причем обличье их ничуть от этого не меняется. Тут нет и следа тех тонких химических свойств, благодаря которым страсти сближаются и отталкиваются, сочетаются, нейтрализуются, разъединяются вновь и восстанавливаются в прежнем виде. Естественно, что на своем пути Кребийон получает ситуации, которые на любом другом были бы просто невыносимы. Для нас подобная манера вообще нестерпима, однако я думаю, что ее можно и должно было бы использовать с успехом в таких подчиненных композициях, как оперы, рыцарские пьесы и волшебные феерии. Мои мысли на этот счет могут послужить нам поводом для беседы и размышлений.

Буду очень рад, если Вы привезете с собой план «Мальтийцев». Если мне позволят обстоятельства, а в особенности если у меня не будет никакой возможности закончить «Магомета» здесь, то я приеду к Вам в начале ноября; до тех пор все то, что меня здесь касается, будет более или менее улажено на время.

Из Франкфурта я получил известие о кончине Шлосера¹. Французы и его сад — вот непосредственные причины его смерти. Он находился в саду, когда французы приблизились к городу, задержался там и нашел ближайшие городские ворота уже запертыми, вынужден был поспешить к другим, находившимся много дальше, затем очутился в очень теплой комнате, откуда был вызван в ратушу; все это привело к лихорадке, которая оказалась смертельной и унесла его в короткое время. Таким образом, наша переписка на ботанические темы оборвалась, к сожалению, слишком рано.

Будьте здоровы и пожелайте нам воспользоваться теми днями, которые нам еще остались.

Г.

Веймар, 23 октября 1799 года.

663. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 25 октября 1799 года

С того самого вечера, когда я написал Вам последнее письмо, положение мое было весьма печальным. В ту же ночь жене стало хуже и приступы ее перешли в настоящую нервную горячку, которая очень пугает нас¹. Несмотря на перенесенные испытания, сил у нее еще много, однако она бредит вот уже третьи сутки, за все это время ни разу не сомкнула глаз, и жар у нее подчас очень силен. Мы постоянно испытываем крайнюю тревогу, хотя Штарк и теперь очень обнадеживает нас. Но даже если не опасаться самого худшего, длительная слабость неизбежна.

За все эти дни я, как Вы можете себе представить, многое перенес, однако жестокая тревога, заботы и бессонные ночи не отразились на моем здоровье, если только последствия не скажутся позднее. Жену никоим образом нельзя оставлять одну, а она позволяет находиться подле себя только мне и моей теще. Ее бред терзает мою душу и внушает постоянную тревогу.

Малютка, слава богу, здорова. Не будь здесь моей тещи, женщины столь заботливой, спокойной и рассудительной, я бы просто не знал, что делать.

Будьте здоровы. Для меня было бы большим утешением вскоре увидеть Вас здесь, хотя при таких печальных обстоятельствах я не смею приглашать Вас.

Ш.

664. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваше письмо, дорогой мой друг, поразило меня самым неприятным образом. Наши обстоятельства так глубоко сплетены между собой, что я ощущаю все то, что происходит теперь с Вами. Лишь бы в болезни поскорее наступил поворот к лучшему, а тогда будем искать средств для преодоления неизбежных последствий.

Я бы навестил Вас теперь, если бы меня не теснили так со всех сторон. Но я бы только испытывал тревогу, находясь подле Вас в Иене и не имея возможности помочь чем-либо, тогда как здесь множество дел требует моего содействия.

Я ничего так страстно не желаю сейчас, как поскорее услышать от Вас что-нибудь утешительное. Лишь бы и Ваше здоровье не пострадало при этих обстоятельствах. Напишите мне, пожалуйста, и в промежутке между почтовыми днями, если найдете возможность.

Г.

Веймар, 26 октября 1799 года.

665. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] вечер 28 октября [1799 года], понедельник

У меня лишь несколько минут для того, чтобы сообщить Вам, что со вчерашнего вечера положение стало спокойнее, что ночь прошла довольно сносно и что бред уже не так тревожен, хотя моя милая и славная жена по-прежнему пребывает *in delirio* *. Сыпь исчезла, и признаков упадка сил нет. Штарк твердо обнадеживает нас и утверждает, что с четверга дело, по-видимому, пойдет на поправку.

Со здоровьем у меня пока довольно хорошо, хотя за эти шестеро суток я провел три ночи совершенно без сна.

Будьте здоровы, послезавтра я снова напишу Вам.

Ш.

* в бреду (латин.).

666. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 30 октября 1799 года

Пользуюсь оказией, только что представившейся мне, чтобы сообщить Вам, что хотя теперь согласно заключению Штарка жена моя вне опасности и лихорадка почти прекратилась, однако, к сожалению, сознание еще не вернулось к ней, а бурные приступы с помрачением рассудка, скорее, даже участились. И хотя врач успокаивает нас и на этот счет, Вы можете себе представить, в каком печальном положении мы находимся. До сих пор я чувствовал себя довольно сносно, но сегодня, после четвертой бессонной ночи за эту неделю, уже ощущаю сильную слабость.

Будьте здоровы и поскорее дайте мне знать о себе.

Ш

667. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Известием о том, что состояние Вашей милой жены если не улучшилось, то по крайней мере обнадеживает, Вы принесли мне особое утешение, так что я не без некоторого удовольствия смог посвятить эти два дня поездке в Нидерросла¹ на храмовый праздник. Сегодня я собираюсь в Буттштедт, где состоится конный базар, а вечером вернусь домой, где надеюсь узнать из Вашего вчерашнего письма хорошие новости.

Как только обстоятельства более или менее позволят это, я навещу Вас, ибо мне многое нужно обсудить с Вами, а чтобы завершить «Магомета», я снова должен буду провести какое-то время в Иене. Дела, надеюсь, уже обстоят так, что Вы сможете передать больной мой поклон. Хоть бы заботы эти не отразились на Вашем здоровье!

Г

Нидерросла, 31 октября 1799 года.

668. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 1 ноября 1799 года

Двадцать первый день болезни уже миновал, и лихорадка заметно идет на убыль, а зачастую и вовсе исчезает, однако сознание еще не вернулось, и кажется даже, что болезнь бросилась в голову, так что дело часто доходит до приступов настоящего безумия. И хотя мы уже не

опасаемся за жизнь моей жены, однако избавиться от страха, что пострадает ее рассудок, не можем. Тем не менее Штарк по-прежнему обнадеживает нас и на этот счет. Он с самого начала не боялся применять сильные средства и по ходу болезни все усиливал их. Теперь он прибегает к холодным компрессам на голову, которые, по-видимому, оказывают хорошее воздействие, ибо с тех пор, как их начали прикладывать, жена минутами начала узнавать меня и свою мать.

Я делаю все возможное, чтобы хоть немного отдохнуть днем и ночью от этих мучений, и пока что не могу пожаловаться на свое здоровье. Однако дело грозит затянуться, и я ума не приложу, как быть тогда.

Будьте здоровы. Меня зовут.

Ш.

669. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хотя Ваше письмо и успокоило меня до некоторой степени в том, что касается выздоровления Вашей милой жены, однако, с другой стороны, тут совершенно естественно возникают новые тревоги из-за продолжительности болезни.

Я постараюсь освободиться от дел на следующей неделе с тем, чтобы провести некоторое время с Вами, хоть и опасаясь, что различные обстоятельства могут помешать мне.

Эти дни я провел в деревне — скорее для дела, чем для развлечения; в городе же я никак не могу прийти в себя из-за вереницы пустяков. Бюри, мой давний римский друг, находится сейчас в Веймаре¹; он тоже вынужден вернуться на север после того, как провел 17 лет в Риме.

На сегодня ограничусь наилучшими пожеланиями.

Г.

Веймар, 2 ноября 1799 года.

670. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 4 ноября 1799 года

Моя жена, к сожалению, находится все в том же состоянии, что и три дня назад, и ничего еще нельзя сказать, что же будет дальше. С позавчерашнего дня она не вымолвила ни слова, хотя по многим признакам

можно предполагать, что она узнает нас и отвечает признательностью на ту любовь, которую мы ей выказываем. В эти три дня она спала превосходно, однако ела очень мало, да и то с большим трудом. Неизменное безразличие, вялость и помраченность сознания — вот симптом, который больше всего мучает и пугает нас. Бог весть, к чему это еще приведет, я не знаю ни одного схожего случая, на котором мог бы основываться в своих умозаключениях, и боюсь, что вскоре истощится и изобретательность Штарка. Опиум, мускус, гиосциамин, хина, камфара, туция, шпанские мушки, горчичники, холодные нашатырные компрессы на голову, густые масла для растирания — все это было испробовано одно за другим, а сегодня, по-видимому, наступит черед опыта с белладонной.

Так как это постоянное и мучительное зрелище необыкновенно угнетает меня, то я почти уже решился съездить на полдня в Веймар и немного рассеяться. Моя теща тоже нуждается в подобной перемене; мы можем оставить мою жену на недолгое время под присмотром госпожи Грисбах, уже оказавшей нам большие услуги.

Будьте так добры распорядиться как можно скорее изготовить копии «Лагеря Валленштейна» и двух других пьес, экземпляры которых я прилагаю. Я не могу сейчас предоставить переписчику какое-либо помещение в своем доме, а отдавать здесь пьесы на сторону мне бы не хотелось. Вы окажете мне большую услугу, если быстро пришлете мне копии.

Вообще же все мои дела теперь отложены — и, по-видимому, надолго.

Лишь бы Вы тем временем были здоровы и бодры! Мне очень жаль, что я не смогу сейчас увидаться с Бюри, однако при нынешних обстоятельствах это совершенно невозможно.

Сердечно прощаюсь с Вами.

Ш.

verte *

P. S. Пьесы, по-видимому, вручит Вам завтра посылная, так как курьерская почта их не приняла. Что же касается «Лагеря Валленштейна», то экземпляр его имеется у Зейфарта, так что переписку можно было бы начать тотчас

* просьба смотреть на обороте (латин.).

же. Я попрошу также прислать мне ноты 1) начальной песни из «Лагеря Валленштейна», 2) песни рекрута, 3) песни рейтаров и 4) «Жалобы девушки». Лодер ведет переговоры о постановке пьес в магдебургском театре¹, и я должен спешно послать их туда. Хотя Зейфарт и заказал для меня недавно копию «Лагеря Валленштейна», однако мне нужна еще одна.

671. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 5 ноября 1799 года

Прилагаю к посылаемым пьесам¹ лишь слова привета. Моя жена выказала сегодня заметно более ясное сознание и вообще, кажется, чувствует себя немного лучше, чем за всю прошедшую неделю.

Вероятно, я приеду завтра в Веймар за тещей, которая сегодня отправилась туда с моим свяком. Меня искренне радует надежда вновь увидеться с Вами.

Ш.

672. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 8 ноября 1799 года

Позавчера по возвращении я застал жену в том же положении, в каком оставил ее; вчерашний день прошел благополучно и внушил некоторые надежды, однако нынешняя ночь вновь принесла с собой мучительные тревоги, и кажется, что выздоровление вновь отодвигается надолго.

Таким образом, и у меня все идет по-старому, я не могу заняться чем-либо утешительным.

Я передал моему свяку известное поручение и надеюсь вскоре увидеть результаты.

Будьте здоровы и передайте Карлу¹ мой поклон. Завтра мне представится возможность удовлетворить его маленькие просьбы.

Ш.

673. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Надеюсь, что мое желание увидеть Вас исполнится завтра, и хотя я не смогу оказать Вам какой-либо помощи, однако мое присутствие в Иене как средство для отвлечения мыслей при столь продолжительной болезни все-таки даст кое-что.

Карл вполне сносно чувствует себя в новых условиях и лишь с приближением ночи, как это обычно бывает у детей, начинает испытывать тоску по привычной обстановке.

Желаю Вам и далее сохранять прежнюю бодрость.

У меня есть много такого, по поводу чего я хотел бы узнать Ваши мысли.

Г.

Веймар, 8 ноября 1799 года.

674. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

[Иена, середина ноября 1799 года]

Сообщите мне только, дорогой мой друг, как чувствует себя Ваша милая жена и передайте ей мой сердечный привёт.

Г.

675. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку я приглашен сегодня вечером к Лодерам и боюсь, что помешаю Вашей работе, если приду к Вам раньше условленного часа, то попрошу Вас письменно известить меня о состоянии нашей милой больной.

Завтра сюда прибывает тайный советник Фойгт. Если общество Эглофштейна и Милькау не покажется Вам неприятным, то мы будем очень рады пригласить Вас к обеду. По крайней мере прибор для Вас будет стоять наготове.

Лодер просит узнать у Вас, довольны ли Вы предложениями магдебуржцев и пошлете ли туда свои пьесы — или нужно еще немного расшевелить тамошних любителей театра. Будьте здоровы и пришлите мне второй том принцессы Конти¹, если Вы уже прочитали его.

Г.

[Иена], 19 ноября 1799 года.

676. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена,] 19 ноября 1799 года

Ночь прошла вполне сносно, однако днем бедная женщина снова обнаруживала признаки расстроенного воображения и часто удручала нас. Поэтому я ничего не мог делать утром; посмотрю, не принесет ли вечер должное настроение, а Вам пожелаю приятно провести время.

Господа из Магдебурга — настоящие негодяи, передайте это Лодеру от моего имени и скажите, что вчера я изложил свое мнение на этот счет в письме к тому самому господину ратману Фритце, к которому он меня адресовал. Доводы к такому суждению Вы получите завтра, так как сейчас у меня нет под рукой нужных писем.

Прилагаю второй том Конти, который прошу вернуть мне, как только Вы его прочтете. Спокойной ночи.

Ш.

677. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Иена, 2 декабря 1799 года]

Я вынужден пожелать Вам сегодня доброго вечера в письме, потому что упаковка вещей и прочие приготовления задержат меня, как я и опасался, до десяти часов. Завтра после десяти я надеюсь еще увидиться с Вами на несколько минут перед отъездом¹. Жена, слава богу, и сегодня чувствовала себя хорошо. Сам же я еле держусь на ногах.

Посылаю при сем все то, что принадлежит Вам. Прилагаемые карты прошу Вас отослать в Бюттнерову библиотеку.

Шиллер

678. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 4 декабря 1799 года

Наше путешествие прошло благополучно, и моя жена, которая живет сейчас у госпожи фон Штейн, очень хорошо спала после всех troubles * вчерашнего дня без каких-либо следов ее прежних приступов. Начало, стало быть, положено удачное, и я надеюсь на лучшее в будущем.

Вообще же у меня пока не было времени повидаться здесь с кем-либо, за исключением моих родственников и госпожи фон Штейн.

Будьте здоровы и приезжайте поскорей.

Шиллер

679. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Два дня, прошедшие после Вашего отъезда, я провел в столь желанном и почти полном одиночестве. Небольши-

* волнений (франц.)

ми исключениями послужили визит Меллиша, ужин у Лодера и чтение Тиком «Геновевы»¹ у меня в комнате.

Я познакомился поближе со староанглийским театром. Исследование Мэлона² о предполагаемой последовательности, в которой Шекспир сочинял свои пьесы, одна трагедия и одна комедия Бена Джонсона³, две пьесы, приписываемые Шекспиру⁴, и еще кое-что, связанное со всем этим, внушили мне некоторые удачные представления и перспективы.

То, что Эшенбург в своем новом издании⁵ игнорировал это критическое сокровище, могло бы показаться непостижимым, не будь человеческая природа непостижимой сама по себе. Снабдив все пьесы краткими предисловиями отчасти исторического, отчасти критического характера (материал для этого содержится в последнем английском издании Мэлона, причем его можно было бы украсить незначительным числом отдельных арагcus*), он оказал бы делу великую услугу, и каждый читатель должен был бы начинать чтение новой пьесы с пояснений такого рода. Быть может, Эшенбург сделает это, как и прежде, в отдельном томе⁶ — и, вероятно, гораздо обстоятельнее, чем необходимо. Но как много людей не найдет и не прочтет этого!

Вы видите, что я все еще наслаждаюсь безмятежным покоем Иены, тогда как Вас уже, вероятно, захлестнули волны веймарской светской жизни. В воскресенье вечером я осведомлюсь о том, где именно я смогу найти Вас. Будьте здоровы и кланяйтесь Вашим близким.

Г.

Иена, 6 декабря 1799 года.

680. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 9 декабря 1799 года

Мне было очень приятно услышать от Вас сегодня, что полюса нашей магнитной стрелки поменялись местами, и там, где прежде был север, теперь находится юг. Впрочем, я еще не вполне ощутил смену местожительства — отчасти из-за обилия домашних дел в первые дни, отчасти из-за того, что мне нужно покончить с накопившимися письмами и другими почтовыми отправлениями до того, как я начну свое новое существование. Я только нанес визит

* суждений (франц.).

герцогу позавчера и провел у него час. О содержании разговора расскажу при встрече.

В течение этих пяти дней моя жена неизменно чувствовала себя хорошо и не ощущала ни малейших последствий своего прежнего состояния; бог даст, все будет идти так хорошо и дальше, и в будущем не возникнет никаких рецидивов.

Известный сонет ¹ произвел здесь дурную сенсацию, и даже наш друг Мейер вводит дамское общество в соблазн воспринимать это как *hoggeur* *. Я вынужден был несколько дней назад весьма оживленно оспаривать подобное мнение. Меня это нисколько не должно удивлять, ибо весь мой веймарский опыт тоже сводился к тому, что я вступал в противоречие с общим приговором.

Сокровище, которым Эшенбург пренебрег в своем новом издании, не преминет, вероятно, использовать в своем Шлегель. Это придаст теперь делу новый оборот, и те читатели, которых занимают лишь курьезы, найдут и здесь нечто в том же духе, что и в Вольфовом Гомере.

Фихте, как я слышал, прибыл сейчас в Иену ², и мне любопытно было бы знать, не в Вашем ли экипаже.

Если только это не означает слишком большого злоупотребления любезностью, то я еще раз попросил бы лошадей дорожно-строительного ведомства, чтобы привезти сюда все оставшиеся в Иене шкафы и прочие вещи, потому что здешняя квартира нуждается в этом, а женщины особенно неохотно мирятся с подобными неудобствами. Но если сейчас это нежелательно, то дело вполне терпит хоть несколько недель.

Я с великим нетерпением жду Вас завтра.

Будьте здоровы и передайте, пожалуйста, мой дружеский поклон Грисбахам и Лодерам.

Ш.

681. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Когда я сегодня утром вышел из дома, то надеялся навестить Вас, однако мне это не удалось. Днем я буду во дворце и прошу Вас сообщить мне, как Вы собираетесь провести этот вечер и смогу ли я увидеться с Вами ¹.

Г.

Веймар, 9 декабря 1799 года.

* нечто ужасное (*франц.*).

682. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 10 декабря 1799 года

Возвращаю при сем пьесу¹. Лучшее из того, что можно было бы сказать о ней, уже было сказано вчера. Чем больше углубляешься в действие, тем слабее оказывается произведение. Мотивы неудовлетворительны, отчасти же весьма банальны и неуклюжи. Антоний слишком уж *простодушен*, а из предисловия² явствует, что поэт предвидел подобный упрек и надеялся довольно своеобразно оправдаться ссылками на исторические источники. Клеопатра лишь отталкивает, она лишена величия; сама же Октавия совершенно бесцветна. Мотив с детьми постоянно повторяется во всех обличьях и призван возместить недостаток других средств.

Таким образом, вчерашний наш приговор остается в силе: декламационная сторона удачна, поэтическая же и в особенности драматическая мало чего стоят.

Ш.

683. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Благодарю Вас за все сказанное относительно пьесы. Я совершенно согласен с Вами. Чем больше вчитываешься в нее, тем меньше она нравится.

Я приглашен сегодня на обед ко вдовствующей герцогине, после чего позволю себе осведомиться, дома ли Вы.

Г.

Веймар, 11 декабря 1799 года.

684. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Так как вчера я не смог увидеться с Вами в театре, то хотел бы узнать, как обстоят у Вас дела сегодня и не удастся ли Вам прийти ко мне вечером хотя бы ненадолго.

Гете

Веймар, 15 декабря 1799 года.

685. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Герцог и герцогиня приглашены сегодня ко мне на чашку чая и, как я надеюсь, с благосклонным вниманием выслушают «Магомета». Если Вы сможете принять в этом участие, то я от всего сердца приглашаю Вас¹.

Г.

Веймар, 17 декабря 1799 года.

686. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если Вы сможете навестить меня сегодня вечером в шесть часов и остаться к ужину, то я буду очень рад.

Г.

[Веймар,] 20 декабря 1799 года.

687. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вчера я надеялся увидеть Вас вечером, однако мне это не удалось. Сегодня я не смогу выйти из дому, а Вас, вероятно, удержит от посещения нашего кружка пророческий переизбыток¹. Тем не менее пришлите к нам Вашу милую жену и напишите мне, благосклонны ли музы к Вам. Я веду чрезвычайно суетный образ жизни.

Г.

[Веймар,] 23 декабря 1799 года.

688. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 23 декабря 1799 года]

Вчера вечером я предполагал еще покуситься на визит к Вам, однако слишком углубился в работу и упустил время. Поскольку я собираюсь прочитать завтра Меллишу три первых акта, то за эти дни многое нужно было и еще остается сделать, и это удерживает меня дома, ибо, как Вы знаете по собственному опыту, ничто так не отнимает время, как заполнение небольших пробелов, которые оставляешь по ходу работы. Но если у Вас еще будет время и желание побеседовать со мной сегодня вечером после задуманной авантюры, то дайте мне знать, и я приду. Будьте здоровы. Жена с благодарностью примет Ваше приглашение, в особенности если сами Вы как-нибудь посетите нас.

Ш.

689. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я думаю, что Вы в любом случае могли бы решиться прийти ко мне в половине девятого. Вы найдете здесь натопленную и освещенную комнату и, вероятно, нескольких задержавшихся друзей, холодные закуски и стакан пунша — все то, чем не стоит пренебрегать в эти долгие зимние ночи.

Г.

[Веймар,] 23 декабря 1799 года.

690. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Распорядитесь, стало быть, доставить себя сегодня в два часа во дворец, где мы с Вами встретимся в кабинете герцога. Вечер же, вероятно, Вы проведете у меня.

Г.

[Веймар,] 27 декабря 1799 года.

691. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я хотел бы спросить, не навестите ли Вы меня сегодня хотя бы ненадолго? Вы могли бы приказать донести себя до большой лестницы, чтобы как можно меньше пострадать от холода. Стаканчик пунша поможет воздействию теплой комнаты, после чего к нашим услугам будет скромный ужин.

Г.

[Веймар,] 30 декабря 1799 года.

692. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 30 декабря 1799 года

Я надеялся увидеть Вас сегодня во время спектакля или после него, однако теплая комната слишком сильно удерживает меня, а к тому же нам нанесли визит, который продолжался до шести часов и от которого я не мог отстраниться. Примите поэтому лишь дружеское пожелание спокойной ночи и позвольте вручить Вам снотворное, присланное Коттой¹. Если Мейер завтра выйдет из дома, то я попрошу его заглянуть ко мне на минутку.

Ш.

693. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем экземпляр «Пропилей» и хочу осведомиться, не обрадуете ли Вы меня сегодня вечером своим посещением. Со вчерашнего дня я не слишком хорошо себя чувствую и испытываю довольно серьезные опасения, что самый короткий день в году еще успеет причинить мне неприятности.

Г.

[Веймар,] 31 декабря 1799 года.

694. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 31 декабря 1799 года

Я искренне сожалею о Вашем недомогании и надеюсь, что Вы не возьмете его с собой при вступлении в новый год. Я явлюсь к Вам после шести часов, а в промежутке между нынешним моментом и вечером попытаюсь еще немного продлить земное существование одного из моих героев¹, ибо Керы смерти уже приблизились к нему.

Это утро принесло мне большую партию бумаги и других вещей, которыми я обязан Вашей любезности.

Ш.

695. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 1 января 1800 года]

Поздравляю Вас с Новым годом и с новым столетием и надеюсь услышать, что Вы встретили их в добром здравии. Пойдете ли Вы на представление оперы? ¹ В таком случае я, вероятно, увижусь с Вами в театре, потому что собираюсь сегодня доставить себе какое-нибудь развлечение. Фос и Хайде только что были у меня; они без особой похвалы отозвались о «Густаве Ваза» ², и, судя по отдельным деталям, в пьесе действительно имеются отталивающие моменты.

Будьте здоровы. Моя жена шлет Вам наилучшие пожелания в новом году.

Ш.

696. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я был сердечно рад тому, что вчера вечером завершил вместе с Вами в тиши год, а с ним и столетие. Да будет для Вас его начало таким же, как конец минувшего, а грядущее — как прошлое.

Я сегодня приглашен на обед к Гору, а от него обычно расходятся поздно. Однако в любом случае я разыщу Вас в театре.

Будьте здоровы и передайте Вашей милой жене мои ответные поздравления и наилучшие пожелания.

Г.

Веймар, 1 января 1800 года.

697. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вчера я слишком задержался у Гора для того, чтобы еще успеть в театр.

Сегодня же я хочу осведомиться, как Вы себя чувствуете и что собираетесь делать вечером. Я остаюсь дома,

так как не настолько здоров, как следовало бы; однако я всегда рад, когда Вам удастся навестить меня.

Г.

[Веймар,] 2 января 1800 года.

698. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Я рассчитывал этим вечером найти Вас в клубе, куда меня пригласил мой свояк. Но если Вы не пойдете туда, то я тоже, вероятно, воздержусь; тем не менее я хотел бы заглянуть к Вам на минутку, только прошу Вас не рассчитывать твердо на мой приход.

Ш.

[Веймар,] 2 января 1800 года.

699. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 3 января 1800 года]

Я приглашен ко вдовствующей герцогине на повторное чтение пьесы Коцебу¹, от чего я никак не мог уклониться, поскольку еще ни разу не был там с визитом, однако на ужин я не останусь. Таким образом, если я смогу появиться у Вас примерно в восемь часов и не помешаю Вам, то тогда велю отнести меня из дворца прямо к Вам. Вчера я был еще на балу, но тоже не остался на ужин, и охотно бы еще посетил Вас, если бы не было так поздно. Будьте здоровы, я прошу лишь устного ответа.

Ш.

700. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Слушать сегодня чтение пьесы, которую будут представлять завтра, — тяжелое испытание, даже если бы речь шла о произведении Шекспира. Так что вооружитесь и Вы терпением и выдержкой. Вы встретитесь со мной в любом случае и доставите мне большую радость своим приходом в восемь часов или чуть позже. Эти несколько дней я занимался в тиши некоторыми любопытными вещами. Мейер в отличном настроении, и нам недостает лишь Вашего присутствия, чтобы провести очень приятный вечер.

Г.

Веймар, 3 января 1800 года.

701. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 5 января 1800 года

Мне хотелось бы, чтобы вчерашние герои и тираны пришлось Вам по вкусу, и я с удовольствием услышал бы от Вас еще что-нибудь, если бы не столь позднее время. Актеры вполне удачно выпутались из затруднительного положения, и не стану скрывать, что я был изумлен той ясностью, которая воцарилась теперь в этом пестром романе. Публика, если я не ошибаюсь, совершенно удовлетворена и относит эту заслугу на счет Коцебу.

Сообщите мне, пожалуйста, смогу ли я увидеть Вас сегодня — и где и когда. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

702. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Уже три часа, а у меня еще нет никаких вестей от Вас. Поэтому простите мне, дорогой друг, вопрос: не собираетесь ли Вы снова отправлять журавлей на север¹, несмотря на время года, или же хотите осуществить какой-нибудь другой замысел? Прошу Вас в любом случае ответить мне, чтобы я мог сообразовываться с этим, если у меня вдруг возникнет искушение ненадолго покинуть Малепартус².

Г.

[Веймар,] 6 января 1800 года.

703. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 6 января 1800 года

Я ни в коем случае не хочу повторять позавчерашний долгий путь в одиночку, и если мне позволено будет прийти к Вам сегодня вечером по окончании работы, то это очень обрадует и приободрит меня. Я начал сегодня обдумывать *quaestiones* * пролога¹, и небо, быть может, пошлет мне удачное настроение если не для окончания стихотворения, то хотя бы для первого наброска.

Если Вы не распорядитесь иначе, то я явлюсь к Вам около семи.

Ш.

* темы (латин.).

704. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 7 января 1800 года]

Дело, которое Вы взвалили сегодня на себя, не слишком вдохновляет¹, хотя, согласно моему опыту, для бедного поэта есть нечто привлекательное даже и в таком воплощении его идей.

Я просмотрел сегодня Вашу «Ифигению»² и уже несколько не сомневаюсь в успехе спектакля. При подготовке к этому в тексте придется изменить лишь немного, и по преимуществу — в мифологической части, к которой публика *in massa* слишком уж равнодушна. Кроме того, я советовал бы пожертвовать несколькими общими сентенциями ради драматического интереса, хотя вообще-то они вполне уместны. Подробнее при встрече. Я приду примерно в семь. До этого мне нужно дождаться Гуфеланда из Иены, сообщившего о своем приходе. Будьте здоровы.

Ш.

705. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 8 января 1800 года

Надеюсь, что Вы хорошо выспались после нашего вчерашнего квартета¹. Сегодня я собираюсь остаться дома и попытаться закончить мои стансы², чтобы мы могли с заряженным ружьем ждать публику на представление «Магомета». Будьте здоровы. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

706. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я только что собирался пригласить Вас, потому что для меня неутешительно будет провести этот вечер без Вас. Однако желаю счастья и успеха столь благородному замыслу. Я сейчас занимаюсь немного *in physicis**. Завтра, в половине шестого, Вы, стало быть, ассистируете при пробной читке¹.

Г.

Веймар, 8 января 1800 года.

707. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вчера я поторопился, приглашая Вас сегодня на читку. Она состоится только завтра. Если бы Вы смогли провести

* физикой (латин.).

нынешний вечер со мной, то от всей души приглашаю Вас. Как обстоят дела со стансами?

Если Вы захотите отправиться на часик на прогулку, то в двенадцать часов я заеду за Вами в санях.

Г.

[Веймар,] 9 января 1800 года.

708. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Меня огорчает, что читка состоится на день позже: она совпадает по времени с моим визитом на чашку чая к владетельной герцогине, причем я уже принял приглашение, а ведь в театре я присутствовал бы с особым удовольствием.

Стансы я не вполне еще закончил, так как вчера вечером одиночество мое, вопреки ожиданиям, было нарушено. Именно этой работой я и занимаюсь сейчас, и, чтобы не прерываться, попрошу отложить предложенную прогулку до другого раза. Сегодня вечером я приду к Вам.

Ш.

[Веймар,] 9 января [1800 года.]

709. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Мне не терпится узнать, насколько Вы довольны вчерашней читкой. Поскольку я вернулся от герцогини только в половине девятого, то не решился беспокоить Вас в столь позднее время. Что Вы делаете сегодня? Я хотел пойти в оперу¹, быть может, я увижу Вас в театре или до этого, если Вы заглянете ко мне по пути.

Ш.

[Веймар,] 11 января 1800 года.

710. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я позволю себе осведомиться о Вашем здоровье и предложить кое-что.

Не хотите ли отправиться со мной во дворец? Сегодня не холодно, ветра нет. Я заехал бы за Вами в санях, и Вы увидели бы много такого, что должно было бы заинтересовать Вас. После этого мы могли бы провести остаток дня за дальнейшими беседами.

Сегодня утром у меня была славная маленькая Пальмира¹, которая и в самом деле очень старается. Если в первых актах удастся завуалировать ее ясную натуру, все будет удачно; за последние я не боюсь.

Я распорядился доставить от господина фон Вольцогена костюмы², и некоторые из них вполне пригодны.

Подробнее — при встрече, в особенности о том странном чувстве, с которым я начал сегодня читать «Ифигению». Я продвинулся не очень далеко, — но не буду начинать разговора, потому что придется сказать слишком много.

Будьте здоровы. Я смогу заехать за Вами тотчас же по получении ответа.

Г.

[Веймар,] 13 января 1800 года.

711. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 13 января 1800 года]

К сожалению, я совершенно не в состоянии принять предложенную прогулку. Я не спал эту ночь и встал только в двенадцать. И мысли у меня путаются из-за бессонницы. Меня привели в возбуждение оживленные занятия «Макбетом»¹, над которым я вчера размышлял еще в очень позднюю пору. Отложим, стало быть, обсуждение до завтрашнего дня, когда я надеюсь присутствовать на репетиции, и с более ясной головой, чем сегодня.

Будьте здоровы.

Ш.

712. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 15 января 1800 года

Я надеялся найти Вас сегодня днем у герцога, куда был приглашен и где вообще никого не встретил. После обеда я отправился к моему свояку, а по возвращении домой узнал, что Вы приходили ко мне. И в самом деле, случай исключительный в своем роде: чтобы Вы не застали меня дома! Сегодня я просто пожелаю Вам доброго вечера, остальное — завтра. Я успел сделать сегодня немного, так как слишком поздно встал. И все же я снова занимался «Макбетом».

Ш.

713. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 19 января 1800 года

Сегодня я ограничусь лишь словами привета, поскольку собираюсь остаться дома и вернуться к моей работе¹,

которую я несколько запустил за эти дни. Завтра я осведомлюсь, будете ли Вы вечером дома. Во вторник после репетиции я приглашу к себе актеров, играющих в «Метеморфозы».

Будьте здоровы.

Ш.

714. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я надеялся, что сегодня вечером увижу Вас у себя, и уже собирался пригласить Вас. Лишь надежда на то, что Ваша работа сама по себе сулит нам радости в будущем, позволяет мне смириться сегодня с отказом от Вашего общества.

Вчера я искал Вас в ложе в первом и во втором актах¹ и никак не мог выяснить, где Вы находитесь.

Будьте здоровы, завтра я вовремя дам знать о себе.

Г.

Веймар, 19 января 1800 года.

715. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вы получите при сем весьма различные предметы. Пакет сургуча, обернутый в письмо Гумбольдта¹, а вдобавок — «Ифигения», палингенезия которой, вероятно, сопряжена с большими трудностями, даже если применить здесь все искусство господина фон Эккартсгаузена, о котором совсем недавно поведал нам «Имперский вестник»².

Будет очень любезно с Вашей стороны, если завтра после репетиции Вы примете у себя актеров. При этом можно будет обсудить некоторые полезные предметы, тем более что гостей окажется не так уж много.

Если Вы сможете навестить меня сегодня вечером, то я буду очень рад, поскольку чувствую себя не самым лучшим образом; надеюсь, что зато на Вас падение барометра подействовало благотворно.

Г.

Веймар, 20 января 1800 года.

716. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 20 января 1800 года]

Сердечно благодарен за все присланное. Вы не сообщали мне, какие суждения и прорицания высказал serenissimus* относительно «Ифигении». Нынешним вечером я

* его светлость (латин.).

приду к Вам после шести — после того, как закончу вчерне два первых акта «Макбета».

Что касается способностей Эккартсгаузена, то недавно у герцогини я слышал, как Гердер с величайшим доверием и похвалой отзывался о них; по крайней мере в самом этом человеке он принимает живейшее участие.

Прилагаю сцену из «Валленштейна» для Вульпиуса¹. Я выбрал первую сцену Гордона с Бутлером, в которой речь идет о юности Валленштейна и которую легко можно читать без всякой связи с остальным.

Ш.

717. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Не будете ли Вы так добры послать мне бутылку красного вина, которое прислал господин Цапф¹? Прошу также известить меня, буду ли я иметь удовольствие видеть Вас у себя, как мне хотелось бы.

Г.

Веймар, 2 февраля 1800 года.

718. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 2 февраля 1800 года]

Вино, о котором я говорил Вам вчера, белое, а не красное.

Я приду к Вам сегодня вечером.

С тех пор как я взял шекспировский оригинал¹ у госпожи фон Штейн, я нахожу, что действительно поступил правильно, с самого же начала придерживаясь его, ибо хотя я не слишком хорошо знаю английский, однако дух мышления воздействует тут самым непосредственным образом, и я зачастую тратил прежде лишние усилия, с трудом продираясь сквозь неуклюжие суррогаты моих предшественников² к подлинному смыслу.

Будьте здоровы.

Ш.

719. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я должен предупредить Вас, что сегодня вечером дают не «Школу злословия»¹, а другую пьесу, «Женщину под вуалью»², которая не так уж и плоха, однако не способна выманить меня в театр. Таким образом, я останусь дома,

если Вы сможете навестить меня,— и вечер этот, быть может, принесет нам какие-нибудь неожиданные трофеи.

Г.

Веймар, 3 февраля 1800 года.

720. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я хотел бы узнать, как Вы провели вчерашний вечер и каковы Ваши намерения относительно сегодняшнего. Если Вы решитесь пойти в театр¹, то я буду ждать Вас после спектакля; если, однако, Вы тоже уклонитесь (что я нашел бы вполне естественным), то добро пожаловать ко мне в любой час.

Г

Веймар, 5 февраля 1800 года.

721. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 5 февраля 1800 года]

У меня есть надежда, что если сегодня вечером и завтра днем я не буду отрываться от моей работы, то закончу ее завтра и принесу Вам. Поэтому я собираюсь сегодня вечером остаться дома и ограничусь лишь словами приветов в письме.

Ш.

722. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если Вы соберетесь ко мне сегодня вечером, несмотря на этот сильный холод, то я хотел бы, чтобы Вы пришли в шесть часов, чтобы мы с Вами проглядели «Макбета».

В семь часов, когда взойдет луна, Вы приглашаетесь принять участие в астрономическом пикнике с наблюдениями Луны и Сатурна, так как сегодня вечером в моем доме будет три телескопа.

Если же Вы предпочтете теплую комнату, то Вам составит компанию наш друг Мейер, который испытывает искреннюю ненависть художника к лунным горам в той же степени, что и к швейцарским, а к небесным светилам — что и к холоду.

Г.

Веймар, 11 февраля 1800 года.

723. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Приближается время, когда нам придется искать замену для роли Нейбрунн¹ в «Валленштейне», поскольку

мадам Фос, как полагают в театре, не вполне справляется с нею. Я предлагаю тут демуазель Касперс, которая, судя по тому, что мы недавно видели, отлично исполнит и эту роль, тем более что она находится в дружеских отношениях с демуазель Ягеман. К тому же хорошо было бы попытаться приобщить ее к ритмическому языку трагедии посредством этого маленького опыта.

Сегодня после полудня я еще раз дам знать о себе.

Г.

Веймар, 12 февраля 1800 года.

724. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если Вы навестите меня сегодня вечером после спектакля¹, то, проведя четверть часа на холоде, составите более отчетливое представление о лунных возвышенностях и впадинах, не говоря уже о том, что я буду очень рад снова увидеть Вас после столь долгого перерыва.

Г.

[Веймар,] 12 февраля 1800 года.

725. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если Вы пожелаете посетить нас сегодня в шесть часов, то будете весьма желанным гостем.

Я хотел бы, чтобы Вы увидели мейеровского Валленштейна¹ на этой стадии исполнения; когда смотришь на картину в работе, скорее постигаешь под конец, что она собой представляет.

Я хотел бы также послушать окончание Вашего «Макбета» и обрести жизнерадостность в дружеском общении.

Г.

Веймар, 14 февраля 1800 года.

726. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я очень рад тому, что кровопускание пошло Вам на пользу¹.

Посылаю при сем английский словарь².

Обо всем остальном я позабочусь.

Относительно «Пикколомини»³ я не слышал ничего существенного, помимо того, что мы уже знаем; на спектакле было 422 зрителя.

Вероятно, я навещу Вас примерно в шесть часов, а в семь мне придется уже уйти.

Г.

Веймар, 16 февраля 1800 года.

727. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Последовав Вашему совету, я скомпилировал еще одну осень и посылаю теперь на Ваше усмотрение все четыре времени года¹. Быть может, Вам придет в голову нечто такое, что пойдет на пользу целому; что же касается меня, то я переживаю сейчас совершенно непоэтическое время года.

К сожалению, я вынужден буду несколько дней оставаться дома, ибо доктор настаивает на том курсе лечения, от которого я уклоняюсь длительное время. Было бы просто прекрасно, если бы Вы сейчас поправились настолько, что смогли бы навестить меня. Пока что будьте здоровы.

Г.

[Веймар,] 22 марта 1800 года.

728. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 22 марта 1800 года

Очень сожалею о Вашем нездоровье и надеюсь, что оно скоро пройдет. Как только наберусь немного смелости для того, чтобы выйти из дома, то навещу Вас. Быть может, завтра воздух потеплеет и солнце покажется — и тогда, вероятно, я отважусь на это.

Я был рад получить теперь все четыре времени года в полном виде. Прием, к которому Вы прибегли, очень удачен, и если при случае Вы вставите еще в осеннем цикле один или два дистиха, ясно указывающих на это время года, то тут нечего больше и желать. Сейчас я тщательно посмотрю дистихи, а при встрече мы обсудим их. Будьте здоровы, на сегодня довольно. Моя жена от всей души желает Вам скорейшего выздоровления.

Ш.

729 ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку я решился наконец заболеть, то медик, от которого я так долго ускользал, тоже решил воспользоваться своими деспотическими правами. Как я хотел бы,

чтобы Вы поскорее вернулись в стан здоровых, чтобы меня порадовал Ваш визит.

Я использую это скверное время, приводя в порядок мой гербарий, который, как я могу надеяться, доставит Вам удовольствие. Чем сильнее путаница, тем приятнее устранять ее, если при этом в какой-то мере удовлетворяется наше стремление видеть объекты в определенной взаимосвязи. Посылаю Вам при сем выпад против веймарского театра¹. Ничтожество и самонадеянность не могли бы, пожалуй, лучше выразить себя.

Будьте здоровы и дайте мне знать, как Вы себя чувствуете.

Г.

[Веймар,] 23 марта 1800 года.

730. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вчерашний Ваш визит был столь же отрадным для меня, сколь и неожиданным. Если эта вылазка не повредила Вам, то мне было бы очень приятно, если бы сегодня Вы снова навестили меня.

Посылаю при сем театральные речи¹, которыми я предполагаю завершить том моих стихотворений. Они, разумеется, чуть суховаты и тем не менее могут пойти в таком виде.

Быть может, я решусь подготовить еще одну речь к завершению нынешнего зимнего сезона; быть может, это наиболее пристойный способ с непринужденной серьезностью досадить оппозиционной партии,— но об этом подробнее при встрече.

Кланяйтесь Вашей милой жене и постарайтесь по возможности сводить ее сегодня вечером в комедию, ибо я хотел бы выслушать от нее беспристрастное сравнение обоих этих спектаклей².

Г.

[Веймар,] 24 марта 1800 года.

731. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Могучее воздействие свежего воздуха немного испугало меня вчера, а подъем по лестнице, особенно по возвращении домой, очень утомил меня. Если мне удастся преодолеть свою боязнь, на что я надеюсь, то я непременно навещу Вас. Предоставим решать это случаю.

Театральные речи — весьма любопытное прибавление к стихотворениям. Всем им присущ оригинальный и притом настолько изящно-непринужденный характер, что они привлекают к себе внимание и пленяют. То новое, что я нашел вчера на отпечатанных листах, тоже очень меня обрадовало.

Поскольку Вы, как сказали вчера, собираетесь включить сюда и неопубликованную элегию¹, с которой у Вас связано столь многое, и к тому же завершить книгу этими приветливыми и привлекательными театральными речами, то я тем более не советовал бы Вам смущать и отпугивать публику печатанием отдельного фрагмента из «Фауста», то есть «Свадьбы Оберона»². Во всяком случае, обдумайте еще раз, стоит ли нарушать доброжелательный тон, который царит теперь во всем собрании.

Моя жена сердечно Вам кланяется. Согласно Вашему желанию, она еще раз посмотрит сегодняшнюю пьесу. Я был бы рад, если бы Вы дали мне почитать «Баярда»³. Множество поклонов Мейеру.

Ш.

[Веймар,] 24 марта [1800 года.]

732. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я хотел бы, чтобы Вы насладились этим прекрасным днем на свежем воздухе, но поскольку я вынужден отказаться сегодня от надежды увидеть Вас, то посылаю еще кое-что¹ с просьбой о дружеском критическом отзыве.

Г.

[Веймар,] 27 марта 1800 года.

733. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 27 марта 1800 года]

Сегодня во второй половине дня я так завален корректурами, правкой и прочими делами, что освобожусь слишком поздно и не решусь нанести Вам визит. К сожалению, я вынужден наслаждаться свежим воздухом лишь из окна, но и это очень бодрит меня.

Благодарю Вас за присланное. Сегодня вечером оно послужит мне приятным обществом в замену автора. Спокойной ночи.

Ш.

734. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаю окончание «Макбета», где я сделал лишь несколько пометок. Увижу ли я Вас сегодня у себя? Обстоятельства мои не слишком хороши.

Г.

[Веймар,] 3 апреля 1800 года.

735. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Шлегель кланяется и посылает приложенное¹.

Пойдете ли Вы в театр — или, быть может, навестите меня? От Вашего решения зависит мое.

Я хотел бы пригласить Вас на завтра к обеду. У меня будет тайный советник Фойгт; возможно, что придет и Виланд.

Будьте здоровы и более деятельны, чем удастся мне сейчас. Мне не написать и строки, не говоря уже о целой строфе.

Г.

Веймар, 5 апреля 1800 года.

736. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 5 апреля 1800 года]

В театр я сегодня не пойду ни в коем случае. Но если Вы пойдете туда, то я хотел бы прийти к Вам до этого; между тремя и пятью, если Вы разрешите. Завтра я явлюсь к Вам, если только буду чувствовать себя хорошо.

Я сейчас совершенно поглощен своей работой¹ и стараюсь продвинуться как можно дальше, поскольку настроение у меня вполне сносное.

Будьте здоровы.

Ш.

737. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем телескоп. Было время, когда Луну воспринимали только чувствами, теперь ее хотят наблюдать; я хотел бы, чтобы появилось побольше любопытствующих и мы смогли мало-помалу привлечь прелестных дам в нашу обсерваторию.

Если ноты музыки к «Макбету» еще у Вас, то принесите их, пожалуйста, этим вечером, равно как и песню привратника¹.

Я хотел бы, чтобы отзвуки вчерашней музыки² слышались Вам и сегодня утром.

Г

Веймар, 10 апреля 1800 года.

738. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 11 апреля 1800 года]

Молодой швейцарец ¹, прибывший сюда из Тюбингена, привез новости о Котте. Его действительно отправили в Штутгарт, но на следующий же день освободили под залог, чтобы он мог заниматься делами. Он также примет участие в ярмарке.

Будьте здоровы, на сегодня довольно. Я жду гостей этим вечером и поэтому не смогу прийти. Ш.

739. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мне было бы очень приятно, если бы Вы смогли прийти сегодня. У нас опять музыкальный вечер.

Я чрезвычайно рад освобождению Котты. У меня лежит его письмо относительно «Фауста», которым я, по видимому, обязан Вам ¹, и должен поблагодарить Вас за него. Ибо оно и в самом деле побудило меня сегодня вернуться к этому произведению и поразмыслить над ним. Будьте здоровы.

[Веймар, 11 апреля 1800 года.]

Г.

740. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку «Предсказания Бакида» ¹ столь чудесным образом нашлись у Вас, то я позволю себе спросить, не обнаружится ли у Вас и моя маленькая юношеская идиллия или пастораль ². Если да, то прошу прислать ее.

Что Вы собираетесь делать сегодня вечером?

Шеллинг здесь, однако я не смог пригласить его, так как из-за домашних обстоятельств не могу сегодня принимать гостей.

На завтрашний вечер Вы и Ваша милая жена приглашаетесь на маленький концерт.

Дьявол, которого я вызвал ³, ведет себя самым удивительным образом.

Г.

[Веймар,] 16 апреля 1800 года.

Чуть было не забыл самое главное. Доставьте мне, пожалуйста, удовольствие и отобедайте завтра со мной.

741. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

После длительного уединения нынешняя, совершенно противоположная обстановка доставляет мне большое удовольствие. Я думаю остаться здесь и на следующую неделю.

Такая ярмарка — поистине целый мир в ореховой скорлупе, где можно составить ясное представление о занятиях рода человеческого, основанных на чисто механических навыках. Вообще же здесь так мало проявляется то, что можно назвать духом, что все это, скорее, напоминает так называемый животный художественный инстинкт.

Говоря без обиняков, во всем том, что производит нынешний момент, нельзя найти и следа того, что собственно именуется искусством.

Среди картин, гравюр и тому подобного попадает кое-что хорошее, но из прошлых времен.

Портрет работы одного живописца¹, находящегося теперь в Гамбурге, выставлен у Баузе и имеет невероятный успех; но и это — последний отсвет отлетающего духа произведений искусства, облако вместо Юноны.

Что касается театра, то я пожалел о Вашем отсутствии лишь на одном-единственном представлении. Натурализм и бессвязность, непродуманность действий доведены здесь до предела как в целом, так и в частности. Ни следа искусства и умения держаться. Одна венская дама очень верно подметила, что актеры словно бы и не подозревают о присутствии зрителей. В том, как большинство из них произносит реплики и монологи, не заметно ни малейшего стремления оказаться понятным. Они беспрестанно поворачиваются к зрителю спиной, говорят в глубине сцены и так далее, и эта пресловутая естественность оборачивается тем, что в значительных местах они немедленно впадают в невообразимейшую манерность.

Публике, напротив, я должен отдать справедливость — в определенном смысле. Она необыкновенно внимательна и не проявляет и следа предпочтения к кому-либо из актеров (последнее, впрочем, было бы делом нелегким). Чаще всего аплодируют автору или, точнее, сюжету, который он разрабатывает, а актеру обычно удается снискать громкое одобрение лишь благодаря преувеличениям. Все это, как Вы видите, приметы неиспорченной, но в то же время и некультурной публики, которая собирается на любой ярмарке.

А за сим — будьте здоровы и не забывайте меня. Еще очень многое — при встрече.

Г.

Лейпциг, 4 мая 1800 года.

742. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 5 мая 1800 года

Благодарю Вас за Ваше милое письмо; для меня совершенно непривычно было так долго не видеть Вас и не получать от Вас вестей. Но хоть мне и сильно недостает Вас здесь, однако мысль о том развлечении, которое Вы доставили себе после долгой зимы и благодаря которому Вы, несомненно, вернетесь домой в бодром расположении духа, очень меня радует. За время Вашего отсутствия я прекрасно чувствовал себя в физическом отношении, часто бывал на свежем воздухе и в конце концов начал смотреть на себя как на здорового человека. Кроме того, я в эти дни занимался подготовкой первых четырех актов «Марии» для сцены и покончил с этим, так что теперь уже принялся за пятый акт. Что касается «Макбета», то прошло уже несколько репетиций, и я надеюсь на полный успех. Однако первое представление состоится только в среду на будущей неделе.

Вы, вероятно, уже успели поговорить с Коттой и осведомиться об его обстоятельствах?

Точно так же Вы знаете, вероятно, и о реплике Шютца на нападки Шеллинга¹. Можно, к сожалению, предвидеть, что большинство окажется не на стороне Шеллинга; весьма печально наблюдать, как человек, действуя самым активным образом, обнажает многие свои уязвимые места. Шеллинг отправился сейчас в Бамберг, а за ним, как я слышал, последовала мадам Шлегель², которая собирается посетить один курорт во Франконии.

Мне сказали, что Коцебу позволил себе лишнее по адресу «Пропилей» в своей новой пьесе под названием «Визит»³. Если это так, то я надеюсь, что Вы дадите понять этому жалкому человеку всю его необыкновенную глупость.

О Веймаре я могу написать Вам лишь немного. За это время я побывал один раз во дворце на званом ужине, где в течение трех четвертей часа вынужден был слушать французские стихи.

Хотя Ваш нынешний образ жизни в Лейпциге и не может отличаться особой духовностью, однако то ясное представление, которое Вы получаете об этих земных делах, тоже приносит немало удовольствия и пользы. Ваше описание тамошнего театра показывает публику, которая по крайней мере не предъявляет никаких требований к

искусству и не претендует на то, чтобы судить о нем, а хочет лишь того, чтобы ее развлекали и волновали. Печально, однако, что искусство там находится в столь скверных обстоятельствах. Я предложил Опитцу моего «Макбета», но пока еще не получил ответа ⁴.

Я слышал еще, что между Фридрихом Шлегелем, который недавно побывал здесь, и Жан-Полем завязалась великая дружба и что Зекендорф тоже связался со Шлегелями: он принимает их у себя и всячески привечает. Рихтер сейчас уехал вместе с Гердером, которому предстоит обвенчать его ⁵.

Моя жена шлет Вам самый дружеский поклон. Будьте здоровы и возвращайтесь к нам в самом светлом расположении духа.

Ш.

743. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 9 мая 1800 года

Я узнал сию минуту, что кто-то из Вашего дома ¹ отправляется в Лейпциг, и пользуюсь этой возможностью лишь для того, чтобы написать Вам несколько слов приветия. Я очень ощущаю Ваше отсутствие, и притом вдвойне, ибо не могу теперь полностью погрузиться в свою работу, так как репетиции «Макбета» сильно разбивают мое время, и я не только не могу, но и не хочу приступить к пятому акту «Марии», потому что для этого мне требуется особое настроение.

Как мне сказали, Вы вернетесь только в среду. Мы, стало быть, прямо встретим Вас «Макбетом», так как он перенесен на этот день.

Здоровье мое по-прежнему превосходно, я часто совершаю прогулки в обществе Мейера. Моей малютке ² пять дней назад привили оспу, и теперь мы со страхом и надеждой ждем появления оспин.

Я вынужден поторопиться, так как до отъезда остаются лишь мгновения. Всего хорошего, возвращайтесь к нам в добром здравии. К сожалению, я смогу провести здесь с Вами всего один день, так как затем начнется мое поэтическое затворничество ³.

Ш.

Приложение прошу передать Котте ⁴. Он должен послать мне немного денег, и я прошу Вас захватить их с собой, если это не обременит Вас.

744. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 23 мая 1800 года]

Мне очень жаль, что Вы не сможете участвовать в нашей пробной читке¹; завтра я представлю Вам подробный отчет.

Что касается *вечернего чтения «Марии»*², то тут Ваше отсутствие меня действительно не огорчит, так как я предпочел бы прочитать Вам целиком всю вторую половину пьесы, с которой Вы еще не знакомы, — при отрывочном же чтении пропадает самое важное.

Пока что — будьте здоровы. Желая Вам счастливых явлений призрака Фауста.

Ш.

745. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Смелая идея вынести на сцену обряд причащения¹ уже получила огласку, и я вынужден просить Вас отказаться от этого эпизода. Могу признаться теперь, что мне и самому это было не по душе; сейчас же, когда уже многие заранее выражают свой протест, это было бы вдвойне нежелательно. Могли бы Вы показать мне пятый акт и навестить меня сегодня утром после десяти часов, с тем чтобы мы обсудили это дело? Быть может, заодно Вы отправитесь посмотреть дворец — день для этого просто превосходный.

Г.

[Веймар, 12 июня 1800 года.]

746. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 15 июня 1800 года]

Мне не терпится узнать, насколько Вы довольны вчерашним спектаклем¹, так что я хочу осведомиться о том, в какое время смогу увидеть Вас сегодня. Наши актеры, несомненно, заслуживают большой похвалы, и если Вы того же мнения, то скажите им, пожалуйста, об этом.

Ш.

747. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

У нас есть все основания быть очень довольными спектаклем, да и сама пьеса чрезвычайно меня порадовала. Если Вы навестите меня сегодня в шесть часов, то

доставите мне большое удовольствие. Днем я буду во дворце и едва ли вернусь домой раньше.

Г.

Веймар, 15 июня 1800 года.

748. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, середина июня 1800 года]

Я так ослаб из-за волнений этих дней, жары и дурно проведенной ночи, что решил не выходить сегодня из дому и отдохнуть как следует. Зато завтра вечером я надеюсь прийти к Вам бодрым и здоровым. Так что всего наилучшего на сегодня, и пусть общество Вам составят удачные мысли.

Ш.

749. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хочу спросить Вас, не поедете ли Вы со мной сегодня вечером в Тифурт, а заодно попрошу Вас прислать мне поэму Шлегеля¹.

Быть может, Вы спросите, кстати, Вашу милую жену, не известно ли ей что-нибудь о моей маленькой пьесе в стихах юношеской поры²?

Я в городе³, Вы могли бы прийти ко мне, а в дорогу мы отправимся, когда нам заблагорассудится.

Г.

Веймар, 24 июня 1800 года.

750. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я решил теперь передать на Ваш суд свой первый набросок¹. Поскольку речь идет лишь о том, чтобы поскорее сбить с рук эту работу, то листы эти, когда я перечитал их, показались мне уже почти соответствующими этой цели. И все же я жду Вашего приговора. Как только я уйду из дворца и буду знать, как складываются у меня дела сегодня вечером, то извещу Вас; быть может, я зайду узнать о Вашем мнении по дороге домой.

Г.

Веймар, 27 июня 1800 года.

751. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Недолго думая, я решил сразу после обеда отправиться в Иену¹, потому что здесь мне никак не удастся сосредоточиться.

Будьте здоровы и успешно продвигайтесь вперед во всех своих делах; в субботу я дам знать о себе.

Г.

Веймар, 22 июля 1800 года.

752. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 22 июля 1800 года]

Я изумлен и поражен неожиданностью Вашего решения, и хотя надеюсь, что оно окажется весьма благим для Вашей работы, однако отсутствие Ваше меня не радует. Пусть древние стены замка принесут Вам множество удач и пусть Вам припомнятся там и добрые и дурные дни, которые мы пережили вместе в Иене.

Надеюсь вскоре получить добрые вести о Ваших успехах и не премину сообщить Вам о своих обстоятельствах. Моя жена также шлет Вам свои наилучшие пожелания.

Будьте здоровы.

Ш.

753. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Памятуя о краткости и бренности жизни (я начал свое письмо, точно завещание) и испытывая недостаток в импульсах к собственному творчеству, я тотчас же по приезде, то есть во вторник вечером, отправился в библиотеку Бюттнера, извлек том Вольтера и начал переводить «Танкреда»¹. Каждое утро я немного работаю над переводом, а остаток дня шляюсь где попало.

И этот перевод будет нам полезен во многих отношениях. Пьеса обладает значительными театральными достоинствами и будет иметь надлежащий успех. Я собираюсь пробыть здесь еще с неделю, и если мой гений не укажет мне что-либо иное, то я, несомненно, закончу перевод на две трети. Вообще же я повидал здесь многих людей и порой довольно славно проводил время.

Напишите и Вы мне, что Вам удалось сделать и когда Вы собираетесь ехать в Лаухштедт².

Кланяйтесь Вашей милой жене и не забывайте меня.

Г.

Иена, 25 июля 1800 года.

754. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 26 июля 1800 года

Какой-то *spiritus familiaris* * открыл мне, что Вы переводите «Танкреда», ибо я знал это еще до того, как получил Ваше письмо. Затея эта, несомненно, очень полезна для наших театральных целей, и все-таки я желал бы от всего сердца, чтобы «Фауст» вытеснил этот перевод.

Вообще же я завидую Вам, потому что Вам уже дано видеть нечто реально создаваемое. Мне еще далеко до этого, поскольку я пока не привел в порядок план моей трагедии ¹ и должен еще справиться здесь со многими трудностями. И хотя переживать подобный период приходится при создании каждого нового произведения, однако избавиться от мучительного ощущения, будто ничего не происходит, никогда не удастся, потому что к вечеру приходишь как бы с пустыми руками.

Особенно же затрудняет меня в новой пьесе то, что я не смогу здесь сосредоточить в немногом большие массы в той мере, в какой хотелось бы, и то, что мне придется, сообразуясь со временем и местом, разбить ее на слишком много частей, что всегда противопоказано трагедии даже в том случае, если само действие в ней обладает должной последовательностью. На примере этой пьесы я вижу, что не следует сковывать себя никакими общими представлениями, — нужно, напротив, отваживаться на поиски новой формы для нового сюжета и не воспринимать жанровые понятия как нечто застывшее.

Прилагаю присланный мне новый журнал ², в котором Вы к своему удивлению обнаружите влияние шлегелевских идей на новейшие суждения об искусстве. Трудно предвидеть, что из всего этого проистечет, однако эти пустые и пошлые ужимки не могут принести пользу ни самому творчеству, ни художественному чувству. Вы с изумлением прочтете там, что подлинное творчество должно быть совершенно бессознательным и что именно Вашему гению вменяют в особую заслугу полнейшую бессознательность. Таким образом, Вы совершите серьезную ошибку, если по-прежнему будете неустанно стремиться к тому, чтобы работать как можно осмысленнее и уяснять себе процесс собственного творчества. Непос-

* домашний дух (*лагин.*).

редственность — вот истинный признак мастерства, так работал Софокл.

Время моей поездки в Лаухштедт зависит от письма, которое должен прислать мне Кёрнер³. Если этот проект не осуществится, то я поеду на некоторое время в Эттербург и попытаюсь обрести там сосредоточенность, необходимую для начала работы.

Да будут к Вам благосклонны музы. Моя жена Вам кланяется.

Ш.

755. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Моя работа идет своим чередом, по утрам я набрасываю карандашом свой перевод, пока это удастся, а затем диктую его в спокойные минуты, причем черновая рукопись выглядит уже довольно прилично. К концу этой недели я покончу с тремя последними актами, а два первых отложу пока с тем, чтобы взяться за них со свежими силами. Я ничего не скажу относительно всей пьесы, которая во всех отношениях будет полезной для наших целей. Это — спектакль в подлинном смысле слова, ибо все здесь задумано как зрелище, и я могу еще более усилить этот характер пьесы, ибо стеснен менее, чем француз. В театральном успехе тут можно не сомневаться, ибо в пьесе все построено в расчете на него и сохранит эту особенность в переводе. В качестве публичного зрелища и действия пьеса неизбежно требует хоров, о которых я также позабочусь и постараюсь добиться того, чтобы они сохранили свой характер и первоначальный галльский замысел. Все это послужит к удаче наших последующих опытов.

На эту работу я трачу примерно четыре часа в день, а приложенная схема служит иллюстрацией к тому, как разнообразно, а порой и весело я провожу оставшееся время.

Вот краткий обзор тех даров¹, которыми снабдили меня в этом городе — хранилище знаний и наук — как для развлечения, так и в качестве духовной и телесной пищи.

Лодер одарил меня:

превосходными раками, тарелку которых я пожелал бы и Вам;

редкостными винами;
случаем с ампутацией ноги;
полипом носа;
несколькими статьями на анатомические и хирургические темы;
всевозможными анекдотами;
микроскопом и газетами.

Фроман:

Тассо в переводе Гриса ²;
первым номером журнала, издаваемого Тиком ³

Фридрих Шлегель:

одним своим стихотворением ⁴;
пробными листами «Атенея».

Ленц:

новыми минералами, и в особенности одним очень красивым кристаллическим халцедоном.

Минералогическое общество:

несколькими статьями со значительной и глубокой концепцией;
поводом ко всевозможным размышлениям.

Ильген:

«Историей Говия» ⁵;
всевозможной занятой Philologica.

Садовник из Ботанического сада:

многими растениями в том порядке, в каком они растут и цветут в этом саду.

Котта:

«Ботаникой» Филибера ⁶.

Случай:

«Густавом Ваза» Брентано ⁷.

Литературные распри:

удовольствием прочесть небольшой трактат Стеффенса о минералогии ⁸.

Граф Вельтгейм:

собранием своих статей ⁹, любопытных и остроумных, но, к сожалению, легкомысленных и дилетантских, а порой путаных и фантастических.

Некоторые дела:

возможностью развеселиться и подосадовать.

Под конец же я должен упомянуть присланного Вами «Мемнона» ¹⁰, которого также по праву следует отнести к числу замечательных явлений и примет нашего времени.

Если теперь Вы представите себе все эти привидения, бредущие одно за другим, то поймете, что я не остаюсь один ни в своей комнате, ни во время своих одиноких прогулок. В скором будущем меня ждет еще более удивительное разнообразие, о чем сообщу Вам подробнее в ближайший почтовый день. Одновременно я смогу указать и день моего возвращения. Будьте здоровы и деятельны, если только нынешнее повышение барометра так же благоприятно для Вас, как и для меня.

Г.

Иена, 29 июля 1800 года.

756. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 30 июля 1800 года

Оживленный тон Вашего письма свидетельствует о том, что Вам прекрасно живется в Иене, с чем я поздравляю Вас. Я не могу похвалиться тем же, поскольку то показание барометра, которое столь благотворно сказывается на Вас, пробудило мои спазмы, и я плохо сплю. При таких обстоятельствах известие от Кёрнера о том, что он не сможет отправиться в путешествие, было весьма кстати. Стало быть, я не еду в Лаухштедт и получаю таким образом неожиданный выигрыш во времени, а заодно и в деньгах,— ибо как ни хотел бы я снова увидеться с ним, именно сейчас это было бы несколько обременительно для меня.

Поздравляю Вас с успехами в работе. Та свобода, с которой Вы, по-видимому, обращаетесь с французским оригиналом, кажется мне очень хорошим признаком Вашего творческого настроения, и я предсказываю, что мы продвинемся здесь еще дальше, чем в «Магомете». С нетерпением жду я знакомства с произведением и нашей беседы о нем. Если Вы осуществите идею относительно хора, то мы сделаем в театре значительный эксперимент.

Что же касается моей пьесы, то я надеюсь показать Вам, когда Вы вернетесь, готовую схему и заручиться Вашим одобрением до того, как приступлю к исполнению. В последние дни я занимался также своим собранием стихотворений¹. Я распорядился включить туда и стансы о «Магомете»². Если это заинтересует Вас, Гёпфердт сможет показать Вам листы 16-й и 17-й, как только они будут отпечатаны.

Кирмс прислал мне сегодня весьма желанный сверток с деньгами³, за что я искренне благодарю Вас.

Моя жена сердечно Вам кланяется. Будьте здоровы и радуйтесь тому пестрому многообразию, которое окружает Вас в Иене. Меллиш вчера был здесь проездом; он снова живет в Дорнбурге. Он много рассказывал мне о той веселой жизни, которую ведут в Вильгельмстале, где все очень напоминает Утопию. У моей свояченицы случилось большое несчастье с экипажем, который развалился весь, однако сама она нисколько не пострадала. Будьте здоровы.

Ш.

757. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вчера утром я отложил «Танкреда» в сторону. Я перевел — а кое-где и дополнил — финал второго акта, третий же и четвертый акты полностью, исключая лишь их финалы. При этом я, как мне представляется, сохранил все благородное нутро пьесы и должен теперь присочинить еще несколько выразительных мотивов, чтобы придать началу и концу пьесы чуть большую полноту по сравнению с оригиналом. Хоры будут здесь совершенно уместны; только я хотел бы, сообразуясь с общим характером произведения, отнести к ним очень трезво, чтобы не разрушить целое. Вообще же мне нисколько не будет жаль усилий на то, чтобы продолжить и завершить это предприятие, ибо оно соответствует пути, избранному нами.

Вчера я занимался чем-то таким, что могло бы сойти за дела, а сегодня распутал один небольшой узел в «Фаусте»¹. Если бы я мог остаться здесь еще на две недели, то все выглядело бы несколько по-иному; однако, к сожалению, мне представляется, будто мое присутствие необходимо в Веймаре, так что я пожертвую заветнейшим своим желанием во имя этого представления.

Но и в отношении всевозможных внешних благ дни эти не были бесплодными. Мы с Вами долго размышляли о «Невесте в трауре»². Тик в своем «Поэтическом журнале» напомнил мне об одной старой кукольной пьесе, которую я тоже видел в юности, — о «Невесте дьявола»³. Это своеобразная параллель к «Фаусту» или, скорее, к «Дон Жуану». Необыкновенно тщеславная и бессердечная девушка, погубившая своего верного возлюбленного,

отдает себя в руки загадочного незнакомца — жениха, который под конец, как и полагается, оказывается дьяволом и забирает ее. Нет ли тут какой-либо идеи для «Невесты в трауре» — хотя бы по контрасту?

Я прочитал одно из сочинений Баадера, «О пифагорейском квадрате в природе, или Четыре страны света»⁴. То ли я с некоторых пор уже освоился с этим способом представлений, то ли он сумел растолковать нам свои замыслы, но эта вещичка очень мне понравилась и послужила как бы введением к его предыдущему сочинению, в котором я и теперь еще, разумеется, отнюдь не в состоянии воспринять все.

Один студент⁵, который деятельно занимается анатомией насекомых, прѣкрасно расчленил и продемонстрировал мне несколько экземпляров, благодаря чему я продвинулся вперед и в этой сфере — как в теории, так и по части обращения с материалом.

Если можно было бы целеустремленно заниматься вместе с подобным юношей всего лишь в течение трех месяцев, то тут удалось бы последовательно добиться очень многих обнадеживающих результатов. Но так или иначе, если я смогу вернуться сюда еще до того, как начнут окукливаться некоторые виды гусениц, то постараюсь вновь воспользоваться его энергией и искусностью. Вообще же делать все это легко и самому, если только кто-то решительно ввел тебя в столь отдаленную сферу.

В понедельник я снова окажусь в Вашем обществе и привезу с собой многое — как написанное, так и в виде рассказа. А пока что будьте здоровы и деятельны и не забывайте меня.

Г.

Иена, 1 августа 1800 года.

758. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 2 августа 1800 года

Я был рад узнать из Вашего письма о Вашем скором возвращении и поздравляю Вас с тем, что Вы так хорошо использовали это время, а к тому же смогли подумать над «Фаустом». Так что я не теряю надежды на то, что этот год еще принесет значительный успех в этом отношении.

На сегодня я ограничусь лишь краткими словами приветствия. Гѣпфердт прислал мне две корректуры¹, которые

нужно спешно отправить обратно, а я вынужден еще идти в библиотеку, чтобы отыскать всю нужную мне литературу. Моя пьеса ведет меня в эпоху трубадуров, и я должен ближе познакомиться и с миннезингерами, чтобы обрести верный тон. План этой трагедии требует еще ужасно много работы, но я очень рад этому и надеюсь, что чем дольше я провожусь с ним, тем свободнее буду продвигаться вперед при разработке.

Мысль относительно «Невесты дьявола» не плоха, и мы поговорим о ней.

Будьте здоровы, и до скорой встречи. Моя жена сердечно Вам кланяется.

Ш.

759. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ 1

Если Вы хотите сегодня посетить вместе со мной легационного советника Бертуха, то я заеду за Вами в экипаже в час дня.

Посылаю при сем экземпляр моих стихотворений¹ для Вашей милой жены; но ей не следует отдавать книгу в переплет, пока я не извещу ее, потому что те складки в «Валленштейне», в которых Вы винули господина Фромана и его машину, образовались при переплете, но их можно избежать, и я объясню, каким образом.

Я хотел бы, чтобы Вы чувствовали себя сегодня лучше, чем вчера, хотя барометр по-прежнему печется о моей пользе.

Г.

Веймар, 12 августа 1800 года.

760. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Обер-Веймар,] 15 августа 1800 года

Я перебрался вчера вечером в Обер-Веймар и наслаждаюсь теперь очень ясным утром. И все же я опасаюсь, что, пока держится жара, сделано будет немного, ибо дух и тело совершенно изнурены.

Быть может, Вы решитесь отправиться сегодня вечером на прогулку и навестите меня? Мне любопытно было бы узнать также, не прибыли ли на конкурс новые произведения¹. Мой слуга возвращается в час дня с обедом для меня — на тот случай, если Вы захотите передать мне что-либо.

Будьте здоровы.

Ш.

761. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Обер-Веймар, 17 августа 1800 года

Вчера я напрасно надеялся увидеть Вас. Я оказался в городе очень поздно вечером, потому что моя жена плохо себя почувствовала, и вернулся обратно примерно в десять часов.

Глупейший случай устроил так, что, как раз когда я бежал из города от шума, прямо напротив моей здешней квартиры состоялась свадьба,— вероятно, единственная на шесть миль в округе. Я не спал всю ночь, и даже вся первая половина нынешнего дня была испорчена, так как крик и шутки сопровождали укладку приданого. Словно все оказалось в заговоре против моей работы, и мне, боюсь, потребуется еще некоторое время, чтобы прийти в себя. Быть может, Вы приедете ко мне сегодня вечером,— я по крайней мере буду ждать этого. Будьте здоровы.

Ш.

762. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вы получите при сем статью Гумбольдта¹.

Если Вы будете готовы примерно к пяти часам, то я заеду за Вами или пошлю экипаж, чтобы посмотреть в академии конкурсные рисунки,— там еще прибавилось редкостных вещей.

Этот вечер мы вновь проведем вместе, чтобы напоследок обсудить еще самые необходимые предметы².

Г.

Веймар, 2 сентября 1800 года.

763. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 5 сентября 1800 года

Статью Гумбольдта, которую я возвращаю Вам при сем, отлично можно использовать. Содержание ее должно заинтересовать читателя, ибо оно посвящено определенному замкнутому образу человеческого существования, столь же обособленному и изолированному, что и гора, с которой он связан; таким образом, она уводит читателя из внешнего мира и приводит его к самому себе. Описание могло бы быть чуть живее и занимательнее, хотя оно вовсе не сухо, так что порой достаточно, пожалуй, прибавить слово или штрих, чтобы помочь делу. Жела-

тельно было бы поместить в непосредственной близости с этой картиной нечто прямо противоположное ей и посвященное деятельнейшей жизни в миру, и тогда обе статьи выиграют вдвойне.

Надеюсь, что Вы быстро обрели себя в нынешнем своем уединении и что уже в завтрашнем Вашем письме я прочту о чем-то законченном. Теперь и я уже по-настоящему приступил к началу работы¹ и надеюсь завершить какую-либо ее часть еще до того, как переберусь в Иену. За это время я побывал один раз в картинной галерее и сделал некоторые наблюдения над публикой, о которых расскажу при встрече.

Тем временем, пока Мейер рассматривает и судит наших немецких художников², они гесіргосе* нападают на него и возмущаются его работами. Так, Крузиус, мой лейпцигский издатель³, пишет мне, что рисунок к моим стихотворениям совершенно не понравился лейпцигской публике, что он слишком неопределенен и невыразителен, и поэтому просит меня в будущем прибегать к услугам какого-нибудь другого художника. Хотел бы я только знать, где господин Шнорр возьмет определенность и выразительность?

Котта сообщает мне превосходные новости относительно «Валленштейна»⁴. Из четырех с половиной тысяч экземпляров разошлась уже большая часть, и он готовит новое издание. То, что публику не отпугнула даже высокая цена, служит весьма добрым предзнаменованием для Вашего «Фауста»; тут Котта сможет сразу же решиться на тираж в 6—8 тысяч экземпляров.

Бедный Эшен⁵, ученик Фосса, который известен Вам как переводчик Горация, погиб в долине Шамони. Он поскользнулся при восхождении и упал в пропасть; тело его погребено под лавинами и не было найдено. Мне очень жаль беднягу, которому пришлось покинуть мир таким вот нелепым образом.

6 сентября

Мне еще не приносили письма от Вас. Хотелось бы надеяться, что усердный труд помешал Вам написать мне. Будьте здоровы и поскорее дайте мне знать о себе.

Ш.

* в свою очередь (итал.).

764. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

После различных приключений я лишь сегодня утром обрел покой в Иене и тотчас же попытался сделать кое-что, но ничего не достиг. К счастью, за эту неделю я сумел удержать в памяти те ситуации, о которых Вы знаете, и моя *Елена* действительно появилась¹. Но теперь меня так привлекает прекрасное в положении моей героини, что я огорчен необходимостью поначалу превратить все это в карикатуру. И в самом деле, я испытываю немалое желание написать серьезную трагедию на основе того, что уже сделано; однако я остерегусь множить свои обязательства, дурное исполнение которых и без того уже отравляло мне все радости жизни.

Желаю Вам дальнейших успехов в начатой работе. Если бы Вы смогли collegialiter* с Мейером подготовить извещение о выставке², это было бы для меня большим облегчением. Отправьте мне несколько слов с этим же посыльным и будьте здоровы.

Г.

Иена, 12 сентября 1800 года.

765. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 13 сентября 1800 года

Поздравляю Вас с успехами, достигнутыми в «*Фаусте*». Но пусть сожаление о том, что прекрасным образам и ситуациям приходится придавать варварский характер, не мешает Вам. Такие случаи, пожалуй, еще чаще будут встречаться во второй части «*Фауста*», и хорошо было бы раз и навсегда успокоить на этот счет Вашу поэтическую совесть. Варварский элемент в трактовке, которого требует от Вас дух произведения, не может разрушить возвышенное содержание и уничтожить прекрасное, — он только видоизменяет их и подводит к иному духовному качеству. Именно возвышенное и благородное в мотивах и обусловит особую привлекательность произведения, и Елена в этой пьесе окажется символом всех тех прекрасных образов, которые блуждают здесь. Весьма значительное преимущество — сознательно идти от чистого к нечистому вместо того, чтобы стремиться к порыву от нечистого к чистому, как это делаем мы, все прочие варвары. Вы, следовательно, должны повсюду утверждать в Вашем «*Фаусте*» Ваше *суверенное право*.

* совместно (франц.).

Что же касается критики выставленных картин, то единственное, что я могу с полной определенностью обещать Вам, это письмо¹, которое напишу один и на свой собственный лад. Для меня была бы совсем невыгодной попытка создать некий сплав моих мыслей об этих произведениях с Вашими и мейеровскими. И к тому же то, чего я добьюсь посредством подобного разграничения моего и Вашего мнений, принесет некоторую пользу читателям «Пропилей» или, скорее, нашим намерениям в отношении последних. Вообще же я охотно помогу Мейеру советом при написании его статьи.

Моя работа пока что движется очень медленно, но без остановок. При моем обычном недостатке внешних представлений и опыта мне приходится постоянно прибегать к особому методу и тратить много времени, чтобы достичь чувственного воплощения материала. Сюжет этот отнюдь не легок и довольно далек от меня.

Прилагаю некоторые берлинские новинки, которые развеселят Вас; особенно обрадует Вас покровительство, оказываемое Вам Вольтманом².

Будьте здоровы и не сходите с начатого пути.

Ш.

766. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Утешение, которое Вы даруете мне Вашим письмом, говоря, что из сочетания чистого и причудливого могут возникнуть не слишком недостойные поэтические чудища, уже подтверждает мой собственный опыт, ибо в этом сплаве появляются странные видения, которые и мне самому доставляют некоторое удовольствие. Мне не терпится узнать, какой характер примет все это через две недели. К сожалению, эти видения обладают необыкновенной широтой и глубиной, так что они действительно могли бы сделать меня счастливым, будь у меня впереди полгода спокойной жизни.

Философские собеседования с Нитхаммером продолжают по-прежнему, и я не сомневаюсь, что благодаря этому уразумею самую новейшую философию. Раз уж нельзя отказаться от рассуждений о природе и искусстве, то просто необходимо познакомиться с этим распространенным и воинствующим способом представлений.

Теперь же в первую очередь хочу спросить Вас, могу ли я надеяться видеть Вас здесь в будущее воскресенье.

Госпожа Грисбах уже собирается угощать меня Вами. Я бы очень хотел, чтобы Вы, воспользовавшись прекрасной погодой, которая, кажется, установилась, осуществили Ваше благое намерение и приехали вместе с Мейером. Вы могли бы взять мою карету, мы пообедали бы у Грисбахов, а на ночь Вы бы остались у меня в замке, и если бы мы успели обсудить все, то в понедельник утром Вы отправились бы обратно. Я не хотел бы публично оповещать о премиях, не присовокупив к этому задания на будущий год¹. Вообще же нам необходимо также обсудить еще раз то, что должно быть высказано в «Прописях».

Я написал письмо Гумбольдту, которое и прилагаю к сему. Просто напасть какая-то: я снова засунул куда-то его последнее письмо, в котором он еще раз указывает мне свой адрес. Но так как адрес прежний, то он, вероятно, имеется у Вас или у Вашей свояченицы. Будьте так добры дописать все необходимое и сдать письмо на почту.

Возвращаю Вам при сем письмо Вольтмана. В Берлине, должно быть, происходят занятные события, коль скоро там могут зародиться подобные идеи. Впрочем, там требуется не столько сделать что-то, сколько привести что-то в движение. Я имею в виду идею привлечь нас туда. Тон извещения совершенно фихтевский. Боюсь только, что господа идеалисты и реформаторы не замедлят проявить себя догматиками и педантами и при случае вцепятся друг другу в волосы. Когда Вы приедете сюда, то много услышите и увидите, излагать же все это на расстоянии у меня не хватит духу.

Будьте здоровы.

Г.

Иена, 16 сентября 1800 года.

767. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 17 сентября 1800 года

Что касается поездки в Иену, то я, конечно, твердо решил приехать туда в воскресенье вместе с Мейером; однако я не могу позволить себе остаться там на ночь, потому что перерыв в работе на два дня снова слишком сильно отвлечет меня. Но я надеюсь прибыть сразу же после девяти часов, причем смогу остаться примерно до девяти часов вечера. Ваших лошадей я не хочу обречь на такую утомительную поездку — туда и обратно в один и тот же день.

С радостью узнал я, что все это время Вы не оставляли «Фауста» и не собираетесь оставлять его и далее. В конце концов здесь должно выкристаллизоваться нечто, поскольку у Вас впереди еще несколько спокойных недель.

Об итоге Ваших бесед с Нитхаммером я хотел бы услышать как-нибудь непосредственно из Ваших уст. На этих днях я прочитал сочинение Вольтмана о Реформации¹, доведенное до смерти Лютера, и эта теологическая революция напомнила мне нынешнюю философскую революцию. В обоих случаях произошло нечто подлинно значительное: там — отход от церковных установлений и возвращение к истокам, Библии и разуму, здесь — отход от догматизма и эмпирии. Но в обеих революциях явно обнаруживается давняя дурная привычка человеческой природы наново ограничивать себя какими-либо установлениями и догматами. Там же, где этого не происходит, там все чрезмерно расплывается снова, ничто не остается незыблемым, и дело кончается тем же, что и прежде: хаосом и стремлением присвоить себе деспотичную власть надо всем.

Вообще же произведение Вольтмана, несмотря на всю свою обстоятельность, отнюдь не обнаруживает большей зрелости и значительности по сравнению с его предыдущими трудами по истории отдельных стран². Дело в том, что при обработке этого материала он, в соответствии со своим характером, тяготеет к мельчайшим, незначительным деталям и продвигается вперед с бесконечными отступлениями; сконцентрировать же материал в больших упорядоченных разделах и выделить основные черты мысли его не в состоянии. Напротив, историк здесь обстоятельно и тяжеловесно прокладывает свой путь, напоминая этим имперские дебаты: он не избавляет нас ни от одного незначительного имперского сейма, ни от одного бесполезного собеседования, — тут приходится пройти через все. В суждениях преобладают какая-то юношеская незрелость мысли и дух мелочности, в картинах проявляется пристрастность. При всем этом, однако, книга читается с некоторым интересом.

«Дамский календарь» Котты³ уже наделал довольно много шума, как я слышал; вероятно, Вы тоже успели получить его и снова испытать, подобно мне, сожаление по поводу этой жалкой дамской писанины и издательской

бедности нашего друга. Он и в самом деле оказался тут на одной доске с самыми ничтожными субъектами в книготорговле, и даже королева прусская должна была возглавить эту процессию, чтобы не отстать от господина Вильманса!

Кёрнер написал мне несколько дней назад и с превеликим изумлением сообщил распространившуюся там новость относительно того, что Гумбольдты занялись вызыванием духов⁴. Гумбольдт действительно выказывал некоторую склонность к этому, и вполне возможно, что Париж способствовал ее развитию. Александр же, по видимому, никак не может освободиться от духа своей матери.

Ваше письмо к Гумбольдту я сдам завтра утром на почту.

Будьте здоровы, и да пребудут с Вами все добрые духи.

Ш.

768. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваш недавний визит¹ был весьма отрадным для меня, и наша беседа, равно как и отзыв Мейера, придали мне мужества тотчас же покончить с первой рассылкой. Письма, деньги и извещения уже отправлены². Вердикт составлен, и я думаю теперь о моем Introitus*, которому Ваша статья, надеюсь, поможет скоро сойти со ступеней.

Моя «Елена» тоже несколько продвинулась вперед за это время. Основные пункты плана упорядочены, а поскольку я располагаю Вашим одобрением относительно самого главного, то с тем большим мужеством смогу приступить к исполнению.

На сей раз я предпочел бы удержаться и не заглядывать вдаль; однако я уже вижу, как с этой вершины впервые открывается подлинная перспектива всего в целом.

Мне хотелось бы услышать и о Ваших успехах.

Чтобы не навлекать на себя новых проклятий Вашей супруги (помимо тех, что уже лежат на мне), я не стану больше побуждать Вас к поездкам сюда. Даже если погода изменится, то и в саду Вас ждет не слишком много радостей.

* введении (латин.).

Кланяйтесь от меня Мейеру; сегодня я ему не напишу. Философские собеседования³ становятся все интереснее, и я могу надеяться на то, что вполне постигну целое, если только у меня хватит времени. Мы должны сделать все возможное, чтобы вступить в новое столетие с этим *третьим чудом*⁴.

Будьте здоровы и не забывайте меня.

Г.

Иена, 23 сентября 1800 года.

769. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 23 сентября 1800 года

Ваше недавнее чтение¹ оставило во мне глубокое и возвышенное впечатление; благородный и высокий дух древней трагедии исходит из монолога и создает надлежащий эффект, со спокойной властью пробуждая самое сокровенное. Пусть даже Вы не привезете с собой ничего больше,— Ваше пребывание в Иене уже будет вознаграждено и этим, и тем, что Вы уже решили относительно дальнейшей судьбы этой трагической части. Если Вам удастся этот синтез благородного с варварским, в чем я нисколько не сомневаюсь, то здесь будет также найден ключ к оставшейся части целого, и тогда Вам нетрудно будет определить и разграничить смысл и дух остальных разделов, словно бы аналитически исходя из этого пункта. Ибо эта вершина, как Вы сами называете ее, должна быть видна из каждого пункта целого и в свою очередь открывать перспективы на него.

Вчера я принялся за обработку моего письма², и если в пятницу, как я надеюсь, оно будет закончено, то мне очень хотелось бы самому привезти его в Иену. Даже если погода окажется не слишком благосклонной ко мне, уединение в моем саду неплохо повлияет на меня. И в октябре можно с уверенностью рассчитывать на несколько приятных дней. Моя жена приспособилась к нынешнему положению, а тут все зависит лишь от привычки. Вообще же мы с Вами не будем мешать друг другу в работе, если для Вас предпочтительнее сейчас полное уединение.

Я беседовал вчера с Меллишем и изо всех сил старался поддержать тот живейший интерес, который он испытывает уже к Вашей оптике. Если я приеду в Иену, то предложу ему встретиться со мной, а Вас попрошу дать

ему еще несколько решающих разъяснений, а также указания на будущее. Он составил себе ясное представление обо всем этом деле, и оно кажется ему столь значительным, что как раз это изумление и пробуждает еще в нем некоторые сомнения; таким образом, если Вы наглядно продемонстрируете ему всю несостоятельность ньютоновского учения, предмет покажется ему достаточно важным для того, чтобы потратить на него силы.

То, что Вы уже отправили извещение о новых конкурсных заданиях, слегка огорчило Мейера и меня, так как мы собирались предложить Вам еще кое-что относительно второго задания. Кроме того, я хотел поделиться с Вами идеей, которая пришла мне в голову: нельзя ли было бы заинтересовать публику, продав 150 или 200 лотерейных билетов по цене в один дукат, а затем разыграв два-три наилучших произведения среди участников лотереи? Благодаря этому удалось бы установить первую премию в сто дукатов — если, разумеется, автор откажется от прав на свое произведение; у публики же появится более живой интерес к нашему предприятию, а отсюда и к «Пропилеям», да и самих художников привлечет такое соревнование.

Мейер тоже находит мою идею осуществимой и полезной. Предоставляю ее Вам для дальнейших размышлений.

Будьте здоровы.

Ш.

770. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 26 [27] сентября 1800 года

Я надеялся отправить Вам сегодня с посылкой обещанное письмо, однако оно не вполне еще закончено; последние дни были для меня неблагоприятными, потому что перемена погоды к худшему пробудила мои старые спазмы. Но с завтрашней почтой рукопись я отошлю, ехать же самому считаю пока неблагоприятным.

Надеюсь, что Вы хорошо себя чувствуете, хотя сегодня я не получил от Вас никаких известий. Если бы Вы смогли раздобыть для меня на время книгу Германна о греческом стихосложении¹, то доставили бы мне большое удовольствие; недавнее Ваше чтение вызвало у меня особый интерес к триметрам и я хотел бы глубже вникнуть в этот предмет. Кроме того, мне очень хотелось бы за-

няться в свободное время греческим языком хотя бы настолько, чтобы составить представление о греческой метрике. Я надеюсь, что в таком случае, скорее, смогу научиться чему-нибудь у Гумбольдта, когда он придет сюда. Я хотел бы также узнать, какой греческой грамматикой и каким словарем следовало бы при этом пользоваться. Тут лучше всего, пожалуй, обратиться за справкой к Фридриху Шлегелю.

Желаю Вам успеха в работе над трагедией; сам я на этой неделе нисколько не продвинулся вперед².

Будьте здоровы. Моя жена Вам кланяется.

Ш.

771. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я написал Вульпиусу, чтобы он тотчас же подобрал для Вас в моей библиотеке те книги, которые Вы, вероятно, сможете использовать для Ваших целей; однако Вы будете не слишком удовлетворены ими¹. Материал любого языка и его постижимые формы настолько далеки от творчества, что едва лишь начинаешь знакомиться с ними, как видишь перед собой столь длинный окольный путь, что испытываешь облегчение, когда отставляешь все это в сторону. Я в своей работе исхожу лишь из самых общих представлений. Необходимо, чтобы кто-нибудь — хотя бы тот же Гумбольдт — указал нам путь и помог воспользоваться действительно необходимым. Я по крайней мере собираюсь дождаться его приезда, хотя и надеюсь добиться при этом лишь немногого.

Погода сейчас такая, что мне едва ли следует надеяться увидеть Вас здесь; поэтому покорнейше прошу Вас поскорее прислать мне Ваш дружественный вклад, а также побудить нашего друга Мейера к завершению его части. Я сделал свою схему, однако не могу поправлять и дополнять ее, а уж тем более приступать к ее осуществлению, пока не увижу, в чем Вы опередили меня. Хорошо бы, если во многом!

Мои собеседования с Нитхаммером продолжаются и принимают самый благоприятный оборот.

Риттер был у меня вчера; это — поразительное явление, подлинно научное светило².

Мои желания теперь можно было бы счесть весьма ограниченными, будь я в силах удовлетворить их. Но я

ничего больше не буду говорить об этом и сердечно попрощаюсь с Вами.

Г.

Иена, 28 сентября 1800 года.

772. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 29 сентября 1800 года

Вы получите при сем мое письмо. Мне очень хотелось бы, чтобы оно избавило Вас хотя бы от некоторой части Вашей работы, однако я почти не надеюсь на это; я находился не в своей сфере и поэтому не стоит ждать от меня проникновения в то, что здесь единственно важно, — в самую суть предмета. Высказать некоторые мысли, развлечь читателей, несколько подтолкнуть художников, а порой и озадачить их — именно это я обещал и до некоторой степени выполнил. Статья, однако, составит почти полтора листа; если она слишком велика для Вас, то уберите некоторые детали и вообще распряжайтесь здесь по своему усмотрению.

Вульпиус прислал мне книги, я тотчас же взялся за Германна и вообще собираюсь продолжать свои занятия до тех пор, пока они не станут для меня невыносимыми.

Будьте здоровы, на сегодня довольно. Я спешу сдать пакет на почту.

Ш.

773. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Погода по-прежнему такова, что едва ли соблазнит Вас. За эти дни я написал вступление к нашему решению относительно премий и набросал заключительную часть; теперь я должен подождать, чтобы увидеть, насколько она соответствует Вашей и мейеровской работам.

Если бы я смог получить в среду вечером вторую половину статьи Мейера и всю Вашу, то это, разумеется, сильно подвинуло бы дело, потому что я не хочу уезжать отсюда до тех пор, пока все не будет закончено. В Веймаре такое мне не удастся, я это уже знаю, ибо для риторического мне требуется больше сосредоточенности, чем для поэтического. Я вспомнил, что у меня есть еще статья Гумбольдта о триметрах¹. К сожалению, я не исправил ее после переписки, и поэтому там оказалось

несколько непоправимых — во всяком случае, для меня — описок. Прилагаю также часть его «Агамемнона»²; и то и другое должно в какой-то мере отвечать Вашим желаниям.

Вообще же, коль скоро я беседую с Нитхаммером и Фридрихом Шлегелем о трансцендентальной философии, а с Риттером о высшей физике, то Вы можете предполагать не без основания, что поэзия чувствует себя отесненной на задний план; однако есть надежда, что она снова восторжествует.

Впрочем, даже если я и захочу вернуться домой сейчас, то смогу сказать, что провел эти четыре недели с пользой и продвинулся вперед во всех областях. Кое-что мне нужно будет теперь осмыслить, и если я смогу зимой провести здесь еще один месяц, то это будет хорошо во многих отношениях. Будьте здоровы, не забывайте меня и трудитесь прилежно на своей ниве.

Г.

Иена, 30 сентября 1800 года.

Прилагаю также мои прошлогодние заметки о «Макбете»³, которые я частично должен буду еще прокомментировать. Оставьте их у себя или отдайте Беккеру.

Я собирался уже заканчивать свое послание, как к величайшей своей радости получил Вашу статью. Я быстро прочитал ее, и Вы даже представить себе не можете, насколько прекрасной, удачной и целесообразной показалась она мне. Я вспомнил при этом, что в Венеции на судебных процессах каждая сторона выставляет двух адвокатов, которые по-разному участвуют в прениях: один излагает дело, другой готовит заключение⁴.

Из нашего трезвучия⁵ должно на этот раз выйти нечто вполне удачное. Мое заключение, которое Вы отчасти предвосхитили, я приспособлю теперь в качестве вступления и, что также останется на мою долю, — в качестве извещения о конкурсном задании на будущий год, где также следует сказать еще кое о чем. Однако все это окончательно уяснится только тогда, когда я получу рецензию Мейера, а это, надеюсь, произойдет завтра. При всем различии трех интонаций единство наше произведет отличное впечатление. Тысяча благодарностей Вам за прекрасный вклад. Я тоже хотел дать классификацию мотивов, однако уже при просмотре своей схемы

начал испытывать опасения из-за того, что мое изложение окажется чрезмерно сухим. Благодаря Вашему участию все теперь изменилось.

Будьте здоровы и уделите, пожалуйста, некоторое внимание беглым заметкам о положении искусства в Германии⁶, которые я послал Мейеру.

Г.

774. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 1 октября 1800 года

Мейер только что показал мне Ваш исторический обзор произведений, присланных на конкурс, и мы оба очень ему порадовались. И в самом деле: даже если бы единственным итогом нашего предприятия оказался этот обзор, то и тогда уже усилия двадцати девяти художников окупилась бы, ибо тут выражается весьма характерный и во многих отношениях плодотворный взгляд на нынешнее состояние искусства. К тому же именно такие заметки и привлекают к себе всеобщий интерес.

То, что Вы довольны моей работой и находите ее соответствующей Вашим целям, вдвойне приятно для меня, потому что я и в самом деле занялся ею скорее согласно Вашему пожеланию, нежели из внутренней потребности; как Вы видите, именно то, что с самого начала могло бы побудить меня к этому, то есть желание выразить свои впечатления от рисунка Наля¹, не стало основой моей статьи.

Если мне позволено будет, исходя из всего сделанного Мейером и высказанного мною, судить о том, что еще, по существу, предпочтительно было бы выразить здесь, то мне представляется прежде всего следующее.

Мейер углубился в художественное, а я в поэтическое и общепhilософское; теперь же следовало бы высказать еще нечто всеобщее и, если угодно, *научное* о собственно *художественном*. Я отчетливо ощущал необходимость коснуться и этого в своей работе, но поскольку это находится совершенно вне моей компетенции и моих познаний, то я и ограничился лишь суждениями о замысле картин. Теперь, таким образом, необходимо было бы высказать еще нечто общее и научное о художественной трактовке, о *чувственном* воплощении — короче говоря, о том, что происходит, когда замысел произведения уже найден и его остается воплотить средствами изобра-

зительного искусства. Хотя суждения Мейера и основываются на этом, однако он ограничивается, скорее, суждениями, так что здесь следовало бы добавить *maior* к его *minor* *.

Премного благодарен Вам за присылку работы Гумбольдта; я надеюсь многое извлечь из нее. Мне никак не осилить книгу Германна, там с самого начала обнаружались трудности; мне очень хотелось бы узнать, как Вам показалась эта книга, и я надеюсь, что Вы представите ее мне в надлежащем свете.

Актеры уже вернулись сюда и очень бранят Рудольштадт², где они по-видимому, не снискали успеха. Занятно слышать, как эти господа посмеиваются над Коцебу так, словно бы и в самом деле обладают хорошим вкусом. И все же нельзя отрицать, что многие их упреки действительно справедливы и обоснованны, только все это излагается ими не слишком связно. Ваши заметки о «Макбете» мы постараемся использовать как можно лучше. Поскольку нам и так уже придется прибегнуть к перераспределению ролей, потому что Фос не может играть Макбета, а Шпанглер уходит из театра, то здесь можно было бы, вероятно, решить заодно что-либо относительно исполнительниц ролей ведьм.

Котта, по-видимому, ждет от Вас несколько слов; он обеспокоен Вашим молчанием. Ему доставляют сейчас много хлопот незаконные перепечатки «Валленштейна». Один издатель в Бамберге уже отпечатал и разослал свой тираж, другой, в Вене, получил на это императорскую привилегию. Таким образом, нам не только не приходится ждать отсюда чего-либо хорошего, — они, напротив, еще мешают нам и чинят препятствия.

Будьте здоровы и заканчивайте поскорее Вашу работу, чтобы снова оказаться здесь и соединиться со мной до того, как наступит зима.

Ш.

775. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я решил уехать отсюда завтра, то есть 4 октября.

Хоть я и не сумел выполнить все то, что назначил себе, однако недурно провел здесь время и во многом продвинулся вперед.

* большее [к его] меньшему (*латин.*).

Если Вы сможете навестить меня завтра вечером, то мы устроим совещание, пока публика будет наслаждаться «Баярдом»¹. Необходимо еще раз посоветоваться втроем, иначе я не смогу и думать об обработке своих заметок, которые тем временем приобрели довольно причудливый характер; насколько я могу предвидеть, нам удастся заполнить все пять недостающих листов.

Будьте здоровы, остальное при встрече.

Г.

Иена, 3 октября 1800 года.

776. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

К вопросу о том, доставите ли Вы мне удовольствие своим визитом сегодня вечером, я присовокупляю следующие пункты:

1. Не смогли бы Вы обдумать извещение о конкурсе на комедию интриги, чтобы мы смогли наконец сдать последний лист «Пропилей»¹.

2. Верните мне, пожалуйста, «Старое и новое время»², а также

3. несколько рукописей непригодных пьес, которые Вы получили от меня, и

4. посмотрите при случае напечатанные пьесы, которые я прилагаю³.

Г.

Веймар, 9 ноября 1800 года.

777. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Куда бы еще укрыться бедной поэзии, ума не приложу; здесь же она снова подвергается опасности быть совершенно загнанной в тупик философами, естествоиспытателями и всеми присными. Не стану отрицать, однако, что я сам приглашаю и поощряю этих господ и по собственной воле предаюсь дурной привычке к теоретизированию, так что мне некого упрекать, кроме себя самого. И все-таки при этом отличнейшим образом затрагиваются отличнейшие предметы, так что я довольно приятно провожу здесь время.

Лодер надеется увидеть Вас в четверг. Тайный советник Фойгт тоже, как я слышал, был бы не прочь приехать сюда, — быть может, Вы составите ему компанию и прихватите с собой Мейера; только предупредите меня

об этом с посыльной, чтобы мы успели сделать соответствующие приготовления.

Если Вы приедете к нам, то увидите, какой энтузиазм вызывает наш *festum saeculare* *¹; тут возникло несколько удачных идей, которые, вероятно, вполне осуществимы.

Для «Елены» найдено несколько удачных мотивов, и если я успею еще разделаться здесь с дюжиной писем, которые задолжал, то и в этом отношении кое-что будет достигнуто.

Желаю вам того же во всех Ваших делах.

Г.

Иена, 18 ноября 1800 года.

778. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 19 ноября 1800 года

У тайного советника Фойгта появились дела, которые не позволяют ему уехать на этой неделе в Иену. Таким образом, я приеду только с Мейером, причем в пятницу¹, потому что в этот день мои теща и свояченица тоже должны оказаться в Иене проездом из Рудольштадта; однако я не могу пригласить их к Лодеру, поскольку неизвестно, прибудут ли они к нужному времени.

Быть может, Вы решитесь уехать оттуда вместе с нами?

На этих днях я усердно занимался своей работой и закончил сцены, написанные триметрами².

О нашем празднике столетия я сделал запрос Иффланду, а также Опитцу и теперь жду их ответа; Иффланд писал мне несколько дней назад относительно «Марии», которую должны вскоре поставить. Я вижу из его высказываний, что он недоволен своим положением в Берлине и хочет прежде всего вернуться к ремеслу актера, так что он жаждет получить роль, которая помогла бы ему выказать себя. Поскольку, по словам Иффланда, Флек³ будет играть в «Марии», то, стало быть, болезнь его не так серьезна, как предполагалось, и может статься так, что если Иффланду не удастся навестить нас, то тогда сюда приедет Флек вместе со своей женой. Наши предложения относительно юбилея обсуждаются и здесь, и в ближайшие дни об этом будут ходатайствовать перед герцогом, чтобы с этой стороны не возникло препят-

* праздник столетия (латин.).

ствий. Когда я приеду в Иену, то мы сопоставим наши замыслы.

Будьте здоровы и наслаждайтесь Вашим нынешним бытием. Прошу передать Лодеру мои наилучшие пожелания.

Ш.

779. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Буду очень рад, если Вы доставите мне сегодня вечером удовольствие, отобедав у меня в обществе профессора Гентца¹. Я только вынужден просить Вас прийти не раньше восьми часов вечера, потому что до этого мы должны нанести визит Гору. Если Вы согласны, то будьте добры передать подателю сего прилагаемую записку, чтобы он отнес ее Меллишу, которого я тоже приглашаю.

Г.

Веймар, 2 декабря 1800 года.

780. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я собирался, как Вы знаете, уехать завтра в Иену, однако теперь идет работа над «Ифигенией» Глюка¹, а если спектаклю будет недоставать живости и умения, то нам не придется возлагать на него особых надежд. Поэтому я попрошу Вас принять в этом участие. Быть может, Вы поедете в три часа на репетицию, чтобы составить себе общее представление? Если все идет хорошо, то у нас окажется еще одна опера к празднику столетия.

Кроме того, должны быть приложены все силы к тому, чтобы подготовить «Сотворение»².

Г.

[Веймар, 11 декабря 1800 года.]

781. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 11 декабря 1800 года]

Я, как Вы знаете, в делах музыкальных и оперных обладаю столь немногими познаниями и опытом, что при всем своем желании буду мало полезен Вам в этих обстоятельствах, — тем более что здесь придется иметь дело с людьми весьма щепетильными. Я с удовольствием побываю на репетициях с трех до пяти, однако ничем, кроме присутствия, помочь Вам не смогу. Сегодня я увижусь

с Вами на репетиции в четыре часа, раньше же прийти не смогу.

Вы хотите раздобыть для нас «Сотворение» Гайдна, как явствует из Вашего письма; мне уже сказал капельмейстер Кранц от Вашего имени, что я мог бы раздобыть ее — через господина коадьютора; следовало бы тотчас же отправить курьера с письмом. Я уже написал письмо и только жду курьера, который должен забрать его.

Остальное — при встрече.

Ш.

782. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 12 декабря 1800 года]

Иффланд только что прислал мне письмо, в котором сообщает, что надеется приехать через две недели после Нового года¹, и спрашивает, будем ли мы рады Флеку, если сам он все-таки не приедет. Так как я должен поскорее ответить ему, то передайте мне или господину придворному казначею свои полномочия относительно Флека.

Доброго утра и счастливого пути.

Ш.

783. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В первые же дни моего пребывания здесь я получил от Кирмса известие о том, что Иффланд собирается поставить моего «Танкреда» 18 января, в праздник коронации. Я послал ему два акта, остальное отправлю позднее. Если бы он выказал это желание раньше, то можно было бы прибавить сюда хоры и придать тем самым пьесе большую живость и значимость.

Но пусть все так и идет; поскольку же я замешан в этом деле, то и вынужден буду по крайней мере еще с неделю оставаться здесь, чтобы закончить всю работу, потому что отказаться от нее я не вправе. Чтобы иметь возможность сделать то, что необходимо, я предписал себе на эти дни пребывания здесь полное одиночество: никаких философов или физиков, словом, не видеться ни с кем, кроме Лодера. Я удерживаю себя в романтически-трагическом круге, и то, что я делаю теперь (равно как и то, что я уже сделал), представляется мне в довольно благоприятном свете, что в высшей степени необходимо тогда, когда собираешься заканчивать работу¹.

Поскольку, по словам Кирмса, Иффланду еще ничего не успели написать, то я посоветовал бы послать ему приглашение на май, потому что я не могу представить себе, чтобы он или какой-нибудь другой известный актер смог приехать сюда в январе, коль скоро они собираются 18-го, в день коронации, сыграть «Танкреда» или какую-нибудь другую значительную пьесу. Если Вы позволите, чтобы придворный казначей Кирмс обсудил с Вами это, то я предупрежу его.

Теперь же я должен настоятельно попросить Вас, а также Мейера, которому прошу передать мой сердечный поклон, позаботиться о постановке «Ифигении». И репетиции, и само представление окажутся достаточно интересными для Вас, поскольку вещь эта представляет собой, по сути дела, лирическую трагедию.

Сегодня мне нечего больше сказать, и я сердечно прощаюсь с Вами.

Г.

Иена, 16 декабря 1800 года.

784. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Веймар, 17 декабря 1800 года

То, что Вас так торопят в Берлине с «Танкредом», очень удачно; конечно, он будет закончен в должное время, и Вы останетесь довольны им. Продолжайте только посылать пьесу отдельными актами, иначе Иффланд не сумеет разучить ее.

Мы с Мейером охотно сделаем для «Ифигении» все, что сможем, чтобы Вы не прерывали Вашу работу. Но, как я слышал, в субботу будут давать не «Ифигению», а «Cosi fan tutte»¹.

Иффланду я напишу, что теперь время его приезда зависит от его обстоятельств и что Вы и все мы будем очень рады увидеть его в мае. Нынешний *delabrement** нашего театра из-за болезни Граффа и Фоса и так уже затруднит выбор пьес, в которых его любит видеть публика.

Мы с большим удовольствием услышали о том, что Вы сейчас общаетесь лишь с музами и что философы изгнаны.

Я сам тоже не терял здесь времени, спокойно пребывая

* упадок (франц.).

дома за работой. Я тоже доволен некоторыми трудными разделами, которые теперь уже остались позади.

Будьте здоровы, и пусть нынешний опыт убедит Вас в том, что в случае необходимости и поэтическая муза позволяет управлять собой.

Ш.

785. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 18 декабря 1800 года]

Как мне сообщили, герцог только что выразил свое решительное неудовольствие по поводу предлагаемого нами праздника столетия и в числе прочих доводов привел и тот, что все это предпринимается без привлечения театральной дирекции. В чем тут обстоит дело, Вы знаете. Однако при таких обстоятельствах у меня нет теперь ни малейшего желания заниматься этим делом, и я предоставляю Вам самому или через театральную дирекцию договариваться о чем-либо с Иффландом или Флеком. Я только напишу Иффланду, что предполагаемые празднества не состоятся и что ему следует рассматривать мои проекты как некие частные соображения.

Одновременно я попрошу Вас затребовать у Лодера циркуляр, посланный нами в Иену, и сообщить об его отмене. Циркуляр же относительно медали пусть движется своим чередом¹.

В этих обстоятельствах нам не следует также спешить с какими-либо театральными новинками, так что мы можем, слава богу, углубиться в свои поэтические дела и стремиться ко внутреннему созиданию, раз уж нам так плохо удается созидать вовне.

Ш.

786. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Изящная брошюра¹, прилагаемая к сему, уже известна Вам, вероятно, а если нет, то подержите ее у себя несколько дней; нельзя отрицать, что там есть блистательные пассажи.

Мне осталось по меньшей мере три дня работы, чтобы покончить с моими рыцарями². Трагическое настроение действительно начало докучать мне в последние дни, я бы давно покончил со всем этим и снова оказался вблизи от Вас, если бы не обязательства по отношению к Иффланду. Однако работу еще придется подправить, отдать

в переписку и снова просмотреть, и это меня задержит. Вы ведь знаете, как все это делается. И все-таки подобное рукоделие приносит определенную пользу, тем более что работа подходит к концу, и нам тоже удастся пустить ее в ход в начале года. Я и в самом деле слишком замешкался с нею, а оставшаяся часть чересчур велика, чтобы сделать ее *за один присест*, по моему обыкновению. Невозможно представить себе, сколько нитей запрячено в таком клубке, пока не возьмешься распутывать их.

Вот моя исповедь за прошедшую неделю. Я хотел бы, чтобы Вы тоже смогли рассказать мне нечто подобное, но в более удачном роде.

Я по-прежнему веду уединенный образ жизни и только раз, воспользовавшись прекрасным днем, отправился на прогулку. Фридрих Шлегель, Хаарбауэр и Нитхаммер навестили меня.

Шеллинга я привезу с собой в пятницу, чтобы обеспечить нашей юбилейной эмпирии надежную опору.

Вообще же я очень много читал здесь, чтобы хоть с какой-то пользой проводить долгие вечера. Будьте здоровы, мне не терпится поскорее возобновить наши вечера.

Г.

Иена, 22 декабря 1800 года.

787. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Веймар, 24 декабря 1800 года

Я жду Вас и Вашу работу с величайшим нетерпением и поздравляю Вас с тем, что Вы покончили с этой *besogne* * еще в старом столетии. Вы вообще выказали себя в истекшем году весьма продуктивным в драматических жанрах любого рода и можете быть довольны собою.

Здесь Вас ждет «Ифигения», на которую я возлагаю большие надежды; я был на вчерашней репетиции, там осталось сделать лишь немного. Музыка так восхитительна, что тронула меня до слез даже на репетиции — при всех дурацких выходках певцов и певиц. Я также нахожу вполне обоснованной всю драматическую интригу пьесы; вообще же здесь подтверждается Ваше недавнее замечание о том, что имена персонажей древней поэтической эпохи звучат для нас неотразимо.

* обязанностью (*франц.*).

Благодарю Вас за новинку, приложенную к Вашему письму. Она очень развлекла меня, некоторые *bonmots* * здесь просто превосходны; несколько большее разнообразие материала и формы не повредили бы этой вещи,— в нынешнем ее виде она слишком легко может быть просмотрена и исчерпана, тогда как в ней должно было бы содержаться некое бесконечное изобилие юмора и злости. Мне пока еще не доводилось слышать толков об этой вещи.

Бургсдорф был здесь проездом ¹, и Вы, по всей видимости, тоже встретились с ним и слышали его рассказы о наших парижских друзьях, которые собираются приехать сюда только в мае.

За время Вашего отсутствия я значительно продвинулся в своей трагедии, и все же впереди еще очень много работы. Я вполне удовлетворен тем, что уже приведено в порядок, и надеюсь, что заслужу Ваше одобрение. Историческое преодолено и, насколько я могу судить, использовано со всей возможной полнотой; мотивы все поэтичны и по большей части наивного рода.

На этих днях я прочитал один из романов мадам Жанлис и к великому моему удивлению обнаружил значительное духовное сродство между нею и нашим Гермесом ², насколько это возможно при всех тех различиях, которые создают национальность, пол и сословие.

Будьте здоровы и вернитесь к нам удовлетворенным.

Ш.

788. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам «Танкреда», еще влажного после переплетчика; будьте так добры, прочитайте его внимательно и подумайте при этом о нашем театре.

Если Вы пожелаете сегодня вечером принять участие в обычном скромном ужине в философско-артистическом обществе ¹, то добро пожаловать к нам. Мы смогли бы тогда обстоятельно побеседовать о пьесе, роли которой уже переписываются.

Г.

Веймар, 30 декабря 1800 года.

* остроты (франц.).

789. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Если Вы захотите поужинать с нами сегодня вечером после репетиции¹, которая должна закончиться к восьми часам, то добро пожаловать. Гётце может ожидать Ваших распоряжений в театре и подать Вам экипаж, как только начнется пятый акт. Если Вы захотите въехать во двор, то распорядитесь об этом.

Дела мои идут вполне сносно, сегодня утром я повторил с Касперс ее роль² и был совершенно удовлетворен этим славным ребенком.

Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 29 января 1801 года.

790. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Актер, находящийся здесь проездом, собирается сегодня вечером выказать свой талант в некоторых сценах после репетиции, поскольку мы не можем предоставить ему никакой роли.

Если Вы пожелаете присутствовать при этом опыте, то я пришлю Вам к шести часам мою карету, которая затем сможет подождать у театра и привезти Вас ко мне.

Гете

Веймар, 6 февраля 1801 года.

791. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 9 февраля 1801 года]

Я пожелаю Вам доброго вечера в записке, потому что из-за сильного насморка и дурно проведенной ночи плохо себя чувствую и вынужден остаться дома. Сегодня ночью я опасался, что заболелю, так как чувствовал озноб и жар, однако днем приступы лихорадки ни разу не возобновлялись, и я надеюсь, что все это не будет иметь никаких последствий.

Поправляйтесь поскорее, и пусть рукопись «Фауста» не лежит праздно на Вашем столе!

Спокойной ночи. Я надеюсь завтра увидеться с Вами.

Ш.

792. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Поберегите себя, пожалуйста, пока не пройдет эта буря; разумеется, я надеялся увидеть Вас сегодня вечером в моем уединении. Я должен был и мог бы, вероятно, работать, тем более что это доставляет Вам радость, однако внутренние противоречия лишают меня почти всяких надежд, а одновременно и мужества.

Я успел уже обдумать мотивы, о которых Вы рассказывали вчера, и мне кажется, что я могу одобрить их полностью, даже исходя из моего собственного образа мышления; мне только хотелось бы познакомиться теперь с композицией пьесы в целом¹.

Г.

Веймар, 9 февраля 1801 года.

793. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Веймар, 11 февраля 1801 года

Я уже столько раз пробалтывался Вам об отдельных пассажах моей «Девственницы», что теперь, полагаю, лучше всего было бы познакомить Вас со всем по порядку. Да и мне самому нужен определенный импульс, чтобы со свежими силами устремиться к цели. Три акта закончены полностью, и если у Вас есть желание послушать их, то я появлюсь у Вас в половине шестого¹. Если же Вы сами решитесь выйти из дома, то приходите к нам и останьтесь к ужину. Мы были бы очень рады, и мне не пришлось бы рисковать, выходя на улицу разгоряченным после двухчасового чтения. Если Вы пожелаете прийти, то пригласите, пожалуйста, и Мейера, но только чтобы он пришел не раньше восьми.

Ш.

794. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Я с великим удовольствием послушаю чтение, тем более что сам просил Вас познакомить меня хотя бы с планом пьесы. Однако сегодня я не могу выйти из дома, так как Штарк сделал мне сегодня утром довольно болез-

нённую, но, надеюсь, последнюю операцию на глазу и запретил выходить на улицу из-за холода. Поэтому я пошлю за Вами в половине шестого карету, так что Вы сможете и уехать домой после ужина. Я жду многого от этого чтения как для Ваших дальнейших успехов, так и для моей собственной работы.

Г.

Веймар, 11 февраля 1801 года.

795. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Сегодня вечером в пять часов я собираюсь провести репетицию «Танкреда»¹, но не считаю себя вправе пригласить Вас на нее. Однако после репетиции, примерно в восемь часов, я заеду за Вами, чтобы пригласить Вас, если позволите, к обычному скромному ужину.

Г.

[Веймар,] 20 февраля 1801 года.

796. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 26 февраля 1801 года]

Весьма сомнительно, чтобы мне удалось своевременно справиться с письмами, которые я должен отправить в Лейпциг и в Берлин сегодня вечером и завтра утром, и еще увидиться с Вами сегодня. У меня сейчас скверное время — дела такого же рода накапливаются самым неразумным образом, и я вот уже три дня не могу вернуться к моей трагедии.

Однако завтра я снова получу передышку на неделю и надеюсь, что увижусь с Вами вечером.

Ш.

797. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Отнеситесь дружески к тому, что я, памятуя о Вашем любезном участии в «Прописях», посылаю Вам часть только что прибывшей партии вина. Надеюсь, что остальные сорта Вы попробуете у меня.

Г.

Веймар, 28 февраля 1801 года.

798. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку уже поздно и я больше не надеюсь услышать сегодня от Вас что-либо, то сообщу Вам тут последние новости.

Господин Гартман¹ из Штутгарта прибыл сюда; когда я увижу его и его картины, то подробно доложу Вам.

Я снова размышлял о конкурсной теме² и пришел к тому предварительному выводу, что она очень хорошо согласуется с той областью эмпирической психологии, где мы, поэты, действительно чувствуем себя как дома. Мы располагаемся между философами и историками и находимся в сфере собственно содержания, коль скоро первые привносят сюда форму, а вторые — материал.

Естественное человеческое бытие, неизменное и пронизывающее все эпохи и страны, представляется мне той основой, на которой и должно быть воздвигнуто все здание, однако это способствует не столько постановке вопросов, сколько ответам на них.

Мне очень хочется узнать, как сказалась на Вас перемена³, и пожелать Вам удачи.

Будьте здоровы и поскорее дайте знать о себе.

Г.

Веймар, 7 марта 1801 года.

799. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 10 марта 1801 года

Относительно конкурсной темы я пока не могу сообщить Вам ничего дельного. Я хотел бы только обратить Ваше внимание на следующее: не слишком ли переносится тут вопрос из сферы истории в сферу антропологии, хотя при этом и удаётся избавиться от чудовищных *poles**, которые малополезны для дела, ибо история для философского обихода чересчур ненадежна и эмпирична. Для самого же дела, представляется мне, совершенно безразлично, распространится исследование в длину или в ширину. Ибо если взять в качестве основы естественное человеческое бытие, как Вы указываете сами, то в таком случае с равным успехом допустимо либо рассматривать некую данность в целом с антропологической точки зрения, либо прибегнуть к ретроспективному обзору различных человеческих свершений в истории: человека во всей его сущности можно обрести в любой эпохе.

Я надеюсь получить в следующем Вашем письме дальнейшие уточнения касательно того, как мне следует воспринимать и излагать вопрос, чтобы более обстоятель-

* тягот (латин.).

но обсудить его с нашими философами. Пока что я не слишком много беседовал с ними; думаю, что с этим будет легче, когда начнутся каникулы, ибо теперь, при завершении лекционных курсов, работы стало больше. Шеллинг собирается вывести а priori дедукцию различных видов искусства, и это вызывает у меня необыкновенный интерес.

Что касается моей собственной работы, то я пока мало чем могу похвастаться. Трудности моей нынешней задачи все еще слишком сильно заботят меня, к этому присоединяются страх не успеть вовремя, я подгоняю себя и терзаюсь опасениями, но дело от этого не подвигается. Если я не одолею в скором времени эти патологические явления, то, боюсь, утрачу мужество.

Быть может, Вы более продуктивны в своей веймарской суете, нежели я в своем уединении, чего желаю Вам от всей души.

Дни стоят ясные, и я наслаждаюсь ими в своем саду.

Будьте здоровы. Надеюсь, что в следующий раз удачнее развлеку Вас.

Ш.

800. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Ваше письмо лишило меня надежды на то, что Вы далеко продвинулись вперед в эти прекрасные дни. Но может статься и так, что неожиданно все стронется с места, как бывало и со мною в подобных случаях.

Гартман из Штутгарта находится здесь, и мне чрезвычайно жаль, что Вы не познакомились с ним. Это высокий и крепкий молодой человек двадцати восьми лет, которого можно скорее принять за музыканта, чем за живописца. В его характере и поведении много наивного, в своих художественных воззрениях он движется в верной сфере, но не всегда по верному пути. Его большая картина заслуживает внимания, сюжет не вызывает возражений и все же не вполне удачен.

Беседовать с ним очень приятно, и я придерживаюсь при этом самых значительных моментов, чтобы завязать подлинные связи со столь талантливым и к тому же славным человеком, а затем и поддерживать с ним отношения на расстоянии. Самое лучшее здесь то, что он ничего не утрачивает, признавая правду, тогда как

многие лишь потому и выступают против истины, что пропадут, если признают ее.

Мой «Фауст» движется потихоньку. Хотя я и делаю за день очень немного, однако стараюсь сохранить вкус и интерес к нему.

Что касается конкурсной темы, то здесь мы совершенно единодушны. Можно было бы поставить условием сжатое и ясное изображение непреходящего в человеке и развитие феноменов культуры на этой основе. При этом можно было бы рассматривать их как некую данность в целом или как наследование или как то и другое вместе.

Как и Вы, я убежден, что на этом пути было бы проще всего достичь цели и при всей бесконечности материала надеяться на вразумительное изображение.

В Штутгарте, как я слышал от Мейера, которому рассказывал это Гартман, очень взволнованы и недовольны нашими суждениями об искусстве. Когда вникаешь в детали, то видишь, разумеется, в плену каких жалких воззрений они находятся. Вашу статью они приняли за статью Бёттигера. Если в стиле изобразительных искусств они разбираются не лучше, чем в литературном стиле, то дела их, конечно, плохи. Всегда создаешь себе какие-то иллюзии о людях, в особенности о своих современниках. Путаница, порождаемая столькими индивидуумами, каждый из которых заинтересован придать тому или другому особую цену, просто бесконечна.

Вы получите при сем трагедию¹, в которой Вы снова, как мне кажется, с ужасом услышите эхо своего «Валленштейна», отдающееся в ней, как в совершенно пустой бочке.

Заканчиваю пожеланием хорошей погоды и плодотворных часов.

Г.

Веймар, 11 марта 1801 года.

801. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 13 марта 1801 года

Характеристика, которую Вы дали Гартману, заставляет меня сожалеть о том, что его придется отпустить в одичавший мир, не вполне обеспечив себе столь удачное приобретение во имя правого дела; какой бы тесной ни была связь, возникшая в результате серьезного общения в течение нескольких дней или недель, однако под-

линное единомыслие возможно лишь при постоянном и длительном взаимовлиянии.

Что же касается художественной критики в «Прописях», то жаль, что мы так редко можем возвышать голос, и впечатление, которое производится при этом, не так быстро подкрепляется новым. В противном случае нам непременно удалось бы лишить художников и любителей искусства их ленивой успокоенности, и само негодование по поводу наших суждений подтверждает мне это. Поэтому в следующий же раз мы должны зайти еще дальше, и Мейеру следует дать нам возможность *specialiter* * потерпеть ущерб и выступить против каждой из ложных максим.

О пьесе, которую Вы мне прислали, невозможно сказать что-либо хорошее; это еще одно доказательство того, что и самая пустая голова способна создать нечто мнимое, когда литература достигает определенного уровня и когда соответствующая фразеология уже доступна. Произведение это *in specie* ** убого вдвойне, потому что оно представляет собой неслыханный шаг назад по сравнению с «Уголино» Герстенберга¹; трагедию эту, которую Вы, вероятно, не знаете, отличают весьма удачные мотивы, подлинный пафос и нечто действительно гениальное, хотя произведением хорошего вкуса ее не назовешь. Можно было бы попытаться использовать ее для того, чтобы изъяснить идею трагедии как таковой, потому что здесь и в самом деле затронуты высочайшие проблемы.

Сегодня я обедаю у Лодера в обществе Цигезара и еще кое-кого, а вечером приглашен в один кружок. Вечера по большей части я провожу в обществе, так что скорее могу пожаловаться на суету, чем на недостаток развлечений.

Однако с работой дела обстоят лучше, я вновь обрел некоторое мужество и кое-что закончил.

Будьте здоровы. Множество поклонов Мейеру.

Ш.

802. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прежде всего от души поздравляю Вас с тем, что работа Ваша спорится; я тоже кое-что сделал в «Фаусте», так что все постоянно движется, хотя и медленно.

* намеренно (*франц.*).

** здесь: как представитель своего рода (*латин.*).

Пребывание Гартмана здесь приносит, вероятно, большую пользу нам, чем ему самому, поскольку мы знакомимся с определенным, пусть даже и не вполне сформировавшимся образом мыслей столь замечательного человека. Вообще же мне приходит порою в голову, что в искусстве действительно нужно было бы основать некое тайное общество, причем самое занятное состояло бы в том, что высшей ступени достичь тут могли бы отнюдь не многие художники; им, даже самым одаренным, не следовало бы способствовать в этом — и только тогда, когда художник сам наконец добьется этого, сообщать ему, чего он достиг. Говорить, писать, публиковать — все это приносит некоторую пользу, но не слишком большую, так что не стоит сетовать по этому поводу.

Гартмана мы сразу же склонили выполнить нечто уже здесь, причем на весьма противоречивый сюжет: как Адмет принимает и угощает Геракла, несмотря на то, что в доме покойница¹. Как мы пришли к этому, Вы услышите в будущем, — для письма это слишком обширная материя.

Желаю Вам всяческих успехов как в уединении, так и в академическом обществе, и не забывайте нас.

Г.

Веймар, 14 марта 1801 года.

803. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 16 марта 1801 года

Мне по-прежнему живется здесь весьма неплохо, и каждый день приносит нечто новое. Я рассчитываю остаться здесь до тех пор, пока смогу еще располагать своим садом, то есть до Пасхи, и за это время набросать в общих чертах всю пьесу, чтобы в Веймаре мне осталось лишь обработать и отшлифовать ее.

Здесь философский факультет дал нам повод позабавиться на его счет. Фридрих Шлегель должен был защищать свои тезисы¹, и господа Ульрих, Хейнрих, Геннингс etc., желая досадить ему, вспомнили старый, совершенно вышедший из обихода закон и назначили ему оппонентов, тогда как уже с незапамятных времен повелось, что диссертант сам выбирает их. Следуя доброму совету некоторых друзей, Шлегель оставил без возраже-

ний эту придирку и весьма учтиво обошелся с одним из оппонентов, державшимся более скромно; второй же оппонент, некий профессор Августи, которого пригласили сюда из Готы (по общему суждению — полное ничтожество), начал свое участие в диспуте с оскорблений и колкостей и вел себя при этом так вызывающе и глупо, что Шлегелю пришлось осадить его. Ульрих, присутствовавший при сем в качестве декана и пропустивший мимо ушей все грубые нападки оппонента, с торжественным видом сделал замечание Шлегелю по поводу некоторых его реплик, тот не остался в долгу, чем вызвал сочувственный смех, вследствие чего произошли скандальные сцены. Однако, судя по общему отзыву, Шлегель держался весьма достойно и сдержанно, и полагают, что этот скандал вернет ему доверие как к доценту, значительно утраченное за последнее время.

Мадам Фейт издала роман ², который я собираюсь послать Вам,— прогляните его ради смеха. Вы встретите там призраки старых знакомых. И все же роман этот, представляющий собой диковинную карикатуру, позволил мне составить более лестное представление о сочинительнице; кроме того, он служит новым доказательством того, сколь многого может достичь дилетант хотя бы в сфере механического и чистой формы. Прошу вернуть мне книгу, когда Вы ее прочтете.

Сюжет, избранный для картины Гартмана, изумил меня, однако на первый взгляд в нем есть нечто интересное и притягательное. Хотя сам я не в силах разрешить этой загадки, но чувствую, что мысль эта глубока — вне зависимости от того, удачен ли или неподатлив данный сюжет. Нельзя, пожалуй, ждать от картины полной самостоятельности; достаточно уже и того, что когда просто глядишь на нее безо всякого ключа к ней, она привлекает и будит мысль, а когда получаешь ключ, загадка разрешается целиком и полностью.

Поздравляю с успехами в «Фаусте», которого здешние философы ждут с невообразимым нетерпением.

Будьте здоровы, множество поклонов Мейеру.

Ш.

Покорнейше прошу тотчас же распорядиться о передаче приложений ³.

804. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хотя Флорентин¹ и выступает как простой смертный, однако совсем нетрудно составить его родословное древо, способное еще породить немало диковинных созданий.

Я прочитал примерно сотню страниц и совершенно согласен с Вашим приговором. Некоторые ситуации хорошо задуманы, и мне любопытно, сумеет ли сочинительница использовать их впоследствии. Но как должен возрадоваться какой-нибудь студент, наткнувшись на подобного героя! Ведь все они хотели бы выглядеть примерно так же.

Посылаю Вам, со своей стороны, другой феномен², который согласно его собственному утверждению сошел с небес, хотя, как мне представляется, в нем слишком уж много от нашей старонемецкой земли. Мне кажется, что автор этой вещицы словно бы пребывает в чистилище между эмпирией и абстракцией, в некоем весьма неудобном промежуточном положении; между тем ни в содержании, ни в форме нет ничего, что выходило бы за пределы обычного.

Я хотел бы, чтобы Шлегель извлек некоторую выгоду из этой распри, ибо даже от его лучших друзей мне не доводилось слышать похвал его таланту преподавателя.

Хотя мы сейчас сильно ощущаем Ваше отсутствие, однако я хотел бы, чтобы Вы как можно дольше оставались в Иене. По крайней мере для меня время, проведенное в одиночестве, оказывалось наиболее благотворным, чего желаю и Вам от всей души.

Я еще, по сути дела, не позволял себе никакой передышки в «Фаусте», однако успехи мои пока незначительны. Раз уж философы проявляют любопытство к этой работе, то мне, конечно, нужно собраться с силами.

Первый набросок Гартмана к упомянутой картине уже наводит на многие размышления; если он сумеет возвысить прозаическую реальность посредством поэтической символики, то здесь может получиться нечто отрадное.

Вообще же я недавно сказал Мейеру: мы противостояем новому искусству, как Юлиан христианству, только мы видим чуточку яснее, чем он. И в самом деле странно, что определенный образ мысли может стать всеобщим, удержаться на долгие времена и столь же долго рассматриваться как нечто непреходящее в человеческой природе. Вот один из тех важнейших пунктов, над ко-

торами следует поразмыслить, когда речь пойдет о нашем конкурсе.

Будьте здоровы и наслаждайтесь вдоволь академическим обществом.

Г.

Веймар, 18 марта 1801 года.

805. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 20 марта 1801 года

С глубокой благодарностью возвращаю при сем присланные новинки.

Эта «Адрастея» — пресердитое произведение, доставившее мне мало радости. Замысел провести читателя через истекшее столетие посредством примерно дюжины насыщенных выпусков сам по себе не плох, однако тут нужен был бы иной проводник, и животные с крыльями и когтями, которые везут это творение¹, могли бы олицетворять собой лишь беглость работы и недоброжелательство максим. Гердер действительно испытывает явный упадок сил, и порой спрашиваешь себя со всей серьезностью, мог ли тот, кто сейчас так бесконечно тривиален, бессилен и пуст, действительно представлять собой когда-то нечто необыкновенное? Здесь высказываются воззрения, которые обычно встречаешь в «Имперском вестнике»², — а это жалкое ковыряние в старой и изжившей себя литературе лишь во имя того, чтобы игнорировать современность или же иметь повод для язвительных сопоставлений!

А что Вы скажете относительно «Эониды»³? Уловили ли Вы здесь какую-нибудь устойчивую форму? Признаюсь, я не вполне понимаю, о чем здесь идет речь; о чем должна идти речь, совершенно ясно. Тем не менее хорошо, что самомнение и дух противоречия автора проявились здесь так отчетливо, — подражание Вашему образцу явственно покажет всю его слабость и неловкость. Что в пьесе хорошо, так это сопоставление двух главных персонажей как антитеза, которая разрешается, и их свита из второстепенных мифологических персонажей; однако все это заимствовано у Вас, а там, где он начинает выдумывать сам, возникает полнейшая чепуха.

Роман Трессана⁴ доставил мне удовольствие в моем уединении. От рыцарских романов, которые обрабатывал автор, он унаследовал лишь определенную нравственную

чистоту и деликатность; вместо естественности чувств находишь только канцелярский стиль, и все здесь рассчитано на сентиментальный эффект, однако определенная безыскусность замысла и мастерство композиции приносят удовлетворение и радость.

«Уголино»⁵ Вы никоим образом не сможете использовать. Единственное, что тут следует сделать,— это как можно скорее вернуть рукопись господину доктору Грису из Гамбурга, пока он еще здесь.

Нескончаемый ветер, от которого я не могу спастись даже в закрытой комнате, зачастую отравляет мне жизнь в саду и мешает выходить из дома, потому что изнуряет мою грудь.

Тем не менее работа моя постоянно подвигается, хотя и не слишком быстро.

Будьте здоровы, множество поклонов Мейеру.

Ш.

806. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я предполагал, что доставлю Вам некоторое удовольствие рыцарским романом, он очень мил и забавен, а к тому же представляет собой недурной образец современного восприятия и трактовки прежних сюжетов.

Хотя Гартман и сделал уже два рисунка к Адмету, мы все еще не можем прийти с ним к единому мнению, поскольку он дает естественное изображение события, тогда как такая картина должна быть полностью символической. Тут *утверждена великая пропасть*¹, преодолеть которую можно лишь благодаря откровению. Мы полагали, что очень ясно изложили ему все, однако из сделанного им явствует, что он не знает, чего мы хотим. Тут, несомненно, требуется полнейшая перемена взглядов, и неизвестно еще, принадлежит ли он к числу избранных несмотря на свой замечательный талант. Профессор Мейер обещал мне, что по отъезде Гартмана он сам выполнит рисунок в нашем духе, но только для нашего узкого круга.

Я думаю о Вас при изменениях погоды в лучшую или худшую сторону. Если бы я мог предвидеть, что герцог будет так долго отсутствовать (он вернется только 27-го), то приехал бы к Вам на несколько дней; со следующим курьером я снова пришлю Вам кое-что для чтения.

Я предвидел то дурное впечатление, которое произведет на Вас пара грифонов. Этим утром я перечитал аллегорическую драму ², и меня особенно поразило здесь сочетание ожесточенности и скорби. Не хотел бы я быть на месте автора!

Желаю всяческого успеха Вашей работе и радуюсь в предвидении того времени, когда мы снова будем вместе. «Фаусту» пока что не случилось оставаться вовсе без движения.

Г.

Веймар, 21 марта 1801 года.

807. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Пишу Вам всего несколько строк, чтобы не отпустить посылную с пустыми руками: едва я уселся за письмо, как в комнату вошли два моих философа. Позавчера меня навестили моя жена и дети, а также мой юный родственник ¹, служащий адъютантом в голландско-французской армии. Для совсем молодого военного, бывшего многие годы участником войны, он показался мне очень скромным и благовоспитанным.

Работа моя порядком продвинулась вперед; боюсь, однако, что длительная задержка с наступлением хорошей погоды и нескончаемый ветер вынудят меня уехать отсюда на этой неделе.

Трофеем моего пребывания в Иене окажется предпоследний акт, который я здесь начал и надеюсь закончить.

Будьте здоровы. Множество поклонов Мейеру.

Ш.

Иена, 24 марта 1801 года.

808. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Я только что решил съездить на неделю в Россла ¹, после чего мы, вероятно, снова встретимся, и это меня очень радует.

Если Ваше пребывание в Иене окажется не таким плодотворным, как Вы надеялись, то ведь такова обычная судьба поэтических замыслов; тем не менее следует с благодарностью принимать даже небольшое.

Посылаю Вам описание путешествия в Португалию ²; оно весьма занимательно и поучительно, но едва ли возбуждает живое желание посетить эту страну.

Размышляя о непреходящем в человеческой природе ³, имеющем отношение к феноменам культуры, я нашел пока что четыре основных состояния:

наслаждение,
страсть,
разочарование,
привычку.

Вообще же при подобном рассмотрении кажется странным, что собственно различия стираются в отдельных случаях, но ведь определенное единство и является тут целью.

Будьте здоровы. За это время произошло много такого, что послужит нам предметом для бесед.

Г.

Веймар, 25 марта 1801 года.

809. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Иена, 27 марта 1801 года

Теперь я скоро покину Иену, не слишком обремененный великими делами и трудами, но и не без прибыли; во всяком случае, я сделал ровно столько, сколько сделал бы за то же время в Веймаре. Таким образом, хоть я ничего и не выиграл в эту лотерею, но всю свою ставку вернул.

От здешней публики я тоже, как обычно, получил меньше пользы, чем рассчитывал; несколько бесед с Шеллингом и Нитхаммером — вот и все. Еще на днях я напал на Шеллинга за его утверждение в «Трансцендентальной философии» ¹, будто «в природе все начинается с бессознательного, чтобы возвыситься к сознательному, в искусстве же, напротив, идут от сознательного к бессознательному». Правда, здесь ему требовалось лишь противопоставить творение природы и творение искусства, и в этом отношении он прав. Боюсь только, что эти господа идеалисты в увлечении своими идеями слишком мало считаются с опытом, а ведь согласно опыту поэт тоже начинает лишь с бессознательного и даже может счесть себя счастливым, если осознает свои действия настолько ясно, чтобы вновь обрести в законченном произведении первоначальную смутную общую идею, несколько не утратившую в своей силе. Ни одно поэтическое произведение не может возникнуть без такой смутной, но могучей идеи, которая предшествует всему

механическому, да и сама поэзия, как мне представляется, именно в том и состоит, что может выразить и передать это бессознательное, то есть перенести его в объект. Человек, лишенный поэтического дара, может с тем же успехом, что и поэт, взволноваться поэтической идеей, но он не может претворить ее в какой-либо объект, он не может воплотить ее с убедительной необходимостью. Точно так же такой человек может с тем же успехом, что и поэт, создать некое произведение осознанно и с необходимостью, однако подобное произведение не исходит из бессознательного и не кончается в нем. Оно остается лишь творением рассудка. Бессознательное в соединении с рассудочностью и создает поэта-художника.

За последние годы в стремлении поднять поэзию на некую высшую ступень внесли путаницу в само понятие поэзии. Всякого, кто способен вложить свои чувства в некий объект таким образом, чтобы этот объект вынуждал меня испытывать те же чувства и, следовательно, живо воздействовал на меня, я называю поэтом, творцом. Однако не каждый поэт достигает при этом совершенства. Степень совершенства зависит от того богатства, от того содержания, которое он несет в себе и, следовательно, воплощает вовне, и от той степени необходимости, которое выражает его произведение. Чем субъективнее его чувства, тем они случайнее; объективная сила покоится на идеальном. От каждого поэтического произведения требуется всеобщность выражения, ибо каждое такое произведение должно обладать характером, иначе оно не является поэтическим; совершенный же поэт выражает все человечество.

Сейчас есть немало людей, образованных настолько, что удовлетворить их может лишь вполне совершенное произведение, однако сами они не способны создать даже просто хорошее. Они не могут *творить*, дорога от субъекта к объекту для них закрыта, а ведь именно этот переход и создает, по-моему, поэта.

Точно так же и в прежние, и в нынешние времена можно найти достаточно поэтов, способных создать нечто хорошее и характерное, однако их произведения не соответствуют этим высоким требованиям, да они их и не ставили перед собой. Теперь же одним недостает, по-моему, *степени совершенства*, другим — *характера*,

и это различие, как мне кажется, сейчас мало кто видит. Отсюда проистекает бесполезный и отвлеченный спор между теми и другими, от которого искусство ничего не выигрывает, ибо первые, оставаясь на зыбкой почве абсолютного, вечно противопоставляют своим противникам лишь туманную *идею высшего*, вторые же располагают *деянием*, которое хотя и ограничено, но зато реально. Однако из идеи без деяния вообще не может проистечь что-либо.

Не знаю, достаточно ли ясно я выразил свою мысль, но мне хотелось бы узнать о Ваших воззрениях на этот предмет, ставший столь близким нам из-за нынешнего спора в эстетической сфере.

Отсюда, вероятно, я уже больше не буду писать Вам, так как собираюсь вернуться в Веймар в среду; возможно, Вы уже будете там к этому времени, и нам удастся возобновить наши беседы.

Благодарю Вас за описание путешествия в Португалию; оно неплохо написано, но только суховато и несколько претенциозно. Мне кажется, что автор принадлежит к числу тех рассудочных людей, которые в глубине души настроены более враждебно к философии и искусству, чем признаются в этом. Хотя здесь это не так существенно, но все же это проявляется и ощущается.

Будьте здоровы и наслаждайтесь этими ясными днями.

Ш.

810. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Поздравляю Вас с возвращением в Веймар и надеюсь вскоре увидеться с Вами; либо Вы навестите меня здесь, либо я и сам поскорее соберусь обратно в город.

Мое здешнее пребывание очень пошло мне на пользу: отчасти потому, что я все дни провожу в движении на свежем воздухе, отчасти потому, что простая сельская жизнь оказала на меня расслабляющее воздействие, и это порождает во мне такую беспечность, какой я давно уже не испытывал.

Что касается вопросов, затронутых в Вашем последнем письме, я не только согласен с Вами, но и иду еще дальше. По моему мнению, все то, что гений делает именно как гений, происходит неосознанно. Гениальный человек может действовать и обдуманно, по зрелому размышлению, по убеждению,— но все это имеет лишь по-

бочное значение. Никакое произведение гения не может быть улучшено и избавлено от ошибок путем размышления и вытекающих из него последствий, однако сам гений может путем размышления и работы постепенно возвыситься до того, что создаст под конец образцовые произведения. Чем гениальнее сама эпоха, тем больше она способствует развитию индивидуального гения.

Что же касается высоких требований, предъявляемых ныне к поэту, то я тоже думаю, что они едва ли породят поэта. Поэтическое искусство требует от субъекта, который желает заниматься им, своеобразной ограниченности, доброжелательной и влюбленной в реальность, причем за этой ограниченностью кроется абсолютное. Требования же, исходящие сверху, разрушают это невинное плодотворное состояние, а в сфере чистой поэзии замещают поэзию чем-то таким, что никоим образом поэзией не является. Именно это, к сожалению, мы и наблюдаем в наше время, и точно так же обстоит дело с родственными искусствами и вообще с искусством в самом широком смысле слова.

Таков мой символ веры, который, впрочем, ни на что большее и не притязает.

На Вашу нынешнюю работу я возлагаю очень большие надежды. Произведение хорошо задумано, и если у Вас окажется достаточно досуга, то оно завершится само по себе; с «Фаустом» тоже кое-что произошло за это время. Надеюсь, что там, где имелся значительный пробел, вскоре будет недоставать лишь сцены диспута, которая, впрочем, представляет собой особое произведение и поэтому без должной подготовки не возникнет.

О нашем замечательном конкурсе я тоже помнил все это время и приступил к своего рода обзору европейских наций, чтобы обеспечить моим воззрениям некую эмпирическую основу. После «Путешествия» Линка я прочитал еще кое-что о Португалии, а теперь перейду к Испании. С каждым днем я все больше и больше убеждаюсь, насколько тесной оказывается общая взаимосвязь, если только рассматривать явления действительно изнутри.

Риттер заглянул ко мне на минутку и направил мои мысли еще и на учение о цвете. Новые открытия Гершеля, продолженные и дополненные нашим молодым естествоиспытателем, отлично сочетаются с тем опытом, о ко-

тором я неоднократно рассказывал Вам: что болонский шпат не окрашивается в желто-красной полосе спектра, а в сине-красной окрашивается¹. Физические краски тем самым отождествляются с химическими. Труд, потраченный мной без сожаления на этот предмет, обеспечил мне значительное преимущество в оценке новых наблюдений, и я задумал новые опыты, которые позволят еще более прояснить дело; предвижу, что в этом году я напишу по меньшей мере несколько новых глав учения о цвете. Мне хочется поскорее рассказать Вам об этих новинках.

Не пожелаете ли Вы навестить меня в четверг вместе с профессором Мейером? Поговорите с ним, пожалуйста; я написал ему обстоятельное письмо.

Пока что будьте здоровы.

Г.

Оберроссла, 3 апреля 1801 года.

811. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Веймар, 3 апреля 1801 года

Я вернулся сюда в среду и очень огорчился, не застав Вас здесь. Но да окажет на Вас благотворное воздействие жизнь в деревне! Я собираюсь за время Вашего отсутствия настолько продвинуть вперед свою работу, чтобы показать Вам ее законченной вскоре после того, как Вы вернетесь. Надеюсь, что за две недели достигну своей цели. Я возлагаю большие надежды на последний акт,— он поясняет первый, так что змея кусает свой хвост. Поскольку моя героиня предоставлена тут самой себе и покинута в несчастье небесами, то ее независимость и притязания на роль пророчицы проявятся еще отчетливее. Финал предпоследнего акта оказался весьма театральным, и эгидодержавный *deus ex machina** не преминул оказать здесь свое воздействие.

Мейер, как Вы знаете, написал портрет моего маленького Эрнста; картина закончена и чрезвычайно удалась, так что Вам она тоже, несомненно, доставит удовольствие. Она великолепно задумана и удачно выполнена; в сходстве тоже нет недостатка, хотя удержать такого малыша в спокойной позе очень трудно.

Мне было грустно покидать мой сад как раз тогда, когда настала такая прекрасная погода; однако я уже

* бог из машины (латин.).

стосковался по дому и, к счастью, тотчас же углубился здесь в свою работу.

С нетерпением жду хотя бы несколько строк от Вас, ибо в Россла Вы оказываетесь словно на краю света, как ни мало тут расстояние. Будьте здоровы, всех Вам благ.

Ш.

812. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 15 апреля 1801 года]

Сердечно приветствую Вас в Веймаре и радуюсь тому, что после столь долгой разлуки мы снова вместе. Сообщите мне, пожалуйста, будете ли Вы сегодня вечером дома или я увижу Вас в театре.

Сегодня я заканчиваю свою пьесу¹, так что этот день вдвойне дорог мне. Но поскольку погода досаждала мне напоследок, да и работа немного утомила, то я чувствую себя не очень хорошо.

Моя жена сердечно Вам кланяется. И Нитхаммер, который приехал сегодня утром, свидетельствует Вам свое почтение.

Ш.

813. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

И я тоже очень рад вновь оказаться вблизи от Вас, тем более что прибыл в такой день, который знаменует собой новую эпоху.

Сегодня вечером Вы застанете меня дома в семь часов. Если Нитхаммер тоже захочет отужинать с нами, я буду ему рад.

Сердечный поклон Вашей милой жене, которую я должен еще поблагодарить за ее дружеское письмо¹.

От всей души поздравляю Вас с окончанием работы.

Г.

Веймар, 15 апреля 1801 года.

814. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 18 апреля 1801 года]

Посылаю Вам при сем требуемое произведение с наброском примерного распределения ролей¹. Экземпляр для театра примерно на шесть листов меньше.

«Натаном»² я займусь сегодня; вечером в опере дам Вам окончательный ответ.

Ш.

815. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

С благодарностью возвращаю Вам пьесу. Она так хороша и удачна, что я не знаю, с чем сравнить ее¹.

Не хотите ли прогуляться с нами² и провести остаток вечера вместе?

Завтра я снова еду в деревню³.

Г.

Веймар, 20 апреля 1801 года.

816. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Меж тем как Вы наслаждаетесь всевозможными и необыкновенными театральными развлечениями, я вынужден оставаться в деревне и заниматься всевозможными судебными и несудебными распрями, визитами к соседям и прочими прозаическими вещами. Если удастся, то я приеду в субботу. Напишите мне, пожалуйста, несколько слов о том, как обстоят дела с «Натаном» и какое впечатление производит отважная девственница. О себе я могу сообщить только то, что пребывание здесь неплохо сказывается на моем физическом состоянии и что я могу, пожалуй, радоваться всему этому, поскольку даже после выздоровления мне все равно не приходится ждать особых чудес. Будьте здоровы и поскорее порадуйте меня хотя бы несколькими строчками.

Г.

Оберроссла, 27 апреля 1801 года.

817. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Веймар, 28 апреля 1801 года

Вы все же потеряли кое-что, пропустив эту музыкальную неделю, когда для нашего развлечения соединились пение и танцы¹. Герн очень порадовал нас своим прекрасным голосом в роли Зарастро, однако его Тарар доставил нам меньше удовольствия, так как этот могучий и страстный персонаж не соответствует его мягкой натуре. Танцевальная труппа, которая в понедельник выступила в интермеццо, повергла веймарскую публику в изумление довольно сомнительного характера: здесь не привыкли к тем странным позам и движениям, когда ногу вытягивают назад или в сторону во всю длину. Это кажется неуместным, нескромным и вообще некрасивым. Однако в их легкости, быстроте и ритмичности есть много очарования.

Котта на днях был здесь проездом², но задержался всего лишь на несколько часов; на обратном пути он пробудет подольше и надеется тогда застать и Вас. Он привез с собой гравера Мюллера из Штутгарта, с которым Вы, насколько мне известно, знакомы. Это славный человек, что вполне согласуется с его искусством: ему присущи те же тщательность, аккуратность, педантичность и изящество, которые проявляются в его гравюрах. Я получил также четыре рисунка Вехтера к «Валленштейну»³, которые дали повод к различным соображениям, причем опять же главным образом относительно выбора сюжета. Но выполнены они достаточно умело, своеобразно и выразительно. Мейер еще не видел их, и мне любопытно, отгадает ли он имя художника.

«Натан» переписан и будет отослан Вам для того, чтобы Вы распределили роли. Я больше не хочу иметь дел с актерами, ибо тут ничего не добьешься уговорами и лаской, с ними возможен лишь один-единственный способ обращения — категорическое распоряжение, а это не по мне.

«Девственницу» с неделю назад мне пришлось послать герцогу, и она пока еще у него. Но он уже сообщил моей жене и свояченице, что пьеса произвела на него неожиданное впечатление, хотя совершенно не соответствует его вкусам. Он полагает, однако, что сыграть ее нельзя, и в этом, быть может, он прав⁴. После долгих раздумий я тоже решил не отдавать ее театру, хотя понесу на этом некоторые убытки. Во-первых, Унгер, которому я продал ее, рассчитывает на нее как на совершеннейшую новинку к осенней ярмарке, и я не могу пойти наперекор его желанию. Кроме того, меня отпугивают неприятности, уже познанные на собственном опыте: разучивание ролей, помощь на репетициях и потеря времени при этом, не говоря уже о потере настроения. Сейчас я вынашиваю два новых драматических сюжета⁵, и когда обдумаю и испытаю их, то приступлю к новой работе. Будьте здоровы и приезжайте сюда на субботу.

Ш.

818. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

На этих днях я пережил нечто прямо противоположное музыке и танцевальному искусству, вступив в кон-

фликт с грубой человеческой натурой и столкнувшись с самой омерзительной нечистоплотностью в денежных делах. Только сегодня я избавился от моего прежнего арендатора, и мне предстоит еще о многом подумать и позаботиться, поскольку новый приступит к делу только на Иванов день. Поэтому я думаю, что едва ли смогу приехать в субботу. Устройте, пожалуйста, хотя бы пробную читку «Натана» до моего возвращения, потому что без руководства люди эти оказываются совершенно беспомощными; это очень неблагоприятное занятие, однако без него никак не обойтись.

Я не хотел бы вовсе отказываться от постановки Вашей «Девственницы». Хотя тут есть большие трудности но ведь нам доводилось уже преодолевать довольно многое — при том, что театральные опыты действительно не слишком-то внушают веру, надежду и любовь. В том, что Вы можете заняться чем-то лучшим, нежели подобными дидактиками, у меня нет никаких сомнений; вопрос в том, что я едва ли гожусь на это при нынешних своих ограниченных возможностях. Но мы еще поговорим об этом, когда снова будем вместе.

Я не смог противстоять искушению проложить здесь дорожку для прогулок, так как до этого и шагу нельзя было ступить посуху при дождливой погоде и в тени при солнечной. Но все это завело меня несколько дальше, чем необходимо, и я вынужден оставаться здесь, пока все не будет устроено, — иначе люди эти могут под конец испортить все. Будьте здоровы, пребывая в более счастливом мире, и размышляйте на радость нам о новых творениях.

Г.

Оберроссла, 28 апреля 1801 года.

819. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Если Вы пожелаете прийти сегодня ко мне в половине двенадцатого, чтобы посмотреть упомянутые опыты а затем на часок поехать со мной на прогулку, то я буду очень рад.

Г.

[Веймар,] 12 мая 1801 года.

820 ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Прежде чем покинуть Гёттинген, я должен подать весть о себе. Пока что мне жилось очень хорошо; я осмотрел удивительнейшие заведения и познакомился с большинством профессоров, со мной обходились весьма приветливо и доброжелательно, и признаюсь, что я давно уже не чувствовал себя так бодро и весело.

Заведения в высшей степени солидны, однако о них, так же как и о людях, Вы услышите от меня при встрече. К сожалению, мои папки на этот раз, по-видимому не будут разбухать так, как во время путешествия по Швейцарии¹, ведь тогда у меня была возможность померяться силами с миром, теперь же я буду доволен, если мир поможет мне восстановить их. Если я смогу за это время составить хотя бы общее представление о гёттингенском образе жизни, то и тогда уже путешествие это принесет мне необычайную пользу: я и теперь ощущаю, как проясняется мой дух при созерцании здешнего бытия.

Мой попутчик Август, который просит передать сердечный поклон Карлу, тоже повинен в том, что я не очень усерден, так как он отвлекает меня и мешает некоторым наблюдениям, однако он очень счастлив, он многое приобретает, а к тому же мои отношения с людьми благодаря ему оказываются более мягкими и дружелюбными, чем было бы, вероятно, в ином случае. Будьте здоровы, кланяйтесь Вашей милой жене и порадуйте меня по возвращении плодами Вашего труда.

Г.

Гёттинген, 11 июня 1801 года.

821 ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Веймар, 28 июня 1801 года

Мы с величайшим нетерпением ждали вестей от Вас, и вот только позавчера я получил Ваше письмо из Гёттингена, которое, таким образом, пробыло в пути пятнадцать дней. Мое же, надеюсь, быстрее доберется до Вас, поскольку на этой неделе предстоит оказия отсюда в Пирмонт. Боюсь, что холодная погода последних двух недель весьма неблагоприятно сказалась на лечении водами и вынудит Вас задержаться там. Она повлияла и на мое здоровье и нанесла ущерб моей работе. Все же за это время я полностью завершил одну балладу для

Котты — «Леандр и Геро»¹, а также несколько небольших стихотворений и надеюсь показать Вам все это, когда Вы вернетесь. Пьеса начала уже формироваться², и я рассчитываю приступить на этой неделе к исполнению. План прост, действие развивается быстро, и я могу не опасаться того, что растекусь вширь.

Однако и мне грозит длительная помеха, потому что я всерьез решил отправиться на три недели к Балтийскому морю, испробовать там морские купания и вернуться домой через Берлин и Дрезден³. Хотя я и не жду особых радостей от этого путешествия и даже боюсь, что в Берлине мне предстоят неприятные дни, однако мне нужны новые впечатления, я должен сделать решительную попытку позаботиться о своем здоровье; я хочу посмотреть несколько хороших спектаклей или по крайней мере увидеть нескольких превосходных актеров — и, наконец, снова встретиться со старыми друзьями, тем более что для этого не придется делать большой крюк. Таким образом, мои ожидания куда легче превзойти, чем обмануть. Вообще же я рассчитываю вернуться домой к 10 сентября, так как хочу передвигаться побыстрее и собираюсь провести в Доберане только двенадцать дней, ровно столько же в Берлине и шесть в Дрездене. По возвращении я надеюсь найти Вас здоровым и бодрым; быть может, и мое здоровье тем временем улучшится.

Могу также сообщить Вам о том, что происходило здесь после Вашего отъезда. Вместе с принцессой Баденской⁴ в Веймаре побывала госпожа фон Хак, давняя Ваша знакомая, которая вспоминала о Вас с дружеским участием и тотчас же узнала Вас на портрете Бюри. Несколько дней провел здесь и Кнебель, приехавший со своей женой; он очень жизнерадостен и во всем остальном нисколько не изменился.

Рохлиц из Лейпцига приезжал сюда; по его словам, Вы поощряли его к участию в конкурсе на комедию⁵. Намерения у него самые благие, однако сил недостаточно. Из Лейпцига он прислал мне готовую половину комедии и хочет услышать мое мнение о том, может ли он надеяться на успех в конкурсе, — ему, как он пишет, не удастся закончить комедию в нужный срок, если он не пойдет на определенные жертвы, так что для продолжения работы ему требуется уверенность в успехе. Пьеса безусловно сценична, судя по законченной части, и там есть несколько

удачных сцен, которые будут иметь успех, однако особенно хвалить ее и тем более присуждать ей премию не за что, если только она и в самом деле не окажется лучшей из всех присланных. Она слишком тривиальна, слаба и пуста. Будучи в затруднительном положении из-за необходимости дать приемлемый ответ, я сошлюсь на обязательность условия представить *комедию интриги*, ибо все веселое и пикантное в этих двух актах кроется в поведении двух комических персонажей, но никоим образом не в интриге. Я собираюсь поощрить его к завершению комедии, хотя и не для того, чтобы присылать ее на конкурс. Я могу обещать ему, что мы захотим поставить его комедию и поставим ее, а Вы уже решите, будете ли рассматривать ее как конкурсную пьесу или нет.

Зекендорф пишет мне из Регенсбурга, что в тамошней плохой труппе есть один дельный актер, некий Ойген, тенор, который исполняет роли буффонов в операх и первых любовников в зингшпилях. Хотя в последних ему не слишком способствует его плотная и приземистая фигура, однако Зекендорф полагает, что он может потягаться с Кордемано и Хайде, и даже во многом превзойти первого. Он получает там десять рейнских гульденов в неделю и мог бы уехать оттуда через шесть недель. Сообщаю Вам это потому, что Зекендорф склонен скорее порицать, чем хвалить, и, стало быть, молодой человек действительно представляет собой нечто такое, что можно будет развить впоследствии.

Что же касается «Пропилей», то они, как заверил меня Котта, никак не расходятся, и в обращении находится слишком мало экземпляров (вследствие чего Вы великодушно отказались от всяких денежных расчетов); все это не способствует распространению издания, и я поделился с Мейером идеей относительно того, чтобы использовать «Литературную газету» как средство донести до публики понятия об искусстве. Вы могли бы, например, выговорить себе в газете одну неделю раз в четверть года и рассматривать там проблемы искусства. Критика новейших произведений искусства и сочинений об искусстве послужила бы лишь предлогом для того, чтобы высказать все, что следует, и помимо значительных преимуществ в широком распространении выигрыш окажется еще и в том, что ложный вкус лишится важней-

шего своего судилища, которое, таким образом, принуждено будет послужить доброму делу. Мейер тоже согласен со мной и обстоятельно изложит Вам дело, как только Вы вернетесь.

На этом я сердечно прощаюсь с Вами и пожелаю, чтобы мы поскорее получили от Вас отрадные вести. Моя жена и свояченица шлют Вам сердечный поклон, а Карл — Августу.

Ш.

822. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Сердечно поздравляю Вас с решением, которое Вы приняли; просто прекрасно, что Вы отправитесь на север, меж тем как я знакомлюсь с северо-западом Германии, — впоследствии мы сможем многое рассказать друг другу и сравнить положение вещей.

Поскольку лечение делает меня неспособным к любой работе, то радостей у меня тут мало; однако я могу припомнить некоторые приятные и интересные беседы. Проповедник Шютц из Бюкебурга, брат госпожи Грисбах, оказался весьма образованным и приятным человеком; особое удивление испытываешь, когда потихоньку сравниваешь его с его сестрой. О других людях — при встрече.

Если говорить о каком-либо итоге, который, кажется, созревает во мне, то я словно бы испытываю все больше желания теоретизировать для себя самого и все меньше для других. Люди посмеиваются над житейскими загадками и побаиваются их, и лишь немногие испытывают тоску по словам, которые разрешили бы все. Поскольку они совершенно правы в этом, то не стоит сбивать их с толку.

Что еще можно было бы отнести к воздействию этой поездки и лечения на душу и тело, так это нынешнее мое стремление ограничить все свои побуждения и заниматься лишь самым непосредственным и необходимым. Таким образом, я буду чрезвычайно рад освободиться от какого-либо обязательства и неохотно приму на себя новое; однако все это окончательно определится, когда мы снова встретимся и взвесим как наши силы, так и наши приобретения.

«Геро и Леандр» вызывает у меня живейший интерес, и я хотел бы, чтобы Вы прислали мне эту балладу вместе с письмом. Что же касается начатой Вами пьесы, то я не

знаю, говорите ли Вы о «Мальтийцах» или о самозванном принце¹, и буду вдвойне изумлен, коль скоро Вы продвинетесь вперед и в этом.

Всю совокупность жизни в Пирмонте я уже порядком охватил. На обратном пути я надеюсь дополнить в Гёттингене то, в чем еще испытываю недостаток. Кассель привлекает меня, скорее, в общем и лишь с точки зрения искусства, потому что на большее не хватит времени.

Впрочем, папки мои по-прежнему остаются очень тощими, — большую часть здесь составляют курортные объявления и театральные афиши.

В здешней труппе есть несколько человек, которые производят очень хорошее впечатление и кажутся многообещающими. Общество в целом представляется скорее хорошим, чем плохим, и все же оно, по сути дела, не сулит ничего отрадного, ибо и здесь, как и повсюду, цветет и торжествует натурализм, невежество, фальшь в поведении, ведущая к сухости или манерности, и прочие беды; все это препятствует слиянию целого.

Меня очень интересует описание берлинских театров, которое Вы сделаете для нас.

Герцог приедет сюда завтра или послезавтра², и как только он устроится тут, я вернусь в Гёттинген. Коллекция черепов, увиденная у Блюменбаха, вновь пробудила во мне старые идеи³, и я надеюсь, что детальное ее созерцание даст тот или иной итог. Профессор Гофман обстоятельно познакомил меня с тайнобрачными растениями и тем самым заполнил значительный пробел в моих ботанических познаниях. Все то, что мне нужно в библиотеке по моему учению о цвете, уже отмечено и тем скорее будет найдено. Не скрою, что с удовольствием провел бы в Гёттингене три месяца, поскольку там собрано очень многое.

Герцог только что приехал и испытывает обычное состояние новоприбывшего: он питает надежды и развлекается; я же, напротив, как отбывающий, испытываю весьма скромные радости, а время с каждым днем тянется все медленнее. Поэтому я с тоской думаю об избавлении, которое свершится, по-видимому, в среду, 15-го. Из Гёттингена я напишу Вам еще раз, если только смогу сказать что-либо более или менее путное.

Будьте здоровы, счастливого пути. Кланяйтесь Вашим и не забывайте меня.

Г.

Пирмонт, 12 июля 1801 года.

823. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Наш вчерашний обед ¹ начался очень плохо, несмотря на острые приправы. Ваше отсутствие сказалось тотчас же и нанесло значительный урон небольшому обществу; Меллиш был не в духе, и это тоже несколько омрачило мое настроение. Нам пришлось есть и пить несколько часов, чтобы почувствовать себя оживленнее. Охотники, которые прибыли только в пять часов и с отменным аппетитом набросились на остатки, придали всему событию более удачный оборот. Весь ход парфосной охоты был заново пережит в рассказах, и мы очень весело провели время до семи часов.

Теперь я уезжаю в Иену ², так и не повидав Вас; через неделю я снова буду здесь, а пока посылаю Вам несколько комедий на Ваше благоусмотрение.

Будьте здоровы, трудитесь и не забывайте меня.

Г.

Веймар, 18 октября 1801 года.

824. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку я успел приехать ¹ еще до того, как истек день Вашего рождения, то и не опоздал выразить Вам в письме мои наилучшие пожелания, в искренности которых Вы не сомневаетесь, а вместе с тем пригласить Вас на завтра как бы на продолжение празднества в хорошо знакомое Вам дружеское общество.

Г.

Веймар, 10 ноября 1801 года.

825. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 10 ноября 1801 года]

Я радуюсь Вашему возвращению и сердечно благодарю Вас за дружеские пожелания. Надеюсь завтра услышать от Вас, что музы были благосклоннее к Вам в Иене, чем ко мне здесь.

Я получил сегодня от Рохлица из Лейпцига жалобное письмо с напоминанием об его «Волшебной флейте» ¹. Он

ждет от Вас хотя бы одной строчки, чтобы узнать о судьбе своего произведения, и просит вернуть ему рукопись.

Будьте здоровы. Я рад тому, что завтра снова увижусь с Вами.

Ш.

826. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку пройдет еще много времени, прежде чем мы увидимся снова, то я заеду за Вами сегодня вечером в семь часов, если у Вас все благополучно.

Если Вас привлечет еще и бал-маскарад, то экипаж также будет к Вашим услугам после ужина.

Г.

Веймар, 27 ноября 1801 года.

827. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Осведомляясь о том, как обстоят дела у Ваших, посылаю Вам статью о художественной выставке¹, превратившуюся, к сожалению, в объемистый том; законченная часть составляет примерно три четверти целого. Последняя четверть, которую еще предстоит написать, посвящена будущему конкурсу и нашим общим планам на будущее.

Не будете ли Вы так любезны читать статью с карандашом в руках и записывать на полях то, что будет приходить Вам в голову? Как вы сами увидите, часть рукописи совершенно не отредактирована, и я вообще собираюсь еще раз проглядеть всю рукопись в целом.

В конце, где речь идет о «Лукреции» Лангера², пока еще недостает описания того, что, в сущности, изображено на картине.

Будьте здоровы и берегите себя, пока эта общая напасть не оставит Вас и наших друзей.

Г.

Веймар, 15 декабря 1801 года.

828 ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 17 декабря 1801 года]

Думаю, что теперь дела наши пойдут удачнее. Лихорадка улеглась, прекратились и мучительные приступы у моей жены. С детьми пока что все обстоит благополучно. Надеюсь, таким образом, что с этой скверной неделей уже покончено.

Если Вы не боитесь за Августа, то Карл был бы очень рад возможности увидеться с ним.

Если сами Вы не испытываете страха перед болезнью и хотите совершить недолгую прогулку после обеда, то я был бы очень рад поехать с Вами и снова увидеть Вас хотя бы на мгновение. Да и свежий воздух пошел бы мне на пользу, потому что эти пять дней я провел словно в лазарете.

Ш.

829. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 18 декабря 1801 года]

Я прочитал сегодня рукопись со всей внимательностью и не представляю себе, что здесь можно было бы прибавить или убавить; относительно того небольшого сокращения, о котором Вы говорили вчера, я по-прежнему согласен с Вами. Вы обнаружите в некоторых местах карандашные пометки; они касаются лишь тех мест, которые я, как уже говорил вчера, хотел бы по возможности освободить от всего того, что не присуще обычной речи, ибо статья, по сути дела, адресована широкой публике, большую часть которой составляют непосвященные читатели.

Моим больным заметно лучше. Вероятно, я увижусь с Вами завтра — либо на прогулке, если погода окажется благосклонной к нам, либо вечером в театре¹. Будьте здоровы.

Ш.

830. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Мне искренне жаль, что я не увижу Вас на этом маленьком празднике. Но так или иначе мы вскоре увидимся. Лишь бы Вы поскорее полностью оправились от болезни!

Г.

[Веймар, конец декабря 1801 года.]

831. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 1 января 1802 года]

Да будет дано нам вступить в новый год с прежними чувствами и с добрыми надеждами!

Мне очень жаль, что я вынужден был пропустить вчерашний вечер, однако недавний мой приступ лихорадки и холерины был хотя и непродолжительным, но весьма мучительным, и слабость, оставшаяся после него, снова возбудила старые мои спазмы. Но теперь уже мне много лучше, и я надеюсь, что смогу побывать на завтрашнем представлении¹. Будьте так добры прислать мне Еврипида, если он сейчас Вам не нужен,— хотя бы тот том, в котором находится «Ион». Поскольку сегодня я ничем больше не смогу заниматься, он послужит для меня приятным развлечением и подготовит меня к завтрашней пьесе.

Ш.

832. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Нам очень недоставало Вас вчера, и отсутствие Ваше было тем огорчительнее для нас, что мы должны были винить в этом Ваше нездоровье.

Я бы очень хотел, чтобы Вы смогли завтра посетить представление.

Посылаю Вам при сем требуемый том Еврипида; будет очень хорошо, если Вы прочтете оригинал,— я еще не успел проглядеть его на этот раз и надеюсь, что сравнение даст нам повод для некоторых размышлений.

Я рад, что и в этом году смогу поздравить Вас при встрече и в добрый час отметить продолжение наших отношений.

Прилагаю также конкурсные рисунки из тех, что вполне удались¹.

Г.

Веймар, 1 января 1802 года.

833. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылая Вам статью о художественной выставке ¹, для которой прошу Вашего благосклонного внимания, хочу спросить вот о чем: не пожелаете ли Вы сегодня вечером после театра поехать домой вместе со мной? Есть много такого, относительно чего я хотел бы попросить Вашего совета перед моим отъездом ², который состоится завтра утром в десять часов. Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 16 января 1802 года.

834. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 17 января 1802 года]

Посылаю Вам дружеский поклон на прощанье и желаю многих радостей и хорошей погоды.

Из загадок ¹ посылаю Вам одну, написанную вчера. Две другие я обдумую сегодня и завтра, тем более что подобные вещи можно делать лишь по наитию.

Пожалуйста, сообщите мне устно через подателя сего, когда, собственно, должна быть поставлена «Турандот».

Ш.

835. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В Иене, в прежней комнате Кнебеля ¹, я всегда чувствую себя счастливым, потому что ни одному месту на свете я не обязан столькими плодотворными мгновениями. Забавно, что я записал на белом оконном косяке названия всех сколько-нибудь значительных работ, выполненных мною в этой комнате начиная с 21 ноября 1798 года. Если бы я начал этот реестр раньше, то в нем было бы отмечено еще многое, возникшее благодаря нашим отношениям.

Я начал диктовать один пустячок о веймарском театре ², делая при этом, как полагается, изумленно-серьезную мину; поскольку за нами числятся подлинные заслуги, то хорошо прикинуться чуточку глуповатым и, уж во всяком случае, держаться свободно.

Посылаю при сем копию грецизированной пьесы ³. Мне очень хочется узнать, как она Вам покажется. Я проглядел ее местами; она просто чертовски гуманна. Если все это хоть на что-нибудь годится, то сделаем попытку: ведь мы не раз уже видели, что последствия подобных риско-

ванных предприятий как для нас, так и для всего в целом невозможно рассчитать заранее.

Изучая постановку дела в бюттнеровской и университетской библиотеках в попытке осуществить идею предполагаемого каталога всех трех библиотек страны ⁴, я вынужден также рассматривать необозримую эмпирию литературного труда, где даже при самых высоких требованиях можно все-таки обнаружить немало достойных стремлений и достижений.

Вечера мои проходят оживленно благодаря вечно обновляющейся иенской молодежи. Уже в воскресенье я пробыл у Лодера до часу ночи, и собравшееся там общество затронуло как раз те главы истории, которые у нас ни разу еще не обсуждались. Когда я размышлял об этом разговоре, мне пришло в голову, что можно было бы составить чрезвычайно интересную книгу, если описать пережитое с добрым юмором, обладая тем кругозором, который открывается с годами.

Приближается время посылной, и я спешу дружески попрощаться с Вами.

Г.

Иена, 19 января 1802 года.

836. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 20 января 1802 года

Теперь я буду читать «Ифигению» с должным вниманием к ее новому предназначению, прислушиваясь к каждому слову со сцены вместе с публикой. То, что Вы называете гуманным, особенно хорошо выдержит это испытание, и тут я не советую что-либо выпускать. Надеюсь, что в следующую субботу смогу кое-что сообщить Вам о своих успехах.

Шютц прислал мне сейчас рецензию и на «Орлеанскую девственницу», которая написана уже другим автором ¹, человеком более способным, нежели рецензент «Мариин»; тут имеет место самый свежий случай приложения шеллинговской философии искусства к определенному произведению. Однако при этом я увидел воочию, что некий мост от трансцендентальной философии к реальному явлению еще не перекинут, ибо принципы этой философии весьма своеобразно соотносятся с реальностью данного факта и либо уничтожают ее, либо уничтожаются ею. Во всей рецензии ни слова не говорится собственно о произ-

ведения, да это и невозможно было сделать, следуя по такому пути, ибо от отвлеченных пустых формул нет перехода к конкретному случаю. И это называется теперь критическим разбором произведения, хотя читатель, не знакомый с произведением, не получит отсюда ни малейшего представления о нем. Из этого видно, однако, что философия и искусство еще не достигли близости и взаимопроникновения, и сейчас больше, чем когда-либо, ощущается недостаток некоего органа, который послужил бы посредником между ними. В «Прописях» это делалось по отношению к изобразительным искусствам, однако «Прописи» тоже исходили из зрительного восприятия; а наши молодые философы хотят непосредственно перейти от идей к действительности. Отсюда может проистечь только то, что высказывания по общим вопросам оказываются пустыми и бессодержательными, а по частным — банальными и ничтожными.

Примерно во вторник я рассчитываю услышать «Турандот» со сцены² и только тогда буду в состоянии решить, что еще следует тут сделать и какие изменения в этой старой пьесе потребуют иное место и иная эпоха. Детуш уже сочинил для нее один марш, который вполне удался, — сегодня он сыграл мне его.

Желаю, чтобы Вы хорошо себя чувствовали в своей старой плодотворной комнате и смогли бы сделать новые пометки на оконном косяке.

Ш.

837. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сегодня я сообщу Вам лишь немного, добавив к этому приложение, которое несомненно доставит Вам удовольствие, если только Вы уже не познакомились с этой поэмой¹. Жаль только, что сначала Джонс, а теперь и Дальберг (см. pag. XV) исключили так называемые нескромные места, вследствие чего вещь приобрела оттенок похотливости, тогда как в оригинале, конечно, выражается сладострастие.

Меня в высшей степени поразили разнообразные мотивы, благодаря которым простой предмет превращается в нечто бесконечное.

Генеральная репетиция «Турандот» состоится, по-видимому, в четверг. Напишите мне, обойдетесь ли Вы без

моего участия, и тогда я приеду только в пятницу утром. Ужасный беспорядок, в котором находится наследство Бюттнера, угнетает меня тем сильнее, что я должен расчистить помещение, чтобы освободить место новому коменданту². Я предполагал, что запру комнату, а затем буду методически разбирать этот хаос; теперь же мне приходится убирать все, запоминать, что куда положено, и при этом еще беспокоиться о том, не увеличиваю ли я путаницу. Двери будут распечатаны *legaliter** лишь в понедельник во второй половине дня, так что у меня останется очень мало времени на *déménagement*** . Мне бы еще представить, что дом горит, и тогда уборка сопровождалась бы еще большей суетой.

С философами³ я еще не виделся.

Г.

Иена, 22 января 1802 года.

838. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 22 января 1802 года

Как Вы сами увидите, я смог произвести в рукописи¹ куда меньше опустошений, чем ожидал; я нашел, что, с одной стороны, это не нужно, а с другой — не так уж и выполнимо. Пьеса сама по себе отнюдь не велика, в ней немногим больше двух тысяч стихов, а теперь не будет и двух тысяч, если Вы согласитесь выпустить отмеченные места. Однако выполнить это тоже было не так-то и легко, ибо то, что замедляет ход пьесы, кроется не столько в отдельных пассажах, сколько в общем характере целого, чрезмерно насыщенного рефлексией с точки зрения театральных требований. Кроме того, зачастую те самые места, которые следовало бы выпустить в первую очередь, представляют собой необходимые связующие звенья, и заменить их другими, не нарушая хода всей сцены, невозможно. Я делал пометки на полях там, где у меня возникали сомнения; там, где брали верх доводы в пользу сокращений, я вычеркивал; места, в которых мне казалось желательным выразить мысль по-иному, подчеркнуты.

Так как в самом действии вообще слишком много моральной казуистики, то хорошо было бы несколько ограничить число нравственных сентенций и аналогичных диалогов.

* законным образом (*франц.*).

** уборку (*франц.*).

Историческое и мифологическое следует оставить в неприкосновенности, ибо это составит необходимый противовес к моральному, и то, что говорит воображению, менее всего нуждается в сокращениях.

Наибольшие опасения вызывает здесь сам *Орест*; без фурий нет Ореста — и теперь, поскольку состояние его чувственно не обусловлено, поскольку причина тут кроется лишь в его душе, то все его состояние оказывается долгой и однообразной мукой, притом беспредметной; в этом и состоит одна из разграничительных линий между древней и новой трагедией. Быть может, Вам удастся придумать, как устранить этот недостаток; мне же, при нынешней композиции пьесы, это представляется почти недостижимым, — ведь то, что можно было сделать здесь без участия богов и духов, уже сделано. Во всяком случае, советую Вам сократить сцены, где действует Орест.

Далее, советую Вам подумать над тем, не целесообразно ли было бы в интересах большей драматической живости несколько раньше вспомнить о *Фоанте* и его таврах, бездействующих в течение целых двух актов, и с одинаковым тщанием вести обе линии, из которых одна теперь слишком долго пребывает в забвении. Хотя во втором и в третьем акте мы слышим об опасности, которая угрожает Оресту и Пилладу, но мы ее не видим, тут нет ничего чувственного, что могло бы наглядно показать всю тревожность ситуации. Мне кажется, что в те два акта, которые заняты теперь лишь *Ифигенией* и ее братом, нужно было бы ввести еще один мотив *ad extra* *, чтобы и внешнее действие шло безостановочно и будущее появление *Аркаса* оказалось более подготовленным. Теперь же о нем почти уже забываешь к тому моменту, когда он вновь появляется на сцене.

Разумеется, именно в этом и состоит подлинный характер пьесы: то, что называется собственно действием, происходит за кулисами, а нравственное, то есть то, что происходит в сердце, и образ мыслей персонажей становятся тут действием и словно бы предстают перед нами воочию. Этот дух пьесы необходимо сохранить, и чувственное здесь всегда должно подчиняться нравственному, — я просто хочу добавить ровно столько чувственного, сколько необходимо для полного выражения нравственного.

* сверх всего (латин.).

Вообще же «Ифигения» глубоко тронула меня, когда я перечитал ее сейчас; не стану скрывать, что отчасти причиной этого было нечто такое, что кроется в сюжете. Я назвал бы *душой* то, что составляет подлинное достоинство пьесы.

На публику пьеса непременно произведет впечатление; все вышесказанное только содействует ее успеху. Наши знатоки поставят пьесе в заслугу как раз то, что вызывает у нас возражения, но с этим вполне можно примириться, поскольку нам часто приходится выслушивать брань по поводу того, что в действительности заслуживает похвалы.

Будьте здоровы и поскорее сообщите мне о том, что застывшее творение вновь начало оттаивать в Ваших руках.

Ш.

839. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 2 февраля 1802 года]

Так как голова у меня совершенно пуста после скверно проведенной ночи, то сегодня я ни на что ровно не гожусь и скоро лягу спать.

Тем не менее посылаю Вам две загадки, и если Вы сочтете, что их можно использовать, то мы заменим старые тремя новыми¹. Быть может, я еще придумаю что-нибудь получше.

Отгадку Вашей я еще не распечатывал, но думаю, что разгадал ее, если только две последние строки не вводят меня в заблуждение.

Если Вы одобрите прилагаемые загадки, я распечатаю отгадку Вашей и тогда сочиню для Калафа необходимые реплики и пошлю их актерам. Так что напишите мне несколько слов еще этим вечером.

Ш.

840. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Обе Ваши новые загадки искупают очаровательные недостатки первых, в особенности «Глаза», поскольку они передают восхищение, вызываемое созерцанием предметов, и могли бы послужить основанием для нового поэтического жанра. Вторую я разгадал при первом чтении, первую же — со второго раза. Meo voto *, что Вы могли бы поста-

* Я думаю (латин.)

вить на первое место «Радугу», которая легко отгадывается, но производит приятное впечатление; затем пошла бы моя, не слишком содержательная, однако отгадываемая с трудом; под конец же — «Молния», которая разгадывается не сразу и, во всяком случае, производит прекрасное, возвышенное впечатление.

Я хотел бы, чтобы Вы завтра отобедали со мной,— тут мы наконец-то сможем снова уютно посидеть вместе с Мейером. Я угощу Вас изысканными соусами. Мне хочется этого тем сильнее, что в начале следующей недели я снова собираюсь уехать в Иену¹.

Г.

Веймар, 2 февраля 1802 года.

Замечу еще, что Август отгадал обе Ваши загадки, не дослушав их до конца.

841 ШИЛЛЕР ГЕТЕ

Веймар, 11 февраля 1802 года

Я решился теперь приобрести дом Меллиша¹, поскольку он немного уступил в цене. И хотя покупка по-прежнему обходится мне не дешево, однако я вынужден ухватиться за нее, чтобы раз и навсегда покончить с этой заботой. Но при таких обстоятельствах я вдвойне заинтересован в том, чтобы сбыть с рук мое маленькое иенское владение, и поэтому попрошу Вас уведомить об этом Гётце. Прилагаю объявление в «Еженедельнике», а также краткую памятку о налоге, которым ежегодно облагается садовый домик etc. Покупка его обошлась мне в 1150 талеров, и я израсходовал на строительство 500 талеров, что могу подтвердить счетами. Разумеется, я предпочел бы ничего не терять при продаже, а при возможности даже немного выиграть. Но поскольку я теперь нуждаюсь в наличных деньгах, чтобы поскорее освободить мой здешний дом от всех долгов по ипотеке, то меня удовлетворят 1500 талеров за сад и садовый домик как *крайняя* цена. Если Гётце обеспечит мне *большую* сумму, то я щедро вознагражу его. Меня также устроит, если эту сумму выплатят мне в два или три приема, например треть к Пасхе, треть к Иванову дню и остаток к Михайлову дню или к Рождеству. Если же я смогу получить сразу всю сумму наличными, то это, разумеется, будет лучше всего.

Простите, что докучаю Вам этими подробностями, но раз уж Вы занимаетесь теперь названиями и номерами книг, то, быть может, это механическое занятие не так уж трудно совместить с другим? Эти хозяйственные дела, подобно всем прочим естественным предметам, отравляют мне настроение, ибо теперь я вынужден заботиться о средствах для приобретения нового владения, но как только оно станет моим, появятся другие заботы, потому что мне придется приспособлять его для моих нужд. При таких обстоятельствах не слишком-то продвигается вперед небольшое стихотворение «Кассандра»², начатое в довольно удачном настроении.

На этих днях я получил из Штутгарта предложение приобрести для нашего театра за восемь каролинов оперу, оставшуюся после славного Цумштега³. Так как он оставил жену и детей безо всяких средств к существованию, то сделайте, пожалуйста, все возможное, чтобы помочь им в этом деле.

Успеха Вам в Вашем геракловом труде с книгами!
Будьте здоровы.

Ш.

842. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я очень рад, что Вы прочно обоснуетесь в Веймаре благодаря покупке дома, и охотно сделаю все необходимое.

Гётце приложит все свои старания, и я попрошу Вас только прислать поскорее ключи от дома и сада, чтобы туда можно было водить желающих.

За эти дни мне ничего не удалось сделать, кроме небольшой статьи о веймарском театре, которую я уже передал Бертуху¹. Это выстрел наугад, и нужно посмотреть, что и как выйдет из этого впоследствии.

Мои библиотечные занятия — дело скорее неприятное, чем трудное, причем самым досадным здесь оказывается недостаток места, препятствующий целесообразной расстановке. Между тем я успел уже принять некоторые свои меры. Тут огорчительно еще и то, что никого из здешних невозможно использовать. Все они и так уж чрезмерно заняты, каждая минута у них на счету, что, вообще-то, разумеется, делает им честь. Как раз на этих днях я всесторонне обдумал дело, чтобы с самого начала испы-

тывать не надежды, а уверенность в успехе. Будьте здоровы и вместе со мною преодолите земные дела, чтобы мы снова смогли вернуться к делам неземным.

Г.

Иена, 12 февраля 1802 года.

843. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 17 февраля 1802 года

Так как сегодня от Вас не пришло никаких вестей, то я полагаю, что вскоре увижу Вас здесь; к тому же едва ли Вы не попроситесь с нашим принцем перед его отъездом¹.

Мне пришло в голову, что было бы вполне уместно отметить чем-либо это обстоятельство; я уже написал несколько стихов², которые мы, вероятно, сможем прочесть в нашем кружке; однако стихотворение должно быть готово не позже, чем в понедельник. Кроме того, у меня есть еще две новые мелодии, которые Кёрнер сочинил для меня к двум песням³.

Не знаю, передали ли Вам, что ключи от моего сада находятся у Гуфеланда.

Будьте здоровы и не заставляйте нас слишком долго ждать Вас.

Ш.

844. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 18 февраля 1802 года

Нам очень хотелось бы знать, найдется ли у Вас желание и время приехать сюда еще до отъезда принца, потому что мы хотели бы по этому случаю собрать еще раз наше замкнутое общество, пусть даже в ратуше, чтобы не причинять Вам неудобств. Если Вы не приедете, то нам угрожает большое сборище, так как господин фон Коцебу пустился в хлопоты и собирается прибыть сюда после спектакля¹. Принц очень хотел бы избежать этого, он гораздо приятнее чувствует себя в нашем маленьком кружке. Сообщите мне, пожалуйста, через господина фон Паппенхейма, который вручит Вам это письмо, приедете ли Вы или нет, и можем ли мы готовить что-нибудь к понедельнику. Если Вас не будет с нами, то нам не удастся предотвратить вторжение непрошенных гостей.

Будьте здоровы. Я просто жажду вновь услышать от Вас несколько слов.

Ш.

845. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

На этот раз, дорогой мой друг, я не смогу принять Ваше приглашение. Я должен теперь же допрясть и смотать начатую мной пряжу, иначе произойдет новый беспорядок и работу придется повторить с самого начала. С нашим милым принцем я попрощаюсь в письме. Передайте господину фон Вольцогену сердечный поклон и пожелание счастливого пути.

Мое здешнее пребывание оказалось весьма отрадным, и тут даже возникло нечто поэтическое: я написал две новые песни¹ на известные мелодии. Очень мило, что и Вы делаете нечто в том же роде для нашего маленького кружка.

Я провел очень хороший вечер с Шеллингом. Значительная ясность в сочетании со значительной глубиной всегда очень отрадна. Я бы чаще виделся с ним, если бы не надеялся еще на поэтические мгновения, ведь философия разрушает для меня поэзию тем, что насильно вводит меня в объект. Я вообще не могу мыслить чисто спекулятивно, поскольку тотчас же начинаю искать в каждом тезисе некое зрительное представление, и поэтому тотчас же ускользаю в природу.

У меня также состоялась очень приятная беседа с Паулюсом, который вручил мне третью часть своего комментария к Новому завету². Он настолько основательно изучил свой предмет, настолько освоился с той местностью и эпохой, что очень многое в Священном писании, что обычно вызывает восхищение в своей идеальной отвлеченности, теперь наглядно предстает перед нами в некоем конкретном и индивидуальном бытии. Он очень мило разрешил некоторые мои сомнения в духе своих общих представлений, так что я смог с подлинным удовольствием согласиться с ним. При этом удалось также получить удовлетворительные разъяснения относительно некоторых максим, положенных в основу такой работы, так что в конце концов тут обнаружилась некая привлекательная индивидуальность, заключающая в себе подобную всеобщность.

Я прочитал теперь и английский оригинал «Гитаговинды»³ и должен, к сожалению, обвинить нашего милого Дальберга в скверной и неряшливой работе. Джонс говорит в своем предисловии, что он сначала перевел эту поэму дословно, а затем исключил из нее то, что согласно

представлениям его нации могло бы показаться слишком сладострастным и смелым. Теперь же немецкий переводчик не только в свою очередь опускает то, что ему кажется предосудительным в этом отношении, но и вовсе не понимает некоторые прекрасные невинные места и неверно переводит их. Вероятно, я переведу финал поэмы, особенно пострадавший от этой немецкой спорыньи, чтобы древний поэт смог предстать перед Вами хотя бы с той привлекательностью, которую сумел сохранить английский переводчик.

Но довольно на сегодня! Добавлю только, что я говорил повсюду о продаже Вашего сада. Тут высказываются сомнения в том, что Вам удастся добиться желаемого, однако будем надеяться на лучшее. За ключом я в случае необходимости обращусь к Гуфеланду. Дружеский привет.

Г.

Иена, 19 февраля 1802 года.

846. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 20 февраля 1802 года

Всем нам, а мне в особенности, жаль, что мы еще не скоро увидим Вас, но раз уж занятия Ваши столь содержательны и отрадны, то утешением нам послужат плоды Вашего труда. Быть может, книжная пыль, оплодотворенная поэтическим духом, вновь вернет Вас к призраку старого доктора¹, и если это случится, мы вознесем хвалу манам Бюттнера. На этих днях я перечитал Ваши элегии и идиллии и не могу выразить, как глубоко и живо вновь взволновал и захватил меня этот подлинно поэтический гений. Не знаю ничего более высокого, даже и в Ваших собственных произведениях; нигде больше Вы не дали более чистого и полного выражения собственной личности и вселенной.

Чрезвычайно любопытно то, что Ваша созерцательная натура столь удачно ладит с философией и постоянно черпает в ней энергию и силы; сомневаюсь, однако, что спекулятивная натура нашего друга² сможет столько же перенять у Вашей, и причина тут кроется уже в самом существе дела. Ибо Вы берете из его идей лишь то, что соотносится с Вашими наблюдениями, остальное же не волнует Вас, ибо в конечном счете решающим для Вас оказывается объект, а не спекуляция, если их не удастся

сочетать. Философа же должно чрезвычайно стеснять любое наблюдение, которому он не может найти места в своей системе, поскольку он абсолютизирует свои идеи.

То, что Вы пишете о Паулюсе, до некоторой степени удивляет меня, так как я никогда не предполагал, что у него хватит воображения проникнуться всеобщностью того бытия, которое необходимо прежде подвергнуть продуктивному созерцанию. Но, разумеется, ученость и эрудиция мало-помалу сами по себе создают предпосылки, благодаря которым фантазия при некотором умеренном effort * выстраивает определенную конкретность. Так, если обратиться к совершенно иной сфере, к пьесе «Фуст фон Штроберг»³, автор которой был весьма посредственным поэтом, передо мной предстала цельная и выразительная картина средневековья, что было, несомненно, результатом одной лишь учености.

«Гитаговинда» недавно опять привела меня к «Сакунтале»⁴, и я даже перечитал эту пьесу в надежде использовать ее в театре; однако она, по-видимому, прямо противопоказана театру, один-единственный из всех тридцати двух ветров не наполнит паруса этого корабля у нас. Причина кроется, вероятно, в том, что составляет основную характерную черту пьесы, то есть в *мягкости*, а в то же время и в некотором недостатке *движения*, ибо поэту нравится с какой-то невозмутимой обстоятельностью прясть нить ощущений, ведь там даже климат располагает к покою.

Вы, вероятно, слышали уже много хорошего о новой актрисе⁵, поскольку она быстро снискала общую благосклонность; она, несомненно, выросла в лоне чувствительности. Голос у нее приятный, хотя пока еще не сильный, она воспринимает оттенки чувств и говорит со смыслом и значением, в чем видна школа госпожи Унцельман и что идет ей на пользу. Но теперь я услышал, что для второго своего выступления она выбрала роль Лотхен в «Отце семейства»⁶; тут мы едва ли сможем узнать ее с какой-либо новой стороны. Было бы лучше посмотреть ее в комической или наивно-веселой роли, чтобы уяснить, чего от нее можно ожидать. И я очень просил бы Вас продержат ее весь год на маленьких ролях и по преимуществу в комедиях и только постепенно довести до более

* напряжении (франц.).

значительных ролей, которые составляют несчастье всех актеров.

Будьте здоровы. Надеюсь вскоре снова получить известия от Вас. Мой свояк свидетельствует Вам свое глубокое почтение.

Ш.

847. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я не смог уклониться от Вашего повторного предложения и в соответствии с этим устраиваю у себя дома обычный ужин в понедельник вечером после театра. Я думаю, что это окажется под силу моим домашним, так что нам удастся под самым приличным предлогом избежать общей сходки.

Что же касается круга гостей, то мне представляется, что в силу той же самой причины нам не следует заходить тут слишком далеко. По моим предположениям:

наследный принц,
фон Хинценштерн,
фон Паппенхейм,
принцесса ¹,
фрейлейн фон Кнебель ².

К этому можно было бы прибавить Риделя: отчасти этого требуют приличия ввиду давних связей, отчасти потому, что сегодня он побывал здесь в обществе обоих упомянутых мужчин.

Будьте здоровы; я рад тому, что так неожиданно вновь увижусь с Вами.

Полагаю, что Вы будете столь любезны, что оповестите об этом общество, а также пригласите некоторых из гостей.

Г.

[Веймар, 20 февраля 1802 года.]

848. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Как раз сейчас здесь начался веселый и оживленный период, и я по большей части провожу день или вечер вне дома. Но зато я еще не могу похвалиться плодотворными мгновениями, да и вообще они делаются все более редкими.

Мне попало в руки сочинение Сулави, «Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI» *¹; вот книга;

* «Политические и исторические записки о царствовании Людовика XVI» (франц.).

от которой трудно оторваться и которая привлекает своей многосторонностью, хотя автор порой и вызывает недоверие. В целом это — грандиозная картина ручьев и потоков, с естественной неизбежностью устремляющихся друг к другу со многих вершин и из многих долин и в конце концов вызывающих разлив большой реки и наводнение, в котором гибнут как те, кто предвидел его, так и те, кто о нем и не подозревал. В этой чудовищной эмпирии проявляется одна лишь природа и нет ничего из того, что нам, философам, так хотелось бы именовать свободой. Подождем, не порадует ли нас в будущем личность Бонапарта этим прекрасным и величественным явлением.

Так как я за несколько дней прочитал уже четыре тома этого сочинения, то мне, разумеется, почти не о чем больше рассказывать. Прекрасная погода пару раз выманила меня за город, где, впрочем, еще очень сыро.

Будьте здоровы и при случае сообщите мне о веймарских делах и о том, как подвигаются некоторые Ваши работы.

Г.

Иена, 9 марта 1802 года.

849. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 10 марта 1802 года

В то время как Вы прекрасно чувствуете себя в кругу друзей и отнюдь не совершаете ошибки, наслаждаясь жизнью, я совсем не выхожу из дома и не оставляю своих трудов, хотя предъявить их плоды смогу не скоро. Сюжет, к которому я испытываю гораздо больший интерес, чем к «Уорбеку», занимает меня вот уже шесть недель и влечет к себе с такой силой и настоятельностью, с какой я давно уже не сталкивался¹. Хотя пока речь идет лишь о периоде надежд и смутных предчувствий, однако он плодотворен и обещает многое, и я знаю, что нахожусь на верном пути.

Таким образом, я мало что смогу сообщить Вам о здешних обстоятельствах, так как ни с кем не виделся. Я слышал, что Виланд дал себя уговорить и перевел «Иона» Еврипида, причем кое-кто с величайшим изумлением обнаружил, сколь многое кроется за этим греческим «Ионом»².

5 марта прошло для меня удачнее³, чем 15 марта для Цезаря, и я ничего уже больше не слышу об этом великом

событии. Надеюсь, что по возвращении Вы обнаружите, что смятение умов улеглось. Но так как случай всегда наивен и при этом ведет рискованную игру, то наутро после этой истории герцог пожаловал бургомистру за его великие заслуги титул советника. А сегодня в театре идет «Скверное настроение» Коцебу.

Моя жена шлет Вам свои наилучшие пожелания и просит напомнить о «Histoire des favoris» *⁴.

Я читаю теперь историю пап одного англичанина ⁵, который был даже иезуитом и который, начав исследовать устои папства по источникам, обрел на том пути, где надеялся укрепить свою веру, нечто прямо противоположное, так что теперь он обращает всю свою ученость против папства. Несмотря на поверхностное изложение, история эта весьма привлекательна благодаря своей последовательности; она бесконечно многообразна, ибо содержание ее сплетается со всем на свете, и в то же время ужасающе *однообразна*, ибо все индивидуальное растворяется здесь в идеальном единстве.

Будьте здоровы и заканчивайте поскорее Ваши дела, чтобы снова радовать нас своим присутствием.

Ш.

850. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Известие о том, что Вы занялись новым сюжетом и испытываете к нему решительный интерес, я получил и очень порадовался как за Вас самих, так и за нас. Желая Вам всяческих успехов.

С тех пор как мне удалось спастись от веймарских бурь, я жил в полном довольстве и радости и тоже не вполне праздно, так как начал несколько лирических мелочей; которым очень рад пусть даже как симптомам, если не самим вещам.

За то, что Вы столь счастливо пережили 5 марта, Вам следовало бы вручить бургомистру, как второму Эскулапу, петуха ¹, но раз уж он получил за это награду свыше, то Вы можете сохранить свою благодарность *in petto* **.

В этих обстоятельствах я снова подумал: что за странная мысль требовать от истории поводов, причин и взаимосвязи событий в частностях; я так близко соприкос-

* «История фаворитов» (франц.)

** в глубине души (латин.).

нулся с последними происшествиями и даже ввязался в них — и все еще, по сути дела, не представляю всего хода событий. Быть может, Вы оказались тут счастливее меня.

Шеллинг написал диалог «Бруно, или О божественном и естественном принципе вещей»². То, что я понимаю в нем (или думаю, что понимаю), превосходно и соответствует моим глубочайшим убеждениям. Однако я сомневаюсь в том, что нам удастся полностью разобраться во всех составных частях этой композиции и действительно осознать ее как целое.

Вообще же мне нечего больше сказать Вам, кроме того, что по вечерам, когда пробьет семь часов, у меня часто возникает желание хотя бы на несколько часов увидеться с Вами и с нашим благородным мастером³. Кстати, некоторые дамы здесь поют еще охотнее, чем наши приятельницы, и к тому же, по счастью, музыкальнее их, так что время от времени я могу удовлетворить свою внутреннюю потребность в пении.

К сожалению, мне никак не удастся снова обнаружить требуемую книгу⁴.

Г.

[Иена, 16 марта 1802 года.]

851. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 17 марта 1802 года

Я рад слышать, что Вам хорошо живется в Иене и что при этом порой расцветает нечто поэтическое. Тем временем Вы не пропустили ничего интересного, так как после пережитых тяжелых потрясений общество, по-видимому, обливается холодным потом и никак не может прийти в себя. Герцог, которого также пытались настроить соответствующим образом, несколько дней тому назад обратился ко мне за разъяснениями, и я изложил ему все дело в том свете, в каком оно представляется мне.

Герцог пожелал прочитать «Регула»¹, так как ему написали из Берлина, что пьеса эта обладает многими достоинствами, хотя ей не посчастливилось при постановке. В последнее я готов поверить, но хотел бы знать, в чем тут кроются достоинства. Наш все милостивейший государь прочитал это творение и вернул его мне с прилагаемой запиской. Вы увидите из нее, что он не хочет вовсе отказываться от пьесы, хотя вольно или невольно

осуждает ее, — и вот теперь, собираясь все же под конец объявить ее скучной прозой, хочет узнать, не найду ли я в ней что-либо хорошее. Я не остался в долгу и позволил себе в ответ краткую реплику о том, что только тогда могу признать достоинством правильность формы, когда она сочетается с поэтическим содержанием. Герцог недавно сказал мне, что Вы подали ему некоторую надежду на то, что обработаете «Радамиста»². Да поможет Вам бог в этом горестном предприятии!

Вас, равно как и меня, учтиво приглашают прислать что-либо в «Ирену»³ Галема. Какое все-таки свинство, что эти господа, которые всеми силами пытаются уничтожить нас, еще позволяют себе обращаться к нам с просьбой о том, чтобы мы сами предоставили им свои произведения. Я собираюсь со всей откровенностью ответить Унгеру, который сделал мне это предложение.

На этих днях я занимался святым Бернардом⁴ и очень рад этому знакомству; трудно было бы, вероятно, отыскать в истории второго такого хитроумного плута-церковника, который к тому же находился бы в столь благоприятных обстоятельствах, чтобы играть видную роль. Он был оракулом своей эпохи и ее властителем, несмотря на то — или, может быть, как раз вследствие того, — что оставался частным лицом и позволял другим занимать первые посты. Он был учителем пап и воспитателем королей. Он ненавидел и всеми силами подавлял любые свободные стремления и поощрял глупейшие монашеские бредни; он и сам был лишь монахом и обладал лишь умом и лицемерием, и все же одно удовольствие наблюдать его во всей его славе. Если Вы будете говорить с Грисбахом или Паулюсом, попросите их, пожалуйста, рассказать Вам о нем; быть может, они раздобудут для нас какие-нибудь сочинения о нем.

Будьте здоровы и поскорее начните подумывать о возвращении домой.

Ш.

852. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я вскоре решусь, пожалуй, покончить с пребыванием в Иене и вернуться к Вам. Меня радует мысль о наших вечерах, тем более что мы сможем сообщить друг другу много нового.

Если же общество, взволнованное приключениями 5 числа нынешнего месяца, немного поуспокоилось, то мы вскоре опять устроим пикник и послушаем новые песни, которые я привезу с собой. Уж не отдали ли Вы Цельтеру в дорогу свои песни¹, коль скоро сочинения Кёрнера не имели успеха?

Желаю Вам подходящего настроения и крепких кулаков, когда будете отвечать на приглашение «Ирены». Было бы просто превосходно, если бы Вам удалось сочинить послание, бьющее по всему этому сброду, к которому я испытываю все большую и большую ненависть.

Рад слышать, что Вы собираетесь приспособить Вашу «Иоанну» к возможностям театра, в том числе и нашего². Вообще же нам следует постараться блеснуть чем-нибудь, раз уж мы так долго медлили с этой постановкой.

Что касается «Ифигении», то я тут ни на что не могу решиться; не думаю, чтобы ее можно было поставить, если только Вы не возьметесь исправить несколько сомнительных стихов и руководить разучиванием ролей, что было бы просто превосходно при нынешнем положении вещей, да и другие театры, вероятно, ухватились бы за эту пьесу, как это и случилось уже с «Натаном»³. При ближайшем рассмотрении «Радамист и Зенобия» оказалась весьма своеобразной пьесой: это высочайшая вершина маньеристского искусства, по сравнению с которой пьесы Вольтера кажутся самой естественностью. Привлекательность ее состоит, вероятно, в каиновом положении героя и его беспокойном характере, что вызывает в памяти участь первого братоубийцы. Вообще же я не вижу пока возможности ставить такое на немецкой сцене.

Поздравляю Вас со знакомством со святым Бернардом. Постараемся разузнать о нем *specialiora* *.

Наши здешние друзья-теологи пребывают в скверных обстоятельствах. Грисбах страдает из-за своих ног, Паулюс — из-за своей жены. Она тяжело больна, так что я опасаюсь за ее жизнь; природе придется немало еще постараться, чтобы создать второе такое причудливое создание.

Цельтер оставил по себе очень живые воспоминания. Его мелодии звучат здесь повсюду, и мы должны быть благодарны ему за то, что наши песни и баллады воскрешены им из мертвых.

* пообстоятельнее (латин.).

Библиотечные дела постепенно улаживаются. Доски и балки для нового храма муз в Лаухштедте ⁴ плывут вниз по Заале. Пусть же и это наше начинание благотворно воздействует на Вас и подвигнет на деяния, достойные прежних, а это в Ваших силах. Правда, я знаю, как это трудно, и все же Вам следует мало-помалу овладеть посредством размышлений и упражнений столькими приемами драматического ремесла, чтобы гений и чистое поэтическое настроение требовались не для всех операций.

Кроме того, я кое-что прочитал и сделал. Я испытал сильное изумление, заглянув в «Основы медицины» Брауна ⁵. Тут виден замечательный мыслитель, который создает свои слова, выражения и обороты — и скромно и последовательно использует их, чтобы изложить свои убеждения. Ни следа той грубой терминологической рутины, которая характерна для его последователей. Впрочем, книжечка эта в целом трудна для понимания, и поэтому я отложил ее, так как не могу посвятить ей того времени и внимания, которых она заслуживает.

За то время, пока я диктовал все это, я решил отправиться в Веймар во вторник ⁶. Таким образом, я уже заранее прошу Вас пожаловать ко мне в тот же вечер.

Будьте так добры осведомиться, смогут ли наши друзья собраться у меня в среду вечером, и в любом случае сообщите ответ моим домашним.

Так как я надеюсь вскоре иметь удовольствие видеть Вас, то и не прибавлю ничего больше.

Г.

Иена, 19 марта 1802 года.

853. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 20 марта 1802 года

Рад, что вскоре увижу Вас здесь и что мы вместе встретим весну, которая всегда настраивает меня на грустный лад, потому что приносит с собой беспокойное и беспричинное томление.

Я с удовольствием сделаю все возможное, чтобы довести «Ифигению» до сцены; такая работа всегда чрезвычайно поучительна, и я не сомневаюсь в успехе, если наши актеры сделают свое дело. На днях мне даже написали из Дрездена, что там хотят поставить на сцене

«Ифигению», а за этим, конечно же, последуют другие театры.

«Карлос»¹ подвигается довольно удачно, и я надеюсь закончить работу над ним через 8—10 дней. Эта пьеса в основе своей несомненно театральна, и в ней есть много такого, что обеспечит ей успех у публики. Разумеется, сделать из нее некое удовлетворительное целое невозможно уже по той причине, что замысел здесь чересчур широк; однако я довольствовался тем, что лишь кое-как соединяю частности и таким образом превращаю целое просто в выразителя частного. Что же касается публики, то ведь она менее всего думает о целом.

«Орлеанскую деву» мы решили все же сыграть вначале в Лаухштедте, прежде чем выступить с ней здесь. Я должен испросить разрешения на это, поскольку герцог уже один раз определенно высказался против и мне не хотелось бы вызвать и тени подозрения, будто я подстроил все это². Подробнее — при встрече. Вторая причина состоит в том, что поскольку в прошлом году я назначил роль Иоанны мадемуазель Ягеман, то теперь выглядело бы странным, если бы я отобрал у нее роль. Если же пьесу покажут сначала в Лаухштедте и Иоанну сыграет госпожа Фос, то тогда уже Ягеман не сможет претендовать на эту роль в здешних спектаклях. Вообще же я хочу разучить пьесу за последние недели здешнего сезона и провести несколько репетиций, чтобы пьеса была хорошо подготовлена и ее можно было бы показать в Лаухштедте со всем блеском.

Для остальных моих старых пьес я ничего больше сделать в этом году не сумею, однако дело терпит, и если только мы успеем подготовить еще «Ифигению», то в нынешнем сезоне труппа приедет в Лаухштедт с более обширным репертуаром, чем когда-либо. Да и вряд ли было бы возможно разучить еще несколько пьес.

У меня еще есть в запасе новый перевод мольеровского «Урока женам», который несомненно удастся использовать, если только подправить там еще кое-что³. Кроме того, мне говорили еще об одной пьесе⁴, которая во многом удачна, но поскольку она переделана из романа, то в ней, разумеется, есть немало ошибок с точки зрения драматургии.

Мадам Мерио сказала мне, что она занимается обработкой корнелевского «Сиды»⁵; мы постараемся оказать

на эту работу некоторое влияние, чтобы сделать еще одно приобретение для театра, коль скоро это окажется возможным.

Я пригласил общество согласно Вашему поручению и с нетерпением жду, пока страсти достаточно поостынут для того, чтобы можно было с соблюдением всех приличий вернуться к прежним дружеским отношениям. Цельтеру я дал в дорогу две мои песни и жду, что он из них сделает. Впрочем, одна из композиций Кёрнера вполне могла бы исполняться, если бы только наши дамы умели лучше петь.

Будьте здоровы. Быть может, в понедельник мы увидимся в Иене, потому что моя свояченица проедет через Иену, чтобы навестить подругу, живущую поблизости, а мы, возможно, поедem с ней. Но это еще не окончательно решено ⁶.

Ш

854. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку мы, вероятно, даем в субботу «Турандот», то я попрошу у Вас новые загадки, чтобы мы своевременно смогли передать их актерам, никогда не успевающим к сроку.

Г.

Веймар, 20 апреля 1802 года.

855. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем требуемую сумму и оба первых выпуска «Хогарта» ¹, которые я только что получил.

При этом спрошу Вас: как Вы распорядитесь нынешним днем? Если Вы не хотите выходить вечером, то, быть может, придете пораньше, чтобы вернуться домой еще до захода солнца? Если Вы тотчас же сообщите мне о своем решении, то я подобью Эйлерса на несколько музыкальных шуток.

Г.

Веймар, 25 апреля 1802 года.

856. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прежде всего — мои искренние пожелания того, чтобы смена жилья свершилась благополучно. Мне очень хотелось бы видеть Вас здоровым и деятельным в новой, уютной, обращенной к солнцу и зелени квартире ¹.

А затем я хочу узнать у Вас кое-что относительно наших театральных дел. Что предскажете Вы «Ифигении», которая, как и следовало ожидать, несколько задерживается? Что скажете Вы о мадам Бюргер², появления которой я и сам охотно бы дождался?

Что касается библиотечных дел, то тут мне сильнее-шим образом досаждают манера иенцев, которую можно было бы сравнить с *блаженным ничегонеделанием* итальянцев. Мне приходится утешаться наблюдением, что работа по предписанным часам создает и формирует целые поколения людей, которые соответственно изо дня в день, час за часом выполняют кое-как лишь самое необходимое. Я останусь здесь как можно дольше, ибо убежден, что едва я уеду, как работа снова застопорится в той или иной степени.

Что же касается меня самого и моих собственных дел, то тут мне кое-что удалось. Вновь объявилось нечто лирическое³, а к тому же я в спокойные вечера проштудировал первоисточник северной мифологии⁴, благо он оказался у меня под рукой, и полагаю, что составил себе довольно ясное представление обо всем этом. Надеюсь засвидетельствовать это по приезду. Ведь и на этом поле хорошо было бы забить хотя бы одну сваю и водрузить шест, который при случае мог бы послужить ориентиром.

Можно счесть благотворными даже и такие библиотечные занятия, когда в книги удается заглядывать лишь урывками. Весьма благотворно это сказалось и на моих штудиях в сфере физики, геогнозии и естественной истории. Да и все описания путешествий лежат передо мной как на ладони.

О том, как прекрасны окрестности в эту пору цветения, я мог бы и не упоминать; вид, открывающийся из верхней комнаты Вашего садового домика (сданного Вами, как я слышал, в аренду одному философу⁵), был бы сейчас весьма отрадным.

Будьте здоровы и напишите мне несколько слов.

Иена, 4 мая 1802 года.

Г

То, что Лодер отправляет свою жену и ребенка к тестю в Варшаву, что болезнь нашей приятельницы Паулюс разрешилась рождением здорового мальчика, — все эти известия, вероятно, уже утратили для Вас новизну.

857. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Я только что вернулся из резиденции, где меня задержали дольше, чем я предполагал, и поэтому смог написать Вам лишь о самом необходимом, так как посылная уже отправляется в путь.

«Ифигению» ни в коем случае не удастся осилить ранее будущей субботы¹, поскольку главная роль там очень велика и трудна для разучивания. Предоставить время для этого госпоже Фос было совершенно необходимо. Вообще же я возлагаю большие надежды на эту пьесу, мне пока еще не встретилось ничего такого, что могло бы помешать ее успеху. Меня радует, что собственно поэтически прекрасные места (в особенности лирические) неизменно производят глубочайшее впечатление на наших актеров. Рассказ об ужасном пиршестве Фиеста и следующий за этим монолог Ореста, который снова видит тех же персонажей, мирно соседствующих в элизуме, должны рассматриваться как два взаимосвязанных эпизода и будут превосходно выделены как некий разрешающий диссонанс. В особенности все будет устремлено к тому, чтобы монолог был хорошо исполнен, ибо он знаменует определенный рубеж и если не вызовет глубочайшее волнение, то тут легко можно испортить все настроение. Но я полагаю, что он произведет возвышенное впечатление.

Придворный казначей уже сообщил Вам о жалком успехе «Ариадны»². Вы можете верить самому худшему из того, что он написал Вам, ибо эта Элиза — убогая комедиантка самого низкого разбора, бесчувственная и немудрая, совершенно невыносимая из-за своих претензий. Но Вы и сами сможете увидеть и услышать ее, если еще задержитесь в Иене, так как она собирается через несколько дней выступить там с декламацией.

Мы переехали шесть дней тому назад и, разумеется, еще не пришли в себя из-за величайшего беспорядка, однако я уже могу в утренние часы несколько сосредоточиться для работы и надеюсь, что вскоре все наладится.

Поздравляю Вас с лирическим трофеем. Наслаждайтесь прекрасным временем года и не забывайте нас.

III

Веймар, 5 мая 1802 года.

858. ГЕТЕ · ШИЛЛЕРУ

Мадам Бюргер пока что щадит нас, если только она не придет завтра и не пожелает устроить декламацию в воскресенье. Во всяком случае, я усядусь где-нибудь в углу неподалеку от дверей и в зависимости от обстоятельств либо вытерплю все до конца, либо поднимусь и уйду.

Меня радует то, что Вы говорите об «Ифигении». Если Вы пожелаете и сможете довести пьесу до спектакля без моего участия в репетициях и ее дадут в субботу, 15-го, то я останусь здесь еще на неделю и успею закончить и начать кое-что.

Как я слышал, строительство театра в Лаухштедте подвигается превосходно. Мне любопытно было бы посмотреть, как этот гриб вырастает из-под земли.

Если Вы побывали на пробной читке «Аларкоса»¹, то напишите мне, пожалуйста, несколько слов об этом.

На этих днях мне прислали еще одно драматическое произведение², которое, говоря без преувеличений, *очень огорчило* меня. Несомненный талант, тщательная продуманность, углубленное знание древности, подкупающая проницательность, приемлемые эпизоды, — но всего этого, с какой стороны ни посмотреть, недостаточно. Десятую часть оттуда можно было бы показать на сцене, однако в нынешнем своем виде пьеса ни на что не годится. Когда я вернусь, Вы проглядите ее и, вероятно, посетуете куда сильнее. Никому не говорите об этом, даже и о моем предварительном отзыве, потому что мы должны спокойно обсудить все это вдвоем.

Библиотечные дела постепенно налаживаются, хотя все еще довольно медленно. Я придерживаюсь своей тактики и стараюсь лишь время от времени подталкивать работу.

Порой на мою долю выпадает и поэтический час, а то и какой-либо научный успех.

Будьте здоровы и устраивайтесь поуютнее.

Г.

Иена, 7 мая 1802 года.

859. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 8 мая 1802 года

Для «Аларкоса» мы делаем все возможное, однако при новом взгляде на пьесу мои тревоги усилились. К со-

жалению, это столь странный сплав древнего и наисовременнейшего, что пьеса не сможет снискать ни расположения, ни уважения. Я буду рад, если мы хотя бы не потерпим полный провал, чего я почти опасуюсь. И это очень огорчит меня, потому что та жалкая партия, с которой мы боремся, будет торжествовать. Мое мнение таково, что нам следует подать пьесу как можно более серьезно и благородно, используя все то, что дала нам французская трагедия. Если только мы сумеем добиться, чтобы публике импонировало, что со сцены звучит нечто возвышенное и суровое, то хотя она и останется недовольной, однако не разберет, в чем тут дело. С этой пьесой мы не сможем ни на шаг продвинуться к нашей цели, или же я тут совершенно заблуждаюсь.

«Ифигения» должна быть разучена к 15-му. В ближайший вторник мы пробуем пьесу на сцене.

Элиза Бюргер не одарит Вас своим визитом. Как я слышал, она все еще здесь; что ее тут удерживает, мне неизвестно.

Будьте здоровы. Я радуюсь плодам Вашей музыки. У нас еще не воцарился должный покой. Я жду сегодня Котту, едущего на ярмарку.

Ш.

860. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

От всего сердца благодарю Вас за Вашу заботу об «Ифигении». В следующую субботу я приеду прямо в театр, как и подобает коренному иенцу, и надеюсь встретить Вас в Вашей ложе.

Что касается «Аларкоса», то тут я совершенно согласен с Вами; мне только представляется, что мы можем рисковать как угодно, так как нам нет никакого дела до внешнего успеха или неуспеха. Тут мы выигрываем, как мне кажется, преимущественно в том, что заставляем произносить и выслушивать предельно точный стихотворный размер. Впрочем, можно рассчитывать и на некоторый интерес к сюжету.

Вообще же мне здесь очень хорошо и было бы еще лучше, если бы я смог продлить мое пребывание в Иене еще на несколько недель.

Будьте здоровы, устраивайтесь получше и не забывайте меня.

Иена, 9 мая 1802 года.

Г.

Надеюсь, что прилагаемый том¹ еще ниоткуда не попадал к Вам, так что Вы прямо из моих рук получите в качестве curiosissimum* это рифмованное творение обитателя сумасшедшего дома. Такого помешательства на внешней форме недавнего прошлого я еще не встречал, — но можно ли вообще подыскать название для подобного явления!

861. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Надеюсь, что благодаря Вашей любезности узнаю завтра, состоится ли 15-го, в субботу, представление «Ифигении», и тогда отправлюсь в путь, чтобы вместе с Вами дожидаться одного из поразительнейших впечатлений моей жизни: непосредственного восприятия того, что принадлежит бытию более чем давнего прошлого.

Я очень доволен моим здешним пребыванием. Дело идет успешнее, чем я надеялся, хотя, строго говоря, сделано еще немного. Но если вспомнить, что в подобных случаях все, в сущности, зависит лишь от принуждения и что каждого здесь, начиная от простых исполнителей и до литературных сотрудников, приходится определять на его место, направлять, подталкивать, поправлять и ободрять, то можно быть довольным, если работа хоть как-то подвигается.

Библиотечный секретарь Вульпиус выказал себя с образцовой стороны, он подготовил за тринадцать дней 2134 карточки, то есть переписал на карточки названия книг. Вообще же четыре человека подготовили за это время примерно 6000 карточек, и теперь более или менее ясно, что следует делать.

Вся эта масса книг относилась к неупорядоченной, запущенной части библиотеки; теперь мы приступили к уже расставленным, более старым книгам. Тем не менее все в целом даже и при поверхностном взгляде должно подействовать на каждого; это — своего рода плаванье, некий более тяжелый элемент, в котором приходится двигаться и в котором легче чувствуешь себя, когда тебя несут.

За это время я многому научился и кое-что сделал. Если бы я еще мог иногда вечерами беседовать с Вами и Мейером о своих новых находках и соответственно

* величайшего курьеза (латин.).

что-то воспринимать от Вас, то мне не оставалось бы желать ничего лучшего.

Будьте здоровы и пришлите мне хотя бы несколько слов, пусть даже через посылную.

Г.

Иена, 11 мая 1802 года.

862. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 12 мая 1802 года

Представлению «Ифигении» в субботу ничто не помешает, хотя вчера и сегодня «Тит»¹ отобрал у нас театр. Но завтра и послезавтра мы проведем настоящие репетиции в театре, и я надеюсь, что Ваше произведение Вас не ужаснет. Я полагаю, что чувственное восприятие этой пьесы пробудит у Вас воспоминания о многих прошлых обстоятельствах — как о формах и красках Вашего собственного духа, так и о мире, с которым Вы тогда чувствовали себя слитым, причем последнее поразит многих здешних друзей и подруг.

Что касается «Аларкоса», то тут мы, стало быть, пренебрежем любой опасностью и постараемся хотя бы чему-нибудь научиться. Я хочу по возможности убедить наших актеров приложить к этому все свои силы. Пьесу я дал почитать Шарлотте Кальб — из любопытства. мне хотелось узнать, какое впечатление произведет творение такого рода на такой дух. Однако при этом произошли глупейшие вещи, и я впредь остерегусь повторять подобные опыты. Просто поразительно, какие соки извлекают некоторые животные из некоторых растений, и Кальб тоже принадлежит к числу тех читателей, которые полагают, что поданное им поэтическое произведение следует съедать, а не созерцать. Она полагает, что для автора «Люцинды», к которому она, кажется, сильно расположена, этот «Аларкос» — весьма религиозное произведение. Самую страстную натуру в пьесе, инфанту, она нашла отвратительной и безнравственной, совершенно вопреки моим ожиданиям; однако, по-видимому, одноименные полюса должны отталкиваться повсюду.

Котта был здесь проездом в прошлую субботу; он надеется застать Вас здесь на обратном пути, то есть через две недели, в субботу. Он поручил мне попросить Вас, чтобы Вы разрешили ему напечатать «Магомета»

и «Танкреда» в Швабии². Гедике отплатил ему черной неблагодарностью, отказав ему. Печатать Котта собирается в полном соответствии с Вашими предписаниями и самым строжайшим образом проследит за корректурой. Он оставил мне для Вас статью архитектора Вейнбрэннера, которую я прилагаю³. Автор надеется на Ваше содействие тем предложениям, которые он тут выдвигает.

Первые же дни моей жизни на новом месте были отравлены многим, в особенности же известием о тяжелой болезни и смерти моей матери в Швабии; из письма, полученного несколько дней тому назад, я узнал, что моя мать умерла в тот самый день⁴, когда я переехал в свой новый дом. О подобном переплетении судеб невозможно думать без скорби.

Будьте здоровы и радуйтесь успешному продвижению Ваших дел. Деньги, которые Вы были так любезны дать мне взаймы, лежат наготове, и я жду лишь Ваших распоряжений на этот счет. Если же Вас не затруднит взять у Нитхаммера записку о том, сколько я должен ему за книги, приобретенные для меня и для герцогини на распродаже библиотеки Экардта⁵, то я разом погашу оба долга, как только получу Ваши указания.

С «Атенором» Вы опередили меня всего на один день, так как я тоже получил это ужасное творение и уже отложил его для Вас. Прилагаю другое, немногим более отрадное, — в особенности предисловие⁶.

Будьте здоровы. Теперь, вероятно, Вам удалось уже послушать Элизу Бюргер?

Ш.

863. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

К просьбе прислать мне «Аларкоса» прилагаю несколько забавных вещей.

Если бы Вы пожелали прийти ко мне сегодня вечером для дальнейшего обсуждения, то доставили бы мне большое удовольствие; за это время я придумал еще кое-что.

Завтра днем я также надеюсь на Ваше присутствие. Вы найдете у меня весь тайный совет¹.

Г.

Веймар, 17 мая 1802 года.

864. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Не могу не воспользоваться отправляющейся посылкой и сообщу Вам лишь в нескольких словах, что моя работа ¹ пока что идет хорошо. Я продиктовал всю вещь от начала и до конца и теперь придаю ей бóльшую гладкость для исполнения. Я должен всецело придерживаться прозы, хотя сюжет значительно выиграл бы от чередования прозаической и поэтической формы; надеюсь, что приеду с моим пакетом в субботу и в воскресенье устрою репетицию. В любом случае представление должно иметь характер экспромта, отчего оно только выиграет. Вообще же я браню и кляню все это предприятие во всех его старых и новых частях и компонентах и сочту за благо, если работа моя не вызовет гнев праведный и привычный. Будьте здоровы, деятельны, довольны и счастливы.

Г.

Иена, 8 июня 1802 года.

865. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 9 июня 1802 года

Поздравляю Вас со счастливым разрешением от работы и радуюсь тому, что познакомлюсь с нею. Вы можете убедиться на этом примере, как сильно действует на Вас необходимость, и использовать это средство в других работах, где оно окажется столь же полезным.

На этих днях мне мало что удалось: я и сам был нездоров (и болею до сих пор), и дети тоже плохо себя чувствуют. При всем желании и наилучших намерениях я теперь слишком часто испытываю помехи в работе.

Прилагаю лист статьи Цельтера ¹, оказавшийся у меня.

Будьте здоровы и возвращайтесь к нам с прекрасными плодами Вашей работы.

Ш.

866. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Работа моя успешно продвинулась, хотя и оказалась гораздо обширнее, чем я предполагал.

Некоторые мотивы в финале пришлось еще развить, но, впрочем, все уже переписано набело, и роли расписаны.

В воскресенье вечером я надеюсь прочесть ее Вам, прошу не отказать мне в этом, так как в понедельник

я должен устроить репетицию. Разумеется, если можно было бы задержать работу на две недели, то там удалось бы еще кое-что сделать. Я не смог, естественно, развить все мотивы в равной степени. У меня получилось более двадцати явлений, среди которых есть, правда, и очень короткие; но тут по крайней мере дается многообразие появляющихся и исчезающих персонажей, а заодно и многообразие мотивов, поскольку они приходят и уходят не без цели. Будьте здоровы; я могу только добавить, что взялся за эту работу с тем большей уверенностью и отвагой, что Вы, по-видимому, одобрили ее замысел и композицию.

Г.

Иена, 11 июня 1802 года.

867. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 12 июня 1802 года

Я получил письмо от Вас, хотя твердо ожидал Вас самого, а нынешний вечер предвещал мне удовольствие услышать Вашу работу. Не премину быть у Вас завтра в шесть часов вечера и во всех отношениях радуюсь удачному завершению работы.

Болезнь Беккера может нанести ущерб ближайшим и, возможно, всем будущим театральным начинаниям; он и сейчас еще очень плох, и, даже если все обойдется удачно, вряд ли можно будет рассчитывать на него в ближайшую неделю. При иных обстоятельствах можно было бы передать его роль в Вашей пьесе Эйлерсу или кому-нибудь другому, но поскольку Вы как раз тут принимали в расчет определенный состав актеров, то, вероятно, кое-что будет потеряно, если эту роль сыграет другой.

Я жажду покоя, ибо у меня сейчас очень шумно: наверху и внизу стучат молотки, и пол буквально дрожит у меня под ногами. К тому же я плохо чувствовал себя всю эту неделю и, к сожалению испытывал сильнейшее чувство мизантропии, которое, однако, было столь патологически пассивным, что не могло излиться в приступе праведного гнева.

Будьте здоровы и возвращайтесь с прекрасными драмами.

Ш.

868. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 24 июня 1802 года

Раз уж мне не суждено было отправиться в Лаухштедт, то я посылаю Вам в письме мои наилучшие пожелания предстоящему предприятию¹, о ходе и успехе которого надеюсь вскоре услышать от Вас. Да будет благосклонен ко мне Аполлон во время Вашего отсутствия, чтобы я тоже смог сделать что-то новое к новому театральному сезону. Настало время, когда и мне следует добиться чего-нибудь, так как со времени моей дрезденской поездки² мне никак не удавалось сосредоточиться и совладать с духом беспокойства, овладевшим мной. И хотя многое уже собрано, однако оно все еще ждет некоего счастливого высвобождения.

Будьте здоровы и веселы и позвольте мне быть сопричастным ко всему приятному, что Вы испытаете.

Ш.

869. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я не могу отпустить придворного казначея, который уезжает завтра утром, не вручив ему несколько слов для Вас. Он, вероятно, обстоятельно расскажет Вам, как проходило открытие. Погода нам благоприятствовала, а пролог имел успех¹. Хотя финал мог быть более удачным, однако, принимая во внимание обстоятельства, в которых я писал пролог, он вполне приемлем. Если бы я мог предвидеть все, то не дал бы Вам покоя до тех пор, пока Вы не развили бы мне последний мотив. Но теперь пусть все идет так, как оно есть.

Я уже начал сегодня просматривать вместе с Вольфом книжечку о цветах² и уже извлек из этого большую пользу, равно как и уверенность при разработке целого, и ожидаю многих других прекрасных плодов наших беседований. Подробнее напишу об этом, когда время будет поспокойнее.

Вся молодежь здесь хочет и надеется увидеть Вас, однако признаюсь Вам откровенно, что у меня не хватит мужества пригласить Вас сюда; с тех пор как у меня уже нет настоящего дела, я просто не знаю, за что взяться.

Вы получите ключ от моего сада и садового домика; устраивайтесь по возможности удобно и наслаждайтесь покоем, который царит в долине. Вероятно, я скоро вернусь в Веймар, ибо нам нечего искать особых благ во

внешнем мире, где повсюду встречаешь лишь разрозненные частицы того, чем и так уже обладаешь в цельном виде. Кроме того, я собираюсь потратить несколько дней на занятия в Галле³. Будьте здоровы и не забывайте меня. Мне хотелось бы услышать, что Вам удалось немного поработать.

Г.

Лаухштедт, 28 июня 1802 года.

870. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

С любимыми делами все обстоит так же, как и с женьбой; ожидаешь невесть каких чудес, когда венчаешься, а затем начинается такое, что тут сам черт ногу сломит. Происходит это потому, что ничто в мире не обособлено от всего остального и нечто значительное всегда следует рассматривать как начало, а не конец.

Простите мне эти прагматические размышления в начале моего письма: некоторые более или менее значительные дела, возложенные на меня в этом году, натолкнули меня на это наблюдение. Я полагал, что покончил с ними, и только теперь вижу, к чему они поведут в дальнейшем.

Вчера вечером я пережил девятый спектакль. Выручка составила 1500 талеров, а зданием все довольны. Зрителям удобно сидеть, смотреть и слушать, и каждый всегда найдет себе место по своим деньгам. Никто не причиняет никому неудобств даже при толпе в 500—650 человек.

Наши спектакли¹ собрали:

Пролог и «Тит»	672	человека
Пролог и «Братья»	467	—" —
«Валленштейн»	241	—" —
«Мельничиха»	226	—" —
«Два Клингсберга»	96	—" —
«Танкред»	148	—" —
«Валленштейн» (по желанию публики)	149	—" —
«Оберон»	531	—" —
«Чужестранец»	476	—" —

Отсюда явствует, что выбор пьес применительно ко времени был удачен, так что можно рассчитывать на хорошие сборы и в будущем. Вообще же мне не жаль денег, которые могут быть потрачены в этой местности на по-

добные развлечения и, более того, притекут в нашу кассу. Студенты — сумасбродный народ, на который нельзя сердиться и которым прекрасно можно управлять, обладая некоторой сноровкой. В первые дни они были образцово спокойны; затем произошло несколько вполне извинительных выходов, которые, поскольку я особо присмотрел за этим, не разрослись как снежный ком, но остались единичными и, говоря по справедливости, были до некоторой степени вызваны внешними обстоятельствами. Более образованная часть, которая готова во всем способствовать мне, принесла по этому поводу извинения с известной робостью, и я постарался отнестись к случившемуся со всей снисходительностью как на словах, так и на деле, тем более что для меня тут речь вообще шла лишь о некоем эксперименте.

Но подлинный эксперимент я проделал с самой нашей труппой, поскольку сидел в зале как посторонний среди многих посторонних. Мне представляется, что никогда еще я не воспринимал столь живо как целое, так и частности, со всеми их достоинствами и недостатками.

Кроме того, у меня здесь вновь живо пробудилось мое давнее желание, чтобы Вам с самого начала удавалось работать более сосредоточенно и создавать больше поэтических творений, которые, позволю себе сказать, были бы театрально действеннее. Экстрагирование поэтического произведения, рассчитанного вначале на значительную глубину и ширину, влечет за собой колебания между эскизом и завершенностью, которые наносят ущерб общему удовлетворительному впечатлению. Мы оба, как мы уже знаем по собственному опыту, испытываем при этом определенную неудовлетворенность, а публика оказывается в некотором недоумении и поэтому отдает свое предпочтение менее значительным произведениям. Пусть, с Вашего разрешения, то, что я высказываю здесь экспромтом, станет одной из тем наших будущих бесед.

Мейер, как Вы увидите из приложенного², клянет свое пребывание здесь, хотя купания очень идут ему на пользу. Если бы он вовремя выписал из Бремена ящик портвейна вместо того, чтобы так дорого платить в здешней аптеке за пирмонтскую воду, то для него все выглядело бы в совершенно ином свете; однако из его письма явствует, что и самый свободный человек (а следовательно, свободный прежде всего от предубеждений) ока-

зывается в плену предубеждений как раз в том, что касается его брэнной плоти. Но не будем заноситься, поскольку сами можем очутиться в подобном положении.

Возникшая ранее надежда увидеть Вас здесь по-прежнему велика у молодежи, но я просто не знаю, могу ли и должен ли я приглашать Вас сюда. Напишите мне с обратной посылкой, есть ли у Вас мало-мальское влечение к этому. Разумеется, выигрыша тут для Вас нет ни в чем, а беспокойств будет достаточно. К тому же нужно будет позаботиться об удобной квартире и приличной еде. Но, разумеется, было бы очень приятно, если бы мы смогли побеседовать втроем о непосредственно созерцаемых предметах.

Я собираюсь на этих днях в Галле, чтобы по возможности осмотреться там, как год назад в Гёттингене. Пребывание там принесет мне большую пользу в некотором отношении.

Книжечку о цветах я уже прошел с Вольфом. Основной итог — то, что, по его оценке, произведение это подлинное, древнее и принадлежащее школе перипатетиков, — очень меня обрадовал, как Вы можете себе представить; он готов приписать его скорее Аристотелю, чем какому-то его последователю.

Подобно мне, он рассматривает это небольшое сочинение как некое замкнутое целое, которое даже не очень пострадало от переписчиков. Он тотчас же принял три мои конъектуры для исправления текста, причем одну с особенным удовольствием: там, где я должен был поставить *белое* вместо *черного*. По его словам, он иногда использует такую антитезу как дерзкую шутку, когда речь заходит о подобных исправлениях текста, а теперь его необыкновенно веселит, что на практике действительно встретился случай, когда *in codicibus** стоит *черное* вместо *белого*.

Поскольку близость с таким человеком принесла бы неоценимую пользу, то я хочу по возможности использовать нынешние отношения для того, чтобы достичь взаимного понимания и доверия.

Пребывание в Галле сулит мне еще одно прекрасное приобретение. Курт Шпренгель, «Письма о ботанике»³ которого оказались едва ли не единственной книгой, прочитанной мною за эти две недели, представляет собой

* в рукописи (латин.)

характерную натуру из числа людей рассудочных, согласно нашей классификации; именно рассудок и загнал его в угол, в чем он вынужден был признаться со всею откровенностью, и тут двигаться было уже некуда, хотя стоило только оглядеться вокруг, как идея даровала бы ему удачный выход из положения. Однако такое действие рассудка против себя самого еще ни разу не встречалось мне *in concreto*, и вполне очевидно, что на этом пути должны возникнуть прекраснейшие эксперименты, опыты, рассуждения, заключения и аналогии. Что меня располагает к нему, так это великая добросовестность в разработке своих тем. Мне очень любопытно было бы познакомиться с ним.

Посылаю Вам сочинение Брандеса о нынешнем состоянии дел в Гёттингене ⁴. Разумеется, в этой вещице весьма отчетливо ощущается сухость официального отчета, однако для меня все это в целом оказалось весьма привлекательным обобщением того, что я обнаружил там в прошлом году. Однако автору следовало бы осознать, что его работу должны читать с благожелательным чувством, и поэтому его выпады (в особенности против нас) бьют мимо цели. Коль скоро гёттингенцы в некоторых отношениях делают достаточно, но никоим образом не слишком много, то, разумеется, подобный дипломатический фокус-покус еще как-то объясним. Коль скоро же мы во многих отношениях делаем недостаточно, а в некоторых слишком много, то, разумеется, наша ситуация не может претендовать на столь репрезентативное изображение; однако мы при случае дадим почувствовать этим господам, насколько достойной она была и остается.

Должен заканчивать, потому что собираюсь еще сегодня вечером посмотреть «Вертопраха» ⁵, а иначе мне придется начинать новый лист. Будьте здоровы и напишите мне хотя бы несколько слов о Ваших обстоятельствах.

Г.

Лаухштедт, 5 июля 1802 года.

871. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 6 июля 1802 года

Мне повезло, что я не поехал с Вами в Лаухштедт, так как я привез бы с собой лишь зачатки катарального

воспаления, приступ которого поразил меня в ту самую субботу, когда состоялся первый спектакль в Лаухштедте. С того самого времени и до вчерашнего дня я со всей своей семьей был в прескверном положении, потому что все мы страдали от спазматического кашля, особенно мучившего маленького Эрнста. При этом мы лишились какого бы то ни было общения со внешним миром, так как я вынужден был избегать любого повода для разговора. Поэтому я ничего еще не смог услышать от придворного казначея о событиях в Лаухштедте и знаю о них только то, что сообщалось в Вашем письме.

Вы, стало быть, играли девять дней подряд, что говорит о многом и что потребовало большого напряжения сил от актеров; однако пустующий зал на спектаклях в середине недели дает мне основания полагать, что Вы не слишком долго будете раздавать свои щедрые дары.

Стало быть, и в Лаухштедте, как свидетельствует Ваш перечень, оперы — именно то, что наполняет зал. Такое настроение царит повсюду, и тот, кто уже продал душу дьяволу театра, должен осознать это обстоятельство.

Вы совершенно правы в том, что мне в моих пьесах следует больше сосредотачиваться на драматически-действенном. Вообще же, безотносительно к театру и к публике, в этом и так уже состоит одно из поэтических требований, однако я должен заботиться о нем лишь постольку, поскольку оно является одним из таковых. Если мне когда-нибудь удастся хорошая театральная пьеса, то это будет достигнуто лишь на поэтическом пути, ибо воздействие *ad extra* *, которое порой достигается и при таланте средней руки и простой сноровке, я никогда не мог бы ни поставить себе целью, ни добиться, даже если бы и захотел этого. Таким образом, речь здесь идет лишь о наивысших требованиях, и только совершенное искусство может преодолеть мою индивидуальную тенденцию стремиться *ad intra* **, если она вообще преодолима.

Я полагаю даже, что наши драмы должны быть лишь энергичными и точно очерченными эскизами, но тогда им, разумеется, следует обладать совершенно иной полнотой замысла, чтобы непрерывно возбуждать и занимать чувственные силы. Мне было бы труднее разрешить

* вовне (латин.).

** вглубь (латин.).

эту проблему, чем кому-либо другому, ибо без определенной *проникновенности* я ничего не могу достичь, и это обычно прочнее, чем следовало бы, приковывает меня к моему материалу.

Я очень хотел бы, чтобы Вам удалось побудить Вольфа издать латинский перевод «Поэтики» Аристотеля, рукопись которого оставил покойный *Рейц*¹. Это сочинение также могло бы послужить нам одной из интересных тем для будущих бесед о драме.

Сочинение Брандеса я полистал, однако эта нудная манера оказалась непреодолимой для меня. Нужно, подобно Вам, обладать свежими воспоминаниями о Гёттингене, чтобы вынести это.

На днях появилось сочинение Массона² о Коцебу, в котором его аттестуют крайне презрительно, но именно так, как он того заслуживает. Как выражение негодования и как полемическое сочинение оно недурно написано.

Будьте здоровы и не очень увлекайтесь в Галле. Я всем сердцем жажду Вашего возвращения, тем более что напрасно надеялся сократить для себя работой время Вашего отсутствия.

Мейеру я шлю сердечный поклон и желаю ему терпения в суровом испытании, выпавшем на его долю. В следующий почтовый день я ему напишу.

Моя жена шлет Вам обоим свои наилучшие пожелания.

Ш.

872. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 26 июля 1802 года]

Сердечно приветствую Вас с возвращением¹ и жажду вновь увидеть Вас. Если это Вам удобно, то я приду к Вам между тремя и четырьмя часами. Вечерами я должен вовремя возвращаться домой, потому что у меня по-прежнему очень легко возбуждаются приступы кашля и я, судя по позавчерашнему опыту, пока еще плохо переношу вечерний воздух. Моя жена шлет Вам сердечный поклон.

Ш.

873. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Господин доктор Мейер из Бремена предлагает один ом¹ очень хорошего портвейна, что составляет примерно

160 бутылок. Таким образом, бутылка обойдется примерно в 10 гутергрошенов. Я склонен приобрести это вино, если несколько друзей возьмут себе часть его. Прошу отметить здесь число бутылок. В случае непредвиденных обстоятельств я предполагаю пропорциональное возмещение возможных убытков.

Гете

Веймар, 29 июля 1802 года.

874. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

С самого начала я, как Вы знаете, был не очень склонен печатать мой пролог, но теперь хотел бы предложить Вам следующее и выслушать Ваше мнение на этот счет.

Слишком многие желают прочитать его, особенно после статьи в «Светской газете»¹. Теперь же и я, вновь перечитав его, пришел к тому убеждению, что в печать попадают и куда более диковинные творения. Так что я не возражал бы против посылки рукописи Котте с тем, чтобы он напечатал ее в малом октаве, как «Магомета» и «Танкреда». Издание большего формата и с гравюрами меня не привлекает, поскольку оно стоит дороже и требует больше забот, чем следует, отчего дело слишком затягивается. Для меня же было бы предпочтительнее отделаться от этой шутки и перейти к чему-нибудь другому. Что Вы думаете относительно гонорара? Что справедливо было бы здесь потребовать? Будьте так любезны обсудить это дело с Мейером и сообщить мне Ваше мнение². Расскажите мне и о том, как обстоят Ваши дела. У меня, к сожалению, нет и намека на какую-либо продуктивную деятельность, и тем не менее я собираюсь терпеливо ждать еще некоторое время и возложить свои надежды на ближайшее будущее.

Будьте здоровы и не забывают меня.

Г.

Иена, 10 августа 1802 года.

875. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 11 августа 1802 года

Вы доставите Котте большую радость изданием этого небольшого произведения. Я тоже против того, чтобы гравюры подняли его цену и задержали всю работу. Полагаю, что можно было бы напечатать книгу так, чтобы

объем составил 5—6 листов, и продавать ее за 12 грошей. Таким образом, Котта получал бы с каждого экземпляра 8 грошей *netto* * и мог бы заплатить Вам за пьесу 50 каролинов, поскольку покрыл бы свои расходы продажей 1600 экземпляров. Если ему удастся распродать весь тираж, который, по моим предположениям, составит 3000 экземпляров, то у него, я уверен, достанет чести доплатить Вам. Так как с печатанием следует по возможности поторопиться, то я советовал бы Вам тотчас же послать рукопись Котте, нисколько не сомневаясь в его согласии на Ваши требования, даже если Вы запросите бóльшую сумму. Он сочтет выгодным разослать пьесу вместе со своим альманахом, который должен выйти через шесть недель.

Из-за ужасной жары мы влачим здесь самое жалкое существование и мало что сделали; сожалею, что и у Вас дела обстоят немногим лучше. Тем не менее тут кое-что произошло за это время, и со здоровьем все уже наладилось, так как кашель исчез.

Желаю Вам прекрасных дней и благоприятных часов. Будьте здоровы.

Ш

876. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Хоть я мало чем могу похвастаться перед Вами, подводя итоги своему здешнему пребыванию, да и вообще не слишком ясно представляю, зачем мне здесь находиться, однако вновь дам Вам знать о себе и в самом общем виде сообщу о своих делах.

Вот уже две недели как я здесь, а поскольку и прежде мне требовалось здесь много времени, чтобы приступить к делу, то погляжу еще, не окажется ли отныне труд мой более благословенным. Некоторые неприятные внешние события, неожиданно подействовавшие на меня сильнее, чем могли бы при иных обстоятельствах, тоже постоянно отвлекали меня. Даже то, что по утрам я принимаю ванны, не способствовало моим замыслам.

Итак, вот Вам отрицательная сторона. Тем не менее мне удалось найти кое-что, сулящее некоторые надежды на будущее; в особенности не слишком бесплодными оказались определенные наблюдения и опыты в естественно-

* чистыми (*итал.*)

исторической сфере. К своему удовольствию, я заполнил некоторые пробелы в учении о метаморфозе насекомых. В этой работе, как Вы знаете, мне осталось лишь добиться того, чтобы уже сформулированные тезисы оказались более приемлемыми и, следовательно, более содержательными — с той целью, чтобы побудить искать новые тезисы или, скорее, потенцировать старые. Быть может, вскоре я предъявлю отрадные примеры обеих операций.

Пролог я просмотрел еще раз и отослал его Котте. Пусть теперь он свирепствует и по всему свету.

Вопрос о гонораре я оставил *in suspenso* * и только заметил, что в любом случае я охотно готов положиться на Ваше суждение. Так или иначе, речь может пойти лишь о чуть большей или чуть меньшей сумме.

Мне очень хотелось бы знать, не были ли музы благосклоннее к Вам и не одарят ли они меня чем-нибудь в эти последние дни.

Вероятно, появление войск, мирно вступающих в новые владения¹, послужит Вам темой для бесед в ближайшие дни. Что касается меня, то я собираюсь, если удастся, спокойно переждать эту экспедицию, а затем выяснить, как она протекала.

Будьте здоровы. Напишите мне несколько слов и утешьте меня в столь долгой разлуке с Вами, которая была бы простительна и оправданна лишь при плодотворной работе.

Г.

Иена, 17 августа 1802 года.

877. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 18 августа 1802 года

Вы не можете быть бездеятельны, и то, что Вы называете непродуктивным настроением, многие другие сочли бы периодом, насыщенным до предела. Вот если бы только нашелся некий второразрядный гений из тех, что обитают и хозяйничают в университетах, который занялся бы Вашими научными идеями, то есть собрал их, сносно отредактировал и тем самым сохранил для потомства! Ибо сами Вы, к сожалению, постоянно будете откладывать это дело в долгий ящик, поскольку, как мне

* в состоянии неопределенности (латин.)

представляется, собственно дидактическое отнюдь не в Вашей натуре. Вы, в сущности, просто предназначены для того, чтобы другие еще при Вашей жизни получали и расхищали Ваше наследие, что происходило уже не раз и происходило бы еще чаще, если бы люди лучше понимали свою выгоду.

Узнай мы друг друга хотя бы на полдюжины лет раньше, у меня хватило бы времени полностью усвоить Ваши научные исследования, и я, быть может, не дал бы остыть Вашей склонности придать окончательный облик всем этим важным предметам и, уж во всяком случае, был бы рачительным управителем Вашей собственности.

На этих днях я прочитал несколько заметок о Плинии Старшем¹ и был поражен тем, чего может достичь человек при правильном использовании своего времени. По сравнению с ним даже Галлер² кажется расточителем времени. И все же я боюсь, что за всем этим чтением неслыханного количества книг, выписками и диктовкой у него не оставалось времени для размышлений; он, по видимому, сводил всю духовную деятельность к учению, ибо как-то раз ужасно рассердился на своего племянника, застав его прогуливающимся по саду без книги в руках.

За последние дни я не без успеха занимался моей пьесой³, и еще ни одна работа не научила меня столь многому, как эта. Это — целое, которое я легче охватываю взором и над которым легче властвую; кроме того, делать простой сюжет обильным и содержательным — задача более благодарная и отрадная, чем ограничивать слишком обильный или слишком широкий сюжет.

Вообще же многое теперь меня отвлекает, а поскольку политические события могут повлиять и на мое положение, то я не без волнения жду дня, когда вытянут мой жребий⁴. Есть и другие вещи, которые грозят изменить мое нынешнее положение, и это, разумеется, меня не радует.

Надеюсь, что ремонт и прочие домашние дела закончатся на этой неделе и я смогу принять Вас по Вашем возвращении в чистом и приветливом доме.

Будьте здоровы и поскорее известите меня, что Вы возвращаетесь домой с обильными дарами.

Ш.

878. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаю к немецкой «Andria»¹ первую книгу моего «Челлини»² с просьбой при случае заглянуть в нее. В особенности прошу прочитав с полдюжины эпизодов в самом начале и решить, можно ли оставить их в таком виде.

Г.

Веймар, 15 сентября 1802 года.

879. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем для благожелательного просмотра небольшую памятную записку о моем новом издании «Челлини»¹. Можно было бы познакомить с ней Котту как с прелюдией к предстоящим переговорам, а также, в случае согласия, тотчас же использовать ее в качестве объявления. Быть может, Вы пожелаете обсудить это сегодня вечером после театра, когда мы с Вами отправимся домой. Завтра, вероятно, я снова уеду в Иену², чтобы успеть еще насладиться несколькими прекрасными днями.

Желаю Вам всего наилучшего.

Г.

Веймар, 16 октября 1802 года.

880. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 16 декабря 1802 года]

Только что узнал случайно, что Вас можно поздравить с приятным событием в Вашем доме¹. Я хотел бы услышать от Вас подтверждение, ибо я, так же как и моя жена, с сердечным участием ждали этого, и мы будем сердечно рады, если все сошло благополучно и можно будет также надеяться на будущее. Передайте малютке мой самый дружеский поклон и заверьте ее в моем дружеском участии.

Ш.

881. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сердечно благодарю Вас за дружеское участие. У нас благополучно родилась маленькая девочка. Пока что все идет хорошо. Малютка была очень рада Вашему вниманию.

Г.

[Веймар, 16 декабря 1802 года.]

882. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Дела у нас нехороши, как Вы, вероятно, заметили вчера по моему виду в опере. Новый гость едва ли надолго задержится в этом мире, и мать, какой бы стойкой она ни была, страдает душой и телом. Она сердечно кланяется Вам и ценит Ваше участие.

Все же я надеюсь сегодня вечером прийти к Вам, чтобы заполнить пустоту в душе благодаря обществу друзей.

Г.

[Веймар,] 19 декабря 1802 года.

883. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если Вы пожелаете сегодня отобедать со мной в обществе Шеллинга и императорско-королевского горного советника фон Подманицкого из Шемнитца, то я пришлю за Вами экипаж в час дня.

Г.

Веймар, 26 декабря 1802 года.

884. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Не сообщите ли мне, как идут у Вас дела? Мое единственное утешение сейчас — нумизматический талисман¹, который самым уютным и приятным образом уводит меня в дальние века и страны. Скажите мне: не пожелали бы Вы навестить меня сегодня вечером? Но если Вы все еще нуждаетесь в спокойном уединении, то желаю Вам успеха.

Г.

Веймар, 6 января 1803 года.

885. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вчера я услышал, что Вы снова вернулись к прошлогодней идее устраивать вечерние собрания по субботам после театра, но забыл спросить Вас об этом.

Скажите мне, пожалуйста, как далеко зашел этот Ваш план? Я знаю, что его светлость герцог задумал нечто подобное, и хотел бы, чтобы эти два замысла сочетались и не помешали друг другу.

Желаю Вам всего наилучшего.

Г.

Веймар, 13 января 1803 года.

886. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Уже несколько дней я собираюсь спросить, как обстоят Ваши дела, и вот наконец делаю это. И если при этом Вы расположены более или менее подробно узнать о моих, то расскажу Вам следующее.

Приложение к «Челлини» постепенно продвигается вперед¹. Я прочитал и обдумал многое из того, что могло бы способствовать этому.

Прибыло несколько новых гравюр, показавшихся мне приятными и поучительными.

Неудачный слепок головы Венеры Урании², присланный из Касселя, я заботливо отчистил и подреставрировал, чтобы он имел хоть сколько-нибудь приемлемый вид. Я вынужден был частично допустить преобладание небулистического³, чтобы драгоценная первичная форма сохранила бы в этой коллизии свою действительность.

Гумбольдту я послал обширное письмо⁴.

С монетами сделано немного, однако всякий раз созерцание их оказывается поучительным.

Доктор Хладни⁵ прибыл сюда и привез с собой разработанное им руководство по акустике, изданное в одном томе in-quarto. Я уже прочитал его до половины и смогу сообщить Вам при встрече много отрадного относительно содержания, полноты, метода и формы исследования. Он принадлежит, подобно Эккелю⁶, к числу тех счастливых, которые даже не подозревают о существовании натурфилософии и стремятся лишь со всею внимательностью отыскивать, а затем как можно лучше упорядочивать и использовать феномены — в той степени, в какой это возможно вообще и в какой это позволяет их прирожденный и отточенный на опыте талант.

Вы можете представить себе, что и при чтении книги, и при многочасовой беседе с ним я постоянно возвращался к предметам моих исследований и наметил несколько превосходных пунктов для последующего развития.

Вообще же я вижу доброе предзнаменование в том, что он приехал как раз тогда, когда мы согласно некоторым предположениям можем ждать приезда Цельтера⁷.

Кроме того, я сейчас вновь обдумал учение о цвете и нашел, что значительно продвинулся вперед благодаря всем этим, во многих отношениях пересекающимся направлениям.

Не пожелали бы Вы уделить Хладни хотя бы четверть часа? Вы смогли бы тогда познакомиться с индивидуумом, самым решительным образом утверждающим себя в сфере своей деятельности. Быть может, Вы снабдили бы его рекомендательным письмом, поскольку после Иены он хотел бы посетить Рудольштадт.

Но довольно на сегодня, хотя я мог бы перечислить еще некоторые плюсы и минусы, которые, впрочем, уравновешивают друг друга.

Будьте здоровы, сообщите мне пообстоятельнее о Ваших делах и позвольте нам, пока мы оба не расположены выходить из дому, по крайней мере переписываться *через ширму*, подобно тем влюбленным ⁸.

Г.

Веймар, 26 января 1803 года.

887 ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 26 января 1803 года]

По сравнению с богатым разнообразием Ваших занятий моя деятельность, устремленная к одному-единственному пункту, выглядит весьма скудной, а к тому же я лишь делом могу свидетельствовать о плодах своего одиночества. Я покончил сейчас со сложным и малоутешительным занятием, а именно с заполнением пробелов, остававшихся в первых четырех актах ¹; таким образом, у меня готово пять шестых всей работы, а последняя часть, которая обычно представляет собой подлинное пиршество для трагического поэта, столь же удачно движется вперед. Это последнее действие легко удастся мне, потому что я теперь полностью отделил погребение одного брата от самоубийства другого, чтобы эта церемония, окончания которой он ждет, окончательно завершилась, и вот тут-то, на могиле брата, и происходит последняя сцена: попытки хора, матери и сестры спасти Дон Цезаря и их неудачный исход. Благодаря этому будет устранена всякая беспорядочность и, что еще важнее, всякое смешение театральной церемонности с серьезностью сцены.

Вообще же в процессе нынешней моей работы нашлось еще несколько значительных мотивов, которые оказались весьма полезными для всего в целом.

Едва ли, однако, я достигну своей цели за две недели, как ни хотелось бы мне закончить пьесу к 8 февраля, дню рождения архиепископа, чтобы выказать ему признательность за его прекрасный новогодний подарок ².

Кроме того, я занимаюсь сейчас последними французскими театральными новинками ³, присланными из библиотеки, так как герцог пожелал, чтобы я прочел их. Покамест я не обнаружил там ничего такого, что порадовало бы меня или могло бы хоть как-то пригодиться. Я начал читать и французский перевод Альфиери ⁴, но

сказать мне об этом пока нечего. Явление это, впрочем, заслуживает внимания, и я рад буду обсудить его с Вами, когда прочитаю все эти двадцать с лишним пьес. Я ни в коем случае не хочу отрицать заслуг Альфиери, но у него, разумеется, есть кое-что, заслуживающее порицания. Он способен дать кому-нибудь материал для поэтического использования и пробудить желание обработать его — свидетельство того, что хотя сам он не приносит удовлетворения, зато удачно извлекает сюжеты из прозы и истории.

Если Вы сможете сделать попытку прервать свой карантин, то приходите, пожалуйста, к нам завтра вечером и сообщите об этом завтра утром.

С Хладни я с удовольствием повидаюсь как-нибудь вечером.

Будьте здоровы.

Ш.

888. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Позвольте мне еще раз осведомиться у Вас, как обстоят Ваши дела и скоро ли мне удастся вкусить от трагического пиршества.

Что касается меня, то я не способен сейчас потчевать гостей ни самим собой, ни каким-либо своим творением; однако превосходный слепок головы так называемой «Венеры Арльской»¹, которым принц осчастливил меня через Вашего свояка, заслуживает, пожалуй, паломничества в мою пустынь.

Если Вы пожелаете навестить меня сегодня вечером, то я буду очень рад увидеть Вас снова. Если это будет угодно также Вашему свояку и обеим дамам, то недостатка в некоторых развлечениях и в скромном угощении не будет, и я попрошу только своевременно сообщить мне ответ.

Пока же мои наилучшие пожелания.

Г.

Веймар, 4 февраля 1803 года.

889. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 4 февраля 1803 года]

Моя пьеса закончена, а так как в эти дни я кое-кому проговорился об этом, то герцог Мейнингенский выразил

желание послушать ее. А поскольку он теперь мой патрон¹, которому я обязан оказывать некоторое внимание, и поскольку в силу совпадения я отмечу тем самым день его рождения, то сегодня вечером в пять часов я буду читать пьесу в обществе друзей, знакомых и врагов. Вас я не приглашаю, потому что Вы неохотно выходите из дома и к тому же, полагаю, с бóльшим удовольствием прочтаете или выслушаете пьесу в уединении. Сцену развязки я сделал гораздо короче, чем собирался вначале, и по вполне обоснованным причинам.

Таким образом, мы не можем принять Ваше сегодняшнее приглашение, но явемся к Вам в любой день, какой Вы назначите. Мне не терпится возобновить прерванные беседы.

Венеру я уже, к великому своему удовольствию, видел у моего свояка. Вы найдете у него и другую голову, чрезвычайно красивую и превосходно отлитую.

С наилучшими пожеланиями Ваш

Ш.

890. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сообщите мне, пожалуйста, в нескольких словах, как прошло вчерашнее чтение; ведь искушенный автор способен отличить подлинное участие от простого удивления и распознать вежливость и притворство. Но прежде всего прошу Вас прислать мне пьесу, что превратило бы для меня нынешний вечер в великий праздник.

Далее следует вопрос и сердечная просьба: не пожелаете ли Вы ко мне вместе с Вашим свояком и обеими дамами либо в понедельник вечером вместо театра, либо во вторник после концерта Хладни, причем в обоих случаях Вы приглашаетесь на дружеский ужин.

То, что я почти уже закончил тем временем приложение к «Челлини», должно порадовать и Вас: ведь Вы знаете, что нет более неблагодарной задачи, чем излагать результаты подобной работы. Как много приходится перечитать и передумать, если только ты не собираешься надуть публику! Я совершенно согласен с Эйнзиделем относительно переделки «Мавританской рабыни»¹ и только жду мнения высших сфер. Хоть я и не знаю Ваших планов, но думаю, что когда эта комедия будет разучена, то можно будет расписать роли в Вашей тра-

гедии, обдумать все и тотчас же приступить к делу. Но об этом подробнее при встрече.

С искренними пожеланиями благополучия.

Г.

Веймар, 5 февраля 1803 года.

891. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 5 февраля 1803 года]

Вчерашнее чтение, на которое я возлагал весьма умеренные надежды, поскольку не сам выбирал своих слушателей, вознаградило меня подлинным участием, и разнородные составные части моей публики поистине обрели некое единство. Страх и ужас проявились во всей своей силе, и мягкое волнение также находило себе прекрасное выражение; хор радовал всех своими наивными мотивами и воодушевлял своим лирическим порывом, так что при надлежащем распределении ролей я могу рассчитывать на значительный успех хора и на сцене.

Я пригласил Беккера на вчерашнее чтение, и Вы, таким образом, сможете узнать, если поговорите с ним, как этот новый феномен отразился в его театральной голове. Он пришел в восхищение и убежден в сценическом успехе хора.

Экземпляр, по которому я читал вчера, мне пришлось, в соответствии с обстоятельствами, послать герцогу, так как он вправе ожидать, что окажется в числе первых, кого я познакомлю с пьесой, и мое вчерашнее чтение дает основания к этому. Но я, по-видимому, смогу еще до наступления вечера раздобыть другой экземпляр для Вас. В таком случае мы смогли бы, если это будет удобно для Вас, встретиться завтра днем и посоветоваться, потому что коль скоро пьеса должна появиться на сцене, то я хотел бы как можно скорее подготовить ее для этого, чтобы иметь возможность послать ее также в Берлин, Гамбург и Лейпциг.

Мне очень приятно было услышать, что Вы так далеко продвинулись в приложении к «Челлини»: в работах этого рода есть нечто бесконечное, ибо они по своей природе атомистичны и с трудом обретают определенную форму.

Что касается Вашего дружеского приглашения, то я сначала узнаю у моего свояка, в какой из вечеров он свободен, и сообщу Вам ответ еще сегодня.

Будьте здоровы.

Ш.

892. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Не мог бы я узнать как можно скорее, придете ли Вы ко мне сегодня вечером в соответствии с приглашением? После концерта или до него?

Если Вы захотите воспользоваться прекрасной погодой и прокатиться в санях, я пришлю Вам экипаж к полудню.

Г

Веймар, 8 февраля 1803 года.

893. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 8 февраля 1803 года]

Мы все прибудем к Вам сегодня вечером после концерта и очень рады возможности увидеть и услышать нечто прекрасное.

Мне и моей жене очень приятно было бы получить сани в половине первого. До этого я хотел бы еще отправить несколько писем, так как поздно встал с постели.

Хор¹ уже превратился в Каэтана, Беренгара, Манфреда, Бозмунда, Рожера и Ипполита, а также двух вестников в лице Ланцелота и Оливье, так что пьеса теперь кишмя кишит персонажами.

Ш.

894. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

«Мавританку»¹ можно будет дать уже через неделю. Я сообщаю об этом, чтобы Вы смогли поторопить подготовку театрального экземпляра трагедии² и расписать роли на той неделе. В таком случае удалось бы устроить пробную читку 22-го или 24-го, что дало бы значительный выигрыш во времени.

Не пожелали бы Вы отобедать со мной завтра? Шеллинг, по-видимому, заглянет ко мне. Подробнее — при встрече.

Г.

Веймар, 12 февраля 1803 года.

895. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 28 февраля 1803 года]

Вчера для первой пробы все сошло просто превосходно. Хор, как я и предсказывал, хорошо выговаривал текст и произвел эффект. О некоторых вещах, за которыми я попрошу Вас проследить вместе со мной, сообщу при встрече.

Мой свояк вот уже три дня как получил приглашение в семейство Рейссов на завтра к чаю и поэтому очень огорчился бы, если бы завтра у Вас состоялось вечернее общество. А поскольку и вторая читка «Невесты» должна состояться как можно скорее, то, быть может, Вы согласитесь устроить Ваше собрание неделей позже или перенести его на четверг? Прошу Вас ответить хотя бы в нескольких словах об этом, а также о читке. Сегодня вечером я освобожусь поздно, потому что должен еще исправить экземпляры «Невесты», предназначенные для отправки в Берлин и Гамбург. Будьте здоровы.

Ш.

896. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я, стало быть, откажусь от завтрашнего общества и только устрою небольшую музыкальную репетицию, потому что мне не терпится услышать нового тенора¹, а также новую мелодию к «Песне рейтаров».

Надеюсь вскоре поговорить с Вами о вчерашней пробной читке; кроме того, можно устроить читку в четверг или в пятницу у меня, причем, быть может, пришли бы и Ваши дамы, а я пригласил бы еще одного нашего друга, чтобы наряду с этим делом устроить и светское развлечение, которого и так уже мы давно были лишены.

Если Вы сегодня вечером освободитесь не слишком поздно и пожелаете еще заглянуть ко мне на часок, то добро пожаловать.

Г.

Веймар, 28 февраля 1803 года.

897. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, февраль или март 1803 года]

Моя жена охотно приняла бы Ваше приглашение, если бы со вчерашнего дня не страдала от жестокого ревматизма, из-за которого она и вчера не была в театре. Быть может, она ненадолго взглянет на мадемуазель Ягеман; вообще же мы устроим все деликатно и искусно, так что обстоятельства будут приняты во внимание¹. Будьте здоровы, завтра я представлю Вам отчет об успехе.

Ш.

898. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, начало марта 1803 года]

Осторожности ради попрошу Вас самому выдавать театральный экземпляр «Мессинской невесты». Я знаю, что здесь за ним идет охота и вестовщики¹ очень в нем нуждаются.

Я взялся за свои старые бумаги с «Мальтийцами», и у меня возникло сильное желание тотчас же приняться за эту тему. Железо горячо и поддается ковке.

Ш.

899. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, начало марта 1803 года]

Если в будущем месяце можно будет рассчитывать на Граффа, а к тому же в труппе не образуется никаких изъянов, то роли¹, вероятно, удастся распределить. Разумеется, мы выиграли бы, если бы Ягеман все же решилась взять роль Сорель. Сегодня я еще пришлю Вам распределение ролей, каким оно мне представляется. То, чего публике не достанет, быть может, в частностях, мы должны возместить удачным ансамблем.

Ш.

900. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Будьте так добры еще раз проглядеть прилагаемое распределение ролей и внести в него изменения в соответствии с нынешними обстоятельствами, поскольку Шалль уходит из труппы, а Циммерман, Эльс и Бранд вступают в нее. Подойдет ли тут последний, довольно сомнительно; ему надо бы еще поучиться играть крестьянского жениха. Как Вам понравилась прогулка по Европе¹?

Г.

[Веймар], 8 марта 1803 года.

901. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Сегодняшняя репетиция¹ очень удалась, и я нисколько не сомневаюсь, что пьесу можно будет представить 19-го. Если Вы сможете прийти ко мне сегодня вечером, то мы еще раз посоветовались бы, тем более что у меня еще все свежо в памяти. Скажите подателю сего, когда он должен прибыть с экипажем.

Г.

Веймар, 10 марта 1803 года.

902. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Не могли бы Вы порадовать меня сегодня вечером своим визитом? А пока что попрошу вернуть мне «Европу», чтобы я отправил Гумбольдту выписки из нее.

Г

Веймар, 15 марта 1803 года.

903. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Прилагаю к сему «Спасенную Венецию»¹. Если у Вас найдется время, просмотрите ее, и мы поговорим о ней сегодня вечером. Мне очень хочется увидеть Вас. Проклятая овация стоила мне двух скверных дней². Распорядитесь относительно времени, когда прислать экипаж.

Г.

Веймар, 22 марта 1803 года.

904. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 26 апреля 1803 года]

Котта хочет нанести Вам визит в двенадцать часов. Но если Вы отправитесь на прогулку, то назначьте ему другое время или же он явится к Вам после обеда. Он остается здесь до вечера. Что касается условленного дела, то Котту я подготовил.

Ш.

905. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Все-таки нас поразил Страшный суд¹!

Посылаю при сем «Непотiana»² для благосклонного рассмотрения.

Обе мои упряжки хромают, иначе я пригласил бы Вас сегодня на прогулку. Однако я собираюсь прийти к Вам ненадолго после одиннадцати часов, так как хотел бы обсудить кое-что. Ибо завтра после полудня я предполагаю уехать в Иену.

Г.

Веймар, 13 мая 1803 года.

906. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Вот, дорогой мой, бумаги¹, которые на этот раз прекрасно могут возместить мое отсутствие. Сердечно кланяйтесь Котте и выслушайте его решения и умозаключения.

Я чувствую себя неплохо, однако должен позаботиться о том, чтобы побольше двигаться и получать впечатления извне. Если так будет идти и дальше, все мое бытие сосредоточится в зёммерингских водах². Мой Spiritus будет к Вашим услугам. За эту неделю я надеюсь сделать хороший рывок в учении о цвете и ухватить наконец самую суть; сейчас все это лежит на мне непереносимым бременем. Будьте здоровы и деятельны и не забывайте меня.

Г.

Иена, 15 мая 1803 года.

907. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Поскольку я по прихоти случая и занимаюсь то немецкой просодией¹, то учением о цвете и, судя по обнадеживающему началу, могу рассчитывать на некоторый успех, если продлю свое пребывание в Иене, то, поразмыслив, я решил, что мне, в сущности, пока не о чем договариваться с господином Коттой и что я прекрасно могу оставаться здесь. Поэтому в субботу утром Вы получите с посылкой памятку касательно типографских дел² и расписку относительно той суммы, которую Котта собирается привезти с собой.

Меня начинает тревожить мысль, что май прошел уже наполовину, а ничего еще не сделано.

Будьте здоровы и радуйтесь Вашей новой драме³.

Г.

Иена, 18 мая 1803 года.

908. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Сегодня вечером я отправлю с посылкой памятку для Котты. Тем не менее шлю Вам сердечный поклон через подателя сего, которого посылаю в Веймар за папками по хроматике и через которого надеюсь также получить от Вас какие-нибудь известия.

Как подвигается новая драма и что случилось еще примечательного?

Что касается учения о цвете, то я предполагаю ускорить дело главным образом за счет того, что извлеку из папок все пригодное, сожгу бесполезные бумаги, перепишу оставшееся в одном формате и приведу все в порядок согласно схеме. Тогда будет видно, что многое уже сдела-

но, и у меня прибавится мужества приступить к заполнению пробелов. Будьте здоровы и не забывайте меня.

Г.

Иена, 20 мая 1803 года.

909. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Веймар, 20 мая 1803 года

Возвращаю Вам при сем «Просодию» Фосса: я не очень углублялся в нее. Слишком мало общего можно извлечь из нее, а для эмпирического использования, например для справок в сомнительных случаях, где она могла бы сослужить превосходную службу, ей недостает указателя, которым удобно было бы пользоваться, точно оракулом. Ваша мысль систематизировать ее — вот единственное средство сделать ее полезной.

«Битву Германа»¹ я прочитал и к великому своему огорчению убедился, что она совершенно непригодна для наших целей. Это холодное, бесчувственное и даже карикатурное создание, лишенное и намек на идею, лишенное жизни и правдивости,— и несколько волнующих ситуаций, которые тут содержатся, трактованы с такой бесчувственностью и холодностью, что вызывают раздражение.

Моя маленькая комедия² очень повеселила публику и в самом деле выглядела довольно мило. Играли ее с очень хорошим настроением, хотя выучили не самым лучшим образом, да и наши актеры, как Вы знаете, охотно вольничают, если их не сдерживает стихотворный размер. Поскольку план и замысел принадлежат не мне, а текст сымпровизирован, то я не могу похвалиться какими-либо заслугами в этом спектакле.

Вторую пьесу Пикара³ разучивать сейчас нельзя, так как Графф и Беккер слишком заняты пьесой Нимейера⁴, которую сыграют в честь автора в Лаухштедте.

Поздравляю Вас с тем, что Вы выгодно сбыли с рук Ваше имение⁵ и теперь вновь стали свободным человеком.

Будьте здоровы. Я сообщу Вам о том, что нового привезет нам Котта, а заодно пришлю несколько стихотворений, возникших в эти дни⁶.

Ш.

Я забыл написать Вам о молодом актере Гриммере, которого недавно заставил декламировать. Я возлагаю на него большие надежды, он читает со смыслом и умело

меняет интонацию, декламирует страстное с душевной теплотой, а стихи с пониманием, так что он несомненно подает надежды.

Поскольку же я выяснил вместе с тем, что некоторые наши актеры, уж не знаю почему, настроены против него, то хочу привлечь Ваше внимание к тому, что это как раз один из тех редких случаев, когда молодому и способному человеку с приятными манерами и внешностью и с весьма умеренными претензиями можно было бы дать проявить себя, причем особенно в его пользу говорит то, что он, кажется, скорее пригоден для мужских, чем для юношеских ролей. Поскольку же в эту зиму мы твердо решили взяться за вещи более высокого полета, а для этого нашей труппы явно недостаточно, и поскольку еще этим летом его можно было бы привлечь к поездке в Лаухштедт, то я позволю себе походатайствовать перед Вами за этого молодого человека, который уже сейчас кажется мне по крайней мере столь же достойным, что и Кордеман, и который к тому же своим поведением внушает уважение и доверие.

910. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Лишь в нескольких словах должен сообщить Вам о том, чего мне удалось, кажется, добиться на этот раз в учении о цвете. Я поднялся уже довольно высоко для того, чтобы рассматривать мои прежние мысли и действия исторически, словно судьбу постороннего мне человека. Наивная неловкость и неопытность, страстная порывистость, доверие и вера, усилия и труд, вялость и топтание на месте, а затем снова буря и натиск — все это находит любопытное выражение в моих бумагах и папках; однако я безо всякой жалости делаю одни лишь выписки и располагаю все пригодное в соответствии с нынешними своими воззрениями, а прочее немедленно сжигаю. Не стоит беречь шлаки, коль скоро хочешь получить металл.

Когда я покончу с бумагами, то выиграю во всем. Ибо основное зло состояло в том, что я постоянно пытался письменно обрабатывать и излагать предмет, еще не созрев для этого. Я всякий раз добивался на этом пути некоторых успехов; но вот теперь передо мной оказываются иногда три варианта одной и той же главы, причем в первом живо изображены феномены и опыты, второй содер-

жит более удачный метод и более удачно написан, третий же представляет собой попытку объединить оба предыдущих под углом некой высшей концепции, но не достигает своей цели. Что делать теперь со всеми этими попытками? Требуется мужество и сила, чтобы извлечь из них суть, но и тогда жаль будет предать их огню. Когда я закончу разборку (в той степени, в какой это возможно для меня), то непременно захочу вновь обратиться к ним, чтобы исторически сопоставить себя с самим собой, и не достигну своей цели, пока не погашу этот долг.

Таковы мои радости и горести. Напишите и Вы мне поскорее, как обстоят Ваши дела.

Стало быть, Герман и его дружина ¹ дурно зарекомендовали себя? «Золотой век» не слишком-то хорошо обеспечил своих наследников ².

Будьте здоровы.

Иена, 22 мая 1803 года.

Г.

911. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Поздравляю Вас с тем, что Вы столь успешно сражаетесь со своим материалом. Когда-нибудь Вы очистите свой подлинный солнечный элемент от всех шлаков, даже если из них и образуется некая планета, которая впоследствии вечно будет вращаться вокруг Вас.

Я теперь тоже испытываю нужду в материалах, хотя и иного рода, ибо как раз теперь занят неким *словом* ¹ о хоре в трагедии, которое должно послужить своеобразным введением к моей «Мессинской невесте», — и тут на меня давит весь театр вместе со всей эпохой, так что я едва представляю себе, как справлюсь с этим. Меня, впрочем, увлекает эта работа, и я постараюсь сказать нечто действительно дельное и послужить тем самым цели, которая важна для нас обоих.

С Коттой на днях все было улажено так, как Вы и желали. Относительно печатания «Побочной дочери» Вы сами дадите инструкции Фроману ². Эйлерсу я выдал аванс в 10 луидоров за счет Котты ³.

Котта, по-видимому, возлагает большие надежды на «Челлини»; по крайней мере многие экземпляры книги взяты на комиссию, так что произведение вовлечено теперь в поток торговли и литературы. Котта не смог дать мне

ни одного экземпляра, и я вынужден поэтому просить Вас об этом.

Гумбольдт снова написал мне ⁴; он просит передать Вам сердечный поклон. Поистине это болезнь; в самом сердце Рима он изнывает по сверхчувственному и нечувственному, так что сочинения Шеллинга составляют предмет его страстного вожделения; однако вскоре он сможет лицезреть его самого ⁵, и тогда, вероятно, в Ватикане возобновятся те беседы, которые велись у подножия иенского Фукстурма ⁶. Сомневаюсь, что там он долго выдержит это.

Посылаю при сем несколько поэтических поделок. «Торжество победителей» ⁷ представляет собой воплощение идеи, которую подал мне наш кружок полтора года тому назад в связи с тем, что все хоровые песни, если только они не исходят из подлинно поэтического материала, впадают в плоский тон песен вольных каменщиков. Я хотел здесь как бы бросить семя в тучные поля «Илиады», чтобы взрастить урожай там, где мог бы лишь пожинать его.

Будьте здоровы и не задерживайтесь слишком долго. Цельтер, как я слышал, выедет из Дрездена 1 июня ⁸.

Ш.

912. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем мои песни ¹ с просьбой внимательно рассмотреть как целое, так и частности. А также озаглавить пятую песню.

Сегодня вечером я, вероятно, увижу Вас у себя?

Г.

Веймар, 15 июня 1803 года.

913. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Вот и первый набросок ¹. Будем же ковать железо, пока оно горячо! Нам достаточно и немногого. Этот первый опыт может дать повод к некоторым размышлениям.

Подробнее — при встрече. Сможете ли Вы прийти сегодня, и если да, то когда?

Г.

Веймар, 23 июня 1803 года.

914. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ.

Я пока остаюсь здесь из-за печатания нескольких вещей, которые собираюсь выпустить в свет: хочу договориться с Фроманом, который хорошо разбирается в своем деле и располагает превосходным *metteur en page* *. Поэтому остановка тут за немногим.

Лодер только что вернулся из Галле, где он снял дом¹. Когда я говорю с ним о его новом положении, то искренне радуюсь тому, что жребий его выпал именно так. Какой жизнелюб не хотел бы, подобно всем нам, аргонавтам, перетащить свой корабль через Истм²? Вот приключения безыскусных древних мореплавателей, вызывающие улыбку у современной просвещенной техники. Не пренебрегайте возможностью познакомиться с обстановкой в Галле, поводов к чему у Вас найдется предостаточно. Я же вообще не представляю, когда вернусь домой. Единственное мое желание теперь — использовать по своему усмотрению три месяца, еще пригодные для работы, и хоть как-то выполнять то, к чему принуждают меня извне.

Воскресшая старонемецкая драма³ полегоньку преобразуется. Я не знаю, как сказать — организуется она или кристаллизуется; но ведь в конце концов независимо от жаргона различных школ дело сводится к одному и тому же.

Вообще нам очень идет на пользу то, что мы больше верим в природу, чем в свободу, так что даже когда свобода вдруг заявляется к нам, мы тотчас же начинаем трактовать ее как природу; ведь в противном случае мы не знали бы даже, что делать с самими собой, ибо очень часто оказываемся в положении Валаама⁴, благословляя то, что должны были проклинать.

Желаю Вам многих радостей от поездки, хоть Вам и не удастся избежать разочарования в том, что зовется светом. Это — пошлые и преходящие фрагменты, которые были бы довольно милы, если бы не претендовали на то, чтобы считаться целым.

О приложении⁵ не скажу ничего, поскольку оно весьма выразительно говорит само за себя. Быть может, именно в этот момент оно все же окажется для Вас довольно значительным.

* метранпажем (*франц.*).

Я хотел бы только, чтобы Вы не испытывали телесных недугов и уютно чувствовали себя в этом водовороте. Жду от Вас не письма, а одного только дружеского привет; когда мы встретимся, я смогу рассказать Вам о многих чудесах.

Г.

Иена, 5 июля 1803 года.

915. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Лаухштедт, 6 июля 1803 года

Я не могу отпустить Ягеман, не подав хоть каких-то признаков жизни. Пока что мне живется здесь прекрасно, город и общество произвели на меня приятное впечатление, и если бы можно было решиться когда-нибудь ничего не делать, то праздность в гуще этой массы, которая тоже ничего не делает, оказалась бы довольно приятной. Но дольше, чем неделю-полторы, я, естественно, выдержать подобное состояние не могу.

За этот промежуток времени театральное здание раскрыло мне свои достоинства, а заодно и недостатки. Что касается последних, то я нахожу, что голоса актеров теряют в ясности, и в особенности потому, что крыша из-за своей формы и легкости конструкции слишком подвержена воздействию непогоды. Во время представления «Мессинской невесты»¹ разразилась гроза, полил сильный дождь, который так громко стучал по крыше, что целых четверть часа невозможно было разобрать ни единой связной фразы, как ни напрягали актеры свои голоса. А днем спустя, когда я осматривал пустой зрительный зал, на прекрасно расписанном потолке видны были уродливые следы просочившейся влаги.

«Побочная дочь»² имела большой успех, особенно во второй половине, как это было и в Веймаре. О некоторых наблюдениях, которые я сделал при этом, расскажу при встрече. Ягеман держалась очень хорошо, хотя она охрипла и полагала, что вообще не сможет играть; кроме того, и Беккер играл весьма выразительно, и Хайде тоже имел успех.

Наблюдения за новой публикой приводят порой к полезным умозаключениям, а здесь такая возможность предоставляется вдвойне, потому что в воскресенье на комедии собираются совершенно другие люди.

Вероятно, здесь или в Галле я еще успею услышать Марá³, которую пропустил в Веймаре. На случай, если она придет сюда, я в соответствии с просьбой курортного общества поручился перед режиссерами, что Вы не будете возражать, если для этого концерта арендуют театр. Должен засвидетельствовать, что Генаст⁴ весьма бдительно и усердно заботится обо всем и печется как о пользе кассы, так и о чести труппы.

Я свел здесь весьма приятное знакомство со Шмальцем⁵, который приехал на представление «Побочной дочери», и этот единственный вечер чрезвычайно сблизил нас. Хорошо было бы жить по соседству с таким разумным, жизнерадостным и энергичным деловым человеком, лишенным как педантизма, так и манерности. Нимейеры⁶ тоже были здесь в тот вечер, и я вынужден был обещать им, что приеду в Галле на этой неделе. К сожалению, я не застаю там Вольфа, потому что он отправился на воды в Пирмонт. Герцог Вюртембергский держится очень любезно и приводит всех в доброе расположение духа; благодаря ему первые дни моего пребывания здесь прошли очень весело и оживленно. Впрочем, общество здесь довольно приятное, дружелюбное и жизнерадостное, не следует только принимать всерьез все эти разговоры. С некоторыми молодыми людьми, особенно с берлинцами, у меня все же состоялось несколько небезынтересных бесед.

Будьте здоровы и постарайтесь только, чтобы старый Гёц без усталости мчался вскачь. Множество поклонов Мейеру.

Ш.

916. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Веймар, 9 августа 1803 года

Прошу вас уделить немного времени подателю сего господину Арнольду¹ из Страсбурга и сказать ему несколько дружеских слов. Он с серьезностью и любовью занимается немецкой историей, не жалеет сил, чтобы научиться чему-то, и исполнен благих намерений создать нечто достойное. Он многое сможет рассказать Вам о Гёттингене, где учится, и о Страсбурге, где пережил страшное время революции.

Вы недавно совершенно неожиданно покинули меня, едва я вернулся из Иены², однако я узнал от Мейера, что

послезавтра Вы снова будете здесь. Желаю Вам успеха в делах, я же не сдвинулся ни на шаг и по-прежнему кружу по берегам Вальдштеттенского озера³, — поездка в Иену в эти жаркие дни так утомила меня, что я до сих пор еще не пришел в себя. Что Вы скажете о том, что теперь и «Литературная газета» покинет Иену?⁴

Будьте здоровы и поскорее возвращайтесь с добрыми плодами Вашего уединения.

Ш.

917. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, август 1803 года]

Из-за жары и проклятого положения барометра я настолько обессилел, что никак не могу решиться выйти из дома, да к тому же я совершенно не способен на какую-нибудь путную мысль.

Если я почувствую облегчение, то, может быть, загляну к Вам сегодня на часок после ужина. Если у Вас найдется какая-нибудь новинка для чтения, то попрошу прислать ее.

Ш.

918. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Сегодня впервые эта история¹ доставила мне удовольствие. Вы должны взглянуть на этот хаос противоречивых и путаных известий! Я велю переплести все это и, быть может, попозже еще раз попотчую Вас. Только в такие моменты и можно испытывать интерес к текущему моменту. Согласно моему измерителю Нила² это безобразие усилится еще на несколько градусов, а затем постепенно пойдет на убыль, и крестьяне смогут наконец приступить к севу. Я рад Вашему участию и скоро увижу Вас.

Г.

Веймар, 6 сентября 1803 года.

919. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 12 сентября 1803 года]

У меня накопилось столько неотложных писем, что я не справлюсь с ними до девяти часов, и следовательно, не смогу прийти к Вам.

Из прилагаемого письма Вы узнаете, к несчастью, о том, что наш друг Гумбольдт понес жестокую утрату¹.

Напишите ему, если сможете, несколько сочувственных слов. Меня это очень печалит, ибо именно этот ребенок был самым многообещающим из всех.

Письмо прошу вернуть мне.

Ш.

920. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 16 сентября 1803 года]

Я слышал, что Вы устраиваете сегодня пробную читку «Юлия Цезаря»¹, и хочу пожелать Вам успеха. Жестокий насморк все еще держит меня взаперти и очень дурно действует на голову.

Вчера я посмотрел на двух театральных рекрутов², они выглядят довольно славно, а диалект одного из них оказался гораздо более сносным, чем я ожидал. На их добрые намерения можно положиться больше, чем на их талант.

Грюнер очень хотел бы выступить в роли призрака в «Орлеанской деве». Подобный дебют мог бы оказаться удачным во многих отношениях. Помимо того что роль невелика и ее, стало быть, очень легко заучить, она произносится с несколько суровой монотонностью и не требует особенных движений. Необычное и новое легко сочетаются между собой, а Графф, которому сейчас роль эта докучает из-за необходимости переодеваться, будет рад освободиться от нее.

С Беккером я еще не смог поговорить наедине.

Будьте здоровы. Я очень хочу поскорее увидеть Вас вновь.

Ш.

921. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Напишите мне, пожалуйста, как Вы себя чувствуете и сможете ли сегодня вечером прийти в театр¹; во всяком случае, сегодня я увижусь с Вами. Тем не менее я попрошу Вашего совета. Когда я думал над тем, как выразить Гумбольдту мои дружеские чувства, то мне пришла в голову мысль посылать ему по частям «Побочную дочь». Но тут возникают опасения, поскольку сюжет пьесы — утрата ребенка; можно ли надеяться, что вымышленное горе смягчит подлинное, или же следует опасаться воздействия столь близкого сюжета?

Я хотел бы услышать, что Вы уже здоровы.

Г.

Веймар, 17 сентября 1803 года.

922. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 17 сентября 1803 года]

Я надеюсь прийти в театр этим вечером: на столь недолгом пути я уж сумею как-нибудь побережусь. Однако меня по-прежнему мучает катар, и я вынужден следить, как бы он не стал хроническим.

Фернов сказал мне, что когда он виделся с Коттой во время его приезда, тот упомянул, что собирается послать Гумбольдту «Побочную дочь», когда она будет напечатана. Таким образом, Вы могли бы, как мне кажется, предоставить это дело Котте и только послать ему распоряжение на этот счет. Пакет придет тогда, когда боль утраты будет уже не столь свежей, и в этом случае творение поэта окажет скорее доброе, нежели дурное воздействие.

Не могли бы Вы оказать мне любезность и, поскольку сегодня день посыльной, прислать мне от Вульпиуса каталог швейцарской и, быть может, немецкой истории¹?

Я рад тому, что увижу Вас сегодня. Если Вы отправитесь в экипаже в театр или из него, то захватите меня с собой.

Ш.

923. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Не могли бы Вы отправить Фихте прилагаемый листок¹? К сожалению, все это дело малоутешительно, Фихте при всем своем уме по-прежнему пребывает во власти иллюзий, полагая, видимо, что перед судом можно доказать свою правоту на свой собственный лад, тогда как там почти все определяется известными формами. Кроме того, как Вы увидите из этого листка, Зальцман, который и вообще-то ни на что не годится, отстранился от дела. Мне очень хочется увидеть Вас. Не пожелаете ли Вы воспользоваться прекрасной погодой и поехать со мною сегодня в полдень в Тифурт? Я собираюсь нанести визит, и Вас тоже, несомненно, будут там рады увидеть; я мог бы заехать за Вами в двенадцать часов.

Г.

Веймар, 23 сентября 1803 года.

924. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 23 сентября 1803 года

Поскольку этим летом я безрассудно расточал недели и месяцы, то вынужден теперь беречь дни и часы. Поэтому

я не могу принять Ваше дружеское приглашение поехать в Тифурт. Быть может, Вы пожелаете навестить меня на обратном пути или же я сам приду к Вам примерно в пять часов, потому что поздние вечерние часы оказываются порой благоприятными для работы и возмещают потерянные утренние. Мы могли бы, вероятно, завести обычай встречаться между тремя и пятью часами — с тем, чтобы разделив день ровно пополам, сделать из него два.

Будьте здоровы.

Ш.

925. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам вместе с весьма безотрадной современной римлянкой¹ любопытное письмо Иоганнеса Мюллера и хочу спросить, не смогли бы мы встретиться сегодня где-нибудь. В шесть часов — генеральная репетиция «Юлия Цезаря».

Г.

Веймар, 30 сентября 1803 года.

926. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 2 октября 1803 года]

Сегодня утром я еду в Иену¹, потому что моя теща тоже отправляется туда; я уношу с собой сильное впечатление и расскажу Вам о нем через неделю, на втором представлении «Юлия Цезаря»². Нет никакого сомнения, что этот Цезарь обладает всеми свойствами для того, чтобы стать одной из настоящих опор для театра: привлекательность коллизии, разнообразие и обилие, сила страстей и чувственная жизнь *vis à vis* с публикой и, наконец, искусство — словом, пьеса обладает всем тем, чего мы желаем и в чем нуждаемся. Таким образом, все усилия, которые нам еще придется приложить здесь, принесут чистый выигрыш, а большее совершенство исполнения послужит одновременно свидетельством успехов нашего театра.

Для моего «Телля» пьеса эта оказалась неоценимым сокровищем, мой кораблик тоже снимается теперь с якоря.

Надеюсь увидеться здесь с Вами не позже четверга. Не будете ли Вы так любезны дать мне несколько строк

для Трабициуса относительно Ваших комнат в замке³? Для меня это было бы выходом из затруднительного положения, так как иначе мне придется квартировать у друзей, что стеснило бы мою свободу.

Что делать с двумя томами книжного каталога? Должен ли я вернуть их в библиотеку от Вашего имени?

Будьте здоровы, и да принесет Вам эта неделя удачные мысли.

Ш.

Я хотел бы уехать в десять часов.

927. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я очень рад тому, что было достигнуто вчера¹ — главным образом благодаря Вашему участию. Уже на следующем представлении я надеюсь усилить это впечатление; это — значительный шаг вперед, который нам удалось сделать как раз к началу зимы.

Охотно признаюсь, что я предпринял это еще и в намерении содействовать Вашей, столь значительной работе; я и сам уже извлек отсюда пользу для своих замыслов².

Прилагаю записку для Трабициуса. Пусть уединенная комната дарует Вам превосходное настроение.

Два тома книжного каталога нужно вернуть в университетскую библиотеку, о чем я получу письменное подтверждение.

Будьте здоровы.

Г.

Веймар, 2 октября 1803 года.

928. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам «Венецианского купца»¹ с покорнейшей просьбой взять на себя редакцию и репетиции. При чтении подумайте еще раз о распределении ролей, и мы поговорим об этом. Быть может, Вы пожелаете прийти ко мне завтра вечером в шесть часов, — у меня состоятся всевозможные драматические и музыкальные пробы. Прилагаю также экземпляр «Карманной книжки»².

Г.

Веймар, 29 октября 1803 года.

929. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 9 ноября 1803 года

Поскольку я не получал никаких вестей от Вас, то вынужден справиться о Ваших обстоятельствах. От нескольких иенских друзей, тем временем побывавших здесь, я узнал, что Вы ни с кем не видите, и это служит прекрасным признаком того, что у Вас лучшее общество. Я здесь тоже усердно тружусь, потому что отказался от любых развлечений и даже не бываю в театре. Если я сохраню этот пыл, то закончу работу в марте.

Паулюс не возлагает особых надежд на Вюрцбург¹, как и следовало ожидать. Однако об иенских делах я слышал много хорошего, число студентов, по-видимому, сократилось еще не столь заметно, поскольку некоторые аудитории набиты битком. Философия не вовсе умолкла, и наш доктор Гегель² приобрел, должно быть, многих слушателей, которых не отпугнуло даже его изложение. Вы, без сомнения, слышали уже в Иене о том, что у студентов обнаружилось сильное желание услышать лекции *Риттера*³. Мне сказали, что студенты обратились к герцогу с прошением о том, чтобы назначить его профессором. Было бы превосходно удержать его здесь, поскольку он уже располагает одним приглашением и может уехать, захваченный общим движением⁴. Поскольку Гота благоволит к нему, то это не составило бы никаких трудностей; возможно, кроме того, что это послужило бы для Готы еще и поводом оказать ответную любезность в отношении Нитхаммера.

Вдовствующая герцогиня очень хотела бы попотчевать графа Брюля, который приедет сюда завтра и останется лишь до четверга, «Братьями»⁵, поскольку он хочет посмотреть комедию масок. Она настоятельно просила меня выполнить его желание, и я, естественно, тоже рекомендую Вам это. Если только это возможно, то распорядитесь, пожалуйста, сыграть «Братьев» в понедельник, ведь их можно будет соединить с какой-нибудь другой маленькой пьесой.

Шлю Вам мой сердечный привет и прошу Вас поскорее дать знать о себе.

Ш.

930. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 14 ноября 1803 года

Меня просят походатайствовать перед Вами о том, чтобы в среду вместе с «Братьями» был бы дан и «Лагерь Валленштейна», так как Бешорт хочет получить некоторое представление об этой пьесе, которую собираются теперь сыграть и в Берлине¹. Брюль тоже охотно посмотрел бы ее, так что мы окажем благодаря этому любезность сразу нескольким лицам.

Поскольку у нас теперь тремя актерами² больше, то я посоветовал бы занять здесь в качестве статистов, а именно в ролях кроата, швейцарца и второго кирасира, трех наших новых актеров, так что пьеса из-за этого как бы обновится.

Вероятно, я увижу Вас сегодня в театре?

Ш.

931. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Когда я не напишу письма вовремя, то потом мне все труднее прервать молчание; должен сказать, впрочем, что за эти несколько дней мне пришлось прежде всего развязаться с ответами и памятными записками, посвященными делам разного рода. Меня занимало также кое-что, связанное с новым критическим органом¹ и сулящее расцвести самым необыкновенным образом. Теперь мне потребуется, вероятно, неделя с лишним для того, чтобы отредактировать статьи о художественной выставке и о произведениях Полигнота². Когда они окажутся у печатника, я посмотрю, не удастся ли подготовить еще что-нибудь отрадное. Если нет, то утешусь хотя бы этим.

Я провел очень приятные часы с Шельвером, Гегелем и Ферновом³. Первый из них так прекрасно работает в сфере ботаники, что я просто глазам своим не верю, так как привык уже, что любая личность охотно и с карикатурными ужимками отступает со скромного пути поступательного потенцирования в глупейшей мании к самонадеянному оригинальничанью.

Что касается Гегеля, то мне пришла в голову мысль, что ему могло бы принести значительную пользу овладение основами ораторского искусства. Человек он просто превосходный, хотя его высказывания вызывают слишком много возражений.

Фернов по-своему весьма дельный малый, обладающий

очень искренними и обоснованными воззрениями на явления искусства. Когда я говорю с ним, то мне все время представляется, будто я только что вернулся из Рима и к некоторому своему стыду чувствую себя более благородным, нежели в северном окружении, низость которого приходится терпеть столько лет и к которому все же приспособляешься в большей или меньшей степени.

[Пропуск в тексте]

Поразительно, что все историческое, которое оказывается столь значительным, когда речь идет о достойных предметах, может обладать и некой внутренней ценностью, и некой значимостью для нас и в том случае, когда предмет его низок и даже абсурден.

И все же это издавна указывает на то жалкое положение вещей, когда форма определяет все.

Тем временем люди уходят один за другим⁴, и никому не приходит в голову, что при этом утрачивается нечто. Когда умирает почтенный горожанин, в городе по крайней мере звонят в колокола, и все живые торопятся к себе домой с тем особым чувством, что похвальное обыденное бытие может и должно продолжаться, как прежде.

На этом будьте здоровы и создавайте наилучшее из того, что даруют Вам обстоятельства. Пишите мне время от времени; я вменю себе в закон писать Вам по крайней мере раз в неделю, чтобы сообщить Вам о своих делах.

G.

Иена, 27 ноября 1803 года.

932. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 30 ноября 1803 года

В нынешнем моем отшельническом уединении я ощущаю движение времени лишь по тому, что дни становятся все короче. Отсутствие каких бы то ни было развлечений и настоятельное упорство привели хотя бы к тому, что работа моя не стоит на месте, хотя все мое существо страдает от воздействия этого времени года.

Ваше письмо свидетельствует о том, что Вы жизнерадостны, и я с удовольствием вижу, что Вы сблизились с Гегелем. Он едва ли сможет теперь приобрести то, что ему недостает, однако неумение наглядно излагать представляет собой в целом чисто немецкий националь-

ный недостаток и возмещается — по крайней мере для немецких слушателей — немецкими добродетелями: основательностью и искренней серьезностью.

Постарайтесь, пожалуйста, сблизить между собой Гегеля и Фернова; может статься, я полагаю, что они помогут друг другу. Быть может, Гегель благодаря общению с Ферновом задумается о таком методе преподавания, который позволит сделать более понятным его идеализм, а Фернов избавится от своей поверхностности. Если Вы раз пять пригласите их обоих к себе и вовлечете в общий разговор, то между ними, несомненно, найдутся точки соприкосновения.

Профессор Реберг¹ прибыл сюда неделю тому назад; Вы могли бы помочь составить более ясное представление о нем, чем это удалось мне, поскольку я ровно ничего не знал о нем. Он проявляет интерес и склонность ко всему немецкому, но я не знаю, есть ли у него орган для восприятия идеалистического образа мышления. По-видимому, северный магнит сильнее воздействует на всех немцев в Италии, ибо то, к чему мы привыкли на севере, необыкновенно волнует их на юге.

Здесь говорят, будто в Галле добились у пруссаков запрета на «Иенскую газету». Я с трудом могу поверить этому; напишите мне, пожалуйста, как обстоит дело.

Тибо, который недавно был здесь, тоже возлагает большие надежды на «Иенскую газету». Вообще же он был очень встревожен и не хотел верить этому слуху.

Вы ничего не пишете мне о Фоссе²; передайте, пожалуйста, ему поклон, если увидите с ним, и сообщите мне что-нибудь о нем.

Госпожа де Сталь теперь во Франкфурте, и мы можем вскоре ожидать ее здесь³. Если только она понимает по-немецки, то я не сомневаюсь, что мы с ней справимся, но излагать ей нашу религию во французских фразах и тягаться с ее французской живостью — дело весьма нелегкое. Нам не удастся разделаться с нею так же просто, как Шеллингу с Камилем Жорданом⁴, который вздумал в разговоре с ним сослаться на Локка. «Je méprise Locke»*, — сказал Шеллинг, и тут, разумеется, его оппонент лишился дара речи. Будьте здоровы.

Ш.

* «Я презираю Локка» (франц.).

933. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ.

Господин статский советник Фойгт навестил меня сегодня днем и отвлек от письма к Вам, но зато я попросил его поскорее повидать Вас и осведомить об успешном ходе нашего литературного предприятия. Если бы Вы теперь не избрали лучшую долю, то я попросил бы Вас поскорее подать нам знак Вашего одобрения.

Для меня это занятие оказалось своеобразной новой школой, которая может стать удачной еще и потому, что с годами становишься все менее продуктивным и, следовательно, можешь обстоятельнее вникать в дела других.

Меня занимает теперь программа, разделенная на две части: обзор выставленных произведений и воскрешение наследия Полигнота¹. Хотя Мейер отлично подготовил материал для первой части, превосходно обдумав и выразив все заслуживающее внимания, однако я должен еще полностью переписать некоторые места, а это — трудная задача.

Для наследия Полигнота также сделано все, что было в моих силах; однако окончательное описание всего и редактирование займет еще утренние часы в течение нескольких дней. Тем не менее работа ведет в прекраснейшие сферы и в будущем придаст совершенно новое направление нашему институту. Затем предстоит еще печатание, так что я развяжусь со всем делом не раньше, чем через две недели. Вся программа составит примерно четыре листа.

С Фоссом я виделся только один раз, так как из-за сырости не решаюсь добираться до Бахгассе². Он теперь занимается Буркардом Вальдисом³, расписывая его слова и выражения в форме словаря. Я должен сначала вновь привыкнуть к нему и к его окружению и научиться переносить его благозвучность без раздражения. Если бы я мог помыслить о чем-нибудь поэтическом, то почитал бы вместе с ним, как встарь, ибо тут сразу оказываешься в сфере подлинных интересов.

Кнебель снял дом у Гельфельда близ Новых ворот, по соседству с Вашим бывшим владением⁴, причем довольно далеко от Фосса, чтобы не стеснять себя его ригоризмом. Зато он не будет мутить воду нашему просоду, ибо тот живет у истоков ручья, а Кнебель — у устья.

Ваше предложение свести Фернова и Гегеля я уже

начал осуществлять на деле. Завтра вечером у меня состоится чай, на котором будут соединены два этих предельно разнородных элемента.

Умер бедный Вермеерен⁵. Быть может, он пожил бы еще, если бы продолжал писать посредственные стихи. Но довольно на сегодня, примите мой дружеский поклон.

Г.

Иена, 2 декабря 1803 года.

934. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Можно было предположить, что если мадам де Сталь приедет в Веймар, то меня вызовут туда. Я посоветовался с самим собой, чтобы не быть захваченным врасплох, и предварительно решил, что останусь здесь¹. У меня сейчас — особенно в этом тяжелом месяце — хватает физических сил лишь на самое необходимое, и я не могу брать на себя обязательства в содействии столь трудному и сомнительному предприятию. Мне предстоит здесь еще многое — от самой серьезной умственной работы и до чисто технических дел, связанных с типографией: печатание программы изобилует терниями из-за таблиц Полигнота² и постоянно требует проверки. Сколько дней еще понадобится, чтобы все это было закончено и, несмотря на живейшее сопротивление, приобрело достойный вид? Вы, дорогой мой друг, представляете себе, несомненно, весь ужас моего положения, которое так замечательно облегчает мне Мейер и которое, однако, никто не в состоянии осознать должным образом, ибо все то, что возможно хотя бы в некоторой степени, в принимается как нечто вполне обычное. Поэтому я осмеливаюсь горячо просить Вас заменить меня, ведь никто в этих обстоятельствах не поймет меня так, как Вы. Устройте все наилучшим образом, насколько это возможно. Если мадам де Сталь захочет посетить меня, она будет радушно принята. Если я узнаю об этом за сутки, то меблирую часть квартиры Лодера, чтобы поместить гостью; она найдет здесь бюргерский стол, мы сможем видаться и беседовать, и она сможет пробыть здесь столько, сколько ей захочется. Все мои здешние дела отнимают у меня не более часа в день в общей сложности, а все остальное время я смогу посвятить ей; однако ехать в такую погоду; наносить визиты,

одеваться, бывать при дворе и в обществе сейчас для меня совершенно невозможно,— столь же решительно, как это происходило порою с Вами при подобных обстоятельствах.

Все это я оставляю на Ваше дружеское попечение, ибо я и в самом деле чрезвычайно хотел бы повидаться и познакомиться с этой удивительной, столь почитаемой мною дамой, и чрезвычайно был бы рад, если бы она пожелала потратить ради меня эти несколько часов пути. Путешествие уже приучило ее к условиям куда худшим, чем найдет она здесь. Направляйте же все эти события Вашей мягкой дружеской рукой и тотчас же пришлите мне нарочного, коль скоро произойдет что-либо важное.

Мои добрые пожелания всему тому, что породит Ваше уединение согласно Вашему желанию и воле! Я плыву в чуждых водах, а точнее, я бы сказал, барахтаюсь в них — с внешними утратами и без малейшего удовлетворения внутри или извне. Но поскольку мы теперь, как я постигаю все отчетливее благодаря Полигноту и Гомеру, можем представить себе ад здесь, наверху, то и это может сойти за какую-то жизнь. Тысяча приветов — в небесном смысле.

Г.

Иена, 13 декабря 1803 года.

935. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 14 декабря 1803 года

Возразить что-либо против Ваших доводов относительно того, почему Вы не приедете сюда сейчас, просто невозможно, и я постарался к тому же поубедительнее изложить их герцогу. И госпоже де Сталь тоже будет гораздо приятнее увидеть Вас, не омраченного заботами, и Вам самим в другой обстановке доставит подлинное удовольствие это знакомство, которое иначе обернется лишь невыносимым бременем.

Я принимаю подлинное участие в Ваших нынешних делах, которые стали уже некоторой необходимостью, даже если они ничего не создают и не основывают в Вашем внутреннем мире. Мои дела¹ также идут своим чередом, и тут наконец начало кое-что получаться. Но поскольку меня торопят и теребят из Берлина² и, таким образом, постоянно напоминают мне о драконе, который сжует и проглотит мое создание еще теплым, едва лишь

оно выйдет из-под моего пера, то это не придает мне особого мужества. Совсем недавно благодаря отчету Кордемана³, я вновь самым наглядным образом ощутил всю ничтожность берлинского театра.

Теперь уже несомненно, что Бёттигер едет в Берлин⁴, и мы можем от всего сердца пожелать ему счастливого пути. Лишь бы удалось найти ему удачного преемника! Я подумываю о Римере⁵; весьма желательно было бы удержать здесь такого человека.

Будьте здоровы и жизнерадостны и обойдитесь поделкатнее с паломницей⁶, которая стремится к Вам. Как только я узнаю какие-нибудь подробности, то сообщу Вам.

Ш.

Герцог изволил ответить мне, что сам напишет Вам и поговорит сегодня со мною в театре. Стойте только на своем, даже если он и не сразу примирится с Вашим решением.

936. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 21 декабря 1803 года

Мгновенная и поистине изнурительная смена продуктивного уединения и самых разнородных светских развлечений настолько утомила меня за последнюю неделю, что я никак не мог взяться за перо и поручал жене наглядно изобразить Вам наши обстоятельства¹.

Госпожа де Сталь предстанет перед Вами точно такой, какой Вы ее представляли себе а priori. Это — чрезвычайно цельная натура, без единой чуждой, фальшивой или патологической черты. В силу этого, невзирая на бесконечное различие в характере и образе мышления, с нею чувствуешь себя превосходно, можешь выслушать от нее все и сказать ей все. Она ясно и в необычайно интересном свете демонстрирует *французский* склад ума. Во всем том, что мы называем философией, а следовательно, во всех конечных и высших инстанциях с ней вступаешь в противоречия и остаешься при них, несмотря на все доводы. Однако ее искренность и чувства лучше, нежели ее метафизика, а ее превосходный ум возвышается до гениальности. Она хочет все постичь, объяснить и взвесить, она не признает ничего неясного и недоступного, и то, что она не может осветить своим факелом, для нее не существует. Поэтому она испытывает ужасный страх перед идеалистической философией,

которая, по ее мнению, ведет к мистике и к суевериям, а это та удушливая атмосфера, в которой она погибает. Для нее не имеет никакого смысла то, что мы называем *поэзией*, она может постичь в подобных произведениях лишь страстное, риторическое и всеобщее; однако она не примет ничего фальшивого, хотя подлинное распознает не всегда. Из этих немногих слов Вы увидите, что ясность, решительность и одухотворенная живость ее природы могут воздействовать на окружающих самым благотворным образом; единственное, что удручает, так это совершенно необыкновенная беглость ее речи: нужно просто превратиться в орган слуха, чтобы следовать за ней. Но если даже я, при моем небольшом навыке во французской разговорной речи, вполне сносно могу общаться с нею, то при Вашем большом опыте беседа с ней не составит никакого труда.

Я предложил бы Вам приехать сюда в субботу² для первого знакомства с нею, а затем снова уехать в воскресенье, чтобы закончить свои дела в Иене. Если мадам де Сталь останется здесь и после Нового года, то Вы еще застанете ее в Веймаре; если же она уедет раньше, то уж как-нибудь сумеет посетить Вас до этого в Иене. Все сводится теперь к тому, чтобы Вы поскорее получили некоторое представление о ней и избавились от определенного предубеждения. Если Вы сможете приехать еще до субботы, тем лучше.

Будьте здоровы. Разумеется, за эту неделю моя работа не слишком-то продвинулась вперед, и все же не приостановилась. Очень жаль, что это интересное явление представало перед нами в такое неудачное время, когда нас угнетают неотложные дела, скверное время года и печальные события³, а полностью подняться надо всем этим невозможно.

Ш.

937. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вот, дорогой друг, пробные листы программы¹, переплетенные в виде папок с делами,— до тех пор, пока я не смогу прислать Вам более удачный экземпляр. Быть может, наши усилия вызовут у Вас некоторое одобрение.

Сегодня вечером я не иду в театр, а как обстоят дела у Вас? Не пожелали бы Вы навестить меня в восемь часов

и дождаться у меня Вольфа ²; который, вероятно, захочет посмотреть пьесу?

Г.

Веймар, 31 декабря 1803 года.

938. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 31 декабря 1803 года]

Я уже собирался спросить у Вас, как Вы намереваетесь провести этот вечер, как пришло Ваше послание, очень меня обрадовавшее. Программа насыщена содержанием и жизнью и до предела исполнена ощущением мира идей. Раздел о Полигноте выглядит превосходно и, кажется, возвещает некий новый день. Подробнее — при встрече, я появлюсь у Вас в восемь часов.

Будьте так добры прислать мне счет за рисунки, оставленные для Вольцогена, чтобы я тотчас же оплатил его.

Ш.

939. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ.

Прилагаемый листок я хотел отослать отдельно, когда в мои руки вновь попали баллады¹, уже побывавшие у меня некоторое время тому назад; в них есть кое-что удачное, хотя в целом они не слишком удачны, и я хотел бы услышать Ваш отзыв.

Г.

Веймар, 4 января 1804 года.

940. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, между 5 и 7 января 1804 года]

Мне кажется, что в крайнем случае «Митридат»¹ может быть использован в качестве пьесы для дня рождения: ничего лучшего у нас нет, а пьеса эта все-таки предлагает серьезное и возвышенное зрелище. Поэтому вчера я деятельно принялся за рукопись, лежавшую у меня без движения, и передал первый акт со всеми моими пометками Боде, который в настоящую минуту занят переделкой отмеченных мест. Если он справится с этим (что выяснится в течение нескольких дней), то в конце будущей недели можно будет переписать пьесу и распределить роли, так что на разучивание ее еще останется две недели.

Гейст сказал вчера, что концерт и ужин в ратуше снова отменены. Поскольку я официально не уведомлен об этом, то попрошу рассказать мне при встрече в нескольких словах, как обстоит здесь дело. Посылаю Мейеру «Августеум»². Я ничего не слышал о госпоже де Сталь; надеюсь, что ее занимает сейчас господин Бенжамен Констан³. Дорого бы я дал за то, чтобы в течение ближайших четырех недель располагать покоем, свободой и здоровьем, — тогда бы я значительно продвинулся вперед.

Ш.

941. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 10 января 1804 года]

Когда я вчера ночью вернулся домой, то внезапно вспомнил, что обещал господину Генасту новые загадки для завтрашнего спектакля «Турандот»¹, и, чтобы хоть как-то сдержать слово, постарался еще перед сном изложить в стихах несколько идей; таким образом, тот драгоценный гость², которого Вы сунули в мой карман, попал в мои руки только сейчас, по пробуждении, и я изложу Вам мой отчет о нем нынешним вечером.

Новых актеров труппы я постараюсь самым полезным образом занять в «Деве».

Ш.

942. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 13 января 1804 года

Осведомляясь о Вашем здоровье, хочу в то же время спросить, есть ли у Вас сейчас настроение и склонность к тому, чтобы уделить внимание чему-либо поэтическому. В таком случае я послал бы Вам обширный первый акт «Телля», который вынужден буду вскоре отправить Иффланду, но не хотел бы выпускать из рук, не выслушав Ваше суждение. При всех тех неблагоприятных обстоятельствах, что накопились в этом месяце, работа моя все же довольно сносно продвигается вперед, и я надеюсь, что полностью закончу ее к концу будущего месяца.

Рецензия¹, которую Вы прислали мне, показалась мне совершенно безвкусной и не слишком вразумительной; боюсь, что такие печальные случаи еще не раз встретятся Вам. Мне не удалось извлечь отсюда хоть какое-то представление о рецензируемой книге.

С госпожой де Сталь я виделся вчера у себя, а сегодня увижу ее у вдовствующей герцогини. С ней все обстоит по-старому, и тут вспоминается бочка Данаид, если даже не Окн с его ослом².

Ш.

943. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Это, разумеется, не просто первый акт, а целая пьеса, и притом превосходная; поздравляю Вас от всего сердца и надеюсь вскоре увидеть остальное. На первый взгляд здесь все в порядке, а это главное, если говорить о работе, рассчитанной на определенный эффект. Я отметил только два места; в одном случае я хотел бы, чтобы там, где у

меня отчеркнуто, был бы добавлен еще один стих, потому что иначе смена происходит слишком быстро.

Относительно другого места замечу вот что: швейцарец не испытывает тоску по родине, услышав на чужбине звук пастушьего рога, ибо, насколько я знаю, нигде больше таких рогов не бывает; но именно потому, что он его не слышит, слух его испытывает потребность в этом юношеском впечатлении. Однако я не вполне уверен во всем этом. Будьте здоровы и продолжайте привлекать наше внимание к жизненно важным вопросам Вашей прекрасной деятельности; отважно спускайтесь в Аид светского общества и искусно плетите крепкий канат из камыша и тростника¹, чтобы было что жевать.

Поклон и наилучшие пожелания.

Г.

Веймар, 13 января 1804 года.

944. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 14 января 1804 года]

То, что Вы довольны началом «Телля», служит мне великим утешением, в котором я особенно нуждаюсь в нынешней удушливой атмосфере. В понедельник я пошлю Вам «Рютли»¹; этот акт сейчас переписывают набело, и его можно читать как нечто цельное.

Я с нетерпением жду встречи с Вами. Когда Вы вновь распахнете Ваши ворота²?

Сегодня впервые за месяц у меня снова появилось желание побывать в театре. За все это время у меня не возникало подобных побуждений, тем более что тут по большей части игрались вещи моей выделки³.

Мадам де Сталь собирается пробыть здесь еще три недели. При всем своем французском непостоянстве она, боюсь, изведает на собственном опыте, что мы, веймарские немцы, тоже переменчивый народ и что нужно уметь уходить вовремя.

Дайте мне перед сном услышать хотя бы несколько слов от Вас.

Ш.

945. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

В ответ на Ваше дружеское вечернее послание скажу, что и я всем сердцем хочу поскорее увидеть Вас, и тем не

менее вынужден еще побережся. Вчерашняя беседа с господином тайным советником Фойгтом весьма дурно отразилась на мне. Только теперь я почувствовал, что очень слаб.

Ваше вступление¹ доставило мне подлинную радость и вместе с тем утомило меня. Очень хорошо, что Вы тоже выразите протест против назойливой соседки², причем тем же самым образом, иначе положение станет совершенно невыносимым.

Поскольку я болен и угрюм, то еще менее, чем когда-либо, способен вести такие беседы. Тут поистине впадаешь в грех против святого духа, если хотя бы в мелочах просто поддакиваешь ей. Если бы она прошла школу Жан-Поля, то не задержалась бы так долго в Веймаре, — но, впрочем, пусть она на свой страх и риск проживет здесь еще три недели.

Все это время я не оставлял своих занятий и хотя ничего не закончил, однако кое-что делал и изучал; мне только необходимо менять объекты и делать перерывы.

Прибывшие сюда пейзажи Гакерта также доставили мне радостное утро; это поистине исключительные произведения, о которых даже и в том случае, если они и вызывают некоторые возражения, следует все же сказать, что ни один из ныне живущих живописцев не сумел бы создать подобное и что определенные детали вообще не могли быть выполнены лучше³.

Будьте здоровы. Если Вы поедете завтра ко двору, то загляните до этого ко мне на несколько минут; моя карета может заехать за Вами и дожидаться Вас сколь угодно долго.

«Рютли» доставит мне большую радость. Мне теперь не терпится увидеть цельным то, что так удачно выполнено в частностях.

Г.

[Веймар, 14 января 1804 года.]

946. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, 17 января 1804 года

Болезнь, которой я не могу пренебречь и которая прежде всего мешает мне *выходить* из дома, со вчерашнего дня приковывает меня к дивану и является причиной того, что я вынужден пропустить сегодняшний

обед у мадам де Сталь, равно как и вечерний концерт. К сожалению, при этом я несколько не выигрываю в своей работе, так как болезнь очень отражается на голове. Поскольку моя жена тоже не выходит из дома из-за жестокого кашля, то будьте так добры извиниться за нас в случае необходимости перед serenissimo * за отсутствие на концерте.

Я с большим интересом прочитал газетные выпуски ¹. Начало в виде теологического резюме ² превосходно и при самом свободном выборе не могло бы, пожалуй, оказаться более значительным. Рецензия на книгу Сарториуса ³ очень содержательная и дельная: следует простить автору его вступление, риторическое и ad extra **, поскольку он сам впоследствии с необычайной наивностью аннулирует его. О «Челлини» можно и должно было бы сказать больше ⁴, и все же это предварительное, пусть даже не вполне удовлетворительное извещение окажется полезным для сбыта книги.

Доклад о философии ⁵ в приложении очень порадовал меня, да и вообще это удачная идея; мне не терпится увидеть продолжение. Несколько таких выступлений по философским предметам того же автора подготовят изменения в общественном мнении относительно философии. К стыду для своей проницательности должен признаться, что все еще не могу догадаться об имени автора.

Иоганнес Мюллер ⁶ сейчас совсем неподалеку от нас; Кёрнер в письме, полученном сегодня, сообщает мне, что Мюллер был у них и вскоре прибудет к нам. Кёрнер не считает окончательно решенным вопрос о назначении Бёттигера в Дрездене ⁷, поскольку там знают о приглашении в Берлин и никоим образом не хотели бы вступать в конфликт из-за этого.

Мадам де Сталь известила сегодня мою жену о своем скором отъезде, а вместе с тем и о вполне возможном возвращении в Веймар на обратном пути.

Дайте мне знать, как обстоят Ваши дела. Сегодня после полудня у меня дома состоится пробная читка «Митридата»: я все-таки не хотел бы пренебрегать сейчас чем-либо значительным.

Ш.

* его высочеством (латин.).

** [преувеличенное] до крайности (латин.).

947. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Нехорошо, что и Вы теперь страдаете физически; следовало бы, когда чувствуешь себя неважно, брать на себя и недуги своих друзей, что я очень охотно сделал бы при нынешнем своем состоянии.

Меня очень успокоил Ваш одобрительный отзыв о первых выпусках газеты. В подобных предприятиях почти все случайно, а в то же время должно подаваться и выглядеть как нечто продуманное. Пока что дело движется удачно, и если Вы пожелаете принять в нем некоторое участие, то очень поможете ему; для начала пригодились бы отнюдь не преднамеренные и обстоятельные рецензии ex professo *, но — от случая к случаю — остроумные рассуждения по поводу той или иной книги, которую все равно приходится читать. Да и я, пожалуй, заслуживаю, чтобы мне оказали некоторую поддержку, ибо, говоря по совести, все четыре прошедших месяца я один влачил этот кошмар.

Меня очень радует также, что Вы удовлетворены кратким введением в философию народов¹. Если нам удастся утвердить нечто подобное и в других областях, прежде чем перейти к частностям, то это будет интересно и поучительно во всех отношениях. Угадать автора было бы очень трудно, ибо он пока не составил себе имени. Вообще же я имел здесь случай убедиться в том, что в Германии весьма распространена определенная высшая образованность, обладатели которой мало-помалу начинают тянуться к нам.

Благодарю за то, что Вы взяли на себя пробную читку «Митридата»; напишите мне, пожалуйста, о том, как она прошла и какую участь Вы вообще предрекаете этой пьесе.

Желаю Вам самого доброго вечера.

Г.

[Веймар, 17 января 1804 года.]

948. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 17 января 1804 года]

Костюмы и живость сценического исполнения смогут еще украсить «Митридата». Если бы не стремление научиться чему-либо на таких изживших себя пьесах или

* по роду своих занятий (латин.).

по крайней мере еще сильнее укрепиться в прежних своих воззрениях, то вообще не стоило бы тратить на них время и усилия. Уже на пробной читке ясно ощущалась вся пустопорожность, половинчатость и невыразительность этой манеры.

Вы ничего не написали мне о «Рютли»¹. Если у Вас есть какие-либо замечания, то пришлите мне рукопись завтра утром, потому что в пятницу я должен отослать ее.

Поправляйтесь поскорее!

Ш.

949. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Возвращаю при сем «Рютли»; здесь все заслуживает одобрения и похвалы. Мысль изобразить здесь общинную сходку великолепна как сама по себе, так и из-за той широты, которая тут достигается. Мне не терпится увидеть остальное. Успеха Вам в завершении работы!

Г.

Веймар, 18 января 1804 года.

950. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я только сейчас собрался спросить, как обстоят Ваши дела,— при столь долгой разлуке под конец начинаешь вести себя как-то странно.

Сегодня я впервые принимал у себя мадам де Сталь и остался при прежнем ощущении; невзирая на всю свою учтивость, она, однако, держится довольно грубо для путешественницы к гипербореям, чьи могучие древние ели и дубы, железо и янтарь отлично могут еще послужить как для пользы, так и для украшения, и тем не менее она вынуждает окружающих извлекать старые ковры для подарков и заржавленное оружие для защиты.

Вчера я виделся с Мюллером¹; быть может, сегодня он придет ко мне снова. Я передам ему привет от Вас. Он, разумеется, удручен видом веймарского лазарета, ибо это и в самом деле безотрадное зрелище, когда сам герцог не покидает комнаты. При всех этих невзгодах у меня есть то утешение, что Вы не прервали свою работу, ибо из всего представляющегося моему взору только это и было бы непоправимым; ведь то небольшое, что делаю я, может в крайнем случае остаться неосу-

ществленным. Поберегите же себя до тех пор, пока не сможете вернуться к своей деятельности в полной мере. Относительно Мюллера Вы кое-что еще услышите завтра в соответствующее время. Всего наилучшего.

Г.

Веймар, 23 января 1804 года.

Последние номера «Литературной газеты» я тоже, вероятно, смогу прислать Вам еще сегодня вечером.

951. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаю к сему последние номера с просьбой отослать их затем Мейеру; в особенности рекомендую Вашему вниманию № 13¹. Поистине нет ничего нового под солнцем! И разве не заверяла меня с величайшим простодушием наша замечательная путешественница сегодня утром, что она опубликует все мои высказывания, какими только располагает! Это известие о письмах Руссо поистине предвещает ту скверную шутку, которую сыграет со мной нынешняя дама. Увидеть себя самого и карикатурные французские дамские потуги в {бриллиантовом }
{алмазном }

зеркале! Желаю Вам всяческого благополучия.

Г.

[Веймар, 23 января 1804 года.]

952. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Еще один вечерний запрос о том, как Вы себя чувствуете. Сегодня вечером Иоганнес фон Мюллер побывал у меня и очень порадовался моему нумизматическому собранию. Поскольку он столь неожиданно для себя встретил тут давних своих знакомцев, то ясно обнаружилось, насколько он владеет историей, ибо даже многие второстепенные фигуры были отлично известны ему, и он был осведомлен об их обстоятельствах и взаимосвязях. Я хотел бы услышать, что швейцарские герои отважно противостоят Вашему нездоровью.

Г.

[Веймар, 24 января 1804 года.]

953. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 24 января 1804 года]

Благодарю Вас за дружеский вечерний привет. Сегодня я при самых благих намерениях не слишком продвинулся вперед, так как меня сильно мучает бессонница. К тому же я ощущаю последствия долгого затворничества — вялость и скованность духа. Мне нужно поскорее выбрать на свежий воздух.

Рад был услышать, что Мюллер останется здесь по крайней мере на несколько недель.

Видели ли Вы уже «Всеобщую литературную газету»? Она открывается рецензией на «Побочную дочь»¹, которая выполнена в самом благожелательном тоне и даже не обнаруживает скрытых следов коварства. По-видимому, эти господа либо намереваются сотворить нечто значительное, коль скоро прилагают такие усилия к тому, чтобы проявить беспристрастность, либо копят раскаленные угли на Вашу голову. В остальном же в газете мало любопытного.

Будьте здоровы.

Ш.

954. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 26 января 1804 года

Мой свояк сердечно Вам кланяется. Помолвку отпраздновали на Новый год по русскому календарю или 13 января по нашему¹. Свадьба состоится в феврале.

Котта весьма настоятельно осведомляется о продолжении «Побочной дочери»². Если бы я только мог подать ему какую-то надежду!

Он пишет мне, что мой экземпляр «Всеобщей газеты», который до сих пор неизменно приходил через Иену³, будет впредь прилагаться к Вашему. Быть может, он уже начал делать это; в таком случае попрошу прислать мне газету.

Пришлите мне, пожалуйста, словарь Аделунга⁴, если он Вам больше не нужен. У меня накопились всевозможные вопросы к этому оракулу. Прилагаю небольшую поэтическую загадку для дешифровки⁵.

Что Вы собираетесь делать сегодня и завтра? Давно обещанное французское чтение мадам де Сталь должно, как я слышал, состояться завтра. Но если Вы останетесь

завтра вечером дома и если у Вас будет настроение, то я напрошусь к Вам в гости, ибо просто жажду видеть Вас.

Ш.

955. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Госпожа де Сталь была у меня сегодня вместе с Мюллером, а вскоре пришел и герцог, вследствие чего беседа оказалась весьма оживленной, а от намерения проглянуть перевод «Рыбака»¹ пришлось отказаться.

Посылаю при сем свой экземпляр Аделунга; простите мне, что Вашу книгу я бережно упаковал и послал Фоссу, который очень нуждался в ней для рецензии на «Грамматические диалоги» Клопштока². Одновременно прилагаю первые номера газет за исключением первого и второго, а также некоторых других, которые я еще не получил.

Ваше стихотворение³ весьма искусно изображает подъем на Сен-Готард (допуская при этом и другие толкования) и очень хорошо подходит к «Теллю».

Завтра вечером в пять часов ко мне придет Констанс; если Вы пожелаете навестить меня попозже, я буду очень рад.

Желаю Вам доброго сна.

[Г.]

[Веймар,] 26 января 1804 года.

956. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Осведомляясь о том, как Вы себя чувствуете, хочу в доказательство того, что мне живется вполне сносно (при условии, что я остаюсь дома), сообщить Вам о двух произведениях искусства, присланных мне.

Во-первых, картина¹, принадлежащая какому-то старому маньеристу XVII века и изображающая женщин, которые обнажают свое тело, стремясь удержать отступающих воинов и повернуть их на врага; здесь так много духа, настроения и удач, что картина доставляет подлинное удовольствие.

Во-вторых, пьеса Кальдерона о португальском принце Фернандо², который умирает в рабстве в Фесе, потому что не хочет сдачи Сеуты, требуемой в качестве выкупа за его свободу. Как и в предыдущих пьесах, здесь мно-

гое по различным причинам мешает наслаждению в частностях, особенно при первом чтении; когда же все остается позади и идея возникает перед твоими глазами, словно феникс из пламени, то кажется, будто тебе никогда еще не доводилось читать столь замечательной вещи. Ее, несомненно, можно поставить рядом с «Поклонением кресту»³ и даже несколько выше — вероятно, по той причине, что читаешь ее напоследок и что здесь как сюжет, так и исполнение привлекательнее в высшем смысле. Я мог бы даже сказать, что если бы внезапно утратилась вся поэзия на свете, то ее можно было бы возродить благодаря одной этой пьесе.

Если Вы присовокупите теперь к этим благоприятным явлениям еще один акт «Телля», то меня не опечалит никакой недуг.

От всей души желаю Вам покоя ночью и доброго настроения днем.

Г.

Веймар, 28 января 1804 года.

957. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 28 января 1804 года]

В том уединении, в котором я провел весь нынешний день, подобный дружеский вечерний привет действует поистине как бальзам, — Вы меня просто балуете. Обе новинки очень меня заинтересовали. Сюжет картины кажется мне блистательным и вполне подходящим для того, чтобы создать перворазрядное произведение искусства, ибо он соединяет чувственное воплощение двух совершенно противоположных состояний.

Я не смогу сообщить Вам ни о чем подобном. Помимо работы, которая движется медленно, но хотя бы не останавливается, я читаю записки одного славного мореплавателя¹, которые ведут меня по водам Средиземного моря и Индийского океана и которые довольно значительны в своем роде. Спокойной ночи, я надеюсь, что вскоре смогу прислать Вам еще что-нибудь.

Ш.

958. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вместе с наилучшими пожеланиями посылаю Вам следующее:

Во-первых, три номера «Всеобщей газеты», из которых один особенно важен из-за примечательной школьной хрии .

2. Несколько ролей в «Макбете», которые еще предстоит распределить, в связи с чем я посылаю и общий план распределения.

3. Вашу прекрасную «Горную песню».

4. Новый и, боюсь, неудачный опыт переделки греческой трагедии ²; в особенности неудачным кажется мне последовательное сочетание тяжелой для нашего восприятия поступи древнего триметра с рифмованными хорами.

Если Вы пожелаете навестить меня сегодня вечером, то укажите подателю сего час, когда нужно будет подать карету.

Г.

Веймар, 8 февраля 1804 года.

959. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 8 февраля 1804 года]

Сердечно благодарю Вас за все присланное. Поставить в нашем театре греческую пьесу — дело сложное, и я советовал бы отклонить произведение, даже не рассматривая его. Не говорили ли с Вами об идее Виланда относительно постановки «Елены» Еврипида, где партия хора должна была бы сопровождаться игрой на флейте ¹? Я слышал об этом уже недель пять тому назад, но забыл спросить Вас.

Поскольку у меня сегодня отличное настроение для работы, то я собираюсь продлить себе вечер и сомневаюсь в том, что смогу выйти из дома. К сожалению, я должен еще и возместить потерю следующего дня, так как завтра мне придется обедать у мадам де Сталь. Ваше письмо к моему свояку я отправил вчера и настоятельно рекомендовал ему обдумать его содержание ².

Ш.

960. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вновь посылая Вам газеты, осведомлюсь, не буду ли я иметь удовольствие видеть Вас у меня сегодня вечером. Госпожа де Сталь и господин Констан придут после пяти. Я распоряжусь об ужине на тот случай, если гости

пожелают остаться; было бы превосходно, если бы Вы присоединились к обществу.

Г.

Веймар, 16 февраля 1804 года.

Укажите час, когда нужно будет подать карету.

961. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 16 февраля 1804 года]

Я теперь близок к цели¹ и вынужден поэтому самым тщательным образом оберегать себя от всего того, что похитит или омрачит настроение, столь необходимое мне напоследок, и в особенности — от всех французских друзей. Так что простите меня, дорогой мой друг, с той евангельско-христианской любовью, какую я в равной степени готов буду проявить к Вам в подобных случаях.

Ш.

962. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 19 февраля 1804 года]

Посылаю при сем мою работу; в нынешних обстоятельствах я не знаю, что еще можно было бы здесь сделать. Верните ее мне, пожалуйста, когда прочтете, потому что переписчик ждет рукопись.

Если пьесу дадут к Пасхе, то мы должны постараться покончить со всеми приготовлениями еще за неделю до праздника, чтобы успеть воспользоваться присутствием Циммермана¹, а также, имея в виду сборы, нынешним положением в Иене, которое может измениться после Пасхи. В этом случае нужно было бы поскорее принять решение относительно приобретения костюмов и подготовки необходимых декораций; нужно было бы также отложить «Макбета»². Разучивание ролей не составит особых трудностей, поскольку самая большая из них не слишком значительного объема.

Прилагаю к сему мои предположения относительно распределения ролей. Вы увидите отсюда, как трудно было бы заменить Циммермана. Если же нам придется обходиться без него после Пасхи, то пусть уж тогда пьеса пойдет позже, даже если первое впечатление окажется безотрадным.

На меня дурно подействовали все эти заботы, а также нога, так что я вынужден буду еще несколько дней

побыть дома. Но если Вы поговорите с Беккером и Геннастом, равно как и с Мейером и Гейделоффом, то дело может пойти.

Ш.

963. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я как раз собирался осведомиться о Вашем здоровье и о Вашей работе, ибо отсутствие каких бы то ни было вестей от Вас стало под конец слишком уж тягостным для меня. При виде пьесы и плана распределения ролей я был очень обрадован. Полагаю, что спектакль можно было бы подготовить до Пасхи, хотя времени у нас в обрез; во всяком случае, следует ускорить переписку ролей. Думаю, что нужно будет усадить за работу несколько переписчиков, которые одновременно примутся за дело. Но об этом — позже, когда я прочитаю пьесу. Пока же примите мою глубокую и искреннюю благодарность.

Г.

Веймар, 19 февраля 1804 года.

964. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Пьеса необыкновенно удалась и подарила мне прекрасный вечер. У меня возникли некоторые сомнения относительно возможности ее постановки до Пасхи. Если Вы сможете выйти из дома в двенадцать часов, то я заеду за Вами.

Г.

[Веймар,] 21 февраля 1804 года.

965. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 24 февраля 1804 года]

Посылаю при сем роли из «Телля» вместе с планом их распределения и попрошу Вас теперь распорядиться о дальнейшем.

Я ввел три новые женские роли¹, чтобы занять в пьесе трех оставшихся актрис, поскольку им не хотелось бы оказаться лишь статистками. Мюллер² все еще в отъезде.

Сегодня вечером мы увидимся у мадам. Вчера нам очень недоставало Вас, так как происходило много смешного, над чем мы еще позабудемся с Вами в будущем.

Ш.

966. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, начало марта 1804 года]

Меня очень утешает то, что Вы позаботитесь о «Телле». Если только я почувствую себя лучше, то непременно приду; с тех пор как мы виделись на пробной читке, я болею, так как погода очень угнетает меня, а к тому же после отъезда нашей приятельницы я испытываю такой упадок сил, словно перенес серьезную болезнь.

Ш.

967. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Не смогли бы Вы посмотреть два первых акта? Там, где приплетена чистая бумага, отсутствует сцена между Вейслингеном и Адельгейд. Если у Вас не будет никаких замечаний, то я хотя бы распорядюсь заранее переписать роли.

Г.

[Веймар,] 12 марта 1804 года.

968. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 15 марта 1804 года]

Будьте так добры проглядеть сейчас спорное место, — может ли оно остаться таким. Попытаться сделать более значительное изменение теперь, разумеется, невозможно, но я надеюсь, что здесь уже нет ничего непозволительного.

Если у Вас не будет никаких замечаний, то верните мне лист, чтобы я тотчас же смог внести необходимые поправки в роли для сегодняшней репетиции.

Ш.

969. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Сообщите мне, пожалуйста, как обстоят дела у Вас и у Ваших домашних? Придете ли Вы сегодня на «Гуситов»? Или Вы порадуете меня сегодня вечером своим визитом — или же Ваши обстоятельства вынуждают Вас к чему-либо другому?

Г.

Веймар, 2 апреля 1804 года.

970. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 4 апреля 1804 года]

Рецензия¹ глубока по замыслу и ясно написана; подобное согласие в основных принципах должно по справедливости радовать меня, даже если отдельные частности здесь еще вызывают возражения. Полагаю, что и в этом я, пожалуй, еще достигну единогласия со столь близким по духу знатоком искусства.

Подробнее — при встрече. Если Вы не заняты ничем другим, то я появлюсь у Вас сегодня вечером в семь часов. Пригласить Вас к себе домой, в этот лазарет с кашляющими больными, я пока что не могу.

971. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Господин доктор Кольрауш, ганноверец, который едет из Рима и сопровождает госпожу фон Гумбольдт¹, желает представиться Вам. Он, конечно, будет Вам интересен и расскажет Вам о Гумбольдте и об итальянских делах.

Не могу сообщить Вам ничего нового, потому что я мало что узнал за это время и еще меньше сделал. Машина все еще без движения.

Что же касается незанятых ролей, то здесь я отчасти нашел выход. Со всем прочим можно подождать до Вашего возвращения².

Neautontimonimenes³ был сегодня показан и также погребен. Никто не хлопал, и зал был пуст. Надеюсь, теперь наш друг оставит в покое Теренция.

Будьте здоровы и возвращайтесь поскорее. Все мои домашние кланяются Вам.

Шиллер

[Веймар,] 30 мая 1804 года.

972. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 5 июня 1804 года]

Вчера вечером я говорил Вам о просьбе¹, с которой я обратился к герцогу, а сегодня утром пришла его записка, прилагаемая здесь, которая исполнена самого благожелательного отношения ко мне. Ее тон укрепляет меня в надежде на то, что герцог намерен серьезно помочь мне и даровать мне такое положение, при котором я могу рассчитывать на значительное улучшение моих *rem familiarem* *.

* домашних дел (латин.).

Мне требуется 2000 талеров в год, чтобы прилично жить здесь. Пока что я имел примерно две трети этого, 1400—1500 талеров, включая и мои литературные доходы. Таким образом, я с легкостью буду прикладывать ежегодно 1000 талеров со своей стороны, если только смогу твердо рассчитывать на оклад в ту же сумму. Если обстоятельства не позволяют тотчас же увеличить мое жалованье с 400 до 1000 талеров, то я полагаюсь на милостивое расположение герцога в том, что сейчас он даст свое согласие на 800, а через несколько лет — и на всю 1000 талеров. Скажите мне, дорогой друг, знающий мои обстоятельства и здешние условия, что Вы думаете об этом деле и считаете ли Вы, что я могу, не навлекая на себя упрека в нескромности, объясниться с герцогом о подобных суммах?

Ш.

973. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Не могли бы Вы сообщить мне, как Вы располагаете нынешним днем? Примерно до семи часов я буду в саду, а после этого дома.

Г.

[Веймар,] 19 июня 1804 года.

974. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Веймар, между 10 и 12 июля 1804 года
Благодарю Вас за прекрасные вещи¹, которые я верну Вам сегодня вечером, если Вы сможете принять меня. Поездка в Иену состоится через шесть или семь дней²; до этого мы надеемся еще видеть Вас у себя в один из вечеров.

И наконец, «Шарлотта Корде»³, за которую я принимаюсь хотя с сомнениями и тревогой, но и с великим любопытством.

Ш.

975. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

С некоторых пор я не распечатывал пакеты со «Всеобщей газетой», а ведь там находились и Ваши экземпляры. Прилагаю их для Вашего развлечения.

За это время я не оставлял «Гёца» и надеюсь иметь беловую рукопись и переписанные роли до того, как вернутся актеры¹; тогда мы с Вами оглядимся как следует и

подумаем о дальнейшем. Если объем здесь окажется хоть сколько-нибудь приемлемым, то об остальном я не беспокоюсь.

Напишите мне, что Вы деятельны и что Ваши домашние здоровы.

Благодарю Вас за то, что Вы радушно приняли Эйхштедта², чем доставили ему большую радость.

Будьте здоровы и не забывайте меня.

Г.

Веймар, 25 июля 1804 года.

976. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Иена, 3 августа 1804 года

Я перенес жестокий приступ болезни, и дело легко могло обернуться очень скверно, однако опасность, к счастью, устранена, мне теперь много лучше, и только эта невыносимая жара не дает мне собраться с силами. Эта неожиданная и сильная нервная слабость в такое время года просто убийственна, однако за последнюю неделю я чувствую, что болезнь уже оставляет меня; сил едва ли прибавилось, однако голова уже довольно ясная, и аппетит совершенно восстановился.

Я очень рад был услышать, что Вы уже так сильно продвинулись вперед с «Гёцом фон Берлихингеном» и что мы, таким образом, с уверенностью можем рассчитывать на этот театральный праздник.

Граф Гесслер¹ сейчас здесь и останется, вероятно, еще на неделю. Быть может, и Вы приедете сюда в эти дни?

С рецензией Боде² на Коцебу дело действительно приобретает неприятный оборот, однако нельзя братья за издание подобной литературной газеты, если воспринимать все настолько серьезно. Мне кажется, таким образом, что вещь эту, бог с ней, можно будет напечатать *mutatis mutandis** и в особенности — с сокращениями: ведь она по крайней мере напоминает об основных претензиях к Коцебу и хотя не вполне удовлетворительна, но, уж во всяком случае, не фальшива.

Прилагаемые ноты музыки к «Теллю»³ мне прислали из Берлина. Попросите, пожалуйста, Детуша или кого-

* с необходимыми поправками (латин.).

нибудь другого сыграть ее Вам при случае и посмотрите, что она собой представляет.

Все мои домашние здоровы и сердечно Вам кланяются. Будьте здоровы.

Ш.

Передайте мой поклон всем друзьям, и особенно госпоже фон Штейн.

977. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я был необыкновенно рад вновь увидеть Ваш почерк. Ваша болезнь, о которой я узнал поздно, заставила меня ворчать и досадовать — так обычно проявляется мое огорчение. Сердечно рад тому, что дело идет на поправку. Только поберегите себя в эти жаркие дни.

Прилагаю письмо Цельтера, адресованное нам обоим. Вот чрезвычайно цельная и замечательная личность; ему бы следовало быть папой или кардиналом в самые суровые времена. Горько видеть, как он, выброшенный на этот песок, задыхается без своей родной стихии¹.

Граф Гесслер сердечно кланяется Вам; если удастся, я приеду в Иену на следующей неделе.

Что касается рецензии на Коцебу, то я охотно соглашусь с Вами. Посоветуйтесь с надворным советником Эйхштедтом, тогда можно будет выпустить и этот заряд.

Меня искренне заботит здоровье Ваших близких — как старших, так и самой младшей², и я надеюсь, что вскоре мы снова будем вместе.

Мои наилучшие пожелания госпоже фон Вольцоген.

Г.

Веймар, 5 августа 1804 года.

978. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Прилагаю к сему странное и, я бы даже сказал, печальное чтение¹. Если бы не это обилие фальшивых тенденций вокруг в сочетании с недоразвитым сознанием, то трудно было бы постичь, как удастся людям писать подобные странности. Я надеюсь сегодня увидеться с Вами.

Г.

[Веймар,] 10 сентября 1804 года.

979. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вот статья¹, возникающая благодаря вчерашним Вашим настояниям! Обдумайте ее, пожалуйста, и помогите мне Вашим добрым советом!

Г.

[Веймар,] 2 октября 1804 года.

980. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Если бы Вы вернули мне пьесу Рохлица «Лоренц Штарк»¹ и две другие, то я смог бы поразмыслить кое о чем в расчете на будущее. Подробнее — при встрече.

Гете

[Веймар,] 28 октября 1804 года.

981. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я не хотел бы помешать Вам и все же позволю себе осведомиться, как обстоят Ваши дела. Напишите мне хотя бы несколько слов. Не смогли бы мы встретиться завтра?

Г.

[Веймар,] 5 ноября 1804 года.

982. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Простите мне, дорогой мой друг, что я еще не ответил Вам относительно известного дела. В моей голове пока еще совершеннейший беспорядок.

Я только должен сообщить Вам, что Минерва Веллетри¹ прибыла благополучно; она, кажется, крайне изумлена своим участием в праздновании Рождества Христова. Всего Вам наилучшего.

Г.

[Веймар,] 20 декабря 1804 года.

983. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Осведомляясь о Вашем здоровье, хочу заодно рассказать Вам о нашем деле, чтобы Вы предварительно знали, в каком оно положении. Первую половину перевода¹ я надеюсь выполнить к середине января, вторую — к концу. Вместе с тем, что необходимо будет сказать здесь попутно, это составит значительный объем. Сначала входишь в воду и думаешь, что тут легко перейти вброд, но затем становится все глубже, так что приходится плыть. Бомба этого

диалога разрывается в самой сердцевине французской литературы, и тут необходима полная осведомленность о том, кого и как она задела. Кроме того, семидесятичетырехлетний Палиссо² еще жив, должно быть, если только не умер в прошлом году, так что тем более нужно остерегаться, чтобы не дать маху.

Кроме того, определенная критическая ориентация в самом диалоге дается труднее, чем я предполагал вначале. Пьеса, то есть «Философы», упоминается здесь как поставленная совсем недавно; ее впервые сыграли в Париже 20 мая 1760 года. Старик Рамо³ был еще жив тогда. Это, следовательно, указывает на период по крайней мере до 1764 года, когда он умер. Однако здесь упоминается и «Trois siècles de la littérature française» *⁴, книга, вышедшая лишь в 1772 году. Таким образом, можно предположить, что диалог был написан раньше, а затем подновлялся, вследствие чего и могли возникнуть подобные анахронизмы⁵. Но пока не разберешься в таких вещах, приходится постоянно наводить справки. Трудно определить, однако, когда будет закончено это добавление, потому что я должен подготовить до Пасхи и характеристику Винкельмана⁶, которую ведь тоже не напишешь экспромтом. Вот это я и счел своим долгом сообщить Вам на Ваше благоусмотрение. Вообще же я чувствую себя вполне сносно и не слишком праздно провожу свои дни, чего и Вам желаю в ожидании лучшего.

Гете

[Веймар,] 21 декабря [1804 года.]

984. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Я охотно навестил бы Вас сегодня, чтобы сообщить Вам, что работа быстро движется вперед, если бы только мог отважиться выйти из дома. Мне очень хотелось бы попросить Вашего совета по поводу некоторых своих сомнений. Я думаю, что все сделается само собой, следует только избегать какого-либо предварительного оповещения публики. Когда работа выйдет в свет, это произойдет неожиданно и без подготовки. Но об этом — при встрече.

Будьте здоровы и деятельны.

Г.

[Веймар, 24 декабря 1804 года.]

* «Три века французской литературы» (франц.).

985. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Вместе с моими наилучшими пожеланиями к Новому году посылаю Вам кипу пьес¹. Когда у Вас найдется доброе настроение просмотреть их, набросайте, пожалуйста, на листке бумаги несколько слов о каждой, — быть может, к чему-нибудь это да приведет в конце концов. Эльс не получил роли в «Федре»², не правда ли? Он просил об отпуске, который я тем охотнее предоставлю ему.

Не пришлете ли Вы мне хотя бы один-два акта? Срок приближается теперь с каждым днем.

Г.

[Веймар, 1 января 1805 года.]

986. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Напишите мне, дорогой друг, несколько слов о Вас и о Вашей работе. Мои попытки приблизиться к высшему и прекрасному миру удалась не самым лучшим образом. По крайней мере еще несколько дней я вынужден буду оставаться дома. И все же я могу ждать отрадных вестей от Вас, а вместе с тем осведомиться, не пожелает ли Ваша супруга вместе со своими приятельницами принять участие в завтрашнем празднестве у меня утром? Доброго здоровья и настроения!

Г.

[Веймар,] 9 января 1805 года.

Только что узнал, что их высочества¹ посетят нас завтра. Было бы просто превосходно, если бы Вы тоже решились присоединиться к нам.

987. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар,] 14 января 1805 года

Мне очень жаль было услышать, что Вы остаетесь дома не по доброй воле. К несчастью, всем нам плохо,

и благо еще тому, кто вынужден был постепенно приучаться переносить нездоровье. Я очень рад, что принял решение заняться каким-либо переводом и осуществил его¹. Таким образом, за эти дни невзгод хоть что-то да возникло, и я все-таки жил и действовал. Теперь же в течение ближайшей недели я отважусь выяснить, хватит ли у меня настроения, необходимого для моего «Деметрия»², хотя, конечно, и сомневаюсь, в этом. Если же это не удастся, то я вынужден буду искать новую полумеханическую работу.

Посылаю Вам при сем все переписанное набело. Завтра мой Рудольф³ покончит с остальным.

Не смогли бы Вы проглядеть эти первые листы, сверяясь иногда с оригиналом, и отметить карандашом то, что привлечет, быть может, Ваше внимание? Я хотел бы как можно скорее привести все это в порядок — еще до того, как начнут переписывать роли. Если за роли примутся послезавтра, то в воскресенье можно будет устроить пробную читку, так что до 30-го у нас останется еще десять дней.

Герцог разрешил мне прочитать *Mémoires* Мармонталя⁴, которые теперь у Вас. Поэтому прошу Вас прислать мне книгу, когда Вы прочитаете ее.

Великая княжна⁵ с большим увлечением рассказывала вчера о Вашем недавнем чтении. Она радуется тому, что увидит и услышит еще много Ваших произведений.

Будьте здоровы и поскорее дайте мне знать о себе.

Если у Вас не найдется настроения прочитать эти листы, то отошлите их мне обратно, чтобы я мог воспользоваться временем для переписки.

Ш.

988. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Поздравляю Вас со столь удачным использованием этого печального времени. Я с большим интересом прочитал все три акта. Действие развивается быстро и убедительно, а нарастающая страсть придает пьесе живость. Я возлагаю на нее большие надежды. Следует заметить и то, что некоторые основные сцены производят замечательный эффект, как только освоишься с мотивами. Слог в них Вам тоже удался необыкновенно. Вообще же я начал вписывать кое-где некоторые исправления. Однако

они касаются лишь тех случаев, когда в строке возникает гиятус¹ или когда вместо ямба появляются два коротких (безударных) слога; в обоих случаях и без того короткий стих оказывается еще короче, и я замечал на спектаклях, что в подобных местах, особенно если они патетичны, актер словно бы запинаясь и утрачивает уверенность. Вам нетрудно будет подправить эти места. Только будьте так добры ускорить по возможности переписывание ролей — ведь пьесу еще надо заучить и отрепетировать.

С удовольствием посылаю Вам записки Мармонтеля, они послужат Вам весьма приятным развлечением в течение нескольких дней. Вы несколько раз встретитесь там с финансистом Буре, который теперь представляет для нас интерес благодаря «Племяннику Рамо». Только отметьте, пожалуйста, подобные страницы: я прекрасно смогу использовать эти немногие памятки для моих примечаний.

Если нашей молодой княжне доставляет радость то, что мы можем предложить ей, тогда все наши надежды сбываются. Наш брат и так уже может лишь повторять вслед за апостолом: «Золота и серебра нет у меня, а что имею, то даю тебе во имя божие»². Подумайте, пожалуйста, и о том, что можно было бы при случае прочитать ей. Это должны быть небольшие вещицы, хотя и самого разнообразного характера, однако мне, как обычно, не приходит в голову ничего подходящего.

Будьте здоровы и не забывайте меня. Как только я решусь вновь выходить из дома, то навещу Вас как-нибудь вечером. Я теперь от скуки читаю всякую всячину, например «Амадиса Гальского»³. Стыдно ведь дожить до таких лет и быть знакомым со столь замечательным произведением лишь при посредничестве пародистов.

Г.

Последние листы, которые я прочитал позднее, тоже очень понравились мне.

[Веймар, 14 января 1805 года.]

989. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 17 января 1805 года]

«Совиновники»¹ вызвали вчера общее удовольствие, которое могло бы оказаться еще большим, если бы ак-

теры лучше научились обращаться с этим стихом. Беккер сделал все, что было в его силах; Зили порою тоже держалась удачно; Унцельман не слишком подошел к своей роли. Вольфом мы вполне можем быть довольны.

Хотя в пьесе можно кое-где найти нечто предосудительное, однако хорошее настроение, в которое она приводит публику, душит в зародыше все эти соображения благопристойности. Великая княжна очень веселилась; в особенности же изящный эпизод со стулом² не преминул произвести на нее впечатление.

Что касается «Гражданина-генерала», то мне вновь показалось, что хорошо было бы по возможности выпустить здесь моральные сентенции, особенно в роли дворянина,— настолько, насколько это возможно. Поскольку злободневность изображаемых событий уже иссякла, то все это оказывается как бы за пределами пьесы.

Эта небольшая пьеса по праву заслуживает того благосклонного приема, который сопутствует ей, и очень хорошо было бы придать ей более стремительное развитие.

Вчера, когда я глядел на Унцельмана³, у меня тоже возникли сомнения в том, могу ли я доверить ему роль Ипполита,— главным образом по той причине, что ему еще недостает подлинной мужественности и его юношеская натура проявляется еще слишком сильно. Если бы Эльс появился в нужное время, я отдал бы предпочтение ему, да он, впрочем, все равно появится в нужное время, если только действительно приедет в среду; роли он учит быстро, а эта роль не слишком велика.

Надеюсь услышать, что Вы чувствуете себя лучше.

Ш.

990. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

То ли, согласно старому учению, в моем теле разыгрались *humores peccantes**, то ли, согласно новому, более слабым частям моего организма нанесен некий *désavantage*** , но, короче, дела мои не ладятся то здесь, то там, и кишечные боли захватывают диафрагму, затем грудь, шею и даже глаза, где они для меня менее всего желательны.

* греховные соки (латин.)

** ущерб (франц.)

Благодарю Вас за то, что Вы посетили вчерашний спектакль. Поскольку пьесу приняли благосклонно, то можно еще позаботиться о ней, и это уже происходит; некоторые изменения уже внесены. Основное здесь, как мне представляется, состоит в том, чтобы смягчить и приглушить все то, что еще прямо противоречит требованиям благопристойности, и отретушировать все веселое, привлекательное и сердечное. Во время нескольких репетиций, состоявшихся у меня дома, мне многое понравилось. При случае я пришлю Вам театральный экземпляр, чтобы Вы смогли оценить исправления, которые я уже сделал в этом отношении, и дать мне совет по поводу дальнейшего. Следует также поработать еще с актерами, и это стоит труда: ибо иметь в репертуаре одной пьесой больше — дело куда более значительное, чем полагают обычно.

«Гражданином-генералом» я хочу заняться как можно скорее. Я уже подумывал о том, чтобы вовсе выбросить отсюда догматичную фигуру дворянина; только тут нужно было бы отыскать удачную идею, как соединить в финале все противоречивые элементы в некоем фарсе, — нельзя же использовать здесь *deus ex machina**. Так что об этом следует поразмыслить при случае.

Поскольку у Эльса отпуск до 26-го, то придется, естественно, остаться при прежнем распределении ролей. Я очень хотел бы услышать, как далеко Вы продвинулись и когда, по Вашему мнению, можно будет устроить пробную читку.

Раз уж я не могу пока выходить из дома, то, быть может, Вы навестите меня на часок при хорошей погоде, лучше всего в середине дня. Я послал бы тогда Вам карету.

Желаю Вам здоровья и возможности подумать о собственных работах.

Г.

[Веймар, 17 января 1805 года.]

991. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

Я только что оделся, чтобы отправиться к Вам, но начинаются спазмы, и я боюсь выйти на улицу. Барометр, вероятно, поднимается, потому что в последние дни я

* бога из машины (латин.).

не ощущал ничего подобного. Дайте мне знать устно, через подателя сего, как Вы чувствуете себя, и держитесь своего решения не выходить из дома.

Ш.

[Веймар, 20 января 1805 года.]

992. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Дела в нашем театре идут как обычно, только сейчас там особенно много всевозможных интриг и разнообразных сплетен; желая, по-видимому, разозлить Беккер, придумали, будто мы так долго медлили с распределением ролей в пьесе только потому, что ждали Унцельман, которая, однако, не приехала. Если Вы знаете нечто такое, что могло бы послужить основанием для подобной болтовни, то сообщите мне. Я должен наконец проявить строгость, чтобы дело не приняло еще более скверный оборот.

Сообщите мне, пожалуйста, как чувствуете себя Вы и Ваши близкие.

Г.

[Веймар, после 20 января 1805 года.]

993. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, после 20 января 1805 года]

Поскольку Вы знаете сами, что я начал этот перевод, имея в виду Беккер, и только из-за нее и выбрал «Федру», а не «Британика»¹, то Вы легко можете представить себе, каким курьезным должен был показаться мне этот слух. Понятия не имею, что могло послужить поводом к нему, если только не то, что когда Эльс перед своим отъездом в Берлин осведомился у меня о поручениях туда, я сказал ему, что работаю сейчас над пьесой, где есть роль, которая могла бы оказаться привлекательной для мадам Унцельман. Но как можно было понять эти слова таким образом, будто мадам Унцельман должна играть эту роль *здесь*, этого постичь я не могу.

У детей, слава богу, все обошлось без тяжелых приступов, и я надеюсь, что через несколько дней они будут здоровы.

Меня еще не оставляет мой катар, хотя сейчас он уже не так жесток. Mémoires Мармонтеля очень занимают меня; в особенности хорошо изображены здесь аchemi-

ments * революции. Мне интересно будет поговорить с Вами о Неккере, когда мы снова увидимся: ибо Вы, вне всякого сомнения, знаете его по его собственным сочинениям и сможете сказать, насколько правдив рассказ Мармонтеля о нем.

Ш.

994. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Вот, дорогой мой, весь труд¹. Будьте так добры внимательно проглядеть его, сделать замечания на полях, а затем высказать мне свое мнение. После этого я еще раз пройду по нему, внесу поправки, заполню некоторые пробелы, смягчу, быть может, некоторые циничные пассажи — и пусть рукопись отправляется в путь. Я надеялся прочитать ее Вам и Вашим близким, однако это не сбылось. Как себя чувствуют малютки?

Г.

[Веймар,] 24 января 1805 года.

995. ШИЛЛЕР—ГЕТЕ

[Веймар, 24 января 1805 года]

Пока возвращаю Вам то, что я успел уже прочитать из «Рамо»; остальное последует завтра. При этом нашлось очень мало такого, что я счел нужным отметить, причем кое-что из этого, по всей видимости, могло броситься в глаза только мне.

Я внимательно следил за тем, не приведет ли кое-где к некоторой неловкости передача французского *Vous* посредством нашего *Ihr*, но ничего не заметил. Во всяком случае, *Ihr* служит этой цели лучше, нежели *Sie*.

Что касается благопристойности, то замечаний тут у меня немного. В крайнем случае можно было бы обозначить непристойные слова начальными буквами и принести таким образом дань приличию, не жертвуя интересам дела.

Мой дом все еще выглядит как лазарет, однако доктор утешает нас тем, что у младшей нет ничего серьезного.

Быть может, Вам удалось уже немного позаботиться о «Федре»? В некоторых ролях, по-моему, можно было бы особенно подчеркнуть то, что помогло бы нашему Иппо-

* предвестия (франц.).

литу встать на верный путь. В последний раз¹ он вносил в свою декламацию слишком много порывистости, принимая ее за силу и пафос.

Будьте здоровы и поскорее явитесь к нам вновь, точно добрый дух.

Ш.

996. ГЕТЕ—ШИЛЛЕРУ

Если Вас не затруднит написать мне несколько слов, то сообщите, пожалуйста, как обстоят Ваши дела. Как ни интересовало меня это, ничего толком узнать я не мог.

Я вновь обрел тишину, покой и восприимчивость, однако работать пока не могу, и это беспокоит меня до некоторой степени, так как я хотел бы уже покончить с характеристикой Винкельмана¹.

Мне не терпится поскорее увидеться с Вами. С надеждой на лучшее.

Г.

[Веймар,] 22 февраля 1805 года.

997. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 22 февраля 1805 года

Я был очень рад увидеть снова несколько строк, написанных Вашей рукой. Это воскрешает мою веру в то, что могут вернуться прежние времена, хотя порой я в этом совершенно отчаивался. Два жестоких потрясения за последние семь месяцев¹ вконец изнурили меня, и мне очень трудно будет прийти в себя.

Хотя причиной моего нынешнего приступа было, по-видимому, лишь общее эпидемическое заболевание, однако лихорадка оказалась настолько сильной и настигла меня в таком ослабленном состоянии, что мне кажется теперь, будто я поднялся после тяжелейшей болезни, и мне особенно приходится бороться с унынием, самой скверной из всех бед в моем положении.

Мне не терпится узнать, отослали ли Вы уже рукопись «Рамо». Гёшен ничего не сообщил мне об этом, да и вообще за последние две недели я не получал никаких вестей из внешнего мира.

Пусть с каждым днем, с каждым часом улучшается Ваше здоровье, а также мое, чтобы мы поскорее смогли порадоваться нашей встрече.

Ш.

998. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю при сем «Племянника Рамо» с просьбой отправить его завтра с летучей почтой в Лейпциг. Только будьте так добры позаботиться еще об одной крепкой обертке, чтобы рукопись не пострадала. Пусть работа идет в таком виде, хотя, когда она вернется напечатанной, у нас найдется еще довольно много поправок. Но, разумеется, делать последние штрихи в подобной работе — занятие отнюдь не для выздоравливающего.

Когда я закончу характеристику Винкельмана, то посмотрю, хватит ли у меня еще времени и сил, чтобы прибавить к «Рамо» литературные примечания в алфавитном порядке¹.

Я приложил к рукописи несколько заметок, которые до некоторой степени смогут послужить руководством для печатника.

О «Федре» я с удовольствием позабочусь во всех отношениях.

Вообще же мы должны набраться терпения и делать то, что можно, пока не сумеем сделать нечто лучшее. Я выезжаю каждый день и вновь вступаю в некоторые отношения с внешним миром.

Надеюсь вскоре посетить Вас и найти Вас окрепшим.

Г.

[Веймар,] 24 февраля 1805 года.

Одновременно посылаю Вам гравюры к «Теллю» и несколько новинок разного рода.

999. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку Вы в нынешнем Вашем положении испытываете, вероятно, потребность в чтении, то посылаю Вам изрядную кипу «Литературной газеты», нашу Винкельманиану и т. д., — все это, насколько я знаю, Вы еще не видели. Я снова забрался во французскую литературу для надобностей упомянутых примечаний и постоянно что-нибудь да нахожу.

У меня, кажется, все идет на лад. Как обстоят Ваши дела? Я всей душой жажду вновь увидеть Вас.

Г.

Веймар, 26 февраля 1805 года.

1000. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 28 февраля 1805 года]

Я с истинным удовольствием прочитал серию эстетических рецензий¹, автора которых невозможно не распознать. Если бы только вы решились совершать время от времени подобные критические прогулки, то немало способствовали бы доброму делу вообще и благу «Иенской газеты» в частности. Именно это творческое конструирование произведений и замыслов, эти меткие указания на точки приложения сил, которые отсутствуют у всех критиков, являются единственным, что может к чему-то привести. Рецензии к тому же написаны в спокойном и ясном тоне, который производит самое приятное впечатление. Если бы Вы пожелали высказаться в том же духе и тоне о пьесах Коцебу, то Вам пришлось бы потратить усилия лишь на диктовку, а рецензия эта, вне всякого сомнения, дала бы повод к столь же удачным saillies*, что и в случае с нюрнбергским филистером².

Я хотел бы прочитать «Воскресное утро»³ на чистом верхненемецком поэтическом языке, поскольку диалект — по крайней мере при чтении вслух — всегда создает некоторые помехи. Стихотворение это просто превосходно и полно неотразимой прелести.

Благодарю Вас за письма Винкельмана⁴. Чтение это весьма способствует моему выздоровлению. Дела мои идут на поправку, и я надеюсь в скором времени выбраться на свежий воздух.

Не смогли бы Вы одолжить мне шлёцеровского «Нестора»⁵ или хотя бы сообщить, где я смогу раздобыть его?

Восстанавливайте же Вашу бодрость и силы. Быть может, завтра, если ветер уляжется, я решусь выйти из дома и навещу Вас.

III.

В университетских лекциях⁶ Мюллера есть нечто жалкое и убогое, — в них чувствуется тот песок, на котором они произросли. Поскольку этому прусскому историографу едва ли удастся когда-либо написать историю этой монархии, то он мог и должен был воспользоваться этой первой и последней возможностью для того, чтобы

* остротам (франц.).

сказать нечто разумное и содержательное; в таком случае каждый добрый немец вечно жалел бы, что столь замечательной руке не принадлежит все целое.

1001. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вы доставили мне большую радость, одобрив мои рецензии. В таких случаях никогда не знаешь, не слишком ли много делаешь, а посредством немногого здесь тоже ничего не достичь.

Примечания к «Рамо», которые я теперь диктую мало-помалу, мне хочется сделать в подобном же духе, тем более что текст здесь такого рода, что комментарии тоже могут быть весьма пикантными. Тут появляется возможность свободно высказать кое-что о французской литературе, которую мы до сих пор рассматривали по большей части односторонне: либо как образец, либо как противника. Кроме того, поскольку во всем мире разыгрываются подобные же истории, то благодаря правдивому изображению таких явлений тут обнаруживается именно то, что переживаем теперь и мы.

Я очень хочу снова увидеться с Вами. Но не рискуйте, пожалуйста, раньше времени выходить из дома, особенно в такую ужасную погоду.

Сегодня я не могу послать Вам ничего нового и, стало быть, ограничусь лишь сердечным пожеланием скорейшего выздоровления.

Г.

Веймар, 28 февраля 1805 года.

1002. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар,] 27 марта 1805 года

Сообщите мне, пожалуйста, как Вам жилось в эти дни. Я со всей серьезностью взялся наконец за свою работу¹ и надеюсь, что теперь не так-то легко позволю отвлечь себя от нее. После столь продолжительных пауз и несчастных происшествий очень трудно вновь обрести сосредоточенность, и я должен был сделать над собой усилие. Но теперь я уже вошел в колею.

Боюсь, что холодный северо-восточный ветер затруднит Ваше выздоровление в той же мере, что и мое; впрочем, на этот раз я чувствую себя гораздо более сносно, чем обычно при таком положении барометра.

Не пришлете ли Вы мне французского «Рамо» для Гёшена²? Я настоятельно накажу ему отправить Вам пробные листы, как только они будут напечатаны.

Будьте здоровы. Я просто жажду увидеть хотя бы одну строку от Вас.

Ш.

1003. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Поскольку во время предполагаемого скорого визита Котты речь может зайти об издании моих произведений¹, то я считаю необходимым осведомить Вас о моих прежних взаимоотношениях с Гёшеном. Ваша дружба и деловая проницательность избавят меня от необходимости просматривать сейчас эти безрадостные бумаги². Кроме того, я обнаружил, что Гёшен напечатал собрание в четырех томах, о котором мы никогда с ним не договаривались, причем поставил на нем фальшивые даты — 1787 и 1791 годы³.

Всего Вам наилучшего!

Г.

Веймар, 19 апреля 1805 года.

1004. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Горячо благодарю Вас за просмотр бумаг; я рад, что мы с Вами придерживаемся одного мнения относительно этих обязательств. Любопытно было, разумеется, бросить взгляд на такие недавние и все же во многом несхожие времена. Попробуем детально обсудить дело при случае и подготовить соглашение, а также последующие шаги.

Три наброска к характеристике Винкельмана были вчера отправлены¹. Не помню, какой живописец или дилетант² подписал под своей картиной: «in doloribus pinxit»*. Подобная подпись отлично подошла бы к нынешней моей работе. Я хотел бы только, чтобы читатель не ощутил этого точно так же, как за шутками Скаррона³ не угадывались приступы подагры.

Я занимаюсь теперь примечаниями к «Племяннику Рамо» и вступил уже в обширнейшую сферу музыки. Я собираюсь проследить здесь лишь некоторые основные

* писал в болячках (латин.).

линии, а затем как можно скорее покинуть эту область, которая все-таки довольно чужда мне.

Желаю Вам удачи в работе и радуюсь тому, что вскоре увижу нечто из ее плодов.

Г.

Веймар, 20 апреля 1805 года.

1005. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Посылаю Вам то, что прибыло вчера из Лейпцига¹. Гёшен, по-видимому, отказывается от примечаний, и тем не менее я продолжаю усердно трудиться над ними. Приглашаю их к сему. Будьте так любезны проглядеть их и отметить все то, что Вы сочтете, быть может, слишком парадоксальным, рискованным и недостаточным, чтобы мы позднее обсудили все это. Я собираюсь доработать еще по возможности эти листы, в которых, разумеется, не исчерпано и половины имен, упомянутых в диалоге, и отослать их: здесь, в сущности, истолкованы все основные моменты, о которых идет речь, а все прочее, скорее, случайно и связано с той жизнью, которая за дальностью времени и места действия не затрагивает нас. К тому же такие театральные имена, как Клерон, Превиль, Дюмениль, хорошо известны, а к самому диалогу они не имеют особого отношения. Короче, повторю: пожалуйста, поглядите эти листы, обдумайте дело и обсудите его со мной на этих днях. Мои наилучшие пожелания.

Г.

Веймар, 23 апреля 1805 года.

1006. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

Примечания читаются превосходно и притом независимо от текста, на который они проливают очень яркий свет. Все то, что касается французского вкуса, французских авторов и публики вообще, с мимолетным взглядом на наши немецкие обстоятельства в частности, сказано настолько же удачно и метко, насколько статьи о музыке и музыкантах, о Палиссо и других подходят к комментируемому произведению и поучительны сами по себе. Письмо Вольтера к Палиссо и высказывание Руссо о Рамо также производят хорошее впечатление.

У меня нашлось немного замечаний, причем лишь в отношении стиля, — за исключением одного-единствен-

ного небольшого пассажа в статье «Вкус», который показался мне не вполне убедительным.

Поскольку примечания эти, на мой взгляд, полностью готовы, то не следовало бы отправить их тотчас же с завтрашней почтой? Я нашел там пятнадцать статей, которые интересны уже сами по себе, а ведь половины этого хватило бы, чтобы оправдать подобные примечания. К тому же в печатном виде они составят, по моей оценке, не менее трех листов, а это уже достаточно оснастит книгу.

Будьте здоровы и поправляйтесь скорее! Не забудьте прислать мне «Эльпенора»¹.

Ш.

[Веймар,] 24 апреля 1805 года.

1007. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Будьте так добры изъять из рукописи статью «Лемьер»¹. Как теперь вижу, я заблуждался относительно этой фигуры.

Г.

[Веймар, 24 апреля 1805 года.]

1008. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Вот наконец и окончание рукописи¹, которую я попрошу Вас посмотреть еще раз и отправить в Лейпциг. Если бы все человеческие дела и занятия не оказывались на поверку импровизацией, я испытывал бы определенные сомнения по поводу этих весьма симпровизированных примечаний. Величайшим утешением служит мне здесь то, что я могу сказать: «Sine me ibis, liber!»^{*2}, ибо мне вовсе не хотелось бы присутствовать везде, где она окажется.

Тем временем я начал диктовать из «Истории учения о цвете» и быстро справился с одной из трудных глав в середине.

Вообще же я чувствую себя хорошо, если совершаю днем верховую прогулку, при перерывах же возникают болезненные ощущения. Надеюсь вскоре увидеть Вас.

Г.

[Веймар, 25 апреля 1805 года.]

* без меня пойдешь, книга (латин.).

1009. ШИЛЛЕР — ГЕТЕ

[Веймар, 25 апреля 1805 года]

Вольтер довольно забавным образом завершает Ваши примечания, и тут читатель получает на прощание солидный запас. Тем не менее именно эта статья вызывает у меня некоторые возражения — как в перечне свойств хорошего писателя, так и в применении его непосредственно к Вольтеру.

Хотя этот перечень и должен служить лишь эмпирическим реестром тех оценок, которые невольно чувствуешь себя обязанным высказать при чтении хорошего писателя, однако когда подобные свойства оказываются помещенными в одном ряду, то тут перечисляются один за другим роды и виды, основные тона и оттенки. Я бы по крайней мере исключил из этого порядка такие многозначачщие понятия, как гений, разум, дух, стиль etc., и ограничился бы лишь совершенно частными настроениями и нюансами.

Далее, я недосчитываюсь в этом реестре определенных свойств, таких, как *характер, энергия и пылкость*, которые как раз и составляют силу очень многих писателей и которые ни в коей мере не возмещаются приведенными в перечне. Разумеется, трудно применить к такому Протею, как Вольтер, понятие характера.

Хотя Вы, отказывая Вольтеру в *глубине*, называете тем самым главный его недостаток, я хотел бы все-таки, чтобы то, что называют *душой*, то есть то, чего так сильно недостает ему, как и всем вообще французам, тоже было бы указано здесь. Вы не упомянули в перечне *душу* и *сердце*; разумеется, они отчасти уже содержатся в других перечисленных свойствах, однако не в том полном смысле, которые связывают с этими понятиями.

И, наконец, я должен выразить Вам свои сомнения относительно того, может ли Людовик XIV, обладавший, в сущности, очень мягким характером и ни разу не проявивший себя героем во время войн, Людовик XIV, чье горделивое и репрезентативное царствование было, говоря по справедливости, прежде всего делом рук двух весьма деятельных министров¹, которые предшествовали ему и расчистили ему путь, — может ли он считаться более ярким воплощением французского королевского характера, нежели Генрих IV.

Эти heteros logos* пришли мне в голову во время чтения, и я не могу утаить их от Вас.

Ш.

1010. ГЕТЕ — ШИЛЛЕРУ

Будьте так любезны отправить в Лейпциг небольшую заметку¹, приложенную к сему. Прочитайте, пожалуйста, при случае прилагаемый опыт истории учения о цвете. Оставьте рукопись у себя, пока я не пришлю Вам окончания этой главы. Ей предшествует краткая схема с обзором целого.

Г.

[Веймар, 26 или 27 апреля 1805 года.]

* возражения (греч.).

Комментарий

ПИСЬМО 399

¹ Рецензия неизвестного автора в «Новой нюрнбергской ученой газете», опубликованная 12 декабря 1797 г.

² Роман Ретифа де ля Бретона «Господин Никола́, или Разоблаченное человеческое сердце» (Париж, 1794—1797). См. примеч. 3 к письму 400.

³ Заявление Фридриха Шлегеля о разрыве с Рейхардтом было опубликовано 16 декабря 1797 г. «Лицей изящных искусств» — название, под которым Рейхардт продолжил в 1797 г. свой журнал «Германия»; в первом томе «Лицея» были опубликованы «Критические фрагменты» Шлегеля, в конечном счете послужившие причиной разрыва (см. письмо 400 и примеч. 6 к нему).

ПИСЬМО 400

¹ Т. е. 7 января.

² Этот диалог Гете обнаружил в книге Эразма Франциска «Новоотшлифованное зеркало истории, искусства и нравов иноземных народов» (Нюрнберг, 1670).

³ Гете познакомился с первыми томами романа еще в 1796 г. («Господин Никола́» упоминается, в частности, в его переписке с Карлом Августом).

⁴ Слона веймарская публика смогла увидеть благодаря приезду бродячего зверинца. Под «Мадонной» Рафаэля подразумевается копия картины «Madonna della sedia», привезенная Мейером (см. письмо 211 и примеч. 7 к нему).

⁵ «Идеи к философии природы» (Лейпциг, 1797).

⁶ Гете имеет в виду «Критические фрагменты» Шлегеля (см. примеч. 3 к письму 399), в которых содержался иронический выпад против Фосса (фрагмент 113: «Фосс в своей «Луизе» подражает Гомеру; точно так же Гомер в его переводе подражает Фоссу»).

ПИСЬМО 401

¹ Профессор Грисбах и его жена нанесли Гете визит 3 января.

² Т. е. в «Лагере Валленштейна». Работа над второй и третьей частями трилогии — «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна» — продолжалась в течение всего 1798 г.

³ Замысел не был осуществлен.

⁴ «Ненавистник бороды». Сатира императора Юлиана на жителей Антиохии, смеявшихся над тем, что император носит бороду в подражание древнегреческим философам.

⁵ Шарлотта Кальб страдала глазами много лет и ослепла в 1820 г.

⁶ Шиллер имеет в виду выписку из письма Кёрнера от 25 декабря 1797 г. с хвалебным отзывом об этой элегии Гете (см. письмо 317 и примеч. 2 к нему).

⁷ Письмо Вильгельма Гумбольдта из Парижа (см. письмо 397).

ПИСЬМО 402

¹ Слова в скобках по недосмотру не попали в беловой вариант письма из черновика.

² См. примеч. 2 к письму 400.

³ Гете цитирует один из ксениев, не вошедших в альманах.

⁴ «Идеи к философии природы». Место, на которое ссылается Гете, гласит: «Насколько возможен мир вне нас, насколько возможна природа и ее эмпирическое постижение — этому вопросу мы обязаны философии или, точнее, философия возникла с этим вопросом. До этого люди жили в естественном философском состоянии; тогда человек находился в согласии с самим собой и с окружающим его миром».

ПИСЬМО 403

¹ Котта прислал Шиллеру два экземпляра только что начавшей выходить политической газеты «Новейшее мироведение» (Тюбинген), которую издавал Эрнст Людвиг Поссельт.

ПИСЬМО 404

¹ Статья «Опыт как посредник между объектом и субъектом», написанная в 1793 г. Гете издал ее много лет спустя в сборнике «Вопросы морфологии» (1823).

² Речь идет о книге Бутервека «Предварительный набросок университетских лекций по эстетике» (Гёттинген, 1797).

³ Газета Поссельга (см. примеч. 1 к письму 403).

⁴ «Немецкая хроника» (Аугсбург, 1774—1778), издававшаяся радикальным демократом Христианом Фридрихом Даниэлем Шубартом (см. письмо 408 и примеч. 5 к нему).

⁵ См. письма 516, 551 и 626.

⁶ «Наказанная ревность» Чимарозы, поставленная по случаю дня рождения герцогини Луизы.

ПИСЬМО 405

¹ См. письмо 400 и примеч. 2 к нему.

ПИСЬМО 406

¹ Эти опыты изложены Гете в «Очерке учения о цвете», § 432—454.

² Гете имеет в виду заметки Георга Симона Ключегля в изданном им переводе книги Джозефа Пристли «История и современное состояние оптики», в 2-х т. (Лейпциг, 1775—1776).

³ Лихтенберг, «Основные начала естествознания» (Гёттинген, 1794).

⁴ Христиан Эрнст Вюнш, «Опыты и наблюдения над цветами спектра» (Лейпциг, 1792).

⁵ Фридрих Грен, «Основы естествознания» (Галле, 1793).

⁶ Речь идет о написанной в это время заметке «Опыт и наука». Резюмируя здесь свой метод, Гете пишет здесь:

«Итак, вот что можно считать установленным в нашей работе:

1) *эмпирический феномен*, который каждый человек обнаруживает в природе и который затем возвышается с помощью экспериментов до

2) *научного феномена*, причем он представляется при иных обстоятельствах и условиях, чем был известен сначала, и в более или менее удачной последовательности.

3) *чистый феномен* выступает, наконец, как результат всех данных опыта и экспериментов. Он никогда не может существовать изолированно, но обнаруживается в постоянной последовательности явлений. Чтобы его представить, человеческий ум определяет все эмпирически неустойчивое, исключает случайное, отделяет нечистое, раскрывает запутанное и даже открывает неизведанное...». См. развитие этого положения в письме Шиллера от 19 января (письмо 409).

ПИСЬМО 408

¹ Т. е. «Опыт и наука» (см. примеч. 6 к письму 406).

² См. примеч. 5 к письму 406.

³ Статья Гирта «О Лаокооне» появилась в десятом номере «Ор» за 1797 г., дополнение — в двенадцатом (см. письмо 341).

⁴ Статья Гете была опубликована в первом номере «Пропилей» за 1798 г. Гирт, по-видимому, действительно был предупрежден о возмездиях Гете; говоря о привычке Бёттигера, Гете имеет в виду недавний инцидент (осенью 1797 г. Бёттигер в одном из своих писем предал гласности текст «Ивиковых журавлей» Шиллера).

⁵ Свободомыслие Поссельта, особенно проявлявшееся при обсуждении событий во Франции, очень скоро вызвало раздражение австрийского и русского дворов; в сентябре 1798 г. «Новейшее мироведение» прекратило свое существование, а Поссельт начал издавать «Всеобщую газету» (по-прежнему у Котты в Тюбингене).

⁶ См. примеч. 6 к письму 404.

ПИСЬМО 409

¹ «Опыт как посредник между объектом и субъектом» и «Опыт и наука», присланные вместе с письмами 404 и 406. Говоря об опыте «как феномене тройякого рода», Шиллер прежде всего подразумевает положения второй статьи (см. примеч. 6 к письму 406).

² Здесь Шиллер имеет в виду следующее место из статьи «Опыт как посредник между объектом и субъектом»:

«Если, с одной стороны, каждое наблюдение, каждый опыт могут, согласно их природе, рассматриваться как нечто изолированное, то, с другой стороны, человеческий дух с чудовищной силой стремится сое-

динить все, что вне его, и все, что становится ему известным,— и здесь легко увидеть ту опасность, которой подвергаешься, когда пытаешься соединить одиночные наблюдения с предвзятой идеей или доказать посредством отдельных опытов наличие какого-нибудь отношения, не вполне чувственно воспринятого, но уже выраженного творящей силой духа.

Из таких стараний возникают по большей части теории и системы, делающие честь остроте ума их создателей, однако, если они встречаются незаслуженный успех, если сохраняются неправомерно долго, то тотчас же начинают препятствовать и вредить поступательному движению человеческого духа, которому до известной степени способствовали.

Можно заметить, что человек с хорошей головой тем больше применяет искусства, чем меньшими данными располагает; что он, как бы желая показать свою власть, даже из наличных данных выбирает лишь немногих фаворитов, льстящих ему; что остальные он умеет так скомпоновать, чтобы они прямо ему не противоречили; враждебные же, наконец, он умеет так связать, опутать и устранить, что целое теперь действительно походит не на свободную республику, а на двор деспота.

³ Шиллер имеет в виду следующее положение Гете (статья «Опыт как посредник между объектом и субъектом»):

«Я сказал выше, что непосредственное применение опыта для доказательства какой-либо гипотезы считаю вредным, и этим дал понять, что косвенное его применение признаю, напротив, полезным...»

⁴ Ксений этот был, очевидно, приложен к письму 408, однако не сохранился.

⁵ См. примеч. 2 к письму 358. «Остров духов» с музыкой Фридриха Флейшмана был поставлен в Веймаре 19 и 23 мая 1798 г.

ПИСЬМО 410

О каком наброске идет речь, неизвестно,— возможно, о черновом варианте раздела «Авторитет» в «Материалах по истории учения о цвете».

ПИСЬМО 411

¹ Согласно одному из условий мира в Кампо-Формио (17 октября 1797 г.) Франция получала в качестве контрибуции ряд произведений искусства — вопрос, живо волновавший современников и нашедший отражение в переписке Гете и Шиллера (см., например, письмо 408). Статья Бёттигера появилась в «Новом Немецком Меркурии» (1798, № 1), так как «Оры» к этому времени прекратили свое существование (см. письмо 413).

² Намек на «Новейшее мироведение» Поссельта.

ПИСЬМО 412

Этот опыт описан в «Очерке учения о цвете», § 187.

² См. письмо 408 и примеч. 4 к нему.

ПИСЬМО 413

¹ Имена Ор, богинь, ведавших круговращением времен в природе (по Гесиоду). «Оры» прекратили свое существование на двенадцатом номере за 1797 год, вышедшем в мае 1798 г.

² Подписанному Шиллером в этот день официальному акту о прекращении выхода журнала предшествовала длительная переписка с Коттой, который, в частности, выразил готовность пренебречь убытками в письме от 1 ноября 1797 г. Свое окончательное решение относительно «Ор» Шиллер высказал в письме Котте от 5 января 1798 г.

³ Нибур, «Описание путешествия в Аравию и другие сопредельные с ней страны», в 2-х т. (Копенгаген, 1774—1778); Вольней, «Путешествие в Сирию и Египет» (Париж, 1787).

ПИСЬМО 414

¹ Стихотворение «Маскарадное шествие 30 января 1798 года», декламировавшееся участницами шествия на празднестве в честь дня рождения герцогини Луизы.

² Поэма Эразма Дарвина «The botanic garden» (Лондон, 1791).

³ Т. е. описание «Геракла Лэнсдауна» (римской копии греческого оригинала IV в. до н. э., возможно, работы Скопаса).

⁴ Мраморные бюсты работы Деймер.

⁵ Знаменитая фаянсовая мануфактура, основанная в 1780 г.

⁶ Стекланная амфора римской работы, находившаяся вначале в Палатцо Барберини, а с 1785 г. в собрании герцогов Портленд (отсюда и оба названия). Сцены на амфоре относятся, по-видимому, к мифу о Пелее и Фетиде.

⁷ С «Зоономией» Гете познакомился по немецкому переводу Брандиса (Ганновер, 1795) (см. письмо 137 и примеч. 3 к нему).

⁸ Первое упоминание о замысле нового периодического издания, осуществленном позднее при издании «Пропилей».

⁹ См. письмо 411 и примеч. 1 к нему.

¹⁰ Эйнзидель передал позднее Гете лишь одну сказку, «Праздник Аррамандов», которая и была опубликована в «Орах» (1797, № 11 и 12).

¹¹ Имеется в виду цикл «Прорицания Бакида», опубликованный, однако, лишь в 1800 г. в последнем томе собрания сочинений Гете, которое издавалось в Берлине у Унгера («Новые сочинения», в 7-ми т., 1792—1800).

¹² Штутгартский архитектор, в течение нескольких лет (с перерывами) работавший в Веймаре.

ПИСЬМО 415

¹ Луиза Брахман, идиллию которой «Часовня в лесу» Шиллер приложил к письму. Идиллия и несколько стихотворений поэтессы были опубликованы в двенадцатом номере «Ор» за 1797 год.

ПИСЬМО 416

¹ «Наказанная ревность» Чимарозы.

² Иоганн Конрад Грюбель, нюрнбергский ремесленник, опубликовал

сборник «Стихотворения на нюрнбергском диалекте» (1798). Гете дважды писал о стихотворениях Грюбеля — в рецензиях, опубликованных во «Всеобщей газете» Поссельта (декабрь 1798 г.) и в «Иенской всеобщей литературной газете» Эйхштедта (февраль 1805 г.). В этих рецензиях рассматривались и два следующих сборника Грюбеля (см. письма 551—555 и 1000).

³ См. примеч. 4 к письму 387.

⁴ См. письма 323 и 353.

ПИСЬМО 417

¹ См. примеч. 2 к письму 416.

ПИСЬМО 418

¹ См. примеч. 10 к письму 414.

² Т. е. журнал «Оры». О статье Бёттигера см. примеч. 1 к письму 411.

³ См. письмо 411.

⁴ Этот замысел не был осуществлен. «Беседы немецких эмигрантов» были опубликованы в «Новых сочинениях» Гете в том же виде, что и в «Орах».

⁵ Гете действительно не раз обращался к «Фаусту» в этом году, особенно в апреле и мае (см. письма 451 и 460).

⁶ «Часовня в лесу» Луизы Брахман (см. примеч. 1 к письму 415).

⁷ Т. е. у Амалии фон Имхоф. Речь идет о ее поэме «Сестры с Лесбоса», опубликованной в «Альманахе Муз на 1800 год» (см. письма 589, 590).

⁸ Роман Каролины фон Вольцоген (см. примеч. 1 к письму 246).

ПИСЬМО 419

¹ Эпической поэмы о Вильгельме Телле, замысел которой возник у Гете во время прошлогоднего путешествия (см. письма 369 и 372).

² Шиллер в этот период работы над драмой о Валленштейне еще не пришел к мысли о разделении ее на две пьесы; третий акт здесь соответствует примерно финалу «Пикколомини».

ПИСЬМО 420

¹ «Второе послание юноше, который собирается изучать критическую философию» (Любек, 1798). Первое послание вышло за год до этого (см. примеч. 2 к письму 315).

ПИСЬМО 421

¹ См. примеч. 1 к письму 198 и примеч. 2 к письму 315.

ПИСЬМО 422

¹ О книге Кастеля см. письмо 133 и примеч. 5 к нему. Под названием «*Monimentis opticis*» были посмертно опубликованы лекции Ньютона по оптике (Лондон, 1729).

² Роберт Бойль, «Опыты и размышления, посвященные оптике, или Основы экспериментальной истории цветов» (Лондон, 1665).

³ В «Материалах по истории учения о цвете» Гете цитирует одного из корреспондентов Фрэнсиса Бэкона: «Если мы последуем впредь твоему совету и откажемся от тех общих понятий, которые от рождения присущи людям, если мы забудем все то, что сделали, и начнем мыслить подобно детям, то сможем надеяться войти в царство природы так же, как в царство небесное, коль скоро будем следовать библейским предписаниям».

ПИСЬМО 423

¹ Шиллер читал в это время записки Кука, полученные им от Кнебеля. В письме от 17 февраля Кнебель рекомендует Гете эту книгу.

² Книги Франсуа Ле Вайяна вышли в эти годы в немецком переводе Иоганна Рейнгольда Форстера: «Первое путешествие вглубь Африки в 1780—1782 годах» (Берлин, 1790) и «Новое путешествие вглубь Африки в 1783—1785 годах» (Берлин, 1796).

ПИСЬМО 424

¹ Эта схема не сохранилась.

² Девушка из племени готтентотов, фигурирующая в «Первом путешествии» Ле Вайяна.

³ В «Путешествии в Италию» Гете пишет (в записи «Неаполь, 17 мая 1787 года»): «Что касается Гомера, то у меня как будто пелена спала с глаз. Описания, сравнения и т. д., представляющиеся нам поэтическими, все необыкновенно естественны, хотя и воплощены с такой ясностью и проникновенностью, перед которой испытываешь страх. Даже самые необычайные вымышленные обстоятельства исполнены естественности, которую я никогда не ощущал так, как теперь, поблизости от описанных предметов». Чтение «Одиссеи» в Сицилии пробудило у Гете желание написать трагедию о Навсикае.

ПИСЬМО 425

¹ Идиллию Луизы Брахман (см. письма 415 и 418).

ПИСЬМО 426

¹ Эти штудии Гете нашли отражение в «Материалах по истории учения о цвете».

ПИСЬМО 427

¹ Дипломат Карл Густав Бринкман пробыл в Веймаре и Иене недолгое время проездом из Берлина в Париж. Дневник Гете отмечает его визиты 18, 20 и 22 февраля; 19 февраля Бринкман был в Иене у Шиллера, передав ему это письмо. Шиллеру он был знаком заочно, так как в «Альманахе Муз на 1798 год» было напечатано шестнадцать стихотворений Бринкмана.

ПИСЬМО 428

¹ Цитата из «Нырлящика», ст. 125 (у Жуковского в «Кубке» — «...звучом живым чело­вечьего слова»).

² Бринкман был близким другом Вильгельма Гумбольдта.

³ Шрёдер написал об этом Бёттигеру, который и передал Шиллеру содержание письма. Гастроли Шрёдера в Веймаре не состоялись (см. письма 458 и 459).

ПИСЬМО 429

¹ Т. е. Каролиной фон Вольцоген и Амалией фон Имхоф.

² Стихотворение Августа Шлегеля, опубликованное в «Альманахе Муз на 1798 год» (см. письма 346, 348, 352 и 366), было написано терцинами.

ПИСЬМО 430

¹ Август Шлегель переехал в мае 1798 г. в Берлин, но уже осенью вернулся в Иену, получив назначение экстраординарного профессора.

² Шиллер близко к тексту пересказывает абзац из письма Вильгельма Гумбольдта к нему от 20 января 1798 г.

ПИСЬМО 431

¹ Речь идет об основной части письма 432, дописанного и отправленного 25 февраля.

² Август Шлегель известил Гете о своих планах письмом от 19 февраля.

ПИСЬМО 432

¹ Франц. *couvert* означает «столовый прибор»; во времена Гете использовалось и в значении «обертка для письма» (почтовые конверты в нашем понимании появились лишь в 1820 г.).

² Бринкмана (см. письма 427 и 428).

³ См. письмо 414 и примеч. 12 к нему.

⁴ «Идеи к философии природы» (см. письма 400 и 402).

⁵ Иоганн Генрих Ламберт, «Фотометрия, или Об измерениях и сравнениях света, цветов и тени» (Аугсбург, 1760).

⁶ Т. е. письмо 431.

⁷ См. письмо 387 и примеч. 2 к нему.

ПИСЬМО 433

¹ Речь идет, по-видимому, о сцене спора между Валленштейном и Максом Пикколомини (при последующем делении трагедии — «Смерть Валленштейна», действие 2, явл. 2).

² Письмо Гумбольдта от 20 января, уже упоминавшееся выше (см. письмо 430).

ПИСЬМО 434

¹ Гумбольдт в своем письме резко отозвался о неспособности французов вести беседы на философские темы.

² Жан-Жозеф Мунье опубликовал в 1798 г. в парижском журнале «Magasin encyclopédique» статью «Письмо о философии Канта» с подзаголовком «О лжи».

³ «Везде», «повсюду» (латин.). Прозвище, которое Гете и Шиллер дали Бёттигеру (см. примеч. 4 к письму 408).

⁴ Семья эта принадлежала к кругу французских эмигрантов, живших некоторое время в Веймаре.

⁵ Пастор из Грюнау — главный герой идиллии Фосса «Луиза». В «Немецком Меркурии» (1784, № 11) была напечатана третья, последняя часть идиллии; первые две части Фосс опубликовал в гёттингенском «Альманахе Муз» на 1783 и 1784 годы.

ПИСЬМО 435

¹ Шиллер вспоминает о рецензии Гарве на «Критику чистого разума», опубликованной в 1782 г.

² Диплом этот был подписан 10 октября 1792 г. Роланом, тогдашним министром внутренних дел Французской республики (26 августа 1792 г. Законодательное собрание приняло декрет о предоставлении почетного гражданства ряду лиц, в том числе Вашингтону, Костюшке, Песталоцци, Клопштоку, Кампе). Шиллер фигурировал в тексте обоих документов как «господин Жилье, немецкий публицист».

ПИСЬМО 436

¹ К этому времени Ролана давно уже не было в живых.

² Согласно миру в Кампо-Формио (17 октября 1797 г.) Австрия уступила Франции всю Ломбардию, где тотчас же была создана Цизальпинская республика. В январе 1798 г. французские войска вступили в Швейцарию (12 апреля 1798 г. — провозглашение Гельветической республики).

³ Речь идет о программной статье «Введение в «Прописи», которой должен был открыться первый номер журнала. Однако подготовка статьи задержалась до августа; первый номер вышел в сентябре.

⁴ Издание это осуществилось лишь в 1803 г. (в Тюбингене у Котты). Гетевский перевод записок Бенвенуто Челлини печатался в «Орах» в 1796—1797 гг. (см. примеч. 9 к письму 85). О заметках Гете см. письмо 438 и примеч. 1 к нему.

ПИСЬМО 437

¹ Шарлотта Шиллер провела несколько дней в Веймаре; 6 марта она действительно навестила Гете.

² Назначение Шиллера ординарным профессором задержалось на два с лишним года: поскольку Йенский университет находился на попечении четырех герцогов, то назначения утверждались четырьмя дворами. В Мейнингене и Готе рескрипт был подписан в декабре 1795 г., в Веймаре в январе 1796 г., в Кобурге лишь в январе 1798 г.

ПИСЬМО 438

¹ «Дополнение к жизнеописанию Бенвенуто Челлини относительно нравов, искусства и техники», вошедшее в отдельное издание перевода в 1803 г.

² В упоминавшемся уже письме от 20 января.

ПИСЬМО 439

¹ Трагедия Горация Уолпола «Таинственная мать» впервые была напечатана автором в 1768 г. в ограниченном числе экземпляров; первое ее издание вышло в Лондоне в 1796 г. Сюжет трагедии — кровосмешение, отсюда и параллели с «Эдипом» Софокла у упомянутого ниже Шиллером английского критика Тэйлора (в «Monthly review», 1797, № 7). В 1800 г. Гете и Шиллер вернулись к этой трагедии и обсуждали возможность ее обработки для постановки в веймарском театре, однако замысел этот не был осуществлен.

ПИСЬМО 440

¹ В астрологии было принято деление небосвода на двенадцать «домов», определяющих судьбу человека; десятый дом связан с имуществом разного рода. Гуфа — старинная земельная мера; в различных местностях Германии размеры ее колебались от 7 до 15 гектаров.

² Гете приобрел имение в Оберроссла (к северо-востоку от Веймара; неподалеку от городка Апольда) 8 марта 1798 г. Надежды, связанные с этим приобретением, не оправдались, и в 1803 г. он продал имение (см. примеч. 5 к письму 909).

³ Гете намекает здесь на известную легенду о древнеримском царе Тарквинии Гордом, который хотел купить у какой-то старухи книги пророчеств Сивиллы Кумской. Когда царь нашел слишком высокой назначенную цену, старуха бросила один свиток в огонь и потребовала ту же цену за оставшиеся свитки; так продолжалось до тех пор, пока царь не заплатил первоначальную цену за несколько уцелевших свитков.

⁴ «Расстроженные козни» Чимарозы (1786); поставлена в Веймаре 15 марта.

⁵ «Корсиканцы»; спектакль состоялся 17 марта.

ПИСЬМО 441

¹ Имеется в виду Карл Фишер. Желание Шиллера устроить его на службу в Воспитательный институт в Веймаре, директором которого был Мунье, не осуществилось.

² Под Муртенем швейцарцы одержали 22 июня 1476 г. блистательную победу над войском бургундского герцога Карла Смелого. Надежды Шиллера и Гете (см. письмо 442) на поражение французов не оправдались (см. примеч. 2 к письму 436).

³ Пьеса Якоба Мейера, изданная в 1782 г. в Мангейме.

ПИСЬМО 442

Христиан Готфрид Грунер, уже упоминавшийся выше (см. письмо 440), был одним из самых активных претендентов на покупку

имения. Цена, которую пришлось уплатить Гете (13 125 талеров), была довольно высокой.

² Гете приложил к письму номера парижского журнала «Magasin encyclopédique» с обширной статьей, посвященной «Герману и Доротее»; автором статьи был Иоганн Готфрид Швейгхойзер, учитель детей Вильгельма Гумбольдта. Позднее Гете получил эти же номера журнала от автора вместе с письмом от 7 апреля 1798 г. (см. письма 443 и 445).

³ «Осада Боксберга» — пьеса упомянутого выше Якоба Мейера (см. письмо 441 и примеч. 3 к нему); была поставлена в Веймаре 28 апреля 1795 г. в обработке Вульпиуса.

ПИСЬМО 443

¹ См. письмо 434 и примеч. 2 к нему. Ниже Шиллер почти дословно передает заключительную сентенцию Мунье.

ПИСЬМО 445

¹ О каких письмах идет речь, неизвестно.

² См. примеч. 2 к письму 442.

ПИСЬМО 446

С 20 марта по 6 апреля Гете жил в Иене. Согласно дневниковым записям, он ежедневно виделся с Шиллером на протяжении всего этого времени. В дневнике отмечается, в частности, чтение и обсуждение готовых сцен из трагедии о Валленштейне, «Прорицаний Бакида» (см. примеч. 11 к письму 414) и набросков Мейера к статье «О предметах изобразительного искусства» (см. примеч. 7 к письму 369).

¹ Иоганн Якоб Штейнбрюхель издал сборник своих переводов под названием «Трагический театр греков», в 2-х т. (Цюрих, 1763), где и был опубликован еврипидовский «Ипполит», упоминаемый здесь Шиллером (название «Федра», возможно, связано с расиновской обработкой сюжета; в 1805 г. Шиллер осуществил перевод «Федры» Расина для постановки в веймарском театре, см. письма 986—987). В дневниковых записях Гете от 26, 27 и 28 марта также отмечается чтение Еврипида. Этот обоюдный интерес был связан с неоднократно происходившими в эти дни беседами о трагическом и эпическом началах.

ПИСЬМО 447

¹ Вечером 3 апреля Гете встретился у Лодера с Августом Шлегелем и приехавшим из Дессау Тишбейном. Под «изгнанием» подразумевается отказ от сотрудничества Шлегеля в «Альманахе Муз».

ПИСЬМО 448

¹ Шарлотту фон Кальб (см. примеч. 5 к письму 401).

ПИСЬМО 449

¹ Речь идет о титульной гравюре к отдельному изданию элегий Проперция в переводе Кнебеля (Лейпциг, 1798). Ранее перевод Кнебеля печатался в «Орах» в 1796 г. (см., например, письмо 105).

ПИСЬМО 450

¹ Максимилиан Якоби, сын Фридриха Якоби.

² Шиллер снова возвращается к вопросу о назначении Нитхаммера экстраординарным профессором теологии в Иене (см. письмо 277). Соперником Нитхаммера выступал Самуэль Готлиб Ланге.

³ В июле 1798 г. Шеллинг, живший тогда в Лейпциге, получил приглашение в Иенский университет на кафедру философии (в качестве экстраординарного профессора). Гете способствовал этому.

⁴ Вторая гастроль Иффланда в Веймаре продолжалась с 24 апреля по 4 мая 1798 г. (о первой, в марте — апреле 1796 г., см. письмо 159 и примеч. 2 к нему).

⁵ Шиллер называет так Иффланда, потому что Тик в своей сказочной комедии «Кот в сапогах» (1797) посмеялся над Иффландом и над книгой Бёттигера о нем (см. примеч. 2 к письму 241).

ПИСЬМО 451

¹ В дневниковых записях Гете с 9 по 21 апреля постоянно отмечается работа над «Фаустом».

ПИСЬМО 452

¹ За время болезни Шиллера его жена трижды — в записках от 13, 17 и 20 апреля — сообщала Гете о состоянии здоровья мужа. Гете всякий раз отвечал ей.

² Иффланд выступил в Веймаре в следующих пьесах: «Тележка укусника» Себастьяна Мерсье (1775) в переводе Ф.-Л. Шрёдера; «Немецкий отец семейства» О.-Г. фон Геммингена (1782); «Пигмалион» Жан-Жака Руссо, монодрама с музыкой Георга Антона Бенды (1779); «В тихом омуте...» Ф.-Л. Шрёдера (1790); «Мизантропия и раскаяние» и «Граф Бенёвский» Коцебу (1789, 1795); «Испытание в супружестве» И.-Ф.-Г. фон Дальберга (1787); «Приданое» Иффланда (1795); «Мнимый больной» Карло Гольдони.

ПИСЬМО 453

¹ Ср. упоминание о «Пигмалионе» Руссо в «Поэзии и правде» (кн.-11): «...это причудливое произведение колеблется между природой и искусством с ложным намерением растворить последнее в первой. Мы видим здесь художника, создавшего совершеннейшее произведение и все-таки не нашедшего удовлетворения в том, что он художественно воплотил вонне свою идею и сообщил ей высшую жизнь; нет, он хочет еще свести ее к себе вниз, в земную жизнь. Высшее, что создали дух и деятельность, он хочет разрушить самым пошлым актом чувственности».

ПИСЬМО 454

¹ Речь идет об издании «Пропилей». Шиллер сообщил Котте об этом замысле Гете в письме от 28 марта. В ответном письме от 11 апреля Котта, выразив сомнения в успешном сбыте журнала, пожелал компенсировать убытки изданием будущих поэтических сочинений Гете.

² 18 апреля Гете послал Шарлотте Шиллер только что полученное им из Парижа письмо Вильгельма Гумбольдта.

ПИСЬМО 456

¹ Персонаж из пьесы Шрёдера «В тихом омуте...». Иффланд выступил в этой роли 27 апреля.

² Бёттигер, однако, дал обстоятельный анализ этой роли Иффланда в своей книге, посвященной его первой гастролу (см. примеч. 2 к письму 241).

³ В среду 3 мая была поставлена комедия Гольдони «Мнимый больной» (Гете называет ее по главному герою, роль которого исполнял Иффланд); в четверг 4 мая Иффланд выступил в своей комедии «Приданое».

⁴ См. примеч. 1 к письму 454.

⁵ Позднее идея эта была осуществлена (см. письма 485 и 486).

⁶ Гете написал Вильгельму Гумбольдту лишь 16 июля 1798 г. — в этом письме он, как и предполагал, обратился к Гумбольдту с предложением написать совместно с Бринкманом работу о немецкой просодии. Работа эта не была написана, однако в это время Гумбольдт завершил первую часть своих «Эстетических опытов», целиком посвященную «Герману и Доротею» (см. письма 465 (и примеч. 3 к нему), 467 и 468).

⁷ Т. е. к эпической поэме «Ахиллеида» (см. письмо 394 и примеч. 2 к нему).

⁸ Горизонты (греч. «отделители») — александрийские ученые, утверждавшие, что «Илиада» и «Одиссея» представляют собой цельные произведения, которые, однако, созданы различными авторами. Гете употребляет здесь этот термин по отношению к рапсоdistам (см. примеч. 2 к письму 67).

⁹ Эрнульф (1040—1124), епископ Рочестерский, составил сборник канонических документов (так называемый «Рочестерский сборник»), где, в частности, содержался текст проклятия, произносимого при отлучении от церкви. Особый комический оттенок достигается здесь еще и тем, что Гете и Шиллер были знакомы с этим проклятием благодаря роману Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», в котором приведен его полный текст (т. 3, гл. 9 и 10).

¹⁰ Во время предыдущих гастролей Иффланда в 1796 г..

ПИСЬМО 457

¹ Т. е. май. Шиллер использует здесь поэтическое название месяца (Wonnemond).

² См. примеч. 3 к письму 428.

³ Шиллер имеет в виду эпизод из «Одиссеи» (VIII, 73—78), посвященный певцу Демодоксу:

«Муза внушила певцу возгласить о вождах знаменитых,
 Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,
 Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее,
 Как между ними однажды на жертвенном пире великом
 Распря в ужасных словах загорелась, и как веселился
 В духе своем Агамемнон враждой знаменитых ахеев».

(Перев. В. А. Жуковского.)

ПИСЬМО 458

¹ Т. е. над Кирмсом.

² В дидаскалиях к греческим пьесам сообщалось о времени и месте постановки, награде, присужденной при этом, и т. п. моментах. Статью о «Пигмалионе» Бёттигер не написал.

³ «Разговоры с глазу на глаз» Виланда — диалоги в духе Лукиана, в которых боги на Олимпе обсуждают события Французской революции. Первая часть «Разговоров» была опубликована в «Новом Немецком Меркурии» (1798, № 2—7); окончание же появилось только осенью 1799 г. в 31 т. собрания сочинений Виланда (причем венская цензура тотчас же наложила запрет на этот том).

⁴ Романы Виланда «История Агатона», в 2-х т. (Франкфурт — Лейпциг, 1766—1767) и «Золотое зеркало, или Властители Шешана», в 4-х т. (Лейпциг, 1772).

⁵ Гете имеет в виду открытое письмо Фридриха фон Гентца к Фридриху Вильгельму III (ноябрь 1797 г.); Шиллер был знаком с текстом этого письма, тогда же присланным ему самим автором. О газете Поссельта см. примеч. 5 к письму 408.

⁶ «Пандекты» или «Дигесты» — обширный сборник, составленный в 530 г. при Юстиниане I в процессе кодификации римского права. Сюда были включены обширные выдержки из трудов римских юристов II — III вв. — Папиниана, Ульпиана и других.

⁷ Работе над «Ахиллеидой».

⁸ Перевод Меллиша не был опубликован.

⁹ Август Шлегель.

ПИСЬМО 460

¹ Матф. 6, 24.

² Схема эта, составленная 23 июня 1797 г., не сохранилась.

³ Сцены «Пасмурный день. Поле» и «Тюрьма» в «Пра-Фаусте». В окончательной редакции «Фауста» первая из них оставлена, однако, в первоначальном виде (единственная прозаическая сцена во всей трагедии).

⁴ «Основы естественного права согласно принципам наукоучения», Ч. 2 (Иена — Лейпциг, 1798).

⁵ Т. е. относительно «Идей к философии природы» Шеллинга (см. письмо 432).

ПИСЬМО 461

¹ Иозеф Фридрих фон Ретцер, малозначительный поэт, служил в венской цензуре.

² Визит этот примечателен в основном тем, что Карл Симон Моргенштерн был учеником Фридриха Августа Вольфа. Позднее Гете полностью преодолевает свое предубеждение против Вольфа, см., например, письма 869 и 870.

³ См. примеч. 5 к письму 763.

⁴ Слух этот был необоснованным.

ПИСЬМО 462

¹ Идея написать либретто в продолжение сюжета, положенного в основу либретто оперы Моцарта, появилась у Гете в 1795 г. С 5 по 10 мая Гете добавил несколько сцен к уже написанным, но затем оставил этот замысел. Весь этот фрагмент «Волшебной флейты» был опубликован в «Карманной книжке на 1802 год».

² Статья Мейера «Ниоба и ее дети» была опубликована во втором томе «Пропилей».

³ См. примеч. 7 к письму 369. Гете и Шиллер обсуждали эту статью Мейера в марте — апреле во время пребывания Гете в Иене.

⁴ Статья Мейера «Произведения Рафаэля, в особенности находящиеся в Ватикане» печаталась в нескольких выпусках «Пропилей», начиная с первого.

⁵ Гете обыгрывает часто цитировавшееся им в разговоре изречение из «Мессиады» Клопштока о том, что некоторые добродетели следует вознаграждать, а некоторые — прощать.

ПИСЬМО 463

¹ Шиллер контаминирует два новозаветных изречения: «Ищите же прежде всего царства божия и правды его, а все остальное приложится вам» (Матф. 6, 33) и «О горнем помышляйте, а не о земном» (Колос. 3, 2).

² В 1788—1789 гг. Гете напечатал в «Немецком Меркурии» несколько статей, в том числе «К теории изобразительных искусств. Архитектура», «Об арабесках», «О «Пластическом подражании прекрасному» Карла Филиппа Морица» и «Простое подражание природе, манера, стиль».

³ Карл Фридрих Крюгер играл в веймарской труппе в 1791—1793 гг. Гете 15 мая отклонил просьбу Бьянки и Крюгера относительно выступления в Веймаре.

⁴ См. примеч. 5 к письму 409.

ПИСЬМО 464

¹ Стихотворение Ретцера «К Глейму, при посылке ему портретов — моего и Зонненфельса» было опубликовано в «Новом Немецком Меркурии» (1798, № 2).

² В 1790-х гг. в Германии оживленно обсуждается вопрос о том, следует ли при печатании книг использовать фрактуру, традиционный немецкий шрифт, или же предпочесть ей распространенную во всей Европе антикву. В дискуссии участвовали и многие из упоминаемых в переписке Гете и Шиллера издателей, причем Кампе и особенно

Унгер предприняли ряд попыток усовершенствовать фактуру, сделать ее более ясной и удобочитаемой; веймарский же издатель Иоганн Юстин Бертух, напротив, решительно выступал за антикву как единственно приемлемый шрифт. Образец, присланный Гете, представлял собой один из вариантов «фактуры Унгера», получившей некоторое распространение в последующие годы.

ПИСЬМО 465

¹ Т. е. к 17 мая.

² Статья Фридриха Карла Форберга «Опыт некоей дедукции категорий» в седьмом томе «Философского журнала». Шиллер обращает на нее внимание Гете в связи с заметкой последнего «Опыт и наука» (см. письмо 409 и примеч. 1 к нему).

³ 19 апреля Вильгельм Гумбольдт послал Шиллеру рукопись своей работы «О «Германе и Доротее» Гете». Работа была опубликована лишь в следующем году под названием «Эстетические опыты. Первая часть» (Брауншвейг, 1799). Об ее оценке Гете и Шиллером см. письма 476, 477, 488 и 489.

⁴ См. примеч. 1 к письму 430.

⁵ Журнал «Атеней», выходявший в Берлине с мая 1798 г., был органом иенского кружка романтиков во главе с братьями Шлегелями. Прекратил свое существование в 1800 г.

ПИСЬМО 466

¹ «Ахиллеида» открывается сценой погребения Гектора; таким образом, гетевская поэма оказывалась прямым продолжением «Илиады».

² Август Шлегель предпринял перевод всех произведений Шекспира; в 1797—1801 гг. он выпустил восемь томов своих переводов (включая ю 16 пьес), позднее добавив к этому еще один том (1810). Дело Шлегеля продолжили и завершили Тик, его дочь Доротея и Вольф Баудиссин.

ПИСЬМО 467

¹ Беседа с Коттой, приехавшим 17 мая в Иену, касалась, в частности, издания «Пропилей» (см. письмо 454 и примеч. 1 к нему).

ПИСЬМО 469

Гете жил в Иене с 20 по 31 мая. В дневниковых записях Гете отмечаются ежедневные встречи с Шиллером, совместное чтение и обсуждение работы Гумбольдта о «Германе и Доротее», беседы об издании «Пропилей».

¹ Речь идет о кратком проспекте «Пропилей», предназначавшемся для осведомления Котты.

² Диалог «О правде и правдоподобию в произведениях искусства», написанный еще в августе 1797 г. и опубликованный в первом номере «Пропилей».

³ К профессору Шютцу, издателю «Всеобщей литературной газеты».

ПИСЬМО 470

¹ Август Гете остался в Иене в доме Шиллеров на время недолгой отлучки отца в Веймар.

ПИСЬМО 471

Гете вернулся в Иену 4 июня и пробыл там до 21 числа того же месяца. В его дневниковых записях отмечаются, в частности, беседы с Шиллером о «Фаусте» и «Валленштейне».

¹ Прут был необходим для опытов по магнетизму (ср. дневниковую запись Гете от 19 июня: «Вечером у Шиллера; беседа о магнетических силах и демонстрация феноменов»). См. примеч. 4 к письму 475.

² «О мировой душе» (Гамбург, 1798).

³ Шарлотта Шиллер уехала 3 июня в Рудольштадт к своей матери (Луизе Ленгефельд).

ПИСЬМО 472

¹ Гете уехал в этот день в Оберроссла и вернулся в Веймар 23 июня.

² Первый том работы Иоганна Карла Фишера «Физический словарь, или Объяснение важнейших терминов и понятий, относящихся к физике» (Гёттинген, 1798—1806).

³ Элегия «Евфросина», написанная 12—13 июня и опубликованная в «Альманахе Муз на 1799 год». Письмо Гете к Гумбольдту было отослано только 16 июля.

⁴ Т. е. с письмом к Гумбольдту относительно его работы о «Германие и Доротее». Шиллер закончил письмо 27 июня (см. письмо 476).

ПИСЬМО 473

¹ Карл Август вернулся в Веймар 28 июня; однако Гете смог приехать в Иену лишь 6 июля; см. вводную заметку к письму 478.

² Старофранцузский романс, послуживший источником для баллады Гете «Предательство мельничихи» (см. примеч. 3 к письму 363).

³ Речь идет о двух фрагментах незаконченной драмы Гете «Эльпенор», написанных в 1781 и 1783 гг.

⁴ 22 июня произошло окончательное оформление актов о продаже имения.

⁵ 23 июня Гете пригласил к себе Виланда, жившего в Османштедте (в непосредственной близости от Оберроссла), и вечером того же дня проводил его до дому.

ПИСЬМО 474

¹ По-видимому, для «Альманаха Муз на 1799 год».

² «Эльпенор» (см. примеч. 3 к письму 473).

³ «Часовня в лесу» и несколько меньшая по объему «Осенняя ночь» Луизы Брахман (см. письма 415, 418 и 425).

ПИСЬМО 475

¹ Август Шлегель послал 20 июня Гете два стихотворных послания: «К Фридерике Унцельман» и «Новый Пигмалион. К Иффланду». Оба стихотворения были напечатаны в «Альманахе Муз на 1799 год».

² О чем письмо идет речь, неизвестно.

³ Заметка «О магнитах», написанная 20 июня в Иене и в тот же день переданная Шиллеру (см. примеч. 1 к письму 471).

⁴ Шиллер предложил для нового журнала название «Художник».

ПИСЬМО 476

¹ См. примеч. 2 к письму 472.

² Позднее Август Шлегель прислал Шиллеру еще два стихотворения для альманаха, и в том числе — балладу «Кампаспа» (см. письмо 487).

³ «Пигмалион» Августа Шлегеля был напечатан в «Альманахе Муз на 1797 год» (см. письмо 362)

ПИСЬМО 477

¹ В июне — июле Гете обдумывает замысел поэмы о Телле (см. также письмо 419 и примеч. 1 к нему). Последний раз «Телль» упоминается Гете спустя несколько недель (письмо 485); позднее он уступил этот сюжет Шиллеру для пьесы, написанной в 1803—1804 гг.

² Стихотворение «У реки», написанное в 1769 г. во Франкфурте и опубликованное впервые в «Альманахе Муз на 1799 год».

ПИСЬМО 478

Этому письму предшествовал краткий визит Гете в Иену (с 6 по 9 июля). Под помехами, о которых пишет ниже Шиллер, подразумевается срочный вызов из Веймара в связи со служебными делами.

¹ Заметка «О магнитах» (см. примеч. 4 к письму 475).

² Шиллер имеет в виду пребывание Гете в Иене с 18 августа по 5 октября 1796 г., когда, в частности, была начата идиллия «Герман и Доротея» (см. примеч. 3 к письму 225).

³ Стихотворение Грися «Путник» Шиллер в альманах не включил.

ПИСЬМО 479

¹ Карл Матиас Гирт из Эрлангена; из присланных им стихотворений Шиллер отобрал для альманаха два сонета.

ПИСЬМО 480

¹ Эта схема не сохранилась.

² Для опытов по магнетизму; Гете заказал их в Ильменау, послав туда деревянные модели, изготовленные по его чертежам.

³ В зале веймарского театра до перестройки были только места в партере. Теперь же, в соответствии с замыслом Гете, здесь были поставлены колонны, несущие обширный балкон, который полукругом опоясывал зал.

ПИСЬМО 481

- ¹ Для «Пропилей». О каких именно статьях идет речь, неизвестно.
² В письме 480 (см. примеч. 1 к нему).
³ Гете привез семена этой свеклы из Швейцарии.

ПИСЬМО 483

- ¹ Имеются в виду материалы, относящиеся к прошлогоднему путешествию (см. письмо 359).
² Заметку «О магнитах», которую, однако, Шиллер уже передал неделю назад Гейсту (см. письмо 478).
³ Статью «Опыт как посредник между объектом и субъектом» (1793), посланную Шиллеру в январе (см. письмо 404).
⁴ Для «Пропилей» (см. примеч. 1 к письму 481).

ПИСЬМО 484

- ¹ Еще весной 1797 г. у Шиллера возник замысел оды в духе Пиндара; с этим, по-видимому, и был связан новый замысел стихотворения в дистихах («Счастье»), написанного летом 1798 г. и включенного в состав «Альманаха Муз на 1799 год».
² См. примеч. 3 к письму 472.
³ Шиллер читал в эти дни сборник произведений мадам де Сталь («Recueil de morceaux détachés», Лозанна, 1795), включавший четыре новеллы и эссе о поэзии; последний появился в переводе Гете в «Орах» в 1796 г. (см. примеч. 2 к письму 107).
⁴ Август и Людвиг фон Вольцогены.

ПИСЬМО 485

- ¹ Известный эпизод из биографии Лютера: в мае 1521 г. по приказу саксонского курфюрста Фридриха III Мудрого было инсценировано похищение Лютера с тем, чтобы укрыть его от императора и папской курии. Лютер содержался некоторое время в замке Вартбург, где и начал свой перевод Библии.
² См. описание этого метода в письме 456.
³ Т. е. подборку для «Пропилей». В первом номере журнала были опубликованы статьи Гете «Введение в «Пропилей», «О Лаокооне» и «О правде и правдоподобию в произведениях искусства», а также статьи Мейера «О предметах изобразительного искусства», «Об этрусских памятниках» и первая часть работы о произведениях Рафаэля.
⁴ Мартин ван Марум был в гостях у Гете 20 и 21 июля, согласно дневниковым записям. Книга его, о которой идет речь, — «Описание очень большой электрической машины, находящейся в собрании Тейлера в Гаарлеме, и экспериментов, которые делаются с ее помощью» (Гаарлем, 1795).
⁵ Даннекер прислал с Туре набросок к рельефу со сценой из мифа об Андромеде; позднее — в письме к Гете от 30 сентября — он подробно изложил свой замысел. В ответном письме (от 7 октября) Гете отрицательно отозвался об этом замысле и сослался на статью Мейера «О предметах изобразительного искусства».
⁶ Статья эта не была написана.

ПИСЬМО 486

¹ Стихотворение это, написанное 15 июня в Иене и тогда же переданное Шиллеру, названо в дневнике «Хранители Парнаса» (Шиллер, по-видимому, не знал об этом названии). Позднее стихотворение публиковалось под названием «Дифирамб» и — в окончательном варианте — как «Немецкий Парнас».

² Иоганн Вильгельм Риттер, «Доказательство того, что гальванизм неизменно сопутствует жизненным процессам в мире животных» (Веймар, 1798).

³ Во втором номере «Атенея» были опубликованы «Фрагменты» Фридриха Шлегеля, написанные при участии Августа Шлегеля, Фридриха Шлейермахера и Новалиса.

ПИСЬМО 487

¹ См. примеч. 3 к письму 485.

² Статья Мейера «Об этрусских памятниках», представляющая собой обработку двух его писем к Гете из Италии (1796); Шиллер был знаком лишь с материалом первого письма.

³ Т. е. Август Шлегель и его баллада «Кампаспа» (см. примеч. 2 к письму 476).

⁴ Стихотворение Августа Шлегеля, адресованное Фридриху Вильгельму III, обсуждалось, согласно дневнику Гете, 24 июля у Анны Амалии в Тифурте.

⁵ Гете имеет в виду Бёттигера (см. примеч. 5 к письму 450).

ПИСЬМО 488

¹ Письмо Вильгельма Гумбольдта от 12 июля — ответ на отзыв Шиллера о его работе, посвященной «Герману и Доротее».

² Послания Канта были опубликованы в 1798 г. в Кенигсберге («Два послания к господину Фридриху Николаи, издателю»).

³ Т. е. чета Вольцгоенов и Луиза Ленгефельд, теща Шиллера.

ПИСЬМО 489

¹ См. примеч. 3 к письму 472.

² «Введение в «Прописи», открывавшее первый номер журнала.

³ Статья эта не была написана.

ПИСЬМО 490

¹ См. примеч. 2 к письму 487.

² В календаре Шиллера отмечено получение 30 июля стихотворений некоего барона Е. из Копенгагена; ни одно из них в альманахе напечатано не было.

³ Законченное стихотворение — по-видимому, «Счастье» (см. письмо 484 и примеч. 1 к нему); о каком втором стихотворении здесь идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 491

¹ С 1 по 16 августа Гете жил в Иене. Затем он провел несколько дней в Оберроссле и 18 августа вернулся в Веймар. Визит Шиллера, о котором говорится в этом письме, должен был состояться 17—18 августа (Гете предполагал отвезти Шиллера домой на обратном пути в Веймар).

¹ Речь идет о балладе «Поединок с драконом», написанной между 18 и 26 августа и опубликованной в «Альманахе Муз на 1799 год».

² 13 августа Шиллер отослал рукопись Вильгельма Гумбольдта издателю Фивегу.

ПИСЬМО 492

¹ Карл Август вернулся в Веймар из Берлина 23 августа.

ПИСЬМО 493

¹ Шиллер имеет в виду XIX гл. «Поэтики» Аристотеля, где рассматривается словесное выражение мысли.

² Жан-Поль с 1798 г. жил в Веймаре у Гердера.

³ В «Альманахе Муз на 1799 год» было напечатано десять стихотворений Маттиссона.

⁴ См. примеч. 3 к письму 478. Из новой партии Шиллер отобрал для альманаха три стихотворения.

ПИСЬМО 494

¹ Речь идет о свадьбе Христиана Готлиба Фойгта, сына министра.

ПИСЬМО 495

¹ Т. е. статью Мейера «Ниоба и ее дети», вошедшую, однако, во второй номер «Пропилей».

ПИСЬМО 497

¹ Шиллер имеет в виду статью «Опыт как посредник между объектом и субъектом». Гете опубликовал ее лишь в 1823 г. (см. примеч. 1 к письму 404).

² Жан Батист Клери, «О событиях, происходивших вокруг Тампля во время заточения там Людовика XVI, короля Франции» (Лондон, 1798).

ПИСЬМО 498

¹ Шиллер намекает на размолвку между ним и Фихте, происшедшую летом 1795 г. (см. письмо 79 и примеч. 1 к нему).

² См. письмо 391.

³ См. письмо 390 и примеч. 2 к нему.

⁴ Эпизод из микенского цикла мифов. Пелопия, дочь Фиеста, стала женой Атрея, брата своего отца, не знавшего о ее происхождении. Незадолго до этого она сблизилась с незнакомцем, не подозревая, что он — ее отец, и родила от этой связи сына Эгиста. Когда Эгист вырос, Атрей подговорил его убить Фиеста. Однако во время встречи отца и сына все раскрылось, Пелопия покончила с собой, а Эгист убил Атрея.

ПИСЬМО 499

¹ Гете намекает здесь на тезис, провозглашенный во «Фрагментах» Фридриха Шлегеля.

² Шиллер включил в состав «Альманаха Муз на 1799 год» стихотворения Карла Филиппа Конца «Любовный призыв» (с теми же мотивами тайной любви, что и в «Тайне» Шиллера) и Самуэля Готлиба Бюрде «Изумление» (в котором ощущалось сильное влияние любовной лирики Гете).

³ В стихотворении Маттиссона «Ведьма», отобранном Шиллером для альманаха, некоторые строки (особенно начальные) перекликались со строками баллады Гете «Ученик чародея».

ПИСЬМО 500

¹ Т. е. баллады самого Шиллера: «Поединок с драконом» и «Порука».

² Стихотворение «Элевсинский праздник», законченное 7 сентября и опубликованное в «Альманахе Муз на 1799 год» под названием «Песнь граждан».

³ Стихотворение «Счастье» (см. примеч. 1 к письму 484).

⁴ Рецензия Конца на «Альманах Муз на 1798 год» была напечатана в газете «Тюбингенские ученые известия» (№ 4 от 4 января 1798).

ПИСЬМО 503

¹ «Поединок с драконом», см. письмо 504.

² Шиллер имеет в виду балладу «Порука», также посланную с этим письмом.

³ Т. е. 6 сентября. Приезд Шиллера задержался на несколько дней из-за болезни (см. письмо 509).

⁴ Роман Тика «Странствия Франца Штернбальда» (Берлин, 1798).

ПИСЬМО 504

¹ Книгу Пьера Лионнэ «Анатомическое исследование гусеницы, пожирающей листья вербы» (Гаага — Амстердам, 1762).

ПИСЬМО 505

¹ «Элевсинский праздник» (см. примеч. 2 к письму 500).

² Т. е. Амалия фон Имхоф и Софи Мери.

³ См. примеч. 1 к письму 414.

⁴ Песня «Жалоба девушки», опубликованная в «Альманахе Муз на 1799 год» и включенная позднее в текст «Пикколомини» (действие 3, явл. 7).

⁵ Баллад «Поединок с драконом» и «Порука», посланных с письмом 503.

ПИСЬМО 506

¹ Первая опечатка находилась в гетевском «Метаморфозе растений».

² См. примеч. 1 к письму 494. Набросок этого стихотворения не сохранился.

³ Жан-Поль.

ПИСЬМО 507

¹ «Элевсинский праздник» (см. примеч. 2 к письму 500).

² Книгу Лионнэ (см. примеч. 1 к письму 504).

ПИСЬМО 509

С 10 по 15 сентября Шиллер жил в Веймаре. В дневниковых записях Гете отмечаются беседы о «Валленштейне» и о его постановке в веймарском театре.

¹ Т. е. «Лагерь Валленштейна».

² С 9 сентября 1798 г. Котта издает «Всеобщую газету» вместо «Новейшего мироведения» (см. примеч. 5 к письму 408). Поселыт руководил и этой газетой, хотя формально не был объявлен ее редактором.

³ Речь идет об одном из пробных листов альманаха.

⁴ См. письмо 505.

ПИСЬМО 512

¹ См. примеч. 3 к письму 472.

² Книга Гумбольдта особого успеха не имела.

ПИСЬМО 513

С 22 сентября по 1 октября Гете жил в Иене.

¹ Август и Людвиг фон Вольцогены.

ПИСЬМО 514

¹ Работа Шиллера «История Тридцатилетней войны» (Лейпциг, 1793) нужна была Гете как источник для песни «Разорение Магдебурга», которой предполагалось начать постановку «Лагеря Валленштейна» в веймарском театре. Гете написал эту песню, сохранившуюся в его на-

следии; однако она его не удовлетворила, и он подготовил к спектаклю «Солдатскую песню» (см. письмо 519), к которой Шиллер добавил несколько строф.

² О какой пьесе идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 515

¹ Постановка «Лагеря Валленштейна» 12 октября открывала новый сезон в перестроенном веймарском театре (см. письмо 480 и примеч. 3 к нему). К этому торжественному открытию театра Шиллер написал стихотворение «Пролог», прочитанное перед спектаклем одним из актеров труппы (Генрихом Фосом). Теперь во всех письмах Гете и Шиллера, предшествующих постановке, прологом именуется это стихотворение, а «Лагерь Валленштейна» обозначается как прелюдия.

ПИСЬМО 516

¹ «Пролог» (см. примеч. 1 к письму 515). Стихотворение это было напечатано 24 октября во «Всеобщей газете» Поссельта, а затем вошло в состав «Альманаха Муз на 1799 год».

ПИСЬМО 517

¹ Намек на «вездесущего» (Ubique) Бёттигера (см. письма 408, 434 и др.).

ПИСЬМО 518

¹ Т. е. в «Лагере Валленштейна» (см. примеч. 1 к письму 515).

ПИСЬМО 519

¹ Лейзринг играл в «Лагере Валленштейна» роль первого егеря, Вейраух — вахмистра, Хайде — первого кирасира.

² Т. е. Абрахама а Санта Клара (1644—1709), знаменитого проповедника и писателя. Его проповедь «Вставайте, христиане» (1683) Шиллер использовал для проповеди капуцина в «Лагере Валленштейна».

³ Антон Генаст, исполнитель роли капуцина.

⁴ См. примеч. 1 к письму 514.

ПИСЬМО 520

¹ Осуществить подобную замену на спектакле оказалось невозможным (см. письма 521 и 522); позднее и сам Шиллер отказался от этой мысли (см. примеч. 1 к письму 522).

² Герцог Бернгард Саксен-Веймарский, один из виднейших протестантских полководцев в Тридцатилетнюю войну. Его армия взяла имперский город Регенсбург в ноябре 1639 г.

³ См. примеч. 1 к письму 514.

⁴ Возвращение Шеллинга было связано с его назначением в Иенский университет (см. примеч. 3 к письму 450).

⁵ Речь идет о Иоганне Баптисте Лахере, студенте, который покинул Иену, чтобы вступить во французскую армию.

ПИСЬМО 521

¹ Исправления Гете коснулись лишь второй строфы пролога. Гете ввел в пролог две строки, в которых назвал веймарский театр «колыбелью юношеских сил, поприщем для подрастающих талантов»; он также смягчил хвалебное высказывание Шиллера о гастролях Иффланда и убрал намек на возможный приезд Шрёдера в Веймар.

ПИСЬМО 522

¹ При печатании своей трилогии («Валленштейн, драматическая поэма», Тюбинген, 1800) Шиллер вернулся к первоначальному тексту и снял упоминание о газете.

² Шиллер отказался впоследствии и от этого варианта. Сомнения Гете были вызваны тем, что реплика о «старом парике» окажется непонятной для зрителей, так как она относится к послу императора Квестенбергу, который появляется на сцене не в «Лагере Валленштейна», а в «Пикколомини». В издании трилогии был восстановлен первоначальный текст.

ПИСЬМО 523

¹ Гете, по-видимому, изменил строки 32 и 41 пролога, в которых высказывалась мысль о том, что творение актера («мима») исчезает вместе с ним; изменено было и начало четвертой строфы с утверждением относительно начала новой эры веймарского театра. Текст, подготовленный Гете для спектакля, не сохранился.

² Гете обыгрывает здесь одну из своих любимых пословиц: «Пусть каждый занимается своим делом, и тогда в доме все будет в порядке».

³ Рецензия на представление «Лагеря Валленштейна», напечатанная во «Всеобщей газете» Поссельта 7 ноября под названием «Открытие веймарского театра».

ПИСЬМО 524

¹ Т. е. «Всеобщая газета» с будущей рецензией Гете (см. примеч. 3 к письму 523).

ПИСЬМО 525

¹ Проповедь Абрахама а Санта Клара «Вставляйте, христиане» (см. примеч. 2 к письму 519).

² В окончательном варианте проповедь капуцина (явл. 8) предшествовала поимке крестьянина, мошенничавшего в игре в кости (явл. 10). Сцена с рекрутом была помещена перед проповедью, но отделена от нее ссорой между солдатами из-за служанки и общим танцем.

³ Шиллер отказался от мысли ввести сцену со шпильманом: вальс, непосредственно предшествующий проповеди, в «Лагере Валленштейна» наигрывают рудокопы.

ПИСЬМО 527

Этому письму предшествовал приезд Шиллера в Веймар 11 октября к открытию театрального сезона (12 и 13 октября — представление «Лагеря Валленштейна»). Утром 14 октября Шиллер уехал в Иену, Гете же через несколько часов последовал за ним и вечером того же дня нанес ему визит. В Иене он пробыл до 22 октября; в дневниковых записях Гете отмечаются, в частности, беседы о второй пьесе трилогии, т. е. о «Пикколомини».

¹ Речь идет, по-видимому, о рецензии на представление «Лагеря Валленштейна» (см. примеч. 3 к письму 523).

ПИСЬМО 529

¹ Т. е. черновик упомянутой рецензии.

ПИСЬМО 532

¹ В новом театральном здании; первый маскарад состоялся 26 октября.

² Гете послал Шрёдеру 7 октября рукописную копию «Лагеря Валленштейна» с краткой, но очень любезной запиской. Шрёдер ответил ему 17 октября уклончивым письмом; его гастроли в Веймаре не состоялись, и в том же году он навсегда покинул сцену.

ПИСЬМО 533

¹ Иффланд обратился 5 октября с письмом к Шиллеру, попросив как можно скорее прислать экземпляры «Лагеря Валленштейна» для постановки в Берлине. Шиллер ответил ему 15 октября, изложив подробный план всей трилогии и свои условия (см. письма 541 и 544).

ПИСЬМО 535

¹ Речь идет о краткой записке Кёрнера от 13 октября относительно только что полученного экземпляра альманаха.

² Т. е. ко «Введению в «Пропилеи» и к диалогу «О правде и правдоподобии в произведениях искусства». Это намерение Шиллер не осуществил.

³ Третье представление «Лагеря Валленштейна» действительно состоялось 3 ноября.

ПИСЬМО 537

¹ Гете пробыл в Оберроссле со 2 по 6 ноября.

² См. письма 532 и 535.

³ Матф. 13, 3—23.

ПИСЬМО 538

¹ Т. е. сценами между Максом Пикколомини и Тэклой («Пикколомини», действие 3, явл. 3 и след.).

² Сцены из первого действия «Пикколомини» (соответственно явл. 2 и 3).

³ См. примеч. 1 к письму 533.

ПИСЬМО 540

С 11 по 29 ноября Гете жил в Иене. Согласно его дневниковым записям, в продолжении всего этого времени беседы Гете и Шиллера касались главным образом учения о цвете и некоторых вопросов философии естествознания.

¹ Т. е. отдельного издания его переводов из Проперция, только что вышедшего в Лейпциге (см. примеч. 1 к письму 449).

² Иоганн Георг Зульцер, «Всеобщая теория изящных искусств в алфавитном порядке», в 2-х т. (Лейпциг, 1771—1774).

ПИСЬМО 541

¹ См. примеч. 1 к письму 533. Иффланд в письме от 17 ноября ответил согласием на условия Шиллера (см. также письмо 544).

ПИСЬМО 542

¹ Гете был приглашен на вечер в дом к профессору Шютцу, издателю «Всеобщей литературной газеты».

² Речь идет о большой работе Гете «Коллекционер и его близкие», опубликованной во втором номере «Прописей».

³ О какой книге идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 543

¹ Ирония Шиллера (так же, как и Гете в предыдущем письме) объяснялась тем, что у Шютца в этот вечер предполагался большой прием.

² Начиная с сентября Гете работал над переводом эссе Дидро «О живописи», опубликованным во втором номере «Прописей».

ПИСЬМО 544

¹ Речь идет о посылке копии «Лагеря Валленштейна» (см. письма 533 и 541). Относительно судьбы берлинской постановки см. примеч. 2 к письму 576.

² В декабре Гете послал Иффланду четыре солдатских мундира, сшитых по эскизам Мейера для веймарской постановки «Лагеря Валленштейна».

ПИСЬМО 545

¹ Иоганн Фриз и упоминаемый ниже Франц Христиан Лерзе нанесли визит Гете сразу же по его возвращении в Веймар, 30 ноября.

² Собственно, Мартин Шёнгауэр, выдающийся немецкий живописец XV в. В бумагах Гете сохранился набросок его характеристики.

³ Виланда, Фриза и Лерзе, упомянутых в дневниковой записи.

ПИСЬМО 546

¹ Сцена с астрологом Сэни при последующем делении трагедии оказалась отнесенной к началу «Смерти Валленштейна» (действие I, явл. 1). Новый набросок сцены, приложенный Шиллером к этому письму, изобилует специфическим астрологическим материалом; вняв советом Гете (см. письма 547—550), Шиллер вернулся к первоначальному замыслу — сцена в окончательном варианте хотя и происходит в «астрологической комнате», однако невелика по объему и ограничена в материале. Набросок, о котором идет здесь речь, сохранился.

ПИСЬМО 547

¹ В присланном наброске этой сцены решение Валленштейна отпасть от императора вызывается предсказанием Сэни, в котором все пять слов, образующих пентаграмму, начинаются с буквы «F» (Валленштейн в 1622 г. стал герцогом Фридрихским).

ПИСЬМО 548

¹ Якоб Рейнегг, «Общее историко-топографическое описание Кавказа», в 2-х т. (Гота — Петербург, 1796—1797).

ПИСЬМО 549

¹ Фридрих Вильгельм II, умерший 16 ноября 1797 г., испытывал значительный интерес к астрологии и алхимии. Откуда Гете узнал о надеждах, которые король возлагал на драму Шиллера, неизвестно.

² См. примеч. 1 к письму 547.

ПИСЬМО 551

¹ См. примеч. 2 к письму 416.

ПИСЬМО 553

¹ Гете написал эту рецензию 11 декабря. Несмотря на сомнения Шиллера (см. письмо 554), он отослал ее Котте, и 23 декабря она появилась во «Всеобщей газете».

² Речь идет о печатании журнала не в Штутгарте, а в Иене.

ПИСЬМО 554

¹ Шиллер обыгрывает здесь определение вкуса, данное в книге Станислава Буффлера «Беседа о литературе» (Берлин, 1798): Согласно Буффлеру, вкус есть «чувство такта, присущее разуму, ощущение того, что должно понравиться».

² Гарве умер 1 декабря 1798 г.

³ Поводом к этому послужило так называемое «дело об атеизме Фихте». В 1798 г. в «Философском журнале» были опубликованы статья Фридриха Карла Форберга «Развитие идеи религии» и небольшая заметка Фихте с возражениями против некоторых тезисов этой статьи. Тотчас же вслед за этими публикациями появилась анонимная брошюра «Письмо отца к сыну-студенту об атеизме Форберга и Фихте», послужившая поводом для официального расследования дела. Номера журнала были конфискованы, а в 1799 г. Фихте пришлось уйти из Иенского университета.

⁴ Коцебу, бывший в 1797—1798 гг. директором венского Бургтеатра, обратился в ноябре к Шиллеру с просьбой о предоставлении «Валленштейна» для постановки; Шиллер ответил ему 16 ноября, выразив свои опасения относительно возможного цензурного запрета драмы. Тем временем конфликт Коцебу с венским двором, приведший в конечном счете к его отставке, послужил поводом для слухов о его аресте.

⁵ Т. е. актрису Вильгельмину Теллер, принятую с января 1799 г. в веймарскую труппу на это амплуа. Гете вначале думал о ней как о герцогине (жене Валленштейна), но затем поручил ей роль графини Терцки, которую она и исполняла.

ПИСЬМО 555

¹ «Антропология, рассмотренная в прагматическом отношении» (Кенигсберг, 1798).

² В упомянутой книге Кант указывает три ступени в развитии разума у человека: понятливость (в двадцать лет), ум (в сорок) и мудрость (в шестьдесят).

ПИСЬМО 556

¹ Туре (см. письмо 414 и примеч. 12 к нему) во время своих визитов в Веймар пользовался несколькими комнатами в замке.

ПИСЬМО 558

¹ Т. е. Октавио и Макс Пикколомини, персонажи второй части трилогии. Шиллер послал «Пикколомини» Иффланду в тот же день. Спешка, в которой завершилась эта пьеса, объясняется не только настоятельными требованиями Иффланда, но и приближением срока постановки в Веймаре: 30 января, в день рождения герцогини Луизы.

ПИСЬМО 560

¹ См. примеч. 2 к письму 544.

ПИСЬМО 561

¹ Вероятно, сам Кирмс, подписавший письмо.

ПИСЬМО 562

¹ В конечной редакции трилогии это место находится в «Смерти Валленштейна» (действие 3, явл. 4).

² Шиллер включил в «Пикколомини» недавно написанное им стихотворение «Жалоба девушки» (см. письмо 505 и примеч. 4 к нему).

³ Т. е. графини Терцки.

⁴ Фридриху V Пфальцскому, избранному в 1619 г. чешским королем (событие, связанное с выходом Чехии из державы Габсбургов и началом Тридцатилетней войны).

ПИСЬМО 563

¹ Речь идет о «рецензии» Кёрнера на «Альманах Муз на 1799 год», приложенной к его письму Шиллеру от 27 декабря (см. письмо 535).

² «Пикколомини».

³ «Смерть Валленштейна» была закончена в марте 1799 г.

ПИСЬМО 564

¹ Т. е. с разделением драмы о Валленштейне на две части.

² Гете имеет в виду рассказ Тэклы о составлении ее гороскопа перед объяснением с Максом Пикколомини («Пикколомини», действие 3, явл. 4).

ПИСЬМО 565

5 января Шиллер приехал в Веймар, чтобы принять участие в постановке «Пикколомини», первая пробная читка которого состоялась через несколько дней (8 января). Вместе с Гете он принимал деятельное участие в репетициях пьесы вплоть до первого представления 30 января. Второй раз «Пикколомини» был показан 2 февраля. В дневниковых записях Гете отмечаются также беседы о «Прописях» и естественнонаучных исследованиях Гете (главным образом — учении о цвете). Шиллер встречался у Гете с Виландом, приехавшим на несколько дней в Веймар, с Гердером, Жан-Полем, Бертухом и другими веймарскими литераторами. Утром 7 февраля Гете и Шиллер вместе уехали в Иену, где Гете оставался до конца месяца.

¹ Шиллер занимал комнаты Туре в замке (см. письмо 556).

ПИСЬМО 567

¹ Над «Смертью Валленштейна».

ПИСЬМО 568

¹ Речь идет о совместной статье Гете и Шиллера «Пикколомини», первая часть «Валленштейна», появившаяся во «Всеобщей газете» (25—31 марта 1799 г.).

ПИСЬМО 569

¹ Речь идет, по-видимому, о брошюре Фихте «Апелляция к публике» (Тюбинген, 1799), посвященной делу о его атеизме (см. примеч. 3 к письму 554) и присланной им Шиллеру с письмом от 18 января, а также о письме Иффланда от 12 января с восторженным отзывом о «Пикколомини».

² В упомянутом выше письме Иффланд сообщал о своих колебаниях в выборе между ролями Октавио Пикколомини, Гордона и Буттлера. Шиллер ответил ему 25 января, посоветовав сыграть Октавио (см. примеч. 5 к письму 578).

³ 19 января в веймарском театре шла «Свадьба Фигаро» Моцарта (1786).

ПИСЬМО 570

¹ См. примеч. 5 к письму 554.

ПИСЬМО 571

¹ Буквально — Wochner (от Woche — «неделя») — дежурные режиссеры из числа актеров, сменявшие друг друга раз в неделю (см. примеч. 3 к письму 250).

ПИСЬМО 573

Фос играл Макса Пикколомини.

ПИСЬМО 574

¹ Т. е. второе представление «Пикколомини». Третье состоялось в апреле (см. письмо 595 и вступительный комментарий к нему).

ПИСЬМО 576

Гете пробыл в Иене с 7 по 28 февраля. В его дневниковых записях отмечаются: работа над рецензией о «Пикколомини» (см. примеч. 1 к письму 568), беседа с Шиллером о новых трагических сюжетах и особенно о «Марии Стюарт», работу над которой Шиллер начал в марте (сразу же по окончании «Смерти Валленштейна»), обсуждение естественноисторических исследований Гете (история учения о цвете).

¹ Т. е. первый акт «Смерти Валленштейна».

² Иффланд сообщил письмом от 10 февраля о невозможности сыграть «Лагерь Валленштейна» в Берлине из-за протестов двора и военных.

ПИСЬМО 577

Письмо Кёрнера от 20 февраля, почти целиком посвященное только что вышедшей книге Гумбольдта о «Германе и Доротее».

² О чем идет речь, неизвестно.

³ Об этом любительском спектакле Шиллер узнал из письма Шарлотты Шиммельман к его жене. Виновником здесь и в самом деле оказался Бёттигер.

⁴ Бёттигер опубликовал в февральском номере «Журнала роскоши и мод» рецензию на «Пикколомини» и прислал ее Шиллеру. В письме к нему, написанном 1 марта, Шиллер возразил против трактовки образов Октавио Пикколомини (которого Бёттигер назвал негодяем), графини Терцки и самого Валленштейна. Согласно Бёттигеру, темой трагедии было падение великого человека. Шиллер ответил на это: «Исторический Валленштейн *не был велик*, и поэтический тоже *не должен был стать великим*».

ПИСЬМО 579

¹ В январе Кнебель прислал Гете свой перевод первой книги поэмы Лукреция «О природе вещей». Сам Гете только что опубликовал в «Альманахе Муз на 1799 год» большую «дидактическую» элегию «Метаморфоз растений». Отсюда и замысел большой натурфилософской поэмы, оставшийся, однако, неосуществленным. Уже после смерти Шиллера, в 1806 г., Гете приступает к работе над стихотворением «Метаморфоз животных», вышедшим в свет в 1820 г.

² Разговор этот состоялся, по-видимому, в марте — апреле или в мае 1798 г., в один из визитов Гете в Иену.

³ Бёттигер в письме к Шиллеру от 3 марта предложил послать рукопись «Пикколомини» Шрёдеру, чтобы побудить его приехать в Веймар, если постановка пьесы в гамбургском театре окажется невозможной.

⁴ Христиан Вильгельм Опитц был директором театра в Дрездене.

⁵ Первое представление «Пикколомини» в Берлине состоялось 18 февраля. Иффланд действительно играл Октавио (см. письмо 569 и примеч. 2 к нему).

ПИСЬМО 580

¹ Т. е. письмо Бёттигера (см. примеч. 3 к письму 579).

² См. примеч. 4 к письму 577.

³ Опера Антонио Сальери «Пальмира, царица Персии» (1795).

ПИСЬМО 582

¹ Журнал Фридриха Шлегеля.

² В дневниковых записях Гете за 9—13 марта отмечается работа над схемой «Ахиллеиды» и началом первой песни.

ПИСЬМО 583

¹ Двух актов «Смерти Валленштейна».

ПИСЬМО 586

¹ «Смерть Валленштейна» была завершена на следующий день и отослана Гете утром 18 марта, в понедельник, как и предполагал Шиллер.

ПИСЬМО 587

¹ Гастроли знаменитой берлинской актрисы Фридерики Унцельман в Веймаре, переговоры о которых велись с весны 1798 г., так и не состоялись. «Смерть Валленштейна» действительно была поставлена в Веймаре в апреле (см. вступительный комментарий к письму 595).

ПИСЬМО 588

¹ В окончательной редакции трагедии вслед за монологом Тэклы («Смерть Валленштейна», действие 4, явл. 12) помещены два кратких явления.

ПИСЬМО 589

¹ Финал трагедии (действие 5, явл. 12); в дом, где только что совершилось убийство Валленштейна, прибывает гонец императора с письмом к Октавио Пикколомини; комендант города принимает письмо и читает надпись на пакете — «Князю Пикколомини».

ПИСЬМО 590

¹ «Илиада», XVIII, 369 и след.

² Речь идет о поэме «Сестры с Лесбоса», о замысле которой Гете сообщил Шиллеру еще в феврале 1798 г. (письмо 418). Гете принял деятельное участие в редактировании поэмы вплоть до ее опубликования в «Альманахе Муз на 1800 год».

ПИСЬМО 592

С 21 марта по 10 апреля Гете пробыл в Иене. В его дневниковых записях за это время отмечается широкий круг тем, обсуждавшихся в беседах с Шиллером: «Валленштейн», новые замыслы Шиллера (в особенности «Мессинская невеста»), греческая трагедия, планы новых работ для «Пропилей» (в том числе статья Гете о дилетантизме) и т. д. 10 апреля Гете и Шиллер вместе уехали в Веймар.

¹ «Ахиллеида», 354.

ПИСЬМО 593

¹ Речь идет все о той же «Ахиллеиде». Однако на этом Гете закончил работу над поэмой и больше к ней не возвращался; в переписке упоминаний о ней с этого момента нет. Законченный отрывок «Ахиллеиды» был напечатан в 1808 г. в одном из томов тринадцатитомного собрания сочинений Гете, выпущенного Коттой (Тюбинген, 1806—1810).

ПИСЬМО 595

Шиллер пробыл в Веймаре с 10 по 25 апреля, принимая участие в репетициях «Смерти Валленштейна». Премьера состоялась 20 апреля; ей предшествовало третье представление «Пикколомини» (17 апреля).

¹ Замысел пьесы о Марии Стюарт возник у Шиллера еще в 1783 г., когда он познакомился с книгой Уильяма Робертсона «История Шотландии» (Лондон, 1759) и с латинской хроникой Уильяма Кэмдена «Анналы правления Елизаветы, королевы Английской и Ирландской» (Лондон, 1615). Теперь же, в апреле 1799 г., он снова изучает книгу Кэмдена, а также обширный очерк Аркенхольца «История королевы Елизаветы Английской» (в «Историческом календаре для дам на 1790 год», присланном ему издателем календаря Гёшеном).

² Помимо Кэмдена Шиллер заказал в веймарской библиотеке книги Джорджа Бьюкенена «История королевства Шотландского» (Лондон, 1668) и Жана-Батиста Дюшена «История Англии, Шотландии и Ирландии» (Париж, 1714). Упомянутая ниже работа Фридриха фон Гентца «Мария Стюарт, королева Шотландии» была опубликована в «Карманной книжке на 1799 год», изданной Фивегом в Берлине.

ПИСЬМО 596

¹ «Коллекционер и его близкие» («Пропилеи», 1799, № 2).

² См. примеч. 2 к письму 595.

ПИСЬМО 597

С 1 по 27 мая Гете жил в Иене. В его дневниковых записях отмечаются беседы с Шиллером о «Марии Стюарт», о предполагаемой натурфилософской поэме Гете (см. письмо 579. и примеч. 1 к нему), об издании небольших стихотворений Гете в одном томе (что было осуществлено в 1800 г. в «Новых сочинениях» Гете, см. письмо 616 и след.). Однако чаще всего в записях упоминаются обсуждения статьи о дилетантизме, к работе над которой Гете приступил в это время (см. примеч. 1 к письму 601).

¹ «Коллекционер и его близкие» состоит из восьми писем.

ПИСЬМО 598

¹ Шеллинга и Нитхаммера, давних партнеров Шиллера по карточной игре.

ПИСЬМО 599

¹ Лейзринг сбежал из Веймара из-за долгов.

² Троица, день сошествия святого духа на апостолов; тот же мотив обыгрывается и в ответной записке Шиллера.

ПИСЬМО 600

¹ О чем идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 601

¹ Гете начал разрабатывать схему большой статьи о дилетантизме в искусстве (практически во всех видах искусства) в мае, во время пребывания в Иене. Вплоть до сентября он пополнял ее и обсуждал с Шиллером отдельные положения. Замысел этот остался, однако, несущественным; в наследии Гете сохранилась детально разработанная схема.

² Т. е. Гердера и Жан-Поля, которые 20 мая опубликовали извещение о совместном издании нового журнала «Аврора». Геспером же Гете и Шиллер называли порой Жан-Поля еще с 1795 г., когда вышел его роман «Геспер, или 45 дней собачьей почты».

³ Христиан Томазиус (1655—1728), выдающийся философ, правовед и публицист, один из родоначальников немецкого Просвещения, издатель первого немецкого научно-критического журнала «Откровенные забавные и серьезные, разумные и объективные рассуждения, или Ежемесячные беседы обо всем, преимущественно же о новых книгах» (Лейпциг, 1688—1689). Томазиус ратовал за признание прав немецкого языка в науке и общественной жизни; некоторые его работы (в частности, знаменитое «Введение в этику», 1692) написаны по-немецки, и он первым в Германии прочитал университетский курс лекций на родном языке (1687). Сочинение Томазиуса, которое упоминает здесь Шиллер, — «Речь о том, что и как следует перенять у французов для нашей повседневной жизни» (1687).

⁴ Т. е. поэмы «Сестры с Лесбоса» (см. примеч. 2 к письму 590).

ПИСЬМО 603

¹ Работу над «Марией Стюарт».

² Коцебу после своей отставки с поста директора Бургтеатра (см. примеч. 4 к письму 554) жил попеременно в Иене и Веймаре.

ПИСЬМО 605

¹ Кёрнер прислал Шиллеру вместе с письмом от 30 мая рецензию на «Смерть Валленштейна» для «Всеобщей газеты» Поссельта. Рецензия не удовлетворила ни Шиллера, ни Гете и опубликована не была.

² Это представление состоялось 2 июля.

³ Т. е. «Гамбургскую драматургию», в 2-х т. (Гамбург, 1767—1769).

⁴ Софи Ля Рош собиралась навестить Виланда; визит ее состоялся, однако, только в июле (см. письма 628 и 629).

⁵ В июле в Веймаре состоялся аукцион библиотечных дублетов и книг из частных собраний.

ПИСЬМО 606

¹ Фридрих Вильгельм III Прусский и королева Луиза, собиравшиеся нанести визит в Веймар в июле (к их приезду и было приурочено представление «Смерти Валленштейна», упомянутое в предыдущем письме).

² Гете именует так поэтессу Иоганну Сузанну Боль, близкую приятельницу Софи Ля Рош, жившую в городке Лобеда неподалеку от Иены.

³ В майском номере «Нового Немецкого Меркурия» Виланд опубликовал восторженную рецензию на только что вышедшую книгу Гердера «Ум и опыт, метакритика на «Критику чистого разума» (Лейпциг, 1799), направленную против Канта.

⁴ Гете обыгрывает эпизод из Библии (I Книга Царств, 5, 2—4): филистимляне, захватив ковчег завета, поставили его в своем храме рядом со статуей бога Дагона; наутро статуя оказалась поверженной.

⁵ Письмо Вильгельма Гумбольдта к Шиллеру от 26 апреля, которое Гете захватил с собой в мае, уезжая из Иены.

⁶ Карл Вильгельм фон Фрич просил разрешения выписать несколько строк из «Смерти Валленштейна» (см. след. письмо).

⁷ Одноактная опера Чимарозы «Импресарио в затруднении» (1786), уже ставившаяся в Веймаре в 1791 г. по инициативе Гете, который слышал ее в Риме. Для новой постановки Гете несколько переделал либретто, переведенное Вульпиусом, и включил в оперу отдельные номера из зингшпиля Моцарта «Директор театра» (1786).

ПИСЬМО 607

¹ В 1797—1799 гг. в Раштатте происходили переговоры между Францией и германскими государствами для выработки условий договора о мире («Раштаттский конгресс»). Наступление австрийских армий в апреле 1799 г. привело к прекращению переговоров; тогда же два французских представителя были убиты при загадочных обстоятельствах. Христиан Вильгельм фон Доом был послом Пруссии в Раштатте.

² См. примеч. 6 к письму 606. Графф исполнял роль Валленштейна.

ПИСЬМО 608

Этому письму предшествовал краткий визит Шиллера в Веймар 8 июня.

¹ 12 июня в веймарском театре давали пьесу Франца Кратера «Прутский мир» на известный исторический сюжет (неудачный поход Петра I против турок и заключение мира в 1714 г.).

ПИСЬМО 609

¹ Некогого Жандора, о котором ничего более неизвестно.

² Лондонский издатель Гизе в письме от 26 мая просил Шиллера прислать рукопись трилогии о Валленштейне; Саймондс, переводчик «Дон Карлоса», просил о разрешении перевести какие-либо другие пьесы.

ПИСЬМО 610

¹ Т. е. предыдущее письмо. С 10 по 16 июня Гете пробыл в Оберросла и Османштедте.

ПИСЬМО 611

¹ Согласно Аристотелю («Поэтика», XIII), трагедия должна вызывать у зрителя страх за подобного себе и сострадание к его незащеленному несчастью.

² Фос покинул веймарскую труппу только в 1802 г., когда перебрался в Штутгарт.

³ Мейер послал Шиллеру эскизы к плафону садового павильона.

ПИСЬМО 612

¹ Т. е. наследный принц веймарский Карл Фридрих. Многие покои в замке были предназначены для прусской королевской четы и их свиты.

² Обстоятельное описание этого явления Гете включил в «Очерк учения о цвете» (§ 54).

³ Гете приложил к письму второй номер «Пропилей», в котором был напечатан «Коллекционер и его близкие».

⁴ Персонаж и автор некоторых писем в «Коллекционере».

ПИСЬМО 613

¹ Жандор (см. письмо 609 и примеч. 1 к нему).

² Т. е. в связи с «Коллекционером», отзыв о котором и составляет содержание этого письма.

ПИСЬМО 614

¹ В этом абзаце Гете широко использует терминологию, предложенную им в «Коллекционере». Эскизник — художник, обращающийся непосредственно к духу; он способен на удачную мысль, однако все остальное — рисунок, пропорции, формы и т. д. — подменено у него «одной только видимостью этих качеств». Фантомистов влечет к себе пустая призрачность. Ундулисты (от лат. undulation, «волнообразное движение») любят «мягкость и приятность, лишённую характера и значительности». Характерники ищут в искусстве характерного, требуя, чтобы произведение воплощало не только объект, но и понятие о нем. Подражатели — те, кто не может подняться к подлинному искусству от простого подражания действительности. Небулисты (от лат. nebula, «облако») сродни фантомистам, только они «не могут обойтись без облаков».

² Халкография (от греч. χαλκός, «медь») — одно из наименований гравирования на меди. Речь идет об обществе художников-гравёров в Дессау; позднее Мейер опубликовал в «Пропилеях» (1799, № 2) статью об их работах.

³ Гете, вероятно, имеет в виду Гернинга, в начале июня приехавшего в Веймар.

ПИСЬМО 615

¹ Вильгельм и Кристофина Рейнвальды приехали в Иену 24 июня; Шиллер, как и предполагал, проводил их 30 июня до Веймара и провел несколько дней с Гете, см. вступительный комментарий к письму 620.

² Шиллер вспоминает здесь юношеские полемические сочинения Гердера.

³ Имеется в виду визит прусской королевской четы в Веймар (1—3 июля).

ПИСЬМО 616

¹ Речь идет о последнем томе в собрании сочинений Гете, издаваемых Унгером («Новые сочинения» в 7-ми т., Берлин, 1792—1800). Идею такого сборника Гете уже обсуждал с Шиллером в Иене в мае этого года (см. вступительный комментарий к письму 597).

ПИСЬМО 617

¹ Шиллер имеет в виду сборники, посвященные истории немецкой драматургии. Идея эта, также обсуждавшаяся во время свидания Гете и Шиллера в мае в Иене, не была осуществлена.

² Автором этой рецензии был Вольтман (о чем предположил и Унгер в своем письме.).

ПИСЬМО 620

Этому письму предшествовал краткий визит Шиллера в Веймар (с 30 июня по 3 июля). Гете и Шиллер побывали, в частности, на представлении «Смерти Валленштейна», данном в честь прусской королевской четы.

¹ Котта в письмах к Гете (от 2 июня) и к Шиллеру (от 16 июня) выражал свое беспокойство относительно плохого сбыта «Пропилей»; к Шиллеру он обратился и из-за молчания Гете.

² См. примеч. 5 к письму 605.

ПИСЬМО 621

¹ Т. е. сообщением Котты (см. примеч. 1 к письму 620).

² Веймарский театр гастролировал в Лаухштедте с 6 июля по 12 августа. При этом трилогия Шиллера исполнялась дважды.

ПИСЬМО 622

¹ Роль Тэклы исполняла в Веймаре Каролина Ягеман. Поскольку по контракту она не обязана была участвовать в гастроях, то Шиллер предложил Кирмсу передать эту роль Фридерике Фос, которая и играла Тэклу в Лаухштедте.

ПИСЬМО 624

¹ См. письмо 622.

ПИСЬМО 625

¹ См. примеч. 1 к письму 651.

² Серебряный кофейный сервиз.

³ Речь идет о цикле статей Мейера «Об учебных заведениях в сфере изобразительных искусств», позднее опубликованном в «Пропилеях» (1799, № 2)

⁴ Поль де Рапэн-Тойра, «История Англии», в 13-ти т. (Гаага, 1724—1735).

ПИСЬМО 626

¹ Речь идет о посылке очередного номера «Пропилей».

ПИСЬМО 627

¹ Намек на Шеллинга и Нитхаммера, давних карточных партнеров Шиллера; пристрастие же Коцебу к игре в кегли было широко известно, и Гете позднее посмеялся над ним во второй части «Нового Алкиноя».

² План написать статью о последнем номере «Пропилей» для «Всеобщей газеты» не был осуществлен.

³ См. примеч. 1 к письму 601.

ПИСЬМО 628

¹ Гете испросил 10 июля разрешение Карла Августа на превращение Оберроссла в свободно наследуемое владение (с тем, чтобы Август, тогда еще не обладавший правами законного сына, мог унаследовать имение по завещанию).

² См. примеч. 2 к письму 606.

ПИСЬМО 629

¹ Роман Фридриха Шлегеля, изданный в 1799 г. в Берлине. Появление «Люцинды» вызвало многочисленные отклики, по большей части отрицательные: автора обвиняли в имморализме, безвкусице и т. д. Неприязненно встретили книгу и романтики — за исключением философа Фридриха Шлейермахера, опубликовавшего «Доверительные письма по поводу «Люцинды» (1799). Особый интерес к роману вызывался осведомленностью многих читателей о реальных событиях, положенных в его основу (любовь Шлегеля к Доротее Фейт, покинувшей ради него мужа).

² В «Аллегории дерзости», одной из глав романа.

³ Шиллер имеет в виду ряд статей Фридриха Шлегеля, посвященных античности, и в особенности его обобщающую работу этого периода «Об изучении античности» (1797). Родомонтады — хвастливые утверждения (по имени Родомонте, одного из персонажей «Неистового Роланда» Ариосто).

⁴ Роман Фридриха Якоби (1779).

⁵ Роман Тика (1798).

⁶ Август сопровождал свою мать в поездке в Тризниц, курортный городок вблизи Иены.

ПИСЬМО 631

¹ Гете уехал в Оберроссла 21 июля и провел там несколько дней. Свидание Гете и Шиллера состоялось, однако, лишь в сентябре (см. вступительный комментарий к письму 656).

² Тик был у Гете 21 июля (см. письмо 632).

³ В 1799—1801 гг. Тик издал свой перевод «Дон Кихота».

⁴ Меллиш жил в городке Дорнбург близ Иены (Burg — «замок», «крепость»). Намерение перевести трилогию Шиллера он не осуществил.

⁵ Шеридан в 1776—1809 гг. был руководителем лондонского театра Дрюри-Лэйн.

ПИСЬМО 632

¹ С Августом Шлегелем.

² Фридрихом фон Гарденбергом (Новалисом)

ПИСЬМО 633

¹ Речь идет о внучках Софи Ля Рош — Софи Brentано и Сюзетте Гонтар («Диотиме» Гёльдерлина).

² Гете приложил к письму полемиическое сочинение Фридриха Якоби «Послание к Фихте» (Гамбург, 1799) и поэму Эвариста Парни «Война богов» (Париж, 1799).

ПИСЬМО 634

¹ Т. е. визит Шеллинга и Нитхаммера.

² См. примеч. 1 к письму 633.

³ Название участка пути из Османштедта в Иену, где дорога при подъеме на плато изобиловала поворотами.

⁴ Шарлотта Шиллер должна была разрешиться в октябре (см. письма 657 и след.).

ПИСЬМО 635

¹ Гете имеет в виду сочинение Рейнхольда «Послание к Лафатеру и Фихте относительно веры в бога» (Гамбург, 1799). Так называемое «дело об атеизме Фихте» (см. примеч. 3 к письму 554) вызвало множество откликов в печати; с этим же связано, в частности, упомянутое выше «Послание к Фихте» Фридриха Якоби (см. письмо 633 и примеч. 2 к нему).

² Карл Август вернулся в Веймар только 24 августа.

ПИСЬМО 636

¹ Шиллер с женой собирались навестить Луизу Ленгефельд (мать Шарлотты); поездка состоялась в сентябре (см. письмо 642 и вступительный комментарий к письму 656).

ПИСЬМО 637

¹ См. примеч. 1 к письму 616.

ПИСЬМО 639

¹ Подготовка собрания стихотворений в качестве седьмого тома «Новых сочинений» занимала Гете в августе — сентябре, хотя некоторые изменения вносились и позже (см. письмо 730). Книга вышла в свет летом 1800 г.

² Гете имеет в виду венецианский цикл эпиграмм, опубликованный в «Альманахе Муз на 1796 год» (см. письмо 20 и примеч. 3 к нему).

ПИСЬМО 640

¹ Шиллер использует терминологию «Коллекционера и его близких» (см. также примеч. 1 к письму 614). Пунктирщиками, согласно Гете, следует называть художников малых форм, «когда они лишены вдохновения, чувства единства целого, когда они не умеют сообщить произведению необходимую целостность», но в то же время «с величайшей тщательностью испещряют точками маленькую дощечку».

² Речь идет о «Марии Стюарт».

ПИСЬМО 641

¹ В августе и сентябре Гете постоянно вел астрономические наблюдения; при этом он располагал несколькими телескопами, изготовленными веймарскими мастерами Штейном и Аухом.

ПИСЬМО 642

¹ См. примеч. 4 к письму 634.

² Т. е. с Шарлоттой фон Кальб. Переехав в Веймар в декабре, Шиллер арендовал ее квартиру в доме на Виндишенгассе, а в апреле 1802 г. приобрел дом на Эспланаде.

³ В «Сестрах с Лесбоса» Амалии фон Имхоф.

⁴ «Песнь о колоколе», начатая еще летом 1797 г. (см. письмо 342). Шиллер завершил ее в сентябре и опубликовал в «Альманахе Муз на 1800 год».

ПИСЬМО 643

¹ Т. е. третья песня поэмы «Сестры с Лесбоса» Амалии фон Имхоф.

ПИСЬМО 644

¹ Во втором номере «Атенея» была опубликована чрезвычайно острая критическая работа Августа Шлегеля «Литературный имперский вестник, или Архив современной эпохи и современного вкуса». Выпад против Вильгельма Гумбольдта, упомянутый ниже Шиллером, относился к его книге о «Германе и Доротее» Гете.

² В том же номере «Атенея» была опубликована элегия Августа Шлегеля «Искусство греков», посвященная Гете.

³ Шиллер имеет в виду «Фрагменты» Фридриха Шлегеля (см. письмо 486 и примеч. 3 к нему).

⁴ Большое натурфилософское стихотворение «Метаморфоз растений», написанное Гете 17—18 июня 1798 г. и опубликованное в «Альманахе Муз на 1799 год» (см. письмо 579 и примеч. 1 к нему).

ПИСЬМО 645

¹ Лейпцигский художник Иоганн Август Бёттихер, готовивший для альманаха гравюры по рисункам Мейера.

² Т. е. в «Новом Немецком Меркурии», номинально выходявшем под редакцией Виланда.

ПИСЬМО 646

¹ Имя Перкина Уорбека связано с чрезвычайно драматическим периодом истории Англии в конце XV в. Эдуард IV Йоркский умер в апреле 1483 г., оставив престол своему несовершеннолетнему сыну Эдуарду V, регентом при котором стал брат покойного короля герцог Ричард Глостер. Уже в мае Эдуард V и его брат Ричард, заточенные в Тауэр по приказу регента, были убиты, престол захватил Ричард Глостер (Ричард III). В августе 1485 г. Ричард III потерпел поражение и погиб, королем был провозглашен его соперник, Генрих Тюдор (Генрих VII, 1485—1509). Начало выступления Перкина Уорбека, выдававшего себя за принца Ричарда, брата Эдуарда V, относится к 1491 г., когда он получил поддержку со стороны герцогини Маргариты Бургундской, вдовы Карла Смелого (принадлежавшей к династии Йорков по рождению: она была сестрой Эдуарда IV и Ричарда III). У Уорбека нашлось много сторонников на континенте и в самой Англии, однако поход его оказался неудачным; вскоре после высадки в 1497 г. он был разбит и попал в плен, а в 1499 г. казнен. В наследии Шиллера сохранились наброски первой сцены «Уорбека» и подробная схема всей пьесы.

ПИСЬМО 647

¹ Итогом многолетних раздумий о Винкельмане стала большая работа «Наброски к характеристике Винкельмана», опубликованная в 1805 г. в составе сборника «Винкельман и его столетие»; издание это, осуществленное под руководством Гете, включало в себя статьи Мейера, Фернова и Фридриха Августа Вольфа, а также подборку писем Винкельмана. Позднее по инициативе Гете начинается подготовка первого полного собрания сочинений Винкельмана в 8-ми т. (Дрезден, 1808—1820), осуществленного под редакцией Фернова и Мейера.

² Фосс выпустил свой перевод «Георгик» Вергилия в 1789 г.

³ См. примеч. 1 к письму 641.

⁴ Иоганн Иероним Шрётер, «Селенотопографические фрагменты» (Гельмштедт, 1791).

⁵ В первом номере «Прописей» за 1799 год был объявлен конкурс для живописцев на заданную тему — «Афродита, ведущая Елену к Парису» («Илиада», III, 418—426).

ПИСЬМО 648

¹ Стихотворение это не было закончено; наброски его не сохранились.

² См. письмо 605 и примеч. 5 к нему.

ПИСЬМО 651

¹ Кирмс прислал Шиллеру 150 талеров в качестве гонорара за представление трилогии о Валленштейне во время гастролей веймарского театра в Лаухштедте в июле — августе (см. письма 621, 622, 624 и 625).

² С ролью Тэклы (см. примеч. 1 к письму 622).

³ Цитата из Горация («Послания», I, 1, 74), в которой обыгрывается известная басня Эзопа: лиса, которой предлагают навесить больного льва, отвечает, что ее пугают следы посетителей, ведущие только в одну сторону — в львиную пещеру.

ПИСЬМО 652

¹ См. примеч. 5 к письму 647.

ПИСЬМО 654

¹ Сцена встречи Елизаветы и Марии («Мария Стюарт», действие 3, явл. 4).

ПИСЬМО 655

¹ Веймарский театр гастролитовал в Рудольштадте с 19 августа по 23 сентября.

ПИСЬМО 656

Шиллер, гостивший в Рудольштадте с 4 сентября, на обратном пути нанес краткий визит в Веймар (13—15 сентября). Гете уехал в Иену вслед за ним 16 сентября и вернулся в Веймар лишь 14 октября. В дневниковых записях Гете упоминается прежде всего чтение и обсуждение двух законченных актов «Марии Стюарт». Особое место в беседах Гете и Шиллера занимали пьесы французского театра — «Сид» Корнеля, «Митридат» Расина и особенно «Магомет» Вольтера, обработкой которого Гете начал заниматься в это время по просьбе Карла Августа (см. примеч. 2 к письму 657). Обсуждалась и возможность постановки в веймарском театре «Макбета», обработкой которого позднее занялся Шиллер (см. письмо 711 и примеч. 1 к нему). В довольно частых беседах на естественноисторические темы порой принимал участие и Шеллинг.

¹ Гете прислал Шиллеру полученные через Мейера стихотворения Гердера для альманаха.

ПИСЬМО 657

¹ Дочь Шиллера родилась 11 октября. Гете был ее крестным отцом, хотя непосредственно в церемонии крещения не участвовал (см. письма 192 и 193).

² Трагедия Вольтера «Магомет» (1741) уже была предметом обсуждения Гете и Шиллера (см. вступительный комментарий к письму 656). Гете был занят обработкой трагедии до конца года; первое ее представление состоялось 30 января 1800 г.

ПИСЬМО 659

¹ Сюжет вольтеровского «Магомета» состоит в следующем. Благородный старец Зопир, «шейх или шериф Мекки», противостоит честолюбивому, коварному и жестокому пророку Магомету, властелину Медины. Зопир давно уже лишился сына и дочери при таинственных обстоятельствах; он полагает, что они погибли, однако в действительности их воспитали в Медине, скрыв от них правду относительно их происхождения и дав им имена Зеид и Пальмира. Магомет испытывает страсть к Пальмире; когда он открывается ей, то узнает о ее любви к Зеиду и о том, что это чувство взаимно. Тем временем Магомет намеревается убить Зомира, чтобы привести мекканцев к повинению; убийцей должен стать Зеид, которого затем отравят. Омар, ближайший советник и наперсник Магомета, посвящен в этот замысел, благодаря которому Магомет избавится от обоих соперников; знает об этом и другой соратник пророка, Герсид, которому известно происхождение Зеида и Пальмиры. Герсид пытается предотвратить злодеяние; Магомет и Омар устраняют его, однако перед смертью Герсид успеваеt послать письмо в Мекку, в котором раскрывает все. Письмо прибывает в тот миг, когда Зеид, одурманенный ядом, наносит смертельный удар Зомиру. Зеид пытается поднять мекканцев против прибывшего в город Магомета, но умирает; Пальмира, узнав об этом, бросается на меч. В вольтеровской трагедии Герсид ни разу не появляется на сцене, о его намерениях и действиях зрители узнают лишь из бесед Магомета и Омара.

ПИСЬМО 660

¹ Георг Мартинуцци (1482—1551) — кардинал, венгерский государственный деятель. Гете имеет в виду книгу Луи Беше «История правления кардинала Мартинузия» (Париж, 1715).

² Давний замысел Шиллера (см., например, письма 14, 17 и в особенности 386), так и оставшийся неосуществленным. В наследии Шиллера сохранился план трагедии и небольшой фрагмент сцены из первого действия.

³ «Альманах Муз на 1800 год» (Гёттинген); Фосс опубликовал в нем около шестидесяти своих стихотворений и переводов.

ПИСЬМО 661

¹ В эрлангенской «Литературной газете» действительно появилась в октябре 1799 г. чрезвычайно резкая критическая статья, посвященная «Метакритике» Гердера (см. примеч. 3 к письму 606).

² В только что вышедшем пятом томе переводов Августа Шлегеля из Шекспира (см. примеч. 2 к письму 466) содержались «Король Джон» и «Ричард II».

ПИСЬМО 662

¹ Шлоссер умер 17 октября; известие об этом и все изложенные ниже обстоятельства содержались в письме матери Гете от 20 октября. Гете написал Шлоссеру 30 августа (письмо его сохранилось), но ответа уже не получил.

ПИСЬМО 663

¹ Тяжелая болезнь Шарлотты Шиллер продолжалась до середины декабря.

ПИСЬМО 667

¹ Гете пробыл в Оберроссла и Нидерроссла с 28 по 31 октября.

ПИСЬМО 669

¹ Художник Фриц Бюри находился в Веймаре с 1 по 9 ноября.

ПИСЬМО 670

¹ Переговоры ни к чему не привели из-за крайне низкого гонорара, предложенного магдебургским городским советом, в ведении которого находился тамошний театр (см. письмо 676).

ПИСЬМО 671

¹ Т. е. обещанные накануне экземпляры «Пикколомини» и «Смерти Валленштейна».

ПИСЬМО 672

Шиллер нанес краткий визит в Веймар 6 ноября и провел с Гете несколько часов.

¹ Старший сын Шиллера из-за болезни матери некоторое время жил в доме Гете.

ПИСЬМО 675

С 10 ноября по 8 декабря Гете провел в Иене. Между тем Шиллер уже готовился к переезду в Веймар; он уехал 3 декабря. До его отъезда, судя по дневниковым записям Гете, были прочитаны и обсуждены два первых акта «Магомета» в обработке Гете, а также схема «Мальтийцев».

В дневнике упоминаются беседы о елизаветинском театре (см. письмо 679), «Нумансии» Сервантеса и т. д. Крайне редкий случай: 22 ноября в дневнике отмечается беседа с Шиллером на политические темы (посвященная перевороту 18 брюмера [9 ноября]).

¹ «Исторические записки Стефании-Луизы де Бурбон-Конти», в 2-х т. (Париж, 1798). Гете нашел здесь сюжет своей пьесы «Побочная дочь» (1803).

ПИСЬМО 677

¹ Утром 3 декабря Шиллеры уехали в Веймар.

ПИСЬМО 679

¹ Тик прочитал Гете недавно законченную драму «Жизнь и смерть святой Геновевы» 5 декабря.

² Эдмунд Мэлон, «Попытка установить последовательность, в которой были написаны пьесы Шекспира» (Лондон, 1790).

³ Согласно дневниковым записям, 5 и 6 декабря Гете читал «Сеяна» и «Вольпопе» Джонсона.

⁴ «Перикл, принц Тира» (Лондон, 1609) и «Йоркширская трагедия» (Лондон, 1608), прочитанные 4 и 5 декабря. Незадолго до этого Тик обратил внимание Гете на сборник «Шесть старых пьес, на которых основывался Шекспир» (Лондон, 1779).

⁵ Эшенбург в 1798—1806 гг. осуществил переиздание своего полного перевода шекспировских пьес в новой редакции.

⁶ Первое издание перевода Эшенбурга в 12 томах вышло в 1775—1777 гг. В тринадцатый том, опубликованный в 1782 г., Эшенбург включил перевод пьес, приписываемых Шекспиру.

ПИСЬМО 680

¹ Сатирический сонет Августа Шлегеля, направленный против литератора и публициста Гарлиба Хельвига Меркеля; сонет был напечатан в виде листовки.

² Фихте, с июля живший в Берлине, действительно ненадолго приезжал в Иену в декабре.

ПИСЬМО 681

8 декабря Гете вернулся в Веймар.

¹ Гете и Шиллер виделись и 8, и 9 декабря.

ПИСЬМО 682

¹ Речь идет о трагедии Коцебу «Октавия» (героиня трагедии Октавия — сестра Августа и жена Марка Антония).

² Коцебу предварил трагедию обширным предисловием с обоснованием своей интерпретации исторического сюжета и характеров персонажей.

ПИСЬМО 685

¹ Шиллер присутствовал при этом чтении «Магомета».

ПИСЬМО 687

¹ Гете собирался прочитать приглашенным «Магомета»; в числе гостей в его дневнике упоминается Шарлотта Шиллер.

ПИСЬМО 692

¹ О какой книге идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 694

¹ Сцена смерти Мортимера («Мария Стюарт», действие 4, явл. 4). Гете познакомился с первыми двумя актами трагедии еще в сентябре в Иене (см. вступительный комментарий к письму 656). Третий акт Шиллер прочитал ему 15 декабря. Керы в греческой мифологии — злые духи, дети Ночи; у Гомера («Илиада», II, 302) они служат олицетворением смерти.

ПИСЬМО 695

¹ 1 января в веймарском театре шла опера Мартина-и-Солера «Диковинка» (1786).

² Пьеса Коцебу, премьера которой в Веймаре состоялась 4 января.

ПИСЬМО 699

¹ Речь идет все о той же пьесе Коцебу — в чтении автора.

ПИСЬМО 702

¹ Т. е. посетить театр, где 6 января вновь ставилась пьеса Коцебу на сюжет из шведской истории.

² Малепартус — замок Рейнеке-лиса, лисья нора.

ПИСЬМО 703

¹ Стихотворение Шиллера «К Гете, когда он поставил «Магомета» Вольтера» вначале было задумано в качестве пролога к первому представлению трагедии. Затем от этой идеи отказались; стихотворение было опубликовано в том же году в первом томе полного собрания стихотворений Шиллера (см. письмо 756).

ПИСЬМО 704

¹ Неизвестно, о чем идет речь (возможно, о каком-либо тексте для маскарадного шествия).

² Гетевская «Ифигения в Тавриде» ставилась лишь в первой редакции в любительских спектаклях в Веймаре (весной и летом 1779 г.); при этом Ифигению играла Корона Шрётер, Фоанта — Кнебель, Ореста — сам Гете, Пилада — попеременно Карл Август и его младший брат Константин. К 1787 г., когда «Ифигения в Тавриде» была впервые опубликована, Гете еще трижды перерабатывал ее текст. Тем не менее он не вполне был уверен в ее достоинствах и особенно в ее сценичности; этим и объясняется его просьба подготовить вариант, пригодный для постановки, если Шиллер найдет это возможным. В 1801—1802 гг. Шиллер подготовил такой текст; первое представление «Ифигении» состоялось 15 мая 1802 г.

ПИСЬМО 705

¹ В дневниковой записи Гете от 7 января отмечается визит Шиллера и Фойгта (и беседа о магнетизме, теории происхождения Земли и т. д.); четвертым собеседником был, вероятно, Мейер.

² См. примеч. 1 к письму 703.

ПИСЬМО 706

¹ Пробной читке «Магомета», премьеры которого состоялась 30 января.

ПИСЬМО 709

¹ 11 января вновь ставились «Театральные приключения» (см. письмо 606 и примеч. 7 к нему).

ПИСЬМО 710

¹ Роль Пальмиры в «Магомете» (см. примеч. 1 к письму 659) исполняла Фанни Касперс, только что принятая в веймарскую труппу.

² Костюмы для «Магомета».

ПИСЬМО 711

¹ Мысль об обработке «Макбета» для веймарской сцены обсуждалась Гете и Шиллером в сентябре 1799 г. в Иене (см. вступительный комментарий к письму 656). В январе — апреле 1800 г. Шиллер занимался этой работой; первое представление «Макбета» состоялось 14 мая.

ПИСЬМО 713

¹ Работе над «Макбетом».

ПИСЬМО 714

¹ 18 января ставилась «Волшебная флейта» Моцарта.

ПИСЬМО 715

¹ Письмо Вильгельма Гумбольдта из Мадрида от 28 ноября.

² В «Имперском вестнике» в номерах от 3 и 4 января была помещена статья Карла фон Эккартсгаузена на натурфилософские темы.

ПИСЬМО 716

¹ Вульпиус в 1800 г. издавал в Веймаре журнал «Янус». Шиллер передал ему для публикации сцену из «Смерти Валленштейна» (действие 4, явл. 1 и 2).

ПИСЬМО 717

¹ Виноторговец Цапф прислал это вино в подарок Шиллеру.

ПИСЬМО 718

¹ Т. е. оригинальный текст «Макбета».

² Виланда и Эшенбурга, переведших трагедию прозой. Шиллер недостаточно свободно владел английским языком, однако с помощью словаря он смог в ряде случаев свериться с оригиналом и исправить ошибки и неточности своих предшественников; ему удалось воспроизвести в точности размер подлинника.

ПИСЬМО 719

¹ Комедия Шеридана в обработке Шредера.

² Комедия Вильгельма Фогеля.

ПИСЬМО 720

¹ 5 февраля состоялось еще одно представление «Магомета».

ПИСЬМО 723

¹ Нейбрунн в «Смерти Валленштейна» — фрейлина Тэклы (роль Тэклы исполняла Ягеман).

ПИСЬМО 724

¹ 12 февраля после долгого перерыва исполнялся «Лагерь Валленштейна» (вместе с комедией Фридриха Рохлица «Это неправда»).

ПИСЬМО 725

¹ Мейер выполнил набросок титульной иллюстрации к изданию трилогии.

ПИСЬМО 726

¹ Накануне Гете навестил больного Шиллера и узнал об этой операции.

² Для перевода «Макбета», см. примеч. 2 к письму 718.

³ 15 февраля состоялось представление «Пикколомини».

ПИСЬМО 727

Шиллер был тяжело болен — этим и объясняется длительный перерыв в переписке. В дневниковых записях Гете за этот период отмечаются только визиты к Шиллеру и состояние его здоровья.

¹ Речь идет о цикле дистихов «Четыре времени года», подготовленном для седьмого тома «Новых сочинений» (1800) и в значительной мере восходящем к текстам, опубликованным в «Альманхе Муз на 1797 год» («Каток», см. письмо 200 и примеч. 3 к нему; «Tabulae votivae», см. письмо 201 и примеч. 1 к нему).

ПИСЬМО 729

¹ По-видимому, Гете приложил к письму пролог Коцебу к его фарсу «Новое столетие», опубликованный в «Новом Немецком Меркурии» (1800, № 2) и содержащий выпады не только против веймарского театра, но и непосредственно против Гете и Шиллера.

ПИСЬМО 730

¹ Под этим названием Гете объединил в седьмом томе «Новых сочинений» некоторые из своих прологов и эпилогов, написанных для спектаклей веймарского театра.

² 12 и 24 марта ставилась комедия Коцебу «Гувернер».

ПИСЬМО 731

¹ Т. е. «Германа и Доротею», написанную в начале декабря 1796 г. (см. примеч. 1 к письму 252).

² Цикл эпиграмм, написанный в 1797 г. (см. письмо 367 и примеч. 1 к нему). Был опубликован только в первой части «Фауста» (1808).

³ Пьеса Коцебу, поставленная в веймарском театре 5 апреля.

ПИСЬМО 732

¹ По-видимому, речь идет о нескольких пробных листах седьмого тома «Новых сочинений».

ПИСЬМО 735

¹ Август Шлегель прислал Гете два экземпляра первого номера «Атенея» за 1800 год, один из которых предназначался для Шиллера.

ПИСЬМО 736

¹ Окончанием «Макбета».

ПИСЬМО 737

¹ «Макбет», действие 2, явл. 5.

² 9 апреля состоялся концерт скрипача Поля Тьерно.

ПИСЬМО 738

¹ Студент Конрад Циглер. Против Котты было возбуждено дело из-за его поездки в Париж; следствие, однако, не дало никаких результатов.

ПИСЬМО 739

¹ Шиллер в письме к Котте от 24 марта высказал свои опасения по поводу того, что Гете надолго отложил работу над «Фаустом». Котта тотчас же написал Гете о тех надеждах, которые немецкая публика возлагает на его трагедию.

ПИСЬМО 740

¹ См. письмо 414 и примеч. 11 к нему.

² Пастораль «Каприз влюбленного», написанная еще в 1767 г. и в переработанном виде представленная в 1779 г. в Веймаре в любительском спектакле. Гете опубликовал ее, однако, не в «Новых сочинениях», а в следующем собрании сочинений, выпускавшемся Коттой в 13-ти т. (1806—1810).

³ Мефистофель. Гете работает в это время над сценой «Рабочая комната Фауста» (I часть трагедии).

ПИСЬМО 741

С 28 апреля по 16 мая Гете находился в Лейпциге.

¹ Художника Жана Монье.

ПИСЬМО 742

¹ Во «Всеобщей литературной газете» Шютца в 1799 г. были опубликованы две отрицательные рецензии на «Идеи к философии природы» Шеллинга. Ответная реплика Шеллинга вызвала два выступления Шютца. Шиллер имеет в виду первое из них, опубликованное 30 апреля в листке объявлений «Всеобщей литературной газеты».

² Каролина Шлегель повезла в Бад-Киссинген свою больную дочь Августу (умершую во время поездки). Брак Каролины с Августом Шлегелем распался в мае 1803 г.; она покинула Иену вместе с Шеллингом, за которого и вышла позднее замуж.

³ В этой пьесе Коцебу действительно содержались выпады в адрес «Пропилей».

⁴ В письме от 3 мая Опитц отклонил предложение Шиллера.

⁵ Невеста Жан-Поля жила в Ильменау; предполагаемый брак, однако, расстроился.

ПИСЬМО 743

¹ Христиана Вульпиус, приехавшая 10 мая в Лейпциг.

² Каролине, родившейся в октябре прошлого года.

³ С 15 мая по 2 июня Шиллер жил в деревне Эттерсбург близ Веймара, заканчивая «Марию Стюарт».

⁴ Письмо к Котте, написанное в этот же день.

ПИСЬМО 744

¹ Шиллер в этот день приехал в Веймар из Эттерсбурга, чтобы принять участие в пробной читке первых четырех актов «Марии Стюарт».

² Об этом чтении никаких сведений не сохранилось.

ПИСЬМО 745

¹ Сцена исповеди и причащения Марии перед казнью («Мария Стюарт», действие 5, явл. 7). Гете получил в этот день записку Карла Августа с просьбой проследить за тем, чтобы в этом эпизоде «все было бы прилично». Сцена, однако, была показана без изменений.

ПИСЬМО 746

¹ 14 июня состоялось первое представление «Марии Стюарт».

ПИСЬМО 749

¹ Первую песнь поэмы Августа Шлегеля «Тристан», присланную автором с просьбой об отзыве как Гете, так и Шиллера.

² О пасторали «Каприз влюбленного» (см. письмо 740 и примеч. 2 к нему).

³ С 20 июня Гете жил в своем садовом домике.

ПИСЬМО 750

¹ Новелла «Хорошие женщины», написанная в июне. Во время своей поездки в Лейпциг Гете встретился с Коттой, попросившим помочь ему в следующем затруднении: в очередном выпуске альманаха «Карманная книжка для дам» должна была появиться серия гравюр Иоганна Генриха Рамберга, которая, как боялся Котта, может произвести неблагоприятное впечатление на читательниц сатирическим изображением некоторых женских недостатков. Гете создал текст, в котором «хорошие женщины» обсуждают гравюры с изображением «дурных женщин».

ПИСЬМО 751

¹ Гете прибыл в Иене с 22 июля по 4 августа.

ПИСЬМО 753

¹ Гете закончил перевод трагедии Вольтера «Танкред» (1760) в декабре. Первое представление трагедии в веймарском театре состоялось 31 января 1801 г. Позднее Котта издал гетевский перевод отдельной книгой (Тюбинген, 1802).

² Веймарский театр гастролировал в Лаухштедте с 22 июня по 13 августа.

ПИСЬМО 754

¹ Со второй половины июня Шиллер работает над трагедией «Орлеанская дева»; беседа об этом сюжете упоминается в дневниковой записи Гете от 3 июля. Подготовительный период длился до сентября (см. письмо 763); полностью трагедия была завершена 16 апреля 1801 г. (см. письма 812, 815 и след.).

² Журнал «Мемнон», который издавал в 1800 г. в Лейпциге Эрнст Август Фридрих Клингеман, приславший экземпляр Шиллеру. В этом номере была опубликована обширная статья самого Клингемана «Письма о «Валленштейне» Шиллера»; пассаж о бессознательности творчества Гете, ссылки на Софокла и т. д. взяты Шиллером из этой статьи.

³ Кёрнер должен был написать Шиллеру, сможет ли он приехать в Лаухштедт повидаться с ним (см. письмо 756).

ПИСЬМО 755

¹ Упоминаемые ниже визиты, встречи и подношения относятся, согласно дневнику Гете, к периоду между 22 и 29 июля.

² «Освобожденный Иерусалим» Тассо в переводе Гриса (т. 1—3, Иена, 1800—1803).

³ «Поэтический журнал» (Иена, 1800).

⁴ О каком стихотворении идет речь, неизвестно. В упоминаемом ниже втором номере «Атеней» за 1800 г. Фридрих Шлегель опубликовал стихотворение «К немцам» и несколько сонетов.

⁵ Карл Давид Ильген, «История Товия» (Иена, 1800).

⁶ Жан-Шарль Филибер, «Введение в ботанику» (Париж, 1799).

⁷ Пьеса Клеменса Брентано «Густав Ваза» (Лейпциг, 1800).

⁸ Генрих Стеффенс, «Очерк минералогии и минералогических занятий» (Альтона, 1797).

⁹ Август Фердинанд Вельтхейм, «Собрание статей на исторические, антикварные, минералогические и тому подобные темы» (Гельмштедт, 1800).

¹⁰ См. письмо 754 и примеч. 2 к нему.

ПИСЬМО 756

¹ Шиллер готовил к печати свое «Полное собрание стихотворений» в 2-х т. (Лейпциг, 1800—1801).

² См. письмо 703 и примеч. 1 к нему.

³ Шиллер имеет в виду гонорар за «Марию Стюарт».

ПИСЬМО 757

¹ О каком эпизоде идет речь, неизвестно.

² Неосуществленный замысел пьесы Шиллера.

³ Тик опубликовал в «Поэтическом журнале» свою обширную работу «Письма о Шекспире»; упоминание об этой кукольной пьесе находится в первом письме.

⁴ Франц Бенедикт фон Баадер, «О пифагорейском квадрате в природе, или Четыре стороны света» (Тюбинген, 1798). Предыдущее его сочинение, о котором ниже говорит Гете, — «Об основах физиологии» (Гамбург, 1797).

⁵ Некий Поссельт (по записи в дневнике Гете).

ПИСЬМО 758

¹ Корректуры первого тома «Полного собрания стихотворений» (см. примеч. 1 к письму 756).

ПИСЬМО 759

¹ Только что вышедший из печати седьмой том «Новых сочинений» Гете (Берлин, 1800).

ПИСЬМО 760

¹ Очередной конкурс, объявленный в «Прописях» (см. примеч. 5 к письму 647); на этот раз конкурсными темами послужили две сцены: прощание Гектора и Андромахи («Илиада», VI, 399 и след.) и убийство Реза («Илиада», X, 474 и след.).

ПИСЬМО 762

¹ Вильгельм Гумбольдт прислал вместе с письмом от 18 августа небольшую статью для «Прописей»: отрывок из своих путевых записок об Испании с описанием горного монастыря Монсеррат близ Барселоны. Статья не была напечатана, так как журнал вскоре прекратил свое существование.

² На следующий день Гете собирался ехать в Иену (см. вступительный комментарий к письму 763).

ПИСЬМО 763

Гете уехал в Иену 3 сентября, затем вернулся и провел в Веймаре несколько дней (с 6 по 8 сентября), после чего уехал в Оберроссла, а оттуда снова в Иену, где пробыл почти месяц — с 11 сентября по 4 октября.

¹ Над «Орлеанской девой».

² Мейер в это время готовил заключение об итогах конкурса (см. примеч. 1 к письму 765).

³ Крузиус издавал упоминавшееся выше (см. письмо 756 и примеч. 1 к нему) «Полное собрание стихотворений» Шиллера, иллюстрации к которому готовил Мейер.

⁴ Письмо Котты к Шиллеру от 26 августа.

⁵ Фридрих Август Эшен, ученик Фосса, позднее примкнувший к иенскому кружку романтиков (см. письмо 461). Его переводы из Горация были опубликованы в 1800 г. в Цюрихе.

ПИСЬМО 764

¹ Гете в эти дни начал работу над третьим актом второй части трагедии. Однако, завершив к началу 1801 г. почти всю первую сцену этого акта («Перед дворцом Менелая в Спарте»), он надолго оставил работу. Остальные сцены были написаны в 1825—1827 гг.

² См. примеч. 1 к письму 765.

ПИСЬМО 765

¹ Шиллер в течение ближайших двух недель написал обширное «Письмо к издателю «Пропилей», в котором сочетал обзор произведений, присланных на конкурс, с некоторыми положениями теоретического характера. «Письмо» было напечатано во втором номере «Пропилей» за 1800 год и дополняло официальное заключение об итогах конкурса, написанное Мейером при участии Гете (см. письмо 773 в примеч. 6 к нему).

² Шиллер послал Гете письмо Фихте с предложением сотрудничать в журнале, который он собирался издавать («Ежегодник науки и искусства»), и письмо Вольтмана, приглашавшего Гете и Шиллера оставить Веймар ради Берлина (Вольтман обещал Гете пост министра в прусском правительстве).

ПИСЬМО 766

¹ Темой конкурса на 1801 г. были избраны сцены юности Ахилла («Ахилл на Скиросе»).

ПИСЬМО 767

¹ Вольтман, «История Реформации в Германии», т. 1 (Альтона, 1800).

² «История Франции» (Берлин, 1797), «История Великобритании» (Берлин, 1799).

³ «Карманная книжка для дам на 1800 год», вышедшая с посвящением королеве прусской Луизе. Фридрих Вильманс, упоминаемый ниже, издавал в Берлине дамский альманах «Карманная книжка любви и дружбы».

⁴ Письмо Кёрнера от 10 сентября.

ПИСЬМО 768

¹ Шиллер и Мейер нанесли визит в Иену 21 сентября.

² Речь идет о художественном конкурсе. Мейер прочитал Гете свое заключение; о предполагаемом введении Гете см. примеч. 5 к письму 773.

³ Беседы с Нитхаммером (см. письмо 766).

⁴ Намек Гете непонятен.

ПИСЬМО 769

¹ Во время визита в Иену Шиллер услышал фрагменты из сцены «Перед дворцом Менелая в Спарте» (см. примеч. 1 к письму 764).

² «Письмо к издателю «Пропилей» (см. примеч. 1 к письму 765).

ПИСЬМО 770

¹ Иоганн Готфрид Германн, «О греческом и латинском стихосложении» (Лейпциг, 1796, на латинском языке).

² Т. е. в работе над «Орлеанской девой».

ПИСЬМО 771

¹ Гете распорядился передать Шиллеру упомянутую книгу Германна, словарь Гедериха (см. примеч. 3 к письму 123) и греческую грамматику, изданную в 1705 г. в Галле.

² Иоганн Вильгельм Риттер, в 1800 г. получивший кафедру физики в Иенском университете. Риттеру принадлежат значительные открытия в области электричества (см. также письмо 810 и примеч. 1 к нему).

ПИСЬМО 773

¹ Статья эта не сохранилась.

² Речь идет о фрагменте перевода эсхилиевского «Агамемнона». Позднее Вильгельм Гумбольдт завершил свой перевод и опубликовал его отдельным изданием в 1816 г. в Лейпциге.

³ Гете называет свои заметки по поводу постановки «Макбета» в Веймаре прошлогодними, поскольку они относятся к прошедшему театральному сезону. Во время первого представления пьесы (14 мая 1800 г.) Гете еще находился в Лейпциге; он побывал на втором представлении (17 мая), когда и набросал эти заметки.

⁴ Позднее Гете вспомнит об этом в «Путешествии в Италию».

⁵ Гете написал извещение об условиях нового конкурса (об избранной теме см. примеч. 1 к письму 766).

⁶ Эти заметки составили завершающий раздел заключения об итогах конкурса, составленного Мейером (см. примеч. 1 к письму 765).

ПИСЬМО 774

¹ Рисунок Иоганна Августа Наля «Прощание Гектора» получил премию на конкурсе 1800 г. (о темах конкурса см. примеч. 1 к письму 760).

² Веймарский театр гастролировал в Рудольштадте с 18 августа по 25 сентября.

ПИСЬМО 775

¹ Пьеса Коцбу, исполнявшаяся в веймарском театре 4 октября.

ПИСЬМО 776

Гете вернулся в Веймар 4 октября. В его дневниковых записях за октябрь и ноябрь отмечено несколько встреч с Шиллером, обсуждение вопросов, связанных с конкурсом, и т. п.

¹ Идея провести подобный конкурс зародилась в октябре. Шиллер написал требуемое извещение («Конкурс на драматическое произведение»), которое было опубликовано во втором номере «Пропилей» за 1800 г. вместе с упоминавшимися выше статьями относительно художественного конкурса.

² Гете называет так написанный им текст торжественного представления «Палеофрон и Неотерпа», состоявшегося в веймарском театре 24 октября по случаю дня рождения вдовствующей герцогини Анны Амалии.

³ О каких пьесах идет речь в двух последних пунктах, неизвестно.

ПИСЬМО 777

С 14 по 25 ноября Гете жил в Иене.

¹ Гете и Шиллер собирались отметить приход нового столетия рядом празднеств. Однако идея эта не была осуществлена (см. письмо 785).

ПИСЬМО 778

¹ Т. е. 21 ноября. В этот день Шиллер и Мейер действительно побывали в Иене.

² «Орлеанская дева» (действие 2, явл. 6, 7 и 8).

³ Иоганн Флек, один из ведущих актеров труппы Иффланда, умер в начале следующего года. Несмотря на болезнь, он успел сыграть в берлинской постановке «Марии Стюарт» роль графа Лейстера.

ПИСЬМО 779

¹ Генрих фон Гентц, архитектор, принимавший участие в строительных работах в веймарском дворце.

ПИСЬМО 780

Опера Глюка «Ифигения в Тавриде» (1779) была поставлена в Веймаре 27 декабря.

² Оратория Гайдна «Сотворение мира» (1798) исполнялась в Веймаре 1 января 1801 г.

ПИСЬМО 782

¹ Гастроли, о которых здесь идет речь, не состоялись.

ПИСЬМО 783

С 12 по 26 декабря Гете жил в Иене.

¹ Гете закончил перевод «Танкреда» в последние дни своего пребывания в Иене.

ПИСЬМО 784

¹ В субботу 20 декабря в веймарском театре действительно шла опера Моцарта «Così fan tutte» («Так поступают все [женщины]»); представление «Ифигении в Тавриде» Глюка состоялось 27 декабря.

ПИСЬМО 785

¹ Речь идет, вероятно, о конкурсе на эскиз медали в честь нового столетия. Идея эта не осуществилась.

ПИСЬМО 786

¹ Сатира Августа Шлегеля «Триумфальная арка в честь театрального президента фон Коцебу» (1800), два экземпляра которой автор прислал Гете 16 декабря, попросив вручить один Шиллеру.

² Т. е. закончить перевод «Танкреда».

ПИСЬМО 787

¹ Бургсдорф заехал и в Иену и 25 декабря нанес визит Гете. Известие о возвращении Гумбольдтов, привезенное им, не оправдалось: в 1801 г. Вильгельм Гумбольдт был назначен прусским резидентом в Риме и уехал туда прямо из Парижа.

² Имеется в виду писатель Иоганн Тимотеус Гермес, автор многочисленных популярных романов.

ПИСЬМО 788

¹ Т. е. в обществе Шеллинга и Мейера.

ПИСЬМО 789

В течение всего января Гете болел и не выходил из дома.

¹ Речь идет о последней репетиции «Танкреда», первое представление которого состоялось 31 января. За подготовкой спектакля наблюдал Шиллер.

² Роль Аменаиды в «Танкреде».

ПИСЬМО 792

¹ «Орлеанской девы».

ПИСЬМО 793

¹ Дневниковая запись Гете от 11 февраля: «В шесть часов — господин надворный советник Шиллер. Чтение первых трех актов».

ПИСЬМО 795

¹ 21 февраля состоялось второе представление «Танкреда».

ПИСЬМО 798

5 марта Шиллер уехал в Иену и оставался там до 1 апреля.

¹ Живописец Фердинанд Август Гартман. Его произведение на сюжет мифа об Алкесте (см. письмо 802 и примеч. 1 к нему) получило премию на веймарском конкурсе 1801 г.

² В начале января некий граф Зенобио обратился к Гете с письмом, в котором предлагал назначить темой для художественного конкурса в Веймаре «закономерность исторического развития человеческой культуры». Идея эта, по-видимому, уже обсуждалась Гете и Шиллером при встречах.

³ Т. е. временный переезд в Иену.

ПИСЬМО 800

¹ Белендорф, «Уголино Герардеска» (Дрезден, 1801). Автор сопроводил присылку трагедии письмом от 18 февраля, в котором указал на трилогию о Валленштейне как на свой образец. Позднее Гете опубликовал резко отрицательную рецензию на трагедию в иенской «Всеобщей литературной газете» (14 февраля 1805 г.).

ПИСЬМО 801

¹ Герстенберг, «Уголино» (Гамбург — Бремен, 1768).

ПИСЬМО 802

¹ Геракл навестил Адмета, царя Фер, в тот день, когда во дворце оплакивали царицу Алкесту, согласившуюся умереть вместо мужа. Когда Геракл узнал об этом на пиру, устроенном в его честь, он отправился в Аид и вернул Алкесту своему другу.

ПИСЬМО 803

¹ С осени 1800 г. Фридрих Шлегель был приват-доцентом на кафедре философии в Иене. Для получения доцентуры он должен был

защитить в публичных прениях выдвинутые им тезисы (причем помимо двух официальных оппонентов в прениях мог участвовать любой из присутствующих).

² Доротея Фейт, «Флорентин» (Любек — Лейпциг, 1801). Об авторе см. примеч. 1 к письму 629.

³ Несколько писем Шиллера, в том числе его жене.

ПИСЬМО 804

¹ См. примеч. 2 к письму 803.

² Речь идет об «Адрастее», последней крупной работе Гердера, вышедшей отдельными выпусками (в 6-ти т. Лейпциг, 1801—1803). В составе «Адрастеев» находились произведения различных жанров: драмы («Эон и Эонида», «Освобожденный Прометей»), диалоги, стихотворения и т. д. Гердер задался здесь целью дать обзор всего минувшего столетия и подвести его итоги в сфере литературы, науки и искусства. Шутка Гете по поводу небесного происхождения «Адрастеев» вызвана титульной гравюрой, на которой колесница с богиней возмездия Адрастеей, влекомая двумя грифонами, спускается с небес на землю.

ПИСЬМО 805

¹ Намек на титульную гравюру «Адрастеев» (см. примеч. 2 к письму 804).

² Шиллер имеет в виду статьи Рудольфа Захариаса Беккера, издателя «Имперского вестника».

³ Т. е. «Эон и Эонида», аллегорическая драма в составе «Адрастеев», в которой воплощена коллизия между старым и новым (между Эоном и его дочерью Эонидой). Шиллер увидел здесь подражание «Палеофрону и Неотерпе» Гете (см. примеч. 2 к письму 776).

⁴ Рыцарский роман Луи де Трессана «Рыцарь Робер» (Париж, 1799).

⁵ Трагедия Белендорфа (см. письмо 801 и примеч. 1 к нему).

ПИСЬМО 806

¹ Лука, 16, 26.

² «Эона и Эониду» (см. примеч. 3 к письму 805).

ПИСЬМО 807

¹ Фридрих фон Вурмб.

ПИСЬМО 808

¹ Гете уехал в Оберроссла в тот же день (см. вступительный комментарий к письму 809).

² Генрих Фридрих Линк, «Заметки о путешествии по Франции, Испании и особенно Португалии», в 3-х т. (Киль, 1801—1804).

³ См. письма 798 (и примеч. 2 к нему), 799 и 800.

ПИСЬМО 809

Гете пробыл в Оберроссла дольше, чем предполагал, — с 25 марта по 15 апреля. Шиллер же вернулся в Веймар 1 апреля.

¹ Шеллинг, «Система трансцендентального идеализма» (Тюбинген, 1800).

ПИСЬМО 810

¹ Речь идет об исследованиях химического действия различных участков светового спектра. В 1800 г. Фридрих Вильгельм Гершель обнаружил инфракрасное излучение; фундаментальное значение этого открытия тогда же по достоинству было оценено Гете. Эксперименты в этой сфере продолжили некоторые физики, и в том числе Риттер, обнаруживший в 1802 г. ультрафиолетовое излучение. О наблюдениях над болонским шпатом Гете писал в «Очерке учения о цвете», § 678.

ПИСЬМО 812

¹ Шиллер завершил «Орлеанскую деву» 16 апреля.

ПИСЬМО 813

¹ Письмо Шарлотты Шиллер от 9 апреля, которое Гете получил еще в Оберроссла.

ПИСЬМО 814

¹ В «Орлеанской деде».

² Шиллер по просьбе Гете занялся обработкой драмы Лессинга «Натан Мудрый» (1779), постановка которой в веймарском театре состоялась 28 ноября.

ПИСЬМО 815

¹ При встрече Гете повторил эту оценку, назвав «Орлеанскую деву» самым удачным произведением Шиллера (письмо Шиллера к Кёрнеру от 13 мая).

² Имеется в виду Виланд, гостивший в Веймаре.

³ Гете пробыл в Оберроссла с 21 по 30 апреля.

ПИСЬМО 817

¹ 25 апреля в Веймаре давали «Волшебную флейту» Моцарта, 27 апреля — «Тарара» Сальери (с участием певца Иоганна Георга Герна из Берлина). О какой танцевальной труппе идет речь, неизвестно.

² Котта был в Веймаре 26 апреля проездом в Лейпциг.

³ Два рисунка Вехтера позднее были опубликованы в «Карманной книжке на 1804 год», изданной Гете и Виландом.

⁴ Карл Август изложил свое мнение об «Орлеанской дева» в обширном письме к Каролине фон Вольцоген, а позднее и в разговоре с Шиллером; сомнения его в возможности поставить трагедию на сцене были вполне обоснованны, и Шиллер согласился с ними. Осенью Унгер напечатал «Орлеанскую деву»; тем временем Шиллер готовил сценический вариант трагедии. Первое ее представление состоялось 11 сентября 1801 г. в Лейпциге (труппа Опитца); Шиллер побывал на третьем спектакле (17 сентября). В Веймаре «Орлеанская дева» была поставлена 23 апреля 1803 г.

⁵ Речь идет, возможно, о «Мессинской невесте» и «Графине Фландрской» (второй замысел остался неосуществленным).

ПИСЬМО 819

¹ О каких опытах идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 820

5 июня Гете уехал в Пирмонт и пробыл на этом курорте до 17 июля, время от времени посещая Гёттинген; затем он провел месяц с лишним в Гёттингене и вернулся в Веймар лишь 30 августа.

¹ См. письмо 359.

ПИСЬМО 821

¹ Баллада «Геро и Леандр», законченная 17 июня, была опубликована в «Карманной книжке для дам на 1802 год» у Котты в Тюбингене.

² «Графиня Фландрская» (см. примеч. 5 к письму 817).

³ Этот план остался неосуществленным, однако Шиллеру удалось навестить Кёрнера в Дрездене, а на обратном пути побывать в Лейпциге на представлении «Орлеанской дева» (см. примеч. 4 к письму 817). Шиллер отсутствовал в Веймаре с 6 августа по 20 сентября.

⁴ Принцесса Амалия Баденская была сестрой герцогини Луизы.

⁵ См. письмо 776 и примеч. 1 к нему. Рохлиц прислал Шиллеру два акта комедии «Новая волшебная флейта» (вышедшей в 1804 г. отдельным изданием).

ПИСЬМО 822

¹ Об Уорбеке (см. письмо 646 и примеч. 1 к нему).

² Карл Август приехал в Пирмонт 9 июля.

³ Гете имеет в виду концепцию позвоночной теории черепа, сложившуюся у него в 1790 г. в Венеции. Начало его занятий остеологией, отмеченных открытием межчелюстной кости у человека, относится к 1781 г. Позднее Гете возвращается к этой концепции в статье «Строение черепа из шести позвонков» (1824).

ПИСЬМО 823

¹ По-видимому, обед этот состоялся в Эттерсбурге.

² С 18 по 22 октября Гете жил в Иене. О каких комедиях идет здесь речь, неизвестно.

ПИСЬМО 824

¹ 31 октября Гете снова уехал в Иену и вернулся 10 ноября, в день рождения Шиллера.

ПИСЬМО 825

¹ См. примеч. 5 к письму 821.

ПИСЬМО 827

¹ Статья Гете «Веймарская художественная выставка 1801 года и конкурсные задания на 1802 год» была опубликована в специальном приложении к иенской «Всеобщей литературной газете» (1802). «Прописи» прекратили свое существование, и Гете последовал совету Шиллера (см. письмо 821).

ПИСЬМО 829

¹ 16 декабря в веймарском театре давали оперу Петера фон Винтера «Прерванное жертвоприношение» (1796).

ПИСЬМО 831

¹ 2 января состоялось представление трагедии Еврипида «Ион» в обработке Августа Шлегеля.

ПИСЬМО 832

¹ Речь идет о рисунках, присланных на конкурс и отмеченных премиями.

ПИСЬМО 833

¹ Т. е. окончательный вариант статьи, о которой уже шла речь (см. примеч. 1 к письму 827).

² 16 января в театре вновь давали «Танкреда»; на следующий день Гете уехал в Иену (см. вступительный комментарий к письму 835).

ПИСЬМО 834

¹ В ноябре — декабре 1801 г. Шиллер работал над переводом комедии-сказки Карло Гоцци «Принцесса Турандот» (1762). В текст комедии было внесено много изменений; в частности, заново были написаны загадки, предлагаемые Турандот (действие 2, явл. 4). Первое представление пьесы в веймарском театре состоялось 30 января.

ПИСЬМО 835

Гете жил в Иене с 17 по 28 января (значительную часть этого года он вообще провел вне Веймара, по преимуществу в Иене).

¹ В иенском замке.

² Статья Гете «Веймарский придворный театр» была опубликована в «Журнале роскоши и мод» Бертуха (1802, № 3).

³ Т. е. «Ифигении в Тавриде», постановка которой в веймарском театре состоялась в мае (см. письмо 704 и примеч. 2 к нему).

⁴ Давний замысел Гете (см. письмо 387 и примеч. 2 к нему). Бюттнер умер 8 октября 1801 г., и Гете приступает теперь к наведению порядка в его библиотеке (работа эта продолжалась в течение всего 1802 г.) и к осуществлению некоторых своих прежних планов.

ПИСЬМО 836

¹ В иенской «Всеобщей литературной газете» в январе были опубликованы рецензии на «Марию Стюарт» (№ 1—2) и «Орлеанскую деву» (№ 14—16). Автором второй рецензии был Иоганн Август Апель.

² Репетиция «Турандот» на сцене состоялась 26 января.

ПИСЬМО 837

¹ Гете прислал Шиллеру поэму бенгальского поэта XII в. Джаядэвы «Гитаговинда» («Песнь пастуха») в немецком переводе Иоганна Фридриха Дальберга (Эрфурт, 1802). Дальберг перевел поэму с английского перевода Уильяма Джонса (Калькутта, 1794).

² Францу Людвигу фон Гендриху.

³ Т. е. с Шеллингом и Нитхаммером.

ПИСЬМО 838

¹ Речь идет о подготовке театрального варианта «Ифигении в Тавриде» (см. письмо 835).

ПИСЬМО 839

¹ Загадки предназначались для следующего представления «Принцессы Турандот» (3 февраля). Гете и Шиллер решили готовить к каждому спектаклю новые загадки.

ПИСЬМО 840

¹ См. вступительный комментарий к письму 841.

ПИСЬМО 841

С 8 по 21 февраля Гете жил в Иене.

¹ Дом на Эспланаде; Шиллер приобрел его в апреле и жил в нем до самой смерти.

² Баллада «Кассандра» была закончена в августе и опубликована в «Карманной книжке для дам на 1803 год» Котты.

³ Цумштег умер 27 января. Его опера «Эльбондокани» была поставлена в Веймаре 3 декабря 1804 г.

ПИСЬМО 842

¹ См. примеч. 2 к письму 835.

ПИСЬМО 843

¹ Наследный принц Карл Фридрих должен был совершить путешествие в Париж в сопровождении Вольцогена.

² Речь идет о стихотворении «Наследному принцу Веймарскому по случаю его отъезда в Париж».

³ Кёрнер написал музыку к двум новым стихотворениям Шиллера «К друзьям» и «Четыре века». Он приложил ноты к письму от 10 февраля.

ПИСЬМО 844

¹ Коцебу рассчитывал устроить в Веймаре несколько празднеств (см. примеч. 3 к письму 849).

ПИСЬМО 845

¹ Стихотворения «Застольная песня» и «Общая исповедь», написанные на мотивы старинных студенческих песен; так, для первого стихотворения образцом послужила песня «Mihi est propositum in taberna mori» («Мне суждено умереть в таверне»).

² «Критико-филологический комментарий к Новому завету», в 5-ти т. (Любек, 1800—1804).

³ См. письмо 837 и примеч. 1 к нему.

ПИСЬМО 846

¹ Доктора Фауста.

² Шеллинга.

³ Пьеса Якоба Мейера (см. письмо 441 и примеч. 3 к нему).

⁴ См. письмо 362 и примеч. 2 к нему.

⁵ Вильгельмина Маас, дебютировавшая на веймарской сцене в феврале.

⁶ «Немецкий отец семейства» Геммингена (пьеса эта уже ставилась в Веймаре во время гастролей Иффланда в апреле 1798 г.).

ПИСЬМО 847

¹ Принцесса Каролина, дочь Карла Августа.

² Сестра Кнебеля Генриетта, фрейлина принцессы.

ПИСЬМО 848

21 февраля Гете вернулся в Веймар. С 4 по 23 марта он снова находился в Иене.

¹ Эта книга Жана-Луи Сулави вышла в 1802 г. в Страсбурге.

ПИСЬМО 849

¹ Речь идет, по-видимому, о замысле «Вильгельма Телля». Работа над пьесой после долгого подготовительного периода началась лишь в мае 1803 г.

² Виландовский перевод «Иона» был опубликован только в 1803 г. Чей отзыв пересказывает здесь Шиллер, неизвестно.

³ Коцебу предполагал устроить 5 марта в веймарской ратуше чествование Шиллера (с исполнением его произведений любителями и т. п.); в какой-то мере это празднество устраивалось в пику Гете; с которым Коцебу незадолго до того вступил в конфликт при постановке его пьесы «Немецкие провинциалы» в Веймаре (Гете исключил из текста пьесы выпады против Шлегелей), однако и самому Шиллеру эта манифестация могла причинить немало неудобств. Положение спас бургомистр Шульце, утром 5 марта запретивший воздвигать подмостки в зале ратуши; за эту находчивость Карл Август пожаловал ему чин статского советника. Цезарь, которого упоминает здесь Шиллер, был убит 15 марта.

⁴ Пьер Дюпюи, «История самых знаменитых фаворитов древности и нового времени» (Париж, 1661). Шарлотта Шиллер просила Гете прислать ей эту книгу.

⁵ Арчибальд Боуэр, «Беспристрастная история римских пап», в 12-ти т. (Магдебург — Лейпциг, 1751—1780).

ПИСЬМО 850

¹ Греки жертвовали петуха Асклепию в благодарность за исцеление.

² Диалог этот был опубликован в 1802 г. в Берлине.

³ Т. е. с Мейером.

⁴ Книгу Дюпюи (см. примеч. 4 к письму 849).

ПИСЬМО 851

¹ Трагедия Генриха Йозефа Коллина, изданная в 1802 г. в Берлине.

² Трагедия Кребийона «Радамист и Зенобия» (Париж, 1711).

³ Герхард Антон Галем издавал этот журнал в 1801—1806 гг. (до 1802 г. в Берлине, позднее — в Мюнстере и Ольденбурге).

⁴ Речь идет о Бернарде Клервоском, знаменитом философе и проповеднике XII в.

ПИСЬМО 852

¹ Целтер гостил в Веймаре в конце февраля (Гете увиделся с ним вскоре по возвращении из Иены, 24 февраля). Он действительно полу-

чил от Шиллера тексты стихотворений «К друзьям», «Четыре века» и «Поединок с драконом» и положил их на музыку. О музыке Кёрнера см. письмо 843 и примеч. 3 к нему.

² По-видимому, письмо, в котором Шиллер сообщил об этом, пропало. В Веймаре «Орлеанская дева» была поставлена только 23 апреля 1803 г.

³ Т. е. с драмой Лессинга (см. примеч. 2 к письму 814).

⁴ Строительство театра в Лаухштедте, открывшегося в июне (см. письма 868, 869 и 870).

⁵ Латинский трактат Джона Брауна «Основы медицины» (Эдинбург, 1779).

⁶ 23 марта.

ПИСЬМО 853

¹ «Дон Карлос» был сыгран в веймарском театре 19 июня после долгого перерыва (предыдущая постановка состоялась 18 октября 1794 г., см. письма 14, 16 и 17).

² Все же «Орлеанскую деву» веймарская труппа исполнила впервые в Веймаре (в апреле 1803 г.), а не в Лаухштедте.

³ Чей перевод имеется в виду, неизвестно; комедия эта в Веймаре не ставилась.

⁴ О какой пьесе идет речь, неизвестно.

⁵ По-видимому, Мери не закончила эту работу; ее перевод (или обработка) нигде не печатался и не ставился.

⁶ Поездка эта не состоялась.

ПИСЬМО 855

¹ Речь идет о новом, посмертном издании работы Лихтенберга «Подробное объяснение гравюр Хогарта» (1794—1799), выходившем в виде серии выпусков начиная с 1800 г.

ПИСЬМО 856

С 26 апреля по 15 мая Гете жил в Иене.

¹ 29 апреля Шиллер перебрался в купленный им дом (см. письмо 841 и примеч. 1 к нему).

² Актриса Элиза Бюргер выступила 3 мая в Веймаре в монодраме Бенды «Ариадна на Наксосе» (1775). О ее выступлении см. письмо 857.

³ В марте Гете сообщил Шиллеру из Иены, что начал несколько «лирических мелочей» (письмо 850); речь шла, по-видимому, о стихотворениях «Жалоба пастуха» и «Ранняя весна». В апреле он написал в Иене стихотворение «Весенний оракул», которое, вероятно, и имеется здесь в виду.

⁴ Гете читал в эти дни «Эдду» во французском переводе Малле (Копенгаген, 1756).

⁵ Профессору Иоганну Баптисту Шаду.

ПИСЬМО 857

¹ Т. е. 8 мая. В действительности первое представление «Ифигении в Тавриде» состоялось 15 мая.

² Т. е. Элизы Бюргер (см. предыдущее письмо). Гете получил в этот день письма и от Христианы и Августа, высмеявших актрису.

ПИСЬМО 858

¹ Трагедия Фридриха Шлегеля, представление которой на веймарской сцене состоялось 29 мая.

² О каком произведении идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 860

¹ Поэма Антона фон Клейна «Атенор» (Франкфурт, 1802). Позднее Гете опубликовал уничтожающую рецензию на нее в иенской «Всеобщей литературной газете» (14 февраля 1805 г.).

ПИСЬМО 862

¹ Т. е. опера Моцарта «Милосердие Тита» (1791).

² Котта выпустил отдельные издания обеих трагедий в 1802 г.

³ Статья Фридриха Вейнбрэннера не сохранилась; о каких предложениях идет речь, неизвестно.

⁴ Элизабет Доротея Шиллер умерла 29 апреля 1802 г.

⁵ Профессор Иоганн Людвиг Экардт, умерший в 1800 г., был зятем Нитхаммера.

⁶ О каком издании идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 863

Гете приехал в Веймар 15 мая прямо на представление «Ифигении в Тавриде».

¹ Т. е. тайных советников Фойгта, Вольцогена и Шмидта.

ПИСЬМО 864

С 5 по 12 июня Гете жил в Иене.

¹ Речь идет о прологе, который Гете готовил для открытия театра в Лаухштедте.

ПИСЬМО 865

¹ Цельтер прислал Гете рецензию на представление оперы Рейхардта «Смерть Геракла» в Берлине; после того как Шиллер просмотрел и одобрил рецензию, она была напечатана в «Журнале роскоши и мод» Бертуха (1802, № 8).

ПИСЬМО 868

Гете вернулся в Веймар 12 июня; на следующий день он прочитал Шиллеру свою новую работу, т. е. пролог к открытию театра в Лаухштед-

те. 21 июня Гете уехал из Веймара; до 25 июля он пробыл в Лаухштедте и Галле.

¹ Т. е. гастролям веймарской труппы в Лаухштедте.

² В августе — сентябре 1801 г.

ПИСЬМО 869

¹ В день открытия театра, 26 июня, исполнялись гетевский пролог и «Милосердие Тита» Моцарта (см. письмо 870).

² Гете подготовил в 1801—1802 гг. перевод сочинения Теофраста «О цветах», позднее включив его в состав «Истории учения о цвете». В его дневниковых записях от 28 и 29 июня отмечаются беседы с Фридрихом Августом Вольфом об этом сочинении.

³ Гете пробыл в Галле с 9 по 20 июля.

ПИСЬМО 870

¹ В перечне упоминаются следующие произведения: гетевский пролог, опера Моцарта «Милосердие Тита», комедия Теренция «Братья» в переводе Эйзиделя, трагедия Шиллера «Смерть Валленштейна», опера Паэзиелло «Мельничиха», комедия Коцебу «Два Клингсберга», трагедия Вольтера «Танкред» в переводе Гете, опера Враницкого «Оберон».

² Речь идет о письме Мейера, не дошедшем до нас.

³ Курт Шпренгель, «Письма для руководства в познании растений» (Галле, 1802).

⁴ Речь идет об отчете университетского куратора Эрнста Брандеса, опубликованном в 1802 г. в Гёттингене.

⁵ Комедия Коцебу.

ПИСЬМО 871

¹ Перевод Фридриха Вольфганга Рейца не был опубликован.

² Шарль Массон, «Письмо одного француза» (Базель, 1802).

ПИСЬМО 872

¹ Гете вернулся в Веймар 25 июля.

ПИСЬМО 873

¹ Старинная немецкая мера жидкостей (в Саксонии и Тюрингии равнялась примерно 147 литрам).

ПИСЬМО 874

С 3 по 27 августа Гете жил в Иене.

¹ Речь идет об обширной статье Рейхардта, посвященной гастролям веймарской труппы в Лаухштедте и опубликованной в № 84, 86 и 102 упомянутой газеты.

² Получив одобрение Шиллера (см. письмо 875), Гете отправил рукопись Котте; пролог вышел в свет в 1802 г. в Тюбингене.

ПИСЬМО 876

¹ В 1802 г. Эрфурт перешел во владение Пруссии.

ПИСЬМО 877

¹ Шиллер читал о нем в письмах Плиния Младшего.

² Альбрехт фон Галлер (1708—1777), один из замечательнейших представителей эпохи Просвещения: философ, естествоиспытатель, врач, поэт, педагог и антиквар.

³ Речь идет о трагедии «Мессинская невеста». Замысел ее возник у Шиллера еще в 1799 г. Позднее он несколько раз возвращался к нему, но только с августа 1802 г. смог начать работу над трагедией. «Мессинская невеста» была закончена в начале февраля 1803 г. (см. письма 887 и 889) и поставлена на веймарской сцене 19 марта того же года.

⁴ Шиллер имеет в виду предстоящие выборы курфюрста Майнцского; его надежды на избрание Карла Теодора Дальберга оправдались.

ПИСЬМО 878

¹ Перевод комедии Теренция «Девушка с Андроса», выполненный для веймарского театра Августом Германом Нимейером.

² Гете готовил в эти дни новую редакцию своего перевода записок Челлини для отдельного издания, вышедшего в 1803 г. в Тюбингене у Котты.

ПИСЬМО 879

¹ Эта памятная записка, представляющая собой своеобразный проспект издания, была отослана Шиллером 24 октября Котте.

² Гете прибыл в Иене с 17 по 23 октября.

ПИСЬМО 880

¹ 16 декабря Христиана родила девочку, прожившую всего пять дней.

ПИСЬМО 884

¹ Гете имеет в виду свое собрание слепков с античных монет.

ПИСЬМО 886

¹ См. примеч. 1 к письму 438.

² Речь идет о выполненной в кассельской академии художеств копии римской реплики бюста эллинистической эпохи.

³ Термин, введенный Гете в «Коллекционере и его близких» (см. примеч. 1 к письму 614).

⁴ Письмо Гете к Вильгельму Гумбольдту от 27—29 января 1803 г.

⁵ Эрнст Хладни, знаменитый физик, создатель экспериментальной акустики. Гете упоминает здесь его «Акустику» (Лейпциг, 1802). Хладни часто выступал с концертами, демонстрируя изобретенные им музыкальные инструменты («эвфон Хладни» и др.).

⁶ Йозеф Иларий Эккель, выдающийся нумизмат, создатель метода научной систематизации античных монет. Гете, разбиравший в эти дни полученные им слепки монет из собрания Мионне (см. письмо 884), руководствовался трудом Эккеля «Классификация древних монет», в 8-ми т. (Вена, 1792—1798).

⁷ Цельтер приехал в Веймар только в мае.

⁸ О какой комедии идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 887

¹ «Мессинской невесты».

² 7 января Шиллер получил от Дальберга 650 талеров в подарок.

³ Имеется в виду 63-томное собрание новых французских пьес и либретто, которое Шиллер просматривал по просьбе Карла Августа с тем, чтобы выбрать какие-либо произведения для перевода и постановки на веймарской сцене. Шиллера привлекли здесь две комедии Луи-Бенуа Пикара, за перевод которых он принялся в марте. Первая из них, «Племянник в роли дяди», была поставлена в Веймаре 18 мая; за ней последовал «Паразит» (12 октября).

⁴ Собрание пьес Витторио Альфиери в переводе Петито, изданное в 1802 г. в Париже.

ПИСЬМО 888

¹ Римская копия древнегреческой статуи (возможно, «Афродиты Косской» Праксителя). В августе 1802 г. Гете в письме к Вольцогену, сопровождавшему принца Карла Фридриха в Париж, просил заказать для него слепок головы «Венеры Арльской».

ПИСЬМО 889

¹ Герцог Георг I Саксен-Мейнингенский, один из попечителей Иенского университета. Именно ему в первую очередь Шиллер был обязан своим назначением ординарным профессором (см. примеч. 2 к письму 437).

ПИСЬМО 890

¹ Точнее, «Мавританки»: под таким названием на веймарской сцене шла комедия Теренция «Евнух» в переработке Эйзиделя (первое ее представление состоялось 19 февраля).

ПИСЬМО 893

¹ В «Мессинской невесте» рыцари из свиты братьев-соперников образуют два хора. В первых изданиях трагедии партии обоих хоров не

были расчленены; указанные Шиллером имена фигурировали лишь в театральных экземплярах.

ПИСЬМО 894

¹ См. примеч. 1 к письму 890.

² «Мессинской невесте», поставленной 19 марта.

ПИСЬМО 896

¹ Франца Бранда, только что вступившего в веймарскую труппу.

ПИСЬМО 897

¹ Речь идет о распределении ролей в «Орлеанской деве», первое представление которой на веймарской сцене состоялось 23 апреля. Шиллер намекает на отношения, связывавшие Ягеман с Карлом Августом, в силу чего поручение ей роли Агнессы Сорель (любовницы дофина) создавало некоторую неловкость; тем не менее актриса приняла эту роль (см. письмо 899).

ПИСЬМО 898

¹ Намек на Бёттигера (см. письма 577 и 578).

ПИСЬМО 899

¹ Т. е. в «Орлеанской деве».

ПИСЬМО 900

¹ Гете имеет в виду только что полученный первый номер журнала Фридриха Шлегеля «Европа» (Франкфурт, 1803—1805 гг.), в котором сотрудничали Август Шлегель, Ахим фон Арним, Фридрих де ла Мотт Фуке и другие. В этом номере была помещена статья Фридриха Шлегеля о его путешествии по Франции.

ПИСЬМО 901

¹ Репетиция «Мессинской невесты», действительно поставленной 19 марта.

ПИСЬМО 903

¹ Трагедия Отуэя, ставившаяся в Веймаре в 1794 г. (см. письмо 14). Гете, по-видимому, думал о новой переработке «Спасенной Венеции».
² Во время представления «Мессинской невесты» 19 марта группа иенских студентов устроила овацию Шиллеру, что вызвало неудовольствие Карла Августа.

ПИСЬМО 905

¹ Речь идет о визите Котты, к которому Гете не был готов (см. письма 906 и 911).

² По-видимому, речь идет о какой-то пьесе, присланной для театра.

ПИСЬМО 906

С 15 по 29 мая Гете жил в Иене.

¹ Письмо Котте от 15 мая с подробным изложением всех предложений Гете.

² Врач и естествоиспытатель Самуэль Томас Зёммеринг объявил местопребыванием человеческой души жидкость в лобных пазухах («Об органе души», Кенигсберг, 1796).

ПИСЬМО 90.

¹ Гете читал в эти дни книгу Фосса «Немецкая просодия» (Кенигсберг, 1802).

² Приложение к письму для Котты (см. письмо 906).

³ 18 мая состоялось первое представление комедии «Племянник в роли дяди» (см. примеч. 3 к письму 887).

ПИСЬМО 909

¹ Речь идет о трагедии Клопштока «Битва Германа» (1769), которую предполагалось поставить в Веймаре в память поэта, умершего 14 марта.

² См. примеч. 3 к письму 907.

³ Вторая комедия Пикара, «Паразит», была поставлена только в октябре (см. примеч. 3 к письму 887).

⁴ См. примеч. 1 к письму 878.

⁵ В мае Гете продал свое имение в Оберроссла.

⁶ «Пилигрим», «Пуншевая песня для севера» и «Торжество победителей».

ПИСЬМО 910

¹ Трагедия Клопштока (см. письмо 909 и примеч. 1 к нему).

² Гете вспоминает здесь давнюю заметку Виланда о Клопштоке (см. примеч. 3 к письму 385).

ПИСЬМО 911

¹ Речь идет о статье «О применении хора в трагедии», послужившей предисловием к первому изданию «Мессинской невесты» (Тюбинген, 1803).

² Речь идет о первом издании «Побочной дочери» (Тюбинген, 1803).

³ Котта издал сборник песен на музыку Эйлерса.

⁴ Письмо Вильгельма Гумбольдта от 30 апреля.

⁵ Шеллинг собирался совершить путешествие в Рим вместе с Каролиной Шлегель, оставившей к этому времени мужа; однако планы эти не осуществились из-за назначения Шеллинга доцентом в Вюрцбургский университет.

⁶ См. письмо 366 и примеч. 3 к нему.

⁷ Баллада «Торжество победителей», сюжет которой был связан с троянской войной, не стала, однако, хоровой песней — в отличие от двух других присланных вместе с нею стихотворений (см. примеч. 6 к письму 909).

⁸ Цельтер приехал в Веймар в конце мая; Дрезден он посетил только на обратном пути (в середине июня).

ПИСЬМО 912

Гете вернулся в Веймар 29 мая.

¹ Речь идет о стихотворениях «Прочное в сменах», «Жалоба пастуха», «Застольная песня», «Счастливые супруги» и других, опубликованных в «Карманной книжке на 1804 год».

ПИСЬМО 913

¹ Какой набросок имеется в виду, неизвестно.

ПИСЬМО 914

С 3 по 9 июля Гете жил в Иене. 2 июля Шиллер уехал в Лаухштедт.

¹ В 1803 г. Лодер оставил Иену и получил кафедру в Галле.

² Перешеек у Коринфа, который преодолели аргонавты перед возвращением домой.

³ «Гец фон Берлихинген» (1773). В эти и последующие годы Гете подготовил несколько вариантов своей юношеской драмы для постановки в веймарском театре. Первый из этих вариантов был закончен летом 1804 г. (представление состоялось 22 сентября).

⁴ Намек на библейский эпизод (Числа, 23, 11).

⁵ О чем идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 915

Со 2 по 14 июля Шиллер жил в Лаухштедте, где гастролировала веймарская труппа.

¹ Спектакль состоялся 3 июля. Красочное описание грозы содержится в письме Шиллера к жене от 4 июля.

² «Побочную дочь» давали 4 июля.

³ Певица Элизабет Мара.

⁴ Актер Антон Генаст, возглавлявший труппу в Лаухштедте.

⁵ Юрист Теодор Шмальц из Галле.

⁶ Нимейеры приехали на спектакль «Девушка с Андроса» (см. примеч. 1 к письму 878 и письмо 909).

ПИСЬМО 916

С 7 по 11 августа Гете жил в Иене.

¹ Иоганн Георг Даниэль Арнольд, писатель и историк; в эти годы — студент Гёттингенского университета.

² Шиллер вернулся из Иены 6 августа, накануне отъезда Гете.

³ Т. е. Фирвальдштетского озера, места действия «Вильгельма Телля».

⁴ Издатель газеты, профессор Шютц, принял приглашение университета в Галле.

ПИСЬМО 918

¹ Гете имеет в виду первые номера иенской «Всеобщей литературной газеты», вышедшие после отъезда Шютца в Галле. Руководство газетой взял на себя профессор Генрих Эйхштедт; позднее Гете сотрудничает с ним (см., например, письмо 1000).

² Т. е. барометру. Гете намекает на эллинистическую скульптурную группу «Нил и его дети», служившую для определения уровня разлива Нила (в зависимости от того, какую из детских фигур закрывала вода).

ПИСЬМО 919

¹ Письмо Вильгельма Гумбольдта от 27 августа, сообщившего о смерти своего старшего сына Вильгельма.

ПИСЬМО 920

¹ Трагедия Шекспира в переводе Августа Шлегеля, первое представление которой на веймарской сцене состоялось 1 октября.

² Актеры Карл Франц Грюнер и Пий Александр Вольф, только что вступившие в веймарскую труппу.

ПИСЬМО 921

¹ 17 сентября шла «Орлеанская дева».

ПИСЬМО 922

¹ Каталоги эти понадобились Шиллеру для работы над «Вильгельмом Теллем».

ПИСЬМО 923

¹ Фихте в это время вел тяжбу с покупателем его дома в Иене; положение осложнялось тем, что дом был заложен, а потом продан. В июне 1803 г. Фихте обратился к Шиллеру с письмом, в котором просил походатайствовать перед Гете (или Фойгтом) о скорейшем разрешении дела.

ПИСЬМО 925

¹ О чем идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 926

¹ Шиллер пробыл в Иене со 2 по 7 октября.

² Это представление шекспировской трагедии состоялось 8 октября (см. примеч. 1 к письму 920).

³ Т. е. бывшей квартиры Кнебеля (см. письмо 835 и примеч. 1 к нему).

ПИСЬМО 927

¹ Речь идет о премьере «Юлия Цезаря»; Гете и Шиллер были в театре, но не виделись после спектакля, а наутро Шиллер уехал в Иену.

² Гете, дававший в это время уроки декламации двум новым актерам, Грюнеру и Вольфу (памятью об этом остались его «Правила для актеров»), думал об основании театральной школы.

ПИСЬМО 928

¹ Эта драма Шекспира в переводе Августа Шлегеля на веймарской сцене, однако, не ставилась.

² «Карманная книжка на 1804 год», изданная Гете и Виландом в двух частях. Гете опубликовал здесь свою драму «Побочная дочь» и значительное число стихотворений (см. примеч. 1 к письму 912).

ПИСЬМО 929

¹ Паулюс в 1803 г. покинул Иену, получив кафедру в Вюрцбурге.

² С 1803 г. Гегель — приват-доцент на кафедре философии в Иене.

³ Риттер вскоре получил профессию в Иене.

⁴ Помимо Паулюса Иенский университет в 1803 г. покинули Шютц, Лодер, Шеллинг и Гуфеланд (правовед).

⁵ Т. е. комедией Теренция в обработке Эйнзиделя.

ПИСЬМО 930

¹ Постановка «Лагеря Валленштейна» в Берлине в 1799 г. не состоялась (см. примеч. 2 к письму 576). Речь здесь идет о проекте постановки всей трилогии Шиллера.

² Шиллер имеет в виду Грюнера, Гриммера и Вольфа.

ПИСЬМО 931

С 24 ноября по 24 декабря Гете жил в Иене.

¹ Гете готовит материалы для специального квартального приложения к иенской «Всеобщей литературной газете» — в первую очередь

статью «Веймарская художественная выставка 1803 года и условия конкурса на 1804 год».

² Дополнением к указанной выше статье служила обширная работа Гете «Фрески Полигнота в лесхе в Дельфах», представлявшая собой попытку реконструкции памятника античного искусства согласно литературному источнику: описание лесхи (т. е. места для бесед и собраний) в Дельфах, украшенной многочисленными фресками Полигнота, дается у Павсания («Описание Эллады», X, 25—31).

³ Фернов, только что вернувшийся из Рима, стал профессором философии Иенского университета. Фридрих Йозеф Шельвер также принадлежал к числу новоназначенных профессоров.

⁴ См. примеч. 4 к письму 929.

ПИСЬМО 932

¹ Живописец Фридрих Реберг.

² Фосс поселился в Иене осенью 1802 г.

³ Мадам де Сталь пробыла в Веймаре с 13 декабря 1803 г. по 29 февраля 1804 г.

⁴ Жордан посетил Веймар и Иену в конце 1800 г.

ПИСЬМО 933

¹ См. примеч. 1—2 к письму 931.

² Гете навестил Фосса 29 ноября.

³ Буркхард Вальдис — немецкий поэт XVI в. Фосс собирал в это время материалы для словаря немецкого языка, оставшегося незаконченным.

⁴ Т. е. неподалеку от садового дома Шиллера.

⁵ Иоганн Бернгард Вермеерен, приват-доцент кафедры философии Иенского университета, умер 29 ноября.

ПИСЬМО 934

¹ Мадам де Сталь приехала в Веймар 13 декабря; Гете вернулся из Иены только 24 декабря.

² Гете приложил к статье «Фрески Полигнота в лесхе в Дельфах» (см. примеч. 2 к письму 931) таблицы с планом расположения фресок на стенах здания согласно своей реконструкции.

ПИСЬМО 935

¹ Шиллер имеет в виду работу над драмой «Вильгельм Телль».

² Начиная с августа Иффланд трижды писал Шиллеру, торопя его с окончанием драмы.

³ Кордеман совершил поездку в Берлин осенью.

⁴ Переговоры Бёттигера о месте в Берлине не принесли успеха; весной 1804 г. он перебрался в Дрезден, где получил чин надворного советника и пост директора гимназии.

⁵ Фридрих Вильгельм Ример, домашний учитель Августа Гете с 1803 г. (позднее — секретарь Гете, принимавший участие в подготовке многих изданий его произведений).

⁶ Т. е. с мадам де Сталь, приехавшей в Веймар накануне.

ПИСЬМО 936

¹ Письма Шарлотты Шиллер к Гете от 14, 18 и 21 декабря.

² Т. е. 24 декабря.

³ В декабре 1803 г. умерли Гердер и герцог Георг I Саксен-Мейнингенский.

ПИСЬМО 937

Гете последовал совету Шиллера и вернулся в Веймар 24 декабря; в этот же день он принимал у себя мадам де Сталь, Шиллера с женой и герцогскую чету.

¹ Пробные листы приложения ко «Всеобщей литературной газете» (см. примеч. 1—2 к письму 931).

² Фридрих Август Вольф гостил в Веймаре с 28 декабря по 6 января; 29 декабря он провел вечер у Гете в обществе Шиллера, а также Фернова, приехавшего на несколько дней из Иены.

ПИСЬМО 939

¹ О каких балладах идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 940

¹ Трагедия Расина «Митридат» (1673) в обработке Теодора Боде. Постановка ее состоялась 30 января, в день рождения герцогини Луизы.

² Вильгельм Готлиб Беккер, «Августеум, собрание античных редкостей в Дрездене» (Лейпциг, 1804, т. 1).

³ Констан приехал в Веймар 20 января.

ПИСЬМО 941

¹ См. письма 834 и 839 (и примеч. 1 к обоим).

² О какой книге отзывается так Шиллер, неизвестно.

ПИСЬМО 942

¹ Неизвестно, о какой рецензии идет речь.

² Персонаж греческого мифа, осужденный на бессмысленную работу в Аиде: он плел канат, который тут же поедала ослица.

ПИСЬМО 943

¹ Намек на канат Окна (см. письмо 942 и примеч. 2 к нему).

ПИСЬМО 944

¹ Второй акт «Вильгельма Телля» (в окончательной редакции — действие 2, явл. 2).

- ² Гете и Шиллер провели вместе вечер следующего дня.
³ «Мария Стюарт», «Мессинская невеста» и «Принцесса Турандот» (соответственно 2, 9 и 11 января).

ПИСЬМО 945

- ¹ Первый акт «Вильгельма Телля».
² Речь идет о мадам де Сталь.
³ В 1810—1811 гг. Гете написал монографию «Филипп Гакерт».

ПИСЬМО 946

- ¹ Речь идет о первых номерах иенской «Всеобщей литературной газеты» за 1804 год.
² Рецензия на издания Нового завета, выпущенные Маттеи и Грисбахом, в номерах от 1 и 2 января.
³ Рецензия Иоганнеса Мюллера на книгу Сарториуса «История Ганзейского союза» в номерах от 7 и 8 января.
⁴ Рецензия на отдельное издание записок Челлини в номере от 11 января.
⁵ В «Листке объявлений» от 5 января был напечатан «Обзор новейшей иностранной литературы» неизвестного автора.
⁶ Иоганнес Мюллер приехал в Веймар 22 января (см. письмо 950 и след).
⁷ См. примеч. 4 к письму 935.

ПИСЬМО 947

- ¹ См. примеч. 5 к письму 946.

ПИСЬМО 948

- ¹ Второй акт «Вильгельма Телля».

ПИСЬМО 950

- ¹ Мюллер нанес Гете визит тотчас же по приезде; в дневниковых записях Гете за февраль отмечается несколько вечеров, проведенных с Мюллером.

ПИСЬМО 951

- ¹ В этом номере «Всеобщей литературной газеты» была опубликована статья о сочинении Руссо «Подлинная и секретная переписка между мадам Латур де Франкевилль и мсье Дюпейроном».

ПИСЬМО 953

- ¹ Рецензия эта была напечатана в номерах «Всеобщей литературной газеты» от 2 и 3 января.

ПИСЬМО 954

¹ Речь идет о помолвке наследного принца Карла Фридриха и великой княжны Марии Павловны, сестры Александра I. Шиллер узнал об этом из письма Вольцогена, сопровождавшего принца в Петербург. Свадьба состоялась в августе.

² Гете предполагал написать вторую пьесу в продолжение того же сюжета, однако замысел этот не осуществил.

³ Т. е. посылался по старому адресу Шиллера.

⁴ Иоганн Кристоф Аделунг, «Опыт полного критического словаря верхнегерманского диалекта», в 5-ти т. (Лейпциг, 1774—1786).

⁵ Стихотворение «Горная дорога», представляющее собой описание подъема на Сен-Готардский перевал. Каждая строфа соответствует определенному участку пути; однако отсутствие каких-либо конкретных наименований (названия скал, рек и т. д.) допускает и символическое толкование стихотворения.

ПИСЬМО 955

¹ Речь идет о переводе баллады Гете «Рыбак» (1778), который мадам де Сталь успела все же выполнить в Веймаре и показать автору. Упоминается баллада и в книге де Сталь «О Германии» (1813): «У Гете есть один романс, который производит восхитительное впечатление с помощью самых простых средств: это — «Рыбак». Гете нашел, что в переводе баллада утратила простоту; де Сталь, напротив, была шокирована некоторыми замечаниями Гете. Так, в стихе 12 нимфа реки упрекает рыбака в том, что он обрекает рыб на «смертный жар»; де Сталь перевела это как «горячий воздух», Гете же пояснил ей, что имел в виду жар скоротцы.

² Книга Клопштока «Грамматические диалоги» (1794) была посвящена его проекту реформы немецкого правописания (при этом Клопшток решительно ориентировался на фонетический принцип). Рецензия Фосса, отрицательно воспринявшего большинство положений Клопштока, печаталась в нескольких номерах «Всеобщей литературной газеты» в январе — феврале.

³ См. примеч. 5 к письму 954. В состав «Вильгельма Телля» стихотворение не было включено.

ПИСЬМО 956

¹ О какой картине идет речь, неизвестно.

² Речь идет о трагедии Кальдерона «Стойкий принц» (1636); Гете познакомился с нею по переводу Августа Шлегеля, позднее издавшего его во втором томе своего сборника «Испанский театр», в 2-х т. (Берлин, 1803—1809).

³ Трагедия Кальдерона, опубликованная в первом томе «Испанского театра».

ПИСЬМО 957

¹ О какой книге идет речь, неизвестно.

ПИСЬМО 958

¹ Хрия (*греч.*) — риторические упражнения на заданную тему. Гете, вероятно, имеет в виду статью Бёттигера о визите де Сталь в Веймар, опубликованную в одном из январских номеров «Всеобщей газеты» Поссельта.

² Готфрид Габриэль Бредов прислал Гете обработку трагедии Софокла «Электра».

ПИСЬМО 959

¹ Виланд послал Иффланду свой перевод «Елены», приложив к нему проект постановки трагедии на сцене. Идея эта осуществлена не была.

ПИСЬМО 961

¹ Т. е. к окончанию «Вильгельма Телля».

ПИСЬМО 962

¹ Карл Вильгельм Циммерман покинул веймарскую труппу в конце весны.

² После долгого перерыва «Макбет» был представлен 7 апреля.

ПИСЬМО 965

¹ Роли крестьянок Мехтхильд, Эльсбет и Хильдегард.

² Актриса Элиза Мюллер, в 1804—1805 гг. состоявшая в веймарской труппе.

ПИСЬМО 967

¹ Первые акты «Геца фон Берлихингена» в новой редакции (см. письмо 914 и примеч. 3 к нему).

ПИСЬМО 968

¹ Гёте предложил Шиллеру иную редакцию сцены с яблоком в «Вильгельме Телле» (действие 3, явл. 3) и подготовил соответствующий текст. Постановка «Телля» состоялась 17 марта.

ПИСЬМО 969

¹ Речь идет о драме Коцебу «Гуситы у стен Наумбурга».

ПИСЬМО 970

¹ Рецензия Иоганна Фридриха Дельбрюка на «Мессинскую невесту», опубликованная в первых апрельских номерах иенской «Всеобщей литературной газеты».

ПИСЬМО 971

Гете провел несколько дней в Иене в конце мая.

¹ Каролина фон Гумбольдт совершала поездку из Рима в Эрфурт, чтобы навестить своего отца.

² Речь идет о подготовке к предстоящим гастролям веймарской труппы в Лаухштедте.

³ Комедия Теренция «Самоистязатель» в обработке Эйнзиделя.

ПИСЬМО 972

¹ Шиллер обратился 4 июня к Карлу Августу с письмом, в котором просил об увеличении выплачиваемой ему пенсии.

ПИСЬМО 974

¹ О чем идет речь, неизвестно.

² Шиллер уехал в Иену 19 июля.

³ Христина Вестфален, «Шарлотта Корде» (Гамбург, 1804).

ПИСЬМО 975

С 19 июля по 19 августа Шиллер жил в Иене.

¹ Веймарская труппа гастролеровала в Лаухштедте с 23 июня по 3 сентября.

² Во время этого визита обсуждалось дело с рецензией Боде (см. письмо 976 и примеч. 2 к нему).

ПИСЬМО 976

¹ Гесслер пробыл в Иене с 30 июля по 8 августа; за это время он успел посетить Веймар и увидеться с Гете.

² Речь идет о крайне резкой по тону рецензии Боде на книгу Коцебу «Воспоминания о Париже в 1804 году» (Лейпциг, 1804). После поправок, рекомендованных Шиллером, рецензия была напечатана в иенской «Всеобщей литературной газете» (в номерах от 10 и 11 октября).

³ Музыку написал Бернارد Ансельм Вебер, приславший ноты Шиллеру.

ПИСЬМО 977

¹ Письмо Цельтера от 22 июля. Сочувствие Гете было вызвано тогдашним застоем музыкальной жизни в Берлине.

² 25 июля у Шиллера родилась дочь Эмилия.

ПИСЬМО 978

¹ Возможно, речь идет о пьесе Захариаса Вернера «Сыны долины» (Берлин, 1803).

ПИСЬМО 979

¹ Какую статью имеет в виду Гете, неизвестно.

ПИСЬМО 980

¹ Пьеса эта на веймарской сцене не ставилась.

ПИСЬМО 982

¹ Гете получил из Италии слепок головы так называемой «Афины Беллетри» (греческой статуи IV в. до н. э., восходящей, по-видимому, к оригиналу классической эпохи).

ПИСЬМО 983

¹ Речь идет о переводе неизданного диалога Дидро «Племянник Рамо». Гете перевел это произведение по рукописи, которую представил ему Шиллер (получивший ее, по-видимому, из Готы — см. письмо 125 и примеч. 1 к нему). В 1805 г. перевод был закончен и опубликован отдельным изданием в Лейпциге у Гёшена. Первое французское издание «Племянника Рамо» вышло только в 1823 г., когда была найдена авторская рукопись произведения (до этого в 1821 г. был опубликован французский перевод гетевского перевода).

² Шарль Палиссо (1730—1814), автор комедии «Философы» (1760), представляющей собой пасквиль на энциклопедистов; выставлен в диалоге в довольно неприглядном свете.

³ Т. е. композитор Жан-Филипп Рамо (1683—1764).

⁴ Антуан Сабатье, «Три века французской литературы» (Париж, 1772).

⁵ Характерный пример обычного для Гете текстологического подхода. Первый вариант «Племянника Рамо» относится к 1762 г., а в 1772—1773 и 1779 гг. Дидро основательно перерабатывал его.

⁶ См. письмо 647 и примеч. 1 к нему.

ПИСЬМО 985

¹ О каких пьесах идет речь, неизвестно.

² 30 января на веймарской сцене была поставлена трагедия Расина «Федра» (1677) в переводе Шиллера, подготовившего текст за короткое время — с 17 декабря по 14 января. Уже после смерти Шиллера Котта выпустил двуязычное издание трагедии (Тюбинген, 1805). Эльс, о котором идет здесь речь, в спектакле не участвовал (см. письма 989 и 990).

ПИСЬМО 986

¹ Наследный принц Карл Фридрих и Мария Павловна.

ПИСЬМО 987

¹ Шиллер имеет в виду перевод «Федры».

² Т. е. трагедии, посвященной Димитрию Самозванцу. Замысел ее возник у Шиллера в 1804 г. (в известной мере он был связан с замыслом «Уорбека», см. письмо 646 и примеч. 1 к нему). В наследии Шиллера сохранился подробный план трагедии и довольно обширные наброски нескольких сцен из первых двух актов.

³ Переписчик Шиллера.

⁴ Жан-Франсуа Мармонтель, «Записки» (Париж, 1799).

⁵ Мария Павловна. Чтение это происходило, по-видимому, 10 января (см. письмо 986). С каким произведением познакомил Гете своих слушателей, неизвестно.

ПИСЬМО 988

¹ Гиатус (лат. hiatus, «дыра») — зияние, образуемое неблагозвучным сплочением гласных на стыке слов.

² Слова апостола Петра (Деян. 3, 6).

³ Гете, по-видимому, читал роман Васко де Лобейро, положивший начало множеству романов об Амадисе Галльском.

ПИСЬМО 989

¹ 16 января состоялось представление двух пьес Гете: «Совиновники» (1787) и «Гражданин-генерал» (1793).

² «Совиновники» (действие 3, явл. 4).

³ Карл Унцельман, сын знаменитой актрисы, приславшей его в Веймар для прохождения театральной школы Гете. В постановке «Федры» 30 января он сыграл роль Ипполита.

ПИСЬМО 993

¹ В наследии Шиллера сохранились наброски перевода и этой трагедии Расина.

ПИСЬМО 994

¹ Перевод «Племянника Рамо».

ПИСЬМО 995

¹ 20 января Шиллер руководил пробной читкой «Федры».

ПИСЬМО 996

¹ См. письмо 647 и примеч. 1 к нему.

ПИСЬМО 997

¹ Шиллер имеет в виду тяжелые приступы болезни летом прошлого года и в феврале нынешнего.

ПИСЬМО 998

¹ Гете подготовил обширный комментарий к «Племяннику Рамо», опубликованный в издании 1805 г.

ПИСЬМО 1000

¹ Гете опубликовал в иенской «Всеобщей литературной газете» (№ 37 и 38 от 13 и 14 февраля 1805 г.) рецензии на «Алеманские стихотворения» Гебеля, несколько сборников стихотворений на нюрнбергском диалекте Грюбеля, «Уголино Герардеска» Белендорфа, «Атенора» Клейна и некоторые другие произведения.

² Т. е. с Грюбелем.

³ Стихотворение Гебеля, текст которого на алеманском диалекте Гете приводит в своей рецензии полностью.

⁴ В листке объявлений «Всеобщей литературной газеты» была напечатана статья Гете «Неопубликованные письма Винкельмана».

⁵ Речь идет об издании древнерусских летописей в переводе и с комментариями Августа Людвига Шлёцера («Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные», в 5-ти т. Гёттинген 1802—1809).

⁶ Иоганнес Мюллер, «История Фридриха II» (Берлин, 1805).

ПИСЬМО 1002

¹ Над трагедией о Димитрии Самозванце (см. примеч. 2 к письму 987).

² Гёшен предполагал издать и французский оригинал диалога, однако этот замысел не был осуществлен (см. примеч. 1 к письму 984).

ПИСЬМО 1003

¹ Первое собрание сочинений Гете у Котты вышло в 1806—1810 гг. (в 13-ти т.). При жизни Гете Котта опубликовал еще два Собрания — двадцатитомное в 1815—1819 гг. и сорокатомное в 1827—1830 гг.

² Гете приложил к письму свой договор с Гёшеном (1786 г.) и сопутствующую переписку.

³ Гёшен выпустил в 1787—1791 гг. первое Собрание сочинений Гете в восьми томах. Гете имеет в виду тайную допечатку четырех томов из этого собрания.

ПИСЬМО 1004

¹ Т. е. статьи о Винкельмане, принадлежащие Гете, Мейеру и Фридриху Августу Вольфу (см. примеч. 1 к письму 647).

² Прусский король Фридрих Вильгельм I, болевший подагрой, подписывал свои картины «in tormentis pinxit» («писал в страданиях»).

³ Скаррон в возрасте тридцати лет был поражен тяжелой болезнью, на всю жизнь приковавшей его к постели. Тем не менее салон Скаррона был одним из самых популярных в Париже.

ПИСЬМО 1005

¹ Пробные листы «Племянника Рамо» и письмо от Гёшена.

ПИСЬМО 1006

¹ См. письмо 473 и примеч. 3 к нему.

ПИСЬМО 1007

¹ Статья об актрисе Мари Лемьер в комментарий к «Племяннику Рамо» не вошла; текст ее сохранился.

ПИСЬМО 1008

¹ Окончание комментария к «Племяннику Рамо».

² Цитата из «Скорбных элегий» Овидия (I, 1, 1).

ПИСЬМО 1009

¹ Ришелье и Мазарини.

ПИСЬМО 1010

¹ О какой заметке идет речь, неизвестно. Неизвестно также, какой из вариантов изложения учения о цвете был послан с этим письмом.

Письмо это завершает переписку Гете и Шиллера: 9 мая 1805 года Фридрих Шиллер скончался.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абель Якоб Фридрих (1751—1829), друг юности Шиллера, с 1790 г. профессор философии в Тюбингене I 86, 97, 482—483
- Абрамсон Абрахам (1754—1811), берлинский художник-медальер I 176—177, 179
- Абрахам а Санта Клара (собств. Ульрих Мегерле, 1644—1709), писатель и проповедник II 147, 153—154, 499—500
- Август, принц Саксен-Готский (1747—1806), брат герцога Эрнста II I 151—152, 157—158, 251, 274—275, 278, 496, 511, 514
- Август, наследный принц Саксен-Готский (1772—1822), сын герцога Эрнста II II 63
- Августа, герцогиня Саксен-Кобург-Заалфельдская (1753—1831), жена герцога Франца II 67
- Августи Иоганн Христиан Вильгельм (1772—1841), теолог и ориенталист, профессор философии в Иене в 1800—1808 гг. II 340
- Аделунг Иоганн Кристоф (1732—1806), лингвист и лексикограф, библиотекарь в Дрездене II 447—448, 555
- Азвер Людвиг Кристоф Фердинанд (1759—1830), университетский синдик в Иене I 325
- Альбертолли Джокондо (1742—1825), миланский архитектор, скульптор и живописец II 392, 533
- Альбрехт Генрих Кристоф (1763—1800), лингвист и историк (Гамбург) I 55, 477
- Альвардт Христиан Вильгельм (1760—1830), преподаватель и переводчик (Анклам) I 370, 372, 529—530
- Альфиери Витторио (1749—1803) II 408—409, 546
- Амалия Фридерика (1754—1832), жена наследного принца Баденского, сестра Луизы, герцогини Саксен-Веймарской II 355, 537
- Анна Амалия (1739—1807), вдовствующая герцогиня Саксен-Веймарская I 172—173, 500; II 56, 278, 283, 429, 440, 495, 532
- Апель Иоганн Август (1771—1806), адвокат высшего апелляционного суда в Лейпциге, поэт и критик II 364—365, 539
- Аренс Иоганн Август (1757—1806), архитектор (Гамбург) I 54—55
- Ариосто Лудовико (1474—1533) II 514
- Ариостель (384—322 до н. э.) I 346, 348—351, 445, 455, 525—526; II 51, 128, 216, 396, 399, 496, 511
- Аристофан (ок. 445 — ок. 385 до н. э.) I 328, 331, 522
- Аркенхольц Иоганн Вильгельм фон (1743—1812), историк и литератор (Гамбург) I 150, 164, 475, 495; II 509
- Ардт Иоганн (1555—1621), поэт и проповедник I 234, 507
- Арним Ахим фон (собств. Людвиг Иоахим фон Арним, 1781—1831) II 547
- Арнольд Иоганн Георг Даниэль (1780—1829), поэт и историк (в 1800-х гг.— студент гёттингенского университета) II 423, 550
- Аух Иоганн Адольф (1765—1842), механик в Веймаре II 253, 516
- Баадер Франц Ксавер Бенедикт фон (1765—1841), философ и

- естествоиспытатель (Мюнхен) II 308, 529
- Баггесен Иенс Иммануил (1764—1826), датский поэт I 112—113, 234—235, 294, 475, 507, 515
- Бальде Якоб (1603 или 1604—1668), поэт I 104, 485—486
- Баузе Иоганн Фридрих (1738—1814), лейпцигский художник-гравер II 297
- Бейльвиц Фридрих Вильгельм Людвиг фон (1755—1829); надворный советник в Рудольштадте I 298, 517
- Бейст Амалия фон, фрейлина в Веймаре II 29
- Беккер Амалия (1780—1851), актриса веймарской труппы, жена актера Генриха Беккера II 465
- Беккер Вильгельм Гоглиб (1753—1813), инспектор античного собрания в Дрездене I 159, 163, 497; II 439, 553
- Беккер Генрих (1764—1822), актер веймарской труппы I 516; II 321, 392, 411, 417, 422, 425, 452, 463
- Беккер Карл Август (1765—1838), почтмейстер в Иене II 230—231
- Беккер Рудольф Захариас (1752—1822), писатель и публицист, издатель нескольких журналов (Гота) II 342, 535
- Белендорф Казимир Антон Ульрих (1775—1825), поэт и драматург (Берлин и Иена, позднее — Митава) II 337—338, 343, 534—535, 560
- Беллини Джованни (ок. 1430—1516), итальянский художник I 93, 110
- Бёме Адам Фридрих (1735—1809), лейпцигский книготорговец I 263, 274, 514
- Бенда Георг Антон (собств. Иржи Антонин Бенда, 1722—1795), композитор (Гота) II 79—85, 87—88, 487, 489, 542
- Бендавид Лазарус (1762—1832), эрудит (Берлин) I 116, 488
- Бёнингер Иоганн (1756—1810), дуисбургский фабрикант I 417, 523
- Бернард Клервоский (1092—1153), философ и проповедник II 379—380, 541
- Бернгард, принц Саксен-Веймарский (1604—1639) II 148, 499
- Бертух Фридрих Иоганн Юстин (1747—1822), веймарский литератор (переводчик и критик), создатель книжного издательства и типографии в Веймаре; основал ряд периодических изданий, в том числе иенскую «Всеобщую литературную газету» (1785, вместе с Виландом и Х.-Г. Шютцем) и веймарский «Журнал роскоши и мод» (1786) I 253, 340; II 309, 370, 491, 505, 539, 543
- Бёттигер Карл Август (1760—1835), литератор и эрудит (с 1791 г. в Веймаре: директор гимназии и редактор «Немецкого Меркурия», с 1804 г.— в Дрездене) I 165, 171—172, 273, 278—279, 300, 340, 357—358, 370, 372, 381, 413, 420—421, 437, 445, 500, 513—514, 517—518, 520, 524, 531, 534; II 19, 26—27, 32—33, 62, 83, 87—88, 90, 120, 190—193, 208, 213, 223, 248, 250—251, 337, 414, 436, 443, 450, 478—479, 481, 483—484, 487—489, 495, 499, 507, 547, 555—556
- Бёттихер Иоганн Август (1763—1825), лейпцигский художник-гравер II 250, 252, 517
- Беше Луи (1648—1721), французский историк II 519
- Бешорт Фридрих Ионас (1767—1846), актер в труппе Иффланда (Берлин) II 430
- Бистер Иоганн Эрих (1749—1816), библиотекарь (Берлин) I 272
- Блюменбах Иоганн Фридрих (1752—1840), анатом и естествоиспытатель, с 1776 г.— профессор медицины в Гёттингене I 261—262, 482; II 358
- Боден Теодор Генрих Август (1778—1804), веймарский литератор (переводчик и критик) II 439, 443, 456—457, 553, 557
- Бойе Генрих Христиан (1744—1806), поэт и переводчик; изда-

- тель гамбургского «Альманаха муз» (вместе с И.-Г. Фоссом) I 265, 280, 300—302, 358, 384, 515; II 35—36
- Бойль Роберт (1627—1691), английский физик и философ II 44—45, 482
- Боккаччо Джованни (1313—1375) II 64, 96, 479
- Боль Иоганна Сузанна (1738—1806), поэтесса (Лобеда) II 211, 231—232, 510, 514
- Больт Иоганн Фридрих (1769—1836), берлинский художник-гравёр I 220, 222—223, 252, 278, 283, 298—299, 511
- Бомарше Пьер Огюстен Карон де (1732—1799) II 236, 251, 508
- Бонанни Филиппо (1638—1725), итальянский эрудит I 362, 528
- Бонапарт — см. Наполеон I
- Боуэр Арчибальд (1686—1766), английский теолог и историк церкви II 377, 541
- Бранд Франц, оперный певец (с 1803 г. — в веймарской труппе) II 413—414, 547
- Брандес Эрнст (1752—1810), юрист, куратор гёттингенского университета II 397, 399, 544
- Брандис Иоахим Дитрих (1762—1846), врач и естествоиспытатель, автор ряда оригинальных и переводных научных сочинений I 164—165, 498—499, 651; II 480
- Бранкони Мария Антония ди (1751—1793), оперная певица, фаворитка герцога Карла Вильгельма Фердинанда Брауншвейгского I 247
- Брантом Пьер де Бурдей, сьер де (1540—1614), французский военачальник, мемуарист I 179, 502
- Браун Джон (1735—1788), английский врач и естествоиспытатель II 381, 542
- Брахман Луиза (1778—1822), поэтесса (Вейсенфельс) II 34, 37—39, 50, 105, 480—482, 492, 508, 510
- Бредов Готфрид Габриэль (1773—1814), историк и литератор (Эйтин) II 450, 556
- Брентано Клеменс (1778—1842), поэт; в 1797—1801 гг. студент в Галле и в Иене; с 1801 г. жил в Гёттингене, с 1804 г. — в Гейдельберге II 305, 528
- Брентано Софи (1776—1800), сестра Клеменса Брентано II 236—237, 515
- Бринкман Карл Густав фон (1764—1847), шведский литератор и дипломат II 53—56, 58, 83, 256, 482—483, 488
- Брун Фридерика (1765—1835), поэтесса (Копенгаген) I 115, 488
- Брюль Иоганна Маргарита Христиана, графиня фон (1756—1816) I 163, 498
- Брюль Карл Фридрих Мориц Пауль, граф фон (1772—1837), сын графини И.-М.-Х. фон Брюль, камергер прусского двора II 429—430
- Бурбон-Конти Амели Габриэль Стефания Луиза, принцесса де (1756—1825) II 275, 521
- Бургсдорф Вильгельм фон (1772—1822), прусский дворянин, друг Вильгельма Гумбольдта I 288, 424, 516, 535; II 274, 331, 533
- Буре Этьен Мишель (1710—1777), парижский откупщик II 462
- Бутервек Фридрих (1766—1828), ученый и литератор, автор ряда сочинений в области эстетики; с 1797 г. — профессор философии в Гёттингене I 334—336, 515; II 14, 16, 477
- Буффлер Станислас де (1738—1815), французский литератор (Берлин) II 175—177, 504
- Бьюкенен Джордж (1506—1582), английский теолог и историк II 203, 509
- Бьянки Антонио (1758 — после 1817), театральный антрепренер II 95, 490
- Бэкон Френсис (1561—1626) II 44, 55—56, 482
- Бюргер Готфрид Август (1747—1794), писатель I 493
- Бюргер Элиза (1769—1833), актриса, жена Готфрида Августа

- Бюргера II 384—387, 390, 542—543
- Бюрде Самуэль Готлиб (1753—1831), берлинский юрист, поэт-любитель II 133, 497
- Бюри Фридрих (1763—1823), художник; в 1782—1799 гг. жил в Италии, в 1799—1800 гг.— в Веймаре II 271—272, 355, 520
- Бюттнер Христиан Вильгельм (1716—1801), естествоиспытатель и лингвист, профессор гёттингенского университета; с 1782 г. жил в Иене на положении пенсионера I 246, 355, 457, 526; II 275, 302, 364, 366, 373, 539
- Вакенродер Вильгельм Генрих (1773—1798), писатель и теоретик искусства I 306, 518
- Вакер Иоганн Фридрих (1730—1795), хранитель нумизматического собрания в Дрездене, коллекционер I 314, 502
- Вальдис Буркард (ок. 1490—1556), поэт II 433, 552
- Варка Бенедетто (1503—1565), флорентийский политический деятель, ученый и поэт I 504
- Вебер Бернард Ансельм (1764—1821), композитор (Берлин) II 456—457, 557
- Ведель Отто Иоахим Мориц фон (1751—1794), камергер в Веймаре I 501
- Веджвуд Джозайя (1730—1795), английский мастер-керамист, основатель известной фаянсовой мануфактуры II 30, 480
- Вейнбреннер Фридрих (1766—1826), архитектор (Карлсруэ) II 390, 543
- Вейраух Винцент (1765—1802), актер веймарской труппы II 146—147, 499
- Вейсе Христиан Феликс (1726—1804), литератор и публицист (Лейпциг) I 164, 498
- Вейсхун Фридрих Август (1759—1795), философ, с 1794 г.— приват-доцент иенского университета I 63, 86—87, 89—92, 148, 151, 483—484, 495
- Вельтхейм Август Фердинанд фон (1741—1801), дипломат и ученый II 305, 528
- Венути Марчелло (1700—1755), знаток древностей I 246
- Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.) I 467; II 253, 517
- Вермеерен Иоганн Бернгард (1774—1803), философ (с 1801 г.— приват-доцент иенского университета), поэт-любитель II 434, 552
- Вернер Фридрих Людвиг Захарияс (1768—1823), драматург (Варшава, Кёнигсберг) II 457, 557
- Вертерн Христиан Фердинанд Георг фон (1738—1800), придворный в Веймаре II 246
- Вертерн Юлиана Луиза Цецилия (1773—1831), жена Х.-Ф.-Г. фон Вертерна II 29
- Вестфален Христина (1758—1840), поэтесса (Гамбург) II 455, 557
- Вехтер Георг Фридрих Эберхард (1762—1814), художник (с 1794 г. жил в Риме, с 1798 г.— в Вене) II 352, 536
- Виланд Кристоф Мартин (1733—1813), писатель; с 1772 г. жил в Веймаре (в 1797—1803 гг.— в поместье Османштедт) I 150, 155, 163, 240, 264—265, 273, 307, 319—320, 362, 426, 454, 496, 498, 509, 512—513, 519, 528, 538; II 87, 104, 148, 167, 175, 211, 213, 217, 251, 289, 295, 351, 376, 419, 450, 489, 492, 503, 505, 510—511, 517, 524, 536, 541, 548, 551, 556
- Вильманс Герхард Фридрих (1764—1830), издатель и книго-торговец (Франкфурт) II 316, 530
- Винкельман Иоганн Иоахим (1717—1768) I 374—375, 480, 485; II 253, 459, 467, 469, 471, 517, 558, 560
- Винтер Петер фон (1754—1825), композитор (Мюнхен) II 538
- Виттгёфт Христина Генриэтта (1763—1832), актриса мангеймской труппы I 241

- Витшель Иоганн Генрих Вильгельм (1769—1847), пастор, поэт-любитель (Нюрнберг) I 457, 459, 539
- Вольней Константин Франсуа Шассбёф де (1757—1820), французский литератор II 28, 480
- Вольтер (1694—1778) I 125, 128; II 208, 262—268, 270, 278, 285, 302—303, 306—307, 394, 472, 474, 518—519, 528, 533, 544
- Вольтман Карл Людвиг фон (1770—1817), историк; профессор университета в Иене с 1794 г., в Берлине с 1799 г. I 40, 101, 112—113, 162—164, 170—171, 273, 335, 339—340, 475, 487, 498, 500, 523; II 92, 223, 313—315, 513, 530
- Вольф Пий Александр (1784—1828), актер веймарской труппы (с 1803 г.) II 425, 430, 463, 550—551
- Вольф Фридрих Август (1759—1824), профессор классической филологии в Галле в 1783—1807 гг. I 103, 140—143, 272, 276, 336, 346, 486, 493, 523—525; II 277, 393, 396, 399, 423, 438, 471, 490, 517, 544, 553, 560
- Вольфскель Генриэтта фон (1776—1859), фрейлина в Веймаре II 29
- Вольцоген Август фон (1771—1825), брат Вильгельма фон Вольцогена, прусский офицер II 116, 143—144, 494, 498
- Вольцоген Адольф фон (1795—1825), сын Вильгельма фон Вольцогена I 322
- Вольцоген Вильгельм Фридрих Эрнст фон (1762—1809), свояк Шиллера; в 1796 г. поступил на службу в Веймаре (камергер, с 1803 г. — тайный советник) I 244, 248, 251, 253—256, 282—284, 291—293, 296—299, 314, 320—323, 361, 363, 373, 378, 407, 421, 509, 515—517, 520, 522, 528, 533; II 67, 69, 78, 113, 122, 143, 180, 182, 184, 246, 254, 273, 275, 283, 288, 372, 375, 390, 409—413, 438, 447, 450, 495, 540, 543, 546, 555
- Вольцоген Каролина фон (1763—1847), жена Вильгельма фон Вольцогена, сестра Шарлотты Шиллер I 244, 248, 251, 254, 269, 285, 298, 322, 327, 354, 363, 371, 383, 391, 398, 403, 421, 509, 515, 517, 530, 532; II 38—41, 55, 62, 122, 144, 178, 209—210, 254, 275, 307, 314, 325, 352, 357, 383, 409—410, 412—413, 417, 481, 483, 495, 537
- Вольцоген Людвиг Юст фон (1773—1845), брат Вильгельма фон Вольцогена (Штутгарт) II 116, 143—144, 494, 498
- Враницкий Пауль фон (1756—1808), композитор (Вена) I 323, 521; II 394, 544
- Вульпиус Христиан Август (1762—1827), шурин Гете; юрист и литератор, с 1797 г. сотрудник веймарской библиотеки I 168—169, 174, 302, 458—461, 499, 501, 517, 539; II 210, 233, 289, 319—320, 388, 426, 511, 524
- Вульпиус Христиана (1764—1816), жена Гете I 230—231, 275, 493, 507, 514; II 243, 299, 404—405, 514, 527, 543, 545
- Вурмб Фридрих фон (1777—?), родственник Шарлотты Шиллер II 344, 535
- Вьейвиль Франсуа де Сепо, сьер де (1510—1571), французский полководец I 212, 223, 228, 316—317, 329, 348, 360—361, 505
- Вюнш Христиан Эрнст (1744—1828), физик II 17, 478
- Габлер Христиан Эрнст (1770—1821), иенский книготорговец I 258, 263
- Гайдн Франц Йозеф (1732—1809) I 334, 523; II 326—327, 532
- Гакерт Якоб Филипп (1737—1807), художник; с 1768 г. жил в Италии (Гете познакомился с ним в 1786 г. в Риме) II 442, 554

- Галем Герхард Антон фон (1752—1819), литератор и публицист (Ольденбург) II 379—380, 541
- Галлер Альбрехт фон (1708—1777), ученый-энциклопедист и литератор II 403, 545
- Гарве Христиан (1742—1798), философ и литератор I 444, 446—447, 475, 537; II 63, 175, 484, 504
- Гартман Фердинанд Август (1774—1842), художник (Штутгарт, с 1803 г.—Дрезден) II 335—341, 343, 534
- Гаугвиц Христиан Август Генрих Карл фон (1752—1831), прусский министр II 216
- Гебель Иоганн Петер (1760—1826), поэт-любитель (Нюрнберг) II 469, 560
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), в 1803—1807 гг.—приват-доцент иенского университета II 429—432, 434, 551
- Гедерих Беньямин (1675—1748), филолог-эллинист, лексикограф I 151, 439, 495, 536; II 319—320, 531
- Гедике Иоганн Христиан, издатель (Иена) II 174—175, 234—235, 390
- Геербрандт Якоб Фридрих, издатель (Тюбинген) II 106
- Гейделофф Виктор Петер фон (1757—1816), художник-декоратор (Штутгарт) II 121, 452
- Гейне Христиан Готлоб (1729—1812), профессор классической филологии в Гёттингене I 144, 494
- Гейнзе Иоганн Якоб Вильгельм (1749—1803), писатель и теоретик искусства (Майнц) I 171, 173, 500
- Гейст Иоганн Якоб Людвиг (1776—1854), писец Гете в 1795—1804 гг. I 195, 240, 255—256, 505; II 109, 215, 416, 439, 494
- Гельдерлин Иоганн Христиан Фридрих (1770—1843), поэт; в 1794—1796 гг.—Иена и Веймар, в 1796—1798 гг.—Франкфурт I 368—371, 383, 389, 397, 402, 415, 529; II 515
- Гельфельд Христиан Август Фридрих фон (1757—1840), профессор медицины в Иене I 144; II 433
- Гемминген Отто Генрих фон (1755—1836), драматург (Баден) II 80, 374, 487, 540
- Генаст Антон (1765—1831), актер веймарской труппы I 516; II 147, 423, 440, 452, 499, 549
- Гендрих Франц Иозиас фон (?—1796), член Тайного Совета в Веймаре I 282, 515
- Гендрих Франц Людвиг Альбрехт фон (1754—1828), сын Ф.-И. фон Гендриха, камергер в Веймаре, с 1802 г.—комендант Иены II 366, 539
- Геннингс Август Адольф Фридрих фон (1746—1826), писатель и публицист (Гамбург) I 312, 354, 519, 526
- Геннингс Юстус Христиан (1731—1815), философ I 80, 82, 481; II 339
- Генрих IV Бурбон (1553—1610), король Франции с 1589 г. II 474
- Гентц Генрих фон (1765—1811), архитектор (Берлин) II 326, 532
- Гентц Фридрих фон (1764—1832), дипломат, историк и публицист (Берлин) I 131—132, 134, 149, 269, 306, 491, 518; II 87, 203, 326, 489, 509
- Георг I (1761—1803), герцог Саксен-Мейнингена с 1782 г. I 293; II 409—410, 437, 546, 553
- Гёпфердт Иоганн Кристоф Готлиб (1755—1814), издатель (Иена) I 184, 244, 258, 260, 277—278; II 128, 306, 308
- Гербер Иоганн Фридрих (1761—1814), юрист и литератор (Ревель) I 175, 501
- Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803), писатель и ученый; с 1782 г. жил в Веймаре I 59—61, 63, 84, 86, 101—102, 104, 112, 116, 123, 129—130, 132, 137—138, 140—142, 150, 157—159, 167, 175—176, 181, 185—186, 188—189, 234, 249, 255, 260,

- 272, 302, 320, 340, 385, 390, 445, 475, 479, 482, 485—487, 491—493, 496, 503, 508, 510, 515, 517, 524, 532—533, 535; II 148, 156, 205, 211, 213, 222, 261, 267, 289, 299, 341—342, 344, 437, 496, 505, 510—512, 518—519, 534—535, 553
- Германн Иоганн Готфрид Якоб (1772—1848), эллинист, с 1798 г.— профессор в Лейпциге II 318—320, 323, 531
- Гермес Иоганн Тимотеус (1738—1821), писатель и проповедник (Бреслау) II 331, 536
- Герн Иоганн Георг (1757—1830), оперный певец (Берлин) II 351, 536
- Гернинг Иоганн Изаак фон (1767—1837), юрист, поэт-любитель (Франкфурт) I 57, 105, 168, 357—358, 450, 527; II 221, 512
- Геродот (ок. 484 — ок. 425 до н. э.) I 462
- Герстенберг Генрих Вильгельм фон (1737—1823), поэт и драматург (Альтона) I 189; II 338, 534
- Гертель Иоганн Фридрих Август (1757—1811), издатель (Лейпциг) II 142
- Гершель Фридрих Вильгельм (1738—1822), астроном II 348, 536
- Гесиод (ок. 700 до н. э.) II 480
- Гесс Иоганн Карл (1752—1816), архивариус (Кобург) I 240—241
- Гесслер Карл Фридрих, граф фон (1752—1829), прусский дипломат (посол в Дрездене) I 182, 455—456, 458, 502, 538; II 456—457, 557
- Гесснер Саломон (1730—1788), поэт и художник (Цюрих) I 189
- Гете Август фон (1789—1830), сын Гете I 182, 223, 415, 425, 503; II 102, 233, 242—243, 354, 357, 361, 369, 492, 514, 543, 552
- Гете Катарина Элизабет (1731—1808), мать Гете I 231, 233, 236—237, 250, 508, 533
- Гете Христиана — см. Вульпиус Христиана
- Гётце Иоганн Георг Пауль (1759—1835), чиновник дорожного ведомства в Веймаре II 332, 369—370
- Гетш Филипп Фридрих (1758—1839), художник (Штутгарт) I 407—408
- Гёххаузен Луиза фон (1747—1807), фрейлина герцогини Анны Амалии Саксен-Веймарской I 113
- Гёшен Георг Иоахим (1752—1828), издатель (Лейпциг) I 164, 166, 498—499, 512 531; II 467, 471—472, 509, 558, 560
- Гигин Младший (II в. н. э.), римский писатель I 461—462, 539; II 131—132, 137
- Гизе Христиан Герман (1760—1819), лондонский издатель и книготорговец II 215, 511
- Гиппель Теодор Готлиб (1741—1796), писатель и публицист (Кёнигсберг) I 107, 487
- Гирт Алоис Людвиг (1759—1837), литератор и теоретик искусства (Рим, с 1797 г. Берлин) I 54—55, 166, 184, 230—231, 243, 251, 253, 257, 270—271, 274, 371—374, 376—377, 477, 503, 530; II 19, 23, 478
- Гирт Карл Матиас, поэт-любитель (Эрланген) II 110, 493
- Главе-Кольбельский Карл (1752—1831), австрийский публицист I 192, 505
- Глейм Иоганн Вильгельм Людвиг (1719—1803), поэт (Хальберштадт) I 475; II 97, 490
- Глюк Кристоф Вилибальд (1714—1787) II 326—327, 330, 532—533
- Гольдони Карло (1707—1793) II 83, 86, 89, 487—488
- Гомер I 43, 69—70, 103, 112, 123, 130, 173, 189, 336—339, 345—346, 352, 375, 431, 437, 464, 470, 476, 480, 486, 491, 493, 500, 514, 526, 536; II 47—48, 81, 83, 85, 88—91, 96, 98—100, 200, 277, 420, 435, 476, 482, 488, 508, 521, 529

- Гонзага Пьетро (1751—1831), художник (Петербург) I 533
- Гонтар Сюжетта (1769—1802), жена франкфуртского банкира II 236—237, 515
- Гор Чарльз (1729—1807), английский инженер и предприниматель (с 1791 г. жил в Веймаре) II 282, 326
- Гораций Флакк Квинт (65—8 до н. э.) I 488—489, 498, 538; II 258, 311, 518, 530
- Готтер Фридрих Вильгельм (1746—1797), писатель (Гота) I 258, 399, 475, 533; II 23—24, 95, 479, 490
- Готтер Луиза (1760—1826), жена Ф.-В. Готтера I 511, 518
- Гофман Георг Франц (1760—1826), профессор ботаники в Гёттингене II 358
- Гофман, веймарский книготорговец I 255, 257, 259—260
- Гоци Карло (1720—1806) I 390, 538; II 363, 365, 383, 440, 454
- Графф Антон (1736—1813), художник; профессор Академии художеств в Дрездене с 1766 г. I 408, 479
- Графф Иоганн Якоб (1768—1848), актер веймарской труппы с 1793 г. II 213, 328, 414, 417, 425, 511
- Грен Фридрих Альберт Карл (1760—1798), профессор химии и медицины в Галле II 17—18, 478
- Гримм Фридрих Мельхиор, барон фон (1723—1807), дипломат и литератор (Париж) I 495—496
- Гриммер Фридрих Август, актер веймарской труппы с 1803 г. II 417—418, 430, 551
- Грис Иоганн Дитрих (1775—1842), поэт и переводчик (Иена) I 415, 424, 431—432, 534—536; II 110—111, 128, 193, 305, 493, 496, 528
- Грис Карл Людвиг, юрист (Гамбург) II 343
- Грисбах Иоганн Якоб (1745—1812), профессор теологии в Иене с 1775 г. I 236, 268, 425, 508; II 8—9, 277, 314, 379—380, 476, 554
- Грисбах Фридерика Юлиана (1755—1832), жена И.-Я. Грисбаха I 425; II 8—9, 272, 277, 314, 357, 476
- Грос Карл Генрих фон (1765—1840), профессор права в Эрлангене с 1795 г. I 116, 144, 488, 494
- Грунер Христиан Готфрид (1744—1815), профессор медицины в Иене II 69, 71, 485—486
- Грюбель Иоганн Конрад (1736—1809), нюрнбергский ремесленник, поэт-любитель II 34—36, 173—176, 469, 480—481, 560
- Грюнер Карл Франц (1780—1845), актер веймарской труппы с 1803 г. II 425, 430, 550—551
- Губер Михаэль (1727—1804), критик и переводчик (Лейпциг) I 98, 478, 485
- Гумбольдт Александр фон (1769—1859), в 1792—1797 г. жил в Байрейте (служба в горном ведомстве), позднее путешествовал по Европе вместе с Вильгельмом Гумбольдтом; в 1799—1804 гг. — в экспедиции (Центральная и Южная Америка) I 83, 85—86, 278, 306, 333, 344, 347, 354, 424, 430, 482—483, 500, 516, 518, 523—525, 535; II 316, 331
- Гумбольдт Вильгельм фон (1767—1835), в 1794—1797 гг. жил в Иене, затем переселился в Париж (путешествия по Франции и Испании); в 1801—1808 гг. — дипломатический представитель Пруссии в Риме (резидент, позднее посол) I 40, 44, 50—53, 55—56, 66—67, 69—71, 73—75, 79, 83—84, 87, 94—95, 101, 103—106, 111—113, 116, 123, 126—127, 129—130, 132—134, 136—137, 139, 144—145, 149, 151, 153, 159, 166, 171, 179—180, 189, 193—195, 198, 208, 212, 245—247, 253, 264—265, 268—269, 272—278, 280, 284—289, 291, 301—302, 306, 312—313,

- 316, 322, 327—328, 330, 332—334, 341—344, 353, 361—362, 373, 378, 381, 399, 420, 424, 430, 438, 440, 442, 456, 461, 471, 473, 475, 477, 480, 482, 486—487, 489, 491, 493—495, 497, 499, 502, 504—505, 515—516, 518, 520, 522—524, 526, 530, 534—535; II 10, 39—40, 53—54, 56—57, 61, 68, 81, 83, 97—98, 100—102, 107—109, 111—113, 121—123, 126, 143, 178, 189—190, 211, 248, 256, 267, 287, 310—311, 314, 316, 319—321, 323, 331, 407, 415, 420, 424—426, 454, 477, 483—484, 486, 488, 491—492, 495—496, 498, 507, 511, 516, 524, 529, 531, 533, 546, 548, 550
- Гумбольдт Вильгельм фон (1794—1803), сын Вильгельма Гумбольдта I 50, 84, 272, 333, 424; II 424—426, 550
- Гумбольдт Каролина фон (1792—1837), дочь Вильгельма Гумбольдта I 272, 334, 424
- Гумбольдт Каролина Фридерика фон (1766—1829), жена Вильгельма Гумбольдта I 56, 79, 84, 111—112, 133, 145, 264, 272, 274—275, 278, 285, 288, 311, 332—333, 362, 381, 399, 424, 430, 523; II 331, 454, 557
- Гумбольдт Мария Элизабет фон (1741—1796), мать Вильгельма и Александра Гумбольдтов I 116, 193, 523
- Гунниус Фридрих Иоганн Вильгельм Герман (1762—1835), актер веймарской труппы в 1797—1799 гг. II 183
- Гуттенберг Генрих (1749—1818), юнбергский художник-гравер II 76—77, 115, 486
- Гуфеланд Готлиб (1760—1817), профессор права в Иене в 1788—1803 гг. (позднее — в Вюрцбурге и Галле) I 74—75, 268, 321, 478, 481, 521; II 212, 285, 371, 373, 551
- Гуфеланд Кристоф Вильгельм (1762—1836), профессор медицины в Иене в 1793—1798 гг. (позднее — придворный врач и директор медицинской коллегии в Берлине) I 101, 136, 268—269, 481, 513
- Гюйгенс Христиан (1629—1695), физик и математик II 26
- Гюссефельд Франц Людвиг (1744—1808), картограф (Веймар) I 347—348, 351
- Дальберг Иоганн Фридрих Гуго, барон фон (1760—1812), литератор (Трир) II 365, 372—373, 487, 539
- Дальберг Карл Теодор Антон Мария, барон фон (1744—1817), с 1787 г. коадьютор в Майнце, с 1802 г. архиепископ и курфюрст майнцкий I 231, 233, 277, 507, 514; II 327, 403, 408, 545—546
- Даннекер Иоганн Генрих (1758—1841), скульптор (Штутгарт) I 64, 406, 409, 411, 416—418, 421, 479, 534, 537; II 117, 494
- Данте Алигьери (1265—1321) I 512; II 258
- Да Понте Лоренцо (1749—1838), либреттист I 347—348, 351, 525
- Дарвин Эразм (1731—1802), английский врач, естествоиспытатель и поэт I 165—166, 498—499; II 29—32, 480
- Дельбрюк Иоганн Фридрих Фердинанд (1772—1848), литератор (Берлин) II 454, 556
- Детуш Франсуа (1774—1844), концертмейстер веймарского театра в 1799—1810 гг. II 365, 475
- Джаядэва (XII в.), бенгальский поэт II 315, 372—373, 539—540
- Джонс Уильям (1746—1794), английский ориенталист II 315, 372—374, 539—540
- Джонсон Бенджамен (1573—1637), английский драматург II 276, 521
- Джулио Романо (ок. 1499—1546), итальянский живописец и архитектор II 219
- Дидро Дени (1713—1784) I 41, 44, 152, 157—160, 296—297, 300, 385—386, 390, 475, 495—496, 517; II 164, 458—459, 462, 466—468, 470—471, 502, 558—561

- Дик Иоганн Готфрид (1750—1813), литератор и издатель (Лейпциг) II 212, 511
- Дмитрий Самозванец (Лже-дмитрий I) II 559—560
- Диоген (IV в. до н. э.), греческий философ I 133, 491, 512
- Доом Христиан Вильгельм фон (1751—1820), прусский дипломат, литератор II 212, 511
- Дюмениль Мари Франсуаза (1714—1803), французская актриса II 472
- Дюпюи Пьер, французский литератор II 377—378, 541
- Дюшен Жан Батист (1657—1745) французский историк II 203, 509
- Евгений Фридрих Генрих, принц Вюртембергский (1758—1822) II 423
- Еврипид (ок. 480—406 до н. э.) I 351, 370, 522, 530; II 74, 202, 362, 376, 450, 486, 538, 541, 556
- Екатерина II (1729—1796), русская императрица с 1762 г. I 293, 516
- Елизавета I Тюдор (1533—1603), английская королева с 1558 г. II 202, 260
- Жандор, швейцарец II 214, 218, 511—512
- Жанлис Фелисите Дюкре (1746—1830), французская писательница II 331
- Жан-Поль (собств. Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, 1763—1825), писатель (Хоф, в 1796—1804 гг.— Веймар; позднее жил в Байрейте) I 105, 107, 110, 156, 158, 168, 188—189, 192, 197—198, 247, 397, 486—487, 496, 504—505, 510; II 128, 139—140, 143, 205, 299, 442, 496, 498, 505, 510, 527
- Жордан Камиль (1771—1821), французский государственный деятель и литератор II 432, 552
- Зальцман Готфрид (1745—1815), адвокат (Иена) II 426
- Зейфарт Иоганн Андреас (1771—1819), суфлер веймарского театра II 226, 272—273
- Зекендорф Франц Карл Леопольд, барон фон (1775—1809), юрист и литератор (в 1798—1802 гг. жил в Веймаре, в 1802—1805-м — в Штутгарте) II 299, 356
- Зёммеринг Самуэль Томас (1755—1830), врач и естествоиспытатель (Франкфурт-на-Одере) II 416, 548
- Зенф Фридрих Христиан Людвиг фон (1774—1853), юрист (Дрезден) I 361, 528
- Зили Иоганна Софи Фридерика (1785—1855), актриса веймарской труппы с 1802 г. II 463
- Зоден Фридрих Юлиус Генрих, барон фон (1754—1831), прусский государственный деятель, дипломат и литератор I 145, 494
- Зонненфельс Йозеф фон (1733—1817), австрийский правовед и публицист II 490
- Зульцер Иоганн Георг (1720—1779), философ II 163, 502
- Зюссмайер Франц Ксавер (1765—1803), композитор (Вена) I 168—169, 174, 499, 501
- Изопи Антонио (1758—1833), скульптор (Штутгарт) I 407
- Ильген Карл Давид (1763—1834), профессор классической филологии в Иене II 305, 528
- Имхоф Анна Амалия (1776—1831), поэтесса (Веймар) I 144, 371, 383, 391, 398, 403, 432, 530, 532—533, 536; II 38, 55, 138, 144, 200—201, 206—207, 209—211, 234—235, 247, 250, 252, 254, 256, 265, 481, 483, 497, 516
- Иффланд Август Вильгельм (1759—1814), актер (с 1779 г. в мангеймской труппе, в 1796—1811 гг.— директор Национального театра в Берлине) I 154, 157, 169, 181, 189, 240—241, 278, 496, 499, 502, 504, 509, 514; II 77—86, 88—89, 91, 93, 108, 134, 149, 158, 162—163, 165, 179—182, 186—187, 189, 192—

- 194, 196, 325, 327—329, 435, 440, 487—488, 493, 501—502, 504, 506—507, 532, 540, 552, 556
- Йениш Даниэль (1762—1804), критик и публицист (Берлин) I 129, 131, 134, 149, 160, 491, 495
- Казот Жак (1719—1792), французский писатель I 145, 494
- Калидаса (V в. н. э.), индийский поэт и драматург I 413, 534; II 374, 540
- Каллимах (ок. 300 — ок. 240 до н. э.), греческий поэт II 370, 529—530
- Кальб Шарлотта Софи Юлиана фон (1761—1843), приятельница Шиллера (Веймар) I 76—77, 79, 126—127, 160, 170, 181, 189, 213, 230, 278, 496—497, 504, 506, 514; II 10—11, 75—76, 215, 247, 254—255, 257, 259—260, 389, 477, 486, 516
- Кальве Иоганн Готфрид, пражский книготорговец I 117
- Кальдерон (1600—1681) II 448—449, 555
- Камбиз, царь Персии (530—522 до н. э.) II 30
- Камознс (1525—1580) I 370, 530
- Кампе Иоахим Генрих (1746—1818), писатель и педагог, издатель (Брауншвейг) I 312, 519; II 64, 484, 490—491
- Кант Иммануил (1724—1804) I 63, 85—86, 102, 120, 143, 172, 178, 235, 416—417, 422, 426, 475, 479, 482, 508, 526, 534; II 41—42, 62—63, 72, 122—123, 176—177, 179, 211, 239—240, 484, 495, 504, 511
- Карвер Томас (1732—1780), английский путешественник I 371—372, 530
- Карл Август (1757—1828), герцог Саксен-Веймарский с 1758 г. I 82—83, 86, 91, 125, 138, 176, 235, 272, 282, 296—297, 301, 305, 316, 377, 381, 383, 475, 483, 501, 512, 518—519, 530; II 59, 64, 67, 69—70, 95—96, 99, 103—104, 106, 126—127, 138, 158, 178, 186, 189, 203, 209, 211, 227, 239—240, 247, 265—266, 277—278, 280, 287, 325, 329, 343, 352, 358—359, 377—379, 382, 406, 408, 411, 429, 435—436, 445, 448, 454—455, 461, 476, 492, 496, 514—515, 518, 523, 527, 537, 540—541, 546—547, 553, 557
- Карл Вильгельм Фердинанд (1735—1806), герцог Брауншвейга с 1780 г., брат Анны Амалии Саксен-Веймарской I 247
- Карл Евгений (1728—1793), герцог Вюртемберга с 1737 г. I 296, 407, 409, 483
- Карл Смелый (1433—1477), герцог Бургундии с 1467 г. II 485, 517
- Карл Фридрих (1783—1853), наследный принц Саксен-Веймарский (сын Карла Августа, герцога с 1828 г.) II 217, 226, 371—372, 375, 409, 447, 460, 512, 540, 546, 555, 558
- Карлуа — см. Вьейвиль
- Каролина (1786—1816), принцесса Саксен-Веймарская (дочь Карла Августа) II 375, 540
- Карстенс Якоб Асмус (1754—1798), датский художник (с 1792 г. жил в Риме) I 172—173, 178, 500, 520
- Касперс Фанни, актриса веймарской труппы с 1799 г. II 286, 291, 332, 523, 533
- Кастель Луи Бертран (1688—1757), французский физик I 161, 498
- Келлер Генрих (1771—1832), поэт и художник (Цюрих) I 429, 536, 540
- Кёрнер Христиан Готфрид (1756—1831), юрист и литератор (Дрезден), друг юности Шиллера I 46, 48—49, 85, 88—89, 176, 182, 185—186, 255—256, 264—265, 268, 274, 277, 281, 283—284, 287, 300—301, 314—315, 361, 430—431, 455, 476, 482—483, 502, 514—515, 517, 520, 522, 528; II 10—11, 159, 184, 189—190, 200, 209, 211, 304, 306, 315, 380, 383, 443, 477, 501, 505, 507, 510, 528, 530, 536—537, 540, 542

- Кирмс Франц (1750—1826), придворный казначей в Веймаре I 236; II 86, 182, 184, 226, 228—229, 257, 307, 327—328, 371, 385, 393, 397, 489, 505, 513, 518
- Клаудиус Матиас (1740—1801), поэт и публицист (Вандсбек близ Гамбурга) I 246, 269, 312, 510, 519
- Клауэр Мартин Готлиб (1742—1801), скульптор (Веймар) I 179
- Клейн Антон фон (1746—1810), профессор поэтического искусства в Мангейме II 388, 390, 543, 560
- Клейн Эрнст Фердинанд (1744—1810), профессор права в Галле I 276
- Клейст Эвальд Христиан фон (1715—1759), поэт I 189
- Клери Жан Батист (1759—1809), французский историк II 131, 496
- Клерон де Ла Тюд Клэр Жозефина (1723—1803), французская актриса I 71, 74—75, 157, 480; II 472
- Клингеман Эрнст Август Фридрих (1777—1831), театральный критик и публицист (Иена, Лейпциг) II 303—305, 528
- Клингер Фридрих Максимилиан (1752—1831), писатель (в 1785—1803 гг. жил в Петербурге, затем — в Дерпте) I 114—115, 488, 498
- Клопшток Фридрих Готлиб (1724—1803), поэт (Гамбург) I 79—80, 245—246, 285, 381, 408, 475, 481, 498, 515, 518, 531, 538; II 417, 419, 448, 484, 490, 548, 555
- Клюгель Георг Симон (1739—1812), профессор математики и физики в Галле II 17, 478
- Кнебель Генриэтта фон (1755—1813), фрейлина принцессы Каролины Саксен-Веймарской, сестра Карла Людвига Кнебеля II 375, 540
- Кнебель Карл Людвиг фон (1744—1834), писатель (Ансбах, в 1798—1804 гг. — Ильменау; позднее жил в Иене) I 134, 146, 148, 151, 156—159, 175—179, 188, 214, 230—231, 247, 272, 299—302, 442, 458, 460, 492, 496, 510, 517—518, 532, 539; II 35—36, 163, 355, 363, 433, 482, 487, 502, 507, 523, 540, 551
- Кнебель Луиза — см. Рудорф Луиза
- Козегартен Готхард Людвиг (1758—1818), поэт (Альтенкирхен на острове Рюген) I 189, 391, 398—399, 533
- Коллин Генрих Йозеф фон (1772—1811), поэт и драматург (Вена) II 379—380, 541
- Кольрауш Фридрих (1780—1856), врач семьи Вильгельма Гумбольдта в Риме II 454
- Конде Луи Жозеф де Бурбон, принц (1736—1818) I 233, 507
- Констан Бенжамен (1767—1830), французский писатель II 439, 448, 450—451; 553
- Константин Фридрих Фердинанд (1758—1793), принц Саксен-Веймарский (брат Карла Августа) II 523
- Конц Карл Филипп (1762—1827), поэт (Людвигсбург) I 249, 510; II 133—134, 497
- Кордеман Фридрих (1769—1808), актер веймарской труппы в 1798—1805 гг. II 356, 418, 436, 552
- Корнель Пьер (1606—1684) II 208, 382, 518
- Корреджо (1494—1534) II 220
- Котта Иоганн Фридрих, барон фон Коттендорф (1764—1832), издатель (Тюбинген) I 53—54, 56, 66, 70, 72—74, 76—77, 82—83, 88, 92, 100—102, 123, 126, 128, 144, 146, 148, 151, 154, 158, 161—163, 175—176, 231, 240, 250—251, 255, 257, 260—261, 270, 274—275, 284—285, 297—298, 351, 399, 403, 410—411, 414, 416, 421, 426, 432, 435—436, 442, 463, 474—475, 481—482, 512, 527, 534, 537; II 13—14, 23—24, 26—27, 80—81, 83, 85, 88, 94—95, 97, 99, 101—102, 112, 120, 123, 127, 136, 141, 150, 156—159, 173, 175, 203, 213, 224—229, 247, 249, 280, 296, 298—299, 305, 311, 315—316, 323, 352, 355—356;

- 387, 389—390, 400—402, 404, 415—417, 419—420, 426, 447, 471, 477—478, 480, 484, 488, 491, 498, 503, 508, 513, 526—528, 530, 536—537, 540, 543, 545, 548, 558, 560
- Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон (1761—1819), драматург (в 1799—1800 и 1801—1802 гг. жил в Веймаре и в Иене; позднее — в Берлине) I 240, 509, II 69, 83, 175, 208, 230, 278, 282—284, 293—294, 298, 323—324, 371, 376—377, 394, 397, 399, 453, 456—457, 469, 485, 487, 504, 510, 514, 521—522, 525, 527, 532—533, 540—541, 544, 556—557
- Кранц Иоганн Фридрих (1754—1807), капельмейстер веймарского театра в 1799—1803 гг. II 327
- Кратер Франц (1758—1830), драматург (Вена) II 213—214, 511
- Кребийон Проспер Жолио де (1674—1762), французский писатель II 267, 379—380, 541
- Крузиус Зигфрид Лебрехт (1738—1824), издатель (Лейпциг) II 311, 530
- Крюгер Карл Фридрих (1765—1828), актер веймарской труппы в 1791—1793 гг. II 95, 97, 490
- Крюниц Иоганн Георг (1728—1796), физик и металлург I 376, 530
- Кук Джеймс (1728—1779), английский мореплаватель II 45, 482
- Курциус Михаэль Конрад (1724—1802), профессор философии в Марбурге I 350, 525
- Кэмден Уильям (1551—1623), английский историк II 203, 509
- Ламберт Иоганн Генрих (1728—1777), физик, математик и философ II 59, 483
- Ламбрехт Иоганн Рудольф, домовладелец в Иене II 60
- Ланге Самуэль Готлиб (1767—1823), профессор теологии в Иене. I 316; II 78, 487.
- Лангер Иоганн Петер (1756—1824), директор картинной галереи в Дюссельдорфе I 340, 523
- Лангер Роберт (1783—1846), художник (Дюссельдорф) II 360
- Лафатер Дитхельм (1743—1826), врач (Цюрих), брат Иоганна Каспара Лафатера I 263—264, 511
- Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801), философ (Цюрих) I 261—264, 511—512, 515
- Лафонтен Август Генрих Юлиус (1758—1821), писатель (Галле) I 158, 497
- Лахер Иоганн Баптист (1766—1809), студент иенского университета в 1790-х гг. II 148, 500
- Ле Вайян Франсуа (1753—1824), французский путешественник II 46, 48, 482
- Лейзевиц Иоганн Антон (1752—1806), писатель (Брауншвейг) I 498
- Лейзринг Христиан Август Иохим (1777—1852), актер веймарской труппы в 1796—1799 гг. II 146—147, 204, 499, 509
- Лемьер Мари Жанна (1733—1786), французская певица II 473, 561
- Ленгefeld Луиза Юлиана Элеонора Фридерика фон (1743—1823); теща Шиллера I 138, 140—142, 231; II 113, 116, 119, 122, 268—273, 325, 427, 492, 495, 515
- Ленц Иоганн Георг (1748—1832), профессор минералогии в Иене II 138, 140, 305
- Ленц Якоб Михаэль Рейнхольд (1751—1792), писатель I 309, 314—315, 351—352, 519—520, 525
- Леон Еврей (собств. Иегуда Абарбанель, ок. 1461—ок. 1521), философ I 329, 522
- Леонардо да Винчи (1452—1519) I 59
- Лерзе Франц Христиан (1749—1800), друг юности Гете, ин-

- спектор военного училища в Кольмаре II 166—167, 503
- Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781) I 165, 374—375, 498; II 210, 350—353, 380, 510, 536, 542
- Линдаль Юхан Никлас (1762—1813), шведский коммерсант II 136
- Линк Генрих Фридрих (1767—1851), профессор естественной истории в Ростоке II 344, 347—348, 535
- Лионнэ Пьер (1707—1779), французский ботаник II 138, 140, 497—498
- Липс Иоганн Генрих (1758—1817), художник (Цюрих) I 220
- Лихтенберг Георг Кристоф (1742—1799), писатель и ученый, профессор физики в Гёттингене с 1770 г. I 146—149, 403, 475, 495, 500, 533; II 17, 383, 478, 542
- Лобейро Васко де (1261—1325), португальский писатель II 462, 559
- Лодер Юстус Христиан (1753—1832), профессор медицины в Иене с 1778 г., в Галле с 1803 г. I 54, 80, 136, 231, 268, 323—324, 355; II 102—103, 164, 190, 212, 274—277, 304, 324—327, 329, 338, 364, 384, 421, 434, 486, 549, 551
- Локк Джон (1632—1704), английский философ II 432
- Лоррен Клод (1600—1682), французский художник I 442, 537
- Луиза Августа (1757—1830), жена Карла Августа Саксен-Веймарского I 65, 171, 264, 375, 425, 445, 479, 500, 504; II 19, 138—139, 141, 229, 278, 286, 390, 439, 477, 480, 537, 553
- Луиза Августа Вильгельмина Амалия (1776—1810), жена Фридриха Вильгельма III Прусского II 210—211, 224, 316, 510, 512—513, 530
- Луиза Шарлотта (1774—1835), жена Августа, наследного принца Саксен-Готского II 63
- Лукиан (ок. 120 — ок. 180), греческий писатель I 531; II 489
- Лукреций Кар Тит (96—55 до н. э.), римский поэт II 507
- Людвиг X (1753—1830), ландграф Гессен-Дармштадтский с 1790 г. I 133, 169, 233
- Людвиг Фридрих I, князь Шварцбург-Рудольштадтский I 347; II 214
- Людвиг Христиан Фридрих (1757—1823), профессор естественной истории в Лейпциге I 301
- Людвик XIV (1638—1715), король Франции с 1643 г. II 474, 496
- Людвик XVI (1754—1793), король Франции в 1774—1792 гг. I 127, 408, 490, 496; II 375
- Лютер Мартин (1483—1546) II 116, 177, 315, 494
- Ля Рош Мари Софи де (1731—1807), писательница (Оффенбах близ Франкфурта) II 210—211, 231—237, 251, 510, 515
- Маас Вильгельмина (1786 — ок. 1834), актриса веймарской труппы в 1802—1805 гг. II 374, 540
- Мазарини Джулио (1602—1661), кардинал II 474, 561
- Мазаччо (1401—1428), итальянский художник II 166
- Маймон Соломон (1754—1800), философ (Берлин) I 53, 65, 477, 479
- Манзо Иоганн Каспар Фридрих (1760—1826), поэт и публицист (Бреслау) I 143, 164, 258, 278, 446, 494, 498, 509, 511—512, 516, 537
- Мантенья Андреа (1431—1506), итальянский художник I 93, 110—111
- Мара Элизабет Гертруда (1749—1833), певица II 423, 549
- Маргарита Бургундская (1446—1503), жена Карла Смелого II 251—252, 517
- Мария Павловна (1786—1859), великая княжна (дочь Пав-

- ла I); с 1804 г.— жена Карла Фридриха, наследного принца Саксен-Готского II 447, 460—463, 555, 558—559
- Мария Стюарт (1542—1587), королева Шотландии II 202—203, 260
- Мармонтель Жан Франсуа (1723—1799), французский писатель II 461—462, 465—466, 559
- Мартин-и-Солер Висенте (1754—1806), композитор (Лондон, с 1798 г.— Петербург) II 282, 522
- Мартинуцци Георг (1482—1551), кардинал II 265—266, 519
- Марум Мартин ван (1750—1837), голландский ученый II 117, 494
- Марциал Марк Валерий (ок. 40—ок. 105), римский поэт I 161, 172, 488—489, 497, 500
- Массон Шарль Франсуа Филибер (1762—1807), французский литератор II 399, 544
- Матичек, певица (в 1794—1801 гг. в веймарской труппе) I 140
- Маттеи Карл Иоганн (1744—1830), юрист (Берлин) I 247—248
- Маттиссон Фридрих фон (1761—1831), поэт (в 1794—1796 гг. жил в Вене, затем в Швейцарии и в Италии) I 51, 243, 475; II 128, 133—134, 138—139, 249—250, 497
- Мейер Иоганн Генрих (1760—1832), художник и историк искусства, профессор рисовальной школы в Веймаре с 1791 г. (позднее — ее директор); жил в доме Гете в 1792—1803 гг. I 61—62, 64—66, 78—84, 88, 92—93, 96—99, 101, 105—107, 110—111, 118, 121—124, 129—133, 139, 143—144, 166, 172—173, 178—180, 186, 192—193, 220, 222—223, 227—228, 232, 234, 237, 243, 249, 251, 272, 274, 279, 284—285, 320, 323, 357, 362, 365, 372—378, 380, 390—391, 410, 415—416, 419, 421, 423—426, 428—429, 431—434, 436, 438, 441—442, 444—445, 447, 449—454, 456—458, 460, 462—464, 471, 473, 479—482, 484—485, 488—489, 491—493, 500, 505, 507, 510, 521, 527, 529, 536, 538, 540; II 7, 16, 19, 27, 38, 50, 55, 61, 64—70, 73—74, 76—79, 83, 88, 94, 98, 107—108, 114, 116—121, 124, 127, 131, 135—136, 141—143, 152, 156—157, 159—160, 162, 166, 170—172, 181, 190, 195, 201, 203, 206—208, 217, 219—221, 225, 229, 236—237, 243—244, 247, 250, 255—257, 263, 265, 277, 280, 283, 290—291, 294, 299, 311—314, 316—325, 328, 331, 333, 337—338, 340—341, 343—344, 349, 352, 356—357, 369, 378, 388, 395, 399—400, 423, 433—434, 439, 446, 471, 476, 486, 490, 494—496, 502, 512—513, 517—518, 523—524, 530—533, 541, 544, 560
- Мейер Марианна (1770—1812), приятельница Гете I 113, 383, 488, 532
- Мейер Николаус (1775—1855), врач (Бремен) II 399—400
- Мейер Фридрих Людвиг Вильгельм (1759—1840), писатель (Берлин) I 249, 273, 312, 510, 519
- Мейер Якоб (1739—1784), писатель II 70—72, 374, 452, 485—486, 540
- Меллиш Джозеф Чарльз (1768—1823), английский дипломат и литератор; в 1797—1802 гг. жил в Веймаре II 89, 214, 218, 224, 234, 276, 279, 307, 317—318, 326, 359, 369, 489, 515
- Меркель Гарлиб Хельвиг (1769—1850), писатель (Берлин) II 521
- Меро Софи (1770—1806), поэтесса (Иена) I 130, 249, 261—262, 267—268, 370—371, 398, 403, 460, 510, 512, 530; II 138, 382—383, 497, 542
- Мерсье Луи Себастьян (1740—1814), французский писатель II 80, 487
- Микеланджело (1475—1564) I 249, 373—374; II 220

- Милтон Джон (1608—1674) II 238—242, 258
- Милькау Христиан Вильгельм Готлоб фон (1740—1802), начальник полиции в Иене II 274
- Митчел Джон (1727—1786), английский физик II 30
- Михаэлис Соломон (1768—1844), издатель (Нойстрелиц) I 60, 105, 154, 166—167, 478
- Мольер (1622—1673) II 382, 542
- Монтескье (1689—1755) II 225
- Монье Жан, художник (Гамбург) II 297, 526
- Моргенштерн Карл Симон (1770—1852), приват-доцент классической филологии в Галле II 92, 490
- Мориц Карл Филипп (1757—1793), писатель I 41, 44, 272, 475, 513; II 490
- Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791) I 169, 473, 499, 525, 540; II 55, 167, 328, 351, 359, 389, 394, 490, 506, 511, 523, 533, 536, 543—544
- Мунье Жан Жозеф (1758—1806), директор Воспитательно-го института в Веймаре II 61—63, 70, 72, 484, 486
- Муратори Лодовико Антонио (1672—1750), итальянский историк I 220, 223, 228, 506
- Мусей (вт. пол. V в. н. э.), греческий поэт I 370, 530
- Мэлон Эдмунд (1741—1812), английский критик II 276, 521
- Мюллер Иоганн Готхард (1747—1830), художник (Штутгарт) I 66, 408, 479; II 352
- Мюллер Иоганнес фон (1752—1809), историк (Берлин) II 427, 443, 445—448, 469—470, 554, 560
- Мюллер Карл Людвиг Мефузалем (1771—1837), писатель (Лейпциг) I 116, 156, 158, 488, 496—497
- Мюллер Фридрих (1749—1825), писатель и художник (Рим) I 315—318, 373, 520
- Мюллер Фридрих Вильгельм Готфрид, домовладелец в Веймаре II 257, 259—260
- Мюллер Элиза, актриса веймарской труппы в 1804—1805 гг. II 452
- Наль Иоганн Август (1752—1825), художник (Кассель) II 322, 531
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император в 1804—1814 гг. I 507, 524; II 376
- Неккер Жак (1732—1804), французский государственный деятель, банкир; отец мадам де Сталь II 466
- Нибур Карстен (1733—1815), датский ориенталист и путешественник II 28, 480
- Николай Кристоф Фридрих (1733—1811), писатель и издатель (Берлин) I 143, 153, 163—164, 189, 272, 276, 320—321, 494, 521; II 122—123, 495
- Нимейер Август Герман (1754—1828), профессор теологии в Галле II 404, 417, 423, 545, 549
- Нитхаммер Фридрих Иммануил (1766—1848), профессор философии в Иене в 1798—1807 гг. I 90, 151, 180, 263, 271, 316, 324, 495, 513, 520; II 77, 97, 175, 204, 230, 313, 315, 317, 319, 321, 330, 344—345, 350, 366, 390, 429, 487, 509, 514—515, 531, 539, 543
- Новалис (собств. Фридрих Леопольд фон Гарденберг, 1772—1801), писатель (Фрайберг, Вейсенфельс) II 119—120, 123, 235, 495, 515
- Ньюджент Томас, английский литератор I 265, 280, 512
- Ньютон Исаак (1642—1727) I 118, 170, 173, 237, 489, 508; II 12, 17, 43—44, 52, 165, 318, 481
- Оберейт Якоб Герман (1725—1798), философ (Иена) I 77, 79, 111, 166
- Овидий Назон Публий (43 до н. э.—ок. 18 н. э.) I 351—352, 370, 525—526, 530, 561
- Ойген, актер в регенбургской труппе II 356

- Опитц Христиан Людвиг Вильгельм (1756—1810), директор театра в Дрездене II 192, 226, 299, 325, 507, 527, 537
- Отуэй Томас (1651—1685), английский драматург I 55, 477; II 415, 547
- Павсий из Сикиона (IV в. до н. э.), греческий живописец I 526—527
- Палиссо Шарль (1730—1814), французский писатель II 459, 479, 558
- Палладио Андреа (1508—1580), итальянский архитектор I 131
- Паппенгейм Вильгельм фон (1764—1815), воспитатель принца Карла Фридриха Саксен-Веймарского II 371, 375
- Парни Эварист (1753—1814), французский поэт II 236—239, 242, 515
- Паулос Генрих Эберхард Готлиб (1761—1851), профессор восточных языков в Иене с 1789 г., в Вюрцбурге с 1803 г. I 261—263, 502, 511; II 98, 126, 372, 374, 379—380, 429, 540, 551
- Паулос Элизабет Фридерика Каролина (1767—1844), жена Г.-Э.-Г. Паулюса I 182, 228—229, 234, 503; II 380, 384
- Паэзиелло Джованни (1740—1816), итальянский композитор II 394, 544
- Перуджино Пьетро (1446—1524), итальянский художник I 93
- Петрарка Франческо (1313—1374) II 356, 527
- Пикар Луи Бенуа (1769—1828), французский драматург II 408, 417, 546, 548
- Пиндар (518—438 до н. э.), греческий поэт II 494
- Платон (428—348 до н. э.) I 146, 149—150, 153, 494—495, 534
- Плиний Секунд Гай (Плиний Старший, 23—79), римский энциклопедист I 355, 527; II 403, 545
- Плиний Секунд Гай (Плиний Младший, 62—114), римский писатель и государственный деятель II 403, 545
- Плутарх (46—120), греческий писатель I 356
- Подманицкий Карл фон (1761—1833), горный инженер (Хемниц) II 405
- Полигнот (V в. до н. э.), греческий художник II 430, 433—435, 438, 552
- Поссельт Эрнст Людвиг (1763—1804), историк и публицист (Тюбинген) I 153; II 14, 19, 23, 87, 141, 145, 147, 149, 152, 230, 477—479, 481, 489, 498—500, 510
- Поссельт, студент иенского университета II 308, 529
- Превиль Пьер Луи (1721—1799), французский актер II 472
- Пристли Джозеф (1733—1804), английский химик и философ II 478
- Проперций Секст (48—14 до н. э.), римский поэт I 134, 148, 156—159, 175—179, 492, 496, 510; II 163, 487, 502
- Пургшталь Готфрид Венцель, граф фон (1773—1812), философ I 426, 535
- Рабле Франсуа (1495—1553) I 133, 491
- Ракниц Йозеф Фридрих фон (1744—1818), литератор и теоретик искусства (Дрезден) I 159, 163, 497
- Рамбах Фридрих Эберхард (1767—1826), поэт и драматург (Берлин) I 448, 450, 522, 538
- Рамберг Иоганн Генрих (1763—1840), художник (Ганновер) II 527
- Рамдор Фридрих Вильгельм Базилий фон (1752—1822), литератор и теоретик искусства (с 1785 г. жил в Италии) I 50—54, 163, 165, 476, 477, 497, 499
- Рамо Жан Филипп (1683—1764), французский композитор II 459, 472, 558
- Рапп Готлоб Генрих (1761—1832), штутгартский коммерсант, друг юности Шиллера I

- 406, 409, 411, 416—417, 421, 534
- Рапэн-Тойра Поль де (1661—1725), французский историк II 229, 514
- Расин Жан (1639—1699) II 208, 439, 443—445, 460—461, 465—466, 468, 486, 518, 553, 558—559
- Рафаэль (1483—1520) I 180, 249, 439, 510; II 8, 19, 94, 220, 476, 490, 494
- Реберг Фридрих (1658—1835), художник (Рим) II 432, 552
- Рейнвальд Вильгельм Фридрих Герман (1737—1815), библиотекарь в Мейнингене; муж сестры Шиллера II 216, 221—222, 512
- Рейнвальд Кристофина (1757—1847), жена В.-Ф.-Г. Рейнвальда, сестра Шиллера II 216, 221—222, 512
- Рейнегг Якоб (1744—1793), ученый и путешественник II 170, 503
- Рейнхольд Карл Леонхард (1758—1823), профессор философии в Киле I 66, 388, 426, 475, 479; II 8, 239, 515
- Рейхард Генрих Август Отокар (1750—1828), литератор и издатель (Гота) I 498
- Рейхардт Иоганн Фридрих (1752—1814), композитор, писатель и публицист (Берлин, с 1794 г.— Гибихинштейн близ Галле) I 101—102, 171—173, 175, 187, 190—191, 240, 242, 263, 265, 273, 275, 294, 302—304, 306—307, 309—310, 352, 486, 499—500, 504, 512—513, 518—519; II 7—8, 400, 476, 543—544
- Рейц Фридрих Вольфганг (1733—1790), филолог II 399, 544
- Реке Шарлотта Элизабет Констанция, графиня фон дер (1756—1833), писательница (Митава, Дрезден) I 461, 539
- Региф де ла Бретон Никола Эдме (1734—1806) I 422, 534; II 6—8, 143, 476
- Ретцер Йозеф Фридрих фон (1754—1824), венский цензор, поэт-любитель II 92, 94, 97—98, 489
- Рёш Якоб Фридрих (1743—1841), преподаватель Военной Академии в Штутгарте I 263, 267, 512
- Ридель Корнелиус Иоганн Рудольф (1759—1821), воспитатель принца Карла Фридриха Саксен-Веймарского II 375
- Ример Фридрих Вильгельм (1774—1845), эллинист и литератор; с 1801 г. был учителем детей Вильгельма Гумбольдта, с 1803 г.— учителем Августа Гете (и секретарем Гете) II 436, 552
- Риттер Иоганн Вильгельм (1776—1810), профессор физики в Иене с 1800 г. II 119—120, 319, 321, 348, 429, 495, 531, 536, 551
- Ричардсон Сэмюэл (1689—1761), английский писатель I 201, 465
- Ришелье Арман Жан Дюплесси, герцог де (1585—1642), кардинал II 474, 561
- Робержо Клод (1753—1799), французский дипломат II 212, 511
- Робертсон Уильям (1721—1793), английский историк II 509
- Ролан де ла Платьер Жан Мари (1734—1793), французский государственный деятель II 64, 484
- Романус Карл Франц (1731—1787), писатель I 165—166, 498
- Рохлиц Фридрих (1769—1842), писатель и музыкальный критик (Лейпциг) II 355—356, 359, 458, 524, 537—538, 558
- Рохов Фридрих Эберхард фон (1734—1805), писатель и теоретик искусства (Хальберштадт) I 100, 485
- Рудольф Георг Готфрид (1778—1827), переписчик Шиллера (Иена) I 190, 383; II 155, 194, 461, 559
- Рудорф Луиза (1776—1852), певица; с 1798 г.— жена Карла

- Людвиг Кнебеля I 458, 460, 539; II 35—36, 355
- Румфорд (Бенджамен Томпсон, лорд Румфорд, 1753—1814), английский физик; в 1783—1799 гг.— баварский министр I 440, 537
- Руофф Адольф Карл Максимилиан (1743—1809), председатель консистории в Штутгарте I 409
- Руссо Жан-Жак (1712—1778) II 79—85, 87—88, 446, 472, 487, 489, 554
- Саймондс, английский литератор II 215, 511
- Саксон Грамматик (ок. 1150—ок. 1216), датский хронист I 360, 528
- Саль Антуан де ла (1398—1462), французский писатель I 359, 528
- Сальери Антонио (1750—1825), итальянский композитор (Вена) I 392, 533; II 193, 531, 507, 536
- Сарториус Георг Фридрих Кристоф (1765—1828), профессор философии в Гёттингене II 443, 554
- Свифт Джонатан (1676—1745) II 222
- Сен-Фуа Жермен Франсуа де (1698—1776), французский писатель I 360, 528
- Сервантес Сааведра Мигель де (1547—1616) I 159, 497; II 234, 515, 526
- Скаррон Поль (1610—1660), французский писатель II 471, 560
- Снеллий Виллеброд (1591—1626), голландский физик II 26
- Собеский Ян (1624—1696), король Польши с 1674 г. I 150, 495
- Софокл (496—406 до н. э.) I 327—328, 343, 430, 464, 522; II 68, 98, 304, 450, 485, 528, 556
- Спиноза Бенедикт (1632—1677) I 63, 477
- Сталь Анна Жермена де (1766—1817) I 135—139, 141, 154, 157—158, 263, 288—289, 291, 294—295, 297, 300—301; II 115—117, 432, 434—437, 439—443, 445—448, 450—453, 494, 552—556
- Стерн Лоренс (1713—1768) II 488
- Стеффенс Генрих (1773—1845), профессор физики в Галле II 305, 528
- Сулави Жан Луи Жиро (1722—1813), французский историк и публицист II 375—376, 541
- Тассо Торквато (1544—1595) II 305, 528
- Текстор Иоганн Вольфганг (1693—1771), дед Гете I 395, 533
- Теллер Вильгельмина (1755—1810), актриса веймарской труппы с 1799 г. II 176—177, 179, 183, 187, 504
- Теофраст (ок. 370—ок. 286 до н. э.), греческий ученый II 393, 396, 544
- Теренций Афр Публий (185—159 до н. э.), римский драматург I 164—166, 498; II 394, 396, 404, 410, 412, 429—430, 454, 544—546, 551, 557
- Тибо Антон Фридрих Юстус (1774—1840), профессор права в Иене в 1802—1806 гг. II 432
- Тик Иоганн Людвиг (1773—1853), писатель (Берлин; в 1799—1801 гг.— Иена; позднее жил в Дрездене) I 548, 696; II 137—138, 232, 234—235, 276, 305, 307, 487, 491, 497, 514—515, 521, 529
- Тик Христиан Фридрих (1776—1851), скульптор I 424, 535
- Тиртей (VII в. до н. э.), греческий поэт I 510
- Тишбейн Иоганн Генрих Вильгельм (1751—1829), художник (по возвращении из Италии жил в 1799—1801 гг. в Касселе, в 1801—1808 гг.— в Гамбурге) II 75, 486
- Томазиус Христиан (1655—1728), писатель и ученый II 205—207, 428, 510

- Трабициус Иоганн Николаус (1739—1807), кастелян замка в Иене II 102, 427—428
- Трамбл Джон (1757—1844), американский художник I 408, 534
- Трессан Луи де Лавернь, граф де (1705—1783), французский писатель II 342—343, 535
- Туре Николаус Фридрих (1767—1845), архитектор (Штутгарт) II 32, 58, 61, 78, 94, 96, 115, 117, 121, 178—179, 246, 254—255, 480, 494, 504—505
- Тэйлор Уильям, английский литератор I 52—53, 477
- Тьеро Поль Эмиль (1780—1831), скрипач II 295, 526
- Тюммель Мориц Август (1738—1817), писатель (Гота) I 164, 498
- Ульрих Иоганн Август Генрих (1746—1813), профессор философии в Иене с 1781 г. II 339—340
- Унгер Иоганн Фридрих Готлиб (1753—1804), издатель (Берлин) I 46, 66—68, 83, 93, 96, 105, 133, 144, 152, 161—162, 171, 191, 262, 476—477, 505, 507; II 55, 81, 97, 223, 241, 352, 379, 480, 490—491, 513, 537
- Унцельман Карл Вольфганг (1786—1843), актер веймарской труппы в 1802—1821 гг. II 463, 466—467, 559
- Унцельман Фридерика Августа (1760—1815), актриса (Берлин) II 197, 374, 465, 493, 508, 559
- Уолпол Гораций (1717—1797), английский писатель II 68—70, 485
- Уорбек Перкин (ок. 1470—1499), претендент на английский престол II 251—252, 517, 537
- Уц Иоганн Петер (1720—1796), поэт (Ансбах) I 230—231, 506
- Уэст Бенджамен (1738—1820), английский художник I 408, 534
- Фазелиус Иоганн Христиан, городской писарь в Иене I 325
- Фациус Фридрих Вильгельм (1764—1843), художник-медальер (Веймар) I 153, 212, 496; II 116, 139
- Фент Иоганн Кристоф Готлоб (1752—1822), военный инженер (Веймар) I 421
- Феокрит (ок. 310—ок. 250 до н. э.), греческий поэт I 514
- Фернов Карл Людвиг (1763—1808), философ и историк искусства (с 1794 г. жил в Риме; в 1803—1804 гг.— профессор в Иене, позднее — Веймар) I 99—100, 112—113, 115, 178, 315, 317, 373, 485, 488, 500, 520; II 426, 430—432, 434, 517, 552—553
- Фивег Иоганн Фридрих (1761—1835), издатель (Берлин, Брауншвейг) I 312—313, 520—521; II 57, 81, 101, 143, 496, 509
- Филибер Жан Шарль (1768—1811), французский ботаник II 305, 528
- Филипп II (1527—1598), король Испании с 1555 г. I 68
- Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814), в 1794—1799 гг.— профессор философии в Иене; позднее жил в Османштедте, Берлине, Эрлангене I 40, 63, 71, 78, 101—102, 111—114, 148, 151, 171, 324, 388, 475, 479, 481, 485—487, 500, 521; II 91—92, 131, 133, 186, 214, 239, 277, 313—314, 426, 489, 496, 504, 506, 515, 521, 530, 550
- Фишер Карл, преподаватель в Иене II 70, 485
- Фишер фон Вальдхейм Готхельф (1771—1853), зоолог (Лейпциг) I 301, 306, 518
- Флейшман Фридрих (1766—1798), композитор (Гота) II 23, 95, 479, 490
- Флек Иоганн Фридрих Фердинанд (1757—1801), актер (Берлин) II 325, 327, 329, 532
- Флек Софи Луиза (1777—1846), актриса (Берлин), жена И.-Ф.-Ф. Флека II 193, 325
- Фогель Вильгельм (1772—1843),

- драматург и актер (Мангейм) II 289, 524
- Фойгт Иоганн Генрих (1751—1821), профессор математики в Иене I 89—90, 149, 483
- Фойгт Иоганн Карл Вильгельм (1752—1821), горный инженер (Ильменау) I 277, 514
- Фойгт Христиан Готлоб (1743—1819), член Тайного Совета в Веймаре I 97, 124, 255, 316, 321, 324—325, 371, 445, 485, 507, 522; II 77, 186, 239, 274, 285, 295, 324—325, 390, 433, 447, 496, 523, 543, 550
- Фойгт Христиан Готлоб (1774—1813), чиновник в Веймаре, сын Х.-Г. Фойгта II 129, 139, 496
- Фойгт, книготорговец в Иене I 71, 480
- Фолькман Иоганн Якоб (1732—1803), литератор и знаток древностей (Лейпциг) I 246—247, 510
- Форберг Фридрих Карл (1770—1848), философ (Заалфельд) II 97, 491, 504
- Форстер Иоганн Рейнгольд (1729—1798), естествоиспытатель и литератор II 482
- Фос Иоганн Генрих (1762—1804), актер веймарской труппы в 1792—1802 гг. II 146, 188, 216, 218, 282, 323, 328, 499, 506, 512
- Фос Фридерика Маргарита (1777—1860), актриса веймарской труппы в 1792—1802 гг., жена И.-Г. Фоса II 62, 226, 257, 291, 382, 385, 513, 518
- Фосс Иоганн Генрих (1751—1826), поэт и переводчик (с 1782 г. жил в Эйтине, в 1802—1805 гг. — профессор классической филологии в Иене) I 101—102, 111, 142—143, 156, 171, 187—188, 190—191, 246, 273, 279—280, 295—296, 351—352, 370, 442, 475, 480, 485—487, 493, 496, 500, 504, 510, 514, 516—517, 525—526, 537; II 8, 57, 62, 92, 243, 253, 265—267, 311, 416—417, 432—433, 448, 476, 484, 517, 519, 530, 548, 552
- Франклин Бенджамен (1706—1790) II 30
- Франц (1750—1806), герцог Саксен-Кобург-Заалфельдский с 1800 г. II 67
- Франциск Эразм (собств. Эразм фон Финкс, 1627—1694), писатель II 7—8, 12, 16, 18, 476
- Френцль Фердинанд (1770—1833), скрипач (Мангейм) II 95
- Фридрих III Мудрый (1463—1525), курфюрст Саксонии с 1486 г. II 116, 494
- Фридрих V (1596—1632), курфюрст Пфальц-Зиммерна с 1610 г., король Чехии в 1619—1621 гг. II 183, 505
- Фридрих Вильгельм I (1688—1740), король Пруссии с 1713 г. II 471, 560
- Фридрих Вильгельм II (1744—1797), король Пруссии с 1786 г. I 233; II 171, 469, 503
- Фридрих Вильгельм III (1770—1840), король Пруссии с 1797 г. II 87, 121, 211—212, 224, 489, 495, 510, 512—513
- Фридрих Вильгельм Карл (1754—1816), герцог Вюртемберга с 1797 г. I 406—407; II 141
- Фридрих Евгений (1732—1797), герцог Вюртемберга с 1795 г. I 523, 525
- Фридрих Христиан II (1765—1814), герцог Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Августенбургский с 1794 г. I 56, 59, 478
- Фрич Карл Вильгельм фон (1769—1851), статский советник в Веймаре II 211—213, 511
- Фроман Карл Фридрих Эрнст (1765—1837), издатель (Иена) II 305, 309, 419, 421
- Фуке Фридрих Генри Карл де ла Мотт (1777—1843), писатель II 547
- Фукидид (ок. 460—ок. 400 до н. э.) I 462
- Функ Карл Вильгельм Фердинанд фон (1761—1828), саксонский офицер, друг Шиллера I 176, 242, 267, 501, 506, 512

- Фуэнтес Хорхе (1765—1821), театральный художник (в 1796—1805 гг. работал во Франкфурте) I 392—393, 533
- Фюссли Иоганн Генрих (1741—1825), художник (Лондон) II 29
- Хаарбауэр Йозеф Франц (1776—1824), врач (Иена) II 330
- Хайде Фридрих Иоганн Михаэль Яков (1770—1832), актер веймарской труппы с 1793 г. II 146—147, 282, 356, 422, 499
- Хейнрих Кристоф Готлоб (1748—1810), профессор истории в Иене II 339
- Хинценштерн Фридрих Август фон (1770—1830), камергер Веймарского двора II 375
- Хладни Эрнст Флоренц Фридрих (1756—1827), физик и музыкант II 407, 409—410, 546
- Хогарт Уильям (1697—1764) I 533; II 542
- Хорнер Иоганн Яков (1772—1831), теолог и литератор, профессор философии в Цюрихе I 429, 536
- Хорст Георг Конрад (1767—1832), пастор в Линдхейме, литератор I 381—382, 531
- Цан Христиан Яков (1765—1830), адвокат (Штутгарт) I 54—55
- Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.) II 376, 541
- Цельнер Иоганн Фридрих (1753—1804), педагог и публицист (Берлин) I 272
- Цельтер Карл Фридрих (1758—1832), композитор (Берлин) I 183, 191, 193—194, 254—256, 380, 385, 445, 447—448, 503, 505, 511, 531; II 380, 383, 391, 407, 420, 457, 541—543, 546, 549, 557
- Цигезар Август Фридрих Карл фон (1746—1813), член Тайного Совета и канцлер в Саксен-Гоге II 296, 338
- Циглер Фридрих Юлиус Вильгельм (1759—1827), драматург (Вена) I 166, 443, 499
- Циммерман Карл Вильгельм (1766—?), актер веймарской труппы в 1802—1804 гг. 414, 451, 556
- Цумштег Иоганн Рудольф (1760—1802), композитор (Штутгарт), друг юности Шиллера I 380—381, 453, 531, 538; II 370, 540
- Челлини Бенвенуто (1500—1571) I 119, 172, 174—175, 181, 183—186, 189—190, 192, 198, 212, 214, 222—223, 229—230, 232, 239—240, 260, 262—265, 267, 280, 291, 300—301, 309—311, 314, 316, 318—319, 328, 330—333, 354—357, 359, 407, 489, 500, 504, 523; II 65, 484—485, 545, 554
- Чимароза Доменико (1749—1801), итальянский композитор I 315, 520; II 14, 34, 69, 212, 286, 477, 480, 485, 511, 523
- Чуди Эгидий (1505—1572), швейцарский хронист I 433, 536
- Шад Иоганн Баптист (1758—1834), профессор философии в Иене II 384, 542
- Шалье Карл Генрих, актер веймарской труппы в 1795—1803 гг. I 516; II 411
- Швейгхойзер Иоганн Готфрид (1776—1844), литератор II 71—73, 486
- Шекспир Уильям (1564—1616) I 87, 240, 327, 330, 343, 449—450, 509, 522, 527, 537—538; II 99, 267, 276, 283, 287, 289—290, 321, 425, 427—428, 450—451, 491, 518, 520—521, 523, 526, 550—551, 556
- Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854), в 1798—1803 гг. экстраординарный профессор философии в Иене (позднее — доцент в Вюрцбурге) II 8, 12—13, 17, 58, 77, 92, 103, 125, 147—148, 164, 177—179, 204, 230, 296, 298, 330—331, 336, 344—345, 364, 366, 372—374, 378, 405, 412, 421, 432, 477, 487, 489, 492, 500, 509,

- 514—515, 518, 526, 529, 533, 536, 539—541, 549, 551
- Шельвер Фридрих Йозеф (1778—1832), профессор ботаники в Иене в 1803—1807 гг. II 430, 552
- Шёнгауэр Мартин (1445—1491), художник II 166, 503
- Шерер Александр Николаус (1771—1824), горный инженер (Веймар) II 120, 125, 254, 257, 259
- Шеридан Ричард Бринсли (1751—1816), английский драматург II 234, 289, 515, 524
- Шеффауэр Филипп Якоб (1756—1808), скульптор, профессор Академии художеств в Штутгарте I 253—254, 407
- Шиллер Иоганн Каспар (1723—1796), отец Шиллера (Штутгарт) I 250, 510
- Шиллер Карл Фридрих Людвиг (1793—1857), сын Шиллера I 50, 84, 105—107, 111, 114, 125, 136, 145, 182, 223, 228—229, 246, 306, 363—364, 386, 421, 423, 486, 529; II 94, 178, 233, 255, 258, 273—274, 344, 354, 357, 360, 457, 465—466, 520
- Шиллер Каролина Генриэтта Луиза (1799—1850), дочь Шиллера II 246, 262—263, 266, 269, 299, 344, 360, 457, 465—466, 519, 521, 527
- Шиллер Каролина Нанетта (1777—1796), сестра Шиллера (Штутгарт) I 250, 510
- Шиллер Луиза Доротея Катарина (1766—1836), сестра Шиллера (Штутгарт) I 250, 510
- Шиллер Шарлотта (урожд. Ленгефельд, 1766—1826), жена Шиллера I 45, 50, 53, 55—56, 74, 82, 84—85, 98, 103—105, 107, 111—115, 117, 121—122, 125—130, 132, 136—138, 140—142, 144—145, 154, 157—158, 165, 168, 170—174, 176, 181—184, 188, 190, 194, 196—197, 204, 212, 215, 220, 223, 228—231, 234—237, 241, 243—244, 246, 248, 254, 270, 274, 285, 306, 314, 316, 319, 324, 326—327, 329—330, 332, 335, 338, 340, 353—355, 358, 361, 363—364, 374—376, 378—380, 382, 384, 386—387, 391, 399, 403, 405, 415, 421, 423, 425, 431—433, 438, 441, 451—452, 456, 460—462, 467, 473, 497, 522, 536, 539—540; II 7—8, 16, 19, 23—24, 28, 34—35, 40—41, 43, 46, 48, 50, 53, 55—57, 61, 64—66, 68—76, 78—79, 84—85, 89—90, 92, 94—95, 97, 100—105, 109—114, 116, 119, 125—127, 129, 131—132, 135, 137, 141—142, 146—148, 152, 154, 156—162, 166—174, 176, 178, 180—181, 184—185, 190—191, 193—199, 201, 203—207, 209—210, 213—215, 217—219, 221—222, 224—229, 231, 233—235, 239, 241—243, 245—251, 253—256, 258—263, 266—277, 279, 282, 284—285, 292—294, 296, 299, 301—302, 304, 307, 309—310, 316—317, 319, 344, 350, 352, 354, 357, 360—361, 377, 383, 385, 397, 399, 409—410, 412—413, 436, 443, 457, 460, 465—466, 484, 487—488, 492, 507, 515—516, 520, 522, 535—536, 541, 549, 553
- Шиллер Элизабет Доротея (1732—1802), мать Шиллера (Штутгарт) II 250, 390, 543
- Шиллер Эмилия Генриэтта Луиза (1804—1872), дочь Шиллера II 457, 466, 557
- Шиллер Эрнст Фридрих Вильгельм (1796—1841), сын Шиллера I 228—230, 234—236, 241, 306, 322, 331—333, 335, 338, 343—344, 386, 431, 438, 506; II 94, 178, 233, 242, 255, 258, 344, 349, 360, 397, 465—466, 521
- Шиммельман Эрнст Генрих фон (1747—1831), датский министр финансов I 515; II 276
- Шиммельман Шарлотта фон (1757—1816), его жена I 281, 515; II 190, 507
- Шлегель Август Вильгельм (1767—1845), с 1795 г. жил в Иене, с 1801 г.— в Берлине; с 1804 г.— спутник мадам де

- Сталь в путешествиях по Европе I 145, 160, 162, 176, 186, 188, 228—229, 231, 245, 263—264, 271, 273, 291, 302, 359—360, 379—380, 383—384, 413, 415, 424—425, 431, 463—464, 494, 497, 501, 504, 506, 512—513, 527, 531—532, 534—536, 539; II 55—57, 74—75, 89, 92, 98—99, 106, 108—109, 119—123, 193, 235, 237, 248—251, 267, 277, 295, 299, 301, 329—330, 425, 427, 428, 448—449, 483, 486, 489, 491, 493, 495, 515—516, 520—521, 525—527, 533, 538, 541, 547, 550—551, 555
- Шлегель Доротея (1763—1839), писательница; в 1798 г. оставила мужа (берлинского банкира С. Фейта) ради Фридриха Шлегеля, за которого вышла замуж в 1804 г. II 340—341, 514, 535
- Шлегель Иоганн Элиас (1719—1749), писатель и теоретик искусства; дядя Августа Вильгельма и Фридриха Шлегелей I 273, 513
- Шлегель Каролина (1763—1809), жена Августа Вильгельма Шлегеля в 1796—1803 гг., позднее — жена Фридриха Шеллинга I 228—229, 231, 258—259, 291, 302, 506, 511, 516—518; II 56, 92, 108, 298, 526, 549
- Шлегель Фридрих (1772—1829), жил в Дрездене в 1794—1796 гг.; в Иене в 1796—1797 гг.; в Берлине в 1797—1801 гг. (позднее — Париж, Дрезден, Кёльн) I 245, 273, 275—276, 285, 291, 306, 330, 345—346, 354, 464, 486, 509—510, 513, 515, 517—518, 522, 525—526; II 7—8, 41, 119—120, 122—123, 132, 195, 231—233, 248—251, 299, 303, 305, 319, 321, 330, 339—341, 386—387, 389—390, 415, 476, 491, 495, 497, 507, 514, 516, 528, 534—535, 541, 543, 547
- Шлейермахер Фридрих (1768—1834), философ и теолог (Берлин, в 1804—1810 гг. профессор теологии в Галле) II 119—120, 123, 495, 514
- Шлёцер Август Людвиг фон (1735—1809), историк, профессор политических наук в Гёттингене с 1767 г. II 469, 560
- Шлихтегроль Адольф Генрих Фридрих (1765—1822), литератор (Гота) I 271—273, 513
- Шлоссер Иоганн Георг (1739—1799), литератор и юрист (с 1794 г. жил в Эйтине, с 1797 г. — во Франкфурте); муж сестры Гете, Корнелии I 240, 246, 354, 417, 422—423, 508, 510, 526; II 41—43, 268, 481, 520
- Шмальц Теодор Антон Генрих (1760—1831), профессор права в Кёнигсберге с 1789 г.; в Галле — с 1803 г. II 423, 549
- Шмид Зигфрид (1774—1825), поэт (Фридберг) I 382—383, 388—389, 397, 531—532
- Шмид Карл Христиан Эрхард (1761—1812), профессор теологии в Иене I 89—90, 314, 316, 320, 484, 520
- Шмидт Иоганн Кристоф (1727—1807), член Тайного Совета в Веймаре I 316, 520; II 390, 543
- Шмидт Фридрих Вильгельм Август (1764—1832), поэт (Вернойхен) I 539
- Шнаус Христиан Фридрих (1720—1797), член Тайного Совета в Веймаре I 457, 539
- Шнорр фон Карольсфельд Фейт Ганс Фридрих (1764—1841), художник (Лейпциг) II 311
- Шохер Христиан Готхольд (1736—1810), художник (Лейпциг) I 41, 475
- Шпанглер Иоганн Самуэль, актер веймарской труппы II 323
- Шпренгель Курт Поликарп Иохим (1766—1833), профессор ботаники в Галле II 396—397, 544
- Шрёдер Фридрих Людвиг (1744—1816), актер, директор театра в Гамбурге в 1771—1798 гг. I 240, 509; II 54—55, 82—85, 88—90, 149—150,

- 152, 157—159, 161, 192, 483, 487—488, 500—501, 507, 524
- Шрейфогель Йозеф (1768—1832), драматург (Иена, с 1802 г.—Вена) I 66, 479
- Шрётер Иоганн Иероним (1745—1816), астроном (Лициенталь близ Бремена) II 253, 517
- Шрётер Корона (1751—1802), актриса (Веймар, Ильменау) II 523
- Штарк Иоганн Христиан (1753—1811), профессор медицины в Иене с 1779 г. I 228; II 268—272, 333—334
- Штарке Карл (?—1810), художник-гравёр (Веймар) I 256, 259, 270, 288
- Штейгентеш Август Эрнст фон (1774—1826), австрийский офицер, поэт-любитель I 382, 384, 402—403, 503, 531; II 249—250
- Штейн Фридрих Константин, барон фон (1772—1844), сын Шарлотты Штейн, воспитанник Гете; в 1794—1798 гг. камер-юнкер Веймарского двора (позднее — прусский офицер) I 99
- Штейн Шарлотта Альбертина Эрнестина, баронесса фон (1742—1827), подруга Гете (Веймар) I 501; II 275, 289
- Штейн, оптик в Веймаре II 245, 516
- Штейнбрюхель Иоганн Якоб (1729—1796), литератор и педагог (Цюрих) II 74, 486
- Штольберг Фридрих Леопольд, граф фон (1750—1819), писатель и публицист (Эйтин) I 66, 146, 148—150, 153, 163, 189, 234—235, 240, 246, 269, 479, 482, 494—495, 498, 507, 509—510.
- Штольберг Христиан, граф фон (1748—1821), писатель (Эйтин), брат графа Ф.-Л. фон Штольберга I 163, 189, 498
- Шубарт Христиан Фридрих Даниэль (1739—1791), писатель и публицист II 14, 477
- Шульце Карл Адольф (1758—1818), бургомистр Веймара II 376—377, 541
- Шютц Иоганн Готфрид (1769—1848), пастор (Бюкебург) II 357
- Шютц Христиан Готфрид (1747—1832), профессор красноречия в Иене с 1779 г.; в Галле — с 1804 г.; редактор иенской «Всеобщей литературной газеты» в 1785—1804 гг. I 56, 76, 83—84, 101, 112, 160, 162, 164, 271, 273, 478, 482; II 102, 164, 298, 364, 424, 491, 502, 526, 550—551
- Эбелинг Кристоф Даниэль (1741—1817), литератор и педагог (Гамбург) I 294—295, 516
- Эберхард Иоганн Август (1739—1809), профессор философии в Галле I 276
- Эглофштейн Вольфганг Готлоб Кристоф, барон фон (1766—1815), гофмаршал Веймарского двора II 274
- Эглофштейн Каролина, баронесса фон (1767—1828), жена В.-Г.-К. фон Эглофштейна II 29
- Эзер Адам Фридрих (1717—1799), художник (Лейпциг) II 220
- Эйлерс Вильгельм (1774—1845), певец (Веймар) II 383, 392, 419, 548
- Эйнзидель Фридрих Хильдебранд фон (1750—1828), веймарский придворный (с 1802 г. член Тайного Совета), литератор I 444, 459, 537; II 32—33, 36, 394, 410, 412, 429—430, 454, 480, 544, 546, 551, 557
- Эйхгорн Иоганн Готфрид (1752—1827), профессор восточных языков в Гёттингене I 336, 340, 523
- Эйхштедт Генрих Карл Абрахам (1772—1848), профессор поэтического искусства и красноречия в Иене с 1803 г. II 424, 456—457, 481, 550
- Экардт Иоганн Христиан Людвиг

- (1732—1800), профессор права в Иене II 390, 543
- Экебрехт Иоганн Фридрих (1746—1797), декоратор веймарского театра I 169
- Эккартсгаузен Карл фон (1752—1803), философ и литератор (Мюнхен) II 288—289, 524
- Эккель Йозеф Иларий фон (1737—1798), нумизмат (Вена) II 407, 546
- Эльс Карл Людвиг (1771—1833), актер веймарской труппы с 1803 г. II 414, 460, 463—465, 558
- Энгель Иоганн Яков (1741—1802), писатель (Берлин) I 60, 132, 148, 159, 292, 475, 491, 495, 497, 516
- Эразм Роттердамский (1466—1536) I 462, 539
- Эрксleben Иоганн Христиан Поликарп (1744—1777), физик I 145, 495
- Эрнст II (1745—1804), герцог Саксен-Готский с 1772 г. I 271—272, 496; II 429
- Эрнульф (1040—1124), епископ Рочестерский II 83, 488
- Эргаль Фридрих Карл Йозеф фон (1719—1802), архиепископ и курфюрст Майнцский с 1774 г. I 133, 492
- Эсхил (525—456 до н. э.) I 378; II 215, 321, 531
- Эшен Фридрих Август (1776—1800), поэт и переводчик (Иена, с 1799 г.—Цюрих) II 92, 311, 490, 530
- Эшенбург Иоганн Иоахим (1743—1820), переводчик и критик (Брауншвейг) I 189, 265, 280, 509, 538; II 276—277, 289, 521, 524
- Эшенмайер Адам Карл Август (1768—1852), профессор медицины в Тюбингене II 106
- Эшер Иоганнес (1767—1823), швейцарский политический деятель (Цюрих) I 232, 284—285, 357, 428, 507, 527
- Ювенал Децим Юний (ок. 60—ок. 140) римский поэт I 234, 508, 521
- Юлиан Отступник (собств. Флавий Клавдий Юлиан, 331—363), римский император с 361 г. II 9—10, 12, 341, 477
- Ягеман Генриэтта Каролина Фридерика (1777—1848), актриса веймарской труппы с 1797 г. I 312—313, 317, 519; II 182, 226, 290—291, 382, 413—414, 422, 513, 524, 547
- Яков Людвиг Генрих фон (1759—1827), профессор философии в Галле I 142—143, 493
- Якоби Максимилиан Карл Виганд (1775—1858), студент медицинского факультета в Иене в 1795—1799 гг. (позднее — врач в Аахене), сын Фридриха Якоби I 289, 300, 317—319, 516, 520; II 78—79, 487
- Якоби Фридрих Генрих (1743—1819), писатель и публицист; в 1794—1804 гг. жил в Эйтине, Вандсбеке, Гамбурге, с 1804 г.— президент Академии наук в Мюнхене I 53, 55, 82—83, 91, 93, 99, 111, 116, 127, 153, 246, 283, 285, 475, 477, 482—483, 485, 488, 490, 510, 515; II 232, 236—237, 487, 514—515

Гете И.-В., Шиллер Ф.

Г 44 Переписка: В 2-х т. Т. 2/Пер. с нем. и коммент.
И. Е. Бабанова.— М.: Искусство, 1988.— 587 с.—
(История эстетики в памятниках и документах).

Свод писем, которыми обменялись выдающиеся немецкие поэты И.-В. Гете (1749—1832) и Ф. Шиллер (1759—1805) в 1794—1805 гг., представляет собой целостный и уникальный памятник мировой литературы. «Переписка Гете и Шиллера» в полном объеме публикуется на русском языке впервые. Второй том охватывает переписку 1798—1805 гг. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Г $\frac{0302060000-136}{025(01)-88}$ 15-88

ББК 84.(4Г)

И.-В. ГЕТЕ, Ф. ШИЛЛЕР

ПЕРЕПИСКА

т. 2

История
эстетики
в памятниках
и документах

Редакторы
А. В. МИХАЙЛОВ, В. С. ПОХОДАЕВ

Художник серии
А. Т. ТРОЯНКЕР

Художник
В. М. МЕЛЬНИКОВ

Художественный редактор
И. В. БАЛАШОВ

Технический редактор
Е. З. ПЛОТКИНА

Корректор
Е. А. МЕЩЕРСКАЯ

И.Б. 2812. Сдано в набор 20.10.87. Подп. к печ. 04.11.88. Формат издания 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура типа таймс. Высокая печать. Усл. печ. л. 31,08. Усл. кр.-отт. 30,24. Уч.-изд. л. 32,843. Изд. № 17598. Тираж 25 000. Заказ 2024. Цена 2 р. 70 к. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

В серии

ИСТОРИЯ
ЭСТЕТИКИ
В ПАМЯТНИКАХ
И ДОКУМЕНТАХ

* В 1989 году выходит:

Сталь Ж. де. О литературе: Пер. с фр. 30 л., 2 р. 80 к., 1989 (II кв.).

Сборник эстетических работ талантливой французской писательницы конца XVIII — начала XIX века Ж. де Сталь открывается трактатом «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями». В этом аналитическом обзоре европейской литературы (от периода античности до эпохи Великой французской революции) Ж. де Сталь обращает внимание в первую очередь на взаимозависимость литературы и «общественных установлений» — политики, религии, нравов, рассматривает процесс развития литературы как аргумент в пользу теории о бесконечном совершенствовании человеческого разума. Этот трактат оказал огромное влияние на французскую и европейскую эстетическую мысль XIX века. В сборник вошли также статьи «О нравственной цели «Дельфины», «О духе переводов» и «Опыт о вымысле». Все работы переводятся на русский язык впервые.

* * *

Объем, цена и срок выпуска указаны ориентировочно.

В серии

ИСТОРИЯ
ЭСТЕТИКИ
В ПАМЯТНИКАХ
И ДОКУМЕНТАХ

В 1990 году выходит:

Розанов В. В. Статьи о литературе и искусстве:
33 л., 3 р., 1990 (III кв.).

Литературно-эстетическое наследие В. Розанова, русского писателя, публициста, мыслителя, до сих пор остается малоизученным, между тем как без этой яркой, сложной, противоречивой фигуры трудно представить подлинную картину культурной жизни России начала XX века. Создатель своеобразного жанра философско-эстетических эссе, Розанов с предельной откровенностью обнажает перед читателем «грязь» и «нежность» своей души, порою сознательно идя на «скандал» во имя своих представлений о смысле жизни, развитии мировой культуры, диалектики отношений любви и смерти, искусства и религии.

В книге собраны работы Розанова различной проблематики и разных лет: от «Легенды о Великом инквизиторе» (1891 г.) — критическом комментарии к эстетике Ф. Достоевского, — принесшей автору первый успех, до обширных фрагментов из последних произведений, богатых парадоксальными, часто спорными размышлениями о русской литературе и искусстве XIX — начала XX века.

* * *

Объем, цена и срок выпуска указаны ориентировочно.